

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных статей, посвящённый 160-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского, 80-летию филологического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и 80-летию Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

В 2 частях
Часть 1

Гродно
ГрГУ им. Янки Купалы
2020

УДК 81'1
ББК 81.0
С47

Рекомендовано Редакционно-издательским советом
ГрГУ им. Янки Купалы

Редакционная коллегия:

Т. А. Пивоварчик (гл. ред.), *А. А. Булгакова, И. А. Герасимчик,*
А. В. Зезюлевич, Е. Т. Костюшко, Е. А. Кубасов, И. И. Минчук,
А. А. Мурашов, Т. В. Сивова

Рецензенты:

С. А. Важник, кандидат филологических наук, доцент (БГУ);
А. В. Никитевич, доктор филологических наук, профессор
(ГрГУ им. Янки Купалы)

С47 **Славянский мир** и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. ст., посвящ. 160-лет. со дня рождения акад. Евфимия Фёдоровича Карского, 80-лет. филол. фак. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы и 80-лет. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы : в 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2020. – 398 с.

ISBN 978-985-582-371-2 (ч. 1)

ISBN 978-985-582-370-5

В юбилейном издании содержатся результаты исследований, представленных на XV международных Карских чтениях, посвящённых изучению и развитию научного наследия академика Е. Ф. Карского. По структуре сборник состоит из двух частей. Первая часть включает историко-публицистический очерк «Карские чтения сквозь призму времени и памяти» (автор – профессор М. И. Конюшкевич), наиболее полную библиографию работ об академике Е. Ф. Карском (автор – правнук академика А. А. Карский), а также три раздела, в которых представлены статьи о Е. Ф. Карском, его наследии, актуальных вопросах современного языкознания. Во второй части сборника опубликованы результаты исследований в области медиалингвистики, коммуникативистики, литературоведения и педагогики. Адресовано научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, студентам, учителям-словесникам, журналистам, специалистам по информации и коммуникации.

УДК 81'1
ББК 81.0

ISBN 978-985-582-371-2 (ч. 1)
ISBN 978-985-582-370-5

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2020

РАЗДЕЛ 1
АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81'1

М. И. Конюшкевич

КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ И ПАМЯТИ

*80-летию Гродненского государственного
университета имени Янки Купалы,
80-летию филологического факультета
посвящается*

Очерк знакомит читателя с историей Карских научных чтений, проводимых в течение 30 лет в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы в честь выдающегося ученого-слависта, автора знаменитого многотомного труда «Белорусы», уроженца Гродненщины, академика Евфимия Федоровича Карского. Приводятся фрагменты писем, документов, воспоминаний о Карских чтениях и мероприятиях, сопряженных с данным форумом. Дается обзор докладов всех 14 чтений, проведенных за 30 лет в ГрГУ имени Янки Купалы; автор рассказывает о Карскиане – биографии и трудах Е. Ф. Карского, о современной лингвистике в свете наследия академика Е. Ф. Карского. Освещаются проблематика и научные достижения лингвистических школ Гродненского университета, дается оценка значения Карских чтений для современной гуманитарной науки.

Ключевые слова: лингвистика, Е. Ф. Карский, Международные Карские чтения, Карскиана, лингвистические школы.

Поводом для появления этого очерка стало много совпадений.

Первое. Карским научным чтениям 30 лет! **Второе.** Карских чтений полукруглое количество – в 2020 г. состоятся пятнадцатые. **Третье.** В самом конце 2020 г. и 1 января 2021 г. исполнится 160 лет со дня рождения выдающегося слависта, автора бессмертного труда «Белорусы», академика Евфимия Федоровича Карского, в честь которого и учреждены Карские научные чтения. **Четвертое.** В 2020 г. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы отмечает 80-летие. **Пятое.** 80 лет празднует в этом году и филологический факультет ГрГУ имени Янки Купалы.

В предлагаемой книге все эти совпадения сконцентрировались в одной точке – в Карских чтениях, чтобы **сквозь призму времени** рассмотреть, что мы узнали о Е. Ф. Карском, как оценили его наследие и что из него взяли для себя и для своих учеников, каковы и наши собственные научные приращения. Чтения ведут свой отсчет с рождения суверенной Беларуси и в той или иной мере связаны со всеми динамическими переменами, происходящими в университете, в стране, в других государ-

ствах. И об этом нельзя не сказать, ибо все, что происходит в обществе, происходит и в науке, а между наукой и людьми науки существует прямо пропорциональная связь.

А еще на каждом чтении мне приходилось постоянно слышать вопрос: «Почему Карские чтения проводит кафедра русского языка, а не белорусского?».

На этот вопрос более обстоятельный ответ дается в самом начале книги. Здесь же вспомню, как польский коллега, известный белорусист, профессор Университета в Белостоке (Польша) *Михал Кондратюк*, приехавший на Карские чтения, спросил: «Чаму Вы, беларуска, добра размаўляеце па-беларуску, любіце беларускую мову, а займаецеся рускай мовай?» Я ему ответила: «Шаноўны і дарагі мой калега! І Яўхім Карскі, і Вы, і я, і ўсе мы, што тут сабраліся, займаліся і займаемца чалавечай мовай, а ў якой нацыянальнай сукенцы яна выступае, – гэта ўжо справа прыватная. Галоўнае, што гэтая мова ў нас ёсць, што нас яна яднае і ў яе багатая палітра фарбаў». Пан Кондратюк засмеялся: «Дайце я Вас пацалую» – и протянул мне шоколадку.

Пусть не сочтут читатели за нескромность, но первый импульс о проведении научных чтений в честь выдающегося ученого-белорусоведа Евфимия Фёдоровича Карского исходил от меня, заведующего тогда кафедрой русского языка. И едва ли это было случайностью. Помню, будучи еще студенткой первого курса нашего тогда Гродненского государственного педагогического института имени Янки Купалы, я гостила у своей однокурсницы в деревне Лаша Гродненского района и, проходя мимо здания Лашанской школы, прочла на мемориальной доске, что здесь родился Е. Ф. Карский. Имя ученого мне было только знакомо, я не читала его трудов, но меня поразил сам факт: отсюда, из небольшой белорусской деревни, началась дорога в мир такого известного ученого!

Это воспоминание превратилось много позднее в вопрос: как же так, близко от этого места есть филологический факультет, есть университет, а такое имя не так уж и часто вспоминаем?

А потом уже стала складываться и определенная цепочка, словно сама судьба соединяла ее звенья: изучение трудов Е. Ф. Карского познакомило и связало меня со многими интересными людьми – с моим научным руководителем, профессором Белорусского государственного университета, русистом и белорусистом, *Павлом Павловичем Шубой*; с историком языка профессором Вильнюсского университета *Лилией Васильевной Судавичене*; с *Аллой Степановной Белой*, доцентом Нежинского государственного университета имени Н. В. Гоголя, стараниями которой, как будет рассказано ниже, была обогащена

Карскиана; с профессором *Майей Владимировной Всеволодовой* и ее коллегами из Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; с профессором *Лилией Рашидовной Дускаевой* и ее коллегами из Санкт-Петербургского государственного университета...

В названии книги есть еще одна составляющая – **сквозь призму памяти**. Автор этих строк – дважды выпускница Гродненского государственного университета, проработала в alma mater почти 40 лет. 30 лет Карских чтений – часть этого стажа. А за это время столько интересных людей посчастливилось узнать, столько было встреч, знакомств, идей, дискуссий, проектов, планов... Как можно об этом не помнить?

Мне хотелось показать, что Карские чтения дороги и интересны не только мне. Они нужны, интересны и дороги многим. Поэтому в книге приводятся фрагменты писем, документов, цитат, выступлений, воспоминаний.

На канве Карских чтений тысяча ученых (а именно столько насчитывается участников чтений за эти три десятилетия) создавали затейливый узор лингвистики, ее становления, роста, развития, – такой, какой она виделась им у Е. Ф. Карского и его времени, какой она меняла свою парадигму в наше время, какой она видится в будущем.

Проведение XV Карских чтений в преддверии 160-летия со дня рождения Евфимия Федоровича Карского – своего рода наш отчет перед Евфимием Федоровичем и заверение в верности его заветам.

Есть символический смысл в том, что юбилейные чтения проходят в юбилейный год филологического факультета и Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. А как мечтал, как радел, сколько усилий прикладывал сто лет назад Евфимий Федорович Карский для создания хоть одного белорусского университета в Минске! И вот он, классический университет, один из крупнейших и ведущих вузов Беларуси, – на родной ему Гродненщине! Разве это не подарок юбиляра юбиляру?!

I. Краткий экскурс в историю Карских чтений

1. Рождение идеи. Конечно, идеи обычно приходят сначала в одну голову, но воплощаются-то они в жизнь коллективно, людьми, которые эту идею понимают, принимают, поддерживают и развивают. Так получилось и с кафедрами. На кафедре русского языка работали (а некоторые и продолжают работать) главным образом специалисты по двум научным специальностям (русский язык и белорусский язык) – автор этих строк, доценты *Л. И. Смольская*, *В. Л. Леценко*, *С. А. Горская*, *С. Я. Кострица*, *Т. А. Пивоварчик*, старший преподаватель *Г. Н. Жданеня*; прямое

отношение к белорусскому языку имеют историки языка (ведь исторические корни у обоих языков одни) доценты *Н. С. Гребенищикова*, *С. М. Антонова*; кандидатские диссертации по двум специальностям защитили и бывшие аспиранты кафедры *И. А. Чепикова*, *Е. П. Пустошило*.

«Чистым» русистам кафедры – тогда доценту, ныне профессору *А. В. Никитевичу*, преподавателям *А. Ю. Станкевич*, *П. С. Прибыловскому* имя Карского также не чуждо, ведь и по биографии, и по научному наследию, и по своей педагогической и академической деятельности *Е. Ф. Карский* был связан с русским языком. Более того, именно сравнение с русским, равно как и с другими языками, он использовал в качестве доказательства того, что белорусский язык представляет собой самостоятельную языковую систему.

Отметим, что и научные темы кафедры русского языка всегда были связаны с изучением функционирования русского и белорусского языков в изменяющихся геополитических и социокультурных условиях.

Более того, к организации чтений, к работе редакционного коллектива при подготовке материалов чтений к изданию привлекались и коллеги с кафедры белорусского языка – профессор *П. В. Стецко*, доценты *З. П. Данильчик*, *Т. И. Томашевич* и др. Так что Карские чтения превратились в детище всего филологического факультета ГрГУ имени Янки Купалы, наряду с Купаловскими чтениями, организуемыми белорусоведческими кафедрами в честь Янки Купалы, имя которого носит и университет.

С образованием в ГрГУ имени Янки Купалы кафедры журналистики почетная миссия организации и проведения Карских чтений перешла к этой кафедре, что тоже вполне закономерно, ибо основной состав кафедры журналистики – это выпускники кафедры русского языка, организаторы и активные участники предшествующих Карских чтений, уже состоявшиеся, с научными степенями, – *Т. А. Пивоварчик*, *И. И. Минчук* (заведующая кафедрой журналистики), *И. А. Герасимчик*, *А. В. Зезюлевич*, *А. Ч. Рыжкович*, *Т. В. Сивова*.

Кафедра журналистики обрела свое лицо, профессионализм, кадровый рост, научные приоритеты, имеет финансируемые научные темы и в состоянии не только проводить ставшие известными и популярными Карские чтения, но и демонстрировать собственные научные достижения.

2. Вопрос о названии чтений. Обычно научные чтения, называемые в честь известного ученого по его фамилии, имеют благозвучные и удачные с деривационной точки зрения названия: *Герценовские чтения* (РГПУ имени А. И. Герцена), *Виноградовские чтения* (Институт языкознания имени В. В. Виноградова РАН), *Мартыновские чтения* (НАН Беларуси), *Купаловские чтения* (ГрГУ имени Янки Купалы)...

Название чтений, учрежденных в честь выдающегося слависта академика Евфимия Федоровича Карского, – *Карские чтения*, дано было оргкомитетом не сразу: вначале оно резало слух, казалось не очень корректным вследствие нежелательного морфонологического осложнения при образовании прилагательного – наложения суффикса *-ск-* на омонимичную финаль *-ск-* основы фамилии, или, как второе возможное объяснение, усечения этой основы и присоединения к ее оставшейся части суффикса *-ск-*. Но поскольку в речевой действительности уже имелись прецеденты – станция метро *Маяковская*, *Горецкие* чтения (в честь белорусского писателя Максима Горьцкого), то против названия *Карские чтения* возражений тоже не было. Пятые чтения уже шли с персонализированным названием.

Однако с самого начала Карские чтения имели и тематическое название, отражающее цель и направление данной научной конференции. В результате на протяжении своей истории Карские чтения меняли названия, показывающие векторы развития этого ставшего известным международного форума.

Разные названия Карских чтений обусловлены целым рядом факторов – изменением научной парадигмы в лингвистике; расширением научных интересов участников чтений; международным сотрудничеством лингвистических кафедр ГрГУ имени Янки Купалы с университетами Беларуси, России, Украины, Литвы, Польши и др.; событиями и мероприятиями, сопряженными с биографией, деятельностью и личностью Е. Ф. Карского; исследовательским вниманием к медиацентричности современного языкового существования; реорганизациями в структуре университета.

3. Статус Карских чтений. Вначале кафедра русского языка ГрГУ имени Янки Купалы планировала проводить научные чтения в честь Евфимия Федоровича Карского из соображений прежде всего патриотических. Выдающийся славист, академик Петербургского отделения сначала Российской академии наук, затем Академии наук СССР, автор знаменитого многотомного труда «Белорусы», стоявший у истоков Белорусского государственного университета и Белорусской академии наук, Е. Ф. Карский для нас еще был и уроженцем Гродненщины, поэтому задачи чтений были довольно скромны: пробудить у студентов и преподавателей интерес к личности Карского, его истокам, к познанию его научного пути, изучению и популяризации его наследия. Если не Гродненский государственный университет должен проводить чтения в честь знаменитого земляка, то кто?

Но действительность превзошла ожидания организаторов. Честно говоря, учреждая и организуя Карские чтения, мы не предполагали, что они не только станут регулярными, но и приобретут широкую популярность в научных кругах. По мере появления материалов о биографии Е. Ф. Карского и о его трудах личность ученого, а также Карские чтения стали привлекать внимание и зарубежных исследователей. Не откажу себе в удовольствии привести такой факт. На IX Международные Карские чтения к нам приехал русист из Японии, докторант Токийского университета *Матоки Номати*. На наш вопрос, почему он избрал столь дальнюю языковедческую конференцию, хотя есть множество форумов, более близких по географии, он ответил: «Я ехал специально на Карские чтения. Мне мой учитель рассказывал о Карском. Я знаю, что Е. Ф. Карский родился в д. Лаша возле Гродно. Я хотел увидеть землю, на которой родился такой великий ученый».

Кстати, возможно, не без участия в чтениях коллега М. Номати заинтересовался и белорусским языком: недавно он выяснял у меня особенности употребления некоторых синтаксических конструкций в белорусском языке.

С развитием чтений менялось и указание на их статус. Несмотря на то, что уже в первых чтениях участвовали зарубежные ученые, статус международных официально оргкомитет стал указывать (да и то не всегда!) только начиная с пятых чтений (1995 г.), когда значительно увеличился состав участников, а также расширилась их география.

Повышался и статус опубликованных материалов по докладам участников чтений. Обычно материалы публиковались спустя два-три месяца после чтений и, как правило, по факту участия, поскольку в то время конференции финансировались Министерством образования, а потому объемы сборников материалов были ограничены. Впоследствии дискурс действительности обусловил проведение Карских чтений за счет оргвзносов участников, стало возможным и заочное участие в конференции. Первые сборники, особенно в 90-е годы, печатались ротатрипным способом, на старом оборудовании, не всегда на хорошей бумаге. Конечно, полиграфическое качество было низким, но с каждой конференцией оно все-таки повышалось.

Имелись в издании Карских чтений и прецеденты. Один касался языка чтений. На волне экспансивной белорусизации в начале 90-х организаторы избрали рабочим только белорусский язык. Но уже со вторых чтений от этой идеи отказались и, сверяя себя по слависту Е. Ф. Карскому, объявили рабочими языками чтений славянские и английский языки.

Второй прецедент касается времени выпуска материалов – перед чтениями или после чтений. Решили VIII Карские чтения, посвященные 140-летию Е. Ф. Карского, предварить специальным выпуском «Весніка Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы», в котором были опубликованы статьи по научной Карскиане и теоретическим проблемам языкознания. После чтений был издан еще и сборник тезисов.

Начиная с XIII Карских чтений доклады участников стали публиковаться в жанре статей в рецензируемых сборниках, а указание на Карские чтения размещалось в аннотациях сборников. Жанр рецензированного сборника статей вместо материалов чтений не только позволяет издавать их к началу чтений, но и повышает качество и статус изданных трудов, равно как и самого форума.

Для облегчения библиографического поиска материалов Карских чтений приведем их в том порядке и с теми названиями, как указывается на титульном листе опубликованных материалов чтений. Полные выходные данные сборников с материалами Карских чтений даются в конце книги отдельным списком; порядок их подачи обозначен римскими цифрами и совпадает с номером чтений; на эти же цифры будут даваться и ссылки в тексте книги.

Научные чтения «Са спадчыны акадэміка Я. Карскага» к 130-летию Е. Ф. Карского (15 января 1991 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [I].

Вторые научные чтения «Шануючы спадчыну Я. Карскага» (18 декабря 1991 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [II].

Третьи научные чтения «Шануючы спадчыну Я. Карскага» (16 декабря 1992 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [III].

Четвертые научные чтения «Шануючы спадчыну Я. Карскага» (14–15 декабря 1993 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [IV].

Пятые Международные Карские чтения «Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм» (14–15 декабря 1994 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [V].

Шестые научные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (25–26 января 1996 г.; к 135-летию Е. Ф. Карского; ГрГУ имени Янки Купалы) [VI].

VII Международные Карские чтения «Антропоцентричний підхід у дослідженні мови» (13–14 мая 1998 г.; Гродно – Нежин, Украина) [VII].

VIII Международные Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание», посвященные 140-летию Е. Ф. Карского (14–16 декабря 2000 г.; Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы – Минск: БГУ) [VIII].

IX Международные Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Гродно, 16–17 мая 2002 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [IX].

X Международные Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание», посвященные 145-летию Е. Ф. Карского (16–17 мая 2005 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [X].

XI Международные Карские чтения «Ю. Ф. Карский і сучасне мовознавство», посвященные установлению мемориальной доски в честь Е. Ф. Карского на фасаде Нежинского государственного университета имени Н. В. Гоголя (18–19 сентября 2007 г.; Гродно – Нежин, Украина) [XI].

XII Международные научные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание», посвященные 150-летию со дня рождения Е. Ф. Карского (18–19 мая 2010 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [XII].

XIII Международные Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации»: к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского (12–13 мая 2016 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [XIII].

XIV Международные Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» (3–4 мая 2018 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [XIV].

XV Международные Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации», посвященные 160-летию Е. Ф. Карского (2020 г.; ГрГУ имени Янки Купалы) [XV].

4. География Карских чтений. Как уже отмечено выше, почти все Карские чтения проходили в г. Гродно, в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы. Дважды они были проведены организаторами совместно с Нежинским государственным университетом имени Н. В. Гоголя (VII, 13–14 мая 1998 г.; XI, 18–19 сентября 2007 г.) в г. Нежине, Украина. В третий раз Карские чтения выехали в Минск, в Белорусский государственный университет, когда отмечалось 150-летие со дня рождения Евфимия Федоровича Карского.

Основания для проведения выездных чтений лежат в самой биографии Е. Ф. Карского, в его становлении как ученого, в его научном наследии. По биографической и научной географии академик Карский – сын всей Славии. Судите сами: родился под Гродно, окончил училище и духовную семинарию в Минске, получил высшее образование в Нежине, работал в Вильне, прошел путь от магистра до профессора и ректора

Варшавского университета, защищал магистерскую диссертацию в Киеве, докторскую – в Москве, работал в университете в Ростове-на-Дону, академиком – в Петербурге, избран академиком Чешской академии наук в Праге. Многие большие научные центры так или иначе связаны с именем Е. Ф. Карского. И в каждом из них он оставил свой след. Конечно, география проведения Карских чтений может расширяться. Опыт уже есть.

5. Статусы и география участников Карских чтений.

5.1. Профессиональный статус. Основным научным направлением Карских чтений являются филологические науки, преимущественно лингвистика, но участниками чтений, кроме ученых-филологов, в разные годы были представители и других профессий – переводчики, учителя, работники библиотек и музеев, историки, социологи, культурологи, этнографы, фольклористы, педагоги, журналисты, кинокритики и др. Столь же широк и языковой спектр научных интересов лингвистов – русский, белорусский, польский, украинский, немецкий, английский, французский, литовский, болгарский языки, латынь. Тем самым значительно расширилось и обогатилось знание о культурно-историческом и социально-политическом контексте биографии Е. Ф. Карского, а также о современной гуманитарной научной парадигме.

5.2. Представительский уровень. Первые Карские чтения (январь 1991 г.), посвященные 130-летию со дня рождения Е. Ф. Карского, собрали только 20 участников. Но все участники были авторитетными учеными: семь докторов наук и профессоров, в том числе автор известной монографии о Карском профессор *М. Г. Булахов* [1], профессор Вильнюсского университета *Л. В. Судавичене*. И в последующих чтениях процент ученых высшей квалификации, включая член-корреспондентов и академиков, оставался столь же высоким. Например, в IX Карских чтениях участвовали 97 ученых, из них 27 докторов наук и 70 кандидатов наук. Таким образом, научные достижения ученых могли пройти на чтениях компетентную апробацию и экспертизу.

Молодой состав участников представляли аспиранты, магистры и преподаватели, в отдельных случаях студенты – соисполнители международных исследовательских проектов. В XIV Карских чтениях к участию были привлечены и магистранты, получившие научные приращения в своих исследованиях.

5.3. Количественный состав участников Карских чтений колебался от 20 до 115 человек. В хронологическом порядке: I – 20, II – 20, III – 55, IV – 77, V – 47, VI – 94, VII – 115, VIII – 106, IX – 97, X – 98, XI – 64, XII – 70, XIII – 43, XIV – 95 участников. Естественно, что в необходи-

мых случаях материалы Карских чтений издавались в сборниках из 2 частей.

По сложившейся традиции каждые чтения были чем-то отмечены: изменением места проведения, ключевой датой, выпуском новой брошюры о Карском, интересным гостем, знаковым мероприятием, экскурсией на малую родину Карского...

Таким образом, несмотря на сложное время, жесткие финансовые условия (некоторые участники приезжали за свой счет), в том числе и обязательность организационного взноса, участвовать в чтениях стремились многие, что свидетельствует о популярности этой конференции среди научной общественности. В подтверждение приведем несколько отрывков из писем коллег.

Профессор Ч. Ляхур (Польша, университет в Ополе): *«Уважаемая Мария Иосифовна, я очень рад Вашему приглашению. Я с удовольствием приеду в Гродно. Но пока не смогу сообщить тему своего выступления. Напишу об этом недели через две, если это не будет поздно. Конечно, собираюсь выступить по предложениям. Пытаюсь заинтересовать наших историков Карским, может быть, кое-что получится»* (2005).

Профессор Г. Д. Фигуровская (Россия, Елец): *«Дорогая Мария Иосифовна! Высылаю статью. К сожалению, у меня получился больший объем. Схема, которая содержится в статье, слишком велика. Если превысить объем нельзя, то, пожалуйста, уберите эту схему. Конечно, было бы неплохо поехать к Вам, но неизвестно, будут ли нашим университетом оплачены расходы. Жаль, что у вас не предусмотрено поселение в общежитии»* (2005). *«Напишите, пожалуйста, возможно ли заочное участие в конференции?»* (2007).

Доцент Л. В. Пономарева (Украина, Мариуполь): *«Уважаемая Мария Иосифовна! Получила приглашение и озаботилась логистикой. Как Вы из Ялты домой добирались? Я уже весь интернет перевернула, иначе, чем через Минск, к Вам не добраться. И ехать 42 часа. Может, Вы какие партизанские тропы знаете?»* (2010). (Людмила Владимировна нашла «партизанские тропы» и приезжала на чтения дважды).

Профессор Ак-Марал Еримбетова (Казахстан, Шымкент): *«Дорогая Мария Иосифовна! Получила Ваше приглашение на чтения в Гродненском университете. Примите, пожалуйста, огромную благодарность за внимание к нам. Мы с удовольствием примем участие в конференции. Я расскажу об этом приглашении на кафедре у нас, в Шымкенте, а также, если не возражаете, и в университете в Алматы (КазГУ им. аль Фараби)»* (31 октября 2001 г.).

Профессор М. В. Всеволодова (Россия, МГУ): «Дорогие коллеги! 17–18 сентября 2007 года – XI Конгресс МАПРЯЛ в Варне. Нельзя ли перенести Карские чтения хотя бы на недельку – две?» (29 мая 2007 г.).

Доцент А. С. Белая (Украина, Нежин): «Дорогая Мария Иосифовна! Меня беспокоит разноречивая информация о МАПРЯЛ в Варне. Надеюсь, Вы предпочтете Карские чтения... Уже есть заявки из Минска, Санкт-Петербурга...» (29 мая 2007 г.).

Профессор Л. В. Бублейник: (Украина, Луцк): «Уважаемые коллеги! Я прошу извинения, что не смогла остаться на второй день работы конференции и поэтому не смогла узнать, на чье имя, по какому адресу и какую сумму отослать на кафедру, чтобы возместить расходы на пересылку сборника, который будет готовиться к публикации... Я самым внимательным образом пересмотрела те материалы, которыми нас обогатил Гродно. Очень интересно и выполнено с большим вкусом. Большое спасибо за конференцию, она прошла на высоком уровне, вы вложили много души и сердца...» (20 мая 2010 г.).

Профессор Р. В. Железнова (Москва): «Уважаемая Мария Иосифовна! Нельзя ли выслать еще одну небольшую статью с исключительно интересным историко-лексическим материалом и небольшую статью аспирантки Качаловой Натальи Александровны?» (2002).

А. А. Карский (правнук и биограф академика Е. Ф. Карского; Санкт-Петербург): «Уважаемая Мария Иосифовна! Я, конечно, не возражаю против переиздания очерка Е. Ф. Карского “Православные святые города Вильны” – и буду рад получить один экземпляр для своего собрания трудов Е. Ф. Карского.

Что касается юбилейных X Карских чтений, то, по правде говоря, мне хотелось бы на них присутствовать, хоть я и не специалист в языкознании и вообще в филологии, по наитию использую тайные силы языка, да и то только русского, а по-белорусски могу только читать... Но сейчас я не могу сказать, буду ли располагать своим временем в середине мая...» (2005). Заметим, что Александр Александрович стал не только почетным гостем Карских чтений, но и активным их участником, а его доклады всегда вызывали интерес аудитории новыми сведениями из жизни Е. Ф. Карского и его близких. Венцом его изысканий стало роскошное, в визуальном и содержательном отношении, двухтомное издание биографии Е. Ф. Карского [2].

«Вообще, мне кажется, юбилей... нужно отметить в спокойной, деловой, научной обстановке. Не допуская неуместного политиканства... Главное – избежать фактических неточностей. И вообще жельательно раз и навсегда с ними покончить. Для чего, собственно, я и

хочу подготовить подробную биографию ученого... Собрана масса нового интересного материала. Теперь известны его однокашники, сослуживцы, приятели, ученики. Многое я сам для себя открыл. Теперь личность ученого стала зримее, понятнее стали этапы становления. Разумеется, много места уделяю и первым научным работам» (2008).

«К огромному моему огорчению, у нас в городе на длительное время закрыт Государственный архив. В нем я рассчитываю получить, в фондах Министерства Народного просвещения, все сведения о Евфимии Федоровиче и его отце, относящиеся к виленскому Учебному Округу. Вот где для меня пока много белых пятен. Может быть, какие-то материалы сохранились в Вильнюсе? Не могли бы Вы сообщить мне адрес Л. В. Судавичене, я бы с ней выяснил этот вопрос...

...Попутно выявились направления для научных поисков. Так, по моему, отсутствуют обстоятельные работы, исследующие просветительскую деятельность Е. Ф. Карского в белорусской печати 1918–1920 годов, с полным и точным перечнем всех публикаций. А их было много – и на русском, и на белорусском языке. Пока мне удалось выявить 35 публикаций, в основном из фонда архива...» (2006; выделено нами. – М. К.).

5.4. География участников чтений весьма широка. Суммарно диапазон стран, представляемых участниками чтений, таков: Беларусь, Россия, Украина, Польша, Литва, Болгария, Словакия, Италия, Китай, Япония, Казахстан, Киргизия, Южная Корея. Но если последние пять стран представлены одним-двумя учеными, пусть и с повторным участием, то первые четыре обнаруживают чрезвычайно обширное географическое пространство. Так, Беларусь, кроме вузов столицы и всех пяти областных центров (Брест, Гродно, Гомель, Витебск, Могилев), представили участники из Клецка, Новополоцка, Барановичей, Мозыря, Горок, Новогрудка, Лиды.

Много российских участников: кроме Москвы и Санкт-Петербурга на карте чтений – Новгород, Нижний Новгород, Брянск, Белгород, Челябинск, Салехард, Барнаул, Кемерово, Воронеж, Симферополь, Казань, Елец, Мурманск.

Еще шире, по понятным причинам, география украинских ученых: кроме Нежина и Киева, это Донецк, Винница, Житомир, Луцк, Львов, Харьков, Одесса, Черновцы, Днепропетровск, Запорожье, Луганск, Сумы, Кривой Рог, Каменец-Подольский, Дрогобыч, Кировоград, Вольнь, Симферополь.

Польшу представляли участники из Кельце, Ополе, Варшавы, Ольштына, Белостока, Гданьска.

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Первые Карские чтения, 15 января 1991 г.

**Впереди слева направо: А. М. Мезенко (Витебск),
заслуженный учитель БССР А. П. Цыхун, М. И. Конюшкевич (Гродно).
Второй ряд слева направо: А. И. Федута, Т. Е. Автухович (Гродно),
Г. Л. Нефагина, профессор Е. И. Янович (Минск),
профессор Л. В. Судавичене (Вильнюс), С. А. Емельянова (Гродно)**

V Карские чтения, 14 декабря 1994 г., г. Гродно.

**Впереди слева направо: профессор М. И. Конюшкевич (Гродно),
профессор Л. В. Судавичене (Вильнюс), В. С. Сидорец (Мозырь),
Л. В. Рычкова, З. М. Томашевич (Гродно)**

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

**VI Карские чтения, 25 января 1996 г., г. Гродно. Пленарное заседание.
За кафедрой А. С. Беляя (Нежин, НГУ). В президиуме слева направо:
профессор Е. И. Янович (Минск, БГУ), профессор М. И. Конюшкович (Гродно, ГрГУ),
ректор ГрГУ Л. Н. Кивач, профессор Г. И. Богин (Россия, Тверь),
профессор В. А. Маслова (Витебск, ВГУ)**

Участники VI Карских чтений, 25–26 января 1996 г., г. Гродно

VII Карские чтения, 13–14 мая 1998 г., г. Нежин (Украина).

Слева направо:

**А. С. Белая (вторая) (Нежин, НГУ), профессор М. И. Конюшкевич (Гродно, ГрГУ),
профессор Е. И. Янович (Минск, БГУ), В. А. Маслова (Витебск, ВГУ),
Т. Г. Бобкова (Могилев, МГУ), Л. И. Шаповалова (Могилев, МГУ)**

**Монография доцента НГУ А. С. Белой
и программа VIII международных Карских чтений**

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

**VIII Карские чтения, 14–16 декабря 2000 г., г. Минск, БГУ. Открытие чтений.
Впереди внучка академика Е. Ф. Карского *Т. С. Карская* (Санкт-Петербург)
и профессор *М. Г. Булахов* (Минск, МГПУ им. Максима Танка).
Во втором ряду – профессор *А. И. Наркевич* (Минск, БГУ)**

**Слева направо: профессор *Н. Г. Пригодич* (Минск, БГУ),
внучка академика Е. Ф. Карского *Т. С. Карская*, профессор *М. Г. Булахов*,
профессор *М. И. Конюшкевич* (Гродно, ГрГУ)**

6. Международное сотрудничество в рамках Карских чтений.

6.1. Сотрудничество с оргкомитетом *Нежинского государственного университета имени Н. В. Гоголя* должно было возникнуть по определению, ибо именно этот вуз, именуемый тогда Нежинским историко-педагогическим институтом князя А. А. Безбородко, дал будущему академику Карскому высшее образование.

Нежинский историко-филологический институт был одним из трех вузов (наряду с университетами в Вильнюсе и Петербурге), в котором студенты учились на полном государственном обеспечении. Это крупное учебное заведение на протяжении своей истории часто меняло свой статус: *Нежинская гимназия высших наук* (1820–1832) / *Нежинский физико-математический лицей* (1832–1840) / *Нежинский юридический лицей* (1840–1875) / *Историко-филологический институт князя А. А. Безбородко* (1875–1919) / *Научно-педагогический институт* / *Институт народного образования* (1919–1934) / *Нежинский педагогический институт* (в 1939 году получивший имя Н. В. Гоголя) (1934–2004) / с 2004 г. – *Нежинский государственный университет имени Н. В. Гоголя*.

Нежинский вуз имел хорошее финансирование учредителей, коллектив квалифицированных профессоров и преподавателей, богатую научную библиотеку, сложившиеся учебно-методические традиции. Из его стен в разное время вышло много известных выпускников – Н. В. Гоголь, украинский и русский писатель и этнограф А. С. Афанасьев, ученые Н. С. Державин, Н. Н. Петровский, И. Н. Кириченко, В. И. Резанов, белорусский поэт Ф. Богусевич и др.

Пополнил эту блестящую плеяду и выпускник Е. Ф. Карский. Годы учебы в Историко-филологическом институте (с 1881 по 1885 гг.) были для него интересными и плодотворными. Именно с этого периода начинается отсчет его научной деятельности [3]. Первое научное исследование нежинского периода в жизни Е. Ф. Карского было сделано в работе доцента Нежинского (тогда педагогического) института *А. С. Белой* [4]. Вспоминая наш обзор проблематики Шестых чтений в «Вестнике МАПРЯЛ» [5], где мы сообщали о том, что в кулуарах чтений возникла, на первый взгляд, фантастическая идея проводить последующие чтения поочередно в каждом городе, где учился, работал или защищал свои диссертации Е. Ф. Карский (Нежин, Вильнюс, Варшава, Киев, Москва, Санкт-Петербург), Алла Степановна Белая пишет: *«Нежинский пединститут ответил согласием. Данная работа о Е. Ф. Карском – один из этапов подготовки к VII чтениям в Нежине в мае 1998 года. Проблема: “Антропоцентрический подход в исследовании языка”»* [4].

6.1.1. И действительно, стараниями *А. С. Белой* и ее коллег VII Карские чтения были проведены в Нежине. К чтениям *А. С. Белая* подготовила пособие к спецкурсу «Из истории языкознания: персоналии», основная часть которого была посвящена деятельности *Е. Ф. Карского* [4].

Приведем небольшой фрагмент из этой работы – найденную *А. С. Белой* в архиве Записку неизвестного рецензента в Конференцию института об оценке первой научной работы студента 2-го курса Карского: «Честь имею довести до сведения Конференции, что из поданных мне в истекшем учебном году студентами 2-го курса сочинений заслуживают почетного отзыва сочинения студента *Евфимия Карского* и *Николая Шляхова*. Работа Карского “Особенности правописания и языка Супрасльской рукописи” довольно обширная и свидетельствует об интересе к делу и филологических способностях автора. Отметка 5» [4, с. 10].

Как прошли VII Карские чтения и какие впечатления оставили они в умах и душах участников, можно узнать из книги *А. С. Белой* и *В. Н. Бережняк* «Нежинская Карскиана» [6]. Приведем из нее несколько фрагментов: «На Нежинские Карские чтения поступили заявки от 120 ученых из 35 городов Беларуси, России, Польши и Украины... Безусловно, самым многочисленным был состав делегации из Беларуси – 42 человека...» [6, с. 15].

Из письма *Татьяны Сергеевны Карской*, внучки ученого, кандидата филологических наук, автора интересного «Школьного словаря устаревших слов русского языка» (М.: Просвещение, 1996; в соавторстве с *Р. П. Рогожниковой*): «Милая Алла Степановна! Все, что Вы мне посылали, я получила еще в начале лета. Книга “Материалы VII” получилась солидная и вместе с тем изящная – хороша печать. Крупная, отчетливая. И это в отличие от других изданий подобного рода, где страницы узкие, а буквы мелкие. В Вашей книжке о Карском более всего меня заинтересовали материалы из Нежинского городского архива. Согласна с идеей мемориальной доски *Е. Ф. Карскому*» [6, с. 20].

Из письма аспирантки ГрГУ имени Янки Купалы, ныне доцента Белорусского государственного университета *А. Н. Овчинниковой*, участницы чтений: «Фантастическое, как казалось ранее, событие оказалось реальным. Оркомитет из ведущих ученых обоих вузов приложил максимум усилий, чтобы программа чтений, задуманная в русле новой научной парадигмы лингвистических исследований, была реализована полностью. Мы можем только догадываться, каких усилий

стоило принимающей стороне встретить участников чтений сборником материалов, изданным по мировому стандарту...

...После пленарного заседания мы все были приглашены на экскурсию в музей и картинную галерею института. То, что мы увидели, – впечатляет. Мы не только посмотрелись в зеркало, в котором видел свое отражение Гоголь 150 лет назад, но и познакомились с полотнами европейских мастеров, датированными 15–16 вв. и купленными меценатом, князем Безбородько, для галереи института» [6, с. 22].

И два наблюдения, отмеченных А. Н. Овчинниковой, достойных, чтобы привести их более пространной и актуальной на сегодня цитатой: «Делегацию от нашего университета на конференции окрестили гродненским десантом. Действительно, наши “десантники” приняли участие практически на всех заседаниях чтений и, надеемся, достойно представили свою альма-матер на украинской земле. Для себя мы не преминули отметить, с каким удовольствием украинцы говорят на родном языке. Мы, белорусские филологи, немного позавидовали той легкости и непринужденности, с какой лилась украинская речь на конференции. Правда, рабочими языками чтений были украинский, русский и белорусский языки. И поэтому мы имели возможность здесь слышать и говорить на родном языке...

...Но что особенно приятно удивило, так это высота культуры общения нежинцев, включая и студенческую молодежь. И уж о том, что мы не услышали ни одного некорректного слова и не встретили ни одного человека с покачивающейся походкой, говорить не приходится... Нежин показал высший уровень человеческого отношения к истории, культуре, языку, науке» [6, с. 22–23].

На заключительном пленарном заседании VII Карских чтений участники приняли решение:

1) «ходатайствовать об установлении на фасаде Гоголевского корпуса Нежинского педагогического университета мемориальную доску, посвященную Е. Ф. Карскому» (реализовано это решение будет только через 11 лет, в 2007 году. Но реализовано-таки! – М. К.);

2) «в музее университета оформить экспозицию, рассказывающую о жизни, научной деятельности белорусского ученого, а также представить некоторые материалы из городского архива» (забегая вперед, скажем, что не только выполнено, но и перевыполнено: была открыта аудитория имени Карского и создано семь стендов, посвященных Е. Ф. Карскому. – М. К.);

3) «участники VII Чтений считают необходимым полное издание трудов *Е. Ф. Карского*» [7, с. 15]. И это решение было реализовано, пусть сначала частично: в 2001 г. издательство «Беларускі кнігазбор» издало под одной обложкой важнейшие разделы I тома – «Введение изучение языка и народной поэзии белорусов» – и полностью, без сокращений, первый выпуск тома III, выпуск, который называется «Народная поэзия». А в 2005–2007 гг. в издательстве «Беларуская энциклапедыя» были переизданы все тома «Белорусов».

Ценность приводимых здесь цитированных работ *А. С. Белой* состоит еще и в том, что, наряду со сведениями, посвященными *Е. Ф. Карскому* (это и представляет основную задачу ее книг), Алла Степановна приводит еще и своего рода дайджест о хронологии прошедших Карских чтений, программы докладов на Нежинских чтениях, отзывы о чтениях в СМИ и научной периодике. При этом и сама, и ее коллеги пишут обзорные статьи о чтениях в научные журналы и СМИ (см. список в конце книги). Свои усилия в популяризации имени *Е. Ф. Карского* и его значимости для славистики Алла Степановна объясняет так: «Мы стремились сделать всё, чтобы о нашем знаменитом выпускнике академике *Е. Ф. Карском* знали и помнили не только в научном кругу филологов. С этой целью в разное время в нескольких изданиях были опубликованы статьи о *Е. Карском* и заметки о прошедших в Нежине Карских чтениях» [6, с. 24].

На заключительном заседании VII Карских чтений было заслушано обещание белорусской делегации, что следующие, VIII Карские чтения, состоятся в Минске, что и было впоследствии реализовано.

К ним *А. С. Белая* тоже приготовила подарок – брошюру, более полно освещающую Нежинский период *Карского*: в нее включены архивные материалы г. Нежина [7].

6.1.2. Открытие мемориальной доски академику *Е. Ф. Карскому* на фасаде белоколонного здания Нежинского госуниверситета имени *Н. В. Гоголя* стало яркой страницей XI Карских чтений 2007 г. На чтения поступили заявки от 96 ученых из Беларуси, Украины, России, Литвы, Польши, Словакии.

Гродненскую делегацию участников Карских чтений представляли профессор *М. И. Конюшкевич*, доценты *С. М. Антонова*, *И. А. Усаченко*, аспирантка *А. В. Сентябова*, директор гимназии имени *Е. Ф. Карского* *В. С. Макарова*, учитель *Т. В. Довгель*.

Открывая XI Международные Карские чтения и приветствуя участников, ректор Нежинского государственного университета *Александр Дмитриевич Бойко* подчеркнул заслуги академика *Е. Ф. Карского* перед мировой славистикой, включая белорусское и украинское языкознание. Со-

бравшиеся тепло приветствовали правнука ученого, *А. А. Карского* (г. Санкт-Петербург), который познакомил с содержанием первой части подготовленной им книги о роде Карских (книга «Академик Е. Ф. Карский. Биография» в двух томах была опубликована в Минске [2]).

На торжественной части пленарного заседания чтений делегация купаловцев передала в дар Нежинскому университету главный памятник жизни академика – впервые переизданные полностью все тома «Белорусов» в 5 книгах (Минск, изд-во «Беларуская энцыклапедыя»). «Отныне эти книги с автографом правнука ученого будут находиться в музее редкой книги в библиотеке вуза на ул. Гоголя. Там уже есть один том первого издания “Белорусов” с автографом самого Е. Ф. Карского» [6, с. 26].

С приветственным словом от Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и от Гродненщины в целом выступила *М. И. Конюшкевич*. Вот фрагмент того выступления.

«Шаноўны Аляксандр Дзмітрыевіч! Шчырапаважаныя калегі! Дарагія ўкраінскія сябры! Паважанае спадарства!

У Беларусі і на Гродзеншчыне высока цэняць і шануюць навуковую спадчыну акадэміка Карскага. У Гродне ёсць вуліца імя Карскага, Гродзенская абласная бібліятэка і першая гродзенская гімназія носіць яго імя, у Гродзенскім дзяржаўным універсітэце лепшыя студэнты атрымліваюць стыпендыю імя Карскага.

Гродзеншчына сёння – самая развітая і самая багатая вобласць Беларусі. Акрамя сельскай гаспадаркі і прамысловасці, якімі і раней славілася Гродзеншчына, тут стаў развівацца турызм. І вось гэтая багатая ілюстраваная кніга «Аўгустоўскі канал» і аднайменны дыск пра новую Мекку міжнароднага турызму, якую ўжо ахвотна асвоілі нашы і замежныя байдарачнікі, – падарунак ад Гродзенскага раённага выканаўчага камітэта.

На малой радзіме Я. Карскага, каля вёскі Лаша, вырас цудоўны аграгарадок, а жыхары сельгаспрамысловага кааператыва, куды ўваходзіць і гэтая вёска, памятаюць свайго сьлыннага зямляка, даглядаюць магілы яго сваякоў, ёсць у іх і поле імя Карскага. Яны перадалі Нежынскаму універсітэту дзве кнігі пра іх сённяшняе жыццё і вось гэты бохан жытцяга хлеба пад назвай «Шчодры», у знак удзячнасці, у знак таго, што там заўсёды рады гасцям і што зямля іх гэтка ж жыццёдайная на хлеб, як і на таленавітых людзей» [8, с. 3].

(Позже, во время торжественного ужина, когда все участники с удовольствием пробовали на вкус белорусский хлеб, ректор *А. Д. Бойко* подчеркнул: «Хлеб, преподнесенный нам гродненцами, не просто символ

нашего плодотворного сотрудничества. Это знак нашего братства. Преломив хлеб, нельзя предать. И мы будем всецело следовать этому завету в наших научных и человеческих связях с белорусскими коллегами»).

На церемонии открытия мемориальной доски, на которой начертано: «У цьому будинку з 1881 по 1885 рік в історико-філологічному інституті навчався мовознавець академік АН СРСР ЮХИМ ФЕДОРОВИЧ КАРСЬКИЙ», виступаючі були єдинодушні в високій оцінці наукового насліддя знаменитого випускника. Говорилось і про велике значення проводимих в ГрГУ імені Янки Купалы Карських читань, посвячених видаючомуся славісту. Все більше число учених приобщається до його насліддя, в науковому середовищі шириться усвідомлення цінності наукової традиції і наукової школи Карського, всього того, що вперше було здійснено ним у багатьох областях мовознавства і, ширше, – гуманітарного знання.

Приведемо з невеликими скороченнями текст виступлення від гродненців.

*«Шаноўны Аляксандр Дзмітрыевіч!
Шчырапаважаныя калегі!
Дарагія ўкраінскія сябры!
Паважанае спадарства!*

Ад імя ўсіх учораішніх, сённяішніх і заўтраішніх беларусаў, ад імя грамадзян Рэспублікі Беларусь дазвольце выказаць вам ічырую ўдзячнасць за тое, што на фасадзе Нежынскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Гозаля побач з імем вялікага класіка, побач з імем беларускага паэта Францішка Багушэвіча зазьяла імя яшчэ аднаго сына беларускай зямлі. Усталяванне мемарыяльнай дошкі ў гонар акадэміка Яўхіма Карскага ў такі складаны для Украіны час сведчыць аб тым, што ў Нежынскім ўніверсітэце пануе высокая духоўнасць, што тут вышэй за ўсё цэняць веды і шануюць памяць аб сваіх таленавітых вучнях, адкуль бы яны ні прыйшлі сюды вучыцца і куды б ні закінуў іх лёс.

Беларуская зямля дала Яўхіму Фёдаравічу Карскаму жыццё, вышэйшую асвету дала яму Украіна, але на прасторы біяграфічнай і навуковай геаграфіі акадэмік Карскі – сын усёй Слав’і...

Чым жывілася тытанічная праца гэтага рупліўца на ніве філалогіі? Хто благаславіў яго на векапомны гмах пад назвай «Беларусы»? Можна таму, што маленькім ён чуў нявучую беларускую мову? Можна таму, што пад мілагучнасць украінскай мовы сумаваў на радзіме? Ці можна таму, што бачыў перад сабой прыклад вялікага суайчынніка Францыска Скарыны? А можна і таму, што ў Нежынскай алмазавой яме папашчасіла мець такіх настаўнікаў, якія вышэй за ўсё ставілі чалавека і яго мову?

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Пытанні гэтыя рытарычныя і не трэба шукаць на іх адказу. Куды больш важным для нас бачыцца крэда, якога трымаліся і, дзякуй Богу, трымаюцца ўсе, хто асвятліў Карскаму яго шлях і хто сам пайшоў па гэтым шляху: вывучаць, берагчы і шанаваць найдаражэйшае багацце на свеце – Слова, дадзенае нам Богам. Слова, якое ідзе ад сэрца, ад мудрага розуму, якое яднае людзей, дае ім святло і ратуе жыццё.

Беларусазнавец акадэмік Карскі акрэсліў на сваёй карце межы распаўсюджання прыкмет беларускай мовы, славіст акадэмік Карскі паказаў еднасць славянскіх моў, іх агульныя карані.

Суседзі ў слове...

Без мяжы

здаўна і песні нашы ходзяць.

А мова кожнаму з нас годзіць –

Абы квітнела на душы.

Народ! Ты слова харашы,

трымай яго, як промень, чыстым:

хай будзе вечным і вячыстым!

Суседзі ў слове, без мяжы ...

Па карце Карскага Яўхіма

Хоць варажы – не варажы,

А слова й заўтра будзе гімам

Гучаць і клікаць: – ДАРАЖЫМ ІМ! (С. Панізнік)» [8, с. 2].

Купаловцы вручылі ректору Нежинского университета А. Д. Бойко приветственный адрес от Гродненского районного исполнительного комитета (текст адреса будет приведен ниже).

С гордостью смотрели белорусские участники чтений еще на одну мемориальную доску на фасаде Нежинского государственного университета с надписью: «У цьому будинку з 1865 по 1868 рік в лицей вчився білоруський поет ФРАНЦИШЕК КАЗИМИРОВИЧ БОГУШЕВИЧ».

Список хроникальных заметок и обзоров Международных Карских чтений, в том числе и информация о XI чтениях, приводится в конце нашего повествования.

Приведу небольшие отрывки из своей статьи в газете «Гродзенскі ўніверсітэт» от 27 ноября 2007 г.: «Сегодня, 18 сентября 2007 года, Нежин и его университет организовал нам встречу с Карским. Встречу и в переносном, и в прямом смысле. В переносном – потому что сегодня здесь состоится торжественное открытие мемориальной доски в честь Е. Ф. Карского и XI Международные научные (Карские) чтения...

Встреча с Карским была и в прямом смысле, когда на трибуну вышел живой Карский – правнук ученого, архивист и писатель Александр Александрович Карский, удивительно похожий на своего выдающегося прадеда и по внешнему виду, и по обстоятельству отношения к изучаемому факту. Думал ли когда-нибудь белорусский студент, что более чем через сто двадцать лет его труды будут читать в разных странах, а его правнук будет открывать мемориальную доску в его честь?..

В это время Украина была за декаду до выборов. Многоцветье политических пристрастий (мы видели эти бело-голубые, оранжевые, белые с красными сердечками ленточки по всей дороге на деревьях, зданиях, столбах, проводах) разделяло и страну, и регионы, и учреждения, и даже семьи. Наверняка различными эти пристрастия были и в Нежинском университете. Но для нас это было незаметно. Потому что Карский – НАД. Над политикой, над границами, над экономикой, над прибылями... Как нам говорили украинские коллеги, Карского читали все, возможно, с разными целями – одни, чтобы выступить против установления мемориальной доски, другие – чтобы за. Но все решили – ЗА: “Вин добра людина”.

*Какие бы политические ветры не веяли над любой страной, всегда есть кто-то, кто просто продолжает выполнять свое дело, видя в его конкретике и пользе людям истинную ценность человеческого существования. И этих **кто-то** в каждой стране достаточно, чтобы в ней ценили не только ближайшую и прямую денежную выгоду.*

Не о выгоде думал Е. Ф. Карский, создавая “Белорусов”. Не о выгоде пеклась доцент кафедры русского языка Нежинского госуниверситета Алла Степановна Белая, постоянная участница Карских чтений, добиваясь установления мемориальной доски в честь Е. Ф. Карского, хотя, догадываемся, это было нелегко и ей, и ее коллегам, и ее руководству.

Понимало значительность события и нашего участия в нем и руководство нашего университета, выделив для поездки гродненской делегации микроавтобус. Столь далекое путешествие на собственном транспорте ГрГУ вышерьшино подчеркивало нашу делегацию и способствовало повышению имиджа ГрГУ в глазах наших украинских коллег» [9].

6.1.3. В Нежинском университете состоялось еще одно событие, посвященное знаменитому выпускнику, – **открытие** 17 октября 2011 г. **аудитории имени академика Е. Ф. Карского**, приуроченное к 150-летию ученого. Гродненский университет провел юбилейные XII Международные Карские чтения, в которых участвовал *А. А. Карский* и, конечно, украинская делегация (о ее выступлениях и впечатлениях см. в [6, с. 40]).

По фотографиям и содержанию подготовленных стендов, описанных в книге *А. С. Белой* и *В. Н. Бережнюк* «Нежинская Карскиана», можно представить, какая огромная подготовительная работа была сделана нашими украинскими коллегами [6, с. 40–47]. В день открытия именной аудитории в Нежинском университете был организован семинар на тему «Изучая наследие Е. Ф. Карского» с присутствием и выступлением *А. А. Карского* со «Словом о прадеде». Примечательно, что на центральном стенде в именной аудитории под портретом Е. Ф. Карского имеется надпись на белорусском языке: *«І будзе заўсёды свяціць нам магутны жыццядайны прамень, што праўдзіва ўвасабляе светач навукі на беларускім небасхіле – Яўхім Карскі»*.

Хочется выразить благодарность *Алле Степановне Белой* за ее неутомимое и подвижническое участие в Карских чтениях и популяризацию имени и наследия Евфимия Федоровича Карского не только в Украине, но и за ее пределами.

И это не только наше мнение. Приведем несколько фрагментов из адресованных *Алле Степановне* писем, опубликованных в [6, с. 40]).

Профессор *М. Г. Булахов*, известный белорусский исследователь творчества Е. Ф. Карского: *«...То, что Нежин стал университетским городком, замечательно во всех отношениях. Беларусь же обязана ему за воспитание таких ученых и писателей, как Е. Ф. Карский и Ф. Богусевич. От души поздравляю Вас и всех коллег-филологов с этим историческим событием»*.

«Спасибо за добрую весть об увековечении Е. Ф. Карского – хоть и не на родине, а по месту учебы». (Михаил Гапеевич, вероятно, запомнил, что на родине ученого мемориальная доска Карскому уже установлена – в деревне Лаша, на стене бывшей школы. – *М. К.*).

А. А. Карский: *«Нежинские Карские чтения вызвали большой интерес у филологов славянских стран. Об этом свидетельствуют многие письма, отзывы и звонки по телефону (всё здесь представить невозможно...)»*.

6.2. Сотрудничество с Вильнюсским университетом выросло из желания организаторов Карских чтений узнать о Виленском периоде в биографии Е. Ф. Карского. И отрадно отметить, что профессор Вильнюсского университета *Лилия Васильевна Судавичене* откликнулась на наш призыв.

6.2.1. С докладом «**Виленский период деятельности Е. Ф. Карского**» *Л. В. Судавичене* выступила уже на Первых научных чтениях, назвав этот период плодотворным для становления личности Карского как педагога и исследователя. Очень значимым в докладе *Л. В. Су-*

давичене было освещение историко-культурного контекста, в котором это становление формировалось, ибо вторую половину XIX в. для человечества, в том числе и Литвы, можно считать, по мнению *Лилии Васильевны*, «золотой по количеству ярчайших звезд духа и интеллекта» [10, с. 12].

Второй доклад о Виленском периоде Карского – «Страницы из жизни Е. Ф. Карского в Вильнюсе» – *Л. В. Судавичене* представила на X Карских чтениях. Описание исторического контекста дополнилось оценкой того факта, что в Вильнюсе печатал свои книги Франциск Скорина, и того влияния, которое оказал Ф. Скорина на Карского в изучении белорусского языка, в подготовке докторской диссертации на тему «Западно-русские переводы Псалтыри в XV–XVII веках».

В докладе дано подробное перечисление педагогических и научных работ, подготовленных и изданных учителем гимназии Е. Ф. Карским, и приведена их оценка: он создал и издал «Граматику древняго церковно-славянскаго языка, сравнительно с русским» (Вильна: 1888; 1889; 1891) и вместе с тем с другими славянскими языками, что соответствовало педагогическому кредо Е. Ф. Карского – познавать законы родного языка путем сравнения его черт с особенностями иных, современных и древних, языков. Это была лучшая учебная книга для учащихся гимназий и реальных училищ. Она выдержала 19 изданий, последнее издание вышло в Сергиеве [11, с. 17].

По мнению *Л. В. Судавичене*, Карский «именно в Вильнюсе формируется как личность, которой свойственна не просто религиозность (что совершенно естественно – ибо Е. Ф. Карский имел духовное образование, как и все другие ученые его поколения), но и религиозное сознание, когда человек, не оглядываясь на других, сам определяет для себя высшие ценности, идеалы – этические и эстетические, – на которые он и ориентируется, не желая вступать с ними в противоречие. А это дается не каждому...» [12, с. 8–9].

6.2.2. Еще один важный вклад в наше сотрудничество внесла профессор *Л. В. Судавичене*, любезно прислав оргкомитету Карских чтений ксерокопию труда Е. Ф. Карского «**Православныя святыни города Вильны**» [13], написанного им в 1893 г., когда он начинал свою деятельность в качестве учителя 2-й Виленской гимназии после успешного окончания Нежинского историко-филологического института князя Безбородко.

Лилия Васильевна разыскала этот труд Е. Ф. Карского в библиотеке Вильнюсского университета. Книга была вплетена в одну обложку с другими духовными книгами под общим названием «Жизнь Божией

Матери» (1903). Лилия Васильевна предположила, что скорее всего эта книга была написана Карским по специальному заказу Министерства Народного Просвещения, преследующего цель содействовать распространению православия, а вместе с тем и изучению быта, традиций той части народности, которая в то время составляла массу населения Северо-Западного края. Основанием для подобного предположения служит факт появления приблизительно в это же время серии книг подобного жанра [12, с. 9–10].

Лилии Васильевны, историка русского языка, влюбленной в творчество К. Г. Паустовского, великой труженицы, создателя нескольких томов Словаря Паустовского, так и не успевшей завершить этот восьмитомный труд, уже нет с нами...

Пусть читатели почувствуют ее сомнения, услышат зов ее души из фрагмента писем: *«Дорогая Мария Иосифовна! Объем этой работы 136 с. Она интересна примечаниями, сделанными Е. Ф. Карским (!). “Правосл. Святыни” вышли позднее. Судя по тексту, они написаны в Вильно (м. б., и после пребывания Е. К. в Вильно), но человеком, который сам все видел и пережил, а это значит – Е. Ф. К. Я их перечитала на одном дыхании и все увидела глазами Е. Ф. К.»* (11 января 2000 г.).

*«... О Карском я, конечно, думаю, но жду отдушины и вдохновения. Но это **мы** сделаем **вместе**. Я напишу, а Вы дополните. Как только освободится пианино (На пианино лежат разложенные карточки по Словарю Паустовского. – М. К.), примусь за “Святыни”. Сделала я наброски статьи (или очерка) “Литва глазами Паустовского”, но не в угоду тем, кто видит только **первое слово** (в обоих случаях выделено автором письма. – М. К.).*

Кстати, Мария Иосифовна, Вы могли бы дать подобную тему “с Беларусью” студентам (Витебск, под В. жил Шагал; Могилев и могилевские деды, Сморгонь и разбитая армия Наполеона, Минск и магистраль, Клецк и гравер из К.) – см. Ветер скорости – VI, с. 536–570.

Кажется, всё. Расписалась, и рука не дрожит» (17 октября 2002 г.).

«Дорогая Мария Иосифовна! Высылаю Вам материал на Ваше усмотрение – будет ли это Предисловие или просто – Е. Ф. Карский и его книга... Как Вы сочтете нужным – я писала от души – но как получилось, судить Вам... Хотелось бы, чтобы Вы, и только Вы, были бы соавтором – это просто необходимо! Очень хотелось бы всё это перевести на белорусский язык – пишем ведь о Е. Ф. Карском! Но всё это решать Вам. Мне кажется, было бы красиво!» (15 января 2004 г.).

Оргкомитет Карских чтений организовал репринтное переиздание книги Е. Ф. Карского *«Православные святыни города Вильны»*, и на

X Карских чтений (16–17 мая 2005 г.), приуроченных к 145-летию Е. Ф. Карского, в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы прошла ее презентация.

Вступительная статья *Л. В. Судавичене* к этому изданию, как и хотела Лилия Васильевна, опубликована на белорусском языке в нашем переводе. Таким образом, «сам факт репринтного издания этой книги весьма знаменателен – это наш запоздалый подарок Е. Ф. Карскому... И, надо полагать, что это пока второе и единственное (наше) издание, осуществленное в XXI веке. Первое издание увидело свет в Санкт-Петербурге в 1893 году» [11, с. 20].

На звездном фоне всего того, что дал мировой науке выдающийся славист, «Православные святыни города Вильны» выделяются и по объему (43 с.), и по стилю. Не академический труд, свыше тысячи которых составили научное наследие ученого, а нечто вроде художественного очерка, в каком автор видит православные храмы тогдашней Вильны глазами богомольцев-паломников. Это небольшое, слегка лирическое произведение предназначалось для народных чтений. Его, по замыслу автора, надо было читать перед аудиторией вслух, с демонстрацией «световых картин» (прототипов нынешних слайдов). Все произведение пронизано духом христианства и любовью к древней Вильне – берегине православных святынь.

Приведем еще один фрагмент из предисловия *Л. В. Судавичене* к данной работе: «Книга Карского “Православные святыни города Вильны” дает нам возможность восстановить давно прошедшее время, заглянуть в прошлое, образно представить Вильнюс как город – сокровищницу православных святынь и как место драмы религий, почувствовать трепет души утомленных путников-богомольцев, оставивших все домашние хлопоты и, подобно страстотерпцам, преодолевших все невзгоды ради спасения души» [12, с. 11].

«И вот перед ними Вильна во всей ее своеобразной красе. Золотые кресты и купола храмов Божиих горят на солнце; звучный благовест в церквах зовет усталых странников возблагодарить Бога за благополучный путь...» [13, с. 11].

В заключение доклада, сообщая о том, что недавно вышел альбом Германа Шлевиса «Православные святыни Вильнюса», *Л. В. Судавичене* замечает: «Хочется поздравить автора этого издания и одновременно выразить сожаление, что в таком прекрасно оформленном альбоме-издании не оказалось ссылок на сочинение Е. Ф. Карского – основоположника белорусской филологии, этнографа, фольклориста, диалектолога, исследователя древней письменной литературы, знатока новой лите-

ратуры, языка и стиля мастеров поэтического слова, оставившего более тысячи оригинальных научных работ, некоторые из них были опубликованы в Вильнюсе в начале XX века, уроженца Гродненщины, да и в некоторой степени нашего земляка, который первый выразил свое понимание и чувство к прекрасной святости “православной Вильни”» [11, с. 23].

7. Семинары, круглые столы и другие материалы в рамках Карских чтений.

В рамках Карских чтений проводились круглые столы и семинары, тематика которых была обусловлена кафедральными научно-исследовательскими темами, международными исследовательскими проектами, профилями кафедр, участием гродненских ученых в международных научных сообществах.

Возможно, Карские чтения не были бы столь успешными, если бы научная зрелость членов кафедры не формировалась в процессе выполнения исследовательских проектов, результаты которых, в том числе и диссертационные исследования, могли проходить апробацию и экспертизу на столь серьезном форуме и быть опубликованными не только в сборниках чтений, но и в других изданиях.

7.1. Функциональная грамматика. Так, объявленная оргкомитетом тема V Карских чтений (14–15 декабря 1994 г.) – «**Функциональный аспект описания языковых систем**», не была спонтанной и случайной. Во-первых, того требовала сама парадигма лингвистических исследований. Во-вторых, и организаторы имели уже солидные наработки в этом направлении – защищены диссертации: докторская – *М. И. Конюшкевич* (1990), кандидатские – *В. Л. Лещенко* (1981), *Л. И. Смольской* (1989), *С. А. Горской* (1990), *С. Я. Кострицы* (1992). Изданы монография по сопоставительному синтаксису сложного предложения русского и белорусского языков [14], учебные пособия по русскому языку и сопоставительному синтаксису [15; 16].

Исследования по сопоставительной функциональной грамматике имели **финансовую поддержку Министерства образования Республики Беларусь** (1995 г.), а успешные результаты исследований требовали и дополнительной публикационной трибуны. Не желая эксплуатировать публикационные возможности Карских чтений, кафедра русского языка выпустила дополнительные материалы VI Карских чтений 25–26 января 1996 г. в виде отдельного выпуска под названием «**Вопросы функциональной грамматики**» [17].

В сборнике освещаются следующие вопросы функциональной грамматики: манифестация функциональной грамматики в лингвистических энциклопедиях (*В. Щербин*); языковые и речевые функции срав-

нения (*М. Конюшкевич*); моделирование ФСП предикативности (*М. Корчиц*; из архива); категории скрытой грамматики в рассмотрении вида, залога, каузативности (*А. Никитевич*; *В. Церлюкевич*); функциональная доминанта ЛСГ «сказать» в языке и диалекте (*С. Антонова*); особенности славянского речевого этикета (*Н. Гребенищикова*; *М. Конюшкевич*; *В. Василевич*); пространственная модель мира в языке молитв (*С. Горская*); выражение количества непроцессуального признака в тексте романа М. Булгакова «Записки покойника» (*М. Конюшкевич*, *О. Мотейко*).

Выход сборника послужил своевременным импульсом к формированию условий для издания серии остальных выпусков «Вопросов функциональной грамматики» [18; 19; 20; 21].

7.2. Грамматика славянского предлога. Сборник «Вопросы функциональной грамматики» стал трибуной для публикаций результатов следующего, уже международного, двустороннего исследовательского проекта Г 04-032 «Структура и функционирование русской и белорусской предложных систем: сопоставительный аспект» (МГУ им. М. В. Ломоносова – ГрГУ имени Янки Купалы). Инициатор и руководитель проекта – профессор МГУ им. М. В. Ломоносова *Майя Владимировна Всеволодова*, которая начиная с IV Карских чтений становится их постоянной и желанной участницей: ее пленарные доклады и руководство секциями всегда вызывали неподдельный интерес участников неожиданными идеями и оживленными дискуссиями. Знают профессора *М. В. Всеволодову* и студенты: она читала в ГрГУ им. Я. Купалы лекции по функциональной грамматике, ее идеи и учебники изучаются в спецкурсе по функциональной грамматике при подготовке журналистов и специалистов в сфере коммуникации.

7.2.1. Результаты проекта обсуждались на семинарах, один из которых был проведен осенью 3–4 октября 2001 г. в Гродненском госуниверситете, а его материалы опубликованы в сборнике «Вопросы функциональной грамматики» [20]. Первая часть сборника под названием «**Восточнославянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис**» включает материалы семинара. Это статьи *Е. В. Клобукова* «Переходные процессы в образовании служебных частей речи (предлоги как продуктивный класс лексем)»; *М. В. Всеволодовой* «Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики»; *М. И. Конюшкевич* «К вопросу о предлоге как единице языка»; *А. А. Воронковой* «Операциональные методы идентификации предлогов и предложных выражений»; *О. А. Часовских* «Предлоги со значением сходства, их

типология и место в структуре предложения»; *И. В. Песоцкой* «Значения предложно-падежных синтаксем с лексемой *боль*»; *И. И. Жук* «Значение предложно-падежной синтаксемы *деньги* в русских и белорусских паремиях»; *И. А. Усаченко* «Межъязыковая эквивалентность каузальных русских и белорусских предлогов (ситуация повода)»; *С. А. Горской* «Белорусские присоматические предлоги и их русские соответствия»; *Л. И. Смольской* «Предложно-падежные синтаксеммы со значением неопределенности времени в русском и белорусском языках»; *Т. А. Пивоварчик* «Предложно-падежные синтаксеммы в речэтикетных формулах: парадигматика, синтагматика, прагматика»; *Е. А. Анисимовой* «Функционирование предлогов с именами лица»; *Е. П. Пустошило* «Номинативный потенциал релятивных средств в выражении дипласивной семантики».

Вторая часть сборника содержит статьи, содержание которых представляет результаты продолжающихся функциональных исследований членов кафедры русского языка.

7.2.2. Двусторонний проект по изучению предлога со временем перерос в открытый межнациональный проект «**Грамматика славянского предлога**», объединивший не только гродненцев и москвичей, но и ученых Украины, Польши, Болгарии, Ирана, Японии, а его бессменным руководителем и вдохновителем по-прежнему остается профессор *М. В. Всеволодова*.

И обсуждение результатов проекта состоялось уже на заседании Круглого стола «**Грамматика славянского предлога**», проведенного в рамках X Карских чтений, посвященных 145-летию Е. Ф. Карского (Гродно, 16 мая 2005 г.).

Материалы Круглого стола вошли в сборник материалов X Карских чтений отдельным разделом «Грамматика славянского предлога», в котором опубликованы статьи *М. В. Всеволодовой* (Москва, Россия) «Грамматика славянского предлога: системные явления в категории предлога (результаты первого этапа работы)»; *Ч. Ляхура* (Ополе, Польша) «Проблемы описания предложной системы польского языка»; *М. И. Конюшкевич* (Гродно, Беларусь) «Способы выражения лексического компонента синтаксемы (синтаксической позиции), маркированной предлогом (на материале белорусского языка)»; *Р. Судзуки* (Токио, Япония) «Словоформы параметрических существительных как корреляты предлогов: структура и управление»; *Л. И. Ушаковой, Е. В. Гальченко* (Белгород, Россия) «Соотношение поверхностных и глубинных структур при функционировании предложно-падежных синтаксем с фразеологизированными предлогами»; *С. А. Важника* (Минск, Беларусь) «Атрибу-

цыя беларускіх прычынных прыназоўнікаў: падыход ад глыбінных структур»; *И. А. Усаченко* «Корреляция предлогов и союзов в выражении каузальности»; *А. И. Каминской* (Москва, Россия) «Морфологическая синонимия вторичных предлогов (первые наблюдения)».

Здесь же опубликованы и статьи студентов ГрГУ имени Янки Купалы – соисполнителей проекта: *А. А. Ткаченко* «Лексико-функциональная группа производных предлогов с инвариантом ‘состояние’»; *Т. В. Левицкой* «Предлоги-компаративы *больше – меньше* в предложной системе белорусского и русского языков»; *О. Г. Николаенко* (позже ставшей аспиранткой Карлова университета в Праге) «Типы конкретизаторов в предложных сочетаниях с пространственным значением в белорусском языке».

Оба проекта по исследованию категории предлога были плодотворны: результаты увенчались не только многочисленными статьями их исполнителей, но и монографиями и реестрами русских, белорусских, украинских, польских, болгарских предложных единиц [22; 23; 24; 25; 26; 27].

А для гродненских исполнителей проекта он начинался с VI Карских чтений!

7.3. Мероприятия Медиалингвистической комиссии. С переходом оргкомитета чтений на кафедру журналистики изменились и научные приоритеты кафедры: они приобрели медиалингвистическую проблематику. Примечательно, что и в целом языковедение с началом цифровой коммуникации тоже стало активно исследовать язык СМИ и интернета. Показательный пример: в 2013 г. на съезде славистов в Минске при Международном комитете славистов (МКС) была аккредитована новая, 43-я по счету, Медиалингвистическая комиссия во главе с профессором Санкт-Петербургского университета *Лилией Рашидовой Дускаевой*.

В состав Комиссии от Беларуси вошли профессор Белорусского государственного университета *В. И. Ивченков* и профессор ГрГУ имени Янки Купалы *М. И. Конюшкевич*. Медиалингвистическая комиссия организовала сайт «Медиалингвистика в лицах», выпуск журнала «Медиалингвистика» (проф. М. И. Конюшкевич входит в состав редколлегии журнала), провела несколько международных семинаров и конференций под названием «Язык в координатах массмедиа».

Вполне закономерно, что в первые же организуемые кафедрой журналистики XIII Карские чтения были учтены все эти новации. Изменилось и название Карских чтений: «Славянский мир и

национальная речевая культура в современной коммуникации», которое более соответствовало изменившимся условиям. «Меня название чтений, кафедра журналистики, с одной стороны, взяла на себя обязательство продолжить почетную миссию проведения Карских чтений, но, с другой, заявила о собственном направлении, которое вписывается в учебный профиль кафедры, соответствует ее научным интересам, а главное – способствует развитию нового направления гуманитарного знания – медиалингвистики» (Из Обоснования проведения Карских чтений; *И. И. Минчук*).

7.3.1. Большинство присланных на XIII Карские чтения заявок тоже соответствовало медиалингвистическому направлению. Возникла идея провести в рамках чтений семинар по медиалингвистике, тем более что опыт проведения подобных семинаров в рамках чтений у организаторов уже был. По согласованию с профессором *Л. Р. Дускаевой* и по ее предложению в программу XIII Карских чтений был включен **семинар Медиалингвистической комиссии** под названием **«Языковые процессы в массмедиа славянских стран»**. Материалы семинара полностью вошли в сборник статей по докладам чтений [XIII].

В семинаре приняли участие 20 ученых из 43 участников чтений. Большинство докладчиков семинара обращали внимание на медиаречь и ее жанры, о чем свидетельствуют и названия докладов – ученых из Санкт-Петербургского государственного университета *В. И. Конькова* «Печатная массмедийная речь как одно из основных достижений русской речевой культуры XX века»; *Л. Р. Дускаевой* «Текстовые метафоры как отражение диалогичности журналистской речевой деятельности»; *Н. А. Прокофьевой* «Анонс. Речежанровая форма контактоустановления в медиадискурсе»; *Л. Р. Дускаевой, Ю. М. Коняевой* «Семантико-стилистическая категория персональности в журналистском тексте»; *Е. А. Щегловой* «Воспитательный потенциал репрезентации личности в очерках В. М. Пескова “Путешествие с молодым месяцем”», а также из Белорусского государственного университета – *Л. П. Саенковой-Мельницкой* «Жанровая трансформация в современном культурно-просветительском медиадискурсе»; Минского государственного лингвистического университета – *Е. А. Гапанович* «Функционально-семантические особенности номинаций обывателя во французских и российских СМИ».

Некоторые докладчики исследовали языковые механизмы воздействующих функций медиа: *Го Бинь* (Минск, БГУ – Китай) «Тактики оппозиционирования в программе “Прямая линия с Влади-

миром Путиным»»; *А. П. Загнітко* (Винница, Украина) «Мовні маніпуляції в сучасних технологіях медійних міфологізацій: лінгвоперсонологійний аспект».

Белорусские участники семинара сконцентрировали внимание на дискурсе белорусских СМИ: *В. І. Іўчанкаў* (БГУ) «Вектары развіцця беларускага мовазнаўства на мяжы XX–XXI стагоддзяў: ад тэксту да дыскурсу»; *Н. Ю. Павловская* (МГЛУ) «Модальная арганізацыя дыскурса і языковая ігра»; *Е. Г. Лукашанец* (МГПУ) «Новыя тэндэнцыі номінацыі в русскоязычном молодежном сленге (на материале онлайн-словарей)». Язык рекламы и PR нашел отражение в докладах гродненцев – *Т. В. Сивовой* «Колорыстычная эксплікацыя паняцця *Public relations* на старонках беларускіх выданняў (па матэрыялах партала “Беларусь Сёння”)»; *І. В. Піваварчык* «Традыцыйная беларуская культура ў сучасным рэкламным тэксце».

Исследователи из Гродненского университета представили доклады по материалам региональных СМИ Беларуси (одна из исследовательских тем кафедры журналистики): *І. А. Герасімчык* «Прыёмы выкарыстання інтэртэкстуальных адзінак у рэгіянальным медыятэксце (на матэрыялах раённых СМІ Гродзеншчыны)»; *І. І. Мінчук* «Эмпатыя в текстах районных СМИ (на примере типовой ситуации “награждение”)». Вопросы нормы и культуры речи журналистов посвящены доклады *А. А. Мурашова*, *Н. А. Шматко* «К вопросу о речевых ошибках структурного характера», *Т. А. Пивоварчик* «Нерегламентированная и вариантная пунктуация в языке региональных СМИ: девиации или особенности медийного узуса?».

7.3.2. Круглый стол «Языковые процессы в массмедиа славянских стран». В рамках XIV Карских чтений прошли два заседания круглого стола под эгидой медиалингвистической комиссии при Международном комитете славистов. В сборнике научных статей «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» материалы круглого стола заняли целых три раздела.

1. Раздел **«Коммуникативистика и медиалингвистика: проблемы современности и вопросы к будущему»** составили 13 статей. Лейтмотивом раздела стало обсуждение таких проблем, как глобализация и универсализация медиа; методология медиалингвистики; влияние современной коммуникации (гипертекстуальность, поликодовость, девербализация и др.) на языковую личность как творца и реципиента; этические проблемы современной коммуникации; новые технологии в исследованиях белорусскоязычных медиатекстов.

В то время как современные медиа стремятся в сторону глобализации и универсализации, стало заметным и движение в обратном направлении: усиление национально-архетипических компонентов на уровне дискурсивных практик, причем эти тенденции относятся и к общенациональным, и к региональным, и к зарубежным медиа. Такой вывод делает *И. В. Анненкова* (Россия, Москва) в статье «Национально-архетипическое и универсально-медийное в современном российском медиадискурсе».

М. И. Конюшкевич (Беларусь, Гродно) в статье «Коварный делибератив, или Эффекты корреляции предложно-именной и союзно-предикативной синтаксем» показывает коммуникативные возможности делиберативных синтаксем и оборотов, а также манипулятивное злоупотребление ими в современной интернет-коммуникации. Продолжением этой темы манипулирования медиа с помощью языка является статья *А. П. Загнітко* (Украина, Винница) «Соціумномовні параметри сучасних міжкатегорійних і внутрішньокатегорійних транспозицій: моделі та різновиди»: на основе анализа разных дискурсивных практик, а также идеологии и политики массмедийных средств показываются особенности реализации вторичной функции в первичную, что обуславливает динамику внутрикатегориальной иерархии значений. Протывостояние отмеченных тенденций происходит на уровне лингвомедийного моделирования картины мира и проявляется в топосфере современных медиа, аксиологическом фокусе медиадискурса и праксиологии современного медиатекста.

В статье «Лингвистическая архитектура гипертекста новости» *Л. Р. Дускаева* (Санкт-Петербург, Россия) продемонстрировала архитектуру и жизнь сообщения в медиа в виде волны, которая по преимущественному иллюкутивному значению сообщения имеет три периода. Отмечена жанровая детерминированность каждого периода.

Применение категориального и методологического аппарата медиалингвистики – содержание статьи «Взаимодействие языков и культур в СМИ как объект медиалингвистики» *Т. Г. Добросклонской* (Москва, Россия). Медиалингвистический подход на основе трех уровней – геолингвистическом, интерлингвистическом и внутриязыковом – позволяет дать всестороннее и системное описание особенностей взаимодействия языков и культур.

В статье *В. И. Ивченко* (Минск, Беларусь) «Медиатекст в эпоху информационных систем» перечисляются нелинейные характеристики медиатекста (супер-, супра-, интер-, интрасегментные структуры гипертекстуальности), позволяющие реализовать множество вариантов

чтения, а также одновременности восприятия и рефлексии. Высказывается мнение, что в новых условиях требуется переосмысление и самого текста.

Статья *Ю. В. Андреевой* (Казань, Россия) «Факторы информационного стресса в современной журналистике и эффективные профессиональные защитные стратегии» содержит перечень и описание новых стрессовых факторов (усложнение условий конкуренции в журналистской профессии, усложнение информационных потоков, трансформация профессиональных имиджевых технологий). На материале экспертных опросников были выявлены некоторые защитные стратегии – стереотипность стратегии успеха, искажение «объективации» реальности, блокирование личностных контактов.

Я. Голота «Problemy ruchu naukowego w regionach i regionalne czasopisma naukowe w współczesnej Polsce (na wybranych przykładach)» / «Проблемы научного движения в регионах и региональные научные журналы в современной Польше (на отдельных примерах)» информирует о деятельности региональных научных обществ, которых в современной Польше 312, об издаваемых ими журналах. Сообщается, что 70 % научных исследований в регионах осуществляются на общественных началах, и лишь 30 % находят финансирование. Проблемы научных обществ те же, что и у других: бюрократизм, формализм при получении грантов, трудности с материальной базой, низкая активность членов обществ. Тем не менее, делает вывод автор, научные общества – важный элемент массовой и научной коммуникации, который может быть усилен и в результате международных контактов.

Усиление авторского начала стало заметным во всех сферах современной коммуникации. Задела данная тенденция и кинокритику. Изменения правил в ней – авторский субъективизм, стремление отдавать преимущество наиболее популярным моментам с точки зрения массового пользователя, игровые черты, затрагивающие и этические нормы, – содержание статьи *Л. П. Саенковой-Мельницкой* (Минск, Беларусь) «Этические коллизии в современной кинокритике».

Экранизации произведения как особой разновидности текста в медиaprостранстве посвящена статья *А. В. Зезюлевич* (Гродно, Беларусь) «Экранизация художественного произведения как визуализация прочтения». На примере сопоставления текста романа О. Райта «Тони и Сюзен» и художественного фильма «Под покровом ночи» (режиссер Т. Форд) показана специфика бытования книжного и кинематографического текстов в сознании аудитории.

Предметом статьи *Л. В. Рычковой* (Гродно, Беларусь) «Регионально распределенная полнотекстовая база данных в исследовании языковых черт районных газет Беларуси» явились принципы отбора, обеспечения аутентичности данных, а также возможности их использования для задач исследования. Статья *А. Ю. Станкевич* (Гродно, Беларусь) «Программные инструменты отбора языкового материала из полнотекстовой базы данных региональных СМИ» дает описание структуры и состав базы данных, синтаксис запросов, а также возможностей как внутренних, так и свободно доступных инструментов базы для отбора языкового материала.

В статье *Д. В. Кузнецовой* (Минск, Беларусь) «Корпусныя тэхналогіі ў даследаванні спецыяльнай лексікі (на матэрыяле беларускамоўных медыйных тэкстаў)» показываются возможности корпусных технологий для исследований специальной лексики, в частности дается оценка вклада гродненских лингвистов в создание иллюстративного корпуса СМИ Гродненщины, входящего в состав Национального корпуса русского языка (модуль – Корпус региональной и зарубежной прессы).

Результаты свободного ассоциативного эксперимента стали предметом исследования коммуникативных практик повседневности в статье *Т. А. Пивоварчик* (Гродно, Беларусь), которая подготовила читателя к восприятию следующего раздела сборника.

2. Раздел «**Современные медиа: типология, жанровая палитра, коммуникативные практики**» включает 16 статей, основанных на докладах секционных заседаний с медиалингвистической семантикой.

Часть статей содержит характеристику отдельных медиа: дефиниции и методы исследования копоративных, бизнес- и деловых медиа (*В. М. Шуманская*; Минск, Беларусь), структурную характеристику белорусских СМИ 1920–1930 гг. (*В. М. Симонович*; Минск, Беларусь), тенденции развития корпоративных изданий в Беларуси (*М. В. Заяц*; Минск, Беларусь), характеристику украинской молодежной периодики в современном медиапространстве (*А. М. Кайдаш*, *В. І. Хоміч* (Нежин, Украина).

В ряде статей раскрываются различные дискурсивные практики в средствах массовой информации. Это практики в деятельности редакций региональных СМИ в условиях цифровой трансформации медиасистем (*А. А. Павлова*; Гродно, Беларусь); внеличная коммуникация в интернет-дискурсе (*Л. В. Пономарева*; Мариуполь, Украина); проявление субъекта религиозного дискурса как языковой личности на примере обращений патриарха Кирилла на портале «Православие и мир» (*В. О. Яровикова*; Москва, Россия); соотне-

сенность понятий «медиация», «медиатизация», «медиализация» в современных исследованиях (*Н. И. Наседкина*; Гродно, Беларусь).

Некоторые статьи показывают особенности национальных медиадискурсов: потаённый речевой код проявления коммуникативной агрессии в современных сербских медиа (*А. Н. Жаворонкова*; Санкт-Петербург, Россия); языковые особенности выражения феномена «солидарность» во французском дискурсе (*Е. А. Гапанович*; Минск, Беларусь); гендерно маркированные номинации пожилых лиц в текстах белорусских СМИ (*А. С. Мирошниченко*; Гродно, Беларусь); коммуникативный потенциал эпистолярного дискурса любви в произведениях украинской женской прозы (*В. М. Супрун*; Винница, Украина).

По-прежнему внимание исследователей привлекают различные экспрессивные средства, используемые средствами массовой информации: в заголовках газеты «Минская правда» (*Е. Е. Долбик*; Минск, Беларусь), в оппозиционной прессе (*П. А. Лекова*; Махачкала, Россия); прецедентные феномены в спортивных текстах СМИ (*В. Л. Лещенко*; Гродно, Беларусь), единицы, связанные с психоанализом (*И. С. Балабанович*; Минск, Беларусь).

3. Раздел «**Речевые жанры в современной коммуникации**» содержит 11 статей. Большинство из них касается жанров интернет-коммуникации. Обсуждение начинается со статьи *М. В. Шамановой* (Ярославль, Россия) «Семантическая эволюция ключевых лексем лексико-семантического поля “общение”», в которой показано, что семантика лексем *общение*, *общаться* на протяжении нескольких столетий изменилась в направлении от осмысления общности к взаимосвязи между людьми, а также между человеком и окружающим его миром.

В статье *И. А. Герасимчик* (Гродно, Беларусь) «Гражданская медиакритика в практике интернет-комментирования (на материале комментариев к статьям белорусских интернет-СМИ)» дается оценка гражданской медиакритики как эффективного инструмента влияния на медиа, который заставляет медийные организации корректировать свою деятельность.

В продолжение темы на примере комментариев к религиозным текстам *И. В. Пивоварчик* (Гродно, Беларусь) в статье «Сама-ідэнтыфікацыя ў віртуальнай камунікацыі» проанализировала языковые средства религиозной самоидентификации, основными из которых являются ники и таксономический предикат. В то же время автор говорит и о нерелигиозной самоидентификации авторов комментариев, в которых заметна агрессивность по отношению к верующим.

В статье *И. И. Минчук* (Гродно, Беларусь) под красноречивым названием «Нетикет виртуального сообщества: правила поведения и этикетные формулы (на примере чат-коммуникации в мессенджере)» выявляется специфика в распределении статусов коммуникантов и определении коммуникативного лидера, в использовании этикетных формул, в следовании определенным правилам общения в виртуальном сообществе. Автор приходит к выводу, что одним из факторов, определяющих представления коммуникантов об этикетном / нетикетном поведении в сети, являются технические возможности коммуникативных сервисов.

Продолжает этикетную проблематику статья *Ю. Р. Филиппик* (Гродно, Беларусь) «Языковая реализация компонента “тема” речевой ситуации *комплимент* в белорусском эпистолярии», в которой на материале эпистолярия знаковых лиц белорусской культуры раскрывается богатый ономаσιологический потенциал белорусского языка для выражения тончайших оттенков комплимента в общении. Делается вывод, что столь широкая палитра комплиментарности существует в белорусском языке во многом благодаря влиянию непрерываемого авторитета и коммуникативной компетенции великих личностей Беларуси.

Косвенное подтверждение выводам из предшествующей статьи находим и в наблюдениях *В. В. Шинтарь* (Гродно, Беларусь), которая на материале дружеской переписки *А. П. Чехова* не только выявила структуру чеховских писем и ее эволюцию на протяжении более длительного времени переписки, но и показала ономаσιологические возможности русского языка, демонстрируемые личностью с высокой коммуникативной компетенцией.

Статья *А. П. Латушко* (Минск, Беларусь) «Віды згоды ў славянскіх мовах» на материале белорусского, украинского, чешского и болгарского языков показывает два вида согласия в коммуникации – полного и неполного. Автором выявлены группы нюансировок согласия – безапелляционное согласие, торопливое согласие, согласие-успокаивание, подтверждение, подтачивание, одобрение, божба и т. д.). Подается потенциал средств (неделимых синтаксических высказываний) в каждом из языков для выражения обоих видов согласия в каждой группе, отмечаются сходства в манифестации темы данной речевой ситуации в славянских языках.

На примере интернет-форумов в современном медиaprостранстве проанализировала рекламную коммуникацию в региональном виртуальном сообществе объявлений *Е. Т. Костюшко* (Гродно, Бела-

русь). Автором установлено, что специфика рекламной коммуникации детерминирована спецификой местного интернет-форума, который влияет на структурно-содержательные характеристики рекламного сообщения, на функционально-ролевую структуру рекламного диалога, на предпочтения в презентации рекламодателя и его товара.

В статье *В. Ю. Костюченко* (Минск, Беларусь) «Различия между английскими и русскими сетевыми ток-шоу и комментариями в употребительности некоторых категорий познавательной модальности» эпистемическая (между знанием и догадкой) и алетическая (между ассерцией и неуверенностью) модальности рассматриваются с точки зрения выраженности их значений в жанрах ток-шоу и интернет-комментариев. Выявлено, что в русских ток-шоу преобладают глаголы знания, в английских – глаголы мнения, в то время как в интернет-комментариях различия не наблюдаются, что свидетельствует о более интеллектуальном и содержательном характере коммуникации участников ток-шоу.

А. Л. Петрова (Новогрудок, Беларусь) в статье «Жанр журналистского расследования: от теории к практике (на примере печатных СМИ Гродненщины)» устанавливает признаки возрождения жанра журналистского расследования в гродненских СМИ, отмечает их отличительные черты в текстах районных газет, показывая вместе с тем типичную ошибку – использование недостаточного количества источников для полного изучения проблемы.

Жанровая типология публицистических текстов на материале современных украинских интернет-СМИ рассмотрена в одноименной статье *О. А. Щенки* (Мариуполь, Украина). Отмечено, что в современных украинских интернет-СМИ происходят изменения их жанровой структуры, появление жанровых инноваций, уменьшение объема текстов, насыщение визуальными элементами, экспансия микст-текстов с расплывчатыми жанровыми и стилистическими границами.

8. Мероприятия и другие значительные события, сопряжённые с организацией и проведением Карских чтений.

8.1. Юбилейные Карские чтения проводились шесть раз в связи с круглыми датами со дня рождения Е. Ф. Карского:

1) **130-летие** – I чтения «Са спадчыны акадэміка Я. Карскага» (15 января 1991 г.);

2) **135-летие** – VI Карские чтения «Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства: да 135-х угодкаў з дня нараджэння» (25–26 студзеня 1996 г.);

3) **140-летие** – XVIII Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Гродно – Минск; 14–16 декабря 2000 г.);

4) **145-летие** – X Международные Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (16–17 мая 2005 г.);

5) **150-летие** – XII Международные научные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (18–19 мая 2010 г.);

6) **155-летие** – XIII Международные научные чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» (12–13 мая 2016 г.).

8.2. Почти юбилейные XIV Карские чтения. В 2018 г. кафедре журналистики исполнилось 10 лет. Деликатно умолчав перед руководством и общественностью о своем маленьком юбилее (хотя без ложной скромности скажем, что похвалиться было чем, например, открытием магистратуры, и не только; не случайно к чтениям магистранты кафедры смогли подготовить достойные доклады), кафедра журналистики отметила этот праздник внеочередными XIV Международными Карскими чтениями (2–3 мая 2018 г.). Чтения собрали 97 участников. По докладам чтений был издан сборник научных трудов «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации». Таким образом, проведенные чтения стали своеобразным отчетом повзрослевшей кафедры перед Е. Ф. Карским.

8.3. Книги к Карским чтениям.

8.3.1. Книга заслуженного учителя Республики Беларусь *Афанасия Петровича Цыхуна* «Акадэмік з вёскі Лаша Я. Ф. Карскі» [28] представляет собой краеведческо-биографический очерк, рассказывающий об истории «калыскі» ученого – Лаши и ее окрестностей, а также о жизни и деятельности Евфимия Федоровича Карского. Особенность очерка – живой, поэтический язык и масса документальных сведений о Е. Ф. Карском, фотоснимков. Книга была представлена участникам II Карских чтений в 1992 г. Финансовую поддержку в издании книги оказали колхозы имени Деньщикова, «Индур», исполком Гродненского районного совета народных депутатов.

8.3.2. Пособие к спецкурсу «Из истории языкознания: персоналии» *А. С. Белой* «Евфимий Федорович Карский (1861–1931)» [4]. Издано к VII Карским чтениям.

8.3.3. Дополнение к пособию (п. 1.9.3.3.), брошюра *А. С. Белой* «Евфимий Федорович Карский (архивные материалы г. Нежин)» [7]. Издано к VIII Карским чтениям.

8.3.4. Репринтное издание труда *Е. Ф. Карского* «Православныя святыни города Вильны» [13]. Издано к X Карским чтениям.

8.3.5. Книга *А. С. Белой, В. Н. Бережняк «Нежинская Карскиана»* [6]. Представлена на VIII Карских чтениях.

8.3.6. Книга *А. А. Карского «Карский Евфимий Федорович (к 150-летию со дня рождения): библиографический обзор»* [29]. Издана на средства филологического факультета ГрГУ имени Янки Купалы (протокол № 4 совета филологического факультета от 18 декабря 2009 г.).

На презентации книги автор рассказал участникам XII Карских чтений, что полный хронологический перечень работ академика Е. Ф. Карского представлен в ней более объемным по сравнению с опубликованным в 1961 г. Выявлен ряд неизвестных работ ученого. Многие свои материалы Е. Ф. Карский как редактор-издатель «Русского филологического вестника» подписывал лишь инициалами, а некоторые вообще не подписывал, однако, если в них обращение идет от имени редакции «РФВ», принадлежность их перу редактора-издателя неоспорима, поскольку в журнале, кроме Карского, других штатных сотрудников не было. В книгу включены посмертные издания трудов академика, а также названия населенных пунктов, имеющих отношение к биографии Е. Ф. Карского [29].

8.3.7. Книга *А. А. Карского «Академик Е. Ф. Карский. Биография»* [2]. Презентация книги приурочена к XV Карским чтениям навстречу 160-летию Е. Ф. Карского. Две рецензии на книгу подготовила *М. И. Конюшкевич*: одна из них опубликована в «Беларускай лінгвістыцы» (2019, вып. 83), вторая представлена в журнале «Веснік Гродзенскага ўніверсітэта».

8.4. Сюрприз «Гроднооблпочты»: юбилейный конверт с портретом Е. Ф. Карского. Второй примечательной чертой XII Карских чтений было знаменательное событие: в честь предстоящего 150-летия Е. Ф. Карского «Гроднооблпочта» выпустила в обращение конверт с портретом академика, был изготовлен почтовый штемпель, посвященный XII Карским чтениям и действующий во всех почтовых отделениях Гродненской области только на время чтений – 18–19 мая 2010 г. Во время открытия чтений с участием сотрудника «Гроднооблпочты» состоялось торжественное гашение юбилейного конверта указанным штемпелем. Каждый участник получил на память конверт с маркой «Августовский канал», погашенной указанным штемпелем. Если учесть, что таких конвертов выпущено лишь 150 экземпляров, то можно считать, что в истории почты и филологии имеет место исключительное событие, а участники чтений стали обладателями необыкновенного раритета.

**Пленарное заседание IX международных Карских чтений
(16 мая 2002 г., г. Гродно).**

**В президиуме: профессор *М. И. Конюшкевич* (Гродно, ГрГУ),
профессор *М. В. Всеволодова* (Москва, МГУ).**

Докладчик – профессор *А. А. Гируцкий* (Минск, МГПУ им. Максима Танка)

Открытие X Карских чтений, 16 мая 2005 г., г. Гродно.

**Слева направо: профессор *М. И. Конюшкевич* (Гродно, ГрГУ),
профессор *Л. В. Судавичене* (Вильнюсский университет),
профессор *М. В. Всеволодова* (МГУ), доцент *А. С. Белая* (Нежин, НГУ),
проректор по научной работе *В. Г. Барсуков* (Гродно, ГрГУ),
декан филологического факультета *В. К. Церлюкевич* (Гродно, ГрГУ)**

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Участники X международных Карских чтений
«Е. Ф. Карский и современное языкознание», 16–17 мая 2005 г., г. Гродно**

**Участников X международных Карских чтений встречают хлебом-солью
на родине академика Е. Ф. Карского 16 мая 2005 г.**

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Профессор *М. И. Конюшкевич* вручает *С. В. Ахунзяновой* книгу Е. Ф. Карского «Православная святыни города Вильны» в благодарность за финансовую помощь в проведении X Карских чтений

**X Карские чтения, 16 мая 2005 г., на родине Е. Ф. Карского.
Слева направо: профессор *М. И. Конюшкевич*,
директор СПК им. Деньщикова *В. А. Свирид*,
декан филологического факультета ГрГУ им. Янки Купалы *В. К. Церлюкевич***

**XI Карские чтения, 18 сентября 2007 г., г. Нежин.
Гродненский «десант» у портрета Е. Ф. Карского.**

**Слева направо: учитель *Т. В. Довгель*, доцент *С. М. Антонова*,
профессор *М. И. Конюшкевич*, доцент *И. А. Усаченко*,
директор Гродненской гимназии имени академика Е. Ф. Карского *В. С. Макарова*,
аспирант *А. В. Сентябова***

**Нежин, 18 сентября 2007 г. На открытии мемориальной доски
в честь академика Е. Ф. Карского на фасаде
Нежинского государственного университета имени Н. В. Гоголя.**

**Слева направо: доцент *А. В. Забарный* (НГУ), декан филологического факультета
НГУ *А. Г. Самойленко*, правнук академика, писатель *А. А. Карский*,
доцент *А. С. Белая* (НГУ), профессор *М. И. Конюшкевич* (ГрГУ),
ректор НГУ *А. Д. Бойко***

8.5. Благодарность за верность Карским чтениям.

Был приятный момент для тех гостей, которые неоднократно участвовали в Карских чтениях на протяжении их существования. Такими оказались *Таисия Георгиевна Бобкова*, доцент Могилевского технологического университета; *Александр Александрович Лукашанец*, в ту пору – директор Института языка и литературы НАН Беларуси, член-корреспондент, ныне академик; *Алла Степановна Белая*, доцент Нежинского государственного университета имени Н. В. Гоголя. Гостям, столь верным Карским чтениям, были вручены подарки.

8.6. На малой родине Е. Ф. Карского.

Место рождения Евфимия Федоровича Карского – небольшая деревенька Лаша (1539 г.) под Гродно, территориально входящая в состав СПК имени П. И. Деньщикова, центр которого находится в нескольких километрах от Лаши в агрогородке Луцковляны. В Лаше похоронен дядя Евфимия Федоровича *Иван Онуфриевич Карский* – дьяк местной церкви; он собирал фольклорные и этнографические сведения, наблюдал жизнь крестьян, обычаи и обряды, а собранный материал посылал известному фольклористу и этнографу *П. В. Шейну*.

Много сведений о Лаше можно почерпнуть из книги *А. П. Цыхуна* «Акадэмік з вёскі Лаша Я. Ф. Карскі». Участники чтений имели возможность не единожды увидеть и своими глазами малую родину выдающегося белоруса-академика. Земляки Е. Ф. Карского не раз тепло встречали участников чтений хлебом-солью и с гордостью и достоинством показывали свои достижения, знакомили с особенностями жизни современного села и передового хозяйства.

Бессменный руководитель СПК *Василий Афанасьевич Свирид* встречал гостей, рассказывал гостям, как живут, работают, отдыхают жители сел, входящих в состав СПК, какие преференции для своих тружеников может себе хозяйство позволить (путевки, премии, бесплатные учебники и обеды школьникам и т. д.).

О крепком хозяйстве глазу говорили ухоженные поля (кстати, там есть и поле имени Карского!), опрятные коттеджи с ландшафтным дизайном подворий, асфальтированные улицы, красивая школа с ухоженным и благоустроенным двором и оснащенными компьютерами классами, богатый техникой мехдвор, своя электростанция.

В диковинку было ученому люду видеть возле фермы клумбы с цветами, входить в помещение фермы в халатах и шапочках и наблюдать доение коров под музыку Вивальди (хозяева утверждают, что под нее буренки дают больше всего молока).

Я была свидетелем эпизода, как в одно из посещений Лаши гостя из Украины подошла к пожилой женщине, сидящей у своей хаты на скамеечке: «Скажите, бабушка, хорошо вам здесь живется?» А та отвечает: «Ой, дзеткі, добра. І дроў прывязуць, і бульбу пасадзяць і выкапаюць. Добра, абы здароўе было, каб гэтак даўжэй пажыць».

Бережно собирает и хранит память о земляках музей хозяйства. Есть в музее и некоторые памятные вещи Е. Ф. Карского, но, как нам сообщили, большинство экспонатов, связанных с именем ученого, было передано в архив и в гродненскую гимназию имени Карского.

Участники чтений оставили в книге записей музея много своих отзывов. Один из них был краток и красноречив: «Убитые счастьем участники чтений».

8.7. В гимназии имени Е. Ф. Карского.

Сложно выкроить из однодневной и даже двухдневной напряженной программы чтений время на еще какие-нибудь культурно-познавательные мероприятия, но в одну из первых конференций, когда и сами ученые далеко не все овладели навыками работы с компьютером, а интернет еще был незнакомым понятием, участники чтений посетили гродненскую гимназию № 1 имени Е. Ф. Карского (директором гимназии тогда была *Регина Ивановна Можджер*). Об открытии музея Е. Ф. Карского в гимназии, его целях и задачах, направлениях деятельности подробно рассказала в своем докладе *Т. И. Евтух* «Колькі слоў пра музей Я. Карскага» (VIII).

Экскурсию в музей Карского профессионально вели подготовленные гиды-старшеклассники, а в компьютерном классе гости заворуженно следили за музыкальными движениями пальцев профессора *В. А. Карпова*, специалиста по прикладной лингвистике, и одного из гимназистов, молчаливо «беседующих» на клавиатуре компьютера и читающих нечто непонятное для нас на его дисплее. Уже тогда гимназисты пользовались интернетом, на кафедре русского языка ГрГУ имени Янки Купалы компьютера еще и в помине не было.

9. Поддержка Карскианы и Карских чтений со стороны властей и общественности.

9.1. Власти г. Нежина и Нежинского государственного университета имени Н. В. Гоголя. По оживленной переписке с *А. С. Белой* (в моем архиве сохранилось около сотни писем) могу свидетельствовать, что организация установления мемориальной доски в честь иностранного ученого в столь сложное время стоила *Алле Степановне* немало хлопот (от идеи до ее реализации дистанция в восемь лет).

Но достойно уважения и то, как оперативно и лаконично формулировалось и принималось решение руководством г. Нежина. Приведем тексты двух документов, копии которых прислала мне А. С. Белая сразу же после их появления – как уверенность в том, что доска будет установлена. Письмо за подписью ректора Нежинского университета А. Д. Бойко, датировано 17 ноября 2006 г. и адресовано городскому голове г. Нежина М. В. Приходько: *«Вчена рада Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя просить Вас розглянути питання щодо встановлення на фасаді навчального корпусу № 1 меморіальної дошки такого змісту:*

“У цьому будинку з 1881 по 1885 рік в історико-філологічному інституті навчався мовознавець академік АН СРСР ЮХИМ ФЕДОРОВИЧ КАРСЬКИЙ”.

Фінансування витрат, пов'язаних з виготовленням та встановленням меморіальної дошки, університет гарантує.

Додаток: витяг з протоколу № 5 вченої ради університету від 03.11.2005».

И выписка из протокола № 44 заседания исполнительного комитета Нежинской городской рады от 14 декабря 2006 г.:

«Протокольо 126. Слухали:

Про розгляд листа вченої ради університету ім. М. Гоголя щодо дозволу на встановлення меморіальної дошки Ю. Ф. Карського – мовознавця.

ВИРИШИЛИ: Підтримати клопотання».

9.2. Гродненский районный исполнительный комитет, в ведении которого находится СПК имени П. И. Деньщикова, в том числе и д. Лаши, малая родина Е. Ф. Карского, всегда чтит память знаменитого академика-белоруса. Как сообщалось выше, исполком финансово поддержал издание книги А. П. Цыхуна «Акадэмік з вёскі Лаши Я. Ф. Карскі» [28].

Заметил районный исполком и проводимые в городе Гродно Карские чтения. У меня сохранилось приглашение на одно из проводимых в 1991 г. исполкомом мероприятий: *«Паважаная Марыя Іосіфаўна! Запрашаем Вас асабіста прыняць удзел у памінальнай урачыстаці з нагоды 60-годдзя з дня смерці акадэміка Карскага. У праграме: 1. Урачыстая абедня ў царкве вёскі Лаши. 2. Наведванне музея імя Карскага. 3. “Яго імя ніколі не згасне” (А. П. Цыхун). Час правядзення 29 красавіка ў 10 гадзін. Збор удзельнікаў у 9 гадзін ля райвыканкама. Камісія па між-нацыянальных адносінах Таварыства імя Скарыны».*

К торжеству по установлению мемориальной доски в Нежинском университете от исполкома был передан диск с фильмом об Августов-

ском канале – «Мекке» белорусских и зарубежных байдарочников – и приветственный адрес (приводим текст полностью).

«Выканаўчы камітэт Гродзенскага раёна вітае рашэнне выканаўчага камітэта Нежынскай гарадской Рады падтрымаць ініцыятыву Вучонай рады Нежынскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Міколы Гогаля аб устанавленні на фасадзе ўніверсітэцкага будынку мемарыяльнай дошкі ў гонар знакамітага вучонага-славіста акадэміка Я. Ф. Карскага.

Нежынскі дзяржаўны ўніверсітэт у свой час даў вышэйшую адукацыю і шырокую вядомасць беларускаму паэту Францішку Багушэвічу, чьё імя на мемарыяльнай дошцы красуецца побач з імем Мікалая Васільевіча Гогаля. Сёння тут з'явіцца імя яшчэ аднаго сьлыннага беларуса. І гэтая падзея сведчыць аб высокароднай місіі Нежынскага ўніверсітэта – быць асяродкам адукацыі і навукі, памятаць пра сваіх таленавітых навучэнцаў, асвятляць шляхі да новых вышыняў.

Сын беларускай зямлі, ураджэнец Гродзенічыны, Я. Карскі праславіў сваю радзіму і сваю alma mater здабыткамі руплівай і нястомнай працы на ніве мовазнаўства. Ён усёй сваёй навуковай дзейнасцю паказаў, што не існуе межаў там, дзе пануе ісціна, дзе цяняць працу і разумеюць любоў да радзімы і яе мовы.

Мы выказваем ўладам і грамадскасці Нежына і Нежынскага ўніверсітэта шчырую ўдзячнасць за гэты яскравы жэст, які будзе яшчэ больш садзейнічаць развіццю нашых добрасуседскіх, брацкіх сувязяў у самых розных галінах чалавечага жыцця.

Выдатных вам поспехаў і дабрабыту, дарагія украінскія сябры!»

9.3. Гродненский городской исполнительный комитет.

Те, кто постарше, помнят «лихие» 90-е, когда галопировала инфляция, сегодняшние деньги на следующий день становились беспомощными бумажками, полупустыми были прилавки магазинов... Но особенно удручал дефицит научной информации, ибо ни о какой подписке на научную периодику не могло быть речи. Ученые постсоветского пространства фактически совершали подвиг, обмениваясь книгами, отправляясь за свой счет на конференции, делясь идеями, учебниками, программами, рецензируя присланные рукописи... Каким огромным богатством и своевременным подспорьем в научных изысканиях стали для меня бесплатные книжные посылки, получаемые в 1995 г. от *Майи Владимировны Всеволодовой*, профессора МГУ имени М. В. Ломоносова!

Естественно, издание материалов Карских чтений было сопряжено с трудностями, хотя, к чести Министерства образования Республики

Беларусь, на проведение конференций некоторые средства тогда все-таки выделялись. Но мы готовились к 135-летию Е. Ф. Карского, заявок было много, средств не хватало.

Помню, на одном из собраний в нашем университете выступал председатель Гродненского городского исполнительного комитета Г. А. Крупенко. Когда он уже уходил, я его остановила, отрекомендовалась и стала говорить о предстоящих чтениях и потребности в помощи от города. Его отвлекали, торопили, и он попросил прислать в исполком письменное обращение. В тот же день обращение было доставлено по инстанции.

Приведу документ полностью на языке оригинала:

*«Старшыні Гродзенскага
гарвыканкама сп. Г. А. Крупенку*

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэтымя Янкі Купалы штогод праводзіць навуковыя чытанні, прысвечаныя ўраджэнцу Гродзенічыны акадэміку Яўхіму Карскаму.

Карскія чытанні набылі папулярнасць у навуковых колах і па геаграфіі ўдзельнікаў сталі міжнароднымі. Сёлетнія, юбілейныя (да 135-х угодкаў), чытанні ўвайшлі ў спіс канферэнцый МАПРЯЛ (“Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы”), членам якой з’яўляецца і Гродзенскі ўніверсітэт. На сёння маем заяўкі ад 109 удзельнікаў, у тым ліку ініцыятароў – 79.

На жаль, у наш цяжкі час правядзенне такіх мерапрыемстваў робіцца ўсё больш складанай справай, а выданне юбілейнага зборніка матэрыялаў стала праблематычным.

У святле вышэйсказанага аргкамітэт просіць выдзеліць сродкі на аплату друкавання матэрыялаў VI Карскіх чытанняў у Гродзенскай тыпаграфіі (каштарыс прыкладаецца).

Гэты спонсарскі жэст з боку выканкама зробіць гонар нашаму гораду.

З павагай

*старшыня аргкамітэта,
прарэктар па навуковай працы
С. А. Маскевіч».*

Через несколько дней мне в бухгалтерии сообщили, что на проведение чтений поступило 10 миллионов рублей. Потом эти миллионы в стране деноминировались дважды, но тогда этих денег хватило, чтобы издать «Дополнительные материалы» к VI Карским чтениям.

А Сергей Александрович Маскевич позже станет ректором ГрГУ имени Янки Купалы, затем – депутатом Палаты Представителей в

парламенте Беларуси, а после – Министром образования Республики Беларусь. И мы всегда чувствовали его поддержку.

К сравнению: для организации и проведения XII Карских чтений мне пришлось написать в разные инстанции (преимущественно в пределах структур ГрГУ) 12 служебных записок! И это при том, что бывший тогда первым проректором *Иван Григорьевич Бурлыко*, сам филолог, всячески мне помогал.

В науке есть понятия – «энтропия» (хаос) и «негэнтропия» (упорядочение). Условие гармоничной жизни социума – корректное соотношение энтропии и негэнтропии, но оно далеко не обязательно 50 % на 50 %. Примеры решений городских властей Нежина и Гродно по отношению к Карским чтениям показывают, что быстрее и легче решаются вопросы тогда, когда энтропия достаточно высока (а уж времена были ох какие энтропийные!), легко принимаются решения, в том числе и очень крупные (одни Вискули чего стоят!). И, наоборот, когда законодательно отлажены все процедуры согласований, достигается негэнтропия, но ее превышение становится бюрократией и начинает тормозить процессы. А если добавить человеческий фактор!..

9.4. Поддержка малого бизнеса. Индивидуальные предприниматели *Роман Александрович* и *Светлана Владимировна Ахунзяновы*, владельцы маленькой швейной мастерской, случайно узнали о наших затруднениях и оказали спонсорскую поддержку в издании работы Е. Ф. Карского «Православные святые города Вильны» (2005). От имени участников Карских чтений благотворителям в знак признательности были вручены благодарственное письмо и экземпляр изданной книги.

10. Об увековечении имени Е. Ф. Карского.

10.1. В Минске. Минск в жизни Е. Ф. Карского занимал значительное место. Здесь будущий ученый получил духовное образование для подготовки в университет, здесь академик Карский приложил усилия для открытия первого белорусского университета.

Известный биограф академика Карского *Михаил Гапеевич Булахов*, автор монографии о Е. Ф. Карском [1], в начале нового тысячелетия обратился с письмом к Президенту Беларуси относительно присвоения Белорусскому государственному университету имени Е. Ф. Карского. В предложении, к сожалению, было отказано. Два экземпляра копии ответного письма за подписью тогдашнего ректора БГУ *А. В. Козулина* Михаил Гапеевич прислал автору этих строк.

Основание для отказа вроде бы достаточно резонное: «...шесть лет назад Ученый Совет Белгосуниверситета принял решение о названии, подчеркнув, что слово “Белорусский” столь многозначительно, что не

требует усиления за счет какого-либо личного имени, пусть даже очень известного и много сделавшего для БГУ и всей Беларуси человека». На этом же основании была отвергнута и альтернатива, предложенная М. Г. Булаховым, – имя первого ректора БГУ академика В. И. Пичеты.

Письмо ректора А. В. Козулина заканчивалось заверением в том, что «внесено предложение об обновлении топонимической среды, окружающей БГУ, в котором предусматривается переименовать близлежащие к университету улицы. В этом предложении не забыты имена Е. Ф. Карского и В. И. Пичеты». Ответ ректора датирован 02 мая 2001 г.

Только спустя 11 лет, «13 июля 2012 года на 15 сессии Минского городского Совета депутатов одной из десяти новых улиц Минска присвоено название “Академика Карского”. 29 декабря 2010 г. в Минске в рамках 8-ой духовно-просветительской выставки-ярмарки “Рождество Христово” состоялась открытая конференция, посвященная 150-летию Евфимия Карского. Организатором конференции выступил проект “Западная Русь”.

По итогам конференции было принято обращение от белорусской общественности к Минскому городскому Совету депутатов и городскому Исполнительному комитету с предложением об увековечивании памяти Евфимия Карского в городе Минске. К письмам был приложен список подписей минчан.

Обращение было рассмотрено 18 февраля 2011 года на заседании Минского городского исполнительного комитета и принято решение поручить этот вопрос комиссии по наименованию и переименованию проспектов, улиц, площадей и других составных частей г. Минска. Предложение о присвоении имени Е. Ф. Карского одному из учебных заведений Минска было направлено в комитет по образованию Мингорисполкома в установленном порядке. Принятие решения об установке мемориальной доски было отложено до определения внебюджетных источников финансирования (средств общественных организаций).

На заседании Минского городского Совета депутатов, состоявшемся 2 марта 2011 года, было одобрено предложение об увековечивании памяти Евфимия Карского, и обращение было также перенаправлено в комиссию по наименованию и переименованию проспектов, улиц, площадей и других составных частей города Минска.

В итоге после изучения вопроса во всех соответствующих инстанциях 13 июля 2012 года Минским городским Советом депутатов было принято решение о том, что проектируемая улица № 2 в границах улиц Шаранговича, Горецкого, Рафиева станет улицей Академика Карского.

Члены проекта “Западная Русь” выражают благодарность всем, кто принял участие в организации конференции памяти Е. Ф. Карского, сбору подписей под обращением об увековечивании его памяти, городским властям, откликнувшимся на просьбу общественности и в короткий срок положительно решившим столь важный для истории и культуры Белоруссии вопрос» [30].

Кстати, улицы имени В. И. Пичеты в Минске еще нет (см. об этом статью И. Иоффе «Отверженный, но прощенный»; «Минский курьер» от 01 февраля 2019 г.).

Имя Е. Ф. Карского носит в Минске и областная библиотека (ранее библиотека имени А. С. Пушкина).

10.2. В Гродно именем Е. Ф. Карского названы следующие объекты:

– Гродненская областная библиотека имени Е. Ф. Карского; см. доклад *Л. Р. Шагун* «І справы добрыя ізноў жывыя» (II). Сообщение о решении властей опубликовано в газете «Гродзенская праўда» от 15 февраля 1957 г.: «*Гродненской областной библиотеке и Лашанской семилетней школе присвоить звание им. Карского*»;

– ГУО «Гимназия № 1 имени академика Е. Ф. Карского г. Гродно»;

– стипендия имени Карского в указанной гимназии;

– улица Карского в Ленинском районе г. Гродно;

– поле имени Карского в СПК имени П. И. Деньщикова (площадью 97 га возле д. Лаша).

II. Карскиана

Карскиана. Это емкое понятие включает, во-первых, содержание всех материалов чтений, которые касаются биографических сведений о Е. Ф. Карском и его семье, о его разносторонней деятельности в разные периоды его жизни, причем тех сведений, которые были неизвестны из имеющихся жизнеописаний ученого. Во-вторых, неотъемлемой частью Карскианы являются материалы, в которых уточняются и пополняются библиографические указатели трудов академика Карского. В-третьих, центральным звеном Карскианы является изучение научного наследия выдающегося слависта и развитие его идей.

Соответственно наш обзор материалов Карских чтений относительно содержания по данному пункту мы разделили на три части: 1) биографическая Карскиана; 2) библиографическая Карскиана; 2) научная Карскиана.

1. Биографическая Карскиана.

Биографии Карского за весь период чтений посвящено немного материалов – 11 статей, что объяснимо, учитывая лингвистическое направление чтений. Но эти немногочисленные работы закрывают значительные «белые пятна» в жизнеописании Е. Ф. Карского. Так, стали известны сведения о матери Евфимия Федоровича – вопрос, длительное время волновавший А. А. Карского, составителя биографии Евфимия Федоровича [2].

На XII чтениях неподдельный интерес аудитории вызвал доклад научного сотрудника музея г. Клецка (Беларусь) *А. В. Блинца* «Новые сведения о родителях академика Е. Ф. Карского» [31]. Автор сообщил об обнаруженных документах, позволяющих достоверно установить годы жизни родителей академика, проследить их перемещения по Беларуси, частично восстановить ранние годы жизни Е. Ф. Карского и др.

Продолжением истории семьи Карских стал доклад *А. А. Карского* «О братьях и сестрах академика Е. Ф. Карского» [32]. И этот доклад, изложенный в манере анализа и демонстрации документов, рассуждений, предположений, тоже вызвал живой интерес участников чтений.

Позже, на XIV Карских чтениях, *А. А. Карский* в докладе «Из переписки Е. Ф. Карского с литературоведом и театроведом Н. П. Кашиным» [33] рассмотрит обстоятельство написания трех почтовых открыток редактором научных журналов академиком Е. Ф. Карским: почтовые послания Н. П. Кашина помогли автору доклада уточнить многие факты из жизни Карского в бытность его редактором «Русского филологического вестника».

Благодаря статьям *Л. В. Судавичене* о Вильне, о ее историческом и культурном контексте во время работы Е. Ф. Карского в Виленской гимназии [10; 12], труд Евфимия Федоровича – «Православные святыни города Вильны» [13] был представлен широкому современному читателю.

Еще одним «белым пятном» в биографии Е. Ф. Карского стало меньше, когда на XII чтениях прозвучали доклады о Варшавском периоде его деятельности в качестве ректора Варшавского Императорского университета. В докладе *А. Г. Самойленко* (Нежин, Украина) «От лектора до ректора: личное дело Ефима Федоровича Карского в *Archiwum państwowe M. St. Warszawy*» [34] приводятся тексты документов, свидетельствующие о том, что стремительная научная и педагогическая карьера Е. Ф. Карского – место лектора в Варшавском университете, затем должность профессора, должность декана и позже

ректора университета – росла в жестких условиях конкурсов с достойнейшими конкурентами. Вместе с тем, считает докладчик, «именно Варшавский университет стал местом научного расцвета ученого», напряженный научный, педагогический и общественный труд которого был увенчан и вознагражден – Малой Ломоносовской премией, избран и членом-корреспондентом Императорской академии наук, большой золотой медалью Русского географического общества, золотой медалью имени П. Н. Батюшкова.

Доклад «Е. Ф. Карский – ректор Императорского Варшавского университета», с которым выступил *А. А. Карский*, архивист и писатель, правнук и биограф академика Е. Ф. Карского, представил самые, на наш взгляд, драматические страницы варшавской жизни Евфимия Федоровича – в должности ректора Варшавского университета в дни студенческих революционных волнений [35]. Позже эти страницы будут описаны в двухтомной биографии академика Е. Ф. Карского, написанной его правнуком [2]. На чтениях доклад *А. А. Карского* по накалу драматизма тех событий воспринимался слушателями как захватывающая детективная история.

Столь же интересным был на X чтениях и доклад профессора ГрГУ имени Янки Купалы *В. Шведа* «Лёс Варшаўскай бібліятэкі Я. Ф. Карскага» [36]. Судьба библиотеки Карского, которая сейчас находится в Национальной библиотеке Беларуси (НББ), была драматичной, с большими потерями, но и то, что осталось и хранится в НББ, имеет большое значение: будучи рабочей, библиотека ученого может рассказать читателю многое, ибо является отражением его творческой лаборатории, особенностей его научной деятельности, контактов с коллегами и единомышленниками, зарубежных связей. В НББ имеется картотека книг с автографами Е. Ф. Карского (свыше 600 экз.) и лиц, приславших ему книги с автографами. Автографы свидетельствуют об огромном уважении к личности академика, признании его заслуг.

Библиотечную тему Карскианы продолжает доклад ведущего библиографа Национальной библиотеки Беларуси *Л. Д. Сильновой* «Бібліятэка Я. Карскага ў фондзе нацыянальнай бібліятэкі Беларусі: агульная характарыстыка калекцыі на базе створаных бібіяграфічных запісаў у фармаце BELMARC», прочитанный на XIII Карских чтениях [37]. Сохраненная единым комплексом в НББ личная библиотека Е. Ф. Карского рассматривается автором доклада по разным признакам ее составляющих с применением поисковых возможностей современных технологий (тематика, языки, хронология, география мест изданий, дарственные надписи, библиотечные пометы владельца, маргиналии и др.).

На следующих (XIV) Карских чтениях *Л. Д. Сильнова* продолжила рассказ о библиотеке Е. Ф. Карского докладом «Гімназічныя падручнікі канца XIX – пачатку XX ст. у кнігазборы “Бібліятэка Я. Ф. Карскага”: з фондаў Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі» [38]. Учебники принадлежали некогда жене и детям Е. Ф. Карского, а также самому Евфимию Федоровичу в юные годы, поэтому библиотеку можно назвать семейной. Дарственные надписи, владельческие пометы, рисунки, подчеркивания, маргиналии на полях учебников являются знаками активного чтения текста в семье Карских. Может быть, с рисунков на полях учебника начался путь Натальи Карской, ставшей в будущем чертежницей и художницей.

Завершает биографическую Карскиану чтений доклад *Д. В. Дятко* «“Вопрос по партийной линии...” Взаимоотношения академика Е. Ф. Карского и советских властей» (XIV) [39]. В докладе освещается «массированная кампания против Е. Ф. Карского, инспирированная отдельными представителями “новой белорусской интеллигенции”...», а также партийно-номенклатурная реакция на деятельность академика во время его работы в музее антропологии и этнографии» (с. 19). Обосновывая идею, что «несмотря на предвзятость оценок исследований Е. Ф. Карского многими учеными и политиками того времени, круг проблем, поднятых им, а также способы их решения свидетельствовали о безусловной прогрессивности взглядов академика на процесс формирования белорусской нации и ее языка» (с. 19), автор доклада заключает свое «обоснование» такой же оценкой, которую только что сам же и критиковал: «Бывший выпускник приходского и духовного училищ, Е. Ф. Карский не был революционером ни в общественной жизни, ни в науке...» Вот как! «Бывший выпускник приходского и духовных училищ» этим же докладчиком даже в заголовках его собственных работ был назван «бацькам навуковага беларусазнаўства» [40], стоявшим «у истоков белорусского языкознания» [41].

Такое ощущение, словно докладчик познакомился лишь с первой четвертью биографии Е. Ф. Карского и вовсе не читал «Белорусов», а тем более не знаком (или прицельно избирательно знаком?) с оценкой научного наследия академика – белоруса и белорусоведа Е. Ф. Карского – хотя бы лингвистов, статьи которых имеются в сборниках материалов предшествующих Карских чтений.

В доказательство приведу отдельные фрагменты из статьи *С. А. Важника*, одного из самых компетентных исследователей истории синтаксиса белорусского языка, мнение которого полностью разделяю

(ради буквальной точности цитирую на языке оригинала): «Па значнасці другі том “Беларусаў” “Язык белорусского народа” можна было б параўнаць хіба што з “Расійскай граматыкай” М. В. Ламаносава. Аналогія з прэцэдэнтнай асобай Ламаносава не выпадковая: Я. Ф. Карскі даў беларусам **першую тэарэтычную параўнальную граматыку беларускай мовы**, што дазваляе ў гісторыі беларускай граматычнай навукі вылучаць два перыяды: да Карскага і пасля Карскага» [42, с. 99] (выделено нами. – М. К.). И чуть далее: «Хто ведае, калі б не было прышчэпкі з вакцынай “руская граматыка”, ці мелі б беларусы Яўхіма Карскага і “Беларусаў”? А ці была б у нас “Беларуская граматыка для школ” Браніслава Тарашкевіча, які вучыўся, у сваю чаргу, у Я. Ф. Карскага і А. А. Шахматава? Ці з’явіўся б “Сынтакс беларускае мовы” Язэпа Лёсіка з вербацэнтрычным разуменнем сказа ўслед за А. А. Пацябнёй і іншымі рускімі вербацэнтрыстамі канца XIX ст.?» [42, с. 105]. И наконец: «Дык у чым жа праяўляецца “абмежаванасць” вучонага-энцыклапедыста, які, нагледзячы на агульныя спробы назваць беларускую мову гаворкай вялікарускай (ці вялікапольскай – каму як падабалася) мовы, меў грамадзянскую мужнасць не паддацца агульнапрынятаму меркаванню і канстатаваць наступнае: “Калі разглядаць усе разам асаблівасці беларускай мовы, як адной ёй прыналежаць, і як агульныя з паўднёва-вялікарускімі і ўкраінскімі гаворкамі, то яна акажацца зусім асобным, арыгінальным арганізмам, каторы ўтварыўся вельмі даўно” [Карскі 1920]» [42, с. 106].

2. Библиографическая Карскиана – бібліографія твораў акадэміка Е. Ф. Карскага.

2.1. Первая попытка собрать и систематизировать все известные на тот момент печатные работы Е. Ф. Карскаго осуществлена к его 100-летию. «В VIII выпуске сборника “Трацы Інстытута мовазнаўства АН БССР” (Мінск, 1961) был опубликован основательный, по признанию А. А. Карскаго, труд *Я. М. Романовича* и *А. К. Юревича* “**Бібліяграфія прац Я. Ф. Карскага**” с небольшим предисловием на белорусском языке. Библиография эта разбита на три раздела: “Кнігі”, “Артыкулы, заметкі”, “Водзывы, рэцэнзіі, анатацыі, крытыка-бібліяграфічныя заметкі і некралогі”. Внутри каждого раздела работы Е. Ф. Карскаго расположены в алфавитном порядке, нумерация применена сквозная. Всего в списке насчитывается 777 работ ученого» (цит. по [43, с. 5]; выделено нами. – М. К.).

2.2. К 150-летию Е. Ф. Карскаго и приуроченным к этой дате X чтением (2010) был издан полный на то время **Библиографический**

обзор печатных работ академика Е. Ф. Карского (1052 прижизненные работы), не считая списка совместных работ (18), одной статьи, приписываемой Е. Ф. Карскому и 13 посмертно изданных работ ученого [29]. Указанный перечень составлен *А. А. Карским*. В предисловии он называет принципы построения перечня: «Публикации представлены в хронологическом порядке, по годам, приблизительно так, как они выходили из печати. Разумеется, в пределах одного года удастся достоверно установить только время появления журнальных публикаций, месяц же выхода книг и брошюр, отдельных оттисков зачастую неизвестен. Поэтому избран такой порядок: вначале указаны новые книги, выпущенные к определенному году, затем следует перечень журнальных публикаций по мере выхода периодических изданий, а в конце приведены переиздания, появившиеся в том же году. Всё это позволяет составить наглядное представление об интенсивности деятельности Е. Ф. Карского, о постепенном расширении сферы его научных интересов, о наиболее плодотворных периодах его биографии» [43, с. 5].

От себя добавим, что автор книги, *Александр Александрович Карский*, инженер-механик по профессии и долгим годам работы, архивист по призванию, писатель по духу и хранитель семейного архива Карских по долгу сердца, автор более двух десятков научных трудов, взял в наследство от своего выдающегося прадеда широту исследовательских интересов, огромное трудолюбие и основательность подходов к работе, внимание и уважение к факту, о чем свидетельствует содержание названной книги. Тираж книги, изданной в ГрГУ имени Янки Купалы, быстро разошелся, и книга уже стала раритетом.

2.3. Может быть поэтому, а еще и потому, что получены новые сведения, к 160-летию Е. Ф. Карского *А. А. Карский* подготовил самую полную на сегодня *«Библиографию работ об академике Е. Ф. Карском»*, которая опубликована к XV Карским чтениям (см. раздел настоящего издания).

3. Библиография публикаций участников чтений о Е. Ф. Карском.

3.1. Первой публикацией такого рода в материалах Карских чтений стала статья *Т. Прудко* «Научно-исследовательская деятельность Е. Ф. Карского: исторический обзор» [44], в которой автор привела с выходными данными более полусотни работ о деятельности академика, начиная от «Очерка жизни и деятельности Е. Ф. Карского», написанного Б. М. Ляпуновым, анализа работ академика Карского Н. С. Державиным в «Вестнике АН СССР» и заканчивая статьями участников Первых

Карских чтений. Среди авторов публикаций ученые М. А. Жидович, Ю. Ф. Мацкевич, М. Я. Гринблат, Т. Ф. Шешкович, Г. Бартошевич, А. Баханьков, А. А. Кривицкий, П. С. Кузнецов, Б. Лапов, А. И. Наркевич, М. Г. Булахов. Только работ В. И. Борковского о Карском названо восемь. Перечислены публикации о Е. Ф. Карском в 8 энциклопедических источниках, в журналах «Беларусь», «Маладосць», «Польмя», в еженедельнике «Літаратура і мастацтва», в центральной и региональной прессе. Т. Прудко заметила, что статьи в основном появлялись в связи с юбилеями ученого и что назрела необходимость в переиздании трудов Е. Ф. Карского.

3.2. Самой полной на сегодня информацией о белорусской Карскиане является статья *Е. В. Третьяковой*, научного сотрудника научно-библиографического отдела Центральной библиотеки имени Якуба Коласа НАН Беларуси «Бібліяграфічнае адлюстраванне навуковай спадчыны Яўхіма Карскага і літаратуры аб ім (па матэрыялах бібліяграфічных паказальнікаў і БД “Беларускае мовазнаўства” ЦНБ імя Я. Коласа НАН Беларусі)». После анализа БД библиографических указателей БД «Белорусское языкознание» и публикаций Карского и о Карском автор статьи делает вывод, что «в конце XX – начале XXI вв. просматривается тенденция к расширению количественных, тематических и географических границ научной Карскианы» [45, с. 87], чему в определенной мере способствовали и Карские чтения.

3.3. Библиографический указатель трудов об академике в рамках Карских чтений представлен в статье *М. И. Конюшкевич* «О Евфимии Федоровиче Карском. Библиографический указатель (1991–1996 гг.)», опубликованной в сборнике материалов VII Карских чтений [46]. Тематический обзор материалов чтений о Е. Ф. Карском дан также в статьях «Научная Карскиана конца XX века – начала XXI столетия» [47], «Е. Ф. Карский и проблемы белорусского языкознания конца XX столетия» [48], «Научное сообщество и современное языкознание в зеркале Карских чтений» [49]. Фрагментарно он представлен и в содержательных обзорах материалов каждого Карских чтений (см. список публикаций о Карских чтениях в научной периодике).

3.4. Еще одно издание, под обложкой которого собраны перечни публикаций о Карском и его наследии, написанных нежинскими участниками международных Карских чтений (VII; XI), проведенных в Нежинском государственном университете имени Н. В. Гоголя – это «Нежинская Карскиана» [6], о которой говорилось выше.

4. Научная Карскиана. Мы не стали создавать «Белорусскую или Гродненскую Карскиану», а применили, как уже заметил читатель, иной

подход. С признательностью оценив бесценный вклад нежинских коллег в Карскиану и популяризацию Карских чтений, мы попытаемся собрать **максимально полную на сегодня научную Карскиану**, появившуюся в рамках Карских чтений.

Если проследить тематику и содержание публикаций Карских чтений о Е. Ф. Карском на протяжении всех четырнадцати состоявшихся форумов, то отчетливо вырисовываются две рубрики, которые условно можно назвать так: «*Карский как...*» и «*Карский и...*».

4.1. Е. Ф. Карский как...

4.1.1. Славист. С позиций фундаментальности и широты научного гения Е. Ф. Карского его значение в истории мировой славистики, которая оформилась в самостоятельную и исключительно важную отрасль языкознания начиная с 80-х гг. XIX в., обстоятельно обрисовал *М. Г. Булахов*, исследователь биографии и научного наследия Е. Ф. Карского [50; 51]. Показав широкую панораму (более 40 персоналий) славистических изысканий на рубеже XVIII–XIX вв., *М. Г. Булахов* обращается к деятельности Е. Ф. Карского, который, «подхваченный потоком славистических идей того времени, поставил перед собой нелегкую задачу создания учения об исторических путях белорусского языка... При этом следует помнить, что белорусский язык ученый рассматривал не сам по себе, не в его замкнутых рамках, а на широком фоне исторических процессов развития всех славянских языков» [52, с. 7]. Карский изучал отношения белорусского языка к русскому, польскому, украинскому, поскольку именно с этими языками у белорусского языка существовали наиболее тесные связи, обращался к памятникам древнеславянской письменности, к палеографическим описаниям. Тщательно выверенный многочисленный языковой материал, который является единственно объективным доказательством, – вот исследовательское кредо выдающегося слависта.

4.1.2. Палеограф. Участники чтений *А. И. Наркевич* (VIII), *Е. И. Янович* (IX), *Н. Ю. Первалова* (VIII) единодушны во мнении, что академик Е. Ф. Карский впервые создал обобщающие труды по славянской палеографии и описанию образцов славянского кирилловского письма с X по XVIII вв.

«Расширяя границы палеографического описания, которое традиционно сосредоточивалось на описании рукописных почерков», Е. Ф. Карский рассматривает появившиеся под их влиянием печатные шрифты, среди которых как особый был выделен и шрифт Литовского статута 1588 г., «образцом которого послужила белорусская скоропись того времени, внешне напоминающая курсив к полууставу» [53, с. 13].

Сотрудник Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников Института русского языка РАН *Л. Астахина* считает, что *Е. Ф. Карский-палеограф* одним из первых дал определение источника (VII). Для него источником была рукопись, которую он рассматривал (со всеми ее особенностями) как объект палеографии. Анализ почерка, расположение строк на странице, способ пагинации, художественное оформление, история открытия рукописи и др. «указывали пути открытия новых памятников в различных архивохранилищах, нацеливали на их бережное сохранение и исследование, а также на введение их в научный оборот» [54, с. 17]. Особенно важна задача введения рукописи в научный оборот, так как открывается «возможность привлечь как можно больше ученых к ее исследованию, изучить в различных аспектах» [54, с. 17]. Добавим от себя, что на Карских чтениях примером подобного вовлечения *Е. Ф. Карским* в изучение рукописей являются доклады, обозначенные в следующем пункте.

4.1.3. Историк языка, исследователь памятников славянской письменности. Более ста лет назад *Е. Ф. Карский* опубликовал в «Варшавском вестнике» работу «Западнорусское сказание о Сивилле-пророчице по рукописи XVI века», в которой содержится текст повести и ее исследование. *Е. И. Янович* отмечает, что данная работа ученого впервые ввела в научный оборот этот интересный памятник старобелорусской литературы и языка, а публикация повести и до нашего времени остается ее единственным изданием. Раскрывая методику ученого в исследовании памятника письменности (описание структуры памятника, выделение ее частей, указание истоков и мотивов, вариантов), *Е. И. Янович* обращает внимание и на стилистические замечания *Е. Ф. Карского* о языке памятника (например, подобие одного из фрагментов летописному стилю). «Подобного рода замечания *Е. Ф. Карского* предугадывают то направление лингвистических исследований, которое определяется в современном языкознании как лингвистика и стилистика текста и имеет своим объектом текст как продукт речевой деятельности в соответствии с определенными коммуникативными и прагматическими установками, в соответствии с определенными жанровыми закономерностями», – с таким посылом ученого *Е. И. Янович* расширяет это направление при последующем анализе текста указанного памятника [55, с. 31–33].

По мнению *В. Сидоренко*, для истории русского литературного языка большое значение имеют работы *Е. Ф. Карского*, написанные в последние годы его жизни, когда он занимался изучением и подготовкой к опубликованию древнерусских памятников (XI). В докладе *Т. Трофимо-*

вич об актуальных проблемах исторического языкознания в научном наследии Е. Ф. Карского внимание уделяется проблеме исторической лексикографии, отмечается, что все работы Карского, посвященные исследованию конкретных памятников письменности, обязательно сопровождаются словарными материалами (XI).

Некоторые вопросы исторической фонетики в освещении Е. Ф. Карского были изложены в докладе *Л. И. Шаповаловой* (VIII). Приведя довольно пространную цитату из труда Е. Ф. Карского об употреблении «ятя» и смешении его и *е*, докладчик объясняет, что «в ней отражается присущая Е. Ф. Карскому манера интерпретации языкового факта, особенный научный стиль, в котором точность и корректность изложения сочетаются с образностью, нечасто встречающейся в научных сочинениях» [56].

«Е. Ф. Карский как исследователь переводов Псалтыря в Беларуси в XV–XVII вв.» – такую проблему в одноименной статье рассматривает *К. И. Лецко* (I). Автор считает, что данный труд Карского почти полностью построен на основе всестороннего лингвистического анализа рукописных памятников, что дает основание ставить вопрос о проникновении мотивов Псалтыря как в собственно белорусскую, так и в многоязычную литературу. *Т. С. Буйко* (XIV) в статье «“Псалтырь Давида” Міколая Рэя: знаходкі Я. Ф. Карскага ў святле сучаснікаў і наступнікаў» отмечает, что подробное описание Е. Ф. Карским названного древнего издания во многом предвосхитило догадки будущих исследователей этого памятника польской письменности.

4.1.4. Этнограф, фольклорист, этнолингвист, лингвокультуролог.

Научное наследие Карского как источник этнолингвистических исследований анализирует *В. И. Коваль* (I). Подкрепляя многочисленными примерами трактовки Е. Ф. Карским отдельных этнофразем (термин, введенный автором доклада позднее), он считает Е. Ф. Карского продолжателем традиций восточнославянской мифологической школы и основателем белорусской этнолингвистики [57]. Позже (IV) *В. И. Коваль* рассматривает мифологическую картину мира, точнее, ее основного фрагмента – совокупности представлений о мифологических существах в трактовке Е. Ф. Карского. К докладу приложена схема мифологической картины мира (МКМ) по Карскому [58, с. 17]; проведено сопоставление трактовок МКМ в трудах современников академика и ученых нашего времени.

Сопоставляя научную концепцию Е. Ф. Карского в описании обрядов восточных славян с современными течениями в этнографии, *Ф. Евсеев* отмечает: «Из современных этнологических эпистемологий ко взглядам и методологии Е. Ф. Карского в отношении происхождения,

функционирования и социально-коммуникативной специфики белорусской народно-поэтической культуры в наибольшей близости находится московская этнолингвистическая школа, возглавляемая до недавнего времени акад. Н. И. Толстым» [59, с. 227]. В докладе *В. М. Пащенко* (XI) прослежено Полесье в языковедческих интересах *Е. Ф. Карского*, в частности система вокализма Полесья в трудах ученого.

Продолжая методику лингвистического анализа текста, предугаданную и начатую *Е. Ф. Карским*, проф. *Е. И. Янович* рассмотрела поэтику белорусского фольклора и структуру народных песен, записанных *Е. Ф. Карским*, и отметила высокий художественный уровень организации их текстов, совершенство языковой шлифовки (II). Позже по этой же методике ею был представлен и анализ структуры и стиля текстов малых форм белорусского фольклора (III), загадок (VI), белорусских народных заговоров (VIII).

Этнокультурную лексику и другие компоненты в исследованиях *Е. Ф. Карского* собрала и классифицировала *А. С. Белая* (X; XIII); об исследовании *Е. Ф. Карским* малых форм фольклора – пословиц и поговорок – рассказала в своем докладе *Л. С. Лушник* (XI); в ракурсе подходов *Е. Ф. Карского* сопоставила исследование белорусского и словацкого прозаического фольклора (сказки) *В. Ляшук* (XI).

Отмечая мнение критиков научного наследия *Е. Ф. Карского*, что «лингвист в нем всегда брал верх над этнографом», *И. И. Токарева* в докладе «Этнолингвистическая традиция Востока и Запада» (VIII) заметила, что «сам термин “этнос” употреблялся *Карским* для определения культурной принадлежности людей, что вполне созвучно его современному использованию. Более того, научный метод *Е. Ф. Карского* характеризуется комплексным подходом к говору (наречию, языку): им исследовались фонетика, морфология, синтаксис и лексика, что сродни межуровневому подходу этнолингвистики, а материалом служили детально описанные образцы живой народной речи, не разрушенные инсценированными экспериментами, как это делает современная этнометодология.

Что это, как не традиция этнолингвистического изучения живого языка культурной коммуникации в отечественном языкознании? И ведет свое начало эта традиция со второй половины XIX века, т. е. практически с того же времени, когда зародилась знаменитая американская этнолингвистическая традиция *Э. Сепира* и *Б. Уорфа*» [60, с. 75]. И далее, отметив различия между указанными научными школами в методологии и векторах (восточнославянская ближе к этносемантике, западные теории тяготеют к прагмалингвистике и социолнгвистике), *И. И. Токарева* заключает: «Наши науки идут разными путями, но, как нам представля-

ется, в одном направлении и к общей цели – научному постижению роли языка в жизнедеятельности этносов» [60, с. 79].

4.1.5. Диалектолог. Взгляды Е. Ф. Карского как диалектолога отражены в ряде докладов *В. Бережняк*: вопросы украинско-белорусских лексических взаимосвязей в трудах Е. Ф. Карского и анализ их современными диалектологами (VII), взгляд Е. Ф. Карского на проблему переходных украинско-белорусских говоров в северо-западных говор-районах Черниговщины (XIII), вклад Е. Ф. Карского в развитие украинской диалектологии (VIII; XI).

В докладе *В. М. Емельянович* «Шарашоўскія гаворкі ў даследаваннях Я. Ф. Карскага» (III) отражена методика ученого в определении указанных говоров по количественным и качественным характеристикам звуков народной речи, которые, по мнению академика, являются определяющими для квалификации их как белорусских. Аналогичный подход Е. Ф. Карского продемонстрирован и по отношению к определению статуса говоров могилевско-смоленского пограничья в одноименной статье *Л. Шаповаловой* (VII), говоров старообрядцев на территории Беларуси и современного состояния их изучения – в статье *Н. Мининой* (VI).

Вклад Е. Ф. Карского в белорусскую диалектологию высоко оценен и зарубежными учеными [61] (IX), особенно его методика работы с диалектным материалом: анализ собранных ученым и накопленных фольклорно-этнических материалов, анкетные способы, личные поездки в разные населенные пункты. Автор дает важную информацию о состоянии исследований белорусских и переходных белорусско-украинских говоров на территории Беларуси польскими диалектологами.

4.1.6. Белорусист. Особенно многочисленны доклады чтений о Е. Ф. Карском как исследователе белорусского языка. Авторы статьи «Ля вытокаў беларускага мовазнаўства» *Т. И. Томашевич* и *З. М. Томашевич* подчеркивают, что именно Карский впервые заявил о белорусском языке как о самостоятельной системе, и приводят цитату из его работы «Обзор звуков и форм белорусской речи»: «...белорусское наречие необходимо считать самостоятельным: совокупность его характерных черт не повторяется ни в одном из славянском языке» [62, с. 26]. Авторы делают вывод, что к трудам Е. Ф. Карского «обращаются все, кто стремится познать дух творчества, дотронуться к честности в науке, почувствовать филологический гений человека, совершившего свой подвиг во имя расцвета духовных сил, языка и литературы белорусов» [62, с. 26].

На основании анализа лингвистических работ, посвященных проблемам культуры языка, *Т. Р. Рамза* (Минск, БГУ) выявляет

закономерности и неожиданности в отношении белорусских ученых к понятию «культура белорусского языка». По ее мнению, и одно, и другое обусловлены историческими реалиями, языковой политикой в БССР и в суверенной Беларуси, маргинальным положением белорусского языка в сферах его реального функционирования. *Т. Р. Рамза* отмечает, что в конце XX в. и начале XXI в. сами белорусы отнеслись к вопросу соотношения «народ ↔ язык» совсем не так, как понимал его *Е. Ф. Карский*. Сравн.: *Е. Ф. Карский* (цитируем по [63, с. 29]: «Асноваю для азначэння прыналежнасці да беларускага племя і яго пашырэння, як і наогул, можа служыць толькі жывая народная мова, неаддзялімая прымета беларускай народнасці ў працягу яе многавяковага жыцця, і пахаджэнне ад беларусаў-бацькоў. Калі асобныя члены гэтай народнасці з тых ці іншых прычын трацяць матчыну мову, яны перастаюць разумець сваю прыналежнасць к даннаму народу» [64, с. 3]. – Белорусы: «согласно данным Переписи, они относят себя к белорусам, но не говорят на белорусском языке, хотя считают его родным» [63, с. 29].

4.1.6.1. Лексика и фразеология белорусского языка в описании Е. Ф. Карского. Карскому – лексикологу и лексикографу в рамках чтений посвящено 5 публикаций. *В. К. Щербин* в статье «Я. Карскі і сучасная беларуская металеўкаграфія» отмечает, что «кропотливое практическое изучение и глубокое теоретическое осмысление наследия Карского поможет нам всем возвратиться в русло широкой лингвистической и в целом филологической традиции, воспринимаемой как целостная и гармоничная система научных взглядов и знаний по языку и литературе во времена Карского» [65, с. 3]. Автор заметил, что «для любого самого новейшего направления в рамках той классификационной схемы, которую предложил для современной лексикографической теории *В. В. Морковкин*..., в трудах *Е. Ф. Карского* можно найти соответствующие заделы и наработки» [65, с. 5].

Собранный ученым лексический материал, рассыпанный в многочисленных трудах *Е. Ф. Карского*, мог составить добротный словарь (чем и планировал академик завершить свой труд «Белорусы»). Даже в суровые годы гражданской войны он не оставляет своих планов и публикует статью «Что еще необходимо сделать в белорусском языке и литературе». В данной работе фактически дана развернутая программа сбора и систематизация лексического материала белорусского языка, констатирует *Г. К. Валева* в статье «Работа *Е. Ф. Карского* над восточными словами русского и белорусского языков» (VII).

Некоторые наработки ученого по лексикологии и фразеологии можно обнаружить и в ряде докладов чтений: лексика материального и духовного мира восточных славян в репрезентациях Е. Ф. Карского представлена *А. С. Белой* (VII); славянский ономастикон – в статье *А. Яцур* «Наследие Е. Ф. Карского и современный ономастикон» (VII), пословицы и поговорки – в статье *В. Черненко* «Наблюдения над фразеологией в очерках Е. Ф. Карского» (VII).

4.1.6.2. Словообразование в белорусском языке. Тему словообразования в белорусском языке по работам Е. Ф. Карского начал на Первых чтениях (1991) доклад *П. В. Стецко* «Я. Карскі як даследчык беларускага словаўтварэння», в котором автор фиксирует отмеченные Е. Ф. Карским специфически белорусские словообразующие аффиксы.

Позже на более многочисленном материале суффиксальные способы белорусского словообразования, отмеченные Е. Ф. Карским в «Историческом очерке словообразования и словоизменения в белорусском языке», были рассмотрены в статье *Е. И. Неццет* «Семантико-стилистические особенности производных структур с суффиксами субъективной оценки» (VIII).

В статье *О. А. Лецинской* и *А. А. Станкевич* «Я. Ф. Карскі ля вытокаў вывучэння беларускага словаўтварэння» также отмечается подробное описание ученым суффиксального словообразования в белорусском языке. Вместе с тем важной и ценной в исследованиях Е. Ф. Карского, по мнению авторов, является роль его трудов для будущих исследователей дериватологии, поскольку в них даны исторические комментарии, этимологические очерки, видится понимание ученым образования новых слов по аналогии с известными, что является для современников прямым указанием к моделированию и прогнозированию словообразовательных процессов.

Самой большой заслугой Е. Ф. Карского в теории словообразования *Г. Артеменок* (VI) считает исследование ученым словообразования белорусского языка как стройной, целостной части единой языковой системы с ее специфическими средствами и законами.

Н. Г. Пригодич в статье «Академик Е. Ф. Карский как исследователь белорусского словосложения» (VII) отмечает, что Е. Ф. Карский был первым, кто обратил внимание на специфику в развитии белорусских композитов, выделил среди них две группы – в его терминологии «слитие» (типа *двулетний*) и «собственное сложение» (*сухадушный*).

«Белорусское словообразование в трудах Е. Ф. Карского и современные тенденции развития» – тема обобщающей статьи академика

А. А. Лукашанца, руководителя Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов (XIII). Автор четко назвал шесть пунктов, определяющих вклад Е. Ф. Карского в словообразование белорусского языка, словом «впервые»: 1) выделил словообразование в отдельный раздел языка; 2) исследовал в белорусском этот уровень системы; 3) продемонстрировал опыт ее академического описания; 4) констатировал традиции преемственности суффиксального словообразования белорусского языка с праславянским; 5) засвидетельствовал важность словообразования для развития лексики; 6) оказал существенное влияние на развитие и исследование системы белорусского словообразования [66, с. 20–21]. А. А. Лукашанец делает вывод о том, что труды Е. Ф. Карского по словообразованию стали мощным стимулом и исходной базой для дальнейшего развития, что обеспечило белорусскому словообразованию достойное место в современной славистике и европеистике.

4.1.6.3. Морфология белорусского языка в «Белорусах» Е. Ф. Карского. Морфология как раздел грамматики представлена в «Белорусах» «Историческим очерком словоизменения в белорусском языке». Словоизменение и «формы белорусской речи» получили там глубокий и всесторонний анализ, что дало возможность проанализировать и оценить вклад ученого в описание этой части белорусской грамматики. В материалах VII Карских чтений находим несколько статей на тему морфологии.

В статье *О. Савчук* «Значение величины непроцессуального признака в «Белорусах» Е. Ф. Карского» (VII) приводятся наблюдения ученого над средствами выражения названной семантики, обнаруженные им на разных уровнях языковой системы. Подобное объединение равноуровневых средств одним значением способствует предугадыванию полевой структуры языка, в частности поля величины непроцессуального признака. Этот же объект, т. е. степени сравнения прилагательных, в интерпретации Е. Ф. Карского рассмотрен в статье *В. Зинченко* (VII) под формальным и историческим углом зрения – происхождение и употребление префикса *най-* в белорусском языке сравнительно с другими славянскими языками. Исследование Е. Ф. Карским образования и функционирования причастий в белорусском языке – предмет статьи *С. Обийкиной*, становление и функционирование белорусских наречий – статьи *И. М. Курловича* (XIII).

Служебным словам в описании Е. Ф. Карского посвящены две статьи *М. И. Конюшкевич*. Одна из них, «Предложная система белорусского языка в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние» (XI), показывает, что Е. Ф. Карский, в свойственной ему

манере подходить к языковому факту всесторонне, предвосхитил полипараметрическую атрибуцию предлога как служебной единицы языка. Так, им выделены 10 параметров характеристики предлога: 1) этимологические сведения о предлоге; 2) отсылки к диалектным эквивалентам; 3) извлечения из лексикографического источника; 4) употребление в контексте – живой народной речи, в поговорках; 5) деривационные связи; 6) фонетические и графические варианты; 7) фиксация «в старинных западно-русских памятниках»; 8) управление падежом; 9) аналогии в русском языке; 10) аналогии в польском и других славянских языках [67].

Во второй статье, «Система белорусских союзов в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние» (XIII), белорусские союзы характеризуются в количественном отношении (зафиксировано 125 одноклассовых единиц) и в функциональном отношении (по типу сложных предложений). Подчеркивается преемственность традиций научной школы Е. Ф. Карского и грамматики XX в. в описании союзной системы белорусского языка [68].

4.1.6.4. Синтаксис Е. Ф. Карского. Доцент ГрГУ имени Янки Купалы *З. П. Данильчик* представила на Карских чтениях в разное время три доклада по синтаксису в трудах Карского. В докладе «Пытанне аб звязцы ў “Беларусах” Я. Карскага і ў сучаснай лінгвістычнай літаратуры» (I) она отметила, что связки в составном сказуемом в белорусском языке впервые выделил именно академик Карский; он же четко обосновал роль связки в предложении и по семантике дифференцировал связки на три группы. Его классификация принята и современной белорусистикой.

Доклад *М. А. Корчица* (I) продолжает тему связок в «Белорусах» Е. Ф. Карского, но внимание автора обращено на семантику связок. Так, в «Белорусах» «содержание предикативного признака, который формируется на основе взаимодействия лексического значения всех компонентов структурной схемы предложения, позволяет выделить в глаголь-связке *быць* следующие оттенки, репрезентирующие разные способы признака: «выполнять функцию», «представлять собой», «обладать определенным признаком» [69, с. 44].

Два других доклада *З. П. Данильчик* и, соответственно, одноименные статьи посвящены инфинитивным и безличным предложениям в интерпретации Е. Ф. Карского (VI; X). *З. П. Данильчик* обратила внимание на трактовку Карским синтаксиса как «грамматического здания», для которого фонетика и морфология представляют собой только материал для построения этого здания. Описание односоставных безличных предложений в белорусском языке и их интерпретация Карским в «Бело-

русах» нашли полное отражение в академических грамматиках, научных трудах, учебниках.

Эпиграфом к своей статье «Пытанні мадальнасці ў лінгвістычнай канцэпцыі Я. Карскага» (V) *Н. Ю. Павловская* взяла высказывание М. Г. Булахова. Приведем его, чтобы еще один раз напомнить о методологическом кредо Е. Ф. Карского: «При изучении научного наследия Е. Ф. Карского потрясает энциклопедичность его кругозора, необычайная широта фактической базы исследования, фундаментальность теоретических обобщений и строгость научного метода» [70, с. 23]. Обращение к высказыванию Михаила Гапеевича понадобилось Наталье Юрьевне для того, чтобы на примере интерпретации Е. Ф. Карским наклонный белорусского глагола показать, что «интерпретация языковых фактов, так или иначе связанных с модальностью, свидетельствует о том, что в основе его взглядов лежит принцип единства структурного, семантического и функционального аспектов исследования, сориентированный на одно из прогрессивных направлений в науке – теорию функционально-семантических полей» [70, с. 23].

Цель доклада *С. А. Важника* «Сінтаксіс Я. Ф. Карскага ў аспекце станаўлення нацыянальнай сінтаксічнай традыцыі» (XII) – определить роль и место ученого в процессе становления белорусской синтаксической традиции. Автор статьи сравнивает по значимости второй том «Белорусов» с «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова и обосновывает свое суждение, анализируя каждый раздел и выделяя в нем теоретические идеи Карского. Глубина критического анализа и оценки того, что сделано Карским в области синтаксиса, позволяет *С. А. Важнику* с пониманием истории, теории и современного состояния синтаксиса возражать оппонентам академика: «Мы не согласны также и с тем, что Е. Ф. Карский был “в определенной мере ограничен в своих научных разысканиях” по причине того, что был воспитанником русского языкознания. Синтаксическая концепция Е. Ф. Карского представляется нам оригинальной и самостоятельной. Исследователь дискутирует по отдельным методологическим вопросам с выдающимися лингвистами своего времени. Да, труды Е. Ф. Карского ориентированы на достижения русского языкознания. Однако это не недостаток ученого, а скорее характерная примета гуманитарной науки того времени. Русистика как была, так и остается господствующей областью в славистике и наиболее приоритетной для языкознания даже сегодня. Что же тогда говорить о современном белорусском синтаксисе, формальном и “русофильском” по своей сути, и о современных синтаксистах, которые активно ориентируются на достижения русских грамматистов?» [44, с. 105].

Семинар участников международного проекта «Грамматика славянского предлога» в Донецком национальном университете, январь 2007 г.

Справа налево: *Е. Н. Виноградова* (Москва, МГУ), *О. Г. Николаенко* и *М. И. Конюшкевич* (Гродно, ГрГУ), *А. А. Загитко* (Донецк, ДонНУ), *М. В. Всеволодова* (Москва, МГУ), *Г. В. Ситарь*, *И. Г. Данилюк*, студенты (Донецк, ДонНУ)

Кафедра журналистики ГрГУ им. Янки Купалы (2012 г.)

В первом ряду (слева направо): зав. учебной телестудией *М. Г. Пархомчук*, ст. преподаватель, член БСЖ *Т. В. Лукашенко*, доцент, член БСЖ *А. В. Богуш*, профессор *М. И. Конюшкевич*; во втором ряду (слева направо): ст. преподаватель, член БСЖ *В. И. Куц*, преподаватель *О. В. Максимова*, доцент *И. А. Герасимчик*, ст. преподаватель *Е. В. Кулеш*, зав. кафедрой *Т. А. Пивоварчик*, преподаватель *И. И. Минчук*, преподаватель *А. В. Жегало*, доцент *А. А. Булгакова*, преподаватель *С. Г. Хвесько*, лаборант *Ю. С. Бичель*, проф. *А. А. Мурашов*, ст. преподаватель *С. П. Морозов*

XIII международные Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации», посвящённые 155-летию Е. Ф. Карского (3–4 мая 2016 г.).

В президиуме слева направо: декан факультета истории, коммуникации и туризма, профессор *А. Н. Нечухрин*, профессор *М. И. Конюшкевич*, проректор по учебной работе *Г. А. Гачко*

Почётный гость XIII международных Карских чтений – *А. А. Карский*, правнук Е. Ф. Карского, даёт интервью региональному телеканалу

**Обсуждение за чашкой кофе. Профессор *Т. Р. Рамза*
и директор Республиканского института образования *С. А. Важник***

**Учаснікі XIII Карскіх чтэнняў на малой радзіне Е. Ф. Карскага,
13 мая 2016 г., СПК ім. Дзеньшыкова, Гродзенскі раён**

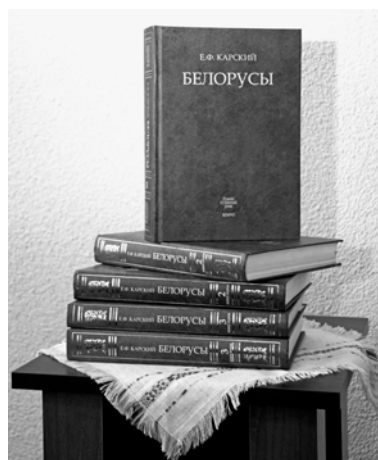
СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Беседа участников чтений с директором музея СПК имени Деньщикова
*Е. А. Козыревой***

**Сувениры от учащихся Луцковляннской СШ
на память участникам Карских чтений**

**«Белорусы»
Е. Ф. Карского**

4.1.7. Компаративист. В продолжение темы предшествующего пункта отметим, что достоинство синтаксической концепции Е. Ф. Карского состоит еще и в том, что его «Очерки синтаксиса» контрастивны по изложению материала. Эта черта синтаксиса ученого рассматривается в статье *М. И. Конюшкевич* «Параўнальна-супастаўляльны сінтаксіс у “Беларусах” Я. Карскага» (1). В ней отмечены многие принципы контрастивной грамматики, которых придерживался академик и которые позже получили свое развитие в трудах последователей, в частности опора на 1) системность; 2) историзм; 3) генетическое родство языков; 4) выбор языка-эталона, которым у Карского стал русский язык; 5) разнообразный языковой материал из многих источников – от древних текстов до паремий; 6) внимание к признакам национальной идиоматики описываемого языка (в случае Е. Ф. Карского – белорусского); 7) объяснение причин в межъязыковых расхождениях. Делается вывод, что по методике описания самобытности и самостоятельности белорусской языковой системы Е. Ф. Карского можно по праву считать родоначальником контрастивной грамматики русского и белорусского языков [71].

В материалах чтений имеются и доклады, посвященные контрастивному языкознанию – сопоставительному анализу методологий описания отдельных языков. Так, *И. Джундова* (Прешов, Словакия) сравнила методологические принципы Е. Ф. Карского и методологию ученых, давших описание словацкого языка как самостоятельного на фоне других близкородственных славянских языков. Например, в отличие от Л. Штура, который при определении специфики словацкого языка соотносил аутентичность с критериями нормативности, Е. Ф. Карский, обладая широкими знаниями диалектов и фольклора белорусов, отдавал предпочтение самобытности живой народной речи.

Методики П. Й. Шафарика и Е. Ф. Карского сближаются комплексным подходом к описанию языкового материала, а исследования Е. Ф. Карского и С. Цамбела параллельны 1) в особенностях описания становления белорусского и словацкого языков, 2) в основании диалектологии, 3) во внимании к живой народной речи, 4) в определении статуса своих родных языков как самостоятельных систем, 5) в описании своих языков в их динамике. Роднят этих ученых годы жизни и лингвистические интересы. «Карский и Цамбел понимали важность исторических условий развития славянских языков, необходимость их изучения языка в пространстве и времени, описания его внешних и внутренних признаков, роль живой народной речи и объективные результаты взаимодействия славянских языков» [72, с. 22].

4.1.8. Редактор «Русского филологического вестника», рецензент.

Когда организатором Карских чтений стала кафедра журналистики, а сами чтения получили название «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации», мы услышали упрек, что уходим от фигуры Карского, ибо журналистика и наследие Карского слишком далекие предметы исследований. На это *Александр Александрович Карский* возразил (XIII), что Евфимий Федорович Карский намного ближе к журналистике, чем это кажется. Ведь он в течение многих лет (1905–1917) был редактором «Русского филологического вестника» (РФВ), «Известий ОРЯС».

При Е. Ф. Карском значительно расширились объем и программа журнала, больше места уделялось критическому библиографическому отделу. *Т. А. Космеда* (Украина, Львов; VIII), ссылаясь на В. И. Борковского, сообщает: «Большое количество рецензий и аннотаций принадлежит самому редактору, который отзывался буквально на каждую новую книгу и статью по славянским языкам, на каждый новый учебник древнерусского и русского языков. Всего Е. Ф. Карский за время существования “Вестника” поместил 66 подробных отзывов (небольших заметок в каждой книге журнала, отредактированного Е. Ф. Карским, от 25 до 50)» [73, с. 29].

В докладе «Ю. Карський: критико-бібліографічні огляди в журналі» *А. Гадзінський* (Нежин; XI), рассматривает деятельность Е. Ф. Карского не только в роли редактора и издателя журнала, но и автора. Аннотации, рецензии, обзоры Карского характеризуют его и как «узко-профильного тонкого специалиста, и как глубокого эрудита» [74, с. 25], что, безусловно, повышало интеллектуальный уровень самого издания. Автор доклада считает, что аннотации и рецензии Карского приближаются к эссеистике, поскольку свидетельствуют о выразительном субъективном начале, человеческом темпераменте и хорошем литературном стиле.

А. А. Карский, преследуя в своем докладе «Из переписки Е. Ф. Карского с литературоведом и театроведом Н. П. Кашиным» цель восполнить пробелы в биографии Евфимия Федоровича, блестяще продемонстрировал, сколько ценной информации по биографии ученого можно извлечь из трех почтовых открыток переписки редактора РФВ и его адресата [33]. Он не только уточнил сведения из жизни своего прадеда. Из приведенных текстов переписки читатель видит академически-корректную тональность переписки редактора РФВ с авторами, его терпение и обязательность, а еще и исключительную его трудоспособность.

Таким образом, впервые на Карских чтениях появилась тематика, касающаяся научной журналистики. Продолжением этого вектора явился доклад с красноречивым названием «*Problemy ruchu naukowego w regionach i regionalne czasopisma naukowe w współczesnej Polsce (na wybranych przykładach)*» / «Проблемы научного движения в регионах и региональные научные журналы в современной Польше (на отдельных примерах)» *Януша Голоты*, профессора Института журналистики и социальной коммуникации Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша) [75].

4.1.9. Педагог. Участников чтений Карский заинтересовал и как педагог. Первый доклад на эту тему, опубликованный в сборнике Карских чтений, – это статья специалиста по методике преподавания языка *Н. Н. Гордей* «Из методического наследия Е. Ф. Карского» (III). Автор обращает внимание на то, как молодой 27-летний учитель старославянского (церковнославянского) языка, вопреки негативному отношению к этому предмету других учителей того времени, отстаивает данную дисциплину в статье «О преподавании церковнославянского языка в мужских гимназиях», где он высказывает свою точку зрения на значение, цели, принципы преподавания, объем и структуру программы дисциплины.

Е. Ф. Карский указал на две важные функции старославянского языка – развивающую, ибо дает «обильные упражнения для мыслительной способности» (Е. Ф. Карский) и объяснительную: «благодаря ему мы понимаем наше богослужение и видим возможность объяснять исторически развивающийся строй русского языка» (Е. Ф. Карский). С точки зрения современной дидактики и методики преподавания, определяются три основных принципа, которыми руководствовался Е. Ф. Карский при написании своей «Грамматики старославянского языка», выдержавшей 19 изданий до 1917 г.: принцип научности, принцип сравнительного изучения языка и принцип активности в обучении. Содержание дисциплины Е. Ф. Карский строит по концентрической структуре из трех ступеней. Отметим *Н. Н. Гордей* и то, что Карский как автор учебника с вниманием принимал критические замечания рецензентов и вносил необходимые исправления в каждое новое издание своего учебника [76].

«Педагогическая этика Е. Ф. Карского» – предмет внимания одноименной статьи (VI) *Т. М. Прудко*, педагога, доцента ГрГУ имени Янки Купалы, которая отмечает чувство педагогической и профессиональной справедливости Карского по отношению к ученикам и авторам рецензируемых им работ, тонкий такт даже в критических оценках, предельную научную честность и порядочность академика,

методическое мастерство, бережное отношение к языковому материалу, к книгам.

Характеризуя Виленский период жизни Карского, *Л. В. Судавичене* посвящает свою статью «Из некоторых наблюдений над педагогическими трудами Е. Ф. Карского» педагогической деятельности ученого (VIII). Отличительной чертой педагогического кредо академика явилась верность принципу научности. В доказательство автор приводит высказывание Е. Ф. Карского: «Наука на всех ступенях школы должна быть одной и той же, сообщая лишь истинные знания, которые в разных родах школы должны отличаться лишь количественно и по способу изложения, но не по качеству и не по существу» [77, с. 10].

Еще два доклада, близких к педагогической деятельности Е. Ф. Карского, касаются содержания изучения истории русского литературного языка в вузе: доклад *Л. И. Шаповаловой* «Труды Е. Ф. Карского в преподавании истории русского литературного языка» (VI) и доклад *В. Сидоренко* «Использование творческого наследия Е. Ф. Карского в преподавании курса “История русского литературного языка”» (VII). Объединяет оба текста рассмотрение взглядов академика Карского и его современников на происхождение русского литературного языка в контексте сегодняшней науки по этому дискуссионному и сегодня вопросу.

4.2. Карский и...

4.2.1. Язык и языкознание.

4.2.1.1. Термины «язык», «речь», «наречие», «племя». Употреблению в трудах академика Е. Ф. Карского указанных и других терминов применительно к белорусскому языку посвящено в разные годы много работ как современников ученого, так и ученых более позднего времени, включая наше. По употреблению того или иного термина порой определялось и отношение к взглядам самого Карского (пример подобного подхода см. в докладе *Т. Л. Воюшиной* «Паняцце беларускай мовы ў працах Я. Карскага: мова ці “наречие” » (VIII)).

М. Г. Булахов в статье «Об употреблении терминов “язык”, “речь”, “наречие” в русском языкознании XIX – нач. XX вв.» (XI) на примере многочисленных трудов русских языковедов прокомментировал использование названных терминов. Применительно к трудам Карского он пишет: «Поскольку все труды Е. Ф. Карского опубликованы на русском языке, естественно, что в них три рассмотренных термина тоже употребляются попеременно как близкозначные номинации применительно к разным языкам, включая белорусский, и при анализе языкового оформления письменных памятников, причем иногда такое чередование объясняется стремлением автора избегать повторения одного и того же термина в одном и том же контексте» [78, с. 15].

В заключение *М. Г. Булахов* высказал идею создания полного словаря применявшихся в научном наследии академика Е. Ф. Карского терминов, тем более что «рукописи в определенный период нашей истории проходили через цензурные органы... Так как архив с документами Е. Ф. Карского не обнаружен, нам трудно судить о том, подвергались ли рукописи цензурной правке. А ведь малокомпетентные оппоненты ученого обвиняли его в якобы преднамеренном употреблении терминов “племя” и “наречие” по отношению к белорусскому народу и его языку. Но следует учесть, что термин “племя” в русистике употреблялся не только в смысле “этническая группа эпохи родо-племенного общественного строя”, но и при выяснении происхождения (генезиса) того или иного народа исторической эпохи... Когда Е. Ф. Карский употреблял термин “племя” по отношению к белорусам, то он, конечно, имел в виду их этнические, славянские истоки и соответственно этому – этнографические признаки состава современных белорусов» [78, с. 15].

В конце статьи *М. Г. Булахов* дает очень нужную для современных исследователей справку о том, что при переиздании 1–3 выпусков труда «Белорусы» (М., 1955–1956 гг.) по настоянию тогдашнего руководства Института языкознания АН БССР термин «белорусское наречие» был заменен термином «белорусский язык», а термин «белорусское племя» – термином «белорусский народ» [78, с. 15]. Добавлю, что данная замена в предисловии к переизданию не была указана, что ввело в заблуждение тех исследователей, которые пользовались этим изданием. Попала в эту «ловушку» и автор этих строк в своем докладе «Яўхім Карскі – бацька беларускага мовазнаўства» [79]. Мы солидарны с вопросом Михаила Гапеевича: «не является ли это нарушением закона об авторских правах?» [78, с. 15]. Можно сформулировать и строже: не является ли это подтасовкой в науке?

К рассмотренным вопросам можно присовокупить и статью *И. И. Савицкой* «“Белорусская речь” Я. Карскага: даклад на I Усебеларускім з’ездзе» (ХІІ). Охарактеризовав структуру и содержание доклада, автор статьи делает вывод: «Так одна небольшая брошюра позволила увидеть через более чем 90 лет, как авторитетно и по-научному обосновал академик Е. Ф. Карский национальную самобытность древнего и самостоятельного славянского народа, как хорошо понимал и высказал перед участниками Всебелорусского конгресса направления строительства и объединения белорусской нации и как много сделал этим для пробуждения национального самосознания и самоуважения своих земляков» [80, с. 115].

4.2.1.2. «Литературный язык», «язык Великого Княжества Литовского», «язык Скорины».

Н. С. Гребенщикова в статье «Литературный язык в понимании Е. Ф. Карского» обозначила признаки, по которым Е. Ф. Карский характеризовал литературный язык: 1) язык образцовых писателей, 2) язык русского интеллигентного общества, 3) язык «государственный, орган умственной, нравственной и политической жизни» (Е. Ф. Карский). Будучи языком в некотором роде искусственным, живой литературный язык, в противоположность мертвым, «не может оставаться постоянно неизменным» (Е. Ф. Карский). «Приходится только удивляться стройности такой концепции», – делает вывод *Н. С. Гребенщикова* и приводит замечание М. Г. Булахова, что «...в начале 90-х годов прошлого века, когда на этом поприще Е. Ф. Карский выступил впервые, история русского литературного языка вообще не выделилась в особую отрасль языкознания» [81, с. 8].

В статье «Вопросы истории русского литературного языка в трудах Е. Ф. Карского» (VII) *Г. Вишневецкая* отмечает взгляды академика на роль А. С. Пушкина в создании критико-публицистической прозы, рассматривает концепции других исследователей о происхождении русского литературного языка. Продолжением темы явилась статья *Н. Нечваль* «Роль работ Е. Ф. Карского в изучении истории русского литературного языка» (VII), в которой приводятся признаки русского литературного языка, отмеченные академиком в трудах Ломоносова, Гоголя, Пушкина.

«Язык Великого Княжества Литовского в трудах Е. Ф. Карского» стал предметом подробного анализа в статье *В. Ю. Франчук* (XII), которая делает следующий вывод: «После распада Киевской Руси древнерусский литературный язык продолжал функционировать в канцеляриях ВКЛ. Его дальнейшее развитие и обогащение, по мнению Е. Ф. Карского, происходило как за счет диалектов местности, где находилась та или иная канцелярия (белорусских и украинских), так и путем заимствования лексики и фразеологии соседних государств. Постепенно обогащаясь инородными словами и формами, расширяя функциональные сферы своего влияния, западнорусская письменность стала первым этапом в становлении старобелорусского и украинского литературных языков» [82, с. 90–99].

О языке священных книг, напечатанных **Франциском Скориной**, существуют два мнения: 1) это «руска мова», т. е. старобелорусский язык, и 2) это церковнославянский язык. Об этих двух трактовках говорится в статье *Л. В. Судавичене* «Франциск Скорина в трудах Е. Ф. Карского» (IV).

По мнению автора статьи, великая заслуга Е. Ф. Карского состоит в том, что он впервые ввел деятельность Ф. Скорины в контекст белорусской культуры. Е. Ф. Карский заметил, что в книгах Св. Писания на территории Беларуси (в Литве) все большее место церковно-славянского языка занимает народная белорусская речь, что осталось много рукописных и печатных переводов Библии не только с некоторыми приметамы живой белорусской речи, но иногда и на чистом западнорусском наречии [83, с. 5]. Объясняет Е. Ф. Карский и причины, вызвавшие появление книг Св. Писания на языке, который, как он считал, назвать следует белорусским.

Как известно, язык скорининских изданий трактовался в белорусской лингвистике неоднозначно: он назывался смесью элементов различного происхождения, церковно-славянским с сильными элементами живого белорусского языка и следами влияния чешского и польского языков (И. В. Волк-Леванович), белорусским актовым языком (А. С. Будилович), белорусским языком XVI ст. (Т. П. Ломтев), белорусской редакцией церковно-славянского (А. И. Журавский) [84].

Е. Ф. Карский, в свойственной ему манере внимательно сопоставив особенности фонетики, лексики и грамматического строя так называемого западнорусского наречия, на которое переводил свои книги Ф. Скорина, приходит к заключению, что «по преобладанию в нем элементов белорусской речи ... называть его следует белорусским языком, прибавив разве для отличия современного белорусского наречия название старого» [85, с. 262].

В последнее время вывод академика Е. Ф. Карского о языке Ф. Скорины подвергается пересмотру: исследователи склоняются в сторону церковнославянского языка. «Но если для такого утверждения потребовалось более полувека, то хочется думать, что и эта точка зрения не является бесспорной», – заключает *Л. В. Судавичене* [83, с. 8].

В поддержку первой трактовки уместно здесь назвать еще две статьи о языке Ф. Скорины. В них, правда, не упоминается имя Е. Ф. Карского, но они появились в материалах Карских чтений. Так, в статье *Н. К. Паметько* «“Слоўнік мовы Скарыны” У. В. Анічэнкі» (II) дается анализ словаря как белорусского лексикографического издания, хотя автор статьи избегает названия языка Ф. Скорины.

Статья *Е. И. Янович* «Библионимы и языковые рефлексивы в составе текстов книжных предисловий Ф. Скорины» (X) показывает особенности языка предисловий и комментариев Ф. Скорины, их стиль, широту ономастического пространства, нравственно-духовные ценности. *Е. И. Янович* в своем анализе отождествляет понятия «руска мова» и «старобелорусский язык», приложимые к языку Ф. Скорины.

4.2.1.3. Словесность. *Т. В. Шмелева* в статье «Словесность в понимании Е. Ф. Карского и современных интерпретациях» (XIV) обращает внимание на тот факт, что академик в своих трудах не эксплицирует свое понимание словесности. И Татьяна Викторовна объясняет почему: «в отечественной филологии XIX в. это понятие было ключевым, оно входило, говоря современным языком, в образовательные стандарты гимназической и университетской подготовки» [86, с. 23]. И приводит примеры из биографии ученого: в гимназии Е. Ф. Карский преподает **словесность** во 2-й мужской гимназии; выдерживает экзамен магистра русской **словесности**; избирается академиком по Отделению русского языка и **словесности**; редактирует «Известия Отделения русского языка и **словесности**».

Автор статьи вчитывается в тексты трудов Е. Ф. Карского, «реконструируя» концепцию словесности ученого, и показывает словесность академика как совокупность текстов белорусов. Виды словесности в концепции Е. Ф. Карского различаются, по мнению *Т. В. Шмелевой*, по фактуре речи – устной и письменной. Основной единицей описания устной народной речи становится у Е. Ф. Карского жанр (группы жанров). Иначе описывается ученым письменная словесность: противопоставляются переводная (переводы Св. Писания, жития, апокрифы, исторические сочинения) и «самостоятельная письменная словесность» (летописи, правовые тексты, стихотворные тексты).

Свой обзор *Т. В. Шмелева* заключает следующим: «В концепции Е. Ф. Карского словесность охватывает все виды словесного творчества языкового коллектива, то есть белорусов, и оказывается симметричной “общественно-языковой практике” – понятие, которое позднее разработано в рамках общей филологии (дается ссылка на труды Ю. В. Рождественского. – *М. К.*). Точнее будет сказать, что словесность есть результат общественно-языковой практики – совокупность произведений, или текстов» [86, с. 24].

Т. В. Шмелева обратила внимание на исторические зигзаги в употреблении понятия «словесность», как потом оно стало почти историзмом, а сегодня снова оказалось нужным. Далее автор дифференцирует содержание данного понятия, которое распадается на разные региональные типы словесности. Как пример приводится учебное пособие «Новгородская словесность». Пафос статьи заключается в том, что, к сожалению автора, современные филологи остаются пока что «под гипнозом двоичной концепции филологии “язык + литература”, тогда как общественно-языковая практика современности

гораздо богаче... Обращение к опыту классика может открыть новые моменты в практике филологических исследований и формировании адекватного взгляда на предмет и задачи филологии как науки о словесности» [86, с. 25].

4.2.1.4. Интертекстуальность. Чем больше проходит форумов под названием «Карские чтения», тем пристальнее вглядываются исследователи в личность и наследие Е. Ф. Карского, тем неожиданней ракурс этого рассмотрения. Доклад *В. Н. Абашиной* (VIII) принадлежит к типу таких неожиданных. Автор рассмотрела «Очерки синтаксиса белорусского языка» академика Е. Ф. Карского «в интертекстуальном измерении» [87].

Отметив емкость и «весомую объяснительную потенцию» понятия интертекстуальности, введенного в научный оборот Р. Бартом, автор статьи считает, что интертекстуальное измерение может быть применено не только к художественным текстам, и перечисляет (с пояснениями) показатели интертекстуальности в научном тексте на примере «Очерков синтаксиса белорусского языка» Е. Ф. Карского.

К таким показателям она относит

1) источники языкового материала, служащего иллюстрацией к выдвигаемым научным положениям;

2) эпиграф – слова Франциска Скорины, которыми Е. Ф. Карский также заканчивает свое Предисловие. Попутно автор статьи отмечает, что Е. Ф. Карский в своем изложении «Синтаксиса» не пользуется цитатами, что свидетельствует об исключительной самостоятельности его концепции;

3) список «литературы предмета» (Е. Ф. Карский), сравнительно небольшой по современным меркам, но авторитетный по персоналиям, мнение которых ученый уважал, хотя нередко мог вступать и в полемику с ними.

К показателям интертекстуальности *В. Н. Абашина* отнесла и то, что сегодня в некоторых научных монографиях выносятся порой в отдельный раздел «Благодарности». Труд Е. Ф. Карского также связан с теми, кто не назван им персонально, но к которым Карский обращается с благодарностью за то, что помогали ему редкими изданиями, брошюрами, газетными вырезками, сведениями в письмах и личных беседах [87].

Идея изучения научного текста с позиций интертекстуальности, на наш взгляд, плодотворна в том отношении, что применяемыми сегодня стандартами к публикациям идиостиль ученого, с одной стороны, нивелируется, а следовательно, интертекстуальные показатели принимают признаки отшлифованной формы и обязательности. С другой стороны,

при всей стандартизации научного стиля, самостоятельный в своих идеях ученый всегда остается нетривиальным и в их изложении.

В качестве примеров оригинальности идиостиля можно привести учебник М. В. Панова «Фонетика» для филологических специальностей университетов [88], а также монографию (хотя автор назвала книгу учебником) М. В. Всеволодовой «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса» [89], в которой столько попутных примечаний и ссылок, объединенных темой «Кодекс речевого поведения», что на этом материале под нашим руководством была выполнена и защищена дипломная работа по речевому этикету в научной коммуникации.

4.2.1.5. Белорусский язык нашего времени. Статью академика Национальной академии наук Беларуси *Александра Александровича Лукашанца* «Беларуская мова ад Я. Карскага да нашых дзён» (XIV) можно считать символической. Во-первых, по объекту исследования: Е. Ф. Карский впервые дал описание белорусского языка по состоянию его на рубеже XIX–XX стст. и назвал ее самостоятельной системой. *А. А. Лукашанец* на рубеже XX–XXI стст. констатирует высокий уровень развития белорусского языка, степени его научного описания и тенденций его расширения в официальные сферы коммуникации. Вопреки стенаниям пессимистов, *А. А. Лукашанец* на общеславянском фоне по десяти параметрам привел доказательства развития современного белорусского литературного языка.

Следуя методу Е. Ф. Карского, автор статьи показывает славянский контекст существования и развития белорусского языка: белорусский язык – это 1) один самых древних славянских языков; 2) государственный язык Великого Княжества Литовского; 3) первый славянский язык, на котором был создан уникальный юридический документ того времени – Статут Великого княжества Литовского; 4) второй славянский и четвертый европейский язык, на котором были напечатаны книги Библии Франциска Скорины, что и стало началом белорусского и в целом восточнославянского книгопечатания; 5) язык, возрождение которого совпадает с аналогичными процессами в других славянских языках; 6) язык, который, как и другие славянские языки, формировался и развивался в условиях близкородственного двуязычия; 7) язык, который утвердил свою самостоятельность в невероятно сложных социально-политических условиях; 8) язык, который развивается по тем же тенденциям, что и другие славянские языки.

Столь же убедительны в статье и доказательства развития белорусского языка и белорусского языкознания: 1) система белорусского языка имеет разветвленную структуру; 2) статус

государственного языка; 3) по количеству носителей белорусский язык занимает 69 место; 4) употребляется во всех сферах коммуникации; 5) нормированный язык; 6) исчерпывающе представлен в академических и энциклопедических изданиях; 7) имеет разработанную фактологическую базу; 8) белорусский язык исследован на всех этапах его развития; 9) урегулирование языкового вопроса обеспечено законодательно (Конституцией Республики Беларусь); 10) существует полная социальная база (сельский и городской социумы). Подчеркнем, что каждое доказательство развития белорусского языка приводится автором статьи в сравнении на диахроническом срезе: состояние на начало XX в. – состояние на начало XXI в. [90].

Во-вторых, символической статья А. А. Лукашанца видится и в соотносительности личностей самих исследователей белорусского языка: начал описание первый академик-белорус, и продолжает ее исследование тоже академик-белорус, но далеко не второй. Тем самым с Карского начался отсчет ученых-белорусистов самого высокого статуса.

Разве не символична такая преемственность, такая тесная связь времен и лиц?

4.2.1.6. Современная лингвистическая парадигма. Под таким названием мы объединяем содержание трех работ *М. И. Конюшкевич* – доклада «Революция, эволюция или период возврата? (Взгляд на наследие Е. Ф. Карского сквозь призму новой парадигмы)», опубликованного в материалах VIII Карских чтений [91], статьи «Научная школа Е. Ф. Карского в свете парадигмы конца XX столетия», опубликованной между чтениями в сборнике Нежинского университета «Литература та культура Полісся» [92] и «Научная Карскиана конца XX века – начала XXI столетия» (X) [47].

Научная парадигма формирует соотношение признаков, характеризующих способ получения знания в определенном дискурсе действительности (т. е. с учетом научных традиций и новаций, степени состояния науки, востребованности научных задач социумом, уровня развития средств для добывания знания, характера и аксиологичности результатов и т. д.).

Приведены основные параметры научной парадигмы в языкознании конца XX – начала XXI вв.: эпистема «Язык владеет человеком»; функционализм, когнитивизм, антропоцентризм как ведущие принципы; речевая деятельность как предмет исследования; внешняя лингвистика в противовес внутренней; интегральность, дискурсивность, междисциплинарность; привлечение источников из других дисциплин; экология языка и языковой личности; моделирование как выводимость знания; аксиологичность и вероятностный характер результатов.

Перечисленные параметры парадигмы экстраполируются в статьях на научную традицию времени Е. Ф. Карского и его научную школу. Содержание «Белорусов» Е. Ф. Карского охватывает предмет таких современных дисциплин, как этнолингвистика, этнография, диалектология, социоллингвистика, ареальная лингвистика, типологическое и сравнительно-историческое языкознание, мифология, лингвокультурология, текстология, прагматическая лингвистика, лингвокультурология, даже гендерная лингвистика и целый ряд смежных с ними областей лингвистического знания, не получивших своих очертаний и в наше время.

Проводится тезис, что многое из научной школы Е. Ф. Карского вписывается в современную лингвистическую парадигму и может быть востребовано современными исследователями. В доказательство приводятся несколько суждений ученого из [93]:

– «...чтобы подчас не приписывать неожиданных открытий, а иногда и заведомо чтобы не пользоваться чужими трудами <...> необходимо знать, что в этой области уже сделано предшественниками...» (с. 36);

– «...язык развивается вместе с народом, подвергаясь разным изменениям в связи с переменами в жизни самого народа» (с. 37);

– «народ с открытыми границами легче подвергается посторонним влияниям, чем тот, у которого границы недоступны» (с. 37);

– «...природа оказывает большое влияние на ход народной жизни, на ее историю, а вместе с тем и на развитие языка, а также изменения в нем» (с. 37);

– «...свидетельства языка надежнее археологических» (с. 61); «...наука располагает памятниками материальной археологии, данными народного быта и особенно богатствами языка. <...> Далее языка не простирается ни один источник» (с. 124);

– «...надо быть крайне осторожным и строго придерживаться лингвистических законов. Следует всегда исходить из фактов, а не подгонять факты к предвзятой теории» (с. 70);

– «...недостаточность прямых современных свидетельств до известной степени вознаграждается той обширной мифологией, какая сохранилась в устных народных преданиях, песнях, поверьях, а также в разных местных названиях» (с. 147);

– «...самым выдающимся показателем известной степени культурного развития в древности русских племен является создание ими произведений народной поэзии, сохранных до наших дней в устной передаче» (с. 161).

Уже этот небольшой перечень методологических взглядов Е. Ф. Карского дает нам основание утверждать, что он как исследователь – современник

менен, что его научная школа не только не устарела, но особенно актуальна. Актуальна своим энциклопедизмом, фундаментальностью, контекстуальностью, междисциплинарностью, объяснительностью, эксплаторностью, т. е. важнейшими методологическими подходами, помогающими современному исследователю преодолевать столь дробную дифференциацию направлений, на которые имеет тенденцию распадаться современная лингвистика.

4.2.2. Культурно-исторический контекст. Наследие Е. Ф. Карского выходит далеко за пределы собственно языковедческих проблем. Масштабность и разносторонность деятельности ученого приобретают огромное общекультурное значение. Евфимий Федорович Карский создал, по точному замечанию *А. М. Петкевича*, «энциклопедию белорусоведения, утвердив самобытность своего народа, богатство духовной жизни белорусов» [94, с. 6].

Рассматривая процессы развития белорусской культуры, белорусской общественной мысли, формирования белорусской нации в целом, что проявилось в самых разных формах – в национальном движении студентов-народовольцев (журнал «Гомон»), в исследовательском интересе к белорусскому мелосу, фольклору, традициям белорусов, в развитии белорусской литературы – и проходило на фоне острой политической борьбы за Беларусь между официальными кругами России и Польши, *А. М. Петкевич* отмечает, что деятельность Е. Ф. Карского во многом была продуктом этих процессов, подпитывалась ими, была ответом на запросы национальной жизни [94, с. 7]. Не случайно период выхода «Белорусов» Е. Ф. Карского (1903–1922 гг.) совпадает со временем национального возрождения и бурным развитием белорусской культуры.

Вместе с тем, отмечает *А. М. Петкевич*, и труды Е. Ф. Карского в свою очередь стали солидной теоретической (добавим – и патриотической) основой, способствующей становлению специалистов-белорусоведов новой формации – *А. Сержпутовского*, *В. Ластовского*, *И. Луцкевича*, *Я. Лёсика*, *И. Волк-Левановича*, *Я. Станкевича*, *М. Гарэцкага*, *И. Дворчанина* и многих других.

В подтверждение сказанному, постоянный участник Карских чтений, историк по профессии *Т. Г. Бобкова* дает освещение национально-культурного движения белорусов в конце XIX – начале XX вв. (XII), особенности развития культуры Беларуси в этот период (XI). Она отмечает, что главным достижением национального возрождения этого периода следует признать возможность издавать литературу, периодику и даже школьные пособия на белорусском языке. Доклад содержит множество примеров того, где и в каких формах и направлениях развивалось национально-культурное движение белорусов.

Т. Г. Бобкова не без горечи отмечает, что белорусы, восхищаясь достижениями других народов, не всегда осознают значимость собственного наследия. В докладе «Часцінкі сусветнай культуры» (VI) приводятся примеры белорусских новаций в разных областях знания, имена белорусских мыслителей, ученых, изобретателей, делающих честь Беларуси, но незаслуженно забытых или мало упоминаемых. Это К. Лыщинский (сожженный инквизиторами на площади Святого Мясца в Варшаве), владеющий несколькими языками, предугадавший некоторые идеи философов Возрождения, создавший на Брестчине светскую школу. Это уроженец Могилевщины А. Довгирд, ученый широкой эрудиции, наблюдения которого над животными подтвердила наука только через два столетия. Это К. Г. Черновский, первым предложивший строительство кораблей цилиндрической формы и с перископом – прототип будущей подводной лодки. Это фотограф из Витебска С. Юрковский, изобретатель мгновенного затвора фотоаппарата, прообраза будущего киноаппарата...

Доклады *Т. Г. Бобковой* (VIII; XIV) подводят нас к мысли, что осознание того, что сделали для своего народа Е. Ф. Карский и другие выдающиеся люди прошлых времен, может помочь нам в формировании еще недостаточно зрелого чувства национальной гордости и, в конечном счете, – патриотизма [95, с. 32].

4.2.3. Этногенез белорусов. Задумываясь о самостоятельности белорусского языка как системы, Е. Ф. Карский не мог не изучать вопрос об этногенезе белорусов. О становлении проблематики этногенеза белорусов в этнографической науке и о том, как рассматривал и понимал Е. Ф. Карский этот сложный и волнующий многих вопрос, говорится в статье *Т. Н. Микулич* (I). Приводя аргументы за и против тезиса о том, что белорусская народность сложилась прямым наследником древнерусской народности, *Т. Н. Микулич* замечает: «Е. Ф. Карский имел основание обращать больше внимания на восточнославянское единство, которое существовало еще до разделения этой группы славян на летописные племена, чем на древнерусское единство, которое образовалось во времена Киевской Руси» [96, с. 10]. И если учесть факты языка (а их, повторимся, Карский считал самым объективным аргументом в исторических дискуссиях и доказал составленной им картой расселения белорусов), то, по мнению Т. М. Микулич, «сфера, которая принадлежит белорусским говорам, будет точным отражением сферы расселения белорусского народа на рубеже XIX–XX столетий» [96, с. 11].

Продолжая обзор подходов в современной славистике к этногенезу белорусов и солидаризируясь с утверждением В. В. Седова, что «в формировании белорусов бесспорная роль принадлежит балтскому этниче-

скому субстрату» [97, с. 13], *С. М. Прохорова* отмечает, что, несмотря на приверженность теории общерусского происхождения белорусского языка, *Е. Ф. Карский*, как истинный ученый, не мог не обратить внимания на множество балтизмов в белорусском языке, о чем свидетельствуют несколько его работ.

М. Г. Булахов на этот предмет высказывается более осторожно (в духе *Е. Ф. Карского*): «Нередко исследователи выхватывают из огромной словарной массы единичные факты и делают далеко идущие обобщения, что приводит к искажению действительной картины сложных лексических взаимоотношений между близкородственными и дальнеродственными языками индоевропейских этнических группировок.... И тем не менее остается очень важная задача, ждущая своего решения: в какой степени славянские языки, в том числе белорусский, были близки в лексическом отношении к балтийским языкам, ведь сторонники гипотезы балтославянского единства опирались главным образом на большое сходство фонетических и грамматических законов этих языков» [98, с. 4].

В статье *С. В. Морозовой* «“Этнографическая карта белорусского племени” Яўхіма Карскага ў кантэксте сучаснай тэорыі этнагенезу беларусаў» отмечается, что «особенности национальной консолидации белорусов вкупе с неблагоприятной правительственной политикой обусловили сомнение и даже непризнание в научных кругах существования белорусской нации...“Этнографическая карта белорусского племени” (1903 г.) в контексте первого тома “Белорусов” утверждала статус белорусского языка как отдельного этнокультурного образования среди славянских языков и развенчивала сомнения насчет самобытности белорусского народа» [99, с. 13].

4.2.4. Менталитет белорусов. Задолго до того как прагмалингвистика обнаружила себя в качестве направления лингвистики, предметом которого являются взаимоотношения между людьми с помощью языка, в трудах исследователей этноса (народности, нации) накапливались языковые единицы, регулирующие межличностную, семейную, племенную, производственную коммуникацию, основанную на менталитете народа.

Содержательную структуру менталитета (без употребления этого термина) образно очертил *Г. Гачев*: «Каждая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, это значит: тип местной природы, национальный характер народа и склад мышления существуют во взаимном соответствии и дополнительности один к другому» [100, с. 141].

Это триединство менталитета, с актуализацией в языке, тонко чувствовал и *Е. Ф. Карский*, опираясь на те конкретные условия, на тот Космо-Психо-Логос, из которых вытекает конкретное языковое явление.

Е. Ф. Карский видел специфику белорусского языка не только в звуках и формах белорусской речи, но и в формулах приветствий, прощаний, благодарностей, пожеланий, отлитых в устойчивые, ритуальные элементы повседневной культуры общения белорусов. Он обращал внимание на прагматический аспект тех или иных языковых фактов: с какой целью и в каких случаях употребляют данное выражение, на какой территории, в каких других языках оно встречается. В поле зрения ученого попали и формулы речевого этикета, и проклятия, которым Карский дал лингвокультурологическую характеристику.

На Карских чтениях было представлено немало докладов о речевом общении, о чем еще будет идти речь ниже, здесь же назовем лишь те, которые касаются непосредственно Карскианы. Открыл прагмалингвистическую тему Карскианы на чтениях совместный доклад М. И. Коношкевич и В. А. Василевич (IV), в котором обширный языковой материал, используемый Е. Ф. Карским для иллюстрации теоретических положений, был проанализирован с точки зрения прагмалингвистики [101].

Авторы видят три фактора, которые обусловили обилие формул речевого общения белорусов в качестве иллюстративного материала в трудах Е. Ф. Карского. Во-первых, это самые частотные выражения в повседневной коммуникации носителей языка, прежде всего попадающие в поле внимания исследователя.

Во-вторых, как ученый, который выделялся своей точностью, повышенным вниманием к самому мелкому факту, Е. Ф. Карский понимал, что речезыкетные выражения являются наиболее выразительными средствами существования стандартов поведения социума и в социуме, ибо через эти средства идет усвоение личностью всей культуры языкового коллектива. Поэтому стереотипные, клишированные от частого употребления высказывания как определенный знаковый фонд менталитета белорусов гармонично вписываются в остальной иллюстративный материал, более того, занимают в нем значительное место.

Есть и третий фактор. Каждый видит то, что он хочет видеть. Как человек, как сын своего народа, Е. Ф. Карский не мог быть холодным, равнодушным, бесстрастным наблюдателем речевого поведения близких ему по национальной идентичности людей. Наоборот, стремясь к объективности, он, образованный, воспитанный русской и европейской культурой человек, академик, чувствовал себя неотъемлемой частью народа, из которого он вышел, видел достоинство этого народа и многочисленными языковыми фактами доказывал его состоятельность и право быть равным среди равных.

Е. Ф. Карский в предисловии к 3-му выпуску «Белорусов» признался сам, что он «работал с увлечением и любовью к тому русскому (читай: белорусскому. – М. К.) народу, речь которого старался представить: “с тое причины иже мя милостивый Бог с того языка на свет пустил”, – скажем словами Ф. Скорины, знаменитого белорусского деятеля начала XVI в.» [102, с. 306].

4.2.5. Персоналии. В жизни каждого человека центральной категорией является другой человек. На протяжении жизни одного человека эта категория расширяется до сотен и тысяч конкретных лиц, по отношению к которым он формируется и характеризуется как личность. В недавно вышедшей книге о биографии Е. Ф. Карского [2] все содержательное пространство переполнено людьми. Только названных в Именном указателе персоналий полторы тысячи человек! Родные и близкие, ученые, писатели, учителя, политики, монархи, помещики, чиновники, священники, крестьяне, военные, журналисты... Можно только догадываться (по кратким отрывкам из документов, газет, писем), сколько лиц, с которыми общался или к которым имел отношение Е. Ф. Карский и его труды, осталось еще и “за кадром”.

Особенно важно для нас, читателей указанной книги, то, что в этом людском море было множество тех, кто нес и хранил высокую культуру повседневно и научного общения интеллигенции того времени – ее эрудицию, духовность, глубину и деликатность чувств, альтруизм, благородство и вместе с тем принципиальность, когда шла речь о серьезных и важных вещах.

В жизни и деятельности Е. Ф. Карского было немало тех, у кого он учился или кого почитал и считал своими учителями, с кем работал или переписывался, перед кем или о ком выступал с лекцией, чей юбилей отмечал торжественной речью на собраниях академии или чей уход сопровождал почтительным некрологом. Многие письма, лекции и речи представляют собой самостоятельную научную ценность, достойную изучения потомками. Ссылаясь на В. И. Борковского, *Т. А. Космеда* пишет: «Ни одна из наиболее важных дат в истории отечественного языкознания не оставалась неотмеченной. Многочисленные некрологи, написанные Е. Ф. Карским (23 некролога), юбилейные статьи, статьи, посвященные трудам отдельных языковедов, в будущем стали основой для напечатанной в 1926 г. работы Е. Ф. Карского «Очерк научной разработки русского языка в границах СССР» [73, с. 31].

В материалах Карских чтений имеется 9 персоналий, которых уже самим названием докладов авторы напрямую связывают с Е. Ф. Карским. Учитывая их равную значимость для филологической науки, рас-

смотрим материалы о выдающихся личностях (в алфавитном порядке) в интерпретации докладчиков.

4.2.5.1. В. И. Борковский. Талантливый ученик академика Е. Ф. Карского, будущий редактор трудов академика, академик АН СССР, *Виктор Иванович Борковский* был еще и его зятем. О научных, дружеских и родственных связях двух великих лингвистов читаем в статье «Е. Ф. Карский и В. И. Борковский – ученые-соратники, друзья, родственники» *Т. А. Космеды* (Львов, Украина; VIII). Теплою и искренностью веет от воспоминаний (в изложении *Т. А. Космеды*) ученицы и коллеги В. И. Борковского, доцента Львовского университета *И. Г. Голенко*, об отношениях в семье Карских–Борковских: «Наталья Ефимовна Карская во многом напоминала отца... Чрезвычайно образованный человек, художница, музыкант, она имела большое общекультурное влияние на Виктора Ивановича. Она сопровождала его в командировках, дома часто выступала организатором вечеров, где встречались ученики, коллеги и друзья В. И. Борковского... Интересно, что супруги Борковские поженились в весьма юном возрасте..., но прожили они, как в сказке, счастливо и долго. Таким образом, невидимая связь с Евфимием Федоровичем осуществлялась и через постоянное присутствие рядом с Борковским и дочери Карского» [73, с. 28].

В. И. Борковский – автор научной биографии Е. Ф. Карского. Им написаны 11 статей о Карском и его наследии, он редактор важнейших трудов академика. Во всех своих работах он отмечает приоритетность идей академика и дает им высокую оценку. Работая во Львовском университете с 1946 по 1950 гг., В. И. Борковский не мог не оценить внимания Е. Ф. Карского к украинскому языку и украинским языковедам, анализ трудов которых он помещал «Русском филологическом вестнике». «В. И. Борковский и Е. Ф. Карский иллюстрируют нам преемственную связь поколений ученых-лингвистов, людей, близких по духу, влюбленных в науку и ставших образцом для многих последующих поколений филологов», – делает вывод автор доклада [73, с. 30].

4.2.5.2. Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов. Объединяет эти две фамилии не только Нежинский историко-филологический институт, в котором молодые выпускники Петербургского университета *Роман Федорович Брандт* и *Матвей Иванович Соколов* работали в должности экстраординарных профессоров в то время, когда там учился студент Евфимий Карский. В статье «Нежинская школа славистов: Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов, Е. Ф. Карский» (XI) *А. А. Карский* сообщает о той роли, какую сыграли в судьбе Е. Ф. Карского учеба в Нежине и дальнейшие научные контакты ученика с учителями.

В Петербургском филиале Архива РАН, в фонде академика Е. Ф. Карского хранятся 34 письма от профессора Р. Ф. Брандта и два от М. И. Соколова, сообщает автор статьи. На материале писем прослеживается путь Е. Ф. Карского в большую науку, начиная с его курсовых работ, подготовки к магистерскому экзамену, затем к магистерской и докторской диссертациям и заканчивая избранием в академики. Поддерживая и поощряя стремление молодого ученого к исследовательской работе, они помогали ему книгами, советами, поисками оппонентов в защите диссертаций... И вместе с тем оставались требовательными в принципиальных вопросах: из письма Р. Ф. Брандта Е. Ф. Карскому: *«Что однако Вам советовать относительно того, где экзаменоваться – не знаю. Вы, конечно, можете быть уверены, что мы с Матвеем Ивановичем о Вас самого лучшего мнения и что опасаться от нас каких-либо притеснений не приходится; особенных же послаблений Вы, разумеется, и сами не пожелаете...»* (10 сентября 1890 г.) [103, с. 8].

Примечание автора статьи: «В итоге Е. Ф. Карский избрал совершенно самостоятельный путь, не прибегая более к помощи своих бывших нежинских профессоров-наставников. Магистерский экзамен он сдал весной 1891 года в Императорском Варшавском университете, о чем затем и известил Р. Ф. Брандта. Тот откликнулся: *“От души поздравляю с окончанием экзамена! А я уже думал, что Вы опять отказались от этого дела...”*» (02 июня 1981 г.) [103, с. 8].

Читателя нашего времени содержание писем Р. Ф. Брандта и М. И. Соколова своему ученику может заинтересовать и другими сведениями. Например: а) скудость библиотек в Вильне; учитель гимназии Е. Ф. Карский остро нуждался в книгах для подготовки к магистерскому экзамену и просил учителя помочь книгами из библиотеки Нежинского института; б) богатство библиотеки Нежинского университета (но возможность работать в ней была только 2 часа); в) возможность брать домой редчайшие книги из библиотеки и даже высылать кому-нибудь почтой, причем почта доставляла книги быстрее и дешевле, чем трансконтора.

А язык переписки профессоров с учеником служит образцом высокого стиля общения: обращения к ученику как к равному: *«Любезнейший Евфимий Федорович!»*; извинения в письме Р. Ф. Брандта при подготовке работы Е. Ф. Карского «Обзор звуков и форм белорусской речи» к публикации: *«Надеюсь, Вы не обидитесь, если я в двух-трех местах позволю себе устранить незамеченные Вами стилистические неловкости»* [103, с. 6]. Или тактичная критика: *«Что*

до диссертации, то мне столь же неловко, и даже более неловко, как Антону Семеновичу, принимать за таковую Ваш Обзор, при всех его достоинствах; но казалось бы, что его могли бы принять в другом Университете» [103, с. 8].

Примечание автора статьи: «С момента публикации “Обзора” прошло немало времени, и он уже, очевидно, несколько устарел. Однако Е. Ф. Карский и не рассчитывал двигаться дальше за счет прежних достижений. Начиная с 1890 года в “Русском филологическом вестнике”, из номера в номер, стали появляться главы его нового крупного исследования “К истории звуков и форм белорусской речи”» [103, с. 8].

Трогательно предупреждение Р. Ф. Брандта, который, сообщая Е. Ф. Карскому адреса предполагаемых оппонентов докторской диссертации профессоров М. И. Соколова и В. Ф. Миллера, заботливо уточняет, что к М. И. Соколову надо обращаться «Высокородие», а к В. Ф. Миллеру – «Превосходительство» [103, с. 9].

Так получилось, что и оппонентами на защите докторской диссертации Е. Ф. Карского в Московском университете были его первые научные наставники – Р. Ф. Брандт и М. И. Соколов.

Известна в научном сообществе истина: «Ученые стоят на плечах друг друга». Это же резюмирует и А. А. Карский: «Можно считать непреложным фактом: Нежинская высшая школа славистов начала 80-х гг. XIX в. – это блестящее развитие школы известного петербургского профессора-филолога Владимира Ивановича Ламанского (академика с 1900 г.), ученика Измаила Ивановича Срезневского (академика с 1851 г.). И Евфимий Федрович Карский, избранный академиком в 1916 году, ученик учеников В. И. Ламанского, оказался достойным продолжателем» [103, с. 10].

4.2.5.3. Н. В. Гоголь. Статья *Т. Агаевой* (Нежин) «Е. Ф. Карский о вкладе Н. В. Гоголя в развитие русского литературного языка» (VII) начинается с сообщения о торжественной речи Е. Ф. Карского «Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка», произнесенной им 20 марта 1905 г. в Варшавском университете на заседании Совета университета и Общества истории, филологии и права. «Циклом своих выступлений о Пушкине, Гоголе, Ломоносове ученый задолго до появления крупных монографических исследований истории литературного языка определил заслуги писателей в данной области и наметил задачи лингвистического изучения их литературного наследства» [104, с. 15].

Автор статьи отмечает одну из важнейших черт языка Н. В. Гоголя – отказ от церковнославянских и иностранных единиц и предпочтение

народной речи. В художественных целях он мог органично соединять украинский и русский языки в своих произведениях. Это тонко подметил Е. Ф. Карский: «Когда нужно представить нежность и глубину чувства, задушевность или юмористически осветить предмет, тогда Гоголь дает как бы перевод с малорусского на (русскую) литературную речь, мысля и чувствуя на своем природном (украинском) языке, и наоборот – когда ему нужно дать пластичное описание природы, развить какую-нибудь философскую мысль, коснуться вообще важного предмета, тогда он выражается исключительно по-русски, притом так, что его речь не может быть передана по-малорусски» (цит. по [104, с. 16]).

Добавим от себя, что приблизительно то же сказал о себе ставший билингом писатель В. Набоков, вынужденный написать дважды свою «Лолиту» – на русском и на английском языках: «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов – все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма» (В. Набоков «Лолита». Постскрипtum к русскому изданию).

Е. Ф. Карский уловил важнейшую особенность в речи билингов – избирательность в переключении кода в зависимости от условий коммуникации, предвосхитив этим исследования отечественных и зарубежных ученых в области социо- и психолингвистики.

4.2.5.4. М. Горецкий. В статье *Т. Тамашэвіча, 3. Тамашэвіч «Талент, прадказаны Я. Карскім»* (V) оба выдающихся белоруса – ученый и писатель – сравниваются как «два славных сына отечества, великие по сотворенному ими во имя своего народа» [105, с. 211]. В статье приводится мнение Е. Ф. Карского [106] о М. Горецком после прочтения и анализа произведений в книге писателя «Рунь» (цит. в белорусском переводе авторов статьи): «у іх ёсць дадзеныя, каб з аўтара з часам развіўся добры пісьменнік з самародным талентам» [105, с. 211].

Роднило ученого и писателя еще и то, как внимательны были они к белорусскому слову. Е. Ф. Карский собирал белорусскую лексику и мечтал закончить своих «Белорусов» словарем, но не успел. М. Горецкий осуществил свою мечту, и его словари, пусть наивные,

сделанные только благодаря чувству родного языка, но очень своевременные, были благосклонно приняты и оценены научным сообществом.

М. Горецкий призывал белорусских писателей к тому самому, что в своих экспедициях осуществлял ученый Е. Ф. Карский, изучая особенности живого народного белорусского языка: «Письменнікі беларускія! Пільней прыслухоўвайцеся к мове людзей нашых на рынку, на кірмашы і ўсюды-усюды і тыя, хто жывіць на захадзе Беларусі, даведвайцеся, як гавораць на ўсходзе, а ўсходнія пабывайце на захадзе» (цит. по [105, с. 212]).

Анализируя язык произведений М. Горецкого, авторы статьи раскрывают его талант, предсказанный Е. Ф. Карским, и отмечают, что творчество М. Горецкого до конца еще не исследовано, например, его сравнения, и что у писателя надо учиться чувствовать норму белорусской речи.

4.2.5.5. Ф. М. Достоевский. На XIII чтениях *А. А. Карский* представил ранее не публиковавшуюся вступительную речь академика Е. Ф. Карского на торжественном собрании в Пушкинском доме по случаю 100-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского [107]. По протоколам Отделения русского языка и словесности и Конференции Российской академии наук, а также по газетным публикациям автором статьи установлен состав научных и общественных учреждений, которые приняли участие в юбилейных торжествах.

Автор отмечает: необходимость проведения юбилейного мероприятия объяснялась тем, что Ф. М. Достоевский являлся членом-корреспондентом ОРЯС с 1877 г. до своей кончины 28 января 1881 г. Вполне обоснованное по закону и морали поминовение Ф. М. Достоевского неизбежно должно было вызвать настороженное внимание властей. «Если с конца XIX века в мировой критике установился взгляд на него как на писателя первой величины, то в Советской России в начале 1920-х годов наблюдались разноречивые суждения, среди которых было немало и негативных. Даже в юбилейных газетных статьях писатель зачастую представлялся как ретроград, реакционер, “зло высмеявший революционные веяния современной ему радикальной молодежи”» [107, с. 3–4].

В свойственной ему манере больше говорить документами архивов и других первоисточников, чем их пересказывать, А. А. Карский детально реконструирует обстановку того времени. Приводит он в статье и полный текст вступительной речи Е. Ф. Карского, открывавшего

торжественное заседание. В небольшом комментарии он обращает внимание на то, что «в своей речи академик Е. Ф. Карский, откровенно признав, что не является специалистом в изучении творческого наследия Ф. М. Достоевского, тем не менее просто и ясно выразил свое отношение к произведениям выдающегося писателя, к его идеям и героям, чем в немалой степени приоткрыл завесу над собственным мироощущением и миропониманием, отчего перед потомками предстает крупная личность ученого-гуманиста. Примечательны исключительные по смелости заключительные слова, соотносящие творчество Ф. М. Достоевского с современностью, “когда стало столько бедных людей, исстрадавшихся и униженных душ человеческих”. Мало кто отваживался публично бросить подобный упрек новым властям в 1921 году, хотя страну к тому времени уже охватили нищета и голод. А вот академик Е. Ф. Карский без колебания сделал это» [107, с. 3–4].

Нам же представляется необходимым привести из речи Е. Ф. Карского более пространную цитату, которая свидетельствует не только о глубоком проникновении ученого в творчество Достоевского, но и о его собственных философских взглядах на события того времени, но не менее актуальных и сегодня: «Наш писатель сбрасывает с весов человечества и национализм, и государственность, отжившие сословия и иные разделения. Даже наше международное положение должно быть достигнуто, согласно основной стихии нашего духа, не оружием, а силой того же нашего стремления к воссоединению людей в общей братской гармонии. Таким образом, мы признательны Достоевскому не только за поразительную глубину и правду его художественных открытий, но также за то, что он своими произведениями пробуждает в нас стремления высшего порядка, указывает нам идеалы, к которым мы должны стремиться» (цит. по [107, с. 6]).

4.2.5.6. М. А. Максимович, А. А. Потенбя, Е. Ф. Карский: становление и развитие традиций восточнославянского языкознания. Именно так на VII Карских чтениях в Нежине назывался доклад профессора *М. А. Карпенко* (Киев). Рассматривая взгляды славистов (чешского ученого *И. Дубровского*), на классификации славянских языков, *М. А. Карпенко* отмечает, что по отношению к восточнославянским языкам подобные классификации вызывали вопросы о месте лишь русского языка в ряду славянских, а об украинском и белорусском даже речи не шло. Об особости так называемого малороссийского (украинского) языка впервые сказал *М. А. Максимович*, первый ректор и профессор-словесник Киевского

университета св. Владимира, в 1827 г., а в 30–40-е гг. блестяще реализовал эту мысль, предложив новую систему славянских языков, в результате которой утверждение статуса украинского (затем и белорусского) языка стало концептуальной основой восточнославянского языкознания [108, с. 38].

Если М. А. Максимович положил краеугольный камень Киевской историко-филологической школы (КИФШ), введя в научный обиход термины «восточные славяне», «восточнославянские языки», то А. А. Потебня во второй половине XIX в. основал Харьковскую лингвистическую школу, став основоположником психологического направления в языкознании, «Ономатопоэтической теории языка», лингвистической поэтики и выведя тем самым «восточнославянское языкознание на самые высокие теоретические уровни при активном его взаимодействии с фольклористикой, этнографией, литературоведением, историей, психологией и другими гуманитарными науками» [108, с. 38].

Восточнославянская проблематика была близка Е. Ф. Карскому, его труды по исследованию белорусского языка, литературы, фольклора, традиций белорусского народа в развитие концептуальных идей М. А. Максимовича и А. А. Потебни, «окончательно утвердили самостоятельный статус белорусского языка, а признание выдающихся заслуг ученого закрепило позиции белорусского и в целом восточнославянского языкознания в научной славистике» [108, с. 39]. Кстати, *Маргарита Александровна Карпенко* во время доклада предложила ввести в университетские учебные курсы по истории языка раздел о научном наследии Е. Ф. Карского (что впоследствии сделала А. С. Белая в своем спецкурсе).

4.2.5.7. В. Тяпинский. Доклад *И. П. Климова* (Минск) «Даследаванне Я. Ф. Карскім спадчыны Васіля Цяпінскага» (VIII) посвящен рассмотрению работы академика Карского над изучением особенностей «Евангелия», переведенного и напечатанного В. Тяпинским приблизительно в 1570–1580 гг. Как утверждает автор доклада, научный мир познакомился с «Евангелием» в середине XIX в., когда в России были найдены два экземпляра этого издания. Отдельные примеры из «Евангелия» цитировал А. И. Соболевский, но систематический обзор языковых особенностей перевода «Евангелия» дал Е. Ф. Карский и тем самым сделал этот памятник достоянием белорусского языкознания [109].

Е. Ф. Карский также интересовался оригиналом «Евангелия», вступал в дискуссии о языке (церковнославянский, чешский или польский) и сначала отстаивал свое мнение о польском происхождении оригинала «Евангелия», а позже признал оригиналом церковнославянский текст, что было подтверждено и современной наукой.

Наряду с анализом языка издания Е. Ф. Карский ведет речь и о месте происхождения, датах жизни, вероисповедании В. Тяпинского. Он дает оценку перевода Тяпинского как такого, «какой нужен для понимания простого народа» (цит. по [109, с. 14]).

4.2.5.8. М. Федеровский. О культурном наследии Е. Ф. Карского и М. Федеровского в трудах польских языковедов и фольклористов рассказал в своем докладе профессор *М. Кондратюк* (Варшава, Польша) на XI Карских чтениях. Автор отметил, что наследие обоих ученых, белоруса и поляка, посвящено исследованию белорусского языка, и оба ученых заслужили высокую оценку современников.

В докладе сообщается, что в польском языкознании о биографии и наследии Е. Ф. Карского стало известно из работ профессора А. Обжебской-Яблонской, которая считает Варшавский период ученого одним из самых плодотворных в научном и педагогическом отношении. К трудам Е. Ф. Карского при изучении белорусского языка обращались многие польские исследователи.

М. Кондратюк подробно описывает биографические сведения о М. Федеровском. М. Федеровский не получил высшего образования из-за плохого здоровья. По этой причине, чтобы быть поближе к природе, получил земледельческую профессию. Гуманист по натуре, он занялся самообразованием, общался с образованными людьми, путешествовал по краю, интересовался фольклором, изучал труды по этнографии, истории и археологии. В конце 1877 г. он переехал в поместье Линовка под Пружанами, позже в фольварок Косин под Волковыском и на протяжении 27 лет изучал жизнь белорусов. М. Федеровский побывал в 11 уездах – Пружанском, Белостокском, Сокульском, Лидском, Слонимском, Волковыском, Виленском, Бельском, Гродненском, Августовском и Слуцком. Самоучка-этнограф собирал разные сведения – топографические, физиографические, этнографические, исторические, предметы материальной и духовной культуры, обряды и т. д. [110].

При жизни М. Федеровского вышло три тома его труда «*Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej*». После его смерти (10 апреля 1923 г.) вышли еще пять томов, обработанных и отредактированных в Институте славяноведения Польской академии наук.

Е. Ф. Карский высоко оценил труд М. Федеровского, назвав его грандиозным: «Собирательские труды увенчались полным успехом: материала набралось на 10 томов, включая сюда и дополнения к белорусскому словарю Носовича» (цит. по [110, с. 19]). Столь же высоко оценили труд своего земляка и польские ученые.

4.2.5.9. Т. Шевченко. В докладе *А. В. Забарного* (Нежин) «Юхим Карский і Тарас Шевченко» (XII) освещаются взгляды Е. Ф. Карского на

развитие украинского языка и литературы, перечисляются труды академика по вопросам украинского языка.

С именем Т. Шевченко Нежин связан тем, что в нем проживал и преподавал в Нежинском уездном училище И. М. Сошенко, который открыл в Петербурге будущего великого украинского поэта и во многом способствовал его освобождению из крепостного. Т. Шевченко тоже бывал в Нежине и встречался там с И. М. Сошенко.

Внимание Е. Ф. Карского привлекла поэма Т. Шевченко «Наймичка», язык которой он внимательно проанализировал, тем более что случайно нашел еще одну рукопись «Наймички», сравнивал ее с изданным текстом в сборнике Шевченко «Кобзарь». Свой анализ поэмы и сведения о ней он опубликовал в «Русском филологическом вестнике».

Доклад заканчивается выводом: «Е. Ф. Карский написал множество доброжелательных отзывов на труды из украиноведения, преимущественно из лингвистики, о филологических журналах и словарях. Подобных заметок, сообщений и рецензий на украинскую филологическую продукцию больше за Карского из неукраинских лингвистов не писал никто» [111, с. 112].

В завершение Карскианы приведем процитированные В. И. Борковским в послесловии к книге Е. Ф. Карского «Труды по белорусскому и другим славянским языкам» слова Н. Н. Дурново о работе Е. Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография»: «Karskij bietet mehr, als der Titel verspricht» («Карский дает больше, чем обещает заглавие») [85, с. 701]. Перефразируя, можно сказать: Карский дает нам больше, чем мы об этом знаем. Узнать больше из того, что оставлено нам в наследство мыслителями прошлого, – это значит заглянуть в будущее и увидеть то, что «временем сокрыто», но было во многом предугадано их светлыми умами.

III. Научные достижения гродненских лингвистов в зеркале Карских чтений

На каждом форуме Карских чтений участники отмечали глубину и перспективность научных разработок гродненских лингвистов, которые, несмотря на организационные нагрузки, демонстрировали удачные доклады и сообщения.

Естественно, далеко не все доклады касались Карскианы, но чтения на то и чтения, чтобы вокруг значимой личности, которой они посвящаются, формировалось информационное поле, с одной стороны, заряженное идеями этой личности, а с другой, обогащенное новизной из совре-

менности. Взаимодействие и энергообмен этих зарядов обеспечивает, во-первых, долгую жизнь самим чтениям; во-вторых, стимулирует генерирование идей; в-третьих, служит исследовательской площадкой для создания и апробации крупных законченных исследований в виде диссертаций, проектов, монографий. И, как представляется, в наибольшем выигрыше остаются хозяева чтений, от которых во многом зависит и проблемное поле подобных форумов, и научный статус участников, и поддержка руководством вуза тех исследовательских тем, которые предлагает кафедра – организатор чтений.

Именно эти множественные факторы повлияли на то, что в ГрГУ имени Янки Купалы на протяжении 14 проведенных конференций в честь Е. Ф. Карского стали в разное время и с разными результатами формироваться лингвистические школы, в которых либо лингвисты объединяются вокруг руководителя школы, либо подобные объединения появляются сами на основе общего исследовательского внимания к конкретной проблеме. В последнем случае, видимо, о научной школе говорить не приходится, но результаты исследований одного направления могут стать основой для формирования такой школы в будущем.

Здесь необходимо сделать оговорку: говоря о гродненских научных школах, мы вовсе не хотим представить некую изолированную, провинциальную научную «секту», отгородившуюся от белорусской, европейской, мировой лингвистики. Акцентируя наше внимание на докладах гродненских лингвистов, мы, во-первых, хотим подчеркнуть, что это не пёстрое многотемье (конечно, имеются спорадические, фрагментарные, единичные темы, которые хотя и интересны сами по себе, но объем задуманного издания не позволяет нам на них останавливаться), а целенаправленные исследования.

Во-вторых, исследования гродненцев проводятся в русле актуальных и приоритетных направлений современного языкознания. А в-третьих, и это, пожалуй, самое главное, – прямо или опосредованно, большинство сегодняшних гродненских лингвистов вышло из белорусской научной школы, которая, в свою очередь, восходит к восточнославянской научной традиции, в том числе и к научной школе Е. Ф. Карского. Поэтому в нашем обзоре мы не можем обойти и доклады авторитетных белорусских ученых, а также лингвистов из других научных центров с соответствующей обзором тематикой.

Мы отдаем себе отчет, что значительная часть материалов не будет представлена в данной книге, но читатель имеет возможность узнать обо всех докладах в обзорных статьях, которые всегда (за исключением нескольких первых форумов) публиковались в научной периодике и список

которых приводится в конце книги. Отметим лишь, что, несмотря на широкий диапазон тем, в докладах чтений отчетливо просматриваются две противоположные тенденции: с одной стороны, пристальное внимание к своеобразию в системах национальных языков, а с другой – выявление черт Языка в целом и его взаимодействия с носителем (индивидуумом и социумом / этносом). В поле внимания исследователей оказались все подсистемы языка, в том числе и инновации в них, обусловленные контекстом действительности, функционированием и взаимодействием языков в социокультурном пространстве.

В свете сказанного результаты исследований, отраженные в докладах гродненских ученых на Карских чтениях, представляют лингвистические школы по следующим направлениям: 1) функциональная грамматика; 2) релятивная грамматика; 3) когнитивная лингвистика; 4) прагматическая лингвистика; 5) медиалингвистика; 6) прикладная лингвистика; 7) словообразование и номинативная деривация; 8) фразеология.

1. Функциональная грамматика. Данным термином мы объединяем функционально-семантические и функционально-коммуникативные исследования в силу диалектики содержания самого термина «функция» в языке – обозначение и употребление.

1.1. Функционально-семантические исследования на кафедре русского языка велись в сопоставительном аспекте при финансовой поддержке **грантов** Министерства образования Республики Беларусь и Белорусского фонда фундаментальных исследований (тема Г99-022; руководитель *М. И. Конюшкевич*) по выявлению ономаσιологического потенциала русского и белорусского языков в выражении семантических категорий: сравнения – *М. И. Конюшкевич* (II, III, V, VI, VII, VIII); *Т. В. Павлюкевич* (VIII); персональности – *Т. А. Пивоварчик* (V), *Е. А. Анисимова* (V, VI); субъекта – *А. В. Никитевич* (III, V); предиката – *М. А. Корчиц* (III); причины – *И. А. Усаченко / Чепикова* (III, IV, V, VI, VII, IX, XI, XII); цели – *В. Л. Лещенко* (V, VI, VII, VIII, IX, X, XIII); *З. Томашевич* (IV, VI); пространственности – *С. А. Горская* (VI, VII, VIII, IX); *Н. Г. Музыченко* (IX); *О. Г. Николаенко* (XII); темпоральности – *С. А. Горская* (XIII); неопределенности – *Л. И. Смольская* (I, III, IV, III, V, VI, VII, IX, XII); количественности – *Г. Н. Жданеня* (III); дипласивной семантики – *Е. П. Пустошило* (VIII; IX); конфирматива – *О. Деллалова* (XII); изъяснительности – *С. Я. Кострица* (IV, V); конверсности – *И. И. Минчук* (XII); градации – *Л. Тохтамурадова* (V).

В функциональном ключе представлено также содержание докладов иногородних и зарубежных участников: *Н. Ю. Павловской* (Минск, БГУ) – выражение категории модальности (IV, V, VI, VIII, XIII); *Р. М. Гайсиной*

(Уфа, Россия) – конституенты лексико-семантического поля социальных отношений (III); *С. А. Важника* (Минск, БГУ) – средства выражения пространственности и одушевленности (VII); *В. К. Щербина* – лексикографирование функционально-грамматических знаний (V), ФСП личности в русском и белорусском языках (II, IV); *О. В. Хоружевой, В. К. Щербина* (Минск, НАН Беларуси) – динамика развития функционально-грамматических исследований за рубежом (VIII).

1.2. Функционально-коммуникативное направление представлено прежде всего программными докладами профессора *М. В. Всеволодовой* (Москва, МГУ) – «Понятийный и терминологический аппарат функционально-коммуникативной грамматики» (VI); «Денотативная и семантическая структуры предложения в рамках коммуникативной (прикладной) модели языка (типовая ситуация и пропозиция)» (VIII); «Словосочетание как объект функционально-коммуникативного синтаксиса» (IX).

Выход языковых единиц за пределы специализированных в грамматике функций в современной речевой практике освещается в докладах *Б. Ю. Нормана* (Минск, БГУ) – «Вокатив в функции подлежащего в славянских языках» (VIII), *Н. Н. Арват* (Нежин) – «Роль семантического фактора в формировании структуры предикативной основы предложения» (VIII), *М. Номати* (Япония, Токио) – «О так называемом “дательном падеже принадлежности” с коммуникативной точки зрения» (IX).

Функциональное сопоставление русского и белорусского языков оказалось для гродненских лингвистов **плодотворным**:

1) защищены **магистерские диссертации** (*О. Деллалова, О. Николаенко*);

2) подготовлены и успешно защищены **4 кандидатские диссертации**:

– 3 под руководством М. И. Конюшкевич: *Е. А. Анисимовой* «Номинации лица как средство формирования смысла художественного произведения (на материале рассказов В. Маканина)» (1997); *Е. П. Пустошило* «Отношение равновесия сходного и различного в семантической структуре сравнения (на материале русских и белорусских паремий)» (2003); *И. И. Минчук* «Симметрия и асимметрия в семантико-синтаксическом поле конверсности русского языка» (2013);

– 1 под руководством С. А. Горской: *Н. Г. Музыченко* «Наименования рельефа местности в русском языке: статика и динамика семантической структуры» (2007);

3) издана **монография** *М. И. Конюшкевич* «На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках» [112];

4) в учебный процесс введен **спецкурс** в нескольких модулях «Функциональная лингвистика» / «Функциональная грамматика» / «Практическая функциональная грамматика» для подготовки специалистов по филологии, журналистике, информации и коммуникации.

2. Релятивная грамматика. Научная школа профессора *П. П. Шубы*, в частности его концепция о категории предлога [113], и функционально-коммуникативная модель синтаксиса *М. В. Всеволодовой* [89] способствовали сотрудничеству лингвистов ГрГУ имени Янки Купалы и МГУ им. М. В. Ломоносова в разработке двустороннего проекта Г04-032 по сопоставлению русской и белорусской предложных систем (руководители *М. В. Всеволодова* и *М. И. Конюшкевич*). Проблемы грамматики славянского предлога и, шире, релятивной грамматики, обсуждались на двух семинарах проекта, о которых шла речь в части I.

Кроме того, доклады указанного направления обсуждались и на других Карских чтениях – статьи *М. И. Конюшкевич* «К типологии единиц релятивной грамматики» (IX), «Категория предлога в современной славянской лексикографии» (XII), «Способы выражения лексического компонента синтаксемы (синтаксической позиции), маркированной предлогом (на материале белорусского языка)» (X), а также статьи иногородних и зарубежных участников, по своей тематике в той или иной мере вписывающиеся в проблематику релятивной грамматики.

Так, в методологической статье профессора *В. А. Карпова* (Минск, БГУ) «Теория и метод» (X) демонстрируются методы системного подхода к языковым фактам – моделирование системы языковых явлений с учетом языковой изомерии, прогнозирование языковых явлений и единиц. С точки зрения автора доклада, обычно ученый ограничивается в исследовании тремя задачами – а) оконтурить явление, наметить его границы; б) идти от фактов к все большему обобщению; в) установить закономерности в том или ином явлении и «попытаться увидеть его универсальность, с тем чтобы распространить эти закономерности на неизвестные языки (часть или все). На этом кончается традиционная лингвистика. Но можно сделать еще шаг – г) попытаться обнаружить данное явление в другой предметной области» [114, с. 48].

Лингвисты обычно опираются на словарные, реже текстовые факты, но «гипотетика заполняет лакуны. Из трех вопросов семантики возможных миров в лингвистической интерпретации: – Что есть в системе? Что может быть в системе? Что должно быть в системе? – теория должна отвечать на два последних, так как первый вопрос не теоретический – имеются факты, еще не приведенные в систему» [114,

с. 54]. В конце статьи приводятся языковые факты из текста романа И. А. Гончарова «Фрегат Паллада», подчеркивающие неполноту наших представлений на уровне словарей.

Предложенный в докладе метод изомерии (поиска системных лагун в языковой системе) помогает осознанно моделировать систему, при наличии многих лагун в ее подсистемах. Метод изомерии был использован нами в работе по инвентаризации и атрибуции белорусских предлогов и союзов путем моделирования потенциальных предложных и союзных единиц с последующей верификацией контекстами в речевой практике.

Об опыте моделирования и первых результатах говорится и в статье *М. И. Конюшкевич* «Система белорусских союзов в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние» (XIII), где во второй части доказывается плодотворность метода моделирования для выявления «союзообразовательного» потенциала предлогов и максимально полной инвентаризации союзов как в белорусском, так и в других славянских языках [68, с. 52–59].

Программой выступает статья *М. В. Всеволодовой* «Современный уровень русской грамматики и других славянских языков. Объективная грамматика и проблемы грамматикализации» (XIII), в которой автор предлагает изучать всю стихию национального языка, представляющего собой «двуединство поля и категории», а в качестве примеров актуальных вопросов для грамматики предлагается выделение парадигм как единиц множеств и др. [115].

В статье профессора *Ч. Ляхура* (Польша, Ополе) «Проблемы описания предложной системы польского языка» (X) подвергаются анализу конструкции с польским предлогом *spoza*, который в современном польском языке кроме своего основного конкретно-пространственного значения развивает и другие. Вместе с тем автор ставит и вопросы общего характера: обусловлена ли экспансия аналитических предложных единиц только стилистическими факторами или это общая тенденция для польского и других языков? Как квалифицировать разрастание новых значений у предлога – как новый оттенок этого же значения или новое значение? [116, с. 103].

В докладе «Временные особенности славянской языковой картины мира» (XI) *Ч. Ляхур* (Польша, Ополе) на основе анализа функционально-семантического потенциала темпоральных предлогов в польском и русском языках показывает, что «при всей своей близости славянские языки имеют много расхождений», особенно в комплексе средств, выражающих временные отношения, при этом «степень различий в

разных языках колеблется от некоторых частных несовпадений до принципиально различных систем» [117, с. 63].

В морфосинтаксической концепции, сформулированной в качестве проблемы П. П. Шубой [113] и разработанной позже М. В. Всеволодовой и ее коллегами по отношению к категории предлога [22], полипараметрическая атрибуция этого служебного класса слов дает исследователю достаточно тонкий и точный инструментарий для дифференциации значений и их оттенков в массиве данных единиц русского и белорусского языков.

В русле данной концепции представлены доклады: *А. Ч. Рыжкович* о функциях релятивных элементов в структуре темпоральных предлогов и их аналогов (XIII; XIV); *О. Г. Буденис* «Определение семантической парадигмы отыменных пространственных предложных сочетаний со значением 'граница между двумя локумами' в белорусском и русском языках» (XIII).

Серьезным **итогом** исследований гродненских лингвистов по релятивной грамматике можно считать:

1) защищенные **кандидатские диссертации**

– *И. А. Чепиковой* «Выражение ситуации внешней предметной причины в русском и белорусском языках» (2009; научный руководитель М. И. Конюшкевич);

– *А. Ч. Рыжкович* «Системы темпоральных предложных единиц в русском и белорусском языках: типология, функционально-семантический потенциал» (2018; научный руководитель М. И. Конюшкевич);

2) **монографии** *М. И. Конюшкевич* «Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка» [24]; «Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка» [118].

3. Когнитивные исследования гродненских лингвистов в зеркале Карских чтений отражены рядом докладов: по гендерной тематике – *И. Н. Кавинкина* (VII); по изучению концептов, языковой и художественной картин мира, языковой личности – *И. С. Лисовская* (II; IV; VIII; IX; X); *С. М. Антонова* (III; V; IV; VI; VII; VIII; X); *Т. С. Антонова* (X); *И. В. Песоцкая* (VIII; IX); *Т. В. Сивова / Павлюкевич* (IX; X); *С. А. Орлюк* (VIII); *З. З. Сидорович* (X).

Чтения послужили хорошей площадкой для апробации **четырёх** подготовленных и защищенных **кандидатских диссертаций**

– *И. Н. Кавинкиной* «Гендерный дисплей в лингвокреативной деятельности носителей русского языка» (2003; научный руководитель М. И. Конюшкевич);

– Т. В. Сивовой «Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского» (2018; научный руководитель М. И. Коношкевич);

– З. З. Сидорович «Глагольное слово в аспекте текстообразования в новеллистическом нарративе А.П. Чехова» (2011; научный руководитель С. М. Антонова);

– И. С. Лисовской «Дзеясловы маўлення ў беларускай і рускай мовах як частка моўнай карціны свету» (1999; научный руководитель С. М. Антонова).

4. Прагмалингвистика / лингвопрагматика. Прагмалингвистические исследования членов кафедры русского языка ГрГУ имени Янки Купалы имели финансовую поддержку Белорусского фонда фундаментальных исследований (тема Г97-408 «**Прагматика русского и белорусского речевого общения**»; руководитель М. И. Коношкевич). На Карских чтениях отдельные результаты по теме представлены докладами Т. А. Пивоварчик: «Персональность и персонализация» (V); «Речевой этикет: прагмалингвистическая категория персонализации» (VI); «Да класіфікацыі этыкетных адзінак: беларускія развітальныя формулы» (VII); «Бог і людзі як фактар трэціх асоб у персаналізацыйнай структуры беларускіх маўленчаэтыкетных сітуацый» (VIII); «Персонализация в русских и белорусских стереотипах речевого поведения: национально-культурная специфика» (IX). В ее докладах дано описание особенностей белорусского речевого этикета и, в частности – выражение прагмалингвистической категории персонализации.

См. также отдельные доклады: В. Василевич «Формулы просьбы в болгарском языке (в сопоставлении с русским)» (VI); О. Н. Курганской «Речевой этикет молитвы» (VIII); Ю. Р. Филипчик «Языковая реализация компонента “тема” речевой ситуации *Комплимент* в белорусском эпистолярном» (XIV); В. В. Шинтарь «Структурные особенности жанра личного письма XIX века: константы и переменные (на материале дружественной переписки А. П. Чехова)» (XIV).

История славянского речевого этикета получила описание в докладах Н. С. Гребенщиковой: «История и функционирование в русском языке этикетных слов с основой *господ-*» (V); «Этикетная лексика с семей ‘здоровье’ в истории языка» (VI); «Оборот *многая лета* и производные от него стереотипы в русском речевом этикете» (VIII); «Понятие *Привет* в речевом этикете восточных славян» (IX); «Приветствия-пожелания Божьей помощи в речевом этикете восточных славян» (X); «Концептуальный спектр прощания в русском речевом этикете» (XI); «Этикетная вертикаль в русском речевом этикете: превозношение и

уничужение» (XII); в соавторстве с А. Н. Овчинниковой «*Честь* как ключевой концепт русской ментальности: этикетные стереотипы» (XII).

Кинесика общения в художественной картине мира рассматривается в докладах *Т. В. Довгэль*: «Мимика и жест как объект языкового моделирования в художественном тексте» (VI), «Сирконстантные актуализаторы глаголов мимики и жеста в бунинской прозе» (VII); «Вербализованные кинемы, именующие отрицательные эмоции в бунинской прозе» (VIII); «Кинемное представление ситуации прощания в бунинской прозе в контексте проблемных вопросов кинесики» (X); «Модель комплексного описания кинем в художественной картине мира И. А. Бунина» (XI).

Прагмалингвистическое направление на чтениях было представлено в основном докладами гродненских лингвистов, однако в методологическом отношении указанное направление было поддержано и рядом докладов иногородних и зарубежных участников. Так, пафос доклада профессора *И. И. Токаревой* (Минск, МГЛУ) состоит в том, что в новой парадигме исследований, призванных стать посредником межкультурного обмена без эгоцентризма и негативной стереотипизации, необходима системная интеграция социопсихологии, лингвистики и этнографии [119].

В докладе *И. М. Кобозевой* (Москва, МГУ) «Архитектура прагматического компонента порождения высказывания» вектор исследования обращен к прагматике как третьему составляющему семиотики, причем прагматический компонент высказывания, по мнению докладчика, является основополагающим в объяснительной модели порождения высказывания (IX). Как реализуется подобная модель в ситуации утешения, демонстрируется в докладе *А. О. Ханского* (Россия, Тверь) «Классификация стратегий вербального утешения» (VIII).

Как и по другим направлениям исследований, прагмалингвистические разработки гродненских лингвистов тоже имели реальное воплощение:

1. Указанные выше и другие работы *Н. С. Гребенщиковой* легли в основу ее **монографии** «История русского приветствия (на восточнославянском фоне)» [120].

2. Итогом исследований *Т. А. Пивоварчик* в указанном направлении стали

– **кандидатская диссертация** «Персонализация в русском и белорусском речевом общении» (2003; научный руководитель М. И. Конюшкевич);

– «**Слоўнік-даведнік дыпламатычнага пратакола**» (в соавторстве с Г. Н. Михалькевичем) [121].

3. Раздел «**Адносіны «чалавек – (мова) – чалавек**» в книге *М. И. Конюшкевич* «Мова. Граматыка адносін» [122].

Участники XIV Карских чтений. Гродно.

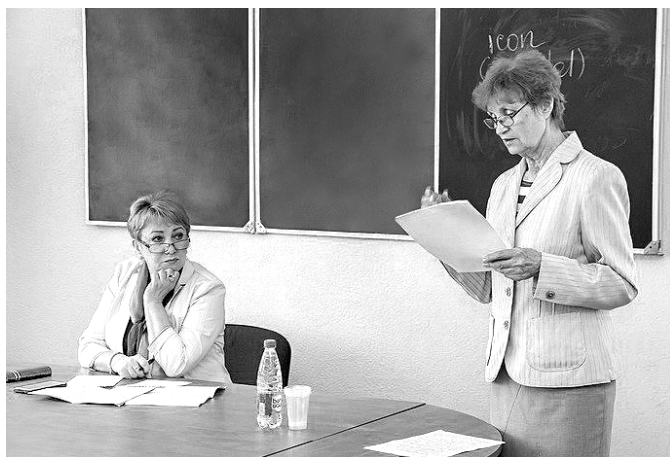
Первый ряд слева направо: декан факультета истории, коммуникации и туризма ГрГУ им. Янки Купалы *Т. А. Пивоварчик*, профессор *Т. В. Шмелева* (Новгородский университет им. Ярослава Мудрого, Россия), профессор *Л. Р. Дускаева* (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия), зав. кафедрой журналистики ГрГУ им. Янки Купалы *И. И. Минчук*.

Второй ряд слева направо: *Т. В. Сивова*, *А. В. Зезюлевич* (ГрГУ им. Янки Купалы), ведущий библиограф Национальной библиотеки Беларуси *Л. Д. Сильнова*, зав. кафедрой русского языка БрГУ им. А. С. Пушкина *О. Б. Переход*, доцент *А. С. Белая* (Нежинский государственный университет, Украина), доцент *Т. Г. Бобкова* (Могилёвский государственный университет продовольствия), профессор *М. И. Конюшкевич* (ГрГУ им. Янки Купалы), профессор *С. В. Морозова* (ГрГУ им. Янки Купалы), академик *А. А. Лукашанец* (Национальная академия наук Беларуси), профессор *Т. Г. Добосклонская*, профессор *И. В. Анненкова* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия).

Трое мужчин в центре слева направо: профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне *Я. Голота* (Польша), писатель *А. А. Карский* (Санкт-Петербург, Россия), член-корреспондент НАН Украины *А. А. Загнитко* (Винница, Украина)

Гродно, 3 мая 2018 г. У «Галереи профессоров» ГрГУ им. Янки Купалы.
Слева направо: ведущий библиограф НББ *Л. Д. Сильнова* (Беларусь),
профессор *Т. Г. Добосклонская* (Россия),
профессор *М. И. Конюшкевич* (Беларусь),
профессор *Л. Р. Дускаева* (Россия),
член-корреспондент НАН Украины *А. А. Загнитко*

На заседании секции. Модератор – зав. кафедрой литературно-художественной
критики БГУ *Л. П. Саенкова-Мельницкая* (Беларусь),
докладчик – доц. *Т. Г. Бобкова* (МГУП, Беларусь)

А. А. Карский, правнук академика Е. Ф. Карского, выступает с докладом на пленарном заседании XIV международных Карских чтений

Доктор филологических наук, профессор Мария Иосифовна Конюшкевич – идейный вдохновитель Международных Карских чтений

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЬСЬКОГО»

IX КАРСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЧТЕНИЯ

**Е. Ф. КАРСКИЙ
И СОВРЕМЕННОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

16–17 мая 2002 г.
Гродно
Республика Беларусь

П Р О Г Р А М М А

Гродно 2002

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі
«Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Янкі Купалы»
Гродзенскі абласны навукова-метадычны камітэт
Гродзенскі раённы навукова-метадычны камітэт
Гродзенская абласная бібліятэка імя Яўхіма Карскага

XII Міжнародныя Карскія чытанні
XII Міжнародныя Карскія чытанні
Гродна, 18–19 мая 2010 года

*«Е. Ф. Карскі і сучаснае языкознаўства»
«Я. Ф. Карскі і сучаснае мовазнаўства»*

На сустрэчу 150-м угодкам з дня нараджэння акадэміка
Яўхіма Фёдаравіча Карскага
Навстрэчу 150-летню со дня рожоджэння акадэміка
Еўфімія Фёдаравіча Карскага

П Р О Г Р А М М А

Гродна 2010

**СЛАВЯНСКІ СВЕТ
І НАЦЫЯНАЛЬНАЯ
МАЎЛЕНЧАЯ КУЛЬТУРА
У СУЧАСНАЙ КАМУНІКАЦЫІ**

**XIV МІЖНАРОДНЫЯ
КАРСКІЯ ЧЫТАННІ**

**У Г О Н А Р А К А Д Э М І К А
ЯЎХІМА ФЁДАРАВІЧА КАРСКАГА**

ГРОДНА

**3—4 2018
МАЯ ГОДА**

Программы Международных Карских чтений разных лет

5. Медиалингвистика. С появлением на кафедре русского языка специализации «Литературная работа в газетах и журналах» и, позднее, с образованием кафедры журналистики прагмалингвистические исследования сменили вектор на изучение языка СМИ. На это повлияли изменения во всем укладе жизни общества, новые технологии в коммуникации, активное интернет-общение, поликодовость медиа, экспансия рекламных текстов и другие факторы.

На Карских чтениях стали появляться доклады о языке СМИ, рекламы, интернета. Как уже говорилось, в рамках Карских чтений прошли медиалингвистический семинар «Языковые процессы в массмедиа славянских стран» (XIII) и круглый стол с тем же названием (XIV).

Медиалингвистика, как и другие гибридные науки, полицентрична, у нее несколько предметов исследования в зависимости от того, с какой средой в медиaprостранстве взаимодействует язык и каков вектор этого взаимодействия. Отсюда нечеткость границ этой дисциплины и близость ее с другими – лингвомедиалогией (или лингвистикой медиа), теорией медиа (медиалогией), коммуникативистикой (или коммуникологией), политической лингвистикой и др.

Мы не будем повторять названия и содержание докладов семинара и круглого стола «**Языковые процессы в массмедиа славянских стран**», ограничимся тем, что в докладах по медиалингвистической тематике, представленных на Карских чтениях, обозначим векторы. Внимание к языку медиа началось с VI Карских чтений, но особенно активным оно стало с XII чтений. На наш взгляд, среди докладов, относящихся к области медиалингвистики (в широком понимании этого термина), условно можно выделить четыре предмета исследования, причем заметим, что дань внимания языку медиа отдали и те, кто не изменил своим научным пристрастиям в других областях лингвистического знания.

1. Язык СМИ: особенности, выразительные средства, предпочтения, девиации, новации (преимущественно язык прессы): прагматика топонимов в публицистике (VIII) – *И. Э. Ратникова*; общественно-политическая фразеология в публицистике (VIII), индивидуально-авторские образования в прессе Украины (X) – *А. М. Григораш*; соотношение медиа и культуры – *В. И. Коньков* (XIII); *Т. Г. Добросклонская* (XIV); модальность дискурса и языковая игра – *Н. Ю. Павловская* (XIII); текстовые метафоры как отражение диалогичности журналистской речевой деятельности (XIII) – *Л. Р. Дускаева*; прецедентные феномены в медиа – *П. А. Лекова* (XIV); заголовки в прессе – *Е. Е. Долбик* (XIV); национальное и универсальное в медиа (XIV) – *И. В. Анненкова*.

2. **Речевые жанры медиа:** жанровая трансформация в культурно-просветительском медиадискурсе (XIII) – *Л. П. Саенкова-Мельницкая*; речевой жанр творческого портрета в журналистском тексте (XIII) – *Л. Р. Дускаева, Ю. М. Коняева*; корпоративные медиа – *О. А. Шуманская* (XIV); *М. В. Заяц* (XIV); жанр комментария *В. Ю. Костюченко* (XIV).

3. **Коммуникативные практики в разных условиях коммуникации:** рекламы и бизнеса – *Н. В. Кутуза* (IX); *С. Н. Короткая* (X); *Г. В. Зимолец* (XII); дискурс элитарных СМИ – *А. В. Попова* (IX); институциональные дискурсы – *Л. В. Пономарева* (XII), *А. В. Испирян* (XII); технологии медийных мифологизаций – *А. А. Загнитко* (XIII); репрезентация личности в медиа – *Е. А. Гапанович* (XIII); *Е. А. Щеглова* (XIII); *В. О. Яровикова* (XIV); тактики оппозиционирования – *Го Бинь* (XIII); защитные стратегии от информационного стресса – *Ю. В. Андреева* (XIV); этика и медиа – *Л. П. Саенкова-Мельницкая* (XIV); агрессия и медиа – *А. Н. Жаворонкова* (XIV); терминология медиа – *М. В. Шаманова* (XIV); ресурсы СМИ в дидактике – *И. Шифрон-Борейко* (XIV).

4. **Влияние языка медиа на языковую систему:** инновации в интернет-коммуникации и тенденции развития русской грамматики – *О. С. Горицкая* (XII); медиа и язык, текст и дискурс – *В. И. Ивченков* (XIII; XIV); внутрикатегориальные и межкатегориальные транспозиции в языке медиа – *А. А. Загнитко* (XIV).

Гродненская медиалингвистическая школа в зеркале Карских чтений выделяется исследованиями региональных СМИ, что, в сущности, является социальным заказом для кафедры журналистики и представляет ее научно-исследовательскую тематику в течение десятилетия. Особенности региональных СМИ на фоне центральных белорусских и зарубежных медиа обнаруживаются во всех обозначенных направлениях:

1) **в языке:** средства выражения времени в языке газеты; неопределенно-субъектные предложения в языке газеты; синтаксис очерков *В. Пескова* – *Л. И. Смольская* (VIII; IX; X); характеристика публицистического текста – *И. С. Лисовская* (XII); цветовая палитра текстов газеты «Гродненская правда» – *Т. В. Сивова* (XII); клише в белорусских и английских газетах – *И. В. Бырда* (XII); культурно-исторический образ Гродно в региональной прессе – *О. В. Корсун, Т. А. Пивоварчик* (XII); интертекстуальность СМИ, прецедентные феномены в медиа – *И. А. Герасимчик* (XIII); *В. Л. Лещенко* (XIV); медиа и норма – *А. А. Мурашов, Н. А. Шматко, Т. А. Пивоварчик* (XIII);

2) **в жанрах:** жанр комментария – *И. В. Пивоварчик* (XIV); *И. А. Герасимчик* (XIV); нетикет в чат-коммуникации – *И. И. Минчук* (XIV); жанр журналистского расследования в региональных СМИ – *А. Л. Петрова* (XIV);

3) **в коммуникативных тактиках:** язык рекламы – *Л. М. Серета* (VI), *И. В. Пивоварчик* (XIII); *Е. Т. Костюшко* (XIV); использование ресурсов различных языков в сфере бизнеса – *В. Л. Воронович, Л. В. Рычкова, И. Ю. Самойлова* (XII); эмпатия в текстах районных СМИ – *И. И. Минчук* (XIII); колористическая экспликация пиара на портале «Беларусь Сегодня» – *Т. В. Сивова* (XIII); репрезентация личности в медиа – *А. С. Мирошниченко* (XIV); терминология медиа – *Н. И. Наседкина* (XIV); коммуникативные практики в условиях цифровой трансформации медиа – *А. А. Павлова* (XIV); соотношение вербального и визуального в коммуникации – *А. В. Зезюлевич*;

4) **во влиянии медиа на языковую систему:** грамматикализация номинативных единиц – *М. И. Конюшкевич* (IX; XIV).

Даже только по публикациям в материалах Карских чтений заметно, что медиалингвистическая школа в ГрГУ имени Янки Купалы получила отчетливые очертания. Определилось ее магистральное и перспективное направление. В русле медиалингвистики в ГрГУ имени Янки Купалы защищено около десяти магистерских диссертаций.

Признанием вклада гродненцев в медиалингвистику стало председательство профессора *М. И. Конюшкевич* в постоянной Медиалингвистической комиссии при Международном комитете славистов, а также ее членство в редакционной коллегии журнала «Медиалингвистика». Это создало благоприятную почву для международного сотрудничества кафедры не только с учеными из Санкт-Петербургского государственного университета, но и с учеными из других вузов.

6. Прикладная лингвистика. Обращение лингвистов к математике, в частности к статистическим методам исследований, впервые в материалах Карских чтений отмечено в докладах профессора *В. Г. Ермоленко*: «Еще одна лингвистическая универсалия» (IV); «Особенности синтаксической организации глав “Тихого Дона”, посвященных Илье Бунчуку» (V); «Статистический компонент, измеряющий в художественном тексте предложные и союзные связи (*М. Шолохов “Донские рассказы”*)» (VI).

Эстафету в этом направлении подхватила на Карских чтениях доцент кафедры общего и славянского языкознания *Людмила Васильевна Рычкова*, ныне профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации, организовавшая и возглавившая авторский коллектив по созданию **белорусского модуля параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ)**. Высокую оценку результатов этого проекта, высказанную руководителем НКРЯ *В. Г. Плу-*

нгяном (Москва, РАН), автор этих строк лично слышала на одном из заседаний съезда славистов в Белграде (2018).

На Карских чтениях результаты этого проекта отражены в статьях *Л. В. Рычковой* «К вопросу о машинном фонде белорусского языка» (IV); «Полнотекстовые базы данных как материал для лингвистических исследований» (VI); «Регионально распределенная полнотекстовая база данных в исследовании речевого облика районных газет Беларуси» (XIV), а также в статьях *А. Ю. Станкевич* «Некоторые закономерности ритма текста (по типовым значениям предложения)» (VII); «Обеспечение автоматического реферирования научного текста» (VIII); «Программные инструменты отбора языкового материала из полнотекстовой базы данных региональных СМИ» (XIV).

Добавлю, что созданный гродненцами белорусский параллельный подкорпус НКРЯ оказался для меня богатым источником языкового материала при инвентаризации белорусских союзов и их аналогов [118].

В публикациях иногородних участников прикладная лингвистика на Карских чтениях представлена статьями *В. А. Карпова* «Функции математического аппарата при представлении знаний о языке» (VI) и *Д. В. Кузнецовой* «Корпусныя тэхналогіі ў даследаванні спецыяльнай лексікі (на матэрыяле беларускамоўных медыйных тэкстаў)» (XIV).

Под руководством *Л. В. Рычковой* подготовлена и защищена кандидатская диссертация *М. В. Половец* «Терминология компьютерной лингводидактики в динамическом аспекте (на материале специализированного электронного журнала “Language Learning and Technology”)» (2016).

7. Словообразование и номинативная деривация. Научная школа под таким названием существует с тех пор, как Гродненский педагогический институт был преобразован в Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (1978) и в нем стал работать заведующим кафедрой общего и славянского языкознания профессор *Василий Михайлович Никитевич*, организовавший регулярную международную научную конференцию «Словообразование и номинативная деривация в славянских языках». Работу в этом направлении продолжает его сын *Алексей Васильевич Никитевич*, профессор кафедры русского языка. Он же с 1998 г. представляет Гродненский государственный университет имени Янки Купалы в Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов.

Карские чтения тоже были площадкой для отражения результатов исследований и этой научной школы ГрГУ имени Янки Купалы. Укажем номера чтений, в материалах которых опубликованы статьи нынешнего

руководителя данной школы, его учеников и коллег: *А. В. Никитевич* (VI; VII; IX; X); *А. Н. Овчинникова* (VII; VIII; IX); *Л. М. Середа* (V; IX; XI; XIII); *Е. В. Кулеш* (XI; XII); *Т. И. Скоробогатая* (XII); *А. М. Сивец* (XII); *Ю. В. Шарец* (XII); *С. Г. Хвесько* (XII; XIII; XIV); *И. Н. Чавлытко* (XII); *З. З. Сидорович* (XI; XII); *П. С. Прибыловский* (XII); *И. С. Лисовская* (X).

Из иногородних участников чтений, представивших результаты исследований в указанном направлении, следует выделить академика *А. А. Лукашанца*, руководителя Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов (IV; V; VI; VII); *О. И. Литвинникову* (IX; X; XI; XII). Надо отметить, что в нескольких чтениях доклады по словообразованию и номинативной деривации составляли целые секции: IX (13 докладов); X (15 докладов); XII (12 докладов).

Результаты гродненской научной школы по словообразованию и номинативной деривации получили воплощение в следующих формах:

1) **кандидатская диссертация** *А. Н. Овчинниковой* «Моделирование номинативных рядов глаголов, обозначающих деятельность лица (синхронно-диахронический аспект)» (2003; научный руководитель *А. В. Никитевич*);

2) **докторская диссертация** *А. В. Никитевича* «Русский глагол в номинативной системе языка» (2005);

3) **практикум** «Словообразование» *А. В. Никитевича* для филологических специальностей (2011);

4) **монографии** *А. В. Никитевича* «Русский глагол в составе номинативных рядов» (2004), «Деривация и смысл» (2011);

5) **кандидатская диссертация** *Т. И. Скоробогатой* «Номинативные ряды глаголов физического воздействия в русском и немецком языках» (2017; научный руководитель *А. В. Никитевич*).

8. Фразеология – направление старейшей гродненской лингвистической школы, отчет которой начинается с трудов профессора *И. Я. Лепешева*. Некоторые из них отражены в Карских чтениях (IV; VI; X). После кончины *Ивана Яковлевича* школу продолжили его ученики – *Н. А. Данилович* (I; IV; VI; VIII; IX) и *М. А. Якоцевич* (IV; V), коллеги *Т. И. Томашевич* (V); *В. В. Маршевская* (IV; V). Кроме того, в материалах Карских чтений получила отражение еще одна ветвь фразеологии – этнофразеология – в докладах профессора Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины *В. И. Коваля* (III; IV; VI; VIII; IX).

Наиболее существенные результаты докладчиков:

1) **докторская диссертация** *Н. А. Даниловича* «Беларуская дыялектная фразеалогія: тыпалогія, лексічны склад» (2004);

2) кандидатская диссертация *И. А. Герасимчик* «Фразеалагічныя паронімы сучаснай беларускай літаратурнай мовы» (2003; научный руководитель Н. А. Данилович);

3) монографии *Н. А. Даниловича* «Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны» [123]; «Беларуская дыялектная фразеалогія і яе лексічная аснова» [124]; «Малыя жанры фальклору Гродзеншчыны» [125].

Если внимательно проследить, как менялось содержание проблемного поля Карских чтений, то можно заметить смещение векторов исследовательских целей: весь XIX в. и первую половину XX в. лингвистов интересовало, **как устроен язык**; основным вопросом второй половины XX в. стал вопрос, **как язык функционирует**; сегодня в центре внимания исследователей вопрос, **как язык воздействует** на массовое сознание и сознание личности и **каковы результаты этого воздействия**.

Но независимо от векторов неизменным для Карских чтений остается пополнение Карскианы новыми сведениями о великом белорусоведении. Каждое новое поколение ученых изучает труды академика Е. Ф. Карского, учится у него преданному отношению к Языку и честному служению науке, чтобы Слово, данное человеку, служило расцвету его разума и души.

IV. Роль Карских чтений для науки и общества

«Участники XII Международных Карских чтений, придавая важное значение проведению регулярных международных форумов, посвященных изучению и сохранению научного наследия выдающегося слависта Евфимия Федоровича Карского, отмечают необходимость проведения подобных конференций...»

Фактом проведения и участия в Карских чтениях научная общественность манифестирует признание жизненного подвига автора многотомного труда «Белорусы» – академика Е. Ф. Карского и обязуется:

1) *обогащать читаемые курсы сведениями о научной деятельности Е. Ф. Карского и его вкладе в славянское и мировое языкознание;*

2) *формировать у студентов и молодых исследователей уважение к научной классике, приобщать их к подвижническому исследовательскому труду;*

3) *своими научными достижениями и участием поддерживать начинания в проведении научных форумов, посвященных изучению жизни и деятельности выдающихся лингвистов»* (из Решения XII Международных научных чтений (Карских чтений), посвященных 150-летию академика Е. Ф. Карского).

Итак, в течение 30 лет Карские чтения прошли 14 значительных вех и подошли к своей 15-й. Что дали они лингвистическим кафедрам? студентам? университету в целом? городу Гродно и области? Беларуси? научному сообществу? Можно оглянуться и наметить крупными мазками роль этих форумов в жизни филологического факультета и волею судеб в рамках факультета истории, коммуникации и туризма, но в стенах единого организма, именуемого Гродненским государственным университетом имени Янки Купалы.

1. Главное достижение Международных научных Карских чтений – это усиливающееся и расширяющееся внимание отечественных и зарубежных лингвистов к научному наследию и личности академика Е. Ф. Карского, востребованность его фундаментального труда «Белорусы», приобщение к научной школе и личности ученого-подвижника, прочтение этого труда с позиций современной научной парадигмы и убежденность в актуальности многих его положений. С каждой такой конференцией открывается новая грань личности Е. Ф. Карского – как ученого с широчайшим диапазоном деятельности и как человека.

2. С каждыми новыми чтениями ширится и круг людей, внимание которых вовлекается в познание личности и наследия Е. Ф. Карского. Даже если принять за среднее число в 70 человек, то только непосредственных участников чтений насчитывается около тысячи! А ведь каждый участник, в большинстве своем – преподаватели вузов, расскажет о Карском и чтениях своим ученикам и коллегам!

3. В научном сообществе повышается значимость Е. Ф. Карского как первооткрывателя многих направлений в белорусистике – диалектологии, палеографии, лингвистического источниковедения, словообразования и грамматики, лексикологии и лексикографии. В его работах просматриваются идеи и новых областей языкознания – социолингвистики, лингвогеографии, этнолингвистики, лингвокультурологии и даже гендерной лингвистики.

4. Благодаря Карским чтениям стала создаваться Карскиана – библиографические обзоры трудов ученого и трудов о нем, но главное – по содержанию чтений можно видеть, в каком направлении развивается современная лингвистика (хотя бы в области белорусского, русского и, в целом, славянского языкознания).

5. Научные Карские чтения способствуют, с одной стороны, преемственности восточнославянской научной школы, с другой, – выявлению новых научных парадигм в языкознании.

6. Исследовательский гений Карского помогает современным ученым преодолевать ограниченность узкой специализации в научных ис-

следованиях, дает возможность понять и оценить его научную школу, которой многим не хватает, – ее энциклопедизм, фундаментальность, полиязычность, историзм, учет социокультурного фона, междисциплинарность – все то, что характеризует и современную парадигму. Поэтому Карский – современен.

7. Проведение форумов в честь Е. Ф. Карского способствует реализации предложений по увековечению личности ученого как у себя на родине, так и за рубежом.

8. Карские чтения, учреждение и проведение которых выпало на переломные в жизни наших народов и государств 90-е годы, консолидировали научное сообщество, которое в зеркале Карских чтений проявилось особенно подвижнически. Ученые приезжают на чтения с новой информацией, делятся идеями, публикациями, новой литературой, проверяют свои и чужие идеи и результаты, изучают опыт проведения форумов и делятся своим, а главное, увозят с собой память о Карском и его наследии, впечатления о ГрГУ имени Янки Купалы, Гродно и Беларуси. Происходит обогащение всех – новой информацией, опытом, новыми связями и планами.

9. Велика роль Карских чтений для возникновения и развития международного сотрудничества в области науки и образования – совместные исследовательские проекты, совместные конференции, выездные чтения, совместные издания книг, привлечение студентов к выполнению тем. Форумы, подобные Карским чтениям, развивают и укрепляют сотрудничество государств и народов.

10. Продолжением чтений является переписка между учеными – выявление «белых пятен» в наследии и биографии Карского, обмен идеями, посыл к поиску, предложение тем, объединение в межвузовские, межличностные, международные проекты, выдвижение заметных и авторитетных ученых в международные научно-общественные объединения.

11. Наряду с популяризацией имени и научных трудов белорусского ученого, наряду с обеспечением обмена информацией о достижениях современной лингвистики, Карские чтения работают на имидж Гродненского государственного университета имени Янки Купалы как одного из ведущих вузов и научных центров Беларуси, на имидж Гродненщины как процветающего края и на имидж Беларуси в целом как европейской страны, в которой умеют ценить память, людей труда, порядок, стабильность.

12. Карские чтения дали возможность гродненским филологам продемонстрировать собственные научные достижения; гости и участники чтений не раз отмечали глубину и перспективность научных разработок гродненских лингвистов, их продуктивные и перспективные лингвистические школы.

13. Благодаря участию авторитетных и опытных ученых Карские чтения стали счастливой площадкой для апробации и экспертизы научных результатов и диссертационных работ многих молодых исследователей, трибуной для научной полемики, для демонстрации новаций, гипотез, иных мнений.

14. Многие доклады Карских чтений стимулируют общественность к познанию своей истории, знаковых фигур в истории своего и сопредельных государств, культурного контекста формирования личности.

15. Трудно переоценить воспитательный потенциал Карских чтений:

– к классическому наследию академика Е. Ф. Карского приобщается молодежь, которая не только получает лингвистические знания, но и учится уважению к языку, к народу – носителю языка; учится трудолюбию, научной этике, подвижничеству, растет ее патриотизм;

– чтения стимулируют научное сообщество, студентов и социум в целом беречь память, понять прошлое и бережно относиться к событиям своего времени, собирать и хранить документы, книги, эпистолярий, фотографии, видеофильмы – всё, что характеризует эпоху, ибо в малом отражается великое.

16. Карские чтения способствовали обогащению учебных и специальных курсов разделами по изучению наследия Е. Ф. Карского, научными приращениями; стимулировали открытие новых специализаций и специальностей; способствовали открытию магистратуры и аспирантуры в вузах; помогли появлению актуальных и соответствующих реалиям новых кафедр.

17. Как и другие научные конференции, Карские чтения способствуют формированию положительного имиджа науки и человека в науке, привлекают внимание государства к проблемам в науке и проблемам науки. Ведь далеко не всем понятны жизнь и труд ученого. Помимо исследовательской и педагогической деятельности, он осуществляет огромную бескорыстную общественно-научную работу: организует конференции, рецензирует работы коллег и учеников, участвует в семинарах и диссертационных советах, выступает перед общественностью и т. д.

18. Тематика и содержание докладов Карских чтений свидетельствуют не только об интересе лингвистов к научному наследию Евфимия Федоровича Карского, но и о широком диапазоне проблем, актуальных для современного языкознания. Внимание к опыту предшественников и рассмотрение проблем сегодняшнего дня сквозь призму этого опыта – залог успеха любой науки. Может быть, в этой преемственности и заключается секрет популярности Карских чтений.

Список литературы

1. Булахов, М. Г. Евфимий Федорович Карский: Жизнь, научная и общественная деятельность; под ред. В. И. Борковского / М. Г. Булахов. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 272 с.
2. Карский, А. А. Академик Е. Ф. Карский. Биография : в 2 т. / А. А. Карский ; редкол.: А. Н. Карлокевич [и др.]. – Минск : Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2019. – Т. 1. – 603 с. – ил. ; Т. 2. – 734 с. – ил.
3. Конюшкевич, М. И. Нежинский период – точка отсчета научной деятельности академика Е. Ф. Карского / М. И. Конюшкевич // Література та культура Полісся. – Вип. 7. Випускники Ніжинської вищої школи та їх творчість: до 175-ліття заснування інституту / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 1996. – С. 185–191.
4. Белая, А. С. Евфимий Федорович Карский (1861–1931) : пособие к спецкурсу «Из истории языкознания : персоналии» / А. С. Белая. – Нежин : Нежинский гос. пед. ун-т, 1998. – 26 с.
5. Конюшкевич, М. И. VI Международные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Белоруссия, Гродно, 25–26 янв. 1996 г.) / М. И. Конюшкевич // Вестник МАПРЯЛ. – 1996. – Вып. 16. – С. 17–18.
6. Белая, А. С. Нежинская Карскиана : пособие к спецкурсу «Из истории языкознания: персоналии» / А. С. Белая, В. Н. Бережняк. – Нежин : ТБК «Орхидея», 2014. – 188 с.
7. Белая, А. С. Евфимий Федорович Карский (архивные материалы г. Нежин) : дополнения к пособию по спецкурсу «Из истории языкознания : персоналии» / А. С. Белая. – Нежин : Нежинский гос. пед. ун-т, 2000. – 23 с.
8. Канюшкевіч, М. І. Вітальнае слова / М. І. Канюшкевіч // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўство : матэрыялы XI міжнародных Карскіх чытань (18–19 вересня 2007 р.) / Ніжинський держ. ун-т імя М. Гоголя, Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: В. М. Бережняк, А. С. Белая, М. И. Конюшкевич, Н. И. Арват. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 2.
9. Конюшкевич, М. И. На встречу с Карским / М. И. Конюшкевич // Гродзенскі ўніверсітэт. – 2007. – 27 ноября.
10. Судавічэне, Л. В. Віленскі перыяд дзейнасці Я. Ф. Карскага / Л. В. Судавічэне // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навуц. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 12–14.
11. Судавичене, Л. В. Страницы из жизни Е. Ф. Карского в Вильнюсе / Л. В. Судавичене // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г. : в 2 ч. / УО «Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы» ; отв. ред. М. И. Конюшкевич ; редкол.: М. И. Конюшкевич, Т. А. Пивоварчик, А. Ю. Станкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 17–27.
12. Судавічэне, Л. В. Я. Ф. Карскі і яго кніга / Л. В. Судавічэне / Л. В. Судавічэне // Праваслаўныя святыні горада Вільні / Я. Ф. Карскі ; прадм. М. І. Канюшкевіч ; уступ. арт. Л. В. Судавічэне. – Рэпр. выд. – Гродна : ГрДУ, 2005. – С. 7–14.
13. Карскі, Я. Ф. Праваслаўныя святыні горада Вільні / Я. Ф. Карскі ; прадм. М. І. Канюшкевіч ; уступ. арт. Л. В. Судавічэне. – Рэпр. выд. – Гродна : ГрДУ, 2005. – 56 с.
14. Конюшкевич, М. И. Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия / М. И. Конюшкевич. – Минск : Университетское, 1989. – 157 с.
15. Конюшкевич, М. И. Я русскому учусь... : учеб. пособие / М. И. Конюшкевич, С. А. Емельянова, В. Л. Лещенко. – Минск : Университетское, 1990. – 144 с.
16. Конюшкевич, М. И. Синтаксис русского и белорусского языков: сходство и различия: пособие для учителя / М. И. Конюшкевич, М. А. Корчиц, В. Л. Лещенко. – Минск : Народная асвета, 1994. – 158 с.

17. Вопросы функциональной грамматики : доп. матер. VI науч. Карских чтений, Гродно, 25–26 января 1996 г. / отв. ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 1996. – 83 с.
18. Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / редкол.: М. И. Конюшкевич (отв. ред.), Н. С. Гребенщикова, В. Л. Лещенко. – Гродно : ГрГУ, 1998. – 122 с.
19. Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / редкол.: М. И. Конюшкевич (отв. ред.), Н. С. Гребенщикова, В. Л. Лещенко. – Вып. 3. – Гродно : ГрГУ, 2000. – 175 с.
20. Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Конюшкевич. – Вып. 4. – Гродно : ГрГУ, 2001 (2002). – 188 с.
21. Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / редкол.: М. И. Конюшкевич (отв. ред.), Н. С. Гребенщикова, А. В. Никитевич. – Вып. 5. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 264 с.
22. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1 : Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов ; под общ. ред. М. В. Всеволодовой. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 304 с.
23. Всеволодова, М. В. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2. Реестр русских предложных единиц А–В (объективная грамматика) / М. В. Всеволодова, Е. Н. Виноградова, Т. Е. Чаплыгина. – М. : УРСС, 2018. – 800 с.
24. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч – Ч. 1 : Вядзенне ў аб'ектыўную граматыку і лексікаграфію рускіх прадложных адзінак / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов ; под общ. ред. М. В. Всеволодовой. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 304 с.
25. Загнітко, А. П. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова / А. П. Загнітко, І. Г. Данилюк, Г. В. Ситар, І. А. Щукіна. – Донецьк : ТОВ ВКФ «БАО», 2007. – 415 с.
26. Славянските предлоги : сб. ст. / редкол.: Г. Гочев (отгов. ред. и сост.) [и др.]. – Велико Търново : Изд-во «Ивис», 2007. – 199 с.
27. Lachur, Cz. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (zestawieniu z językiem rosyjskim). T. 1 : a conto – oprócz / Cz. Lachur. – Opole: Wydawnictwo Nowik Sp.j., 2019. – 425 s.
28. Цыхун, А. П. Акадэмік з вёскі Лаша Я. Ф. Карскі : краязнаўча-біяграфічны нарыс / А. П. Цыхун. – Гродна : Гродзен. аддз. БФК, 1992. – 76 с.
29. Карский Евфимий Федорович (к 150-летию со дня рождения) : библиограф. обзор / авт.-сост. А. А. Карский. – Гродно : ГрГУ, 2010. – 124 с.
30. Зеленковский, И. В. В Минске будет улица «Академика Карского»! [Электронный ресурс] / И. В. Зеленковский // «Западная Русь». – Режим доступа: <https://zapadrus.ru/rusizn/716-1-r162.html>. – Дата доступа: 27.03.2020.
31. Блинец, А. В. Новые сведения о родителях академика Е. Ф. Карского / А. В. Блинец // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 42–51.
32. Карский, А. А. О братьях и сестрах академика Е. Ф. Карского / А. А. Карский // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 51–67.
33. Карский, А. А. Из переписки Е. Ф. Карского с литературоведом и театроведом Н. П. Кашиным / А. А. Карский // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 5–8.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

34. Самойленко, А. Г. От лектора до ректора: личное дело Ефима Федоровича Карского в Archiwum panstwowe M. St. Warszawy / А. Г. Самойленко // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 4–13.

35. Карский, А. А. Е. Ф. Карский – ректор Императорского Варшавского университета / А. А. Карский // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 13–37.

36. Швед, В. В. Лёс Варшаўскай бібліятэкі Я. Ф. Карскага / В. В. Швед // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 67–73.

37. Сільнова, Л. Д. «Бібліятэка Я. Ф. Карскага» ў фондзе Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі : агульная характарыстыка калекцыі на базе створаных бібліяграфічных запісаў у фармаце BELMARC / Л. Д. Сільнова // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич, Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук ; гл. ред. М. И. Коношкевич. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 10–18.

38. Сільнова, Л. Д. Гімназічныя падручнікі канца XIX – пачатку XX ст. у кнігазборы «Бібліятэка Я. Ф. Карскага» : з фондаў Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі / Л. Д. Сільнова // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 9–12.

39. Дятко, Д. В. «Вопрос по партийной линии...» Взаимоотношения академика Е. Ф. Карского и советских властей / Д. В. Дятко // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 19–22.

40. Дзятко, Д. В. Яўхім Карскі: бацька навуковага беларусазнаўства / Д. В. Дзятко. – Мінск : Издательство «Харвест», 2014. – 64 с.

41. Дятко, Д. В. Академик Е. В. Карский: у истоков белорусского языкознания / Д. В. Дятко // Лексикографические штудии 2014 : междунар. кол. моногр. / под ред. Н. В. Пятаевой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – С. 279–306.

42. Важнік, С. А. Сінтаксіс Я. Ф. Карскага ў аспекце станаўлення нацыянальнай сінтаксічнай традыцыі / С. А. Важнік // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 99–107.

43. Карский, А. А. От автора-составителя / А. А. Карский // Карский Евфимий Федорович (к 150-летию со дня рождения) : библиограф. обзор / авт.-сост. А. А. Карский. – Гродно : ГрГУ, 2010. – С. 5–6.

44. Прудко, Т. Научно-исследовательская деятельность Е. Ф. Карского : исторический обзор / Т. Прудко // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм : матэрыялы V Карскіх міжнар. чыт., Гродна, 14–15 снежня 1994 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. Я. Кострыца (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1995. – С. 3–7.

45. Трацякова, А. У. Бібліяграфічнае адлюстраванне навуковай спадчыны Яўхіма Карскага і літаратуры аб ім (па матэрыялах бібліяграфічных паказальнікаў і БД «Беларускае мовазнаўства» ЦНБ імя Я. Коласа НАН Беларусі) / А. У. Трацякова // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений,

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 83–90.

46. Коношкевич, М. И. О Евфимии Федоровиче Карском : Библиографический указатель (1991–1996 гг.) / М. И. Коношкевич // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Коношкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 12–15.

47. Коношкевич, М. И. Научная Карскиана конца XX века – начала XXI столетия / М. И. Коношкевич // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X Междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Коношкевич ; редкол.: М. И. Коношкевич, Т. А. Пивоварчик, А. Ю. Станкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 4–17.

48. Коношкевич, М. И. Е. Ф. Карский и проблемы белорусского языкознания конца XX столетия / М. И. Коношкевич // Вісн. Львівського ун-ту. Сер. філологічна. – 2000. – Вип. 29. – С. 418–423.

49. Коношкевич, М. И. Научное сообщество и современное языкознание в зеркале Карских чтений / М. И. Коношкевич // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 73–82.

50. Булахов, М. Г. Восточнославянские языковеды : биобиблиогр. слов. : в 3 т. / М. Г. Булахов. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – Т. 2 : А–К. – С. 257–287.

51. Булахаў, М. Г. Я. Ф. Карскі як славіст і русіст / М. Г. Булахаў // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 14–17.

52. Булахов, М. Г. Значение научной деятельности академика Е. Ф. Карского в истории мировой славистики / М. Г. Булахов // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3(5). – С. 3–9.

53. Янович, Е. И. Е. Ф. Карский как палеограф / Е. И. Янович // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX Междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2002 г.: в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Коношкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1. – С. 6–14.

54. Астахина, Л. Е. Ф. Карский и лингвистическое источниковедение / Л. Астахина // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; ред. кол. Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Коношкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 17–18.

55. Янович, А. І. «Сказанне аб Сівіле–прачыцы» у даследаванні Я. Ф. Карскага і пытанні структуры і стылістыкі тэксту / А. І. Янович // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 1991. – С. 30–33.

56. Шаповалова, Л. И. Некоторые вопросы исторической фоонетики в освещении Е. Ф. Карского / Л. И. Шаповалова // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3(5). – С. 30–34.

57. Коваль, У. І. Навуковая спадчына Я. Ф. Карскага як крыніца этналінгвістычных даследаванняў / У. І. Коваль // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чыт.

да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 17–21.

58. Коваль, В. И. Мифологическая картина мира в трактовке Е. Ф. Карского / В. И. Коваль // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студз. 1996 г. : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адказ. рэд. М. І. Канюшкewич. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 1. – С. 14–19.

59. Евсеев, Ф. Летние обряды восточных славян в научной концепции Е. Ф. Карского / Ф. Евсеев // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд.) і видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд.) і видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 226–233.

60. Токарева, И. И. Этнолингвистическая традиция Востока и Запада / И. И. Токарева // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3 (5). – С. 75–79.

61. Kondratiuk, M. Eufemiusz F. Kariski – pierwszy badacz gwar białoruskich zachodniej części byłej guberni Grodzieńskiej i kontynuacja tych badań przez polskich dialektologów w XX wieku / M. Kondratiuk // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX Междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2002 г. : в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1. – С. 15–23.

62. Тамашэвіч, Т. І. Ля вытокаў беларускага мовазнаўства / Т. І. Тамашэвіч, З. М. Тамашэвіч // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 22–26.

63. Рамза, Т. Р. Заканамернасці і нечаканасці ў стаўленні да культуры беларускай мовы (на матэрыяле мовазнаўчых прац) / Т. Р. Рамза // Славянскі мир і нацыянальная речевая культура в современной коммуникации : к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич, Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук ; гл. ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 28–36.

64. Карскі, Е. Беларускі народ і яго мова / Е. Карскі // Адбітка з газеты «Беларусь». Рэдакцыя гэксту Я. Л. – Менск, 1920.

65. Шчэрбін, В. К. Я. Ф. Карскі і сучасная беларуская металексікаграфія / В. К. Шчэрбін // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студз. 1996 г. : у 2 ч. / Гродз. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адказ. рэд. М. І. Канюшкewич. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 2. – С. 3–8.

66. Лукашанец, А. А. Беларускае словаўтварэнне ў працах Я. Ф. Карскага і сучасныя тэндэнцыі развіцця / А. А. Лукашанец // Славянскі мир і нацыянальная речевая культура в современной коммуникации: к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич, Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук ; гл. ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 18–27.

67. Конюшкевич, М. И. Предложная система белорусского языка в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние / М. И. Конюшкевич // Ю. Ф. Карський і сучаснае мовазнаўства : матеріали XI Міжнародних Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 28–30.

68. Конюшкевич, М. И. Система белорусских союзов в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние / М. И. Конюшкевич // Славянскі мир і нацыянальная речевая культура в современной коммуникации : к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.:

М. И. Конюшкевич, Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук ; гл. ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 49–59.

69. Корчыц, М. А. Аб адным тыпе аналітычных намінацый (на матэрыяле «Беларусаў» Я. Ф. Карскага) / М. А. Корчыц // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 41–44.

70. Паўлоўская, Н. Ю. Пытанні мадальнасці ў лінгвістычнай канцэпцыі Я. Карскага / Н. Ю. Паўлоўская // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм : матэрыялы V Карскіх міжнар. чытанняў, Гродна, 14–15 снежня 1994 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. Я. Кострыца (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1994. – С. 19–23.

71. Капішкewіч, М. І. Параўнальна-супастаўляльны сінтаксіс у «Беларусах» Я. Ф. Карскага // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 33–37.

72. Джундова, І. Я. Ф. Карскі ў кантэксце славацкай лінгвістыкі / І. Джундова // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства : матэрыялы XI Міжнародных Карскіх чытань, Ніжін – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжін – Гродно, 2008. – С. 20–22.

73. Космеда, Т. А. Е. Ф. Карский и В. И. Борковский – ученые-соратники, друзья, родственники / Т. А. Космеда // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3(5). – С. 27–30.

74. Гадзінський, О. Ю. Ю. Карський: крытыко-бібліяграфічны огляды в журналі «Русский филологический вестник» / О. Ю. Гадзінський // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства : матэрыялы XI Міжнародных Карскіх чытань, Ніжін – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжін – Гродно, 2008. – С. 26–28.

75. Golota, J. Problemy ruchu naukowego w regionach regionalne czasopisma naukowe we wspórczesnej Polsce (na wybranych przykładach) / J. Golota // Славянский мир и национальная речева культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 71–75.

76. Гордей, Н. Н. Из методического наследия Е. Ф. Карского / Н. Н. Гордей // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы III навук. чытанняў, Гродна, 16 снежня 1992 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. М. Антонова [и др.]; адказ. за вып. С. М. Антонова. – Гродна : ГрДУ, 1992. – С. 12–16.

77. Судавичене, Л. В. Из некоторых наблюдений над педагогическими трудами Е. Ф. Карского / Л. В. Судавичене // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3(5). – С. 9–12.

78. Булахов, М. Г. Об употреблении терминов «язык», «речь», «наречие» в русском языкознании XIX – нач. XX вв. / М. Г. Булахов // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства : матэрыялы XI Міжнародных Карскіх чытань, Ніжін – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжін – Гродно, 2008. – С. 13–16.

79. Капішкewіч, М. І. Яўхім Карскі – бацька беларускага мовознаўства / М. І. Капішкewіч // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства : матэрыялы XI Міжнародных Карскіх чытань, Ніжін – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжін – Гродно, 2008. – С. 3–5.

80. Савіцкая, І. І. «Белорусская речь» Я. Карскага : даклад на I Усебеларускім з’ездзе / І. І. Савіцкая // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 112–116.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

81. Гребенщикова, Н. С. Литературный язык в понимании Е. Ф. Карского / Н. С. Гребенщикова // Ю. Ф. Карский і сучасне мовознавство : матеріали XI Міжнародних Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 7–9.

82. Франчук, В. Ю. Язык Великого княжества Литовского в трудах Е. Ф. Карского / В. Ю. Франчук // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 90–99.

83. Судавичене, Л. В. Франциск Скорина в трудах Е. Ф. Карского / Л. В. Судавичене // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы IV навук. чытаньняў, Гродна, 14–15 снежня 1993 г. : у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: М. І. Канюшкэвіч, С. Я. Кострыца. – Гродна : ГрДУ, 1993. – Ч. 1. – С. 3–9.

84. Франциск Скорина и его время : Энциклопедический справочник / Бел. Сов. Энцикл. ; редкол. И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 631 с.

85. Карский, Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Ин-т языкознания АН БССР им. Я. Коласа / Е. Ф. Карский. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 712 с.

86. Шмелева, Т. В. Слоvesность в понимании Е. Ф. Карского и в современных интерпретациях / Т. В. Шмелева // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 23–26.

87. Абашина, В. Н. «Очерки синтаксиса белорусского языка» академика Е. Ф. Карского в интертекстуальном измерении / В. Н. Абашина // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3 (5). – С. 34–35.

88. Панов, М. В. Современный русский язык. Фонетика : учеб. / М. В. Панов. – М. : Вышш. школа, 1979. – 256 с.

89. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учеб. / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

90. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ў XXI стагоддзі: ад Я. Ф. Карскага да нашых дзён // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 26–30.

91. Коношкевич, М. И. Революция, эволюция или период возврата? (Взгляд на наследие Е. Ф. Карского сквозь призму новой парадигмы) / М. И. Коношкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3 (5). – С. 12–17.

92. Коношкевич, М. И. Научная школа Е. Ф. Карского в свете парадигмы конца XX столетия // Літэратура та культура Полісся. Вип. 31 : Проблемы розвитку філологіі, історії та культуры (до 200-річчя Ніжинської вищої школи) / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2006. – С. 10–21.

93. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 640 с.

94. Пяткевіч, А. Дзейнасць Я. Карскага ў кантэксце беларускай культуры канца XIX – пачатку XX ст. / А. Пяткевіч // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 6–8.

95. Бобкова, Т. Г. Беларусь положила начало / Т. Г. Бобкова // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX Междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая

2002 г.: в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Конюшкович. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1. – С. 29–32.

96. Мікуліч, Т. М. Пытанні этнагенезу і этнічнай гісторыі беларусаў у працах Я. Ф. Карскага / Т. М. Мікуліч // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чыт. да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 9–11.

97. Прохорова, С. М. Проблемы этногенеза белорусов в свете традиций Е. Ф. Карского / С. М. Прохорова // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы IV навук. чытаньняў : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы ; рэдкал.: М. І. Канюшковіч; С. Я. Кострыца. – Гродна, 1994. – Ч. 1. – С. 10–16.

98. Булахов, М. Г. Е. Ф. Карский о балтизмах в белорусском языке / М. Г. Булахов // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Конюшкович (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 3–4.

99. Марозава, С. В. «Этнографическая карта белорусского племени» Яўхіма Карскага ў кантэксце сучаснай тэорыі этнагенезу беларусаў / С. В. Марозава // Славянскі мир и национальная речева культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 13–18.

100. Гачев, Г. Русская Дума. Портреты русских мыслителей / Г. Гачев. – М. : Новости, 1991. – 272 с.

101. Канюшковіч, М. І. Пытанні менталітэту ў навуковай спадчыне Я. Карскага / М. І. Канюшковіч, В. А. Васілевіч // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы IV навук. чытаньняў : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы ; рэдкал.: М. І. Канюшковіч, С. Я. Кострыца. – Гродна : ГрДУ, 1994. – Ч. 1. – С. 23–30.

102. Карский, Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2–3 / Ин-т языкознания им. Я. Коласа АН БССР ; ред. В. И. Борковский. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 518 с.

103. Карский, А. А. Нежинская школа славистов: Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов, Е. Ф. Карский / А. А. Карский // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI Міжнародних Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 5–11.

104. Агаева, Т. И. Е. Ф. Карский о вкладе Н. В. Гоголя в развитие русского литературного языка / Т. И. Агаева // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Конюшкович (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 15–16.

105. Тамашэвіч, Т. І. Талент, прадказаны Я. Карскім / Т. І. Тамашэвіч, З. М. Тамашэвіч // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм : матэрыялы V Карскіх міжнар. чытаньняў, Гродна, 14–15 снежня 1994 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: М. І. Канюшковіч, С. Я. Кострыца, Л. І. Смольская. – Гродна : ГрДУ, 1994. – С. 211–215.

106. Карский, Е. Ф. Белорусы / Е. Ф. Карский. – Петроград, 1922. – Т. III, вып. 3.

107. Карский, А. А. Вступительное слово академика Е. Ф. Карского на торжественном собрании в Пушкинском доме по случаю 100-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского / А. А. Карский // Славянскі мир и национальная речева культура в современной коммуникации : к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкович, Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук ; гл. ред. М. И. Конюшкович. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 3–10.

108. Карпенко, М. А. М. А. Максимович, А. А. Потебня, Е. Ф. Карский: становление и развитие традиций восточнославянского языкознания / М. А. Карпенко // Антропоцентричный підхід у дослідженні мови : матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Коношкєвич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 37–39.

109. Клімаў, І. П. Даследаванне Я. Ф. Карскім спадчыны Васіля Цяпінскага / І. П. Клімаў // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм : тэз. дакл. VIII Міжнар. Карських чытаньняў, Мінск–Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; Беларускае дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Антонова [і інш.] ; адказ. рэд. М. І. Канюшкєвіч. – Гродна, 2000. – С. 12–15.

110. Kondratiuk, M. Spuścizna kulturowa Jewfimiija Karskego I Michała Federowskiego w praszach polskich językoznawców I Folklorystów / M. Kondratiuk // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI Міжнародних Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 16–20.

111. Забарний, О. В. Юхим Карский і Тарас Шевченко / О. В. Забарний // Е. Ф. Карский і сучасне мовознавство : матеріали XII міжнарод. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкєвич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 107–112.

112. Коношкєвич, М. И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках : моногр. / М. И. Коношкєвич. – Гродно : ГрГУ, 2018. – 435 с.

113. Шуба, П. П. Прыназоўнік у беларускай мове / П. П. Шуба. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1971. – 224 с.

114. Карпов, В. А. Теория и метод / В. А. Карпов // Е. Ф. Карский и сучасне мовознавство : матеріали X міжнарод. Карських чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Коношкєвич ; редкол.: М. И. Коношкєвич, Т. А. Пивоварчик, А. Ю. Станкєвич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 48–50.

115. Всеволодова, М. В. Современный уровень русской грамматики и других славянских языков. Объективная грамматика и проблемы грамматикализации / М. В. Всеволодова // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : к 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкєвич, Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук ; гл. ред. М. И. Коношкєвич. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 41–49.

116. Ляхур, Ч. Проблемы описания предложной системы польского языка / Ч. Ляхур // Е. Ф. Карский и сучасне мовознавство : матеріали X міжнарод. Карських чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Коношкєвич ; редкол.: М. И. Коношкєвич, Т. А. Пивоварчик, А. Ю. Станкєвич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 96–104.

117. Ляхур, Ч. Временные особенности славянской языковой кратины мира / Ч. Ляхур // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI Міжнародних Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та ін.]. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 59–64.

118. Канюшкєвіч, М. І. Беларускае злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкєвіч. – Гродна: ГрДУ, 2019. – Ч. 1. Дыяпазон А–З. – 302 с.

119. Токарева, И. И. Межэтническое общение в свете этнолингвистики / И. И. Токарева // Е. Ф. Карский і сучасне мовознавство : матеріали IX міжнарод. Карських чтений, Гродно, 16–17 мая 2002 г. : в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Коношкєвич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 2. – С. 19–26.

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

120. Гребенщикова, Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне) : моногр. / Н. С. Гребенщикова. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 306 с.

121. Міхалькевіч, Г. М. Слоўнік-даведнік дыпламатычнага пратакола / Г. М. Міхалькевіч, Т. А. Піваварчык ; пад навук. рэд. Л. В. Лойкі і А. В. Шарapy. – Мінск : РІВШ БДУ, 2004. – 41 с.

122. Каношкewіч, М. І. Выбраныя працы: Мова. Граматыка адносін / М. І. Каношкewіч. – Мінск : Аверсэв, 2019. – 319 с.

123. Даніловіч, М. А. Слоўнік дыялектнай фразeалогіі Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 266 с.

124. Даніловіч, М. А. Беларуская дыялектная фразeалогія і яе лексічная аснова / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 271 с.

125. Даніловіч, М. А. Малыя жанры фальклору Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2017. – 254 с.

Выходные данные материалов Карских чтений

I Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытаньняў да 130-годдзя з дня нараджэньня Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – 72 с.

II Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы II навук. чытаньняў, Гродна, 18 снежня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык, М. І. Каношкewіч. – Гродна : ГрДУ, 1991. – 101 с.

III Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэр. III навук. чытаньняў, Гродна, 16 снежня 1992 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. М. Антонова [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1992. – 242 с.

IV Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы IV навук. чытаньняў, Гродна, 14–15 снежня 1993 г. : у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: М. І. Каношкewіч, С. Я. Кострыца. – Гродна : ГрДУ, 1993. – Ч. 1. – 198 с. ; Ч. 2. – 210 с.

V Функцыянальны аспект апісаньня моўных сістэм : матэрыялы V Карскіх міжнар. чытаньняў, Гродна, 14–15 снежня 1994 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. Я. Кострыца (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1995. – 218 с.

VI А) Е. Карский и современное языкознание / Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-ых угодкаў з дня нараджэньня Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г. : у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Каношкewіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 1. – 233 с. ; Ч. 2. – 274 с.

Б) Вопросы функциональной грамматики : **Дополнительные материалы Шестых Карских чтений** 25–26 января 1996 г. / отв. ред. М. И. Конюшкович. – Гродно, 1996. – 83 с.

VII Антропоцентричний підхід у дослідженні мовы : матэрыялы VII міжнар. Карскіх чытаньняў, Ніжін – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. і выдповід. – Ніжін) [та інш.]; М. І. Конюшкович (упоряд. і выдповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжін – Гродно, 1998. – 252 с.

VIII А) Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэньня акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3(5). – 192 с.

Б) **Язык в свете классического наследия и современных парадигм** / Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм : тэз. дакл. VIII міжнар. Карскіх чытаньняў, Мінск – Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; Беларускі дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Антонова [і інш.]; адказ. рэд. М. І. Каношкewіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 226 с.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

IX Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2002 г. : в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Коношкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1. – 504 с. ; Ч. 2. – 285 с.

X Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г. : в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Коношкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – 308 с. ; Ч. 2. – 269 с.

XI Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенські дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – 178 с.

XII Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 507 с.

XIII Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно : ГрГУ, 2016. – 309 с.

XIV Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – 311 с.

Информация о Карских чтениях в научной периодике

Белая, А. С. Седьмые Карские чтения «Антропоцентрический подход в исследовании языка» / А. С. Белая // Русская филология. Украинск. вестник. – 1998. – № 3–4. – С. 64–66.

Белая, А. С. Карские чтения / А. С. Белая // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 157–158.

Белая, А. С. VII Международные Карские чтения / А. С. Белая // Информационный бюллетень (Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы). Вып. 12. – Нежин, 2005. – С. 48–51.

Белая, А. С. К 150-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского / А. С. Белая // Педагогічні обрії : науково-методичний журнал управління освіти і науки Чернігівської обласної держадміністрації і Чернігівського обласного інституту післядипломної педагогічної освіти імені К. Д. Ушинського. – 2012. – № 2. – С. 64–65.

Конюшкевич, М. И. Информация о Девятых Карских чтениях / М. И. Конюшкевич // Вопросы языкознания. – № 2. – 2003. – С. 146–150.

Конюшкевич, М. И. IX Международные Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» / М. И. Конюшкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2003. – № 1. – С. 152–156.

Конюшкевич, М. И. X Международные Карские чтения (К 145-летию академика Е. Ф. Карского) / М. И. Конюшкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2005. – № 4 (35). – С. 179–182.

Конюшкевич, М. И. XII Международные научные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Навстречу 150-летию Евфимия Федоровича Карского) / М. И. Конюшкевич // Вопросы языкознания. – № 2. – 2011. – С. 156–159.

Конюшкевич М. И. XII Международные научные чтения (Карские чтения). Навстречу 150-летию Е. Ф. Карского / М. И. Конюшкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – № 2. – С. 171–174.

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Конюшкевич, М. И. XIII Международные научные чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» (К 155-летию Евфимия Федоровича Карского) / М. И. Конюшкевич // Южнославянский филолог. – 2016. – LXXII, св. 3–4. – С. 293–307.

Конюшкевич, М. И. VI Международные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Белоруссия, Гродно, 25–26 янв. 1996 г.) / М. И. Конюшкевич // Вестник МАПРЯЛ. – 1996. – Вып. 16. – С. 17–18.

Конюшкевич, М. И. Хроникальные заметки: 16–17 мая 2005 г. в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы состоялись X Международные Карские чтения, посвященные 145-летию академика Е. Ф. Карского / М. И. Конюшкевич // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 153–157.

Конюшкевич, М. И. Міжнародні наукові читання «Я. Ф. Карський і сучасне мовознавство»: історія, роля, водгук / М. И. Конюшкевич // Гарадзенскія читання : зб. матэрыялаў. Вып. 2. – Гродна : Гродзенская друкарня, 2013. – С. 124–131.

Конюшкевич, М. И. XIV Міжнародні наукові читання «Славянський світ і національна мовленнєва культура у сучасній комунікації» / М. И. Конюшкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 144–151.

Информация о Карских чтениях в СМИ

Белая, А. С. Евфимий Федорович Карский (1861–1931) / А. С. Белая // Alma mater (газета Ніжинського державного педагогічного університету імені Миколи Васильовича Гоголя). – 1998. – № 5–6, травень–червень.

Белая, А. С. Ученый с мировым именем / А. С. Белая // Ніжинський вісник (міськрайонна газета). – 1998. – № 41. – 27 травня.

Біла, А. С. Карські читання в Ніжині / А. С. Біла // Alma mater (газета Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя). – 2007. – жовтень.

Біла, А. С. Карські читання в Ніжині / А. С. Біла // Вісті (в рубриці «Знаменні події»). – 2007. – 23 листопада.

Буднік, І. Шляхами Карсага / І. Буднік // Перспектива (рубрика «Да 150-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карсага»). – 2010. – 24 декабря.

Вашкелевич, Н. Карского чтят на родине, а знают даже в Японии (интервью с профессором М. И. Конюшкевич) / Н. Вашкелевич // Гродзенская праўда. – 2005. – 16 чэрвеня.

Зільберман, Е. Карські читання в Ніжині / Е. Зільберман // Ніжинський вісник (міськрайонна газета). – 1998. – № 41. – 27 травня.

Зільберман, Е. Міжнародні Карські читання в Ніжині / Е. Зільберман // Вісті (газета Ніжинського району). – 1998. – 5 червня.

Зубрицкая, М. Читая Карского (интервью проф. М. И. Конюшкевич, сопредседателем оргкомитета XI Международных Карских чтений) / М. Зубрицкая // Перспектива. – 2007. – 9 ноября.

Козыраў, У. Славуты зямляк / У. Козыраў // Перспектива (рубрика «Да 150-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карсага»). – 2010. – 24 декабря.

Конюшкевич, М. И. На встречу с Карским / М. И. Конюшкевич // Гродзенскі універсітэт. – 2007. – 27 ноября.

Конюшкевич, М. И. Читая Карского / М. И. Конюшкевич // Перспектива. – 2007. – 9 ноября.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ландар, Н. Вшановуємо видатного випускника / Н. Ландар // Alma mater (газета Ніжинського державного педагогічного університету імені Миколи Гоголя). – 2011. – № 2, жовтень.

Навуковыя чытанні ў гонар акадэміка Карскага. Ужо чацвёртыя... (падборка заметак М. І. Канюшкевіч, З. Тамашэвіч, В. Шчэрбіна, Т. Сіманавай, Н. Грабеншчыковай, З. Данільчык) // Гродзенскі ўніверсітэт. – 1994. – 26 студзеня.

Онищенко, Н. Аудиторія Юхима Карського / Н. Онищенко // Ніжинський вісник (міськрайонна газета), 2011. – № 89–90, 10 листопада.

Онищенко, Н. Аудиторія Юхима Карського / Н. Онищенко // Деснянка вільна (обласна газета). – 2011. – № 100, 10 листопада.

Онищенко, Н. Карські читання. Славетні імена / Н. Онищенко // Ніжинський вісник. – 2007. – 4 жовтня.

Савченко, Г. Знайомтесь: аудиторія імені Ю. Ф. Карського / Г. Савченко // Alma mater (газета Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя). – 2012. – січень.

Янчевская, Ж. «Это был человек огромной собранности, трудоспособности и феноменальной памяти» / Ж. Янчевская // Гродзенская праўда. – 2010. – № 83, 17 ліпеня; № 84, 24 ліпеня.

Koniushkevich Maria

Grodno, Belarus

e-mail: marikon9@mail.ru

KARSKY READINGS THROUGH THE TIME AND MEMORY

The article acquaints the reader with the history of Karsky scientific readings which have been held within 30 years at Yanka Kupala State University of Grodno in honor of the outstanding scientist-Slavist, the author of the well-known multivolume work «Belarusians», the native of Grodno region, academician Evfimij Fedorovich Karsky. Extracts from letters, documents, memories of Karsky readings and events connected with this forum are given in the article. The review of reports of all 14 readings which have been held in 30 years in YKSUG is provided, the author tells about Karskiana – the biography of E. F. Karsky and his works, about modern linguistics in the light of heritage of academician E. F. Karsky. The article shows perspective and scientific achievements of linguistic schools of the Grodno university, provides an assessment of significance of Karsky readings for the modern humanitarian science.

Keywords: linguistics, E. F. Karsky, International Karsky readings, Karskiana, linguistic schools.

А. А. Карский**БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ОБ АКАДЕМИКЕ Е. Ф. КАРСКОМ**

Представлена наиболее полная библиография работ об академике Евфимии Федоровиче Карском. Публикации структурированы в 19 разделах по типу издания (книги и брошюры, предисловия и послесловия к изданиям, разделы и главы в книгах, статьи в словарях, энциклопедиях, рецензии, отзывы, некрологи, научные и научно-популярные статьи в журналах и сборниках, публикации в прессе) и языку публикации (русский, белорусский, украинский, иные языки).

I. Книги и брошюры на русском языке.

1. Белая, А. С. Евфимий Федорович Карский (1861–1931) : пособие к спецкурсу «Из истории языкознания : персоналии» / А. С. Белая. – Нежин : Нежинский гос. пед. ун-т, 1998. – 26 с.

2. Белая, А. С. Евфимий Федорович Карский (архивные материалы г. Нежин) : дополнения к пособию по спецкурсу «Из истории языкознания : персоналии» / А. С. Белая. – Нежин : Нежинский гос. пед. ун-т, 2000. – 23 с.

3. Белая, А. С. Нежинская Карскиана : пособие к спецкурсу «Из истории языкознания : персоналии» / А. С. Белая, В. Н. Бережняк. – Нежин : ТБК «Орхидея», 2014. – 188 с.

4. Борковский, В. И. Академик Е. Ф. Карский (1861–1931) / В. И. Борковский // Ученые записки Ярославского пединститута. Педагогика. Вып. V. – Ярославль : [б. и.], 1945. – 44 с. (Отдельный оттиск).

5. Булахов, М. Г. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность / М. Г. Булахов ; под ред. В. И. Борковского. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 272 с.

6. Карский, А. А. Академик Е. Ф. Карский. Биография : в 2 т. / А. А. Карский ; редкол.: А. Н. Карлюкевич [и др.]. – Минск : Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2019. – Т. 1. – 603 с. – ил. ; Т. 2. – 734 с. – ил.

7. Карский Евфимий Фёдорович (к 150-летию со дня рождения) : библиограф. обзор / авт.-сост. А. А. Карский. – Гродно : ГрГУ, 2010. – 124 с.

8. Лабынцев, Ю. Из плеяды нежинских знаменитостей (125 лет назад Нежинский институт окончил всемирно известный славист Е. Ф. Карский) / Ю. Лабынцев, Л. Щавинская. – М. : [б. и.], 2010. – 72 с.

9. Жизнь и деятельность академика Е. Ф. Карского : сб. док. и материалов : в 2 ч. / сост. А. В. Унучек ; отв. ред.: Л. Д. Бондарь А. А. Карский. – Минск : Издательство, 2020. – Ч. 1 : Проблемы истории и культуры Беларуси в документальном наследии Е. Ф. Карского. Материалы семьи. – 442 с.

* * *

II. Книги и брошюры на белорусском языке.

1. Дзятко, Д. В. Яўхім Карскі : бацька навуковага беларусазнаўства / Д. В. Дзятко. – Мінск : Изд-во «Харвест», 2014. – 64 с.
2. Сцяшковіч, Т. Ф. Е. Ф. Карскі (1861–1931) : памятка чыгача / Т. Ф. Сцяшковіч, О. С. Луцыбо. – Гродна, 1958. – 34 с.
3. Тумаш, В. Яўхім Карскі. Жыцьцё, навуковая спадчына, пагляды. 1861–1931 / В. Тумаш. – Нью-Ёрк : БІНІМ, 1961. – 95 с.
4. Цыхун, А. П. Акадэмік з вёскі Лаша Я. Ф. Карскі : краязнаўча-біяграфічны нарыс / А. П. Цыхун. – Гродна, 1992. – 76 с.
5. Яўхім Карскі ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі. – Мінск : НББ, 2005.

* * *

III. Предисловия, послесловия, главы, фрагменты из книг.

1. Карскі Яўхім Фёдаравіч (20.12.1860 (01.01.1861)–29.04.1931) // 250 асоб з Беларусі ў дыялогах культур = 250 people from Belarus in the dialogue of cultures / рэд. Т. Л. Пісаренка, Л. У. Языковіч. – Мінск, 2008. – С. 187–189.
2. Бандарчык, В. К. Я. Ф. Карскі / В. К. Бандарчык // Гісторыя беларускай этнаграфіі, пачатак XX ст. / В. К. Бандарчык. – Мінск, 1970. – С. 81–98¹.
3. БГУ – основа белорусской науки и высшего образования // Интеллектуальная элита Беларуси : основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / Беларус. гос. ун-т ; под общ. ред. С. В. Абламейко ; редкол.: С. В. Абламейко [и др.]. – Мінск : БГУ, 2017. – С. 12–14.
4. Блінец, А. У. Іаана-Праддечанская царква і яе свяшчэннаслужыцелі. Святар Іаан Навіцкі / А. У. Блінец // Летпіс Іаана-Праддечанскай царквы сяла Блячын Мінскай епархіі Слуцкага павета (1903–1943 гг.). – Мінск, 2016. – С. 63–72.
5. Бондарчик, В. К. Основные этапы и тенденции в развитии дореволюционной белорусской этнографии / В. К. Бондарчик // VII междунар. конгресс антрополог. и этнограф. наук : тезисы докл., Москва, август 1964 г. – М., 1964. – С. 7–10.
6. Борковский, В. И. Академик Евфимий Федорович Карский : биографическая справка / В. И. Борковский // Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – М. : Из-во АН СССР, 1955. – Т. 2 : Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. – С. 447–448.

---

¹ Е. Ф. Карский упоминается также на страницах 6, 24–27, 32, 42, 52, 100, 102, 114, 121.

7. Борковский, В. И. Изучение белорусского языка в дореволюционное и советское время / В. И. Борковский // Изучение украинского и белорусского языков / И. К. Белодед, В. И. Борковский, П. И. Горецкий. – М., 1958 – С. 109–153.

8. Борковский, В. И. Исследования Е. Ф. Карского по белорусскому языку / В. И. Борковский // Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – М. : Из-во АН СССР, 1955. – Т. 2 : Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. – С. 453–471.

9. Борковский, В. И. Литература о Е. Ф. Карском / В. И. Борковский // Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – М. : Из-во АН СССР, 1955. – Т. 2 : Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. – С. 452.

10. Борковский, В. И. Литература о Е. Ф. Карском / В. И. Борковский // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е. Ф. Карский. – М. : Из-во АН СССР, 1961. – С. 690.

11. Борковский, В. И. От редактора / В. И. Борковский // Славянская кирилловская палеография / Е. Ф. Карский. – М. : Наука, 1979. – С. 3–8.

12. Борковский, В. И. Список главнейших печатных трудов академика Е. Ф. Карского / В. И. Борковский // Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – М. : Из-во АН СССР, 1955. – Т. 2 : Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. – С. 449–451.

13. Борковский, В. И. Список печатных работ академика Е. Ф. Карского / В. И. Борковский // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е. Ф. Карский. – М. : Из-во АН СССР, 1961. – С. 673–689.

14. Борковский, В. И. Труды академика Е. Ф. Карского по славянским языкам / В. И. Борковский // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е. Ф. Карский. – М. : Из-во АН СССР, 1961. – С. 691–707.

15. Булахуў, М. Г. Яўхім Фёдаравіч Карскі / М. Г. Булахуў // Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Минск, 2006. – Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. – С. 9–14.

16. Булахов, М. Г. Восточнославянские языки : учеб. пособие / М. Г. Булахов, М. А. Жовтобрюх, В. И. Кодухов. – М. : Просвещение, 1987. – 304 с.²

17. Гарэцкі, М. Гісторыя беларускай літаратуры / М. Гарэцкі. – Менск, 1926. – Вып. 4. – С. 147.

18. Грунский, Н. К. Из лекций по русскому языку : учеб. пособие / Н. К. Грунский – Юрьев, 1914. – Вып. I. – 222 с.³

19. Живов, В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII веков / В. М. Живов. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 312 с.⁴

---

² Е. Ф. Карский упоминается также на страницах 20, 32, 37, 43, 47, 49, 179, 301.

³ О трудах Е. Ф. Карского – на страницах 127–130.

⁴ Е. Ф. Карский упоминается на страницах 24, 72, 84, 128.

20. Запрудскі, І. М. Прадмова да трэцяга тома працы Я. Ф. Карскага «Беларусы» / І. М. Запрудскі, І. В. Казакова, У. Г. Кароткі // Беларусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Минск : БелЭн, 2007. – Т. 3 : Очерки словесности белорусского племени. Кн. 1. Народная поэзия. – С. 5–28.

21. Истрин, В. А. 1100 лет славянской азбуки / В. А. Истрин. – Изд. 3-е. – М. : Наука, 2010. – 192 с.⁵

22. Канюшкевіч, М. І. Сістэма беларускіх злучнікаў у «Беларусах» Я. Ф. Карскага / М. І. Канюшкевіч // Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2019. – Ч. 1 : Дыяпазон А–З. – С. 10–13, 65.

23. Канюшкевіч, М. І. Предложная система белорусского языка в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние / М. І. Канюшкевіч // Выбраныя працы. Мова. Граматыка адносін / М. І. Канюшкевіч. – Мінск : Аверсэв, 2019. – С. 238–255⁶.

24. Канюшкевіч, М. І. Прадмова / М. І. Канюшкевіч // Праваслаўныя святыні горада Вільні / Я. Ф. Карскі ; прадм. М. І. Канюшкевіч ; уступ. арт. Л. В. Судавічэне. – Рэпр. выд.– Гродна : ГрДУ, 2005. – С. 5–6.

25. Кондрашов, Н. А. Славянские языки : учеб. пособие / Н. А. Кондрашов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1986. – 239 с.⁷

26. Конюшкевич, М. И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках / М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2018. – 435 с.⁸

27. Князев, Г. А. Краткий очерк истории Академии наук СССР / Г. А. Князев, А. В. Кольцов. – Изд. 3-е, доп. – М. ; Л. : Наука, 1964. – С. 72.

28. Курцова, В. М. Прадмова да першага тома працы Я. Ф. Карскага «Беларусы» / В. М. Курцова, А. У. Унучак, І. У. Чаквін // Беларусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Минск, 2006. – Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. – С. 15–30.

29. Курцова, В. М. Прадмова да другога тома працы Я. Ф. Карскага «Беларусы» / В. М. Курцова // Беларусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Минск, 2006. – Т. 2 : Язык белорусского народа. Кн. 1 : Исторический очерк звуков белорусского языка. – С. 5–12.

30. Лявончыкаў, В. Е. Бібліяграфічныя працы акадэміка Я. Ф. Карскага і іх значэнне ў гісторыі беларускай бібліяграфіі / В. Е. Лявончыкаў // Беларусы

---

⁵ См. страницы 67, 70, 73, 76, 81, 106, 136, 138, 186.

⁶ Упамінанне о Е. Ф. Карском и его трудах также на страницах 31–32, 49, 115, 117, 121, 126, 164, 168, 217, 270, 271, 278, 279, 284, 291, 293–296, 299, 301–303, 306–308, 310, 316.

⁷ См. страницы 47, 59, 106.

⁸ См. страницы 36, 368, 370, 421.

кая рэтраспектыўная бібліяграфія кніг / В. Е. Лявончыкаў. – Мінск : Вышэйш. шк., 1971. – С. 9–23.

31. Мархель, І. І. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. / І. І. Мархель, В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – Т. 2. – 582 с.⁹

32. Михальченко, С. И. Историко-филологический факультет Варшавского университета 1869–1917 гг. Очерк истории кафедр / С. И. Михальченко. – Брянск : БрГУ, 2005. – 101 с.¹⁰

33. Мяснікоў, А. Ф. Яўхім Карскі (1861–1931) : заснавальнік беларускага мовазнаўства / А. Ф. Мяснікоў // Сто асоб беларускай гісторыі : гістарычныя партрэты / А. Ф. Мяснікоў. – Мінск : Літ-ра і маст-ва, 2008. – С. 131–134.

34. Нікалаеў, М. Беларускі Пецяярбург / М. Нікалаеў. – Санкт-Пецяярбург : Агентство «Вит-принт», 2009. – 535 с.¹¹

35. Общее языкознание : хрестоматия / сост. Б. И. Косовский ; под ред. А. Е. Супруна. – Минск : Вышэйш. шк., 1976. – 430 с.¹²

36. Павлов, С. Радуга времени / С. Павлов, Я. Павлова. – Минск : Ураджай, 1997. – С. 272–274.

37. Пяткевіч, А. Карскі Яфім Фёдаравіч / А. Пяткевіч // Людзі культуры з Гродзеншчыны : даведнік / А. Пяткевіч. – Гродна, 2000. – С. 136–138.

38. Раренко, М. Б. Виктор Иванович Борковский / М. Б. Раренко // Отечественные лингвисты XX века : в 3 ч. – М. – 2003. – Ч. I. – С. 77–91¹³.

39. Рублевская, Л. Околонаучный спор. Злополучная командировка академика Карского / Л. Рублевская, В. Скалабан // Время и бремя архивов и имен : очерки, эссе, пьеса / Л. Рублевская, В. Скалабан. – Минск : Литература и искусство, 2009. – С. 42–48.

40. Сакалоўскі, У. Л. Пара станаўлення: вопыт параўнальнага вывучэння беларускай і некаторых класічных зарубажных літаратур / У. Л. Сакалоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 192 с.¹⁴

41. Самойленко, Г. В. Нежинская филологическая школа / Г. В. Самойленко. – Нежин, 1993. – С. 122.

42. Станкевіч, Я. Прафесар Карскі і яго «Беларусы» / Я. Станкевіч // За родную мову й праўдзвы назоў : выбранае / Я. Станкевіч. – Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2006. – С. 74–82¹⁵.

---

⁹ См. о Е. Ф. Карском на страницах 493–497.

¹⁰ См. о Е. Ф. Карском на страницах 57–58.

¹¹ Упоминание о Е. Ф. Карском и его трудах см. на страницах 71, 118, 136, 146, 151, 153, 154, 173, 183, 184, 257, 261, 264, 266, 267, 488, 494, 499.

¹² См. страницу 177.

¹³ Об академике Е. Ф. Карском см. на страницах 78, 79, 82, 84, 88.

¹⁴ См. страницы 51–54, 64–66.

¹⁵ Это же см. VI, 39.

43. Судавічэне, Л. В. Я. Ф. Карскі і яго кніга / Л. В. Судавічэне // Праваслаўныя святыні горада Вільні / Я. Ф. Карскі; прадм. М. І. Канюшкewіч; уступ. арт. Л. В. Судавічэне. – Рэпр. выд.– Гродна : ГрДУ, 2005. – С. 7–14.

44. Суднік, М. Р. Беларускае мовазнаўства на сучасным этапе / М. Р. Суднік // Навука БССР за 50 год : зб. арт. – Мінск, 1968. – С. 91–119.

45. Супрун, А. Е. Евфимий Фёдорович Карский (1860–1931) / А. Е. Супрун, А. М. Калюта // Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / А. Е. Супрун, А. М. Калюта. – Минск : Вышэйшая школа, 1981. – С. 321–322¹⁶.

46. Супрун, А. Е. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / А. Е. Супрун. – 2-е изд., перераб. – Минск, 1989. – 480 с.¹⁷

47. Супрун, А. Е. Лекции по языковедению / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 143 с.¹⁸

48. Супрун, А. Е. Старославянский язык : учеб. пособие / А. Е. Супрун. – Минск : Университетское, 1991. – 80 с.¹⁹

49. Толстой, Н. И. Избранные труды : в 3 т. / Н. И. Толстой. – М. : Языки русской культуры, 1997–1999. – Т. 3 : Очерки по славянскому языкознанию. – 1999. – 464 с.²⁰

50. Тумаш, В. Яўхім Карскі. Жыцьцё, навуковая спадчына, пагляды. 1861–1931 / В. Тумаш // Выбраныя працы / В. Тумаш. – Мінск, 2002. – С. 139–236²¹.

51. Филин, Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков : ист.-диалект. очерк / Ф. П. Филин. – Изд. 2-е, стер. – М. : URSS, 2006. – 656 с.²²

52. Цыхун, А. П. Гродзеншчына і акадэмік Я. Ф. Карскі / А. П. Цыхун // Наднёманскія былі : зб. арт. і нарысаў. – Мінск, 1968. – С. 184–195.

53. Шакун, Л. М. Я. Ф. Карскі як гісторык беларускага мовазнаўства / Л. М. Шакун // Гісторыя беларускага мовазнаўства : вучэб. дапаможнік / Л. М. Шакун. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – С. 103–113.

54. Янушкевіч, Я. Яўхім Карскі і яго «Беларусы» / Я. Янушкевіч, К. Цвірка // Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск, 2001. – С. 5–30.

---

¹⁶ О Е. Ф. Карском см. также на страницах 32, 40, 44, 51.

¹⁷ О Е. Ф. Карском см. на страницах 15, 29, 36, 40, 46, 346, 349, 350, 458.

¹⁸ См. страницу 114.

¹⁹ См. страницы 23, 25.

²⁰ Упоминание о Е.Ф. Карском – на страницах 317, 365.

²¹ В ранней редакции – см. II, 3.

²² О Е. Ф. Карском см. на страницах 88, 89, 119, 122, 123, 127, 138, 158, 159, 167, 182, 190, 192, 193, 217, 228, 236, 240, 253, 258, 268, 271, 297, 305, 312, 313, 315, 318, 319, 325, 326, 328, 329, 365, 372, 378, 392, 395, 407, 408, 440, 454, 484, 496, 503, 505, 506, 514, 646.

* * *

IV. Электронные издания.

1. Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага : да 150-годдзя з дня нараджэння [Электронны рэсурс] / Нац. б-ка Беларусі ; склад.: В. У. Скалабан, К. В. Суша ; аўт. тэкстаў: А. А. Карскі [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2010. – 1 электрон. аптыч. дыск (CD-ROM).

* * *

V. Стат'і в энцыклапедыях, энцыклапедычных слоўарях, справочніках, бібліаграфічных указатэлях (в хроналагічным парадку).

1. Н. Т. (Тутурин, Н. Н.) Карский Евфимий Феодорович / Н. Т. (Н. Н. Тутурин) // Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского ; изд.: Ф. А. Брокгауз [Лейпциг], И. А. Ефрон [Санкт-Петербург]. – СПб. : Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890–1907. – Т. XIV^а (Т. 28). – 1895. – С. 598.

2. Шахматов, А. А. Русский язык / А. А. Шахматов // Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского ; изд.: Ф. А. Брокгауз [Лейпциг], И. А. Ефрон [Санкт-Петербург]. – СПб. : Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890–1907. – Т. XXVIII (Т. 55). – 1899. – С. 581.

3. Нежинский историко-филологический Институт Князя Безбородко в Нежине. 1875 – 1900 : преподаватели и воспитанники. – Нежин, 1900. – 120 с.²³

4. Карский Ефим Федорович // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания : в 22 т. / под ред. С. Н. Южакова. – СПб. : Библиографический институт (Мейер), Типография товарищества «Просвещение», 1900–1909. – Т. 10. – 1902. – С. 574.

5. Энциклопедия славянской филологии: в 12 (8) вып. / под ред. И. В. Ягича. – СПб. : Издательство АН СССР, Типография Императорской академии наук, 1908–1929. – Вып. 1 : История славянской филологии. – 1910. – 961 с.²⁴

6. Нежинский историко-филологический Институт Князя Безбородко в Нежине. 1901 – 1912 : преподаватели и воспитанники. – Нежин, 1913. – 98 с.²⁵

7. Венгеров, С. А. Источники словаря русских писателей : в 4 т. / С. А. Венгеров. – СПб : тип. Имп. академии наук, 1900–1917. – Т. 3 : Карамышев–Ломоносов. – 1914. – 524 с.²⁶

---

²³ О Е. Ф. Карском см. на страницах 93–95.

²⁴ О Е. Ф. Карском и его трудах – на страницах 508, 509, 635, 794, 799, 893, 902, 924.

²⁵ О Е. Ф. Карском – на страницах 78–80.

²⁶ О Е. Ф. Карском – на странице 18.

8. Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) : в 2 т. / С. А. Венгеров. – 2-е изд., сов. перераб. – Петроград : Т-во худож. печати, 1915–1918 – Т. 1. Вып. 1–3 : Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки (Аарон–Куликов). – 1915. – 436 с.²⁷

9. Наука в России : справочный ежегодник / Рос. акад. наук ; Кн. палата ; под наблюден. С. Ф. Ольденбурга. – Петроград : [Б. м.], 1920. – Вып. 1 : Петроград : данные к 1 января 1918 года. – С. 1, 6, 12.

10. Наука в России : справочный ежегодник / Рос. акад. наук ; Кн. палата ; под наблюден. С. Ф. Ольденбурга. – Петроград : [Б. м.], 1923. – Вып. 3 : Научные работники Петрограда : данные к началу 1922 года. – С. 54.

11. Погодин, А. Белорусский язык / А. Погодин // Энциклопедический словарь Гранат : в 58 т. – Изд. 7-е. – М., 1910–1948. – Т. 7 : Брюгге–Вар. – 1911. – С. 355–358.

12. Наука и научные работники СССР : справочник / АН СССР ; под наблюд. С. Ф. Ольденбурга, Е. Ф. Карского. – Л. : [б. и.], 1926–1934. – Ч. II : Научные учреждения Ленинграда. – 1926. – 406 с.²⁸

13. Personalialia // Этнография. – 1927. – № 2. – С. 391–393.

14. Научные учреждения Академии наук СССР : краткое обозрение ко дню десятилетия. 1917–1927 / ред. И. Ю. Крачковский ; предисл. С. Ф. Ольденбург. – Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1927. – 169 с.²⁹

15. Шлюбскі, А. А. Матар’ялы да беларускае бібліографіі / А. А. Шлюбскі // Беларуская этнографія ў досьледах і матар’ялах. – Менск, 1927. – Т. IV : Этнографія, кн. III³⁰.

16. Ottův Slovník Naučný. Nové doby. Dodatky k velikému Ottovu Slovníku Naučnému. – V Praze, 1934. – Т. III, 1. – 708 s.³¹

17. Карский Ефимий Федорович // Большая Советская Энциклопедия : в 65 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М. : БСЭ, 1926–1947. – Т. 31 : Камбоджа–Кауфмана пик. – 1937. – С. 623.

18. Карский Ефимий Федорович // Малая Советская Энциклопедия : в 11 т. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 2-е изд. – М. : БСЭ, 1937–1947. – Т. 5: Исландия–Кумы. – 1937 – С. 322.

19. Карский Евфимий Федорович // Архив Академии Наук СССР : обозрение архивных материалов : в 8 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1933–1986. – Т. 2. Вып 5. / под общ. ред. Г. А. Князева. – 1946.– С. 128–129.

---

²⁷ О Е. Ф. Карском – на странице 353.

²⁸ О Е. Ф. Карском и его трудах – на страницах 2, 16, 29, 37, 38, 98, 154.

²⁹ О Е. Ф. Карском – на страницах 94, 125, 135, 144, 145.

³⁰ См. страницы 1, 3, 12, 13, 16 – 22, 24, 33, 46, 48, 50, 54, 56, 58, 59, 64, 65, 74, 81, 83.

³¹ О Е. Ф. Карском – на странице 413.

20. Карский Евфимий Федорович // Большая Советская Энциклопедия : в 50 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. – 2-е изд. – М. : БСЭ, 1949–1958. – Т. 20 : Кандидат–Кинескоп. – 1953. – С. 256.

21. Карский Евфимий Федорович // Малая Советская Энциклопедия : в 10 т. – 3-е изд. – М.: БСЭ, 1968–1960. – Т. 4 : Илоты–Котангес. – 1959. – С. 573.

22. Українська Радянська Енциклопедія : в 17 т. / редкол. : М. П. Бажан (голов. ред.) [та ін.]. – Київ : АН УРСР – Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1959–1965. – Т. 6 : Італія–Колізія. – 1961. – 576 с.³²

23. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Выд-ва. АН БССР, 1963. – 969 с.³³

24. Кратка Българска Енциклопедия : в 5 т. – София : Издат. на БАН, 1963–1969. – Т. 2. – 1964. – 656 с.³⁴

25. Wielka Encyklopedia Powszechna PWN : w 13 t. – Warszawa, 1962–1970. – Т. 5 : In – Kons. – 1965. – С. 491–492.

26. Краткая Литературная Энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Сов. энциклопедия, 1962–1978. – Т. 3 : Иаков–Лакснесс. – 1966. – 976 с.³⁵

27. Беларускае мовазнаўства : бібліяграфічны ўказальнік (1825–1965 гг.) / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа, Фундамент. б-ка імя Я. Коласа ; рэд. Л. М. Шакун. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – 415 с.³⁶

28. Історія Академії Наук УРСР / редкол.: Б. Є. Патон [та ін.]. – Київ : Наукова думка, 1967. – Кн. 1. – С. 65.

29. Памятники древнерусской письменности / под ред. В. В. Виноградова. – М., 1968. – С. 239.

30. Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете / под ред. Н. А. Мещерского. – Л. : ЛГУ, 1971. – 168 с.³⁷

31. Баркоўскі, В. І. Карскі Яўхім Фёдаравіч / В. І. Баркоўскі // Беларуская Савецкая Энциклапедыя : у 12 т. / гал. рэд. П. У. Броўка – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1969–1975. – Т. 5 : Зуйкі–Клішы. – 1972. – С. 462–463.

32. Борковский, В. И. Карский Евфимий Федорович / В. И. Борковский // Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1969–1978. – Т. 11 : Италия–Кваркуш. – 1973. – 460 с.

---

³² О Е. Ф. Карском – на странице 221.

³³ О Е. Ф. Карском – на страницах 22–24.

³⁴ О Е. Ф. Карском – на странице 635.

³⁵ О Е. Ф. Карском – на странице 423.

³⁶ Упоминание о Е. Ф. Карском и его трудах – на страницах 6, 8, 11, 13, 15–18, 23, 36–38, 50, 56–59, 61, 62, 64, 65, 72, 80, 83, 92, 98, 100–102, 120, 122, 124, 126, 127, 132, 134, 138, 145, 146, 155, 159, 165, 166, 171, 172, 174, 175, 177, 183, 189, 195, 214, 239–243, 280, 313, 316, 320, 334, 400.

³⁷ Упоминание о Е. Ф. Карском и его трудах – на страницах 40, 41, 45, 49, 50, 63, 97, 136, 141, 164.

33. Наука и научно-исследовательская работа в Белоруссии (1918–1973 гг.) : библиогр. указатель лит. : в 5 т. / АН БССР. Фундам. б-ка им. Я. Коласа ; сост. А. Д. Василевская, Н. Е. Виталева. – Минск : [б. и.], 1975–1979. – Т. 1. –1975 – С. 270; Т. 4 : Персоналия. – 1977. – С. 87–89.

34. Булахов, М. Г. Карский Евфимий Фёдорович / М. Г. Булахов // Восточнославянские языковеды : биобиблиогр. слов. : в 3 т. / М. Г. Булахов. – Минск : изд-во БГУ, 1977. – Т. II : А–К. – С. 257–287.

35. Академия наук Белорусской ССР / редкол.: Н. А. Борисевич. – Минск : Белорус. Сов. Энцикл., 1979. – С. 14–15.

36. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов. Энцикл., 1979. – 432 с.³⁸

37. Карский Евфимий Федорович // Славяноведение в дореволюционной России : библиогр. словарь / отв. ред. В. А. Дьяков.– М. : Наука, 1979. – С. 177.

38. Советский Энциклопедический Словарь / науч. ред. А. М. Прохоров [и др.]. – М. : Сов. Энциклопедия. – 1981. – 1600 с.³⁹

39. Энциклопедия «България» : в 7 т. – София, 1978–1996. – Т. 3 : И–Лястовици. – 1982. – С. 360.

40. Карскі Яўхім Фёдаравіч [20/12/1860 (01/01/1861), в. Лаша Гродзенскага р-на – 29.04.1931] / М. Г. Булахаў [и др.] // Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.]. – Мінск, 1984–1987. – Т. 2 : Габой–Карціна. – 1985. – С. 696 – 697.

41. Жураўскі, А. І. Карскі Яўхім Фёдаравіч (1861–1931) / А. І. Жураўскі // Францыск Скарына і яго час : энцикл. давед. – Мінск, 1988. – С. 357–358.

42. Украинский советский энциклопедический словарь : в 3 т. / редкол.: А. В. Кудрицкий (отв. ред.) [и др.]. – Киев : Гл. ред. Укр. сов. энцикл, 1988. – Т. 2 : Каптаж – протерогиния. – С. 18.

43. Гродно : энцикл. справ. / редкол.: / И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бел. сов. энцикл., 1989. – С. 233.

44. Булахов, М. Г. Карський Юхим Федорович [20.XII.1860 (1.1.1861), с. Лаша, тепер Грод. р-ну Грод. обл. – 29.IV.1931, Ленінград] / М. Г. Булахов // Українська Літературна Енциклопедія : в 3 т. – Київ, 1988–1995. – Т. 2 : Д–К. – Київ, 1990. – С. 425.

45. Булахов, М. Г. Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Биобиблиогр. словарь / М. Г. Булахов. – New York : Norman Ross Publ. Inc., 1993. – 539 с.

46. Булахаў, А. Г. Карскі Яўхім Фёдаравіч / А. Г. Булахаў // Беларуская мова : энциклапедыя. – Мінск, 1994. – С. 255–257.

47. Съвременна Българска Енциклопедия : в 4 т. – Велико Търново : Издательство «ЕЛПИС», 1994. – Т. II. – С. 572.

---

³⁸ О Е. Ф. Карском – на странице 109.

³⁹ О Е. Ф. Карском – на странице 558.

48. Станишева, Д. Карски, Евфимий Фьодорович (Карский Е. Ф.) (20.XII.1860 / 01.I.1861–29.IV.1931) / Д. Станишева // Кирило-Методиевска Энциклопедия : в 4 т. – София, 1985 – ... – Т. 2. – София, 1995. – С. 234–236.

49. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета : справ. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – С. 66.

50. Кісялёў, Г. Карскі / Г. Кісялёў, В. Скалабан // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў. – Мінск, 1993–2003. – Т. 4 : Кадэты–Ляшчэня. – Мінск, 1997. – С. 127–128.

51. Большой Энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Сов. Энцикл., 1997. – 1434 с.⁴⁰.

52. Всемирный биографический энциклопедический словарь / редкол.: В. И. Бородулин [и др.]. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – 925 с.⁴¹

53. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл., 1997. – 703 с.⁴²

54. Российская Академия наук: персональный состав: действительные члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены : в 4 кн. – М. : Изд-во «Наука», 2009. – Кн. 1 : 1724–1917. – 562 с.⁴³

55. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета : материалы к истории факультета : справ. / С.-Петерб. гос. ун-т ; сост. И. С. Лутовинова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2000. – 700 с.⁴⁴

56. Кісялёў, Г. В. Карскі Яўхім Фёдаравіч (01.01.1861–29.04.1931) / Г. В. Кісялёў // Асветнікі зямлі Беларускай. X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў. – Мінск, 2001. – С. 211–213.

57. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая рос. энцикл., 2001. – Кн. 1 : А–Н. – 1023 с.⁴⁵

58. Доценко, В. Д. Знаменитые люди Санкт-Петербурга : биограф. слов. / В. Д. Доценко, В. Ф. Миронов. – СПб. : Д.А.Р.К., 2002. – 366 с.⁴⁶

59. Акуліч, С. А. Асветнікі зямлі беларускай : энцыкл. слоўнік-давед. / С. А. Акуліч, С. Х. Александровіч, В. А. Антонаў. – Мінск, 2003.

60. Саламевіч, І. У. Карскі Яўхім Фёдаравіч (01.01.1861, в. Лаша Гродзенскага р-на – 29.04.1931) / І. У. Саламевіч // Беларускі фальклор : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2005–2006. – Т. 1 : А–К. – Мінск, 2005. – С. 664–667.

61. Бережняк, В. М. Юхим Карський / В. М. Бережняк // Визначні українські діалектологи. – Ніжин, 2007. – С. 59–70.

---

⁴⁰ О Е. Ф. Карском – на странице 503.

⁴¹ О Е. Ф. Карском – на странице 332.

⁴² О Е. Ф. Карском и его трудах см. страницы 163, 319, 320, 429, 431, 432, 580, 696.

⁴³ О Е. Ф. Карском – на странице 97.

⁴⁴ О Е. Ф. Карском – на странице 405.

⁴⁵ О Е. Ф. Карском – на странице 647.

⁴⁶ О Е. Ф. Карском – на странице 163.

62. Немировский, Е. Л. Иван Федоров и его эпоха : энциклопедия / Е. Л. Немировский. – М. : Энциклопедия, 2007. – 911 с.⁴⁷

63. Гісторыя беларускай кнігі : у 2 т. / пад рэд. М. В. Нікалаева – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2009–2011. – Т. 1 : Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага. – 2009. – 423 с.⁴⁸

64. Карский Евфимий Фёдорович // Большая Российская Энциклопедия : в 30 т. / науч.-ред. совет: Ю. С. Осипов [и др.]. – М., 2004–2017. – Т. 13 : Канцелярия конфискации–Киргизы. – М., 2009. – С. 223.

65. Карский Евфимий Федорович // Новая Российская Энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов (гл. ред.) [и др.]. – М., 2003–2015. – Т. VII (2) : Казарки–Квазистационарный. – М. : Энциклопедия, 2010. – С. 347–348.

66. Чарота, И. А. Карский Евфимий Федорович (20.12.1860, с. Лаша Гродненского у. Гродненской губ. (ныне деревня Гродн. обл., Белоруссия) – 29.04.1931, Ленинград) / И. А. Чарота // Православная Энциклопедия : в 56 т. – М., 2000 –... – Т. XXXI. – М., 2009. – С. 357–360.

67. Чарота, И. А. Карский Евфимий Федорович / И. А. Чарота // Литературный Санкт-Петербург. XX век : энцикл. словарь : в 3 т. / гл. ред. и сост. О. В. Богданова]. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2015. – Т. 2 : Е–О. – С. 203–205.

* * *

VI. Прижизненные рецензии и отзывы (в хронологическом порядке).

1. Истомин, Ф. Е. Романов. Белорусский сборник. Том первый. Губерния Могилевская. Выпуски первый и второй. Песни, пословицы, загадки. Киев. 1886 // ЖМНП. – СПб. – 1886. – Ч. ССXLV. Май. – Критика и библиография. – С. 161–176⁴⁹.

2. Соболевский, А. И. Обзор звуков и форм белорусской речи. Сочинение Е. Ф. Карского / А. И. Соболевский // ЖМНП. – М., 1886–1887. – Ч. ССLI, Май. – С. 137–147.

3. Янчук, Н. А. Библиографические заметки. Е. Ф. Карский. Обзор звуков и форм белорусской речи / Н. А. Янчук // Минский листок. – Москва, 1886–1887. – 28 апр.

4. Appel, K. E. Karskij Obzor zvukov i form bělorusskoj rěči. – Moskva, 1886. 8° maj, 170. (Odbitka z “Izvěstij Istoriko-fiłologičeskago instituta v

---

⁴⁷ О Е. Ф. Карском – на странице 416.

⁴⁸ О Е. Ф. Карском и его трудах см. страницы 12, 31, 105.

⁴⁹ О «Белорусских песнях с Берёзовца, Новогрудского уезда, Минской губернии» Е. Ф. Карского на странице 165.

Něžině”). *Bělorusskija pěsni s(e)a Berjozovca, Novogrudskago ujęzda, Minskoj gubernii* (Filologičeskij Věstnik. 1885. t. XIII. str. 266–283) / K. Appel // *Prace Filologiczne*. – Warszawa. – 1888. – Tom II. – Zeszyt 1 : Wiadomości bibliograficzne. – С. 332.

5. Иванов, Н. Грамматика древнего церковно-славянского языка, сравнительно с русским : курс средних учебных заведений / сост. Е. Ф. Карский. – Вильна, 1888 // *РФВ*. – 1889. – XXI, № 1. – Педагогический отдел. – С. 21–34.

6. М. К. (Марцелл Карпинский). Белорусское наречие // *Календарь Северо-Западного Края на 1889 год*. – Вильна, 1889. – Научно-литературный отдел. – С. 86–89.

7. К. (Качановский, В. В.). Особенности говора деревни Новоселок-Затрокских (Трокского у. Вилен. губ.) // *Вестник Славянства*. – 1890. – V. – С. 76–79.

8. Murko, M. *Zur russischen Literaturgeschichte. Zwei grammatische Werke über das Weissrussische. ...2*) Е. Ф. Карский, *Обзор звуков и форм белорусской речи* (E. Th. Karskij, *Eine Uebersicht der Laute und Formen des Weissrussischen*). Moskau 1886. 8°. 170 S. // *Archiv für slavische Philologie*. – Berlin. – 1890. – XII. – *Kritischer Anzeiger*. – С. 526–539.

9. Преображенский, С. В. Литература по вопросу о преподавании церковно-славянского языка в средних учебных заведениях. (По поводу статьи г. Евгения (sic!) Карского: «О преподавании церковно-славянского языка в мужских гимназиях», помещенной в «Русском Филологич. Вестн.», в 4-й кн. за 1889 г.) / С. В. Преображенский // *РФВ*. – 1890. – XXIII. – № 2. – Педагогический отдел. – С. 29–55.

10. Профессор П. Владимиров. Отзыв об исследовании магистранта Е. Ф. Карского под заглавием: «Обзор звуков и форм белорусской речи» (Москва, 1886 г.) и «К истории звуков и форм белорусской речи» (Варшава, 1893 г.), представленном для получения степени магистра русского языка и словесности // *Университетские Известия (Киевские)*. – 1894. – № 1. – Часть I, официальная. – С. 1–18.

11. Соболевский, А. И. О трудах Е. Ф. Карского / А. И. Соболевский // *Живая старина*. – 1894. – Вып. II. – Отдел III : Критика и библиография. – С. 283.

12. V. J. (Jagić. V.) ...5. Русские наречия *домой, долой*. Е. Карский. Нежин 1895, 8°, 12 // *Archiv für Slavische Philologie*. – Berlin. – 1896. – XIX. – I und II heft. – *Bibliographischer Bericht*. – С. 281.

13. V. J. (Jagić. V.) ...9. Западнорусские переводы псалтыри в XV–XVII веках. Исследование Е. Ф. Карского. Варшава 1896, 8°, XIII. 444 // *Archiv für Slavische Philologie*. – Berlin. – 1896. – XIX. – I und II heft. – *Bibliographischer Bericht*. – С. 291–293.

14. V. J. (Jagić. V.) ...28. Программа для собирания особенностей народных говоров. ...III. Программа для собирания особенностей белорусского

наречия, составлена Е. Ф. Карским. – СПб. 1896. fol. 50 Seiten // Archiv für Slavische Philologie. – Berlin. – 1896. – XIX. – I und II heft. – Bibliographischer Bericht. – С. 312–315.

15. Владимиров, П. В. Научное изучение белорусского наречия за последние десять лет (1886–1896 гг.) / П. В. Владимиров // Университетские Известия (Киевские). – 1898. – № 5. – С. 45–71. – (Отдельный оттиск. – Киев, 1898. – 27 с.).

16. Некрасов, Н. П. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским : (Курс средних учебных заведений) / составил Е. Ф. Карский, ординарный профессор Императорского Варшавского университета. – Шестое издание, без перемен. – Вильна, 1897 г. IV + 111. Цена 60 коп. / Н. П. Некрасов // ЖМНП. – 1898. – Ч. CCCXVI, апрель. – Критика и библиография. – С. 438–455.

17. Некрасов, Н. П. Ответ профессору Е. Ф. Карскому // ЖМНП. – 1898. – Часть CCCXVIII, август. – Критика и библиография. – С. 489–527.

18. Speranskij, M. E. Ф. Карский, проф. Очерк славянской кирилловской палеографии. Из лекций, читанных в Варшавском Импер. университете. Варшава 1901. 8°. XIV. 518. (E. Th. Karskij, Grundzüge der slavischen cyrilischen Palaeographie) / M. Speranskij // Archiv für Slavische Philologie. – Berlin, 1901. – XXIII. – I und II heft. – Kritischer Anzeiger. – С. 605–610.

19. Leger, L. La paléographie cyrillique. E. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской Палеографии. (E. F. Karsky. Esquisse d'une paléographie [slave] cyrillique.) Varsovie, <1801> (Год выхода книги указан ошибочно; на самом деле – 1901) // Journal des Savants. – 1902. – Mars. – С. 167–174.

20. Степанец Богдан (Кудринский, Ф. А.) Ценное научное исследование / Богдан Степанец // Виленский вестник. – 1904. – № 204, 6 марта. – С. 2–3 ; № 207, 9 марта. – С. 2 ; № 208, 10 марта. – С. 2 ; № 210, 12 марта. – С. 2.

21. Евг. Л. (Е. А. Ляцкий) Карский, Е. Ф. Белорусы. Т. I : Введение в изучение языка и народной словесности. – Варшава. 1903 // Вестник Европы. – 1904. – Т. 225. – Кн. 2. Февраль. – Литературное обозрение. VII. – С. 839–840.

22. Соболевский, А. И. О русских говорах вообще и белорусских в частности / А. И. Соболевский // Известия ОРЯС ИАН. – 1904. – Т. 9. – Кн. 2. – С. 14–23.

23. Ник-ский, М. Д. (Никольский, М. Д.) Профессор Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. – Вильна, 1904 / М. Д. Ник-ский // Исторический вестник. – 1904. – Сентябрь. – Критика и библиография. – С. 1052–1053.

24. Гнатюк, В. М. Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. I : Введение в изучение языка и народной словесности. – Варшава, 1903. – С. X + 466 / В. М. Гнатюк // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. – 1905. – Т. 67, кн. 5. – С. 51–65.

25. Флоринский, Т. Д. Библиографические перечни ученых и учено-литературных трудов учеников В. И. Ламанского и их учеников / Т. Д. Флоринский // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. – СПб., 1905. – Приложение. – С. V – LXV.

26. Флоринский, Т. Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. XIII / Т. Д. Флоринский // Университетские Известия (Киевские). – 1905. – № 5, май. – С. 41–43.

27. Будде, Е. Ф. К какому из русских наречий принадлежит говор современных жителей Брянского уезда Орловской губернии? / Е. Ф. Будде // Известия ОРЯС ИАН. – 1905. – Т. 10, кн. 4. – С. 281–293⁵⁰.

28. Сержпутовский, А. К. Е. Ф. Карский. Материалы для изучения белорусских говоров. – Вып. 5. – СПб., 1907 / А. К. Сержпутовский // Живая старина. – 1908. – № 2. – С. 252.

29. Соколов, Н. Н. Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. I : Введение в изучение языка и народной словесности. X + 46б. – Вильна, 1904 ; Т. II : Язык белорусского племени, Вып. I : Исторический очерк звуков белорусского наречия. IV + XXIV + 579. – Варшава, 1908 / Н. Н. Соколов // Rocznik slawistyczny. – 1910. – Т. III. – С. 220–244⁵¹.

30. Отзыв о сочинении Е. Ф. Карского: «Белорусы. Т. I : Введение в изучение языка и народной словесности (С приложением двух карт) (Варшава, 1903) и Т. II : Язык Белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия (Варшава, 1908), составленный акад. А. А. Шахматовым // Сборник отчетов о премиях и наградах за 1910 год. (Премия П. Н. Батюшкова). – СПб., 1912. – С. 200–204⁵².

31. Шахматов, А. А. Записка об ученых трудах Е. Ф. Карского / А. А. Шахматов, В. Н. Перетц, А. И. Соболевский, Н. А. Котляревский // Приложение 5 к протоколу V заседания Общего собрания Императорской Академии наук 9 мая 1916 г. – С. 106–111.

32. Новые академики // Исторический вестник. – 1916. – Ноябрь. – Смесь. – С. 548.

33. А. Н.⁵³ Я. Ф. Карскі. Беларуская мова / А. Н. // Гоман. – 1918. – № 59. – Рец. на кн. : Карский, Е. Ф. Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением / Е. Ф. Карский. – Пг, 1918.

34. М. Б.⁵⁴ Новая кніга па Беларусказнаўству : Е. Ф. Карскі. Белорусы. Т. III : Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западно-русская

---

⁵⁰ Отдельный оттиск: СПб., 1905. – 13 с.

⁵¹ Отдельный оттиск: Kraków, 1910. – 24 с.

⁵² Отдельный оттиск: СПб., 1912. – 5 с.

⁵³ Антон Новина – А. И. Луцкевич.

⁵⁴ М. Байкоў – Н. Бойков.

письменность. – Петроград, 1921. 8.VIII+248 // Вестник Народного Комиссариата Просвещения. – 1921 (октябрь). – № 1. – Беларускі аддзел. – Бібліографія. – С. 12–13.

35. Дзяржынскі, У. (Чаржинский, В. В.) «Белорусы» Е. Ф. Карскага / У. Дзяржынскі, (В. В. Чаржинский) // Полымя. – 1923. – № 2. – С. 112–132.

36. Бузук, П. А. Акад. Е. Ф. Карскій. «Бѣлоруссы. Том III : Очерки словесности бѣлорускаго племени. 3 : Художественная литература на народном языкѣ». – Петроградъ, 1922 / П. А. Бузук // Червоний шлях. – 1923. – № 6–7. – Бібліографія. – С. 247–250.

37. Пичета, В. И. Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. III : Очерки словесности белорусского племени. 2 : Старая западно-русская письменность. – П., 1921. – С. 246 + VI / В. И. Пичета // Печать и революция. – 1923. – Кн. 5 : август – сентябрь. – С. 273–274.

38. Перетц, В. Н. Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. III : Очерки словесности белорусского племени. 2 : Старая западно-русская письменность / В. Н. Перетц // Известия ОРЯС РАН (за 1922 г.). – 1924. – XXVII. – С. 333–337.

39. Станкевіч, Я. Праф. Карскі і яго «Беларусы» / Я. Станкевіч // Крывіч. – 1924. – № 2 (8). – С. 37–46⁵⁵.

40. Винокур, Г. Акад. Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южно-великорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка). – Ленинград : Книгоизд. «Сеятель», 1924. – С. 171. (Тираж 2000) / Г. Винокур // Печать и революция. – 1925. – Кн. 2. – С. 231–233.

Отзывы без подписей или с неразгаданными криптонимами (в хронологическом порядке).

41. Труд Е. Ф. Карского «Обзор звуков и форм белорусской речи». – М., 1886 // РФВ. – 1886. – XVI, № 4. – С. 375–76⁵⁶.

42. Грамматика древнего церковно-славянского языка, сравнительно с русским (курс средних учебных заведений). Составил Е. Ф. Карский. Вильно. 1888. Стр. 127. Цена 65 к. // ЖМНП. – 1889 (май). – Часть ССLXIII. – Наша учебная литература. – С. 14–19.

43. Е. Ф. Карский. Пособие при изучении русского языка и словесности. Выпуск I. (Курс приготовительного, I, II, III и IV классов гимназии и прогимназии). Стихотворения и прозаические статьи для заучивания наизусть. Вильно. 1892. Стр. 136. Цена 40 коп. // ЖМНП. – 1892 (октябрь). – Часть ССLXXXIII. – Наша учебная литература – С. 80–82.

---

⁵⁵ Это же см. III, 42.

⁵⁶ Предположительно, автор – А. И. Соболевский.

44. Издания «Постоянной комиссии по устройству народных чтений».
...4) Православные святыни города Вильно. Е. Карского. 43 стр. Ц. 10 к. // Северный Вестник. – 1893 (сентябрь). – № 9. – Библиография. – С. 82–83.

45. Н. Т.⁵⁷ Е. О. (sic!) Карский. К вопросу о разработке старого западно-русского наречия. Библиографический очерк. Вильна. 1893 // Живая старина. – 1893. – Вып. III. – Отдел III. Критика и библиография. – С. 404.

46. Я. З. Карский, Е. Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной поэзии белорусов. «Виленский Временник». Издание Виленского генерал-губернаторского управления. Книга I. X+1+466. Вильна. 1904 // Живая старина. – 1903. – Вып. III. – Отдел III. : Критика и библиография. – С. 389–390.

47. Р. Проф. Е. Ф. Карский: Этнографическая карта белорусского племени. Изд. Бел. Областн. комит. при Всерос. Совете Кр. Депут. // Дзяніца. – 1918. – № 4. – Библиография⁵⁸.

* * *

VII. Некрологи (1931–1932 гг.).

1. Академик Е. Ф. Карский // Красная газета. – 1931. – 30 апр. – С. 4.

2. Державин, Н. С. Труды академика Е. Ф. Карского / Н. С. Державин // Вестник АН СССР. – 1931. – № 4. – С. 21–26.

3. Дурново, Н. Н. Академик Евфимий Фёдорович Карский / Н. Н. Дурново // Slavia. – V Praxe. – 1931. – Roč. 10, Seš. 3. – С. 623–626.

4. Ляпунов, Б. М. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского / Б. М. Ляпунов // Известия АН СССР. Сер. общественных наук. – 1932. – № 3. – С. 167–192⁵⁹.

5. Ljapunov, B. (Без заголовка) // Revue des etudes slaves. – 1931. – Vol. 11. – Issue 3. – С. 286–289.

6. М. К. Акадэмік Е. Ф. Карскі / М. К // Беларуская крыніца. – 1931. – 16 мая. – С. 1.

7. Младенов, Ст. Именити славянски покойници. Академикъ Евфимий Ф. Карски / Ст. Младенов // Славянски Гласъ. – 1931. – Кн. 1–2. – С. 69–72.

8. Панас, И. † Академикъ Е. Ф. Карскій (1860–1931) / И. Панас // Литературная газета (Париж). – 1931. – 4 июля.

9. Panas, I. O. † Profesor E. F. Karskij (1860–1931) / I. O. Panas // (Вырезка из неустановленной газеты хранится в СПБФ АРАН, ф. 292, оп. 1, ед. хр. 56, л. 3–4).

---

⁵⁷ Тутурин Н. Н. или Тупиков Н. М.

⁵⁸ Сведения о рецензии взяты из библиографии А. О. Шлюбского (см. V, 15), однако справочники не показывают наличие такого издания в Петрограде в 1918 г.

⁵⁹ Приложен список печатных работ академика Е. Ф. Карского в хронологическом порядке, 278 №№: С. 179–192.

VIII. Научные статьи на русском языке.

1. Абашина, В. Н. «Очерки синтаксиса белорусского языка» академика Е. Ф. Карского в интертекстуальном измерении / В. Н. Абашина // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3(5). – С. 34–35.

2. Агаева, Т. И. Е. Ф. Карский о вкладе Н. В. Гоголя в развитие русского литературного языка / Т. И. Агаева // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 15–16.

3. Антонова, С. М. Языковая личность творца: попытка осмысления креативного вклада автора, читателя и интерпретатора в языковую модель мира / С. М. Антонова // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3 (5). – С. 18–24.

4. Астахина, Л. Е. Ф. Карский и лингвистическое источниковедение / Л. Астахина // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 17–18.

5. Белая, А. С. Белорусы на Черниговщине: из истории научных и культурных связей / А. С. Белая // Література та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 21 : Забуті та воскреслі імена в історії та культурі України, спірні історичні питання. – С. 269–272.

6. Белая, А. С. Белорусы в Украине: страницы из истории Нежинского университета / А. С. Белая // Український вимір : міжнар. збірник інформаційних, освітніх, наукових, методичних статей і матеріалів з країни та діаспори / ред. В. Яковець. – Вип. 2 (7) : Збірник матеріалів Міжнар. наук.-практ. конф. «Українсько-білоруські культурні зв'язки: історія і сучасність». – Чернігів, 2009. – С. 78–80.

7. Белая, А. С. Вопросы межславянских языковых связей в трудах Е. Ф. Карского / А. С. Белая // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX Междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2002 г. : в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1. – С. 24–29.

8. Белая, А. С. Вопросы сравнительно-исторического славянского языкознания в трудах Е. Ф. Карского / А. С. Белая // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии : сб. науч. ст. / редкол. : А. В. Антохов [и др.]. – Брянск, 2011. – С. 18–22.

9. Белая, А. С. Вопросы сравнительно-исторического языкознания в трудах Е. Ф. Карского / А. С. Белая // Історія української лінгвістики : зб. наук. праць. – Київ ; Ніжин, 2001. – С. 93–98.

10. Белая, А. С. Из истории украинско-белорусских культурных связей / А. С. Белая // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва : зб. навук. прац удзельнікаў II міжнар. канф., Магілёў, 29–30 чэрв. 2001 г. – Магілёў, 2001. – С. 339–342.

11. Белая, А. С. Из истории формирования Нежинской лингвистической школы / А. С. Белая // Российско-белорусско-украинское пограничье: провинция как социокультурный феномен : материалы междунар. науч.-практ. конф., Новозыбков, 22–23 окт. 2009 г. – Брянск, 2009. – С. 129–132.

12. Белая, А. С. К 150-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского / А. С. Белая // Педагогічні обрії. – 2012. – № 2. – С. 64–65.

13. Белая, А. С. Карский Е. Ф. – исследователь славянских языков / А. С. Белая // Література та культура Полісся. – Ніжин, 2005. – Вип. 29 : Регіональна історія та культура в українському і східноєвропейському контексті. – С. 3–5.

14. Белая, А. С. Карский Е. Ф. как диалектолог / А. С. Белая // Актуальные проблемы науки и образования : труды и материалы XI Междунар. науч.-метод. конф., Новозыбков, 22–23 окт. 2008 г. : в 2 т. – Брянск, 2008. – Т. 1. – С. 34–39.

15. Белая, А. С. Карский Е. Ф. о Гоголе Н. В. / А. С. Белая // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1997. – Вип. 9 : Творча спадщина письменників Полісся (М. Гоголя, Є. Гребінки, Л. Глібова, Н. Куліша, П. Тичини та інш.) та особливості мови їх творів. – С. 96–102.

16. Белая, А. С. Лингвокультурологические компоненты в исследовании Е. Ф. Карского / А. С. Белая // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г. : в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Конюшкевич ; редкол.: М. И. Конюшкевич, Т. А. Пивоварчик, А. Ю. Станкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 28–32.

17. Белая, А. С. Материальный и духовный мир восточных славян в памятниках письменности (в репрезентациях Е. Ф. Карского) / А. С. Белая // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и відповід. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и відповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 18–22.

18. Белая, А. С. Научное наследие Е. Ф. Карского в трудах украинских исследователей / А. С. Белая // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / редкол.: Н. И. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 11–13.

19. Белая, А. С. Прагматический подход к изучению творчества Е. Ф. Карского / А. С. Белая // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 120–125.

20. Белая, А. С. Роль Нежинской высшей школы в развитии лингвистических традиций / А. С. Белая // Література та культура Полісся. – Ніжин, 1995. – Вип. 6 : Ніжинська вища школа і проблеми розвитку освіти, науки, літератури. – С. 81–84.

21. Белая, А. С. Роль Нежинской высшей школы в формировании лингвистических интересов Евфимия Федоровича Карского / А. С. Белая // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-х угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студз. 1996 г. : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 1. – С. 3–9.

22. Белая, А. С. Этнокультурная лексика в исследованиях Е. Ф. Карского / А. С. Белая // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 95–101.

23. Бережняк, В. Н. Диалектологические исследования Е. Ф. Карского / В. Н. Бережняк // Наукові записки Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя. Сер. Філологічні науки. – 2012. – Кн. 2. – С. 47–51.

24. Блинец, А. В. Новые сведения о родителях академика Е. Ф. Карского / А. В. Блинец // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 42–51.

25. Бобкова, Т. Г. Беларусь положила начало / Т. Г. Бобкова // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2002 г.: в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1. – С. 29–32.

26. Бобкова, Т. Г. За рамкамі славістыкі / Т. Г. Бобкова // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм : тэз. дакл. VIII міжнар. Карскіх чытаньняў, Мінск – Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; Беларускі дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Антонова [і інш.] ; адказ. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – С. 20–23.

27. Бобкова, Т. Г. Изучение языка в историко-культурном контексте – методологическое кредо Е. Ф. Карского / Т. Г. Бобкова // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. /

Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.] – Гродно, 2018. – С. 36–38.

28. Бобкова, Т. Г. Национально-культурное движение белорусов в конце XIX – начале XX стст. / Т. Г. Бобкова // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 37–42.

29. Бобкова, Т. Г. Расшифровывая замечание Е. Ф. Карского / Т. Г. Бобкова // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 5–7.

30. Бобкова, Т. Г. Филолог Е. Ф. Карский – современному историку / Т. Г. Бобкова // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы IV навук. чытаньняў, Гродна, 14–15 снежня 1993 г. : у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: М. І. Канюшкевіч, С. Я. Кострыца. – Гродна : ГрДУ, 1993. – Ч. 1. – С. 32–35.

31. Бобкова, Т. Г. Труды Е. Ф. Карского как исторический источник / Т. Г. Бобкова, О. Г. Таборко // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г.: в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – С. 9–12.

32. Бондарь, Л. Д. Академик Е. Ф. Карский (1860–1931) и польская историческая наука : эпистолярное и мемуарное наследие в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН / Л. Д. Бондарь, А. А. Карский // Документальное наследие России : проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 8 июня 2018 г. / РАН ; отв. ред. В. П. Козлов ; отв. сост. И. Н. Ильина. – М., 2018. – С. 344–351.

33. Бондарь, Л. Д. Академик Е. Ф. Карский и его членство в научных обществах (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) / Л. Д. Бондарь // Диалог культур – 2010 : наука в обществе знания : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 3–4 июля 2010 г. – СПб., 2010. – С. 354–359⁶⁰.

34. Бондарь, Л. Д. Академик Е. Ф. Карский и литературные круги начала XX в.: межкультурная коммуникация в эпистолярном наследии (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) / Л. Д. Бондарь // Диалог культур : состояние межкультурных коммуникаций в условиях посткризисной экономики : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2012 г. – СПб., 2012. – С. 192–197.

---

⁶⁰ Это же на английском языке: XI, 2.

35. Бондарь, Л. Д. Академик Е. Ф. Карский и становление науки в Беларуси (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) / Л. Д. Бондарь // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси. К 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / НАН Беларуси. Отделение гуманитарных наук и искусств ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2012. – С. 365–371.

36. Бондарь, Л. Д. Академик-славист Е. Ф. Карский как организатор образовательного процесса (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) / Л. Д. Бондарь // Роль образования в формировании экономической, социальной и мировой культуры : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 окт. 2014 г. – СПб., 2014. – С. 15–18.

37. Бондарь, Л. Д. Великие имена в науке: память об академике Е. Ф. Карском (1861–1931) в наши дни / Л. Д. Бондарь, К. Г. Шишкина // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 11–12 нояб. 2015 г. / редкол.: Г. А. Костин, Г. В. Гетманова, И. А. Усова. – СПб., 2015. – С. 146–150.

38. Бондарь, Л. Д. Документы семьи академика Е. Ф. Карского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН / Л. Д. Бондарь // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; адказ. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2016. – Вып. 31. – С. 18–28.

39. Бондарь, Л. Д. Зарубежная командировка академика Е. Ф. Карского 1918–1920 гг. : результат научной мобильности и специфика научных связей в годы интервенции / Л. Д. Бондарь // Наука и техника: вопросы истории и теории : материалы XXXIX Междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН Санкт-Петербург, 12–16 нояб. 2018 г. / редкол.: Б. И. Иванов (ред.-сост.) [и др.]. – СПб., 2018. – С. 74–75.

40. Бондарь, Л. Д. Муза ученого: супруга академика Е. Ф. Карского (1860–1931) Софья Николаевна Карская / Л. Д. Бондарь // Прогресс России. Женский аспект : сб. науч. ст. / отв. ред.-сост.: И. А. Урмина, Н. М. Осипова. – М., 2018. – С. 188–200.

41. Бондарь, Л. Д. Организационное участие академика Е. Ф. Карского в становлении белорусской науки (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) / Л. Д. Бондарь // Миллеровские чтения : к 285-летию Архива Российской Академии наук : сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 23–25 апр. 2013 г. – СПб., 2013. – С. 310–315.

42. Бондарь, Л. Д. Письма из Саксонии 1913–1916 : Ян Отрембский – Евфимию Федоровичу Карскому / Л. Д. Бондарь // Миллеровские чтения–2018 : Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II междунар. науч. конф., Санкт-

Петербург, 24–26 мая 2018 г. / Мин-во науки и высшего образования РФ ; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб., 2018. – С. 608–621.

43. Бондарь, Л. Д. Славист академик Е. Ф. Карский и польская научная среда (по материалам фонда Е. Ф. Карского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН) / Л. Д. Бондарь // Преподавание русского и польского языков с использованием технологии диалога культур : материалы IV междунар. науч. конф., Томск, 21–22 окт. 2010 г. / под ред. И. В. Никитенко, О. В. Орловой. – Томск, 2011. – С. 23–28.

44. Бондарь, Л. Д. Творческое наследие слависта академика Е. Ф. Карского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН / Л. Д. Бондарь // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее : матер. IV междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24–25 мая 2011 г. – Иркутск, 2011. – С. 36–40.

45. Бондарь, Л. Д. Учитель и ученик : профессор Р. Ф. Брандт и академик Е. Ф. Карский (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) / Л. Д. Бондарь, К. Г. Шишкина // Роль образования в формировании экономической, социальной и мировой культуры : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2014. – С. 165–169.

46. Борковский, В. И. К 75-летию со дня издания I тома «Белорусов» акад. Е. Ф. Карского / В. И. Борковский // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1978. – Т. 37, № 4. – С. 362–367.

47. Булахов, М. Г. Значение научной деятельности академика Е. Ф. Карского в истории мировой славистики / М. Г. Булахов // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3 (5). – С. 3–9.

48. Булахов, М. Г. Е. Ф. Карский о балтизмах в белорусском языке / М. Г. Булахов // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII Міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Коношкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 3–4.

49. Булахов, М. Г. Об употреблении терминов «язык», «речь», «наречие» в русском языкознании XIX – нач. XX вв. / М. Г. Булахов // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – С. 13–16.

50. Валеев, Г. К. Работа Е. Ф. Карского над восточными словами русского и белорусского языков / Г. К. Валеев // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм: тэз. дакл. VIII міжнар. Карскіх чытаньняў, Мінск – Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; Беларускі дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Антонова [і інш.] ; адказ. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – С. 15–17.

51. Вишневецкая, Г. П. Вопросы истории русского литературного языка в трудах Е. Ф. Карского / Г. П. Вишневецкая // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 22–25.

52. Глеб, М. Биографические сведения о Е. Ф. Карском в архивах Беларуси / М. Глеб [и др.] // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; адказ. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2016. – Вып. 31. – С. 223–232.

53. Гордей, Н. Н. Из методического наследия Е. Ф. Карского / Н. Н. Гордей // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы трэціх навук. чытаньняў, Гродна, 16 снежня 1992 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. М. Антонова [и др.] ; адказ. за вып. С. М. Антонова. – Гродна : ГрДУ, 1992. – С. 12–16.

54. Гребенщикова, Н. С. Литературный язык в понимании Е. Ф. Карского / Н. С. Гребенщикова // Ю. Ф. Карский і сучасне мовознаўства : матэрыялы XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – С. 7–9.

55. Гринблат, М. Я. Карский как белорусский этнограф / М. Гринблат // Известия АН БССР. – 1951. – № 4. – С. 55–64.

56. Данич, О. Е. Ф. Карский о русском и белорусском языках (на фразеологическом материале) / О. Данич // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-ых угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г.: у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 2. – С. 116–119.

57. Дзятко, Д. В. Академик Е. Ф. Карский: у истоков белорусского языкознания / Д. В. Дзятко // Лексографічныя штудыі 2014 : міждунар. кол. моногр. / под ред. Н. В. Пятаевой. – М. : Моск. ун-т, 2015. – С. 279–306.

58. Досталь, М. Ю. Е. Ф. Карский в годы «советизации» Академии наук / М. Ю. Досталь // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1995. – Т. 54, № 3. – С. 77–82.

59. Дятко, Д. В. «Вопрос по партийной линии...»: взаимоотношения академика Е. Ф. Карского и советских властей / Д. В. Дятко // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / ГрГУ имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 19–23.

60. Евсеев, Ф. Летние обряды восточных славян в научной концепции Е. Ф. Карского / Ф. Евсеев // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. /

НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 226–233.

61. Карпенко, М. А. М. А. Максимович, А. А. Потебня, Е. Ф. Карский : становление и развитие традиций восточнославянского языкознания / М. А. Карпенко // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 37–39.

62. Карская, Т. С. Из писем академика Е. Ф. Карского ученым / Т. С. Карская // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 1. – С. 37–47.

63. Карская, Т. С. О семейной жизни академика Карского. (Из воспоминаний) / Т. С. Карская // Слово в диахронии и синхронии : сб. науч. ст. к 80-летию М. Г. Булахова / Бел. гос. ун-т им. М. Танка. – Минск, 1999. – С. 72–76.

64. Карская, Т. С. Хроникальные заметки / Т. С. Карская // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 153–154.

65. Карская, Т. С. Эпистолярное наследие академика Е. Ф. Карского / Т. С. Карская // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1982. – № 1. – С. 109–116.

66. Карский, А. А. Академик Е. Ф. Карский в Нежине в 1918 году / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2007. – Вип. 38 : Регіональна історія та культура в сучасних дослідженнях. – С. 3–13.

67. Карский, А. А. Вступительное слово академика Е. Ф. Карского на торжественном собрании в Пушкинском доме по случаю 100-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского / А. А. Карский // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 3–10.

68. Карский, А. А. Гоголевская тематика в «Русском Филологическом Вестнике» Е. Ф. Карского (с 1905 по 1915 год) / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2009. – Вип. 54 : Гоголь у російському та світовому контексті. – С. 3–9.

69. Карский, А. А. Е. Ф. Карский и М. В. Довнар-Запольский / А. А. Карский // Шостыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Рэчыца, 14–15 лістап. 2007 г. : в 2 ч. / Гомел. дзярж. ун-т; адк. рэд. В. М. Лебедзева. – Гомель, 2008. – Ч. I : М. В. Доўнар-Запольскі : жыццё і навуковая спадчына. – С. 30–46.

70. Карский, А. А. Е. Ф. Карский на Гродненщине / А. А. Карский // Публічна бібліяэка ў кантэксце сацыякультурнай прасторы рэгіёна : два стагоддзі гісторыі (да 180-годдзя з дня заснавання ДУК «Гродзенская абласная навуковая бібліяэка імя Я. Ф. Карскага») : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Гродна, 16–17 вер. 2010 г. : у 2 ч. / склад.: Л. В. Мальцава, М. Э. Ігнатовіч. – Гродна, 2010. – Ч. I. – С. 5–10.

71. Карский, А. А. Е. Ф. Карский – ректор Императорского Варшавского университета / А. А. Карский / А. А. Карский // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – № 1. – С. 64–75.

Карский, А. А. Е. Ф. Карский – ректор Императорского Варшавского университета / А. А. Карский // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 13–37.

72. Карский, А. А. Записная книжка академика Е. Ф. Карского : 1918–1920 гг. / А. А. Карский // Миллеровские чтения : к 285-летию Архива Российской Академии наук : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 23–25 апр. 2013 г. – СПб., 2013. – С. 302–309.

73. Карский, А. А. Из переписки Е. Ф. Карского с литературоведом и театроведом Н. П. Кашиным / А. А. Карский // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 5–8.

74. Карский, А. А. Из переписки профессора Р. Ф. Брандта с учителем словесности и церковнославянского языка Е. Ф. Карским / А. А. Карский // Миллеровские чтения – 2018 : Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г. / М-во науки и высшего образования РФ ; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб., 2018. – С. 601–607.

75. Карский, А. А. Институтские товарищи Евфимия Карского / А. А. Карский // Літэратура та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2008. – Вип. 44 : До 80-річчя з дня народження професора Нінель Миколаївни Арват. – С. 309–316.

76. Карский, А. А. Карские – собиратели белорусского фольклора / А. А. Карский // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2009. – № 3 (54), ч. 2. – С. 30–35.

77. Карский, А. А. Научные экспедиции профессора Е. Ф. Карского в конце XIX – начале XX века / А. А. Карский // Polsko-Białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe = Польска-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : матэрыялы XVI міжнар. навук. канф. «Шлях да ўзаемнасці», Беласток, 25–26 верас. 2009 г. / пад рэд. М. Кандрацюка, Б. Сегеня. – Białystok, 2009. – С. 13–21.

78. Карский, А. А. Нежинская школа славистов: Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов, Е. Ф. Карский / А. А. Карский // Ю. Ф. Карский і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – С. 5–11.

79. Карский, А. А. О братьях и сестрах академика Е. Ф. Карского / А. А. Карский // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 51–67.

80. Карский, А. А. Обнаруженные сведения об отце академика Евфимия Феодоровича Карского / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2007. – Вип. 38 : Регіональна історія та культура в сучасних дослідженнях. – С. 259–286.

81. Карский, А. А. Первая курсовая работа по филологии студента Евфимия Карского / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2008. – Вип. 44 : До 80-річчя з дня народження професора Нінель Миколаїни Арват. – С. 304–308.

82. Карский, А. А. Переписка Е. Ф. Карского с французским славистом Андре Мазоном / А. А. Карский // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; адказ. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2016. – Вып. 31. – С. 35–39.

83. Карский, А. А. Переписка профессора Р. Ф. Брандта со студентом Евфимием Карским / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2007. – Вип. 39 : Історія та культура Полісся й України в сучасному науковому сприйнятті. – С. 132–141.

84. Карский, А. А. Письмо Володимира Гнатюка / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2007. – Вип. 38 : Регіональна історія та культура в сучасних дослідженнях. – С. 286–288.

85. Карский, А. А. Письмо профессора А. В. Добиаша профессору Е. Ф. Карскому / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2008. – Вип. 44 : До 80-річчя з дня народження професора Нінель Миколаїни Арват. – С. 317–323.

86. Карский, А. А. Письмо редактора «Русского Филологического Вестника» студенту Нежинского Историко-филологического института Евфимию Карскому / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. –

Ніжин, 2008. – Вип. 44 : До 80-річчя з дня народження професора Нінель Миколаїни Арват. – С. 325–330.

87. Карский, А. А. Разделила братьев гражданская война... / А. А. Карский // Кортик. – 2009. – № 10. – С. 24–36.

88. Карский, А. А. Рукопись из архива О. М. Бодянского (К истории обнаружения Е. Ф. Карским первого варианта «Наймычки» Т. Г. Шевченко) / А. А. Карский // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2007. – Вип.: 40 : Філологія, історія та культура Полісся на перетині думок. – С. 35–38.

89. Карский, А. А. Скандал вокруг одной рецензии / А. А. Карский // Номо Historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / Ін-т гіст. даслед. Беларусі; пад рэд. А. Ф. Смаленчука. – Вільня, 2008. – С. 296–303.

90. Карский, А. А. Статьи академика Е. Ф. Карского о Франциске Скорине / А. А. Карский // Скарына і наш час : матэрыялы IV Міжнар. навук. канф., Гомель, 13–14 лістап. 2008 г. : у 2 ч. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2008. – Ч. 2. – С. 86–90.

91. Карский, А. А. Франциск Скорина в «Белорусах» Е. Ф. Карского / А. А. Карский // Скарына і наш час : матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Гомель, 14–15 кастр. 2011 г. : у 2 ч. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2011. – Ч. 2. – С. 15–20.

92. Кедайтене, Е. И. Академик Евфимий Федорович Карский (1861 – 1931) / Е. И. Кедайтене // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 6. – С. 559–562.

93. Кирей, Н. Н. Творчество и жизненный путь выдающегося филолога-слависта и этнографа Е. Ф. Карского (1861–1931) / Н. Н. Кирей // Мир славян Северного Кавказа / Науч.-исслед. центр традиционной культуры Гос. науч.-творческого учреждения «Кубанский казачий хор» ; науч. ред., сост. О. В. Матвеев. – Краснодар, 2004. – Вып. 1. – С. 5–22.

94. Кирюхина, Л. Г. Коллекция ученых славяноведов в фондах Национальной библиотеки Беларуси / Л. Г. Кирюхина // Информационный бюллетень библиотечной ассамблеи Евразии. – 2000. – Вып. 12. – С. 62–66.

95. Коваль, В. И. Мифологическая картина мира в трактовке Е. Ф. Карского / В. И. Коваль // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : матэрыялы VI навук. чыганняў, Гродна, 25–26 студз. 1996 г. : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адказ. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна: ГрДУ, 1996. – Ч. 1. – С. 14–19.

96. Козак, Р. В. К вопросу об изучении Е. Ф. Карским синтаксиса древнерусских летописей / Р. В. Козак, Л. Н. Марчук // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 1990. – Вип. I : Ніжинська вища школа. – С. 83.

97. Конюшкевич, М. И. Е. Ф. Карский и проблемы белорусского языкознания конца XX столетия / М. И. Конюшкевич // Вісн. Львівського ун-ту. Сер. філологічна. – 2000. – Вип. 29. – С. 418–423.

98. Конюшкевич, М. И. Научная школа Е. Ф. Карского в свете парадигмы конца XX столетия / М. И. Конюшкевич // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 2006. – Вип. 31 : Проблеми розвитку філології, історії та культури (до 200 річчя Ніжинської вищої школи). – С. 10–21.

99. Конюшкевич, М. И. Научная Карскиана конца XX века – начала XXI столетия / М. И. Конюшкевич // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г. : в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 4–17.

100. Конюшкевич, М. И. Нежинский период – точка отсчета научной деятельности академика Е. Ф. Карского / М. И. Конюшкевич // Література та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 1996. – Вип. 7. Випускники Ніжинської вищої школи та їх творчість : до 175-ліття заснування інституту. – С. 185–191.

101. Конюшкевич, М. И. О Евфимии Федоровиче Карском. Библиографический указатель (1991–1996 гг.) / М. И. Конюшкевич // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и відповід. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Конюшкевич (упоряд. и відповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 12–15.

102. Конюшкевич, М. И. Парадигмы на рубежах веков. (Научная школа Е. Ф. Карского в свете парадигмы конца XX века) / М. И. Конюшкевич // *Paradygmaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu* / pod red. A. Kiklewicza. – Słupsk, 2004. – С. 81–91.

103. Конюшкевич, М. И. Предложная система белорусского языка в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние / М. И. Конюшкевич // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 28–30.

104. Конюшкевич, М. И. Преемственность идей А. А. Потебни в сопоставительном синтаксисе Е. Ф. Карского / М. И. Конюшкевич // А. А. Потебня – исследователь славянских взаимосвязей : тез. Всесоюз. науч. конф., Харьков, октябрь 1991 г. : в 2 ч. / редкол.: Л. Г. Авксентьев [и др.]. – Харьков, 1991. – Ч. 1. – С. 44–46.

105. Конюшкевич, М. И. Проклятия в речевом поведении белорусов / М. И. Конюшкевич // *Etnolingwistyka : Problemy języka a kultury*. – Lublin, 2001. – Vol. 13. – S. 155–169.

106. Коношкевич, М. И. Революция, эволюция или период возврата? (Взгляд на наследие Е. Ф. Карского сквозь призму новой парадигмы) / М. И. Коношкевич // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3 (5). – С. 12–17.

107. Коношкевич, М. И. Система белорусских союзов в освещении Е. Ф. Карского и ее современное состояние / М. И. Коношкевич // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 49–59.

108. Коношкевич, М. И. Тенденции в методологии лингвистических исследований / М. И. Коношкевич // Вісн. Донецкого нац. ун-ту. Сер. Б, Гуманітарні науки. – 2013. – Т. 1–2. – С. 135–143.

109. Корчиц, М. А. Конструкции с *быть* в «Белорусах» Е. Ф. Карского: структура, значение, функция / М. А. Корчиц // Літэратура та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 1990. – Вип. I : Ніжинська вища школа. – С. 84–85.

110. Корчиц, М. А. О выражении и структуре деепричастных конструкций в «Белорусах» Е. Ф. Карского / М. А. Корчиц // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы II навук. чытаньняў, Гродна, 18 снежня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык, М. І. Коношкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 7–12.

111. Космеда, Т. А. Е. Ф. Карский и В. И. Борковский – ученые-соратники, друзья, родственники / Т. А. Космеда // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3(5). – С. 27–30.

112. Крыга, Т. Взгляды Е. Ф. Карского и современные подходы к изучению синтаксиса простого предложения / Т. Крыга // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; ред. кол. Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Коношкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 213–217.

113. Кузнецов, П. С. Евфимий Федорович Карский (1861–1931) / П. С. Кузнецов // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1961. – Т. 20, вып. 1. – С. 94–96.

114. Леончиков, В. Е. Библиографическая деятельность академика Е. Ф. Карского / В. Е. Леончиков // Советская библиография. – 1969. – № 6. – С. 38–51.

115. Лушник, Л. С. Е. Ф. Карский о малых жанрах фольклора (на примере пословиц и поговорок) / Л. С. Лушник // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – С. 30–31.

116. Маслова, В. Е. Ф. Карский о поэтическом наследии Пушкина / В. Маслова // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-ых угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г.: у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 1. – С. 20–24.

117. Минина, Т. Е. Ф. Карский о говорах старообрядцев на территории Белоруссии и современное состояние их изучения / Т. Минина // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-х угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г.: у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 2. – С. 80–84.

118. Морозова, Л. Наследие Е. Карского и изучение фонетической вариативности в языке / Л. Морозова // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-ых угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г.: у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 1. – С. 197–202.

119. Нечваль, Н. Роль работ Е. Ф. Карского в изучении истории русского литературного языка / Н. Нечваль // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. і відповід. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. і відповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 39–43.

120. Нещерет, Е. И. Семантико-стилистические особенности производных структур с суффиксами субъективной оценки. (На материале «Исторического очерка словообразования и словоизменения в белорусском наречии» Е. Ф. Карского) / Е. И. Нещерет // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – №. 3 (5). – С. 36–38.

121. Озаровский, О. В. Формирование русского литературного языка как совокупности определённых качеств и свойств в концепции Е. Ф. Карского / О. В. Озаровский, Ю. С. Долгов // Літэратура та культура Полісся / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжин, 1990. – Вип. I : Ніжинська вища школа. – С. 81–82.

122. Поникаровская, М. В. Архивные открытия: корреспондент академик Е. Ф. Карского «А.В...» / М. В. Поникаровская // Миллеровские чте-

ния – 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г. / М-во науки и высшего образования РФ ; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб., 2018. – С. 622–627.

123. Поникаровская, М. В. Франкоязычные корреспонденты академика Е. Ф. Карского / М. В. Поникаровская // Документальное наследие России: проблемы теории и практики : к 100-летию государственной архивной службы России : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 8 июня 2018 г. / РАН; отв. ред. В. П. Козлов ; отв. сост. И. Н. Ильина. – Москва, 2018. – С. 352–357.

124. Поникаровская, М. В. Французский язык в международной переписке Е. Ф. Карского / М. В. Поникаровская // Наука и техника: вопросы истории и теории : материалы XXXIX Междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН Санкт-Петербург, 12–16 нояб. 2018 г. / редкол.: Б. И. Иванов (ред.-сост.) [и др.]. – СПб., 2018. – С. 80–81.

125. Пригодич, Н. Академик Е. Ф. Карский как исследователь белорусского словосложения / Н. Пригодич // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 43–44.

126. Прохорова, С. М. Е. Ф. Карский о незамкнутом характере белорусского языка / С. М. Прохорова // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – №. 3 (5). – С. 24–27.

127. Прохорова, С. М. Проблемы этногенеза белорусов в свете традиций Е. Ф. Карского / С. М. Прохорова // Шануючы спадчыну Я. Карскага...: матэрыялы чацвёртых навук. чытаньняў, Гродна, 14–15 снежня 1993 г. : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы ; рэдкал.: М. І. Канюшкевіч, С. Я. Кострыца. – Гродна : ГрДУ, 1993. – Ч. 1. – С. 10–16.

128. Прудко, Т. Научно-исследовательская деятельность Е. Ф. Карского : исторический обзор / Т. Прудко // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм : матэрыялы V Карскіх міжнар. чытаньняў, Гродна, 14–15 снежня 1994 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. Я. Кострыца (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1995. – С. 3–7.

129. Прудко, Т. Педагогическая этика Е. Ф. Карского / Т. Прудко // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-х угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г. : у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 1. – С. 9–13.

130. Решетов, А. М. Евфимий Федорович Карский / А. М. Решетов // Курьер Петровской Кунсткамеры / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; редкол.: А. С. Мыльников (гл. ред.) [и др.]. – СПб., 1996. – Вып. 4–5. – С. 24–47.

131. Решетов, А. М. Из архива академика Е. Ф. Карского / А. М. Решетов // Курьер Петровской Кунсткамеры / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; редкол.: А. С. Мыльников (гл. ред.) [и др.]. – СПб., 1997. – Вып. 6–7. – С. 88–110.

132. Савчук, О. Значение величины непроцессуального признака в «Белорусах» Е. Ф. Карского / О. Савчук // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 107–109.

133. Самойленко, А. Г. От лектора до ректора: личное дело Ефима Федоровича Карского в Archiwum Państwowe M. St. Warszawy / А. Г. Самойленко // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 4–13.

134. Сидоренко, В. А. Использование творческого наследия Е. Ф. Карского в преподавании курса «История русского литературного языка» / В. А. Сидоренко // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 44–46.

135. Сидоренко, В. А. Е. Ф. Карский о проблемах истории языка / В. А. Сидоренко // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенські дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – С. 38.

136. Сильнова, Л. Д. Опыт исследования Библиотеки Е. Ф. Карского / Л. Д. Сильнова // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; адказ. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2016. – Вып. 31. – С. 46–50.

137. Сперанский, М. Н. Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. 1928. Тит. л. + XIV + 494 стр. с 125 табл. и многочисленными иллюстрациями в тексте. Ц. 6 р. 75 к. / М. Н. Сперанский // Труды Института славяноведения АН СССР [Электронный ресурс]. – Л., 1932. – Т. 1.: Критика и библиография. – С. 466–478.

138. Судавичене, Л. В. Из некоторых наблюдений над педагогическими трудами Е. Ф. Карского / Л. В. Судавичене // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та

імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3 (5). – С. 9–12.

139. Судавичене, Л. В. Страницы из жизни Е. Ф. Карского в Вильнюсе / Л. В. Судавичене // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г.: в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 17–27.

140. Судавичене, Л. В. Франциск Скорина в трудах Е. Ф. Карского / Л. В. Судавичене // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы IV навук. чыганняў, Гродна, 14–15 снежня 1993 г.: у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: М. І. Канюшкевіч, С. Я. Кострыца. – Гродна : ГрДУ, 1993. – Ч. 1. – С. 3–9.

141. Трофимов, С. Из истории жизни и деятельности Е. Ф. Карского / С. Трофимов // Румлёўскія старонкі : турыстычны патэнцыял нацыянальнай культурна-гістарычнай спадчыны Панямоння : матэрыялы III адкрытай навук.-практ. канф. па праблемах рэгіяналістыкі і краязнаўства «Румлёўскія чыганны», Гродна, 19 лют. 2009 г. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: В. В. Швед, С. А. Габрусевіч, С. В. Марозава. – Гродна, 2010. – С. 62–65.

142. Трофимович, Т. Г. Актуальные проблемы исторического языкознания в научном наследии Е. Ф. Карского / Т. Г. Трофимович // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства : матэрыялы XI міжнар. Карських чытань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – С. 39–41.

143. Унучек, А. В. К вопросу издания первого тома «Белорусов»: проблемы изучения белорусского языка и этногенеза в эпистолярном наследии академика Е. Ф. Карского / А. В. Унучек // Миллеровские чтения–2018. Премственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г. / Мин-во науки и высшего образования РФ; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб., 2018. – С. 585–592.

144. Франчук, В. Ю. Язык Великого княжества Литовского в трудах Е. Ф. Карского / В. Ю. Франчук // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чтений, Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 90–99.

145. Черненко, В. Наблюдения над фразеологией в очерках Е. Ф. Карского / В. Черненко // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII Міжнар. Карських чытань, Ніжин – Гродно, 13–14 травня 1998 р. / редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин; Гродно, 1998. – С. 88–90.

146. Шаповалова, Л. И. Вопрос о границах и языковом статусе говоров могилевско-смоленского пограничья и диалектологические труды Е. Ф. Кар-

ского / Л. И. Шаповалова // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 9–12.

147. Шаповалова, Л. И. Некоторые вопросы исторической фонетики в освещении Е. Ф. Карского / Л. И. Шаповалова // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – №. 3 (5). – С. 30–34.

148. Шаповалова, Л. И. Труды Е. Ф. Карского в преподавании истории русского литературного языка / Л. И. Шаповалова // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-ых угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навуц. чытаньняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г.: у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 2. – С. 197–202.

149. Шишкина, К. Г. Академики-лингвисты начала XX в. : переписка Е. Ф. Карского и М. Н. Сперанского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН / К. Г. Шишкина // Документальное наследие России: проблемы теории и практики : к 100-летию государственной архивной службы России : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 8 июня 2018 г. / РАН ; отв. ред. В. П. Козлов ; отв. сост. И. Н. Ильина. – Москва, 2018. – С. 358–361.

150. Шишкина, К. Г. Московские корреспонденты академика Е. Ф. Карского / К. Г. Шишкина // Миллеровские чтения – 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г. / М-во науки и высшего образования РФ ; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб., 2018. – С. 593–600.

151. Шишкина, К. Г. Хроника деятельности Е. Ф. Карского в Петербургской Академии наук: протоколы заседаний Общего собрания и отделений из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН / К. Г. Шишкина // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; адказ. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2016. – Вып. 31. – С. 29–34.

152. Шишкина, К. Г. Эпистолярное наследие академика Е. Ф. Карского (1861–1931) в архивах Украины / К. Г. Шишкина // Наука и техника : вопросы истории и теории : материалы XXXIX Междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН Санкт-Петербург, 12–16 нояб. 2018 г. / редкол.: Б. И. Иванов (ред.-сост.) [и др.]. – СПб., 2018. – С. 81–82.

153. Шмелёва, Т. В. Словесность в понимании Е. Ф. Карского и в современных интерпретациях / Т. В. Шмелёва // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. / Гродненский

гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 23–26.

154. Шумейко, М. Ф. Академик Е. Ф. Карский и архивы / М. Ф. Шумейко // История и архивы : документальное наследие Республики Беларусь XX–XXI вв. : материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Государственного архива Минской области, Минск, 14 нояб. 2013 г. – Минск, 2014. – С. 7–14.

155. Шумейко, М. Ф. Е. Ф. Карский и В. И. Пичета : к вопросу о взаимоотношениях / М. Ф. Шумейко // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; адказ. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2016. – Вып. 31. – С. 40–45.

156. Янович, Е. И. Е. Ф. Карский как палеограф / Е. И. Янович // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX Междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2002 г.: в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; отв. ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1. – С. 6–14.

157. Яцура, А. Наследие Е. Ф. Карского и современный антропонимикон / А. Яцура // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и відповід. – Ніжин) [та інш.]; М. І. Конюшкевич (упоряд. и відповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 46–48.

* * *

IX. Научные статьи на белорусском языке.

1. Архівазнаўчыя інтарэсы акадэміка Я. Ф. Карскага (Да 150-годдзя з дня нараджэння) // Архивы и делопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 27–31.

2. Арцяме́нак, Г. Пытанні тэорыі словаўтварэння ў працах Я. Ф. Карскага / Г. Арцяме́нак // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : матэрыялы VI навук. чытаньняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г. : у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 2. – С. 147–151.

3. Бандарчык, В. К. Этнаграфічная спадчына Я. Ф. Карскага / В. К. Бандарчык // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1981. – № 1. – С. 95–105.

4. Баркоўскі, В. І. Я. Ф. Карскі як гісторык рускай мовы і палеаграфіі (1861–1931) / В. І. Баркоўскі // Весці АН БССР. – 1951. – № 4. – С. 3–12.

5. Баркоўскі, В. І. Заснавальнік беларускага мовазнаўства і беларускай філалогіі (Да 100-годдзя з дня нараджэння акад. Я. Ф. Карскага) / В. І. Баркоўскі // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР / Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск, 1961. – Вып. VIII – С. 3–17.

6. Барысік, У. У. З лексікі вёсак Лахва і Лунін Лунінецкага раёна / У. У. Барысік // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы III навук.

чытанняў, Гродна, 16 снежня 1992 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. М. Антонава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1992. – С. 3–7.

7. Буйко, Ц. С. «Псалтыр Давіда» Міколая Рэя : знаходкі Я. Ф. Карскага ў святле сучаснікаў і наступнікаў / Ц. С. Буйко // Славянскі мир і нацыянальная рэчывая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 30–32.

8. Булахаў, М. Г. З этымалагічных назіранняў Я. Ф. Карскага / М. Г. Булахаў // Весн. БДУ. Сер. IV, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. – 1971. – № 1. – С. 70–72.

9. Булахаў, М. Г. Першы акадэмік-беларусавед / М. Г. Булахаў // Весн. БДУ. Сер. IV, Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. – 1981. – № 1. – С. 3–7.

10. Булахаў, М. Г. Я. Ф. Карскі як славіст і русист / М. Г. Булахаў // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытанняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 14–17.

11. Важнік, С. А. Вопыт супастаўляльна-тыпалагічнага апісання вербальнай групы паводле катэгорый адушаўлёнасці-неадушаўлёнасці і персанальнасці-неперсанальнасці (на матэрыяле беларускай і польскай моў) / С. А. Важнік // Антропацэнтрычны падыход у даследаванні мовы : матэрыялы VII міжнар. Карскіх чытань, Ніжін – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. і відповід. – Ніжін) [та інш.] ; М. І. Коношкевич (упоряд. і відповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжін – Гродно, 1998. – С. 119–120.

12. Важнік, С. А. Сінтаксіс Я. Ф. Карскага ў аспекце станаўлення нацыянальнай сінтаксічнай традыцыі / С. А. Важнік // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 99–107.

13. Ваюшына, Т. Л. Паняцце беларускай мовы ў працах Я. Карскага : мова ці «наречіе» / Т. Л. Ваюшына // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм : тэз. дакл. VIII міжнар. Карскіх чытанняў, Мінск – Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; Беларускі дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Антонава [і інш.] ; адказ. рэд. М. І. Коношкевич. – Гродна : ГрДУ, 2000. – С. 18–20.

14. Вольскі, В. Акадэмік Е. Ф. Карскі як гісторык беларускай літаратуры / В. Вольскі // Весці АН БССР. – 1951. – № 4. – С. 43–53.

15. Данільчык, З. П. Безасабовыя і інфінітывныя сказы ў «Беларусах» Я. Ф. Карскага і ў сучаснай беларускай мове / З. П. Данільчык // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений,

Гродно, 16–17 мая 2005 г.: в 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 199–203.

16. Данільчык, З. П. Пытанні аб звязцы ў «Беларусах» Я. Ф. Карскага і ў сучаснай лінгвістычнай літаратуры / З. П. Данільчык // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытанняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 37–41.

17. Данільчык, З. П. Пытанні семантыкі і структуры інфінітыўных сказаў у «Беларусах» Я. Карскага і ў сучаснай беларускай мове / З. П. Данільчык // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-х угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытанняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г. : у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 2. – С. 63–67.

18. Джундова, І. Я. Ф. Карскі ў кантэксце славацкай лінгвістыкі / І. Джундова // Ю. Ф. Карський і сучаснае мовознаўства : матэрыялы XI міжнар. Карських чытань, Ніжін – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжінскі держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжін – Гродна, 2008. – С. 20–22.

19. Дзендзеleyскі, І. А. Перапіска акадэміка Я. Ф. Карскага з акадэмікам В. Ягічам / І. А. Дзендзеleyскі // Беларуская лінгвістыка / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; адказ. рэд. А. І. Падлужны. – Мінск, 1990. – Вып. 37. – С. 56–63.

20. Емельяновіч, В. М. Шарашоўскія гаворкі ў даследаваннях Я. Ф. Карскага / В. М. Емельяновіч // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы III навук. чытанняў, Гродна, 16 снежня 1992 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. М. Антонава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1992. – С. 33–36.

21. Жураўскі, А. І. Ля вытокаў беларускага мовазнаўства / А. І. Жураўскі // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1981. – № 1. – С. 87–95.

22. Жыдовіч, М. А. Я. Ф. Карскі як гісторык беларускай мовы / М. А. Жыдовіч // Весці АН БССР. – 1951. – № 4. – С. 13–25.

23. Канюшкевіч, М. І. А. А. Патабня і Я. Ф. Карскі аб адным значэнні тварнага склона / М. І. Канюшкевіч // Навукава спадчына О. О. Потебні у слов'янському культурному прасторі : зб. навук. прац Інститута мовознаўства ім. О. О. Потебні Національної академії України. – Київ, 2013. – С. 147–164.

24. Канюшкевіч, М. І. Параўнальна-супастаўляльны сінтаксіс у «Беларусах» Я. Ф. Карскага // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытаняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 33–37.

25. Канюшкевіч, М. І. Пытанні менталітэту ў навуковай спадчыне Я. Карскага / М. І. Канюшкевіч, В. А. Васілевіч // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы IV навук. чытаняў, Гродна, 14–15 снежня 1993 г. :

у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: М. І. Канюшкевіч, С. Я. Кострыца. – Гродна : ГрДУ, 1993. – Ч. 1. – С. 23–30.

26. Канюшкевіч, М. І. Яўхім Карскі – бацька беларускага мовазнаўства / М. І. Канюшкевіч // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознаўства : матэрыялы XI міжнар. Карських чытань, Ніжін – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжінскі держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжін – Гродна, 2008. – С. 3–5.

27. Карнялюк, В. Г. Акадэмік Яўхім Карскі : новыя крыніцы пра жыццё і дзейнасць / В. Г. Карнялюк // Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры : зб. матэрыялаў, Мінск, 5–6 мая 2016 г. / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; гал. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск, 2016. – С. 292–295.

28. Касцюк, М. Акадэмік Я. Ф. Карскі – асноўныя вехі жыцця і дзейнасці / М. Касцюк // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі; адказ. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2016. – Вып. 31. – С. 7–10.

29. Клімаў, І. П. Даследаванне Я. Ф. Карскім спадчыны Васіля Цяпінскага / І. П. Клімаў // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм : тэз. дакл. VIII міжнар. Карскіх чытаньняў, Мінск – Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; Беларускі дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Антонова [і інш.] ; адказ. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – С. 12–15.

30. Клімчук, Ф. Да этнагенезу беларусаў і украінцаў / Ф. Клімчук // *České vědomí Bělarusi = Чэшскае усведамленне Беларусі / V. Lendělová (eds.). – Praha, 2013. – S. 193–200*⁶¹.

31. Коваль, У. І. Навуковая спадчына Я. Ф. Карскага як крыніца этналінгвістычных даследаванняў / У. І. Коваль // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытаньняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 17–21.

32. Корчыц, М. А. Аб адным тыпе аналітычных намінацый (на матэрыяле «Беларусаў» Я. Ф. Карскага) / М. А. Корчыц // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытаньняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 41–44.

33. Крывіцкі, А. А. Я. Ф. Карскі – выдатны беларускі вучоны (Да 100-годдзя з дня нараджэння) / А. А. Крывіцкі // *Вестні АН БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1961. – № 1. – С. 5–14.*

34. Курловіч, І. М. Акадэмік Я. Ф. Карскі аб прыслоўях у беларускай мове / І. М. Курловіч // *Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т*

---

⁶¹ О трудах Е. Ф. Карского – см. страницы 193, 194, 198.

имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 116–119.

35. Лецка, К. І. Я. Ф. Карскі як даследчык перакладаў Псалтыра на Беларусі ў XV–XVII стагоддзях (да пастаноўкі пытання) / К. І. Лецка // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытанняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 21–22.

36. Лукашанец, А. А. Беларускае словаўтварэнне ў працах Я. Ф. Карскага і сучасных тэндэнцыі развіцця / А. А. Лукашанец // Славянскі мир і нацыянальная речевая культура в современной коммуникации : К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 18–27.

37. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ў XXI стагоддзі: ад Я. Ф. Карскага да нашых дзён / А. А. Лукашанец // Славянскі мир і нацыянальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 26–30.

38. Лысак, К. Ф. Рэпрэзентацыя асаблівасцей этасу беларусаў у навуковай спадчыне Я. Ф. Карскага / К. Ф. Лысак // Славянскі мир і нацыянальная речевая культура в современной коммуникации : К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 139–145.

39. Ляхоўскі, У. На шляху да стварэння універсітэта ў Беларусі / У. Ляхоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 4. – С. 11–16.

40. Ляшук, В. М. Мова беларускага і славацкага праявічнага фальклору ў ракурсе падыходаў Я. Ф. Карскага / В. М. Ляшук // Ю. Ф. Карскі і сучаснае мовознаўства : матэрыялы XI міжнар. Карскіх чытань, Ніжін – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжінскі держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжін – Гродна, 2008. – С. 31–34.

41. Ляшчынская, В. А. Я. Ф. Карскі ля вытокаў навучэння беларускага словаўтварэння / В. А. Ляшчынская, А. А. Станкевіч // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы II навук. чытанняў, Гродна, 18 снежня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык, М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 13–14.

42. Мароз, В. К. Мова беларускага летапісання: з навуковай спадчыны акадэміка Яўхіма Карскага / В. К. Мароз // Беларуская лінгвістыка / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэдкал.: А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, А. А. Крывіцкі. – Мінск, 2006. – Вып. 57. – С. 32–39.

43. Марозава, С. В. «Этнографическая карта белорусского племени» Яўхіма Карскага ў кантэксце сучаснай тэорыі этнагенезу беларусаў / С. В. Марозава // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 13–18.

44. Мацкевіч, Ю. Ф. Я. Ф. Карскі як дыялектолаг / Ю. Ф. Мацкевіч // Весці АН БССР. – 1951. – № 4. – С. 26–40.

45. Мікуліч, Т. М. Пытанні этнагенезу і этнічнай гісторыі беларусаў у працах Я. Ф. Карскага / Т. М. Мікуліч // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытанняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 9–11.

46. Наркевіч, А. І. Вялікі вучоны-славіст (Да 140-х угодкаў акадэміка Я. Ф. Карскага) / А. І. Наркевіч // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм : тэз. дакл. VIII міжнар. Карскіх чытанняў, Мінск – Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; Беларускі дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Антонова [і інш.]; адказ. рэд. М. І. Каношкewіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – С. 5–8.

47. Паўлоўская, Н. Пытанні мадальнасці ў лінгвістычнай канцэпцыі Я. Карскага / Н. Паўлоўская // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм : матэрыялы V Карскіх міжнар. чытанняў, Гродна, 14–15 снежня 1994 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. Я. Кострыца (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1995. – С. 19–23.

48. Перавалава, Н. Ю. Я. Ф. Карскі як даследчык «Арыстоцелевых варот» (XVI ст.) / Н. Ю. Перавалава // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм : тэз. дакл. VIII міжнар. Карскіх чытанняў, Мінск – Гродна, 14–17 снеж. 2000 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; Беларускі дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Антонова [і інш.]; адказ. рэд. М. І. Каношкewіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – С. 8–11.

49. Пяткевіч, А. Дзейнасць Я. Карскага у кантэксце беларускай культуры канца XIX – пачатку XX ст. / А. Пяткевіч // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытанняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 6–8.

50. Рамановіч, Я. М. Бібліяграфія прац Я. Ф. Карскага / Я. М. Рамановіч, А. К. Юрэвіч // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР / Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск, 1961. – Вып. VIII. – С. 18–88.

51. Рамза, Т. Р. Гутарковае беларускае маўленне ў супастаўленні з формамі штодзённага камунікавання ў заходне- і ўсходнеславянскіх літаратурных мовах / Т. Р. Рамза // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XV Міжнар. з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жн. 2013 г.

(Даклады беларускай дэлегацыі) / НАН Беларусі ; рэдкал.: А. А. Лукашанец (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2013. – С. 147–162.

52. Савіцкая, І. І. «Белорусская речь» Я. Карскага : даклад на I Усебеларускім з’ездзе / І. І. Савіцкая // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 112–116.

53. Сільнова, Л. Д. «Бібліятэка Я. Ф. Карскага» ў фондзе Нацыянальнай Бібліятэкі Беларусі : агульная характарыстыка калекцыі на базе створаных бібліяграфічных запісаў у фармаце BELMARC / Л. Д. Сільнова // Славянскі мир і нацыянальная рэчывая культура в современной коммуникации : К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 10–18.

54. Сільнова, Л. Д. Гімназічныя падручнікі канца XIX – пачатку XX ст. у кнігазборы «Бібліятэка Я. Ф. Карскага» : з фондаў Нацыянальнай Бібліятэкі Беларусі / Л. Д. Сільнова // Славянскі мир і нацыянальная рэчывая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 9–12.

55. Судавічэне, Л. В. Віленскі перыяд дзейнасці Я. Ф. Карскага / Л. В. Судавічэне // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытаньняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 12–14.

56. Суднік, М. Р. Акадэмік Я. Ф. Карскі і беларуская філалогія : да 120-годдзя з дня нараджэння / М. Р. Суднік // Беларуская лінгвістыка / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; адказ. рэд. М. Р. Суднік. – Мінск, 1981. – Вып. 19. – С. 3–10.

57. Сцяцко, П. У. Я. Карскі як даследчык беларускага словаўтварэння / П. У. Сцяцко // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытаньняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студз. 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 27–30.

58. Тамашэвіч, З. М. Талент, прадказаны Я. Карскім / Т. І. Тамашэвіч, З. М. Тамашэвіч // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм : матэрыялы V Карскіх міжнар. чытаньняў, Гродна, 14–15 снежня 1994 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. Я. Кострыца (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1995. – С. 211–215.

59. Тамашэвіч, Т. І. Ля вытокаў беларускага мовазнаўства / Т. І. Тамашэвіч, З. М. Тамашэвіч // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук.

чытанняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 22–26.

60. Трацякова, А. У. Бібліяграфічнае адлюстраванне навуковай спадчыны Яўхіма Карскага і літаратуры аб ім (па матэрыялах бібліяграфічных паказальнікаў і БД «Беларускае мовазнаўства» ЦНБ імя Я. Коласа НАН Беларусі) / А. У. Трацякова // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 83–90.

61. Унучак, А. Акадэмік Я. Ф. Карскі – невядомыя дакументы і факты / А. Унучак // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; адказ. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск, 2016. – Вып. 31. – С. 11–17.

62. Шагун, Л. Р. «І справы добрыя і зноў жывыя» / Л. Р. Шагун // Шануючы спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы II навук. чытанняў, Гродна, 18 снежня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык, М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 29–31.

63. Швед, В. В. Лёс варшаўскай бібліятэкі Я. Ф. Карскага / В. В. Швед // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 67–73.

64. Шчэрбін, В. К. Я. Ф. Карскі і сучасная беларуская металеграфія / В. К. Шчэрбін // Я. Карскі і сучаснае мовазнаўства : да 135-ых угодкаў з дня нараджэння Я. Ф. Карскага : матэрыялы VI навук. чытанняў, Гродна, 25–26 студзеня 1996 г. : у 2 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; адк. рэд. М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1996. – Ч. 2. – С. 3–8.

65. Цыхун, А. П. Я. Ф. Карскі і яго роднае Прынямонне / А. П. Цыхун // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытанняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 3–6.

66. Якальцэвіч, М. Я. Ф. Карскі аб прыказках і сучаснае размежаванне паняццяў «прыказка» і «прымаўка» / М. Якальцэвіч // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм : матэрыялы V Карскіх міжнар. чытанняў, Гродна, 14–15 снежня 1994 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. Я. Кострыца (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1995. – С. 115–119.

67. Янковяк, М. Прафесар Яўхім Карскі – рэктар Імператарскага Варшаўскага ўніверсітэта / М. Янковяк // АРСНЕ. – 2010. – № 4. – С. 298–307.

68. Яновіч, А. І. Пазьтыка беларускага фальклору і структура тэксту народных песняў, запісаных Я. Ф. Карскім / А. І. Яновіч // Шануючы

спадчыну Я. Карскага... : матэрыялы II навук. чытаньняў, Гродна, 18 снежня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык; М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 3–6.

69. Яновіч, А. І. «Сказанне аб Сівіле – Прарочыцы» ў даследаванні Я. Ф. Карскага і пытанні структуры і стылістыкі тэксту / А. І. Яновіч // Са спадчыны акадэміка Я. Карскага : матэрыялы I навук. чытаньняў да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага, Гродна, 15 студзеня 1991 г. / Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: З. П. Данільчык [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 1991. – С. 30–33.

* * *

Х. Научные статьи на украинском языке.

1. Бережняк, В. М. Внесок Ю. Карського у розвиток української діалектології / В. М. Бережняк // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – С. 23–26.

2. Бережняк, В. М. Діалектологія та етнографічна особливість українського народу / В. М. Бережняк // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 200–205.

3. Бережняк, В. М. Питання українсько-білоруських лексичних взаємозв'язків у працях Ю. Ф. Карського та розв'язання їх сучасними діалектологами / В. М. Бережняк // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и видповид. – Ніжин) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и видповид. – Гродно) [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 1998. – С. 25–27.

4. Бережняк, В. М. Погляд Ю. Карського на проблему перехідних українсько-білоруських говірок у північно-західних районах Чернігівщини / В. М. Бережняк // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Федоровича Карского : сб. науч. тр. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 101–108.

5. Гадзінський, О. Є. Ю. Карський: критико-бібліографічні огляди в журналі «Русский Филологический Вестник» / О. Є. Гадзінський // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т

імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжін – Гродна, 2008. – С. 26–28.

6. Забарний, О. В. Юхим Карський і Тарас Шевченко / О. В. Забарний // Е. Ф. Карський и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 107–112.

7. Зеленько, А. С. Ю. Ф. Карський про україньско-білорусько-російсько-польську взаємодію / А. С. Зеленько // Література та культура Полісся / Ніжін. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжін, 1990. – Вип. I : Ніжінська вища школа. – С. 80–81.

8. Зінченко, С. В. Ю. Ф. Карський – дослідник історії ступенювання прикметників / С. В. Зінченко // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжін – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и відповід. – Ніжін) [та інш.]; М. І. Конюшкевич (упоряд. и відповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжін – Гродно, 1998. – С. 28–31.

9. Обийкіна, С. А. Дієприкметник у мовознавчій спадщині Ю. Ф. Карського / С. А. Обийкіна // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжін – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и відповід. – Ніжін) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и відповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжін – Гродно, 1998. – С. 49–51.

10. Пасік, Н. Про деякі історико-культурні антропоніми в складі українських паремій / Н. Пасік // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжін – Гродно, 13–14 мая 1998 р. / НДПІ ; редкол.: Н. М. Арват (упоряд. и відповід. – Ніжін) [та інш.] ; М. І. Конюшкевич (упоряд. и відповід. – Гродно) [та інш.]. – Ніжін – Гродно, 1998. – С. 92–96.

11. Пащенко, В. Полісся у мовознавчих інтересах Ю. Ф. Карського / В. Пащенко // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжін – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжінський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжін – Гродна, 2008. – С. 35–36.

12. Пугач, В. Українське мовне питання на початку ХХ ст. в оцінці Ю. Карського / В. Пугач // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжін – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжінський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжін – Гродна, 2008. – С. 36–37.

13. Сокольська, М. Г. Вчений із світовим ім'ям / М. Г. Сокольська // Література та культура Полісся / Ніжін. держ. ун-т ім. М. Гоголя ; редкол.: Г. В. Самойленко (відп. ред. і упоряд.) [та ін.]. – Ніжін, 1990. – Вип. I : Ніжінська вища школа. – С. 78–80.

* * *

XI. Научные статьи на других языках.

1. Barnet, V. Významné výročí běloruské filologie. (Akademik I. F. Karskij. 1861–1931) / V. Barnet // *Slavia*. – 1961. – Roč. 30, Seš. 3. – С. 502–506.

2. Bondar, L. D. Academician E. F. Karsky and his membership in academic societies (on the materials of St. Petersburg Branch of the Archives of RAS) / L. D. Bondar // *Dialogue of Cultures – 2010 : Science in Knowledge Society. Collection of scientific papers of International scientific-practical conference.* – SPb, 2010. – P. 300–305⁶².

3. Kondratiuk, M. Eufemiusz F. Karski – pierwszy badacz gwar białoruskich zachodniej części byłej guberni Grodzieckiej i kontynuacja tych badań przez polskich dialektologów w XX wieku / M. Kondratiuk // *Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы IX междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2002 г. : в 2 ч.* / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 1. – С. 15–23.

4. Kondratiuk, M. Spuścizna kulturowa Jewfimija Karskiego i Michała Federowskiego w pracach polskich językoznawców i folklorystów / M. Kondratiuk // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенський держ. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродна, 2008. – С. 16–20.

5. Obrębska-Jabłońska, A. Życie i praca naukowa E. F. Karskiego (1.I.1861–29.IV.1931). W setną rocznicę urodzin / A. Obrębska-Jabłońska // *Slavia orientalis.* – 1961. – Roczn. 10, № 2. – С. 205–211.

6. Siegeń, B. O badaniach gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. Część I. / B. Siegeń // *Polsko-Białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe = Польска-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : матэрыялы XVI Міжнар. навук. канф. «Шлях да ўзаемнасці», Беласток, 25–26 верас. 2009 г.* / пад рэд. : М. Кандраціюка, Б. Сегеня. – Białystok, 2009. – S. 171–176.

7. Žydlický, V. Objevitel Bělorusi. K 100. výročí narození J. F. Karského / V. Žydlický // *Slovanský přehled.* – 1961. – Č. 3. – S. 167–168.

* * *

XII. Публикации на русском языке в научно-популярных, литературно-публицистических и педагогических журналах.

1. Борковский, В. И. Евфимий Федорович Карский (1 янв. 1861–29 апр. 1931) / В. И. Борковский // *Русский язык в школе.* – 1951. – № 1. – С. 69–78.

---

⁶² Это же на русском языке: VIII, 33.

2. Борковский, В. И. Евфимий Федорович Карский / В. И. Борковский // Русская речь. – 1971. – № 1. – С. 39–46.
3. Булахов, М. Г. Евфимий Федорович Карский как лексиколог и лексикограф / М. Г. Булахов // Русский язык в школе. – 1971. – № 2. – С. 111–114.
4. Булахов, М. Г. Евфимий Федорович Карский. 1861–1931. К 120-летию со дня рождения / М. Г. Булахов // Русская речь. – 1980. – № 6. – С. 51–55.
5. Карский, А. А. Академик Карский / А. А. Карский // Нёман. – 2010. – № 9. – С. 116–129, № 10. – С. 148–170, 2011. – № 8. – С. 144–177, № 12. – С. 232–275, 2012. – № 3. – С. 134–163, 2013. – № 3. – С. 127–158, № 10. – С. 149–162.
6. Карский, А. А. Отец академика / А. А. Карский // Нёман. – 2009. – № 9. – С. 154–168.
7. Кершиене, Р. Б. Евфимий Федорович Карский (К 120-летию со дня рождения) / Р. Б. Кершиене, С. Е. Морозова // Русский язык в школе. – 1980. – № 6. – С. 97–99.
8. Ляцкий, Е. А. Три статьи о белорусской культуре / Е. А. Ляцкий // Нёман. – 2018. – № 12. – С. 143–147⁶³.
9. Преображенская, М. Н. Евфимий Федорович Карский. 1861–1931 / М. Н. Преображенская // Русская речь. – 1991. – № 1. – С. 81–85.
10. Судавичене, Л. Ученый, педагог, этнограф... К 130-летию со дня рождения Е. Ф. Карского / Л. Судавичене // Лад. – 1991. – № 6. – С. 27–28.
11. Чарота, И. А. Год Евфимия Карского / И. А. Чарота // Врага Небесные. – 2011. – № 11. – С. 17–19.
12. Чарота, И. А. Достояние только времен минувших? / И. А. Чарота // Врага Небесные. – 2012. – № 3. – С. 7–8.

* * *

ХІІІ. Публикации на белорусском языке в научно-популярных, литературно-публицистических и педагогических журналах.

1. Баркоўская (Карская), Н. Я. Мой бацька / Н. Я. Баркоўская (Карская) // Польша. – 1961. – № 1. – С. 156–157.
2. Баркоўскі, В. І. Сардэчнае дзякуй майму настаўніку / В. І. Баркоўскі // Польша. – 1961. – № 1. – С. 155.
3. Барташэвіч, Г. Выдатны беларускі вучоны. Да 100-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага / Г. Барташэвіч // Маладосць. – 1961. – № 1. – С. 110–111.
4. Булахаў, М. Вялікі сын зямлі беларускай / М. Булахаў // Роднае слова. – 2001. – № 1. – С. 41.

---

⁶³ Рец. на кн.: Карский, Е. Ф. Белорусы. Очерк словесности белорусского племени. – Старая русская письменность. – Художественная литература на народном языке (Т. III, вып. 2 и 3). – Петроград, 1921, 1922.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

5. Дзятко, Д. В. Жыццёвыя шляхі акадэміка Яўхіма Карскага / Д. В. Дзятко // Роднае слова. – 2011. – № 1. – С. 34–40.
6. Вольскі, В. Заснавальнік беларускай філалогіі (Акадэмік Е. Ф. Карскі) / В. Вольскі // Польша. – 1951. – № 12. – С. 123–131.
7. Жураўскі, А. І. Заснавальнік беларускай філалогіі (да 120-годдзя з дня нараджэння Яўхіма Карскага) / А. І. Жураўскі // Голас Радзімы. – 1981. – 8 студз.
8. Запрудскі, С. Карскі без рэдактара / С. Запрудскі // ARCHE. – 2006. – № 10. – С. 229–234.
9. Камароўскі, Я. Я. Ф. Карскі. (Да 95-годдзя з дня нараджэння) / Я. Камароўскі, І. Цішчанка // Беларусь. – 1956. – № 1. – С. 31.
10. Кірылаў, І. Выдатны беларускі вучоны / І. Кірылаў // Беларусь. – 1961. – № 1. – С. 19.
11. Лобан, М. Вялікі беларускі вучоны / М. Лобан // Беларусь. – 1945. – № 10. – С. 48–50.
12. Лобан, М. Заснавальнік беларускай філалогіі / М. Лобан // Польша. – 1961. – № 1. – С. 151–154.
13. Плычаўка, Л. Вялікі вучоны-патрыёт зямлі беларускай. (Пазакласныя заняткі ў IX–XI класах) / Л. Плычаўка // Беларуская мова і літаратура ў школе. – 1991. – № 1. – С. 12–20.
14. Скалабан, В. В. А знак націску паставіць забыліся... Заўвагі археографі на палях «навукова-папулярнага выдання» / В. В. Скалабан // ARCHE. – 2006. – № 10. – С. 223–228.
15. Цыхун, А. Акадэмік Яўфімій Фёдаравіч Карскі / А. Цыхун // Нёман. – 1958. – № 2. – С. 183–188.
16. Янкоўскі, Ф. Акадэмік з вёскі Лаша (Я. Ф. Карскі) / Ф. Янкоўскі // Маладосць. – 1966. – № 10. – С. 136–143.
17. Янушкевіч, Я. Калумб Беларусі / Я. Янушкевіч // Польша. – 2001. – № 1. – С. 142–178.

* * *

XIV. Публикации на украинском языке в педагогическом журнале.

1. Борковський, В. І. «Русский Филологический Вестник» (До 75-річчя з дня виходу першого номера журналу) / В. І. Борковський // Українська мова в школі. – 1954. – № 6.
2. Тимошенко, П. Д. Ю. Карський і українська мова / П. Д. Тимошенко // Українська мова в школі. – 1961. – № 3. – С. 20–25.

* * *

XV. Газетные публикации на русском языке.

1. Антонова, С. Большое видится на расстоянии / С. Антонова // Грозненская правда. – 1996. – 19 сак.

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

2. Белая, А. Ученый с мировым именем / А. Белая // Ніжинський вісник. – 1998. – 27 травня.
3. Белая, А. Евфимий Фёдорович Карский (1861–1931) / А. Белая // Alma mater (Газета Нежинского гос. пед. ун-та им. Н. В. Гоголя). – 1998. – Травень – червень.
4. Бондарчик, В. Основатель белорусской филологии. К 100-летию со дня рождения Е. Ф. Карского / В. Бондарчик // Советская Белоруссия. – 1961. – 1 янв.
5. Вашкелевич, Н. Карского чтят на родине, а знают даже в Японии : [Интервью с профессором М. И. Конюшкевич] / Н. Вашкелевич // Гродзенская праўда. – 2005. – 16 чэрв.
6. Гаврилина, С. Петербург, Карский, Белая Русь / С. Гаврилина // Вечерний Петербург. – 1993. – 5 июня.
7. Зубрицкая, М. Читая Карского : [Интервью с профессором М. И. Конюшкевич, сопредседателем оргкомитета XI Международных Карских чтений] / М. Зубрицкая // Перспектива. – 2007. – 9 нояб.
8. Малиновский, П. Гордимся своим земляком / П. Малиновский // За Советскую Родину. – 1957. – 24 марта.
9. Михальчик, С. Юбилей академика / С. Михальчик // Гродненская правда. – 1991. – 6 февр.
10. Памяти Е. Ф. Карского // Советская Белоруссия. – 1958. – 5 янв.
11. Рублевская, Л. Околонаучный спор. Злополучная командировка профессора Карского / Л. Рублевская, В. Скалабан // Советская Белоруссия. – 2006. – 20 янв. – С. 6–7.
12. Тищенко, П. Выдающийся белорусский ученый / П. Тищенко // Колхозная правда. – 1961. – 1 янв.
13. Трофимов, С. Памяти великого земляка / С. Трофимов // Сельская новь. – 1981. – 27 янв.
14. Увековечение памяти Е. Ф. Карского (Гродненской областной библиотеке и Лашанской семилетней школе присвоить звание им. Карского) // Гродненская правда. – 1957. – 15 февр.
15. Цыхун, А. Памяти великого ученого / А. Цыхун // За Советскую Родину. – 1957. – 1 сент.
16. Янчевская, Ж. «Это был человек огромной собранности, трудоспособности и феноменальной памяти» / Ж. Янчевская // Гродзенская праўда. – 2010. – 17 ліп. – С. 4 ; 24 ліп. – С. 3.

* * *

XVI. Газетные публикации на белорусском языке.

1. Акадэмік з вёскі Лаша // Голас Радзімы. – 1970. – май.
2. Баханькоў, А. Выдатны вучоны / А. Баханькоў // Літаратура і мастацтва. – 1961. – 3 студз.

3. Бендэ, Л. Перапіска Купалы з акадэмікам Карскім. (Паводле архіўных матэрыялаў) / Л. Бендэ // Літаратура і мастацтва. – 1946. – 17 жн.
4. Блінец, А. Брат акадэміка Карскага / А. Блінец // Краязнаўчая газета. – 2009. – 5 сак. – С. 3, 5.
5. Блінец, А. Будчанскі след акадэміка Карскага / А. Блінец // Савецкае Палессе. – 2009. – 9 снеж. – С. 3.
6. Блінец, А. Два прозвішчы з «Беларусаў» / А. Блінец // Да новых перамог. – 2010. – 4 верас.
7. Блінец, А. Імя аднаго з «Беларусаў» / А. Блінец // Культура. – 2011. – 21 студз. – С. 14.
8. Блінец, А. Лічбы «Беларусаў» / А. Блінец // Культура. – 2011. – 12–18 лют. – С. 14.
9. Блінец, А. Сям’я Навіцкіх / А. Блінец // Краязнаўчая газета. – 2010. – 4 снеж. – С. 5; 11 снеж. – С. 5.
10. Блінец, А. Яўхім Карскі на Клеччыне / А. Блінец // Да новых перамог. – 2008. – 6 верас.⁶⁴
11. Буднік, І. Шляхамі Карскага (Да 150-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага) / І. Буднік // Перспектыва. – 2010. – 24 дек.
12. Булахаў, М. Ля вытокаў беларускай філалогіі. Да 130-годдзя Я. Ф. Карскага / М. Булахаў // Звязда. – 1991. – 4 студз.
13. Гасціловіч, Т. Урачыстасць у Лашы / Т. Гасціловіч // Сельская новь. – 1991. – 9 мая.
14. Голуб, Ю. Беларусы – гэта назаўжды. Да 140-годдзя акадэміка Я. Ф. Карскага / Ю. Голуб // Гродзенская праўда. – 2000. – 23 снеж.
15. Грынчык, Н. Выдатны вучоны (Да 20-годдзя з дня смерці Я. Ф. Карскага) / Н. Грынчык // Гродзенская праўда. – 1951. – 29 крас.
16. Жураўскі, А. Заснавальнік беларускай філалогіі (Да 120-годдзя з дня нараджэння Яўхіма Карскага) / А. Жураўскі // Голас Радзімы. – 1981. – 8 студз.
17. Казачок, Е. 3 гісторыі беларускай філалогіі / Е. Казачок, Л. Рубцова // Звязда. – 1958. – 24 ліп.
18. Камінскі, Н. Лісты акадэміка Е. Ф. Карскага / Н. Камінскі // Літаратура і мастацтва. – 1958. – 25 студз.
19. Козыраў, У. Славыты зямляк (Да 150-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага) / У. Козыраў // Перспектыва. – 2010. – 24 дек.
20. Корзун, А. Заснавальнік беларускага мовазнаўства / А. Корзун // Гродзенская праўда. – 1961. – 1 студз.
21. Купрыянчык, Т. Акадэмік з вёскі Лаша / Т. Купрыянчык // Настаўніцкая газета. – 2007. – 23 чэрв.

---

⁶⁴ То же см. Блінец, А. Яўхім Карскі на Клеччыне / А. Блінец // Краязнаўчая газета. – 2009. – 6 кастр. – С. 5.

АКАДЕМИК Я. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

22. Лапаў, Б. Працы, якія не старэюць / Б. Лапаў // Літаратура і мастацтва. – 1962. – 27 ліп.
23. Майсяенак, А. Памяці акадэміка-беларусазнаўцы / А. Майсяенак // Гродзенская праўда. – 1991. – 30 крас.
24. Мінкевіч, Л. Патрыёт з вялікай літары / Л. Мінкевіч // Народная газета. – 2011. – 14 крас. – С. 12.
25. Наркевіч, А. Выдатны вучоны-патрыёт / А. Наркевіч // Літаратура і мастацтва. – 1983. – 21 студз.
26. Новік-Пяюн, С. Памятная сустрэча / С. Новік-Пяюн // Голас Радзімы. – 1961. – 20 студз.
27. Папкоў, П. Аб Карскім (Да гісторыі беларускага мовазнаўства) / П. Папкоў // Літаратура і мастацтва. – 1940. – № 30.
28. Пшыркоў, Ю. Подзвіг навуковы і грамадзянскі / Ю. Пшыркоў // Літаратура і мастацтва. – 1961. – 17 студз.
29. Пяткевіч, А. Заснавальнік навуковага беларусазнаўства / А. Пяткевіч // Краязнаўчая газета. – 2001. – 19 студз.
30. Сергіеўская, В. Вёска шануе земляка / В. Сергіеўская // Голас Радзімы. – 1981. – 8 студз.
31. Стапанчык, С. (С. Новік-Пяюн). Акадэмік Я. Ф. Карскі / С. Стапанчык (С. Новік-Пяюн) // Голас Радзімы. – 1961. – 5 студз.
32. Суднік, М. Р. Я. Ф. Карскі – выдатны беларускі вучоны / М. Р. Суднік // Звезда. – 1961. – 1 студз.
33. Турмасав, Л. Я. Ф. Карскі – першы беларускі акадэмік (Хроніка жыцця і дзейнасці) / Л. Турмасав // Краязнаўчая газета. – 2001. – 3 студз.
34. Цыхун, А. Акадэмік Я. Ф. Карскі / А. Цыхун // Гродзенская праўда. – 1957. – 29 чэрв.
35. Цыхун, А. Выдатны сын Прынямоння / А. Цыхун, С. Трафімаў, Н. Якімовіч // Настаўніцкая газета. – 1981. – 3 студз.
36. Цыхун, А. Карскі – дзядзька Карскага / А. Цыхун // Гродзенская праўда. – 1993. – 1 крас.
37. Цыхун, А. Карскі – дзядзька Карскага⁶⁵ / А. Цыхун // Сельская новь. – 1993. – 16 июня, 23 июня, 3 июля.
38. Цыхун, А. Навукі промень. Да 130-годдзя з дня нараджэння Я. Ф. Карскага / А. Цыхун // Сельская жизнь – 1991. – 29 янв.
39. Цыхун, А. Слауты сын Прынямоння. Да 130-годдзя з дня нараджэння Яўхіма Фёдаравіча Карскага / А. Цыхун // Гродзенская праўда. – 1990. – 26 снеж.
40. Цыхун, А. Слауты сын Прынямоння. Да 130-годдзя з дня нараджэння Яўхіма Карскага⁶⁶ / А. Цыхун // Ніва. – 1991. – 7 крас.

---

⁶⁵ Аналагічна № 36, с фотографиями.

⁶⁶ Сокращенный вариант № 39.

41. Цыхун, А. Славянські академік / А. Цыхун // Сельская новь. – 1991. – 15 янв., 17 янв.

42. Цыхун, А. Цудоўны край наш / А. Цыхун // Гродзенская праўда. – 2000. – 26 верас.

* * *

XVII. Газетные публикации на украинском языке.

1. Ландар, Н. Вшановуємо видатного випускника / Н. Ландар // Alma mater (НДУ ім. Миколи Гоголя). – 2011. – жовтень.

2. На стінах Гоголівського корпусу – нова меморіальна дошка // Alma mater. – 2007. – вересень.

3. Онищенко, Н. Аудиторія Юхима Карського / Н. Онищенко // Ніжинський вісник. – 2011. – 10 листопа⁶⁷.

4. Савченко, Г. Знайомтесь: аудиторія імені Ю. Ф. Карського [Електронний ресурс] / Г. Савченко // Alma mater. – 2012. – Січень. – Режим доступа: http://old.meduniv.lviv.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=477&Itemid=228&lang=uk. – Дата доступа: 5.03.2020.

* * *

XVIII. Статті, заметки, інформація о Карських читаннях на русском, белорусском и украинском языках (в хронологическом порядке).

1. Нікіцевіч, А. Шануем спадчыну : з III навуковых чытанняў у гонар Я. Карскага / А. Нікіцевіч // Гродзенскі ўніверсітэт. – 1992. – 23 снеж.

2. Навуковыя чытанні ў гонар акадэміка Карскага. Ужо чацвёртыя... / М. І. Канюшкевіч [і інш.] // Гродзенскі ўніверсітэт. – 1994. – 26 студз.

3. Конюшкевич, М. И. VI Международные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Белоруссия, Гродно, 25–26 янв. 1996 г.) / М. И. Конюшкевич // Вестник МАПРЯЛ. – 1996. – Вып. 16. – С. 17–18.

4. Белая, А. С. Седьмые Карские чтения «Антропоцентрический подход в исследовании языка» / А. С. Белая // Русская филология. Украинский вестник. – 1998. – № 3–4. – С. 62–64.

5. Зільберман, Е. Карські читання в Ніжині / Е. Зільберман // Ніжинський вісник. – 1998. – 27 травня.

6. Зільберман, Е. Міжнародні Карські читання в Ніжині / Е. Зільберман // Вісті. – 1998. – 5 червня.

7. Белая, А. С. Карские чтения / А. С. Белая // Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 157–158.

---

⁶⁷ Это же: Онищенко, Н. Аудиторія Юхима Карського / Н. Онищенко // Деснянка вільна. – 2011. – 10 листопа.

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

8. Конюшкевич, М. И. IX Международные Карские чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» / М. И. Конюшкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2003. – № 1. – С. 152–156.

9. Конюшкевич, М. И. Информация о Девятых Карских чтениях / М. И. Конюшкевич // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 146–150.

10. Конюшкевич, М. И. X Международные Карские чтения (К 145-летию академика Е. Ф. Карского) / М. И. Конюшкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2005. – № 4 (35). – С. 179–182.

11. Конюшкевич, М. И. Хроникальные заметки: 16–17 мая 2005 г. в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы состоялись X Международные Карские чтения, посвященные 145-летию академика Е. Ф. Карского / М. И. Конюшкевич // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 153–157.

12. Белая, А. С. VII Международные Карские чтения / А. С. Белая // Информационный бюллетень / Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы). – Нежин, 2005. – Вып. 12. – С. 48–51.

13. Конюшкевич, М. И. Странички из прошлого и настоящего кафедры русского языка / М. И. Конюшкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2006. – № 1(36). – С. 128–130.

14. Біла, А. Карські чітанні в Ніжніні / А. Біла // Alma mater – 2007. – жовтень.

15. Біла, А. Карські чітанні в Ніжніні / А. Біла // Вісті. – 2007. – 23 листопад.

16. Конюшкевич, М. И. На встречу с Карским / М. И. Конюшкевич // Гродзенскі універсітэт. – 2007. – 27 нояб.

17. Онищенко, Н. Карські чітанні. Славетні імена / Н. Онищенко // Ніжинський вісник. – 2007. – 4 жовтня.

18. Канюшкевіч, М. І. Вітальнае слова // Ю. Ф. Карський і сучаснае мовознаўства. Матэрыялы XI Міжнародных Карскіх чітань 18–19 вересня 2007 р. – Ніжін, 2008. – С. 2.

19. Конюшкевич, М. Й. Вітальне слово / М. Й. Конюшкевич // Ю. Ф. Карський і сучаснае мовознаўства : матэрыялы XI міжнар. Карскіх чітань, Ніжін – Гродна, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжінскі держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжін – Гродна, 2008. – С. 3.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

20. Коношкевич, М. И. XII Международные научные чтения (Карские чтения) Навстречу 150-летию Е. Ф. Карского / М. И. Коношкевич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – № 2. – С. 171–174.

21. Коношкевич, М. И. XII Международные научные чтения «Е. Ф. Карский и современное языкознание» (Навстречу 150-летию Евфимия Федоровича Карского) / М. И. Коношкевич // Вопросы языкознания. – 2011. – № 2. – С. 156–159.

22. Коношкевич, М. И. Научное сообщество и современное языкознание в зеркале Карских чтений / М. И. Коношкевич // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы XII Междунар. науч. чт., Гродно, 20–21 мая 2010 г. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы ; редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 73–82.

23. Канюшкевіч, М. І. Міжнародныя навуковыя чытанні «Я. Ф. Карскі і сучаснае мовазнаўства» : гісторыя, роля, водгулле / М. І. Канюшкевіч // Гарадзенскія чытанні : зб. матэрыялаў / ДУК «Гродзенская абласная навуковая бібліятэка імя Я. Ф. Карскага»; рэдкал.: А. Ч. Лойка [і др.]; склад. Л. Турмава. – Гродна, 2013. – Вып. 2. – С. 124–131.

24. Коношкевич, М. И. XIII Международные научные чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» (К 155-летию Евфимия Федоровича Карского) / М. И. Коношкевич // Јужно-словенски филолог. – 2016. – LXXII, св. 3–4. – С. 293–307.

25. Канюшкевіч, М. І. XIV Міжнародныя навуковыя чытанні «Славянскі свет і нацыянальная маўленчая культура ў сучаснай камунікацыі» / М. І. Канюшкевіч // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 144–151.

* * *

XIX. Статьи и заметки о музее Е. Ф. Карского.

1. Малиновский, П. Уголок-музей Е. Ф. Карского / П. Малиновский // За Советскую Родину. – 1957. – 6 окт.

2. Киркевич, А. В музее Е. Ф. Карского (д. Лаша Гродненского района) / А. Киркевич // Гродзенская правда. – 1965. – 24 июля.

3. Галагуцкий, М. Музей Е. Ф. Карского в Лаше / М. Галагуцкий // Сельская новь. – 1964. – 26 дек.

4. Карская, Т. Музей в запустении / Т. Карская // Гродзенская правда. – 1992. – 26 марта.

5. Еўтух, Т. І. Колькі слоў пра музей Я. Карскага у Гродзенскай школе-гімназіі № 30 / Т. І. Еўтух // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1.

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Спецыяльны выпуск. Да 140-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Ф. Карскага. – 2000. – №. 3(5). – С. 38–40.

6. Корнелюк, В. Г. Музей как осознанная необходимость / В. Г. Корнелюк // Воспитание в школе. – 2009. – № 4. – С. 73–79.

7. Да гісторыі музея Я. Ф. Карскага ў гімназіі № 1 імя акадэміка Я. Ф. Карскага г. Гродна : лашанскі перыяд (1956–1991 гг.) / В. Карнялюк [и др.] // Гарадзенскія чытанні : зб. матэрыялаў / ДУК «Гродзенская абласная навуковая бібліятэка імя Я. Ф. Карскага» ; рэдкал.: А. Ч. Лойка [и др.] ; склад. Л. Турмасавы. – Гродна, 2013. – Вып. 2. – С. 139–149.

Karsky Alexandr
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: kars.kiy@mail.ru

BIBLIOGRAPHY OF WORKS ABOUT ACADEMICIAN E. F. KARSKY

The most complete bibliography of works about academician Evfimij Fedorovich Karsky is given. Publications are structured in 19 sections based on the edition (books and brochures, prefaces and epilogs to editions, sections and chapters in books, articles in dictionaries, encyclopedias, reviews, comments, obituaries, scientific and popular scientific articles in magazines and collections of articles, publications in press) and based on language of publication (Russian, Belarusian, Ukrainian, other languages).

РАЗДЕЛ 2

РОЛЬ И МЕСТО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.161.1'1(092)

А. С. Белая, В. Н. Бережняк

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Рассматриваются некоторые особенности сравнительно-исторического подхода к изучению славянских языков, как это представлено в лингвистических трудах академика Е. Ф. Карского. К тому времени лингвистика уже накопила большой опыт в изучении многих славянских языков. Обращение Е. Ф. Карского к многочисленным письменным памятникам и его исследования по современным славянским языкам (особенно по родному белорусскому и близкородственным украинскому и русскому) позволили ему объективно и всесторонне представить восточнославянские языки на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом, привлекая при этом интересные и богатые данные трёх славянских языков.

Ключевые слова: сравнительно-исторические исследования, диалекты, славянские языки, восточнославянские языки.

Каждый язык является богатым источником разнообразных сведений о жизни конкретных народов. По словам академика Е. Ф. Карского, «язык развивается вместе с народом, подвергаясь разным изменениям в связи с переменами в жизни самого народа» [1, с. 37]. В другом месте своего фундаментального труда «Белорусы» автор отмечает: «Далее языка не простирается ни один источник» [1, с. 124]. Лингвистические данные, как наиболее ценные, в соединении с данными археологии, этнографии, палеографии, культурологии «дают основания для довольно точных заключений» [1, с. 125]. При таком подходе к изучению языка не случайно то, что все лингвистические исследования Е. Ф. Карского построены на богатом фактическом материале, извлеченном им из разнообразных письменных памятников (этот материал был необходим для сравнительно-исторических описаний), источником также послужили языковые факты трёх контактирующих современных восточнославянских языков (русского, украинского, белорусского), которые были записаны им во время поездок по селениям граничащих друг с другом Беларуси, Украины, России. Учёный занимался исследованием древних и современных славянских языков. «Труды Е. Ф. Карского следует рас-

смаатривать не только в аспекте собственно белоруссистики, но и вообще славяноведения» [2, с. 52], – так отмечает М. Г. Булахов, один из известных исследователей творчества академика.

Для исследования славянских языков в сравнительно-историческом плане большое значение имеют труды учёных разных лет, начиная с М. В. Ломоносова (XVII в.) до учёных XIX–XXI вв. (Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Ф. Ф. Фортунатов, Е. Ф. Карский и другие). Сравнительно-историческое языкознание, зародившееся в начале XIX в., в настоящее время имеет название «компаративистика». Её основной целью является проникновение в глубь истории языков и реконструкция праязыков, что позволяет восстановить языковую картину мира, отметить соответствия между родственными языками, а это помогает восстановить более древнее их состояние. Чтобы достичь этого, необходимо обратиться к сведениям из области фонетики, грамматики, лексикологии и истории языков соседних народов. Е. Ф. Карский считал, что рассматривать любой язык сам по себе, в его замкнутых рамках, будет неверно. Поэтому родной белорусский он изучал в тесном взаимоотношении с русским и украинским, а также с польским.

Для современных исследователей большую ценность составляют палеографические труды Е. Ф. Карского: «Очерк славянской кирилловской палеографии» (1928), «Особенности языка и письма Мстиславова евангелия» (1895), «Листки Ундольского» (1904), «Летопись Авраамки» (1899), «Русская правда по древнейшему списку» (1930) и другие. С большим интересом академик относился к работам известных палеографов – А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, И. В. Ягича. Его привлекали в трудах этих учёных тщательные палеографические наблюдения над письменными памятниками и описание их лингвистических особенностей.

Оригиналы древних письменных памятников изучены Е. Ф. Карским с особым интересом, им проведена подробная добросовестная фиксация конкретных лексических фактов, имеющих большую ценность для лингвистов, историков, археологов, этнографов. Словарный состав таких памятников отражает культурный и исторический опыт народа. Семантико-тематический и этимологический анализ словника любого письменного памятника даёт богатый материал для сравнительно-исторических изысканий и выводов. Привлечение материалов таких разных исторических письменных источников позволило Е. Ф. Карскому раскрыть вопросы развития и взаимодействия восточнославянских языков в сравнительно-историческом плане. Превосходное знание многих славянских языков, обращение к интересным языковым данным, извлечённым из многочисленных грамот, летописей, книг, переводов, юри-

дических документов, житий святых, рукописей, хроник, тщательно собранным и обработанным, а также привлечение данных живых славянских языков, интерес к исследованиям других авторов, к мнению которых учёный прислушивался, высказывал своё мнение, приводил много доказательных фактов – всё это свидетельствует о том, что Е. Ф. Карский в своих работах представил новейшие данные о славянских народах, их письменности и повседневной жизни. Эти данные могут быть использованы современными учёными, так как «в трудах Е. Ф. Карского лингвист найдёт образцовое описание древнеславянского, древнерусского и современных славянских языков» [3, с. 7].

Для исследования родного белорусского языка учёный привлекал многочисленные факты из родственных славянских, свидетельствующие об их взаимосвязях, что, безусловно, указывает на общность их происхождения. Говоря об этом, он приводил многочисленные факты влияния «речи разных соседей» на становление норм произношения в белорусском языке. При этом академик внимательно изучал различные лингвистические источники по славянским языкам, в своих работах уделял много внимания трудам других лингвистов в области украинского языка. Об этом свидетельствует большое количество его рецензий на публикации украинских и других славянских учёных. Он стремился, как отмечает М. Г. Булахов, «сформулировать выводы на строго проверенных фактах, уточнить и дополнить положения, высказанные прежними исследователями языка... априорные суждения, не опиравшиеся на конкретные результаты исторического и сравнительного изучения явлений языка, учёный никогда не высказывал...» [5, с. 7–8].

Ценные наблюдения Е. Ф. Карского над историческими фактами славянских языков, богатая и неопровержимая научная аргументация не утратили своего значения и до наших дней. Общность восточнославянских языков объясняется автором на фоне исторического взаимодействия трёх славянских народов – великороссов, белорусов и украинцев. Эти связи развивались и укреплялись с XIII–XIV веков ... и эти сведения в работах Е. Ф. Карского остаются бесспорным доказательством исторически сложившегося родства славянских языков. По его мнению, в каждом славянском языке есть черты, свойственные всем славянским языкам. Лексический запас славян (по словам Е. Ф. Карского, «их умственный багаж») сохранился в языках до наших дней.

Интересны наблюдения учёного в области лексикологических взаимосвязей белорусского и украинского языков. В IV главе I тома книги «Белорусы» он раскрывает и объясняет, как в них сложились общие черты. Глубокое и тщательное изучение богатого материала с привлечени-

ем многих исторических фактов позволило ему назвать белорусский язык «особым оригинальным организмом». Наблюдения над переходными говорами от белорусских к малорусским на пограничье Беларуси и Украины представили ценный материал для рассмотрения вопросов лексики, фонетики, морфологии этих славянских языков и позволили говорить о самостоятельности украинского языка [4, с. 20].

С большим вниманием относился учёный к исследованию народного языка в его диалектных разновидностях. Именно такой языковой материал благодатен для сравнительно-исторического описания. О взаимоотношении славянских языков, об их главных диалектных отличиях академик говорит во многих своих работах. Он использовал материал, который собрал во время поездок по пограничным поселениям между Беларусью, Украиной и Россией. Результатом этих поездок стала изданная им «Этнографическая карта белорусского племени» (1903). Задуманное им издание атласа живых русского, белорусского и украинского языков не удалось осуществить, но для его подготовки было сделано очень много, благодаря чему эти идеи нашли воплощение в работах современных диалектологов: Ф. Т. Жилко, С. П. Бевзенко, В. Ганцов, К. Михальчук, В. Бережняк, В. Пашенко, В. Куриленко и другие. Они пришли к выводу, что этнографические диалектизмы северных поселений Черниговщины составляют многоплановую систему, в которой прослеживаются базовые и производные группы диалектизмов. О лексических связях украинского языка с белорусским много говорится в работах В. Бережняк [6, с. 25]. Об этом писал и Е. Ф. Карский. Он отмечал, что элементы малороссийской речи зафиксированы в некоторых поселениях южной части Гомельского региона, но белорусские особенности очень заметны и в северных уездах Черниговской губернии; иногда там встречается и чистая белорусская речь [7, с. 12]. По мнению учёного, учитывая, что в Черниговской губернии почти весь Городнянский, Новозыбковский, Суражский, Мглинский, Стародубский и часть Новгород-Сиверского уездов заселены белорусами, на этой территории чистых белорусов было 700000 человек [8, с. 189]. Поэтому Е. Ф. Карский отмечает: «Разграничение белорусов и малороссов на первый взгляд кажется затруднительным... малорусская речь представляет много сходства с белорусскою в звуках, формах, словаре...» [7, с. 10].

Современные украинские диалектологи, исследуя репкинско-городнянско-гомельское пограничье, также определяют особенности фонетической и грамматической системы диалектов. Наиболее заметными являются фонетические черты: употребление дифтонгов, аканье, диспалатализация согласных. Например, особенности рефлексии древней фонемы /a/ с /e/ носовой. На её месте в безударной позиции употребляется

новая фонема /a/. Этот переход произошёл в корнях слов: *покривало, шалупайкі, кваша*; в конечных слогах имён существительных среднего рода: *курчя, лошя, порося*. Фонема /o/ в безударной позиции в восточнополесских говорах переходит в /a/ и имеет спорадический характер, лишь в нескольких словах аканье полное: *акрасць, халодне, малозиво, валачіть* [9, с. 394]. Хотя Е. Ф. Карский считал, что акают только белорусы, в украинских исследованиях отмечается, что это явление распространено на правом берегу Десны [7, с. 8]. Вблизи белорусской границы аканье имеет выразительный белорусский тип: *сястра, каса*. А дальше от границы употребляются параллели: *панесу – понесу, сястра – сестра*.

В работах современных украинских диалектологов много внимания уделено также исследованию лексической системы восточнославянских языков. Изучая отношения между элементами парадигм в лексико-семантических и тематических группах, можно произвести моделирование семантической структуры каждой лексемы. Для части лексем не выявляются параллели в смежных говорах. Поэтому их распространение возможно лишь во внутреннеречевом континууме. Ряд лексем имеет тесные связи с белорусскими говорами: *атмасціць, атмакатусіць* (хорошо побить), *заматиличіць* (замельтешить), *курдикацца* (переворачиваться), *набусичіцца* (надуться, нахмуриться), *перешандьориць* (испортить), *расилехоницца* (растрепаться).

Таким образом, современные исследователи часто ссылаются на работы академика Е. Ф. Карского в вопросах становления фонетической и лексической системы восточнославянских языков. Его интерпретация любого языкового факта всегда интересна, точна и доказательна. Глубокая научная аргументация отличала все работы Е. Ф. Карского, что может служить примером для всех исследователей славянских языков на разных исторических этапах.

Список литературы

1. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі ; уклад. і камент. С. Гараніна і Л. Ляўшун ; навук. рэд. А. Мальдзіс ; прадмова: Я. Янушкевіч, К. Цвірка. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 637 с.
2. Булахов, М. Г. Евфимий Федорович Карский / М. Г. Булахов // Русская речь. – 1980. – № 6. – С. 51–55.
3. Булахов, М. Г. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность / М. Г. Булахов. – Минск, 1981. – 270 с.
4. Белая, А. С. Вопросы сравнительно-исторического языкознания в трудах Е. Ф. Карского / А. С. Белая // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии : сб. науч. ст. – Брянск, 2011. – С. 18–22.
5. Булахов, М. Г. Значение научной деятельности академика Е. Ф. Карского в истории мировой славистики / М. Г. Булахов // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1.

РОЛЬ И МЕСТО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

Специальный выпуск. Да 140-го дня з дня народження академіка Я. Ф. Карскага. – 2000. – № 3(5). – С. 3–9.

6. Бережний, В. Внесок Ю. Карського у розвиток української діалектології / В. Бережний // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матеріали XI міжнар. Карських читань, Ніжин – Гродно, 18–19 вересня 2007 р. / Ніжинський держ. ун-т імені Миколи Гоголя ; Гродзенський держ. ун-т імя Я. Купалы ; редкол.: Н. М. Арват [та інш.]. – Ніжин – Гродно, 2008. – С. 23–26.

7. Жилко, Ф. Т. Перехідні говірки від українських до білоруських у північно-західних районах Чернігівщини / Ф. Т. Жилко // Діалектологічний бюлетень. Вип. 4. – Київ, 1953. – С. 7–12.

8. Карській, Е. Ф. Белоруссы / Е. Ф. Карській. – Варшава : Типография Варшавского Учебного Округа, 1903. – 466 с.

9. Пащенко, В. М. Из спостережень над фонологічно релевантними особливостями вокалізму східнополіської системи діалектних мікросистем / В. М. Пащенко // Збірник наукових праць науково-дослідного інституту українознавства. – Київ, 2007. – Т. 17. – С. 389–396.

Belaja Alla

Nikolay Gogol State University of Nezin
e-mail: all.bell@mail.ru; allabell@gmail.com

Bereznyak Valentina

Lizeum of Nezin
e-mail: bereznyak1962@gmail.com

**SIGNIFICANCE OF WORKS BY ACADEMICIAN E. F. KARSKY FOR
COMPARATIVE HISTORICAL STUDY OF MODERN SLAVIC LANGUAGES**

While travelling in the villages of Ukraine, Belarus and Russia academician Karsky collected rich linguistic material, which became the basis for a comparative historical description of the East Slavic languages. Irrefutable scientific argumentation characterized all studies of the scientist. It should set an example for all researches of the Slavic languages at different historical periods.

Keywords: comparative historical description, Slavic languages, East Slavic dialects.

УДК 930.253;009

Л. Д. Бондарь

**Е. Ф. КАРСКИЙ И ЧЕШСКИЕ СЛАВИСТЫ:
ПО ДОКУМЕНТАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА
АРХИВА РАН И АРХИВОВ ПРАГИ**

Научные связи академика Е. Ф. Карского с чешскими славистами хорошо прослеживаются в его эпистолярном наследии, сохранившемся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в архивах Праги. Эпистолярные документы раскрывают многолетнюю

дружбу Е. Ф. Карского с чешским академиком Й. Поливкой, которая, как показывает переписка этих ученых, приобрела характер дружбы семьями. В круг рассматриваемых ученых входят также представители русской эмиграции в Чехословакию, как Н. Н. Дурново, в переписке с которым находим свидетельства об участии академика в профессиональной судьбе адресата. Эти научные взаимоотношения завершились избранием Е. Ф. Карского в члены Чешской академии наук.

Ключевые слова: Е. Ф. Карский, чешские слависты, Й. Поливка, Н. Н. Дурново.

С чешской славистикой академик Е. Ф. Карский был связан благодаря двум каналам: научные отношения с представителями пражской науки были установлены Е. Ф. Карским очень рано, еще во времена его работы в Императорском Варшавском университете (ИВУ), вместе с тем после 1917 г. круг его пражских коллег еще более расширился за счет включения в него ученых – представителей русской эмиграции, с которыми академик поддерживал научные контакты.

Самые ранние взаимоотношения завязались у Е. Ф. Карского, тогда профессора ИВУ, с пражским славистом Йиржи Поливкой (*Jiří Polívka; 1858–1933*). Об этом свидетельствует хорошо сохранившаяся переписка между этими двумя учеными, имеющаяся в двух архивных фондах: в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) и в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге (*Literární archiv Památníku národního písemnictví*).

Эпистолярное общение между этими двумя учеными началось в 1901 г. 28 апреля 1901 г. датировано первое из сохранившихся писем Й. Поливки Е. Ф. Карскому [1, л. 1–2], которое тот прислал с благодарностью за предоставление Е. Ф. Карским его «Очерка славянской кирилловской палеографии» (Варшава, 1901). В конце этого, 1901 г. оба ученых были избраны в Императорскую академию наук: Й. Поливка – иностранным членом, Е. Ф. Карский – членом-корреспондентом. Их общение продолжалось, продолжался и книгообмен: из письма Е. Ф. Карского от 11 марта 1903 г. узнаем о присылке чешским коллегой журнала «*Věstník slovanské filologie a starožitností*», соредактором которого являлся Й. Поливка [2].

Новый оттенок контакты двух ученых приобрели после 1905 г., когда Е. Ф. Карский вступил в должность редактора-издателя «Русского филологического вестника» (РФВ). Официально к исполнению издательских обязанностей Е. Ф. Карский приступил с 1 января 1905 г., однако уже в сентябре 1904 г. он разослал ведущим филологам циркулярное письмо с приглашением «принять участие своими учеными трудами, статьями и заметками в “Русском филологическом вестнике”» [см., например: 3, л. 23–23 об.]. Первый же выпуск РФВ 1905 г. содержит

перечень авторов, которые обещали редакции «участие своими учеными и педагогическими трудами»; чешскую науку тогда представлял Вацлав Вондрак (*Václav Vondrák*; 1859–1925), правда, в статусе профессора Венского университета. И, хотя Й. Поливки в этом списке нет, чешский лингвист не остался равнодушным к русскому филологическому изданию. В своем письме 26 января 1906 г. профессору ИВУ и будущему представителю русской эмиграции в Праге В. А. Францеву Й. Поливка пишет: «Чувствуя себя в больших долгах перед Е. Ф. Карским за “Рус[ский] фил[ологический] вест[ник]”, я давно уж обдумывал что-нибудь написать для его журнала. Материал собран, следовало бы только написать статейку. Но теперь не знаю, будете ли еще в будущем году издавать РФВ и где. <...> Статейка – это комментарий до одной притчи [А. П.] Сумарокова, о ее источниках и ее параллелях в других литературах» [1, л. 3–4]. Очевидно, при посредничестве В. А. Францев статья поступила в РФВ, была переведена на русский язык (см. об этом письмо Е. Ф. Карского от 6 февраля 1906 г. [2]) и опубликована в РФВ [4]. Й. Поливка стал одним из авторов журнала.

А вскоре состоялось и личное знакомство двух ученых. В 1909 г. Й. Поливка посетил Варшаву и встретился там с коллегами из ИВУ. В письме, отправленном Е. Ф. Карскому после возвращения домой, он писал: «Возвратившись домой, считаю своей приятной должностью высказать Вам и уважаемым коллегам Варшавского университета величайшую благодарность за радушие, которым меня приняли во время моей остановки в Варшаве. Я искренно радовался, что мне сделали возможным лично познакомиться с лицами, которых я давно глубоко уважал за их ученые труды» [1, л. 40]. Общение коллег с этого времени оживилось, для РФВ при помощи В. А. Францева была подготовлена еще одна статья Й. Поливки [5], однако Первая мировая война прервала на время эти контакты (как и прочие контакты Е. Ф. Карского с зарубежными славистами).

Постепенное восстановление старых и налаживание новых зарубежных связей началось во время известной, вынужденно затянувшейся командировки Е. Ф. Карского, начавшейся на Украине (в Нежине) и завершившейся в Минске, подробно описанной в хранящейся в СПбФ АРАН записной книжке 1918–1920 г. [6; 7]. Переписка с Й. Поливкой возобновилась уже в 1919 г., во время пребывания Е. Ф. Карского в Минске; восстановился книгообмен между учеными [1, л. 7–7 об., 12–12 об., 14–14 об., 15–15 об.; 2]. Это было время налаживания разорванных военными событиями научных связей, и Е. Ф. Карский сыграл в этом процессе свою важную роль.

Уже в 1924 г. состоялась вторая встреча российского (советского) и чешского ученого. В том году, в июне, в Праге проводился I Съезд славянских географов и этнографов. В качестве главы оргкомитета съезда Й. Поливка пригласил Е. Ф. Карского принять участие в этом научном мероприятии. Кроме того, чешский коллега просил Е. Ф. Карского быть его личным гостем и в письме от 5 марта 1924 г. писал: «Я бы был весьма счастлив, если бы мог Вас, многоуважаемый коллега, погостить у себя. Есть у меня свободная комната с отдельным входом. Я всю ее предлагаю за время съезда» [1, л. 16–17 об.]. Е. Ф. Карский был командирован в Прагу на этот съезд; он отправился туда вместе с супругой – Софией Николаевной Карской (1867–1946) и действительно был гостем в доме чешского коллеги.

14 июня 1924 г. Е. Ф. Карский пишет Й. Поливке: «Переехали мы в Карловы Вары, но все еще живем Прагой. То участливое отношение к нам, проникнутое истинно славянским гостеприимством, которое выказали Вы с Вашей любезной супругой, а также вообще представители свободного Чехословацкого государства, глубоко запало в наше сердце и не изгладится никогда. Не знаю, сумеем ли мы когда-либо отплатить Вам за все это добро!» [2]. С этого времени можно уверенно говорить о том, что взаимоотношения между чешским и российским коллегами установились на уровне семейной дружбы. Приветы супругам – С. Н. Карской и Анне (Францовне) Поливка – становятся с этого времени обязательной составляющей переписки двух ученых. Во втором письме Е. Ф. Карского из Карловых Вар, куда чета Карских отправилась на лечение, – вновь теплые слова благодарности: «Глубокоуважаемой Вашей супруге от жены и меня сердечный привет. До сих пор перед нашими глазами тот любезный прием, который Вы нам оказали. Жена моя Вам кланяется» [2].

Два ответных письма Й. Поливки содержат любопытную информацию о «выездной культурной программе» съезда: «Мы все очень сожалеем, что не ехали с нами в Словакию. Поездка была очень удачная. Мы посещали несколько деревень, рассматривали крестьянские избы разного типа, наблюдали жизнь народа, навещали школы, для нас устраивали особенные выставки народных изделий, особенно вышивок. Принимали нас повсюду прекрасно, не как простых ученых, и интеллигенты, и народ. Все мы были поражены, даже потрясены, сколько за это короткое время от свержения мадьярского ига сделано было именно в школе и как высоко поднялся дух самостоятельности и свободы в словацком народе. Мы были на поездке почти неделю, на конец поехали на два дня в Татры» [1, л. 18–18 об.]. Здесь же находим дружеские приветы: «Жена и я были счастливы, что мы могли до некоторой степени познакомить Вас с

нашей средой. Жена кланяется Вам и Вашей супруге. От меня Софье Николаевне низжайшие поклоны» [1, л. 37–37 об.]. Рождественское поздравление Е. Ф. Карского 1924 г. еще раз подчеркивает установившиеся дружеские отношения между семьями ленинградского и пражского ученых: «Жена и я шлем Вам сердечный привет и поздравление с праздниками Рождества Христова и с наступающим Новым годом. Желаем Вам с уважаемой Вашей супругой всяких благ, а особенно здоровья. До сих пор с благодарностью вспоминаем Ваше доброе отношение к нам» [2].

Вскоре состоялась новая встреча коллег. В 1925 г., когда Российская академия наук сменила свое название на «Академия наук СССР», отмечался 200-летний юбилей этого научного института. Подготовительная работа началась еще в 1917 г., и недавно избранный академик Е. Ф. Карский был включен в юбилейные мероприятия самым активным образом: в 1918 г. он вошел в состав Комиссии по двухсотлетию юбилею Российской академии наук [8, л. 15 об.]; в 1922 г. – в состав Комиссии по празднованию юбилея при Совете народных комиссаров [9, л. 63]; в 1925 г. – в Юбилейный комитет АН [10, л. 20]. К организации юбилейных торжеств была привлечена и супруга Е. Ф. Карского – С. Н. Карская, получившая именной пригласительный билет за подписью президента АН А. П. Карпинского: «Препровождая при сем пригласительный билет и программу юбилейных торжеств Академии наук, обращаюсь к Вам, по поручению Юбилейного комитета при Президиуме Академии наук, с просьбой не отказать принять участие в этих торжествах и оказать содействие комитету при приеме многочисленных иностранных и союзных гостей, которые соберутся в Академии наук 5 сентября с/г. Юбилейный комитет позволяет себе надеяться на Вашу любезную помощь на этом приеме, заранее принося Вам за нее свою признательность» [11, л. 1; ср. 12]. Так, Е. Ф. Карский принимал непосредственное участие в организации торжеств и приеме гостей.

В 1925 г. Й. Поливка получил официальное приглашение к участию в юбилейных торжествах 200-летия Российской академии наук. Уже 22 июня 1925 г. Е. Ф. Карский отправил чешскому коллеге письмо с ответным приглашением быть гостем в его доме во время юбилейных мероприятий: «Мы готовимся к нашему академическому юбилею и ждем сюда наших дорогих гостей. Надеюсь, что Вы уже получили наше приглашение. Мой кабинет может быть предоставлен в полное Ваше распоряжение» [2]. Подготовка к поездке, само путешествие, а также возвращение домой оказались для чешского ученого сопряженными с определенными трудностями, о чем мы также можем узнать из переписки, однако участие Й. Полипки в праздновании 200-летнего юбилея состоялось, и мы знаем, что он был гостем в доме Карских [13].

После возвращения Й. Поливки в Прагу оживленное научное общение и книгообмен двух ученых продолжились. Очевидно, коллеги должны были встретиться снова, во время пребывания Е. Ф. Карского в Праге летом 1926 г. в рамках командировки в земли западных и южных славян, которую он осуществил со своей супругой [12]. Надежда на новую встречу высказана чешским ученым в письме от 29 января 1926 г.: «С радостью прочитал, что Академия поручила вам в этом году совершить поездку к нам, западным и южным славянам. Надеюсь, что Ваш путь пройдет через Прагу. И я любезно приглашаю Вас снова быть нашими гостями. Полагаю, что Вас будет сопровождать Ваша супруга» [1, л. 8–8 об.].

Заслуги Е. Ф. Карского перед европейской славистикой были по достоинству оценены чешскими научными кругами, и в январе 1929 г. он был избран заграничным членом Королевского чешского научного общества. Именно Й. Поливка первым из чешских коллег поздравил российского академика с избранием: официальное уведомительное письмо, сопровождавшее присылку диплома и устава общества, было подписано 9 февраля 1929 г. [14], Й. Поливка направил свои поздравления еще 13 января 1929 г.: «Поздравляю Вас с выбором в заграничные члены Kr[álovské] České Společnosti Nauk, самого старого научного общества в славянском мире!» [1, л. 34–34 об.]. Это и стало первым сообщением для Е. Ф. Карского об избрании: «Вы меня очень образовали сообщением об избрании меня в заграничные члены Kr[álovské] České Společnosti Nauk; я уверен, что это избрание произошло при Вашем благосклонном содействии, поэтому приношу Вам за Ваше доброжелательство сердечное спасибо. Общество буду благодарить, когда получу официальное сообщение» [15].

Фактически до последних дней сохранялись дружеские узы двух академиков, бывших фактически ровесниками. Российский ученый ушел из жизни немногим раньше своего чешского коллеги: Е. Ф. Карский умер 29 апреля 1930 г. в возрасте 70 лет, Й. Поливка – 21 марта 1933 г. в возрасте 75 лет. После смерти российского коллеги Й. Поливка незамедлительно направил соболезнование его вдове, и уже 18 мая 1930 г. С. Н. Карская отравила в Прагу почтовую карточку со следующими словами: «Многоуважаемый Юрий Иванович! Сердечно благодарю за выраженное мне Вами участие в моем страшном горе. Ни он, ни я не верили в близкую смерть. Ефим Федорович осенью начал большую работу. Как я буду жить, не знаю, да это не важно, главное, его нет, и не будет никогда, а я для чего-то осталась жить! Привет Вашей жене. Уважающая Вас С. [Н.] Карская» [16]. Это последний по хронологии документ – свидетельство дружбы двух коллег и единомышленников, российского и чешского академиков – Е. Ф. Карского и Й. Поливки.

С юбилейных мероприятий в Ленинграде 1925 г. установилось эпистолярное общение Е. Ф. Карского с другим филологом словенского происхождения, работавшим с 1920 г. и до конца своей жизни в Праге – Матиашем Мурко (*Matija Murko*; 1861–1952). В 1924 г. М. Мурко был избран в члены-корреспонденты Российской академии наук, в 1925 г. принял участие в юбилейных мероприятиях в Ленинграде в составе чехословацкой делегации вместе с Й. Поливкой. Видимо, тогда и состоялось его знакомство с Е. Ф. Карским, и с этого времени началась их переписка, хоть и не столь обширная (сохранилось четыре письма Е. Ф. Карского к М. Мурко и четыре письма М. Мурко к Е. Ф. Карскому за 1925–1928 гг. [17; 18]), но содержательная и отражающая активное научное общение и сотрудничество между двумя академическими сообществами. Сохранившая переписка с еще одним упомянутым выше чешским филологом – В. Вондраком имеет односторонний характер: в фонде Е. Ф. Карского в СПбФ АРАН находится шесть писем В. Вондрака за 1902–1911 гг. [19]; ответных писем Е. Ф. Карского на сегодня обнаружить не удалось.

Другой блок эпистолярного наследия Е. Ф. Карского раскрывает его контакты с представителями русской эмиграции в Праге, а именно, с коллегой по ИВУ Владимиром Андреевичем Францевым (1867–1942), с Евгением Александровичем Ляцким (1868–1942) и Николаем Николаевичем Дурново (1876–1937). Переписка с В. А. Францевым довольно обширна; письма, сохранившиеся в СПбФ АРАН, затрагивают два периода: время отъезда В. А. Францева в Польшу, а затем в Чехословакию (1920–1921 гг.; 9 писем Е. Ф. Карского к В. А. Францеву) и более позднее время его работы в Праге (1930–1931 гг.; 8 писем В. А. Францева к Е. Ф. Карскому) [20; 21]; последнее письмо В. А. Францева со словами заботы о здоровье академика и готовности оказать ему гостеприимство для лечения в Чехии было написано 5 мая 1930 г., когда Е. Ф. Карский уже ушел из жизни. В пражском архиве сохранилось большее число писем: 38 писем Е. Ф. Карского за 1921–1931 гг. [22]. Обширная переписка с давним коллегой Е. Ф. Карского должна стать объектом отдельного исследования.

В противоположность этому переписка с Е. А. Ляцким не обширна: в СПбФ АРАН сохранилось 2 его письма к Е. Ф. Карскому за 1896 г. [23], и в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук – два письма Е. Ф. Карского за 1896 и 1916 г. [24]; в фонде Е. А. Ляцкого в пражском архиве писем не было обнаружено [25], там хранится только фото Е. Ф. Карского, имеющееся также и в СПбФ АРАН [26].

Переписка с Н. Н. Дурново более содержательна. Точнее, речь идет лишь о письмах Е. Ф. Карского к Н. Н. Дурново, которые сохранились в двух архивных учреждениях: за 1903–1924 г. – в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ); за 1925–1926 гг. (время пребывания Н. Н. Дурново в Чехословакии) – в Славянской библиотеке в Праге (*Slovanská knihovna při Národní knihovně v Praze*). Среди писем Е. Ф. Карского к Н. Н. Дурново, хранящихся в ОПИ ГИМ, имеется отпечатанное типографским способом упомянутое выше циркулярное письмо из РФВ, которое редактор рассылал потенциальным авторам при вступлении в должность [27, л. 172]. Писем Н. Н. Дурново к Е. Ф. Карскому обнаружить не удалось; в ОПИ ГИМ сохранился лишь отпуск одного письма за 6 ноября 1916 г. [28, л. 83].

Первое письмо (открытое) датировано 13 декабря 1903 г., оно сопровождало отсылку адресату первого тома «Белорусов» [27, л. 171–171 об.]. Следующий период переписки, охватывающий 1908–1912 г. [27, л. 174–177 об.], был связан с публикацией работ Н. Н. Дурново в РФВ, включая труды Московской диалектологической комиссии, сотрудничество журнала с которой было довольно плодотворным. Исключительно интересной и информативной является переписка 1915–1917 г. – времени, когда ИВУ был эвакуирован в Москву, затем в Ростов-на-Дону, а у Е. Ф. Карского вместе с этим возникли заботы по поиску возможностей продолжения издания его журнала, и именно Н. Н. Дурново был привлечен в качестве «агента», посредника при работе с московской типографией – с Московской Синодальной типографией, управляющим которой был литературовед Александр Сергеевич Орлов (1871–1947) и в которой удалось осуществлять печатание РФВ в 1915–1917 г. [27, л. 178–188 об.]. Контакты ученых не прерывались и в последующие годы вплоть до отъезда Н. Н. Дурново в командировку в Чехословакию после избрания его в члены-корреспонденты Российской академии наук. Время пребывания Н. Н. Дурново в Праге отражено в нескольких письмах Е. Ф. Карского из пражского архива.

Письма с очевидностью свидетельствуют о том, что Н. Н. Дурново, занимаясь в Чехословакии исследованиями по заданию АН СССР, искал для себя постоянного места работы на родине. Тема поиска места и участие в этом вопросе Е. Ф. Карского проходит фактически через все письма, отправленные академиком в Чехословакию. Из письма Е. Ф. Карского от 23 февраля 1925 г.: «Командировка Ваша Р[оссийской] академией наук продолжена, и о ней Вам беспокоиться нечего. Что касается возможности получить здесь какое-либо место, то я думал и сам и советовался с В. М. Истриным, и ни до чего не додума-

лись: маленькое место (рублей на 50) Вас не устроит, а более крупное найти сейчас невозможно. В у[ниверсите]те я устроил с трудом [Б. М.] Ляпунова, и пока больше никого нельзя. Минск ведет переговоры с Г. А. Ильинским, и пока ни до чего не могут договориться. Я бы советовал Вам пока работать в Чехословакии, а семейству уделять часть жалования: можно переводить в Москву в долларах через Uverné Banka в Праге (Вацлавское Намести), а после, может быть, что и откроется у нас. Сейчас умерли Г. З. Кунцевич в Ростове-на-Дону и А. И. Яцимирский – нельзя ли там Вам устроиться?» [29].

Едва ли не каждое последующее письмо (кроме двух) затрагивает этот вопрос. 2 декабря 1925 г.: «Что касается лично Вашей судьбы, то и сейчас я положительно затрудняюсь что-либо Вам посоветовать». 31 марта 1926 г.: «В сегодняшнем заседании Отделения [русского языка и словесности] постановили продлить Вашу командировку еще на год. <...> Что касается Вашего желания устроиться у нас в Академии, то у меня есть некоторые предположения, но сейчас нет свободных вакансий». 2 июля 1926 г.: «Вашу “трудную повесть” я получил; очень сочувствую Вам и все обдумываю способы помочь Вам. Мне подведомственны два учреждения, и в одном из них должна открыться должность на 130 рубл[ей] в месяц. Ее я и думал предложить Вам. Это должность не ученая, но возможно из утренних часов дать Вам свободный 1 ч (от 10 до 11) и вечерние (после 4-х) для Ваших самостоятельных занятий. Но для этого нужно, чтобы 1 октября Вы были уже в Ленинграде и чтобы эта должность действительно была вакантна». 29 сентября 1926 г.: «Нашему плану относительно поступления Вас на службу в Ак[адемию] н[аук] пока не суждено осуществиться, так как вместо обещанных двух вакансий нам дана только одна, которую предоставили Л. В. Щербе. Поэтому, не теряя надежды на будущее время, сейчас Вы работайте в Чехословакии» [29]. К сожалению, усилия поисков места в Ленинграде не увенчались успехом, и после возвращения из Чехословакии Н. Н. Дурново, как известно, занял место профессора Белорусского государственного университета (о чем Е. Ф. Карский хлопотал еще до отъезда Н. Н. Дурново в Чехословакию [27. л. 193–193 об.]) и был одновременно избран в члены Белорусской академии наук.

Сохранившая переписка Е. Ф. Карского с представителями чешской науки, а также русской эмиграции в Праге ценна не только новыми сведениями по биографии российского академика, она, как всякие эпистолярные документы, содержит неофициальную, персонифицированную информацию о положении дел в чешской науке и чешском обществе в начале XX в.

После ухода Е. Ф. Карского из жизни чешские ученые установили контакт с семьей академика, свидетельство чего сохранилось в Архиве Чешской академии наук. Это документ – письмо сына Е. Ф. Карского Сергея Евфимовича Карского (1893–1941) от 6 декабря 1931 г., откликнувшегося на просьбу чешских ученых: «Уважаемый профессор dr. L. Niederle. На Ваше любезное предложение выслать для библиографического сборника, издаваемого “Slovanský Ústav” сведения о моем покойном отце академике Е. Ф. Карском, скончавшемся в г. Ленинграде 27 апреля 1931 года, сообщаю, применительно к предложенной Вами форме, краткий некролог. Примите уверение в совершенном к Вам уважении. Сер[гей Е.] Карский». Далее следует некролог на трех с половиной страницах, предоставленный сыном академика чешскому изданию [30].

Список литературы

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). – Ф. 292. Оп. 2. Д. 114.
2. Literární archiv Památníku národního písemnictví, Praha (LA PNP Praha). Poz. Polívka J. Karskij, Evfimij Feodorovič, I.
3. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 134. Оп. 3. Д. 654.
4. Поливка, Ю. На всех не угодишь. Притча А. Сумарокова и ее параллели / Ю. Поливка // Русский филологический вестник. – 1906. – Т. 55, № 1–2. – С. 226–238.
5. Поливка, Ю. И. «Баба хуже черта». Эпюд по сравнительному изучению сюжетов народной словесности / Ю. И. Поливка // Русский филологический вестник. – 1910. – Т. 63, № 2. – С. 342–366.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 292. Оп. 1. Д. 107.
7. Бондарь, Л. Д. Зарубежная командировка академика Е. Ф. Карского 1918–1920 гг.: результат научной мобильности и специфика научных связей в годы интервенции / Л. Д. Бондарь // Наука и техника: вопросы истории и теории. Выпуск XXXIV. – СПб., 2018. – С. 74–75.
8. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 240.
9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 244.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 247.
11. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 292. Оп. 2. Д. 174.
12. Бондарь, Л. Д. Муза ученого: супруга академика Е. Ф. Карского (1860–1931) Софья Николаевна Карская / Л. Д. Бондарь // Прогресс России. Женский аспект: сборник научных статей и документов / отв. ред.-сост. И. А. Урмина, Н. М. Осипова. – М., 2018. – С. 188–200.
13. Бондарь, Л. Д. 200-летний юбилей Российской академии наук и делегация чехословацких ученых: дискуссия в переписке академика Е. Ф. Карского с Й. Поливкой / Л. Д. Бондарь // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. В. П. Козлов. – М., 2019. – С. 188–196.
14. Бондарь, Л. Д. Академик Е. Ф. Карский и его членство в научных обществах (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) / Л. Д. Бондарь // Диалог культур–2010: наука в обществе знания: сб. науч. трудов международной научно-практической конференции. – СПб., 2010. – С. 354–359.
15. LA PNP Praha. Poz. Polívka J. Karskij, Evfimij Feodorovič, II.

РОЛЬ И МЕСТО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

16. LA PNP Praha. Poz. Polívka J. Karskij, S.
17. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Д. 292. Оп. 2. Д. 96.
18. LA PNP Praha. Poz. Slavie. Karskij E.
19. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Д. 292. Оп. 2. Д. 30.
20. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Д. 292. Оп. 2. Д. 148.
21. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Д. 292. Оп. 2. Д. 176.
22. LA PNP Praha. Poz. Francev Vladimir A. Karskij E. F.
23. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 292. Оп. 2. Д. 81.
24. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. – Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 228.
25. LA PBP Praha. Poz. Ljackij E. A. Karskij E.
26. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 292. Оп. 1. Д. 60.
27. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. – Ф. 177. Д. 76.
28. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. – Ф. 177. Д. 67.
29. Slovanská knihovna při Národní knihovně v Praze. T–A. 858/3857. Je. F. Karskij.
30. Archiv Akademie věd České republiky. Poz. Karskij E. C 6/2.

Bondar Larisa

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences
e-mail: 1007@list.ru

**E. F. KARSKY AND CZECH SLAVISTS:
ACCORDING TO DOCUMENTS OF THE ST. PETERSBURG BRANCH
OF RAS ARCHIVE AND ARCHIVES OF PRAGUE**

Academician E. F. Karsky's scientific connections with Czech slavists can be traced well in his epistolary heritage, preserved in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and in archives of Prague. Epistolary documents reveal the long-term friendship of E. F. Karsky with the Czech academician J. Polivka, this friendship (according to the correspondence of these scientists) has acquired the character of friendship between families. The circle of scientists under consideration includes also representatives of the Russian emigration to Czechoslovakia, such as N. N. Durnovo; we find evidence of the Karsky's participation in the professional fate of the addressee. This scientific relationship ended with the election of E. F. Karsky as a member of the Academy of Sciences of the Czechoslovak Republic.

Keywords: E. F. Karsky, Czech slavists, J. Polivka, N. N. Durnovo.

УДК 811.161'04(476)09(092)

Н. И. Клыпа

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
В КНИГЕ Е. Ф. КАРСКОГО «БЕЛОРУСЫ»**

Рассматривается понятие языковой картины мира, её отличие от концептуальной картины мира; связь природных условий существования восточных славян с развитием языка; отражение в лексической системе восточнославянских языков, в частности белорусского,

особенностей ментальности и материальной культуры славян, а также их взаимоотношений с близкими и дальними соседними племенами.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, языковая картина мира, экспонент, восточные славяне, топоним, гидроним, тематическая группа.

Понятие картины мира используется многими науками – лингвистикой, философией, психологией, которые трактуют её как представление о мире, отражённое в человеческом сознании. «Картина мира выражает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [1]. Как отмечают учёные, с 60-х гг. прошлого века проблемы картины мира стали рассматриваться семиотикой при исследовании языка как первичной моделирующей системы и при исследовании мифов, религии, фольклора, поэзии, кино, живописи, архитектуры как вторичных систем, хотя интерес к языковой картине мира проявляется ещё в работах Вильгельма фон Гумбольдта, а одним из основоположников современного учения о языковой картине мира считается немецкий учёный И. Гердер [1].

Большинство современных философов и лингвистов различают концептуальную и языковую картины мира. Н. Н. Гончарова, вслед за В. В. Морковкиным, считает, что «противопоставление концептуальной и языковой картины мира не вполне корректно «ввиду формальной разноплановости, разнонаправленности этих терминов. Термин «языковая картина мира» указывает на то, что носителем картины мира является язык, тогда как термин «концептуальная картина мира» указывает на то, из каких элементов складывается обсуждаемый гносеологический объект» [1]. Исследовательница, вслед за Ю. Н. Карауловым, отмечает, что между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения, а границы между ними кажутся зыбкими, неопределёнными [1]. Сопоставив носителя (субъекта), экспоненты и элементы концептуальной картины мира и языковой, Н. Н. Гончарова приходит к выводу, что «отражение мира в сознании, представления человека о мире, информация о среде и человеке – это картина мира. Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке, – это языковая картина мира» [1]. Носителем и концептуальной, и языковой картины мира выступает человек, а создание картины мира состоит в познании человеком объективной реальности, причём «языковая картина мира основана только на знании, внушенном родным языком, его единицами и категориями» [1].

Таким образом, картина мира – это ментальное образование, хотя мышление вне языка фактически невозможно, поскольку это одна из

ипостасей ментально-лингвального комплекса наряду с сознанием и языком [2, с. 19–23]. Основными элементами картины мира Н. Н. Гончарова считает информемы – некоторые информационные целостности. Экспонентом картины мира являются язык, жесты, изобразительное искусство и музыка, ритуалы, вещи, этикет, мимика, мода, способы ведения хозяйства, социокультурные стереотипы поведения людей и т. д. Языковая же картина мира – это ментально-лингвальное образование, ее элементами являются концепты, т. е. означенные информемы. Экспонентом языковой картины мира служит этнический язык [1].

Большинство исследователей обращают внимание на двойственную природу языковой картины мира. «С одной стороны, условия жизни людей, окружающий их материальный мир определяют их сознание и поведение, что находит отражение в их языковой картине мира; с другой – человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, его семантику и грамматику, что детерминирует структуры мышления и поведения. Языковая картина мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения, то есть антропоцентризма, который пронизывает весь язык. Языковая картина мира – целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [1].

Характер языковой картины мира наиболее наглядно представлен в лексике, поскольку именно лексическая система непосредственно связана с развитием и жизнью общества и быстрее всего реагирует на любые его изменения. Но исследователи языковой картины мира, учитывая ведущую роль лексики, призывают не забывать и о различных текстах – поэтических, научных, публицистических, о пословицах и поговорках, которые также являются «воплотителями» языковой картины мира [1].

Во времена Е. Ф. Карского лингвистическая наука не употребляла термин языковая картина мира, но его описания и исследования богатого лексического материала многих славянских языков позволяют назвать имя учёного среди тех, кто стоял у истоков современной лингвокультурологии [3, с. 28].

Среди множества научных трудов Е. Ф. Карского трёхтомное исследование «Белорусы» занимает центральное место. Выдающийся филолог-славист, этнограф, палеограф, основатель белорусского языкознания и литературоведения подробно анализирует границы распространения белорусского племени, особенности становления и развития белорусской нации и её языка, отмечая, что «уже на первых порах существования того или другого племени известные физические условия занятой им страны так или иначе отражаются на выработке его характера, кото-

рый в свою очередь налагает известный отпечаток и на самый язык. Связь эта между языком и природой страны непрерывно продолжается в течение всего существования народа» [4, с. 37].

Языковая картина мира любого народа представляет собой информацию о среде и человеке, переработанную и зафиксированную в языке. В языке восточных славян, и белорусов в частности, отражается влияние природных условий их проживания на образование топонимов (*Брянск / Дьбрянск, Брест / Берестье, Сосница, Стародуб, Ельна, Заболотье, Березовец*), гидронимов (*Дубна, Березина, Бобр, Волчанка, Вонь, Дубровенка, Болотьянка*), которые подробно рассматриваются в первом томе книги Е. Ф. Карского «Белорусы», ведь именно сохранившаяся «номенклатура живых урочищ – рек, озёр, возвышенностей, а также названия городов, сёл, деревень и отчасти прозвища и фамилии лиц» вместе со свидетельствами классических и средневековых писателей относительно определённой местности, а также данные доисторической археологии могут дать ответы на вопросы, где, когда и как жили древние славяне – предки нынешних белорусов [4, с. 60–61].

Е. Ф. Карский также обращается к анализу особенностей места проживания и соответствующего им наименования славянских племён, зафиксированных в «Повести временных лет» и вошедших в состав белорусской территории, – *дреговичей, радимичей, кривичей*. Анализируя письменные свидетельства Геродота, Птолемея, Плиния и др. о племенах *будинов*, то ли финнов, то ли славян, учёный сопоставляет это название со словом «буда», известным всем славянским языкам, а также литовскому, латышскому и древненемецкому, отмечая, что «в Белоруссии это слово живёт до сих пор не только как название для постройки или кибитки, но и в специальном смысле – места, освободившегося после выжженного леса, а в земле будинов были огромные леса», следовательно, будины – это славяне, также как и венды (венеды), о которых упоминают и Геродот, и Тацит [4, с. 66–67].

По мнению Е. Ф. Карского, особенности природы послужили также причиной сохранения у восточных славян верований в чертей, которыми народ населяет болота, в русалок, обитающих в реках и других водоёмах, что нашло отражение в пословицах, фразеологизмах и различных народных поверьях [4, с. 59]. Например, *Болото да овраги – чёртово житьё; В тихом омуте черти водятся*.

В третьем томе книги «Белорусы» Е. Ф. Карский исследует лингвистическую природу древнерусского фольклора как репрезентацию языковой картины мира восточных славян, отмечая, что «произведения белорусского народного творчества естественно имеют родственные па-

раллели». Белорусская народность унаследовала тот запас знаний и вообще культурный уровень, который развился у всех славян во время их общей жизни, а также восприняла культурные приобретения времени общей жизни восточных («русских») славян. Особенно ценны для языкового исследования, по мнению учёного, древнейшие произведения устного народного творчества, отражающие первобытные народные верования, мировоззрение и вообще культурное состояние народа. Анализируя тематические группы родственных наименований (*отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дед, бабушка, дядя, племянник, сноха, свёкор, свекровь, деверь, золовка, ятровь*), названий орудий труда, предметов быта, разновидностей еды и питья, различных процессов и действий (*пахать-орать, сеять, жать, молот, печь, плести, прясть* и т. п.), Е. Ф. Карский делает выводы об особенностях социального строя древнейших славянских племён, о развитии скотоводства и земледелия, о жилищах и их частях, о ремёслах, о ведении домашнего хозяйства и приготовлении пищи.

В произведениях древнерусского фольклора, по мнению учёного, наглядно прослеживается сильное впечатление, произведённое природой страны на древних славян: *дуб сырой, вяз черленый, куст ракитовый, берёза кудрявая, высота поднебесная, глубота глубокая, акиян море, омоты непровские, горы сорочинские, леса брынские, грязи смоленские* [4, с. 138–139]. С другой стороны, сильное влияние на культуру и мировоззрение русского племени оказали появление сильной княжеской власти и проникновение христианства [4, с. 141]. В языке восточных славян появляются слова для обозначения военных понятий (*броня, шатёр, забрало, хоругвь, рать* и др.), экономических (*мыто, вира, смерд, думец* и др.). Понятия воинственного быта сказываются и в некоторых собственных именах, которые давались князьям и боярам: *Святополк, Ярополк, Мстислав, Ярослав, Творимир, Мстибог, Святослав*, в названиях городищ и других поселений: *Ярославль, Богатыренков, Шитовцы, Хоробров, Славутин, Стражница, Ворота, Твердь, Воин, Воиница, Городище, Городно* [4, с. 143].

Старинное мировоззрение славян, их культура наглядно отражены в языческих мифах о богах и устройстве мира (*Сварог-небо, Дажьбог-солнце, Стрибог-ветер, Хорс, Велес, Перун, Мокошь*). С приходом христианства названия языческих божеств заменяются христианскими святыми. Но, по мнению Е. Ф. Карского, это касается только главных божеств, низшие же божества, которые развились путём эволюции из прежнего анимизма природы и не имели личных имён, а характеризовались лишь известными эпитетами, определяющими их место жительства

или свойства, остались прежними (*домовой, леший, русалка, водяной, лесовик; злыдни, горе-злосчастье, лихо* и под.) [4, с. 147–160].

Широкое творчество языка рельефно проявляется и в образовании названий месяцев, дней недели и вообще определённых времён года. Чисто славянские старинные названия: *просинец, сечен, сухой, березозол, травный, изок, червен, зарев, рюин, листопад, груден, студёный* – соответствуют тем явлениям в природе, которые происходят в то или другое время года [4, с. 145]. И хотя в современном русском языке закрепились греко-римские наименования месяцев, в современном украинском языке употребляем *січень, лютий, березень, квітень, травень, червень, липень, серпень, вересень, жовтень, листопад, грудень*; в белорусском – *студзень, люты, сакавік, красавік, травень, чэрвень, ліпень, жнівень, верасень, кастрычнік, лістапад, снежань*. Собственно языческие названия дней недели не сохранились, но время у древних славян, по наблюдениям Е. Ф. Карского, обозначалось по языческим праздникам: «*русальная неделя*», «*до Ивана дне до купал*», «*до коляд*» [4, с. 146].

Анализируя фольклорные тексты древнерусского народа, Е. Ф. Карский подробно останавливается и на вопросе старины сохранившихся до наших дней произведений устного народного творчества, отмечая их особенности и сходство с народными произведениями других славян, в частности обилие эпитетов (*чистое поле, синее море, зелена трава, борзый и добрый конь*), тавтологических выражений (*в полон полонить, думушку подумувати, чудо-чудное, горе горевать*), употребление сравнений (*туром перескакал, соколом перелетел, голубоньком пади*), употребление параллелизмов (*Одно солнышко катится по небу, один князь княжит над Русью; У саду бяроза караністая, у мяне свякрова наравістая*) [4, с. 166–169].

Подводя итог предыдущим лингвистическим исследованиям, Е. Ф. Карский указывает, что «*весь запас устной народной поэзии, развившийся в течение общеславянской, а затем общерусской жизни, становится достоянием белорусской народности*» [4, с. 171]. Именно анализу разнообразных видов белорусской народной поэзии посвящает учёный большую часть третьего тома своего знаменитого труда «*Белорусь*».

Список литературы

1. Гончарова, Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания [Электронный ресурс] / Н. Н. Гончарова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uzukovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya>. – Дата доступа: 12.12.2019.
2. Морковкин, В. В. Русские агнонимы : (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : [Б. и.], 1997. – 414 с.

РОЛЬ И МЕСТО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

3. Белая, А. С. Лингвокультурологические компоненты в исследованиях Е. Ф. Карского / А. С. Белая // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т имени Я. Купа-лы ; под ред. М. И. Коношкевич. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 28–32.

4. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі ; уклад. і камент. С. Гараніна і Л. Ляўшун; навук. рэд. А. Мальдзіс; прадмова Я. Янушкевіч, К. Цвірка. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 637 с.

Klypa Nataliia

Nizhyn Gogol State University
e-mail: natalia.klypa@gmail.com

REPRESENTATION OF A WORLD LINGUISTIC PICTURE OF EASTERN SLAVS IN THE BOOK «BELARUSIANS» BY E. F. KARSKY

The article depicts the concept of a world linguistic picture, its difference from a conceptual picture of the world. The connections of natural conditions of Eastern Slavs and the language development are viewed. The reflection of mentality peculiarities and material culture of the Slavs, as well as their relationships with neighboring and distant tribes in the lexical system of Eastern Slavic languages, in particular Belarusian, are analyzed.

Keywords: conceptual picture of the world, linguistic picture of the world, exhibitor, Eastern Slavs, toponym, hydronym, thematic group.

УДК 373.1

О. Н. Марченко

ОСНОВЫ ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЯ В ТРУДАХ Е. Ф. КАРСКОГО

Формирование у учащихся интереса к истории родного языка способствует воспитанию у них патриотических чувств. Организация лингвокраеведческой работы рассматривается как важный компонент в системе работы учителя по развитию языковой личности. Изучение трудов великого ученого слависта Е. Ф. Карского позволяет выявить основные направления лингвокраеведения, методы, приемы и формы работы по изучению территориальных языковых явлений. Фрагменты из работ ученого могут быть представлены учащимся как образцы большой и серьезной исследовательской деятельности, пронизанной любовью к языку, народной речи.

Ключевые слова: лингвокраеведческая работа, воспитание и обучение, учебно-исследовательская деятельность школьников.

Процессы воспитания и обучения неотделимы друг от друга. Это уже стало педагогической аксиомой. Обучая, мы воспитываем, воспитывая, обучаем. Лингвистические, языковедческие и коммуникативные компетенции без сформированного гражданско-патриотического сознания и любви к родному языку не позволяют говорить о состоявшейся

языковой личности. Системно-деятельностный подход в образовании, проектный и аксиологический подходы к обучению школьного курса русского языка логически смыкаются и органично дополняют друг друга в организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по лингвокраеведению, в частности, в рамках факультативного курса. Всё выше перечисленное определяет актуальность исследования и позволяет сформулировать его цель: воспитание любви к стране через развитие интереса и любви к родному языку в процессе организации учебно-исследовательской деятельности школьников. Средством достижения цели на теоретическом уровне стали труды Е. Ф. Карского, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет, во-первых, потому что труды учёного дают образец регулятивной деятельности по проведению исследования, логики и системы работы по сбору необходимого материала; во-вторых, формируют у школьников представление о славянских языках и месте русского языка в восточнославянской ветви языков; в третьих, изложенный в трудах учёного принцип территориального исследования языка позволяет определить направления лингвокраеведческой деятельности школьников; наконец, чтение и изучение работ Е. Ф. Карского приносит интеллектуальное удовольствие. Кроме того, манера и форма изложения научного исследования, стиль и язык и ученого могут служить образцом для подражания в оформлении результатов исследования, в описании самого процесса научного исследования.

В рамках статьи мы не будем останавливаться на характеристике содержательной стороны трудов Е. Ф. Карского: выдающуюся научную ценность его исследований описали весьма всесторонне и многоаспектно и не только лингвисты, но и историки, палеографы, археологи. Для нас важны не только теоретические, научные сведения о языковых явлениях, содержащихся в его работах, но и система работы по проведению и организации исследования, описание пути, по которому двигался учёный в изучении языкового факта.

Без сомнения, при изучении работ учёного учащиеся «вычерпывают» научные сведения о языковых явлениях и фактический материал о русском языке, которые представлены в трудах учёного. Конспекты учащихся пополняются описаниями особенностей русского языка. Учащиеся учатся понимать, в чём отличие русского языка от славянских языков, и одновременно они постигают родственные связи общеславянских языков. Например, суффикс *-енок*, по мысли Е. Ф. Карского, является суффиксом, характерным только для русского языка (*телёнок*). Вместе с тем в форме множественного числа телята сохраняется древняя форма *телята*, что указывает на родство русского языка сербскому, в

котором есть слово *méle* – *méleta*, или словенскому *téle* – *teléta*, *tele* – *teletě*, *cielę* – *cielęcia*. Во вступлении к своей работе «Белоруссы», изданной в I книге «Виленского вестника», профессор Евфимий Федорович Карский писал, что «надобность в научном словаре живого белорусского наречия и в особом словаре старого западнорусского языка очевидна для каждого, занимающегося историей русского языка, юго-западной литературой, западнорусской историей и этнографией» (орфография изменена на современную. – О. М.). В «Трудах по белорусскому языку и другим славянским языкам» (1965) есть информация о «культурных завоеваниях русского языка в старину на западной окраине его области», в двух главах раскрываются особенности русского языка и его истории. И таких примеров можно привести много. Они, несомненно, служат основой формирования у учащихся языковой картины мира и обогащают их лингвистическими знаниями. Вместе с тем мы поставили перед собой задачу на примере работ Е. Ф. Карского раскрыть особенности деятельности учёного по организации и проведению научного исследования, по работе с источниками, по оформлению результатов труда. Также предметом анализа стали язык и стиль учёного. Для иллюстрации сказанного приведем некоторые примеры.

Учимся у Е. Ф. Карского определять круг задач, которые необходимо решать для достижения поставленной в исследовании цели. Обращаемся к его работе «Белоруссы». До начала работы над словарём белорусского языка Е. Ф. Карский очертил круг задач, которые необходимы для реализации поставленной цели. В частности, он писал, что должна быть проделана большая предварительная работа: уточнить область проживания белорусов, описать и критически оценить имеющиеся лингвистические материалы, «наметить основные элементы, вошедшие в состав белорусского языка». Границы расселения белорусов в составленной Е. Ф. Карским этнографической карте, уточнялись по большому количеству лингвистического материала, «рассмотрением соответствующих словарных заимствований».

Обращаем внимание на культуроведческую составляющую его работ. Учёный понимал, что знания о составе населения известной местности, его отличительных особенностях и судьбе, хотя бы в общих чертах, очень важны в целях общеобразовательных. Е. Ф. Карский, намечая пути по изучению жизни и быта белорусов в общеобразовательных и лингвистических целях, фактически говорит о лингвокраеведении без использования этого понятия.

Ещё в начале прошлого столетия Евфимий Федорович писал, что факт развития языка «вместе с народом» является общеизвестным. Уже

тогда исследователи языка отмечали, что изменения в языке «зависят от расселения народа..., от тех посторонних влияний, которым приходится подвергаться ему во время самостоятельной жизни» [2, с. 24]. Природно-климатические условия жизни народа, своеобразие ландшафта, территориальные особенности флоры и фауны и многое другое отражаются на становлении и развитии национального характера, что проявляется и закрепляется в языке, сохраняется в народном творчестве. Язык хранит культуру своего народа: быт белоруса, по мнению ученого, дает представление о «глубокой старине не только общерусской, но и общеславянской. И историк народной жизни, и юрист найдёт здесь для себя много ценных и интересных особенностей» [1, с. 3]. Увлечённость учёного предметом своего исследования не может остаться незамеченной и неизменно повышает интерес учащихся к трудам ученого: «Знакомясь с ними (с особенностями быта белорусов. – *О. М.*), иногда невольно забываешь, что дело происходит в XX веке: перед нами выступает жизнь доисторических обитателей верхнего Днепра, Зап. Двины и Немана» [1, с. 4].

Карский обладал уникальным языковым чутьем, подкрепленным воспитанием и образованием, полученным в белорусской среде, что дало ему основание для работы над звуками и формами белорусской речи. Но самое главное достоинство личности учёного: необыкновенная трудоспособность, проявившаяся в изучении трудов и исследований своих предшественников. Знакомство с перечнем источников, с которыми работал Е. Ф. Карский, делая «обзор звуков и форм белорусской речи» [4], поражает не только масштабностью, но и многообразием: сборники народных белорусских песен, собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян, записанных в различных районах, сборники памятников народного творчества, сборники белорусских пословиц, словари белорусского наречия, различного рода лексические указатели, этнографические сборники и т.д. Учащиеся усваивают, что в изучении предмета исследования важен принцип множественности (наше рабочее название требования к всестороннему рассмотрению предмета исследования на основе изучения различных источников, многоаспектное, разностороннее описание изучаемого явления). Только в этом случае возможно получение максимально полного развернутого представления о предмете исследования. Работы Е. Ф. Карского в этом плане являются образцом для подражания.

В результате изучения трудов Е. Ф. Карского учащиеся, кроме научных сведений о языке, обогащают себя приемами, формами и способами работы с научной литературой, с источниками исследования.

Принципы работы над материалами, которые можно вывести при изучении трудов Е. Ф. Карского: 1) все источники изучаются самым

тщательным образом, выясняется их степень достоверности, точности, правильности, корректности по отношению к исследуемому материалу; 2) каждый источник подвергается критическому осмыслению, все возникающие при их изучении вопросы тщательно образом сверяются с другими источниками, с данными собственных исследований; 3) каждый источник подробно анализируется и описывается (то, что теперь называют реферированием или развернутой аннотацией), характеризуются положительные и отрицательные стороны изучаемой работы, оценивается вклад данного источника в освещение предмета изучения; 4) все сведения, полученные из разных источников сравниваются, сопоставляются, затем суммируются, систематизируются, анализируются, обобщаются; 5) внимательное отношение к каждому факту или явлению языка, его истории и существованию в период исследования; 6) обстоятельное описание по результатам исследования и обоснованность выводов; 7) изучение языка основано на тщательном изучении и анализе произведений фольклора и др. Такому подходу к организации научного исследования необходимо начинать обучать школьников старших классов, вовлекая их в учебно-исследовательскую деятельность по лингвокраеведению.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что обращение к книгам лингвиста Е. Ф. Карского с точки зрения организационно-методической оказалось весьма продуктивным и позволило выявить основные направления лингвокраеведения, методы, приемы и формы работы по изучению территориальных языковых явлений, а также обогатить учащихся представлениями о регулятивной деятельности учёного в организации научного исследования.

Список литературы

1. Карский, Е. Ф. Белорусы : [в 3 т.]. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности (с приложением двух карт) / Е. Ф. Карский. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа : Краковское предместье. – 1903. – Т. 3. – 466 с.
2. Карский, Е. Ф. Белорусы : [в 3 т.]. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности (с приложением двух карт) / Е. Ф. Карский // «Виленский временник», издание Виленского генерал-губернаторского управления. – Вильна, 1904. – 466 с.
3. Карский, Е. Ф. Белорусы : [в 3 т.]. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. Кн. 1. Народная поэзия / Е. Ф. Карский. – М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1916. – 557 с.
4. Карский, Е. Ф. Обзор звуков и форм белорусской речи / Е. Ф. Карский. – М. : Университетская типография (М. Катков), 1885. – 179 с.
5. Карский, Е. Ф. Русская правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава / Е. Ф. Карский ; Акад. наук СССР. – Л. : Изд-во Акад. наук, 1930. – 114 с.

6. Карский, Е. Ф. Славянская кирилловская палеография / Е. Ф. Карский. – М. : Наука, 1979. – 517 с.

7. Карский, Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е. Ф. Карский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 715 с.

8. Памятники старославянского языка. – Том 1, выпуск 3-й. – СПб, 1904.

Marchenko Olga

Moscow Region State University

e-mail: march_on@mail.ru

BASES OF LINGUISTIC REGIONAL STUDIES IN WORKS OF E. F. KARSKY

The study of the works of the great scientist Slavist E. F. Karsky allows us to identify the main directions of linguo-regional studies, methods, techniques and forms of work on the study of territorial language phenomena. Fragments from the works of the scientist can be presented to students as examples of a large and serious research activity, permeated with love for the language, folk speech.

Keywords: linguistic regional studies, education and training, teaching and research activities of students.

УДК 398.332.16

Ц. С. Буйко

БЯРОЗА Ў БЕЛАРУСКІХ ТРАЕЦКІХ І РУСАЛЬНЫХ АБРАДАХ: ЗАЎВАГІ Я. КАРСКАГА І ЯГО СУЧАСНІКАЎ¹

Многогранная в своём научном кругозоре личность Е. Карского проявляется в том числе в исследовании белорусского фольклора. В первой части III тома работы «Белорусы» под названием «Народные песни» один из разделов посвящён белорусским троицким и русальным обрядам, приуроченным к циклу праздников под общим названием «Зелёные святки», которое отражает традицию украшения домов и дворов зеленью. Предлагая своё видение проблемы, Е. Карский рассматривал высказывания современных ему исследователей Е. Аничкова, А. Афанасьева, Д. Зеленина, О. Миллера и др., связанные с аспектами троицко-русальной обрядности, а также ссылался на записи этнографов Е. Романова и П. Шейна, которые отражают в том числе и важность растительной символики в белорусском песенном наследии и свидетельствуют о её глубокой вписанности в белорусскую троицко-русальную обрядность. Также Е. Карским рассматривается поминание душ умерших как элемент троицко-русального периода в Беларуси. Немалое внимание исследователь уделял и образу русалки. Учёным также рассматривались такие обычаи, как плетение венков, «апахванне» (обметание) могилы, «кумленне». В украшении домов исследователь видел не только следы первобытных верований, но и христианские мотивы. Так, особое место во время троицко-русального цикла праздников занимает

---

¹ В статьях на белорусском, польском, украинском и английском языках аннотация дана на русском языке для расширения читательской аудитории.

берёза. Анализируются взгляды Е. Карского и его современников на семантику берёзы в белорусских троицких и русальных обрядах.

Ключевые слова: берёза, обряд, троицко-русальный комплекс.

Перш чым перайсці да непасрэднай тэмы артыкула, варта адзначыць, што на цяперашнім этапе даследавання спецыфікі веснавых святаў зроблена вельмі і вельмі шмат. Безумоўна, падмуркам гэтых дасягненняў з’яўляюцца працы фалькларыстаў мінулага, якія ў большай ці меншай ступені звярталі ў сваіх працах увагу на звычаі і традыцыі беларускіх зямель. Сярод аспектаў, якія закраналі навукоўцы, была і семантыка расліннасці, у тым ліку бярозы, у абрадавых дзеяннях, прымеркаваных да Траецкага і Русальнага тыдняў.

Бяроза займае галоўнае месца ў раслінным кодзе цыкла веснавых святаў. Ва ўсходнеславянскай традыцыі асабліва гэта датычыць «семицко-троицкого» комплексу абрадава-рытуальных практык [1, с. 157]. Тым не менш, паводле Т. Агапкінай, абрады з бярозай былі распаўсюджаны адно на ўсходзе Беларусі [1, с. 158]. Але пазней мы ўбачым, што ў другой палове XIX – пачатку XX стст. сітуацыя выглядала інакш, і распаўсюд абрадавай бярозы на Беларусі быў шырэйшы, на што ўказваюць звесткі даследчыкаў гэтага перыяду. Апрача Я. Карскага, гэта плойма беларускіх, польскіх і рускіх навукоўцаў, чыёй навуковай зацікаўленасцю была беларуская этнаграфія.

У гэты перыяд яны, апрача ўсяго, спрабавалі вызначыць узаемасувязь Тройцы і Семіка, чацвярга перад Тройцай, іх характэрнасць для рускіх і беларусаў. Напрыклад, П. Бяссонаў адзначаў, што Семік (Сеймік) – дахрысціянскае свята, якое пазней спалучылася з Тройцай. Апошняя, напрыклад, атрымала ў спадчыну такія звычаі, як «украшение домовъ, дорожекъ, улицъ, роговъ скотины зеленью разнаго рода» [2, с. 24]. Я. Карскі пісаў аб тым, што беларусы не ведаюць рускага Семіка ў чацвер перад Тройцай і адзначаюць Сёмуху непасрэдна ў дзень Тройцы [3, с. 168]. Пра супадзенне Сёмухі і Тройцы існуе і сведчанне, пададзенае А. Сержпутоўскім [4, с. 202].

Адваротную меркаванню Я. Карскага думку пра наяўнасць Семіка ў беларусаў меў вышэйзгаданы П. Бяссонаў, які, праўда, сведчыў, што Семік у Беларусі безабрадавы, у адрозненне ад рускага, і яго сляды захаваліся толькі ў песнях [2, с. 24–25]. Такім чынам, Семік сапраўды мог быць старажытным святам, якое ўрэшце ў беларусаў не атрымала пашырэння.

Што да Русальнага тыдня, то К. Машыньскі, як і шэраг іншых этнографіаў, на Палессі запісаў сведчанне, што Русальны тыдзень надыходзіць перад Тройцай [5, с. 246]. Гэта можа сведчыць пра тое, што

Русальны тыдзень або супадаў з Траецкім, або гэта былі два тыдні перад Тройцай, што сустракалася рэдка [6, с. 501]. Траецкі і Русальны тыдзень суправаджаюцца шэрагам абрадаў, прычым, як зазначаў М. Доўнар-Запольскі, пераважна ў абрадах удзельнічае моладзь [7, с. 308], бо вясна як пара абнаўлення прыроды, яе росту асацыюецца з парой маладосці.

Д. Зяленін меркаваў, што сямічка-траецкая абраднасць мае ў сабе два культы – культ расліннасці і культ т. зв. *закладных* нябожчыкаў [8, с. 394]. Першы культ у дадзеным аспекце асабліва важны. Ён пацвярджаўся звесткамі навукоўцаў з жыцця славян. Я. Анічкаў сцвярджаў наяўнасць шматлікіх доказаў таму, што славяне, як і германцы, пакланяліся дрэвам і гаям [9, с. 160]. Наогул жа, культы дрэў, згодна з даследчыкам, шырока распаўсюджаны ў абраднасці [10, с. 295].

Але адмысловае значэнне сярод дрэў у майскія дні, на думку Я. Карскага, мае бяроза, бо яна на гэты момант ужо пакрыта лісцем [3, с. 168]. Паводле А. Мілера, бярозы на момант святаў *«даже вь суровомь климатъ уже окончательно распускаются»* [11, с. 54]. Абумоўленае гэтым цэнтральнае становішча бярозы ў траецка-русальны перыяд сфармавала паняцце «сямічкай бярозкі», пад якой разумеецца любое дрэва, задзейнічанае ў тым ці іншым абрадзе. Так, Д. Зяленін адзначаў наступныя элементы ў беларускім рытуале з т. зв. *«семицкой берёзкой»*: унясенне ў паселішча зеляніны, ўбаранне чалавека ў бярозавыя галіны, кармленне бярозы і сумесная трапеза [12, с. 61].

Пры разглядзе абрадаў, прымеркаваных да траецка-русальнага комплексу, Я. Карскім найперш згадваюцца «дзяды». Цікава, напрыклад, што т. зв. «Стаўроўскія дзяды», згодна з Ю. Крачкоўскім (які называе дадзены прысвятак *«Ставрускими дедями»*), сінанімічныя тэрміну «Сёмуха» [13, с. 123]. Але т. зв. «стаўры» прыпадаюць на верасень [14, с. 43]. Разам з тым, у сучаснікаў Я. Карскага існуюць звесткі пра іншыя назвы звычайна памінання продкаў. М. Федароўскі занатаваў сярод іншага *каньчанскія дзяды*, якія прыпадалі на тыдзень перад Тройцай. Польскі этнограф Ю. Галомбэк зафіксаваў на Віцебшчыне т. зв. *летнія (троіцкія) дзяды* – субота перад Тройцай [15, с. 24]. На ўсходзе Мазырскага і ў Рэчыцкім павеце К. Машыньскі таксама перад Тройцай занатаваў *траечныя дзяды*. Тое самае знаходзім і ў Ч. Пяткевіча, які абазначаў *троіцкія дзяды* як канун Тройцы [15, с. 24–25]. Верагодна, ва ўсіх выпадках, прыведзеных вышэй, мы маем справу з адным абрадам. Але выклікае пытанні паходжанне назвы, пададзенай М. Федароўскім, што, праўда, з’яўляецца тэмай іншага даследавання.

Як адзін з элементаў траецкіх дзядоў Я. Карскі згадваў звычай «апахвання» (ці абмятання) магілы бярозавымі венікамі, які месцамі на

той час яшчэ сустракаўся. Ён тлумачыў гэта верай беларусаў у тое, што нябожчыкам павінна быць ад гэтага прыемна гэтак жа, як жывым ад лазні [3, с. 168]. Бярозавы венік таксама фігуруе ва ўсходнеславянскім звычэй рабіць з лісця такога веніка падушку для нябожчыка. Верагодна, што «апахванне» мае дачыненне да т. зв. «нябожчыцкага» веніка, якім падмяталі хату пасля вынасу нябожчыка [1, с. 311].

Яшчэ адзін і, бадай, самы галоўны від абраднасці, дзе фігуруе бяроза, – гэта ўпрыгожванне хат «маем», пад якім разумеецца любая зеляніна. Згодна з запісам А. Сержпутоўскага, «*май – гэта зялёныя маладыя веткі і цэлыя дзераўлякі, больш усяго бярозкі, клёнікі да ліпкі*» [4, с. 202]. Варта адзначыць, што бяроза і клён аднолькава часта фігуруюць у траецкіх песнях, запісаных у перыяд дзейнасці Я. Карскага.

Навукоўцы адзначалі ў тым ліку шырокае выкарыстанне «маю» ў траецкі перыяд. Паводле сведчання, занатаванага А. Сержпутоўскім у Палессі, да Русальнага тыдня «май» аздабляў хаты і двары [4, с. 203]. Е. Раманаў пісаў, што «май» клалі пад акном, у чырвоным куце, а таксама ім высцілалі дарожку ад брамы да хаты [16, с. 203]. Разам з тым, у Траецкі тыдзень забаранялася ставіць платы [16, с. 203], што, відаць, звязана з яшчэ незавершаным абнаўленнем прыроды. Тым не менш, Я. Анічкаў звяртаў увагу на тое, што ў славян само ўпрыгожванне не нясло семантычнай нагрукі ў абрадзе, бо падчас упрыгожвання не адбываецца ніякага рытуалу. Абрад, на яго думку, распачынаўся менавіта вынасам зелены з хаты [9, с. 142].

Апрача ўсяго, бяроза была і лекавым сродкам. Як сведчыў П. Шэйн, бярозу бралі ў царкву на асвячэнне дзеля далейшага лекавання [17, с. 185]. Пра гэты звычай пішуць і іншыя сучасныя П. Шэйну этнографы, не згадвачы тут бярозу, але праўдападобна, што яна займала тут адно з першых месцаў.

Этнографы таксама фіксавалі другараднасць ці адсутнасць бярозы ў дадзеным абрадзе. На Палессі, паводле К. Машыньскага, упрыгожванне хаты бярозай было нядаўняй традыцыяй, у параўнанні з аздабленнем клёнам [5, с. 246–247]. Тут зноў варта прыгадаць, што клён поруч з бярозай часта фігуруе ў траецкіх песнях. У Рэчыцкім жа павяце ўпрыгожванне хаты бярозай забаранялася, бо лічылі, што бяроза прыдатная адно «*для азелянення жыдоўскіх дамоў*» [5, с. 247]. Чым выклікана гэта забарона? У тым жа Рэчыцкім рэгіёне Ч. Пяткевічам была занатавана легенда аб паходжанні бярозы, у якую Бог за грахі ператварыў жанчыну, бо бяроза стаіць і плача, апусціўшы рукі [1, с. 156]. Сувязь бярозы менавіта з габрэйскімі хатамі, магчыма, тлумачыцца двухсэнсоўным стаўленнем славян да габрэяў, выкліканым ганімасцю апошніх за распяцце Хрыста [14, с. 173].

«Май», якім упрыгожвалі хаты, выкарыстоўваўся і ў варажбе. На Палессі, згодна з А. Сержпутоўскім, па «маі» судзілі аб будучым леце: калі ён хутка вяне, то «будзе харошае, пагодняе лето», а калі не завяне, то «будзе ліхое лето, будзе кепсько сохнуць сено й збожжэ» [4, с. 202–203]. Дадзеная сельскагаспадарчая прыкмета адлюстроўвае не толькі абрадавую, але і прыкладную важнасць «маю» ў жыцці беларусаў.

Нельга абмінуць увагай і т.зв. «ваджэнне куста». А. Афанасьеў і некаторыя іншыя сучасныя яму этнографы фіксавалі дадзены звычай у Пінскім павеце. Разам з тым, навуковец адзначаў агульнаеўрапейскі характар гэтай традыцыі. На Духаў дзень найпрыгажэйшую ў сяле дзяўчыну абвязваюць галінамі дрэў і водзяць па вуліцах і дварах [18, с. 706]. Такім чынам, паводле А. Афанасьева, ушаноўваюць лясную дзеву ці багіню Вясну, якая апранае дрэвы ў лісце. Паводле Д. Зяленіна, галоўная мэта абрада з Кустам – упадабленне татэму-дрэву [19].

Этнографы падкрэслівалі разнастайнасць раслін, якімі ўбіралі «куста». А. Афанасьеў сведчыў пра бярозавыя і кляновыя галіны [18, с. 706]. У сваю чаргу, А. Кіркор адзначаў, што, акрамя бярозы і клёна, давалі для абвівання дзяўчыны ліпу, кветкі ландыша, шаўковую (англійскую) і іншыя травы [20, с. 262]. Што да вышэйзгаданай распаўсюджанасці бярозы і клёна, то, напрыклад, П. Бяссонаў цытаваў адну з куставых песень, дзе актуальна проціпаўстаўленне бярозы клёну:

*«... у вась Кусты всё кленовые,
А вьночки всё ж перловые;
А у нас Кусты все лозовые,
А вьночки все ж берёзовые»* [2, с. 25].

У сваю чаргу, Е. Раманаў прыводзіў звесткі з Гродзенскай губерні, паводле якіх «на второй день праздника Троицы» дзяўчыну абвязвалі галінамі любога дрэва [21, с. 134]. Той жа А. Афанасьеў, наадварот, сведчыў пра аднастайнасць убрання «куста». Ён прыкмячаў, што 1 мая сельская моладзь абірала найпрыгажэйшую дзяўчыну, надзявала ёй вянок, абвязвала яе стан бярозавымі галінамі і вяла на месца гуляння [18, с. 710].

Важны этап траецкіх святаў – гэта пір пад бярозкамі, завіванне бярозак, і далейшае іх развіццё. Паводле Я. Анічкава, «завіванне» бярозкі адбываецца адразу пасля піра [9, с. 144]. П. Шэйн цытаваў песню, спяваную пры выбары дрэва для завівання (адсутнічае ў апісанні Я. Карскага):

*Не радуйся клён да ясення <...>
Ты радуйся блялая береза,
Къ табъ идуць дзгъўки красныя,
Табъ несучъ яшнни смашныя,
Горьлку горькую, скрыпку звонкую* [17, с. 186–187].

Існуе шэраг песень падобнага кшталту, дзе бяроза проціпастаўляецца іншым дрэвам, недазволеным ці непажаданым для завівання.

Акрамя таго, засталіся сведчанні навукоўцаў, якія пацвярджаюць песенны выгляд піру. Я. Анічкаў апісваў характэрны для ўсходніх славян пір так: *«под берёзки идут девушки с ячницей и пирогами или особым караваем, украшенным зеленью, и там происходит на вольном воздухе пир»* [9, с. 144]. Паводле П. Бяссонава, уначы пад Тройцу разводзяць вогнішча, робяць яешню і піруюць (пір можа адбывацца і на Міколу, і на каталіцкую Тройцу, што адпавядае праваслаўнаму дню Ўсіх Святых) [2, с. 24]. Д. Зяленін таксама сведчыў пра ядзенне яешні ў Семік пад бярозамі ў полі ці лесе [19]. Варта дадаць, што Я. Анічкаў лічыў усе абрадавыя піры астаткамі ахвярапрыношання [9, с. 144].

Завіваюцца бярозкі ў выглядзе вянка. Выбіралася для гэтага звычайна бярозка кудравая ці плакучая. Звычайна абрад выконваецца моўчкі. Падчас абраду завівання часам елі ляпёшкі «казулі» ў выглядзе вянка [9, с. 144]. Песні, якія выконваліся пры гэтым абрадзе, Я. Анічкаў класіфікаваў паводле іх прызначэння. У прыватнасці, аўтар цытаваў беларускую песню, згодна з якой абрад паспрыяе ўраджайнасці [9, с. 145]. Навуковец адзначаў сувязь такіх песень з вобразам зязюлі, дзе звычайна яе просяць не куваць зарана. Як выключэнне ён падае беларускую песню, дзе існуе адваротная просьба [9, с. 146].

П. Шэйн падрабязна апісваў непасрэдна само «завіванне» бярозкі: яе калыхаюць так, каб можна было ўхапіць галіны і звязаць іх з суседнім дрэвам [17, с. 190]. У сваю чаргу, М. Доўнар-Запольскі і І. Рубаноўскі адзначалі, што завіваліся дзве невялічкія бярозкі, прычым рабіла гэта кожная дзяўчына. Пасля яна павінна была прайсці пад завітымі бярозкамі [7, с. 309; 22, с. 515]. У некаторых мясцовасцях, паводле М. Доўнар-Запольскага, дзяўчаты танчылі і спявалі вакол завітых бярозак [7, с. 309]. Сведчанне пра карагоды вакол бярозкі з песнямі пакінуў і Д. Зяленін [9]. Бярозы стаялі завітымі тыдзень да наступнай нядзелі. Добрым знакам лічылася, калі бярозкі за гэты час не завянуць [7, с. 309]. Такую прыкмету апісваў і І. Рубаноўскі. Паводле ягоных звестак, развіць бярозу трэба абавязкова (інакш дзяўчына была праклятая), але рабілі гэта на «заговіны» ці ў дзень Пятра і Паўла. Рабілася гэта з *«пѣснями, угощеніемъ и хороводами»* [22, с. 515]. Д. Зяленін спасылаўся на беларускую песню, дзе бяроза праклінае дзяўчыну, што не развіла вянок. Ён вылучаў развіванне вянкаў як адмысловы абрад, які абазначаў раскумленне дзяўчыны і бярозы [ТКД].

Песні, спяваныя пры завіванні бярозак, падзяляліся М. Доўнар-Запольскім паводле сюжэту на некалькі тыпаў: кумленне дзяўчыны з бярозай, параўнанне дзяўчыны з бярозай, бяроза радуецца падарункам ад дзяўчат і ад старых, паклон бярозе [7, с. 309].

Кумленне таксама складала важны элемент траецка-русальнай абраднасці. Згодна з Д. Зяленіным, кумленне ўзнікла ў выніку змены аб'екта татэмічнага саюза з дрэвам, які паступова змяняўся на кумленне з дзяўчынай ці хлопцам. Яно, на думку навукоўца, адпавядала абменным адносінам, існым на той час у супольнасці з «*частичной индивидуальной собственностью*». Д. Зяленін сведчыў пра звычай цалавання і абмену рэчамі праз вянкi. Напрыклад, у раёне Смаленска ў XIX ст. кумленнем называўся трохкратны праход парамі пад завітымі аркай бярозамі [19]. П. Шэйн сведчыў, што кумленне адбывалася пасля завівання вяноў [17, с. 190]. У працяг тэмы песень, спяваных пры завіванні, варта нагадаць, што кумленне – адзін з сюжэтаў такіх песень.

Акрамя непасрэдна завівання бярозак у выглядзе вяноў, вянкi плялі, згодна з Я. Анічкавым, з галін бярозы, якімі ўпрыгожвалі хату [9, с. 149]. А. Афанасьёў зазначаў, што ў «*литовских и белорусских губерниях*» вянкi з зеляніны і палявых кветак надзяваюць каровам на рогі і на шыі [18, с. 707]. М. Доўнар-Запольскі, кажучы пра пляценне вяноў у тым ліку з галінак бярозы, дадае, што расліны для вянка маюць чарадзейную моц (у большай ступені тыя, што выкарыстоўваюцца ў прывароце). Акрамя таго, пляценне вяноў у некаторых мясцовасцях, паводле навукоўца, магло працягваць абрад завівання бярозак. Пасля, спяваючы, неслі вянкi да ракі для варажбы [7, с. 309]. Згодна з І. Рубаноўскім, вянкi пляліся з галінак ужо развітых бяроз разам са спевамі, пасля чаго дзяўчаты, надзеўшы вянкi, ішлі да ракі і спявалі песню, дзе дзяўчына параўноўваецца з бярозай. Пасля вянкi кідалі ў ваду і варажылі пра будучыню па тым, як вянкi плывуць. Добрай прыкметай лічылася, калі вянок заставаўся плыць [22, с. 515–516].

Навукоўцамі быў засведчаны і звычай пасадкі бярозы ля хат. М. Доўнар-Запольскі адзначаў, што бярозы саджалі пад вокнамі хат напярэдадні Тройцы. Усталяванне бярозак і галін іншых дрэў пад вокнамі ў духаўскую суботу фіксаваў у Магілёўскай губерні І. Рубаноўскі [22, с. 515].

Акрамя фіксацыі самога звычайу, даследчыкі натавалі цікавыя дэталі. Я. Анічкаў, спасылаючыся на польскага даследчыка Л. Галэмбёўскага, сведчыў, што ў Пінскім павеце «*и вь других местах Литвы*» ўсталёўвалі зялёнае дрэва менавіта падчас веснавых карагодаў [9, с. 140]. У сваю чаргу, А. Афанасьёў сцвярджаў, што 1 мая «*вь*

Литвь» на лузе ўсталёўвалі дрэва з рознакаляровымі стужкамі [18, с. 710]. Важна, што тут прысутнічае дакладнае прымеркаванне, нягледзячы на рухомасць свята Тройцы. Магчыма, што гэтая традыцыя не мела дачынення да Тройцы і траецкіх святаў.

Яшчэ адзін цікавы абрад, зафіксаваны сучаснікамі Я. Карскага на Беларусі, – гэта «тапленне русалкі». Паводле сведчання, сабранага на Палессі А. Сержпутоўскім, з «маю» робяць «русалку», якую з песняміносяць па полі і ўрэшце кідаюць у ваду, «топяць русалку» [4, с. 203]. А. Мілер сведчыў пра падобны звычай (рускі?) «купання» або «таплення» *«женского существа (величаемого ... Костромюю)»* на першую нядзелю пасля Тройцы. Дадзены персанаж згадваецца ў песнях, але ў рамках матыву таплення дзяўчыны і хлопца [11, с. 54].

Гайданне на дрэве як абрадавае дзеянне, падобнае да гайдання русалак, падчас Русальнага тыдня таксама мела месца ў нашых абшарах. А. Багдановіч сведчыў, што русалкі сядзяць пераважна на бярозах і клічуць мінакоў словамі: «Чалавек! чалавек! Хадзі калыхацца» [23, с. 77]. Абрад гайдання зафіксаваў у Быхаўскім павеце П. Шэйн: дзяўчаты гайдаюцца на бярозах і заклікаюць русалак гайдацца з імі [27, с. 127]. Але матывацыя дадзенага закліку аўтарам не тлумачылася. Магчыма, тут мы маем справу з формулай перасцярогі ад русалак.

Як бачым, ужо ў другой палове XIX – пачатку XX стст. этнографы і даследчыкі народнай культуры беларусаў адзначалі поліфункцыянальнасць бярозы ў траецка-русальнай абраднасці, а ў рэдкіх выпадках і спрабавалі вытлумачыць прычыну ўкаранёнасці дрэва ў траецка-русальную абраднасць і беларускія абрады наогул. Разам з тым, прысутнічала неаднастайнасць у адлюстраванні абрадаў этнографамі. Безумоўна, гаворка тут ідзе аб прадстаўленасці пэўнага абраду ў той ці іншай частцы Беларусі. Але відавочна тое, што ў перыяд навуковай дзейнасці Я. Карскага і яго сучаснікаў выкарыстанне бярозы ў траецка-русальнай абраднасці дасягала многіх беларускіх тэрыторый.

Спіс літаратуры

1. Славянские древности. Т. 1 : А – Г / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики ; редкол. : Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, А. В. Гура [и др.]. – М., Международные отношения, 1995. – 578 с.
2. Бессонов, П. А. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П. А. Бессонов. – М. : Петр Бессонов, 1871. – 176 с.
3. Карский, Е. Ф. Белорусы : [в 3 т.]. Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. Кн. 1. Народная поэзия / Е. Ф. Карский. – М. : Типо-литогр. Т-ва Кушнерев и Ко., 1916. – XIV, 557 с.

4. Сержпутоўскі, А. К. Русальная нядзеля : прымкі і забавоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі ; склад., уступ. арт., паслясл. У. К. Касько ; маст. В. Р. Мішчанка. – Мінск : Выш. шк., 2009. – 477 с.
5. Машынскі, К. Усходняе Палессе / К. Машынскі ; уклад., прадм., камент. У. Васілевіча ; пер. Л. Салавей. – Мінск : Беларуская навука, 2014. – 528 с.
6. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики ; редкол.: Т. А. Агапкина [и др.]. – М. : Международные отношения, 2009. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито) – 649 с.
7. Довнар-Запольский, М. В. Белорусы : этнографический очерк / М. В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи. Т. 1. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. – Киев : А. П. Сапунов, 1909. – С. 257–316.
8. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин ; пер. с немец. К. Д. Цивинной ; примеч. Т. А. Бернштам [и др.] ; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1991. – 511 с.
9. Аничков, Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. 1. От обряда к песне / Е. В. Аничков. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1903. – 392 с.
10. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – 386 с.
11. Миллер, О. Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности, с хрестомат. расположен. по эпохам / О. Ф. Миллер. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1865. – Ч. 1, вып. 1. От древнейших времен до татарщины. – 160 с.
12. Зеленин, Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов / Д. К. Зеленин ; Труды Института антропологии, этнографии и археологии. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1937. – Т. 15. Вып. 2. – 78 с.
13. Крачковский, Ю. Ф. Быт Западно-русского селянина / Ю. Ф. Крачковский ; Изд. имп. о-ва истории «Древностей Рос. при Моск. ун-те». – М. : В унив. тип, 1874. – 212 с.
14. Славянские древности / Российской академии наук, Институт славяноведения и балканистики. Т. 2 : Д – К (Крошки) / редкол.: Т. А. Агапкина, О. В. Белова, М. М. Валенцова [и др.]. – М. : Международные отношения, 1999. – 697 с.
15. Michiej-Charytoniuk, G. Obrzęd Dziadów w badaniach polskich etnografów // Беларусь вачыма польскіх этнографаў XIX – першай паловы XX ст. : да 200-годдзя Ю. Крашэўскага і 125-годдзя К. Машынскага : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 18–20 кастрычніка 2012 г. / уклад. : Н. С. Бункевіч [і інш.] ; рэдкал. : А. І. Лякотка [і інш.]. – Мінск : В. Хурсік, 2013. – С. 21–33.
16. Романов, Е. Р. Белорусский сборник : в 9 вып. / Е. Романов. – Вильна : Типография А. Г. Сыркина, 1912. – Вып. 8 : Быт белоруса. – 600 с.
17. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном : в 3 т. – Санкт-Петербург : Тип. имп. Акад. наук, 1887. – Т. 1, ч. 1 : Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – 585 с.
18. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1994 (репринт. изд.). – Т. 3. – 840 с.
19. Зеленин, Д. К. Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов / Д. К. Зеленин // Библиотека svitk.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://svitk.ru/004_book_book/14b/3163_zelenin-totemiheskiy_kult_derevev.php. – Дата доступа: 10.01.2020.
20. Живописная Россия : Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : в 12 т. [очерки] / под общей редакцией П. П. Семёнова. – Санкт-Петербург ; Москва : Издание Книгопродавца-Типографа М. О. Вольфа. – М. : 1881–1901. – Т. 3. Ч. 1. Литовское Полесье : со 113 рисунками в тексте 15 отдельными

РОЛЬ И МЕСТО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

картинами, резанными на дереве; Ч. 2, Белорусское Полесье : с 80 рисунками в тексте и 11 отдельными картинами, резанными на дереве. – 1882. – 490 с.

21. Материалы по этнографии Гродненской губернии : [в 2 вып.] / издание Управления Виленского учебного округа ; под ред. Е. Романова. – Вып. 1. – Вильна : Типография «Русский почин», 1911. – 237 с.

22. Опыт описания Могилевской губернии : в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов : в 3 кн. / составлен [с предисловием] и под редакцией А. С. Дембовецкого. – Могилев : Типография Губернского правления, 1882–1884. – Кн. 1. Могилев на Днепре. – 1882. – 782 с.

23. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белоруссов : этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно : Губернская тип., 1895. – 185 с.

24. Шейн, П. В. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний / П. В. Шейн. – Санкт-Петербург : Тип. Майкова, 1874. – 548 с.

BuikoTsimur

State Scientific Institution «Center of Studies of Belarusian Culture, Language
and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus»
e-mail: tsimurbelarus@gmail.com

USE OF BIRCH IN BELARUSIAN TRINITY AND RUSALKA RITES: NOTES BY E. F. KARSKY AND HIS CONTEMPORARIES

The multi-faceted in his scientific outlook, Karsky's personality is manifested, inter alia, in the study of Belarusian folklore. In the first part of the third volume of the work «Belarusians» entitled «Folk Songs», one of the sections is devoted to Belarusian Trinity and Rusalka rites dedicated to the cycle of holidays under the general name «Green week». The name itself, as the researcher noted, owes to the tradition of decorating huts and courtyards with greenery. Offering his vision of the problem, Karsky, obviously, also considered the statements of his contemporary colleagues, such as Anichkov, Afanasyev, Zelenin, Miller and others, related to certain aspects of the Trinity and Rusalka ritual. In addition, the researcher referred to the records of famous ethnographers Romanov and Shein, which reflect, among other things, the importance of plant symbols in the Belarusian song heritage and testify to its deep integration into the Belarusian Trinity and Rusalka ritual. Karsky also considers the commemoration of the souls of the departed as an honor of the Trinity and Rusalka rite in Belarus. The researcher paid considerable attention to the image of the mermaid, the origin of its name. In addition to decorating the huts with various greens for apotropaic purposes, scientists also considered such customs as curling wreaths, «plowing» (sweeping) the grave, cumulation. For example, in decorating the huts, the researcher saw not only traces of primitive beliefs, but also Christian motifs. But a special place during the Trinity and Rusalka cycle of holidays is occupied by birch. The report analyzes the views of both Karsky and contemporaries scientists on the semantics of birch in the Belarusian Trinity and Rusalka rites.

Keywords: birch, rite, Trinity and Rusalka complex.

Т. Т. Кручковский

**ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
Е. Ф. КАРСКОГО В ПЕРИОД ЕГО РЕКТОРСТВА
В ВАРШАВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Рассматриваются основные оценочные позиции известного российского филолога, палеографа, этнографа академика Е. Ф. Карского на польский вопрос в России в период его пребывания на должности ректора российского императорского Варшавского университета в 1905–1910 гг. Взгляды Е. Ф. Карского по польскому вопросу рассматриваются как в целом, так и в контексте проблемы реполонизации Варшавского университета в частности. В контексте творческого наследия Е. Ф. Карского данная проблема исследовалась только выборочно и специального исследования по заявленной нами проблематике не проводилось.

Ключевые слова: Польша, Россия, Варшавский университет, польский вопрос, польско-русские отношения, Е. Ф. Карский.

В контексте творческого наследия Е. Ф. Карского данная проблематика исследовалась только выборочно. Польский вопрос в России в интерпретации Е. Ф. Карского до сих пор не стал предметом специального историографического исследования, что объясняется естественным вниманием исследователей, прежде всего к белорусским и российским сюжетам его жизни и творчества.

До настоящего времени также не было опубликовано ни одной специальной научной работы, в которой бы детально рассматривалась деятельность профессора Е. Ф. Карского в должности ректора Варшавского университета. Первый шаг в этом направлении сделан исследователем творчества Е. Ф. Карского – А. А. Карским, внуком известного ученого [1]. Он собирал материал, воссоздавая цепь событий, по старым газетам и подшивкам журнала «Варшавские Университетские Известия». Некоторые важные документы были обнаружены им в архивах.

Однако специального исследования по заявленной нами проблематике до сих пор не проводилось: можно отметить только несколько упоминаний общего характера [2; 3]. В известных биографиях академика, написанных М. Г. Булаховым [4] и А. П. Цыхуном [5], об этом важном периоде в его жизни упоминается лишь вскользь. Всего несколько строк имеется и в работе зятя ученого, профессора В. И. Борковского «Академик Е. Ф. Карский (1861–1931)» [6].

В то время как научная литература о творческом наследии академика Е. Ф. Карского просто огромна, а порой и противоречива, сам он и не был в собственном смысле слова этнографом и рассматривал отражение

народного быта только в произведениях словесности. В общей оценке научного наследия Е. Ф. Карского выделяются два основных подхода: первый – он являлся одним из основоположников идеи самостоятельности, в работе Е. Ф. Карского «убедительно доказано, что белорусы являются отдельным этносом со своим языком и культурой» [4; 5; 7; 8 и др.]. Второй – Е. Ф. Карский был из представителей «западнорусизма» (белорусского регионального варианта панславизма, или, говоря современной терминологией «русского мира». – Т. К.), концепции, которая включала в единый русский народ и великорусов, и малорусов, и белорусов в качестве народностей [9–12 и др.]. Еще Я. Лёсик писал о работе Е. Ф. Карского: «Кніжка гэтая цікавая; шмат прынясе карысці кожнаму інтэлегентнаму беларусу, але, чытаючы яе, трэба памятаць, што аўтар усё яшчэ глядзіць на беларускую мову, як падмову маскоўскага языка. <...> Праф. Я. Ф. Карскі – з навукі прыхільнік маскоўскага цэнтралізму» [13].

Источниковой базой исследований Е. Ф. Карского, итогом всех его работ в области белорусоведения стали 7 выпусков «Белорусов». Первое издание было при жизни автора (с 1903 по 1922 гг.). По мере выхода книг ученый вносил нужные дополнения и поправки. Второе издание вышло в советское время в Москве: был издан только 2 том «Белорусов» («Язык белорусского народа»), 3 части в двух книгах (1 выпуск – М., 1955, 2–3 выпуск – М., 1956). Текст был отредактирован таким образом, что авторские слова «белорусское племя», «белорусское наречие», «западнорусское наречие» заменены соответственно на «белорусский народ», «белорусский язык», «западнорусский язык».

Уже в период Республики Беларусь было предпринято новое издание «Белорусов» в серии «Беларускі кнігазбор», однако по-прежнему в усеченном виде. Сюда вошли 5 глав I тома и фольклорные материалы из III тома. Авторы предисловия утверждали, что исследования Е. Ф. Карского «самі сабой гаварылі пра нацыянальную адметнасць і неабвержную самабытнасць беларускага народа і яго мовы» [14]. Показательно, что в этом издании нет 6 главы I тома, где говорится о соединении белорусов с Россией, о сохранении внутренних связей между частями русского народа. В 2005–2007 гг. произошло переиздание всех выпусков «Белорусов» в 3 томах, причем основой для II тома послужило издание советских времен с его исправлениями.

О роли, которая предполагалась российскому Варшавскому императорскому университету в политике русификации поляков, неоднократно отмечалось [2; 3; 15–23]. Ввиду царившей здесь враждебной атмосферы русские ученые ехали в Варшаву неохотно, хотя для них существовали определенные привилегии. Это мнение поддерживается и в польской

историографии [3, s. 106]. Причем отмечается, что картина не была однозначно негативной. Хотя Л. П. Лаптева не вполне согласна с данным мнением, отмечая, что такое мнение страдает односторонностью: здесь работали в разное время и крупные ученые прогрессивного направления. Однако далее она признает, что «правда, надолго они в Варшаве не задерживались, стремясь перебраться в центры научной и культурной жизни на основной территории России, – ведь Польша все же была провинцией, да еще с враждебно настроенным населением» [15, с. 478]. Некоторые из них, например, Н. Н. Любович, А. С. Будилович, оказалось, задержалась здесь надолго.

К русским ученым, оставившим среди поляков доброе мнение о себе, относились историки Н. И. Кареев, Н. Н. Любович [15, с. 478; 3, s. 106]. В то же время историки И. П. Филевич, А. С. Будилович остались в исторической памяти как русификаторы польского народа.

О варшавском периоде своей научной и общественной деятельности Н. И. Кареев весьма подробно рассказывал в своих воспоминаниях: глава 8. «Профессорство в Варшаве» [15, с. 156–172]. К воспоминаниям Н. И. Кареева о Варшавском университете относятся также и ряд «писем» (т. е. небольших статей) ученого того периода. В них ученый представил свои личные впечатления о Польше, польском вопросе, а также, в том числе и о Варшавском университете в целом и о его польских студентах в частности.

Как замечал ученый, ключом к взаимопониманию его и польского окружения оказалось объективное и уважительное отношение к польской истории, а также отношение к полякам как равноправным партнерам. «Так, простое исполнение элементарного требования науки приписывалось мне в заслугу, – писал Н. И. Кареев, – ибо у поляков давно господствовало мнение, что русский историк не может писать объективно о польской истории» [15, с. 166].

В этих условиях в 1893 г. Е. Ф. Карского зачислили преподавателем русского языка в Императорский Варшавский университет, а через год назначили экстраординарным профессором на кафедре русского и церковнославянского языков. В 1902 г. Карский стал деканом историко-филологического факультета. С 1892 по 1896 гг. Н. Н. Любович являлся деканом историко-филологического факультета. Опыт этот, по всей видимости, был не слишком удачным с его точки зрения, поскольку на позднейшие призывы возглавить факультет он отвечал решительным отказом [25, с. 92]. Вероятно, историку было некомфортно вести административную и идеологическую деятельность, несмотря на свои относительно консервативные взгляды в польском вопросе, он не желал быть активным проводником русификаторской политики правительства.

Как вспоминал Н. И. Кареев, заметны были отличия студентов-поляков и российских студентов университета. Он отмечал их более высокую общую подготовку к учебному процессу, иной стиль межличностных отношений между собой и преподавателями университета [26]. По его мнению, большинство русских студентов в Варшавском университете являлись ими по причине невозможности поступления в университеты России, в то время как большинство польских студентов не могли поступать на исторический факультет и вынуждены были учиться на естественнонаучных отделениях [26]. В отношении историка А. Павиньского, работы которого Н. И. Кареев использовал в своей исторической полонистике, ученый отмечал, что тот был выдающимся ученым и именно он должен был преподавать в университете историю своего народа, «но такой в Варшаве не полагалось» [15, с. 166].

В биографиях Е. Ф. Карского часто отмечается, что он стал первым избранным ректором Варшавского университета. Однако упускается ряд существенных моментов. В конце августа 1905 г., в момент подъема Первой Русской революции, в университетскую среду пришла потрясающая новость – Именной Высочайший Указ, данный Сенату 27 августа, «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства Народного Просвещения». В Указе говорилось: «...§ 1. В Университетах Совету и факультетам предоставляется избирать: первому – Ректора и его Помощника, где таковая должность установлена законом, вторым – Деканов и Секретарей факультетов. Ректор и его Помощник избираются из числа Ординарных Профессоров, Деканы и Секретари – из всех Профессоров соответственного» [1].

Как проходила в Варшавском университете подготовка к первым выборам ректора по новым правилам, какие кандидатуры обсуждались в кулуарах, пока не известно. А. А. Карский также не располагает и протоколами экстраординарного заседания 6 сентября. Однако сохранились в архиве три письма 1905 г. от попечителя Варшавского учебного округа А. Н. Шварца – два неофициальных и одно официальное. При этом частное письмо от 7 сентября 1905 г. помечено, что писалось в 12 часов ночи (!) и в нем говорилось о получении «Высочайшего разрешения на утверждение профессора Карского ректором», подписанного генерал-лейтенантом Глазовым [1].

Нет необходимости напоминать, что в числе ординарных профессоров не было представителей поляков. Сам академик Е. Ф. Карский позже, в 1927 г., так объяснял обстоятельства своего избрания: «Ректором Варшавского Университета я действительно был избран после первой

революции в 1905 г. и вторично переизбран в 1908 г. с целью установления приемлемого *modus vivendi* с поляками (прибавка 3-х польских кафедр), а не для обрусения их, что видно из корректных отношений ко мне поляков до сих пор» [1]. Это было уже заявление задним числом с целью объяснения своей прогосударственной русификаторской позиции, при этом он не вспомнил, что ему, конечно, было известно, что университет был давно закрыт по причине требования поляками его реполонизации, и новому ректору вряд ли удастся в ближайшем будущем восстановить учебный процесс.

С целью сохранения прежнего положения «Совет Императорского Варшавского университета вышел с ходатайством к г. министру народного просвещения об отсрочке начала занятий в университете» [27]. Однако собравшиеся студенты подтвердили решимость продолжить бойкот университета до тех пор, пока он не станет польским [28, s. 133]. В этих условиях свыше 100 русских студентов решили покинуть Варшавский университет, мотивируя свое желание тем, что они не хотят стоять на дороге у поляков и препятствовать полонизации университета. Однако «пред советом делегаты студентов эту мотивировку дополнили иными соображениями, – и, между прочим тем, – что их жизнь становится невыносимой в Варшаве, что польская ненависть гнетет их» [29, с. 8].

В этой ситуации ректор Е. Ф. Карский поддержал правительственную позицию о принятии соответственных мер «к недопущению в стенах университета каких-либо сборищ при участии посторонних лиц. При невозможности же достигнуть этого мерами совета, ему надлежит возбудить по телеграфу ходатайство о закрытии университета, согласно пун. б § 2 высочайшего указа 27 августа сего года» [1].

Новый ректор университета созвал профессоров для обмена мнениями о создавшейся обстановке. Однако в общей ситуации растущего общественного неповиновения, роста национального движения и социальной революции в русской Польше (так, после бойни на Театральной площади возле Ратуши, когда войска открыли огонь по людям, протестующие собрались вновь) прогнозы развития событий в соответствии со сценарием царского правительства на этот раз были неутешительны. В связи с этим Е. Ф. Карский начал действовать по второму варианту: «В таких условиях всякая учебная деятельность оказывается невозможной. Поэтому Совет Императорского Варшавского университета, не находя в настоящее время другого исхода, возбуждает ходатайство о закрытии университета и о размещении всех желающих из наличного состава студентов по другим высшим учебным заведениям в России» [30]. И, как предполагалось, Ми-

нистерство удовлетворило это ходатайство, причем университет был закрыт «без обозначения даже срока, на который он закрывается» [29, с. 30].

Важные сведения о позиции ректора Е. Ф. Карского в вопросе дальнейшей судьбы Варшавского университета содержатся в «Записке о современном положении Императорского Варшавского Университета». Эта брошюра была отпечатана в типографии Окружного Штаба, дозволена цензурой 14 февраля 1906 г. Пометка «На правах рукописи» указывает на то, что тираж был ограничен и не предназначался для широкого распространения. Работала, вероятно, специальная комиссия, составленная из профессоров. Степень участия Е. Ф. Карского установить вряд ли возможно, хотя текст в окончательной редакции принимал, несомненно, Совет университета под его председательством [1]. Отмечалось в частности, что «...существование русского университета в Варшаве немыслимо ни теперь, ни в ближайшем будущем. Борьба создала атмосферу, при которой нельзя существовать, которая невыносима не только для русских студентов, но и для профессоров» [29, с. 15–16]. В брошюре рассматривается несколько вариантов развития событий: совершенное упразднение университета; общая единовременная его полонизация; существование его какое-то время в смешанном русско-польском виде.

В итоге составители «Записки» делали вывод: «Единственным выходом из нынешнего тяжкого положения представляется перенесение ныне существующего Варшавского университета в один из крупных русских городов, где он, конечно, встретит сочувственное отношение со стороны всего населения и потому с особым успехом разовьет ученую деятельность вне тяжелых условий национальной ненависти, нетерпимости и борьбы» [29, с. 22].

Е. Ф. Карский с согласия министерства поддерживал вариант совершенного упразднения университета в Польше и переводе его в какой-либо российский город, в основном речь шла о Поволжье, в частности, о Саратове. Итоги беседы с министром Е. Ф. Карский изложил в письме, содержание которого показывает его подход к будущему университета: «На совещании в СПбурге постановлено не открывать варшавских высших учебных заведений... Министр только желает, чтобы мы сами ходатайствовали об увольнении за штат, так как нам «надо уйти с честью и демонстративно» [1]. Заканчивалось это письмо, по его мнению, горькой констатацией ситуации: «...вообще в Варшаве теперь жить опасно» [1].

«Увольняться за штат» Е. Ф. Карский и российская профессура университета не стали. Сам Е. Ф. Карский решил воспользоваться приглашением декана историко-филологического факультета Московского университета М. И. Соколова на заведование кафедрой русского языка и словесности [1]. Свое согласие он подтвердил и позже: «Покойным деканом Ист. фил. фа-

культета Моск. У-та мне предложено было занять у них кафедру русс. языка; я ответил, что мог бы быть у них штатным преподавателем, но окончательного слова не дал. Теперь факультет у них будет в другом составе, и желание факультета мне не известно. Пока остаюсь в Варшаве...» [1].

Эта позиция Е. Ф. Карского и официальной власти Российской империи не разделялось всем российским обществом. Как уже отмечалось, часть студентов и русских профессоров, не желая стоять на дороге у поляков и препятствовать полонизации университета, переводились в вузы России. Покинул Варшаву и известный российский либеральный историк, медиевист Д. М. Петрушевский.

Поддерживал идею реполонизации Варшавского университета и созданный в 1905 г. российский Академический союз, состоящий из крупнейших российских либерально настроенных ученых. Одним из его основателей стал Н. И. Кареев (в прошлом профессор Варшавского университета). Историк активно продвигал новую идею для российской национальной политики (новую и для себя. – *Т. К.*) о реполонизации Варшавского университета [2]. В своих воспоминаниях ученый неоднократно приводил примеры недоброжелательного отношения к нему и деятельности Академического союза именно по причине пропольских симпатий, поддержки идеи реполонизации Варшавского университета попечителя учебного округа известного полонофоба А. Апухтина, его единомышленника, известного консервативного историка и общественного деятеля, профессора Варшавского университета А. С. Будиловича [15, с. 159–160, 170 и др.].

Новое открытие Варшавского университета (как российского) прошло к началу учебного 1908 г. Утверждение Е. Ф. Карского в должности ректора (он был единственным кандидатом. – *Т. К.*) на второй срок состоялось уже после открытия университета. На 31 августа оказалось 729 зачисленных, еще двое были приняты по специальному распоряжению, сверх комплекта, на юридический и медицинский факультеты. В итоге поступило всего 805 студентов, из них подавляющее большинство – 643 человека – православного вероисповедания, 67 – иудейского и только 42 – римско-католического [1].

На историко-филологическом факультете вакантными были кафедры русской истории, всеобщей истории, славянской филологии, истории всеобщей литературы, греческой словесности, римской словесности и лектуры польского и итальянского языков. Отсутствие лектора польского языка является отголоском недавнего бойкота университета – никто из поляков не желал занимать это место. Однако профессором по вновь учрежденной кафедре польской словесности с правом преподавания на польском языке, стал известный филолог Ф. Ф. Вежбовский [1].

Представленная позиция ректора Е. Ф. Карского в отношении реполюнизации Варшавского университета не была случайной. Автором статьи уже отмечались противоположные оценки общественно-политических взглядов Е. Ф. Карского по перспективе белорусского вопроса и статуса белорусского языка. Эти оценочные позиции и общественно-политические взгляды Е. Ф. Карского, согласно нашему мнению, нашли свое отражение и в его интерпретации польского вопроса и его перспектив в России. Правда, по данному вопросу Е. Ф. Карский в период своего ректорства не высказывался, однако занятая им официальная позиция говорит сама за себя. Определенные ответы на заданный вопрос мы можем получить также из трудов академика и в первую очередь его «Белорусов».

Исследования Е. Ф. Карского имеют историческое значение в первую очередь потому, что в них по языковому признаку описывается территория проживания белорусов в начале XX в. Белорусский народ ученый называл «племенем», «народностью», а язык – «наречием». Эта позиция Е. Ф. Карского близка к точке зрения основателя западнорусизма, его земляка – М. О. Кояловича [31]. При этом ученый, согласно его карте распространения языковых наречий, относил к белорусам поляков не только северо-западного края, но и Виленщины, Белостока, Ломжи и Августова. При таком подходе видно, что Е. Ф. Карский в качестве польского языка рассматривал только его литературную версию. Смешанные, переходные говоры или «простой язык» принимались им как белорусский. Отметим, что не только в современной белорусской, но и в части польской науки существует эта точка зрения [32]. Как впрочем, в современной науке существует мнение о том, что смешанные, переходные говоры или «простой язык» – это польский язык [33–35].

Близка также точка зрения Е. Ф. Карского к оценкам М. О. Кояловича [31; 36 и др.] о роли «польскости», польского элемента в развитии идеи сепаратизма (национального самосознания как отдельной нации. – Т. К.) среди белорусов. В заключении последнего тома «Белорусов» в 1922 г. он писал: «Белорусское движение с самого своего зарождения (Богушевич), как это отчасти было заметно и у некоторых старых белорусских писателей (Верыга, Кондратович, Коротынский) из поляков, в известном круге своих представителей (обыкновенно католиков) питало сепаратистские тенденции. Для того, чтобы отвлечь внимание недалеких читателей от главной цели своих стремлений, более умные вожаки движения прибегали к импонирующим средствам, могущим льстить местному патриотизму: пытались создать из белорусов особую славянскую, отличную от русских нацию; старались подчеркивать

«славное прошлое» белорусского народа; выдвигали своеобразные особенности языка белорусского, избегая и преследуя название его наречием и видя в нем также не русскую разновидность» [37].

Сами белорусы до начала XX в. не называли себя белорусами. «Простой народ в Белоруссии не знает этого названия, – писал ученый, – на вопрос: кто ты? простолюдин отвечает: – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он «тутэйшыі» – здешний, конечно, противопоставляя себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае» [36, с. 114]. На границе с поляками белорусы именовали себя «русь» [36, с. 38].

В своем этнографическом описании приводил Е. Ф. Карский также важные статистические данные. На 1903 г. получилось около 8,5 млн. человек. Большинство из них – православные. В городах и больших местечках до $\frac{3}{4}$ жителей – евреи [36, с. 170]. Согласно данным из «Виленского календаря» за 1903 г., приводимых Е. Ф. Карским, православных в 6 белорусских губерниях было свыше 5,6 млн., католиков – 3,3 млн., иудеев – 1,6 млн., старообрядцев – 184 тыс., протестантов – 127 тыс. [36, с. 170]. Интересно, что, принимая эти статистические данные (противоречащие официальным данным переписи о соотношении поляков в крае), Е. Ф. Карский, считая в основном белорусов православными, а католиков – поляками, не объяснял этого несоответствия.

Таким образом, в отношении польского вопроса и его перспектив в России и в Западном крае Е. Ф. Карский выступил с позиций западнорусизма. Эти взгляды ученого отразились и на его административной позиции: в период ректорства Е. Ф. Карский выступил противником реполонизации российского императорского Варшавского университета и рассматривал возможность его перенесения вглубь России.

Список литературы

1. Карский, А. А. Е. Ф. Карский – ректор Императорского Варшавского университета [Электронный ресурс] / А. А. Карский. – Режим доступа: <https://webmaster.yandex.by/siteinfo/?site=zapadrus.su/>. – Дата доступа: 08.03.2020.
2. Bardach, J. Udział uczonych rosyjskich w walce o repolonizację Uniwersytetu Warszawskiego w latach 1905–1906 / J. Bardach // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. – 1979. – Т. 13, з. 1. – С. 45–62.
3. Bardach, J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N. I. Kariejew / J. Bardach // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. – Warszawa, 1980. – С. 104–154.
4. Булахов, М. Г. Евфимий Федорович Карский: Жизнь, научная и общественная деятельность / под ред. В. И. Борковского ; Белорус. гос. ун-т. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 272 с.

РОЛЬ И МЕСТО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

5. Цыхун, А. П. Акадэмік з вёскі Лаша. Я. Ф. Карскі : краязнаўча-біяграфічны нарыс / А. П. Цыхун. – Гродна, 1992. – 76 с.
6. Борковский, В. И. Академик Е. Ф. Карский (1861–1931) / В. И. Борковский // Изв. Ярославского пед. ин-та. – 1945. – Вып. 5. – С. 3–44.
7. Новик, Е. К. История Беларуси / Е. К. Новик, И. Л. Качалов, Н. Е. Новик. – Минск, 2010. – 282 с.
8. Трещенок, Я. И. Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь / Я. И. Трещенок. – Могилев : МГУ им. А. Кулешова, 2006. – 134 с.
9. Гронский, А. Д. Академик Е. Ф. Карский как идеологический конструкт белорусской национальной мифологии / А. Д. Гронский // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения : сборник материалов Международной научной конференции, 28–29 сентября 2018 г. Орел / Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева ; под общей ред. д. и. н., проф. В. В. Шелохаева. – Орел : ОГУ, Издатель Александр Воробьев, Издательский дом «ОРЛИК», 2018. – С. 304–312.
10. Чарота, И. А. Карский Евфимий Фёдорович / И. А. Чарота // Православная энциклопедия. – М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. – Т. XXXI. – С. 357–360.
11. Гронский, А. Д. Методы национализации белорусской истории / А. Д. Гронский // Западная Русь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/530-2012-10-04-13-46-23.html#bookmark3>. – Дата доступа: 08.03.2020.
12. Аверьянов-Минский, К. Белорусский национализм против русского мира / К. Аверьянов-Минский, В. Мальцев. – М. : ММО «CIS-ЕМО», 2015 – 192 с.
13. Карский, Е. Ф. Белорусы Т. III. Очерки словесности белорусского языка : в 2 кн. – Минск: БелЭн, 2007. – Кн. 1. Народная поэзия. Прадмова. – 704 с.
14. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі. – Мінск : МГА «Беларускі кнігазбор», 2001. – 637 с.
15. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев. – Л., 1990. – 382 с.
16. Maternicki, J. Nikolaj Iwanowicz Kareejew a polska edukacja historyczna / J. Maternicki / Historiografia i kultura historyczna studia i szkice. – Warszawa, 1990. – Z. XIII. – S. 536–579.
17. Лаптева, Л. П. Николай Иванович Кареев (1850–1931) / Л. П. Лаптева // Историки России XVIII–XX вв. – М., 1998. – Вып. 5. – С. 44–54.
18. Аржакова, Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. – СПб., 2010. – 343 с.
19. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский, А. Н. Нечухрин // Гістарыяграфічная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. – Мінск, 1995. – Ч. II. – С. 116–123.
20. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века / Т. Т. Кручковский. – Гродно : ГрГУ, 2016. – 384 с.
21. Кручковский, Т. Т. Польский вопрос накануне Первой мировой войны в оценке Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский // Военно-историческое наследие Первой мировой войны в Республике Беларусь и Российской Федерации : сб. науч. ст. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 112–122.
22. Кручковский, Т. Т. Польский вопрос в России начала XX века в оценке Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский // Вести Института современных знаний. – 2009. – № 4 (41). – С. 48–52.
23. Кареев, Н. И. Польская медаль в память Апухтина // Н. И. Кареев // Голос минувшего. – 1916. – № 2. – С. 172–173.
24. Кареев, Н. И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905 гг.) / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. Стасюлевича, 1905. – 264 с.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

25. Иванов, Ю. Ф. Научная деятельность Н. Н. Любовича / Ю. Ф. Иванов // Советское славяноведение. – 1980. – № 4. – С. 82–93.
26. Кареев, Н. И. Варшавские письма / Н. И. Кареев // Русская Мысль. – 1881. – № 5, № 8 ; 1882. – № 7, № 10.
27. Варшавский Дневник. – 1905. – № 255. – 16 сент. – С. 2.
28. Kiepuska, H. Warszawa w rewolucji 1905–1917 / H. Kiepuska. – Warszawa, 1974.
29. Записка о современном положении Императорского Варшавского Университета. – Варшава, 1906.
30. Варшавский Дневник. – 1905. – № 290. – 21 окт. – С. 2.
31. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. – 461 с.
32. Smułkowa, E. Białoruś i pogranicza: studia o języku i społeczeństwie / E. Smułkowa. – Warszawa, 2002. – 651 с.
33. Kurzowa, Z. Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w. / Z. Kurzowa. – Warszawa-Kraków, 1993. – 782 s.
34. Winnicki, Z. J. Szkice polsko-białoruskie / Z. J. Winnicki. – Wrocław, 1998. – 158 s.
35. Kruczkowski, T. Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności / T. Kruczkowski. – Słomim, 2003. – 272 s.
36. Коялович, М. О. Глушение над русским и православным делом в Западной России: три письма об этом проф. М. О. Кояловича / М. О. Коялович. – СПб, 1880. – 19 с.
37. Хотеев, А. Взгляды Е. Ф. Карского на белорусский язык и культуру [Электронный ресурс] / А. Хотеев. – Режим доступа: <https://webmaster.yandex.by/siteinfo/?site=zapadrus.su/>. – Дата доступа: 08.03.2020.
38. Карскі, Я. Беларусы /Я. Карскі. – Мінск : МГА «Беларускі кнігазбор», 2001. – 637 с.

Kruczkowski Tadeusz
Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: tkruczkowski@yahoo.com

POLISH QUESTION IN RUSSIA IN INTERPRETATION OF E. F. KARSKY BEING THE HEAD OF WARSAW UNIVERSITY

E. F. Karsky, as the head of the university, opposed its repolonization. Under the conditions when it was hardly possible to save Warsaw University in Poland, he was proposing to transfer it deeper into Russian land.

Keywords: Poland, Russia, Warsaw University, polish question, Polish-Russian relations, E. F. Karsky.

РАЗДЕЛ 3
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ:
ПУТЬ ОТ Е. Ф. КАРСКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

УДК 811.161.1'27:811.161.3'27

А. К. Шапошников

«ЛЕХИТСКИЙ ПОЯС ДРЕВНЕЙ РУСИ»:
ПО СЛЕДАМ ЛЕХИТСКИХ НАРЕЧИЙ ДО ИНТЕГРАЦИИ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ VIII в.¹

Северославянские племена, с VI–VII вв. обитавшие к северу от Карпат, а также в заболоченном Припятском Полесье именовались собирательно лендзянами (ляжанами?). В 940-е гг. эти племена все еще сохраняли свое самоназвание и известную самобытность. Так, эти лендзяне или лендзене расселились где-то западнее Киева, на притоках Припяти и Днепра (ср. праслав. *lęža 'водоём!'). Восточнее Киева (ср. польск. *kijów*) простиралась земля полян (ср. польск. *polane*). Средневековые летописцы утверждали, что радимичи и вятичи пришли от ляхов (т. е. из ареала суковско-дзедзицкой археологической культуры, простиравшегося в VI–VII вв. к западу от Вислы) и подселились к сѣверам и хорватам. Этноним радимичей толкуется соотносительно с польск. местным названием *Radom* в Сендомирском воеводстве Малопольши. В составе вост.-слав. и др.-русск. общности оказались и лехитские вятичи. Вятические курганы VIII–IX вв. в значительной степени исследованы (ср. священный курган Леха в Гнезно). С вятичами справедливо связывают памятники археологической культуры Верхнего Поочья VIII–IX вв. н. э. О. Н. Трубачев приводил такие топонимические изогlossы Московии и Мазовши с Хелминской землёй, как *Вициж ~ Uściż, Москва ~ Moskiew, Проня ~ Prony, Трубеж ~ Trąbeż, Тула ~ Tul, Угра ~ Wiahr, Wiar, Wihor*. Однако, лехитское лексическое наследие сохранилось и в апеллятивном лексическом фонде древнерусского языка, о чём нынешние русисты вспоминают очень редко. А речь идёт об очень значительном древнем лексическом ингредиенте лехитского вида в русском языке. В статье приводятся некоторые исключительные русско-польские этимологические изогlossы, обнаруживаемые в исторических и этимологических словарях русского языка, которые не могут быть охарактеризованы как лексические проникновения или адаптированные заимствования. Это очевидное доказательство древнего языкового родства лехитских наречий Польши и Руси.

Ключевые слова: гидронимы, топонимы, этнонимы, апеллятивы, лексические изогlossы, лексический ингредиент.

Средневековые летописцы утверждали, что радимичи и вятичи пришли от ляхов [1, с. 69–73] (т. е. из ареала суковско-дзедзицкой археоло-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

гической культуры, простиравшегося в VI–VII вв. к западу от Вислы) и подселились к северам и хорватам. Этноним *радимичей* толкуется как производный с суффиксом *-ичи* от усеченного композита *Радимирь*, соотносимого с польским именем собственным *Радомирь* и местным названием *Радом* в Сендомирском воеводстве Малопольши. В составе восточнославянской и древнерусской общности оказались и лехитские вятичи. Вятические курганы VIII–IX вв. в значительной степени исследованы (ср. священный курган Леха в Гнезно). С вятичами справедливо связывают памятники археологической культуры Верхнего Поочья VIII–IX вв. н. э. [2, с. 202–203]. «Как полагают, они пришли в начале VIII в. на верхнюю Оку, на земли, где уже жили балты... Несмотря на это, они успешно сохранили свою славянскую самобытность. Выразилось это, среди прочего, и в том, что именно... в Поочье “ляшское” племя вятичей воспроизвело фрагменты топонимического ландшафта своей далекой “ляшской” родины» [3, с. 76].

Обломки, фрагменты лехитского языкового вида сохранились, прежде всего, в исторической топонимии вятических, радимических, полянских, лендзянских земель.

Замечено, что в Поочье «ляшское» племя вятичей воспроизвело фрагменты топонимического ландшафта своей далекой «ляшской» родины» [3, с. 76]. О. Н. Трубочёв имел в виду такие топонимические изоглоссы Московии и Мазовши с Хелминской землей, как *Вициж* ~ *Uściż*, *Москѡва* ~ *Moskiew*, *Проня* ~ *Prony* (ряз.), *Трубѣж* (пр. Снова и Десны; ряз.) ~ *Trąbż* [4, с. 210, 221; карты № 1, 9; 5], *Тула* ~ *Tul*, *Угра* ~ *Wiahr*, *Wiar*, *Wihor*. «Особое скопление западнославянских по происхождению местных названий... приходится на Верхнее и Среднее Поочье, а не на сопредельную с польским Мазовшем Белоруссию!» [3, с. 77]. Сюда же, вероятно, следует добавить пережитки гидронимической основы **strumy-* <**straumōn* (праслав. диал. **strumy*, *-ene*, **strumykъ*).

В ареале становления старобелорусских говоров замечены гидронимы *Струмель* / *Strumiel*, *Струмень* / *Strumien* (SG VII, 27: XIV–XV вв.), *Strumień* (SG XI 419) – приток р. Сож, устье в Пинском районе Брестской области [6, с. 414] и *Стрымин* – болото в области Двинска / Даугавпилса [6, с. 416]. Это безусловно старопольское наследие. В современном белорусском языке основа функционирует и в виде апеллятивов, к примеру, белорусско-русский словарь приводит следующие слова: *струменісты* (польск. *strumienisty*), *струменіца*, *струменіць* (польск. *strumieniec*), *струменны* (польск. *strumienny*, *strumienna*), *струмень* (польск. *strumień*), *струменьчык* (польск. *strumieczek*) [7, с. 893], которые являются не исконными, а заимствованными и фонетически адаптированными из провинциальных польских диалектов восточных воеводств Речи Посполитой.

В малорусских говорах однокоренные формы *stroma* (польск. *stroma, strom, -u*), *stromина*, *stromовина*, *струмок*, *-мка* (польск. *strumyk, -yka / stromek, -mka*), *струмковий* (польск. *strumykowy*), *струминь* (польск. *strumień*) являются также не исконными (из говоров лендзян и полян), а заимствованными и фонетически адаптированными из провинциальных польских диалектов восточных воеводств Речи Посполитой XVI–XVIII вв. В том числе и одиночный производный (от польск. устар. *stroma, strom* ‘*urwisko*’) гидроним *Строминский поток* (л. Замагуровки, л. Чёрной речки, л. л. Дедушковой речки, пр. Чёрного Черемоша, л. Черемоша, пр. Прута, л. Дуная) [5, с. 534].

Северо-восточный славянский ареал являет редкие случаи сохранения гидронимической основы **strumькъ*: гидроним *Струмок* (пр. Журавля, пр. Ивота, л. Десны) [4, с. 189, карта № 1; 5, 535] именно в ареале диалекта радимичей. Возможно, это единственное свидетельство исконности основы **strumькъ* в диалекте радимичей, пришельцев от ляхов, в отличие от экспансии в сопредельной Малороссии рефлексов старопольской формы *strumyk*, которая явно идёт на убыль, по сравнению с собственным польским ареалом.

Особенно много гидронимов с основой **strom-* / **strum-* в Малопольше и Великой Польше, вот примеры из «Гидронимии Вислы»: *Strom, Stromek(fliess)* [8, с. 502], *Stromke, Stromken* [8, с. 502], *Stromyk, Stromyke jez.* [8, с. 502], *Stromczyk jez.* [8, с. 617], *Strumieniec jez.* [8, с. 756], *Strumieniec staw* [8, с. 7], *Strumień* [8, с. 40, 139, 279, 335, 564], *Bobrownicki-Strumień* [8, с. 594], *Głęboki-Strumień* [8, с. 277], *Kanal-Strumień* [8, с. 139], *Lesny-Strumień* [8, с. 814], *Mlynski-Strumień* [8, с. 478], *Olszowiecki-Strumień* [8, с. 302], *Strumień Regulicki* [8, с. 33], *Strumień Ryłski* [8, с. 570], *Strumień Ważyński* [8, с. 580], *Wiśniewski-Strumień* [8, с. 454], *Wodzisławski-Strumień* [8, с. 134], *Zgłowiński-Strumień* [8, с. 594], *Strumny* [8, с. 238], *Strumyk* [8, с. 39], *jez Strumyk* [8, с. 502, 617], *Belczanski-Strumyk* [8, с. 472], *Dziedzicow-Strumyk* [8, с. 305], *Krzywy-Strumyk* [8, с. 474].

Кроме того, в польском языке функционировали апеллятивы, хоть и малоупотребительные и даже вышедшие из употребления, согласно Яну Карловичу и словарю варшавскому [9, с. 465]: малоупотр. *strum* ‘поток’, *strumieniancy*, *strumienić się*, *strumienienie się*, *strumieniowy*, *strumioniwka*, *strumienisty*, *strumienny*, *strumieniście*, *strumien*, малоупотр. *strumisko*, *strumowaty*, *strumyczek*, *strumyk*, вышедшее из употр. *strumyszczek*.

Что это значит? С одной стороны, функционирование производящей основы, как апеллятивной, так и гидронимической, подтверждает искон-

ный статус этого слова в лехитской группе диалектов. С другой стороны, широкое распространение простейшей гидронимической основы обычно характерно для ареала вторичного заселения и освоения территории. Иными словами, в Польшу эта древнейшая праславянская основа попала с праславянской прародины, откуда-то с юга (ср. болг. *Струма*, травс. Струѡв).

В великорусских говорах старорусского языкового состояния к XVI–XVII вв. ещё сохранялись лишь пережитки апеллятивов, унаследованных в древнерусском языке из диалектов вятичей и радимичей, выходцев от ляхов. Вот почему полностью вышедшие из живого употребления формы *струмънь* и *струмокъ* были исконными, древними в великорусских диалектах. Переселенцы из этого ареала и могли занести одиночные гидронимы *струмень* и многочисленные *струмок* в Новосербию в первой половине XVIII в.

Однако лехитское лексическое наследие сохранилось и в лексическом фонде древнерусского языка, о чём нынешние русисты вспоминают очень редко. А речь идёт об очень значительном древнем лексическом ингредиенте лехитского вида в русском языке. Приведём некоторые исключительные русско-польские этимологические изоглоссы, обнаруживаемые в этимологических словарях русского языка [10], например, на букву Б:

диал. *багно* ~ *bagno*; *байка* ~ *bajka*; диал. *балван* ~ *balwan*; **БАСНЬ** «сказка» (XI–XVII вв.) ~ *baśń*; *безграничный* ~ *bezgraniczny*; *бездорожье* ~ *bezdroże*; *безлюдный* ~ *bezludny*; *безмерный* ~ *beźmierny*; *за бесценок* ~ *za bezcen*; *белизна* ~ *bielizna*; *беспечный* ~ *bezpieczny* «безопасный»; *бесплатный* ~ *bezpłatny*; *бесправный* ~ *beźprawny*; *битва* ~ *bitwa*; *биток*, *битки* ~ *bitki*; *блеск* ~ *blask*; ст.-рус. *блощь* «плющ» ~ *bluszcz*; *бодыль* ~ *badyl*; ст.-рус. *болона*, *болоно* «опухоль желвак, нарост на дереве» и *болонь* «наружные мягкие слои дерева» ~ *blona* «плёнка»; *борзо са вредит* «сильно, очень» ~ *bardzo*; *боровик* ~ *borowik* «белый гриб»; *бородавка* ~ *brodawka piersiowa*; ст.-рус. *борона* «оборона, защита» (1474?) ~ *brona*; ст.-рус. *борщъ*, *боршь* «вид съедобного растения, огородная овощ» ~ *barszcz*; *ботвина* ~ *bocwina*; *бочка* ~ *beczka*; *бочок* ~ *boczek*; *боязливый* ~ *bojaźliwy*; *бренчать* ~ *brzęczeć*; *броня* ~ *broń*; *брюхо* ~ *brzuch*; *брюшной* ~ *brzuszny*; *бряк* ~ *brzęk*; *бубен* ~ *bęben*; *бубнить* ~ *bębnić*; *будка* ~ *budka*; *будучи* ~ *będąc*; *будь* ~ *bądź*; *буз* ~ *bez* «сирень»; *буханка* ~ *bochenek*; др.-новг. *бълкъ* «?», ст.-рус. *болкаты* (1472 г.) «загорелые» (?) ~ *bełkotać*.

И далее по словнику sporadически находим аналогичные изоглоссы незаимствованной природы:

Сущ. *жвачка* (РосЦел 1771) ~ польск. анат. *żwacz* «первый желудок у жвачных».

Сущ. **жниво** ‘жатва’ (1589), ‘хлеб, зерно на корню’ ~ польск. *żniwo* ‘зерно, пригодное для жатвы, то что сжато’, ‘процесс жатвы’, ‘пора жатвы’.

Формы **нагрѣза** (1614), **нагрѣженъ** (1621), **нагрѣзивъ** (1666), **нагрѣзить** (1673) ~ польск. *naGREzić* ‘погрузить в воду’.

Глаг. форма **надѣваѣмса** (1497, 1517) в знач. ‘надеяться’ ~ ст.-польск. *nadziEwać się* тж.

Глаг. **накинѣти** ‘набросить что-л. сверху’ (1097? 1584), ‘назначить дополнительную цену, налог’, ‘надбавить’ (1488, 1645), ‘назначить сверхурочную работу’ (1667), **накинѣтца** ‘настойчиво приступать к кому-л. с каким-л. делом’. ~ ст.-польск. *nakidnąć*;

Сущ. **нетопырь**, род. п. -ѣа, мн. ч. **нетопыреве**, **нетопырь**, мн. ч. -и, **натопырь** ‘летучая мышь’ ~ польск. *nietoperz* тж.

Сущ. **новизна** ‘нововведение’, ‘новость’ (1670, 1673) ~ ст.-польск. *nowizna*, ср. польск. *nowizna*, словин. *novizna*, н.-луж. *Nowizna*.

Формы **ножикѣмь**, **ножиком рѣзалъ** (1160-е) ~ польск. *nożyk*.

Ст.-рус. сущ. **ножка**, совр. *ножка* ~ польск. *nóżka* тж.

Сущ. **ночьлегъ**, **ночьлѣгъ**, **ночлегъ** ‘ночевка’ ~ польск. *nocleg*.

Глаг. **нырнути**, соотносительный с *нырити* ‘скрываться, прятаться’ и *нурити* ‘опускаться в воду’ ~ польск. *zanurzyć się w wodzie (pod wodę, do wody)*.

Глаг. **ныряти**, производный от *нырити* ‘плавать в толще воды’ (XV в.), ‘скрываться, прятаться’ (XVI в.), ‘лгать’ (XVII в.) ~ польск. *zanurzać się*.

Глаг. **обвинити** ‘обвинить’ (1282), ‘признать виновным’ (1402) и **обѣвинити** ‘признать виновным’ (1375), ‘предъявить обвинение в чем-л.’ (1509) ~ ст.-польск. *owinić*, польск. *obwinić*.

Глаг. **обвинѣти** ‘обвинять, осуждать’ (1620), диал. форма *обинять* (влад.) ~ ст.-польск. *owiniać*, польск. *obwinać* и т. п.

В частности, большинство приставочных производных с префиксом *vy-* в составе древнерусского и старорусского лексического фонда, а также среди 10000 наиболее часто употребляемых слов современного русского языка (более 320 слов высокой частотности употребления), являются несомненным наследием лехитских говоров и наречий, так как в кривическо-словенском ареале гипотетически реконструируются префиксальные образования только на *из-* (ср. др.-пск. ойконим **Изборскъ**; если только аналогичные приставочные производные не заимствованы из церковнославянского книжного языка, а являются исконными для кривическо-словенского ареала: к примеру, в современном белорусском

языке исконных образований с префиксом *iz-* / *ic-* не сохранилось, ср. заимств. *изгой, испытвацца, испытваць, испытны, испыты, истонка*).

Древнерусский префикс **вы-**, как и старопольский *wy-*, восходит к праславянскому диалекту **vy-* с приставным *v-* и падением конечного форманта *-d* (ранее **ī < *ud*). Первоисточник: и.-е. предлог и приставка **ūd-*: **ūt-* ‘из, наружу, вон’. Соответствия: др.-инд. *ud-* ‘из’, лат. *ūsque* (<**uds-que*), прагерм. **ūt* ‘из, наружу, вовне’ (англ. *out*).

В русском языке XI–XVIII вв. [11, 12] и в современной словесности известны следующие приставочные образования с префиксом **вы-**, весьма вероятно не заимствованные из старопольского языка, а исконные, унаследованные из диалектов вятичей, радимичей, полян, лендзян, имеющие точные соответствия в старопольском языке:

выбегать, **выбѣгати** (XI, XVI вв., 1614), **выбѣгивти** (1611), **выбѣчи** или **выбѣщи** (1097? 1437? 1580), **выбѣгать** ~ *wybiegać, wybiec*; **выбивать** (1642), **выбивактса** (1667), **выбивактъ** (1680), **выбивать** ~ *wybijać*; **выбирати** (XVI в.), **выбирать** (1627) ~ *wybierać*; **выбиратца** (1618), **выбирактса** (1610), **выбирывали** (1614), **выбираться** ~ *wybierać się*; **выбигти, выбиютьъ зъбѣть** (XII, XIV в., 1649), **выбигши** (XVI в.), **выбигль, -и** (1186? 1555, 1632), **выбигтъ, -о, -ын, ѡю** (1451, 1633), **выбигъ** ~ *wybić*; **выбон** (1599), **выбою** (1667) ~ *wybój*; **выборнымъ** (1556), **выборным** (1600) ~ *wyborny*; **выборъ** (1534?), **выбор** ~ *wybór*; **выборы** ~ *wybory*; **выбрати** (1499), **повыбрати** ~ *wybrać*; **выбратиса** (1454) ~ *wybrać się* ‘собраться’; **выбѣгуть** ~ *wybielić*; **вывалати** (XVI в.), **ываливаюцца** (1637), **ывалитса** (1600), **ывалиша** (1453?) ~ *wywalić się*; **ыварить** (XVII в.) ~ *wywarzać, wywarzyć*; **ыведать, ывѣдати** (1594), **ывѣдывакшь** (1673), **ывѣдъдъть** ~ *wywiedzieć*; **ыведывать, ывѣдывать** ~ *wywadywać*; **ывезоша** (1220?), **ывезти** (1590), **ывезъ** (1688), **ывезѣцца** (1532) ~ *wywieźć*; **ыверять, ывѣрять** ~ *wywierać* ‘вымещать злобу’; **ывесить, ывѣсити, ывѣсать** (1135), **ывѣшати** (1515?), **ывѣшивати** (XVI в.), **ывѣсуть** ~ *wywiesić*; **ывеска, на ывѣскѣ** (1664), **ывѣска** ~ *wywieszka*; **ывести, ыведеть** (1204? 1215? 1282, 1377, 1462) ~ *wywieść*; **ывѣпреть, ывѣтрѣти, ывѣтрѣло** (XVI в.), **ывѣтриться, ывѣтрить(ся)** ~ *wywieźć, wywieźć się*; **ывинетса, ывинятиса** (?) ~ *wywinąć*; **ывинѣжати** (XVI в.) ~ *wywinąć*; **ывлекажтъ** (1670), **ывлекоше** (1065?), **ывлѣчи, ывлекѣтъса** (XIII, XIV, XV вв.) ~ *wywlekać, wywlec*; **ыводити** (1305, 1370), **ыводилса** (1690) ~ *wywodzić* ‘тщательно вырисовывать’; **ывоз, ывозъ** (XVII в.) ~ *wywóz*; **ывозити** (1646), **ывозити** (1597), **ывозиль** (1612), **ывозитса** (1533) ~ *wywozić*; **ыворотить, ыворотити** (1648), **ыворотилса, ыворочивати, ыворачивати** (XVI в., 1599), **ывративъ** (1677), **ыворачивать** 1702 ~ *wywrócić* ‘перевернуть, вывернуть’; **ывигвати** (XVII в.) ~ *wyginać*; **ывгладити** (1472? 1549) ~ *wygładzić*; **ывглядѣти, ывглядѣть, ывглядати, ывглядывать, ывглянути, ывглецѣтъ** (1609) ~ *wyglądać*; **ывгнати, ывгъна, ывгнаша, ывженѣтъ, ывгонитъ** (1138? XV в., 1672) ~ *wygnać*; **ывгнѣтъ** (XVII в.) ~ *wygiąć*; **ывгода** ~ *wygoda*; **вы-**

гон, **выгонѣ** (1649) ~ *wygon*; **выгонивакмѣ** (1534), **выгонити** (1132?), **выгонати** (XI, XII вв.), **выгонактъ** (1674) ~ *wygoniac*; **выгрѣбать**, **выгрѣбати** (1549), **выгрѣбѣтъ** (1653), **выгрѣвена выста** (1044?), **выгрѣвоша** (1375?), **выгрѣван** (1585, 1659), **выгрѣсть** (1616) ~ *wygrzebać* ‘выгрести’; **выдавати за мѣжѣ** (1612), **выдавакмѣ** (1224), **выдавывати** (1547), **выдана** (1229), **выдати** (1282), **выдаты**, **выдасть** (1673), **выдаласа** (1634), **выдатца** (1694), **выдавать** ~ *wyda- wać*; **выдалбавати**, **-ають** (XVII в.), **выдалбывать** ~ *wydlubywać* ‘выковыривать’; **выданье** ~ *wydanie* ‘выдача, разоблачение’; **выдати**, **повыдати** ~ *wydać*; **выдвинуть** ~ *wydzwignąć*; **выделать**, **выдѣлати** ~ *wydziałać*; **выделение**, **выдѣлен- ие** ~ *wydziałanie, wydzielenie (się)*; **выделяться**, **выдѣлатиса** ~ *wydziałać się*; **выдирать** ~ *wydzierać* ‘выдѣргивать, выдирать’; **выдолбать** ~ *wydlubać* ‘выковырять’; **выдох** ~ *wydech*; **выдохнѣти**, **выдохнуть** ~ *wyuchnąć*; **выдрать** ~ *wydrzeć* ‘вырвать’; **выдутъ** ~ *wyduć*; **выдыхать**, **выдыхая**, **выдыхаться** (РосЦел) ~ *wydu- chać*; **выедать** ~ *wyjadać*; **выеден(ный)** ~ *wyjedzony*; **выезд**, **выѣзд** ~ *wyjazd* ‘отъезд’; **выезжать**, **выѣзжати** ~ *wyjeżdżać*; **выесть** ~ *wyjeść*; **выехать**, **выѣхати** ~ *wyjechać*; **выучить**, **выѣчнати**, **выоѣчнати** ~ *wyuczyć*; **выжать**, **выжму** ~ *wyżąć* (бельѣ); **выжать**, **выжну** ~ *wyżąć* (поле); **выжить** ~ *wyżyć*; **вызванывать** ~ *wydzwaniał*; **вызвати** ~ *wyżwać, wezwać*; **вызволить** ~ *wyzwolić*; **вызволять(ся)** ~ *wyżwalać się*; **вызвъздить** ~ *wygwieździć*; **выздоровѣти** ~ *wyzdrowieć*; **выздоровле- ние** ~ *wydzorowienie*; **вызолотить** ~ *wyzłocić*; **вызывати** ~ *wyżuć*; **вызываю- щий** ~ *wyżuwający*; **вынграти** ~ *wygrać*; **выигрывать**, **выигрыватьи** ~ *wygruwać*; **вынги**, **повынги** ~ *wyjąć*; **выказать** ~ *wyказаć*; **выказывать** ~ *wyказуwać*; **выка- лывать** ~ *wykoływać*; **выкапывати**, **выкопывати** ~ *wykorywać*; **выкарми(ив)ать** ~ *wykarmiać*; **выкипѣть** ~ *wykipieć*; **выкладывать** ~ *wykladować*; **выклевать** ~ *wykluć*, *wykluwać* ‘выклѣвывать’; **выключать**, **выключаться** ~ *wykluczać*; **выключи- ти**, **выключить**, **выключиться** ~ *wykluczyć*; **выковати** ~ *wykuć*, *wykuwać*; **выко- лоситься** ~ *wyklusieć się*; **выколотъ** ~ *wykuć*; **выкопати** ~ *wykopać*; **выкормить** ~ *wykarmić*; **выкорчевать** ~ *wykarczować*; **выкорчѣвывать** ~ *wykarczowuwać*; **выкра- ивать** ~ *wykrawać*; **выкрасть** ~ *wykraść*; **выкрикивать** ~ *wykrzykiwać*; **выкрикнуть** ~ *wykrzyknąć*; **выкройка** ~ *wykrój*; **выкроить** ~ *wykróić*; **выкрутасы** ~ *wykrętasy*; **выкрутить** ~ *wykręcić*; **выкуп** ~ *wyкуп*; **выкупать(ся)** ~ *wyкупаć (się)*; **выкупать** ~ *wyкупаć*; **выкупить** ~ *wyкупić*; **выкупной** ~ *wyкупny*; **выкурить** ~ *wykurzić* (зверя); **вылѣзти** ~ *wyuleź* ‘вылезать’; **вылавлять** ~ *wylawiać*; **вылазить** ~ *wylazić* ‘выле- зать (о шерсти)’; **выламывать** ~ *wylamywać*; **вылежать(ся)** ~ *wyuleżeć (się)*; **вы- лет** ~ *wylot*; **вылетѣти** ~ *wylicieć*; **вылечнати(ся)** ~ *wyleczyć (się)*; **вылнвати** ~ *wylęwać (się)*; **вылизать** ~ *wylizać* ‘вылакать, вылизать’; **вылизывать** ~ *wylizywać*; **вылинять** ~ *wylenieć, wylinić* ‘потерять шерсть, перья’; **вылнати** ~ *wylać (się)*; **выложить** ~ *wyłożyć*; **выломать** ~ *wylamać*; **вылуцивать** ~ *wyluskiwać*; **выма- зать(ся)** ~ *wymazać, wymazywać*; **вымереть** ~ *wymrzeć*; **вымерзать** ~ *wymarzać*; **вымерзнуть** ~ *wymarznąć*; **вымести** ~ *wymieść*; **вымирание** ~ *wymieranie*; **выми- рать** ~ *wymierać*; **вымогать** ~ *wymagać*; **вымокнуть** ~ *wymoknąć*; **вымолвить** ~ *wymówić*; **вымолотить** ~ *wymłócić*; **выморозить** ~ *wymrozić*; **вымостить** ~ *wymościć*; **вымотаться** ~ *wymotać się*; **вымочить** ~ *wymoczyć / wymaczać*; **вымы-**

вать ~ wуtuуаć; *вымысел* ~ wуtuуsł; *вымыслить* ~ wуtuуsłić; **ВЫМЫГН** ~ wуtuуć; *вымышленный* ~ wуtuуsłony; *вымышлять* ~ wуtuуsłać; *вымѣнить* ~ wуtuуenić; *вымѣнять* ~ wуtuуeniać; *вымѣснуть* ~ wуtuуiesić; *вымѣтать* ~ wуtuуiatać; **ВЫНОУГН** ~ wуtuуąć; **ВЫНЕСТИ** ~ wуtuуieść; **ВЫНИМАТИ** ~ wуtuуająć / wуtuуajmować; **ВЫНОСИТИ** ~ wуtuуnosić; *вынянчить* ~ wуtuуniańczyć; **ВЫПОУСКАТИ**, *выпускать* ~ wуtuуpuszczаć *na wolność*; **ВЫПОУСКЪ**, *выпуск* ~ wуtuуust *тех.* 'выпущенное, выступающее вперед'; **ВЫПОУСТИТИ** ~ wуtuуiścić; *выпад* ~ wуtuуad; **ВЫПАДАТИ** ~ wуtuуadać; *выпалить* ~ wуtuуalić (*się*) 'выгореть'; **ВЫПАСТИ** ~ wуtuуpaść; *выпекать(ся)* ~ wуtuуpiekać (*się*); *выпечка* ~ wуtuуpiek; *выпечь (ся)* ~ wуtuуpiec (*się*); **ВЫПНВАТИ** ~ wуtuуpjać; *выпиливать* ~ wуtuуpił[ow]уааć; *выпирать* ~ wуtuуpierać; **ВЫПИСАТИ**, *выписаться* ~ wуtuуpisać (*się*); **ВЫПИСЫВАТИ**, *выписываться* ~ wуtuуpisyуааć (*się*); **ВЫПНТИ** ~ wуtuуpicь; *выпихнуть* ~ wуtuуpchnąć; *выплавить* ~ wуtuуplawić; *выплавлять* ~ wуtuуplawiać; *выплакать* ~ wуtuуplakać; *выплата* ~ wуtuуpłata; *выплатить* ~ wуtuуpłacić; *выплёскивать* ~ wуtuуpluskiуааć; *выплеснуть* ~ wуtuуplusnąć; *выплетать* ~ wуtuуplatać; *выплывать* ~ wуtuуpłyуааć; *выплыть* ~ wуtuуpły[na]ć; *выплонуть* ~ wуtuуplunąć; *выползать* ~ wуtuуpełzać; **ВЫПОЛНАТИ** ~ wуtuуpełniać; *выполнѣние* (Сл. Нордстета, АТ), *выполнение* (САР¹) ~ wуtuуpełnienie; *выполнить* и *выполниться* (САР¹) ~ wуtuуpełnić; *выполоть* ~ wуtuуpłeć; *выпороть* ~ wуtuуpuci 'распороть'; *выпорхнуть* ~ wуtuуpierchnąć; *выпотрошить* ~ wуtuуpatroszyć; *выправить* ~ wуtuуprawić; *выпроводить* ~ wуtuуprowadzić *się*; *выпросить* ~ wуtuуprosić; *выпрягать* ~ wуtuуprzegać; *выпрячь* ~ wуtuуprząć; *выпуклость* ~ wуtuуukłość; *выпуклый* ~ wуtuуukly; *выпытать* ~ wуtuуytać; *выпытывать* ~ wуtuуytuуааć; *выпѣствовать* ~ wуtuуpiastować; **ВЫРЪЗАТИ** ~ wуtuуrznąć, wуtuуrżnąć; *выравнивать* ~ wуtuуrównуааć; **ВЫРАЖАТИ** ~ wуtuуrażać; *выражаться* ~ wуtuуrażać *się*; *выраженный* ~ wуtuуrażony; *выразитель* ~ wуtuуrażiciel; **ВЫРАЗИТИ**, *выразить(ся)* ~ wуtuуrazić (*się*); *вырастать*, *вырастать* и *вырастать* ~ wуtuуrastać; **ВЫРВАТИ** ~ wуtuуrwać; **ВЫРВАТИСЯ**, *вырваться* ~ wуtuуrwać *się*; *выровнять (ся)* ~ wуtuуrównać (*się*); *выродиться* ~ wуtuуrodzić *się*; *выродок* ~ wуtuуrodek; *вырождаться* ~ wуtuуradzać *się*; *выронить* ~ wуtuуronić; *вырост* ~ wуtuуrostek; *выруб* ~ wуtuуrąb; *вырубать*, *вырубаться* (АТ), *вырублять*, *вырубливать* ~ wуtuуrąbać 'вырубить'; **ВЫРЫВАТИ** ~ wуtuуryуааć; *вырывать* ~ wуtuуryуааć 'рывком, резком движением высвободиться' ~ wуtuуryуааć *się*; *вырыть*, *вырывать*, *вырытый*, *вырытые* (Сл. Нордстета) ~ wуtuуryć; **ВЫСЪШИТИ** ~ wуtuуsuszyć; *высадить* ~ wуtuуsadić; *высасывать* ~ wуtuуsasać; *высвѣтлить* ~ wуtuуswietlić; *высвѣтлять* ~ wуtuуswietlać; *выселить* ~ wуtuуsiedlić; *высечь* ~ wуtuуsiec; *высеять* ~ wуtuуsiać; **ВЫСКАКНВАТИ** ~ wуtuуskakiуааć; **ВЫСКОЧИТИ** ~ wуtuуskoczyć; *выслать* ~ wуtuуsłać; *выслуживать(ся)* ~ wуtuуslugiуааć *się*; *выслужиться* ~ wуtuуsłużyć *się*; *выслушать* ~ wуtuуsłuchać; *выслушивать* ~ wуtuуsłuchiуааć; *выслѣдить* ~ wуtuуsłedzić; *высморгаться* ~ wуtuуsmarkać *się*; *высмѣивать* ~ wуtuуsmiewааć; *высмѣять* ~ wуtuуsmiać; *высовываться* ~ wуtuуsuуааć; *высочать* ~ wуtuуssać; **ВЫСОУНОУТИ**, **ВЫСЪХНЪТИ** ~ wуtuуschnąć; *выспаться* ~ wуtuуspać *się*; **ВЫСТЪПНТИ**, **ВЫСТЪПНТИ**, *выступить* ~ wуtuуstąpić 'проступить', 'выбыть'; **ВЫСТАВНТИ** ~ wуtuуstawić; **ВЫСТАВКА** ~ wуtuуstawa; *выставляти*, *выставлять* и *выставляти* ~ wуtuуstawiааć; *выстаивать* ~ wуtuуstawaаć; *выстилать* ~ wуtuуścielaаć; *выстлать* ~ wуtuуstlaаć; **ВЫСТРЪБИТИ** ~ wуtuуstrzelić; **ВЫСТРЪБЪ** ~ wуtuуstrzał; *выстригать* ~ wуtuуstrzygać; *выстричь* ~ wуtuуstrzyc; *выстрогать* ~ wуtuуstrugać; *выстыдуть* ~ wуtuуstudzić; *выстыки-*

вать ~ *wystukiwać*; *выступ* ~ *występ*; *выступление* (САР) ~ *wystąpienie*; *высунуть* ~ *wysunąć* ‘выдвинуть’; *высунуться* ~ *wysunąć (się)* ‘выдвинуться’; *высылать* ~ *wysyłać*; *высыпать* ~ *wysypać*; **ВЫСУХАТИ** ~ *wyсуchąć*; *высвять* ~ *wysiewać*; *высидеть* ~ *wysiedzieć*; *высидение* ~ *wysiedlenie*; *высылять* ~ *wysiedlać*; **ВЫТЯНАЖТИ**, *вытянуться* ~ *wyciągnąć (się)*; *вытапалать* ~ *wytapiać*; *вытворить* ~ *wytworzyć*; **ВЫТЕРЕБТИ** ~ *wytrzeć*; *вытереться*, *вытереться* (САР) ~ *wytrzeć się*; *вытерпеть* ~ *wycierpieć* ‘выстрадать’; *вытесать* ~ *wyciosać*; *вытечь* ~ *wycieć*; **ВЫТИРАТИ** ~ *wycierać*; *вытираться* ~ *wycierać się*; *выткаать* ~ *witkać*; *выткнуть* ~ *wytknąć*; *вытопить (сало)* ~ *wytopić*; *вытоптать* ~ *wydeptać*; *выторговать* ~ *wytargować*; *выточенный* ~ *wytoczony*; *выточить* ~ *wytoczyć*; *вытравлять* ~ *wytrawiać*; *вытрезвить* ~ *wytrzeźwić*; *вытрезвление* ~ *wytrzeźwienie*; *вытрясть* ~ *wytrząść*; *вытряхнуть* ~ *wytrząsnąć*; *вить* ~ *wuć*; *витькать* ~ *wyciekać*; *выхватить* ~ *wychwycić*; *выходец* ~ *wychodźca*; **ВЫХОДИТИ** ~ *wychodzić*; *вычерпать* ~ *wyczerpać się*; *вычерпываться* ~ *wyczerpywać się*; *вычесать* ~ *wyczesać*; *вычески* ~ *wyczeski*; *вычёсывать* ~ *wyczesywać*; **ВЫЧНИСТИТИ** ~ *wyszczycić*; *вычитать* ~ *wyszczycić*; **ВЫЧНИЦАТИ**, *вычищать* ~ *wyszczyszczać*; **ВЫШИВАТИ** ~ *wyszyczyć*; *вышивка* ~ *wyszycówka*; **ВЫШИТИ**, *вышить* ~ *wyszyczyć*; *выщипать* ~ *wyszczypać*; *выщипывать* ~ *wyszczypywać*; *выяснение* ~ *wyjaśnienie*; *выяснить* ‘объяснить, истолковать’ (РосЦел) ~ *wyjaśnić (się)*; *выясниться*, *выясняться*, *выясниваться* ‘стать светлым, яснее (о небе)’ (1729) ~ *wyjaśnić (się)*; *выявить*, *выявлять* ~ *wyjawić*, *wyjawiać*.

Большая часть этих древних приставочных образований теперь имеют в русском языке свои церковнославянские альтернативы с префиксом *из-* / *ис-* и сопутствующим семантическим и стилистическим «сдвигом».

Так как формальное тождество охватывает не только формы неопределённого наклонения, но и целые словообразовательные модели, парадигмы склонения и спряжения слов, то не представляется правильным усматривать в этих изоглоссах результат языкового контактирования и поздней гибридации языков. Перед нами очевидное доказательство древнего языкового родства лехитских наречий Польши и Руси.

Список литературы

1. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – Л. : Изд-во АН СССР, 1926. – Т. 1., вып. 1 : Повесть временных лет. – 151 с.
2. Седов, В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов ; Ин-т археологии РАН, Рос. гуманитар. науч. фонд. – М. : Фонд археологии, 1995. – 415 с.
3. Трубачёв, О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачёв. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2005. – 286 с.
4. Топоров, В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачёв. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 270 с., 13 л. карт.
5. Словник гідронімів України / редкол.: А. П. Непокупний, О. С. Стрижак, К. К. Цілуйко. – Київ, 1979.

6. Wörterbuch der russischen Gewässernamen zusammengestellt von A. Kerndl, R. Richardt und W. Eisold unter Leitung von Max Vasmer. – Lieferung 11. – Berlin – Wiesbaden, 1967.
7. Белорусско-русский словарь / под ред. акад. АН БССР К. К. Крапивы. – М., 1962.
8. Hydronimia Wisły. Część I Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / pod redakcją Przemysława Zwolińskiego. – Wrocław – Warszawa – Kraków : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1965. – 470 s.
9. Karłowicz, J. Słownik języka polskiego / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. – T. I–VIII, wyd. fotooffsetowe. – Warszawa, 1952.
10. Vasmer, M. Russisches etymologisches Wörterbuch / M. Vasmer. – Bd. I–III. – Heidelberg, 1953–1958.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. / сост.: Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович [и др.]; гл. ред. С. Г. Бархударов. – М., 1975–2015.
12. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин, Л. Л. Кутина, З. М. Петрова. – Вып. 1–17. – Л. – СПб. : «Наука» ЛО, 1984–2007.

Shaposhnikov Alexander

Etymology and Onomastics Department
Vinogradov Institute
of Russian Language
email: etymol@mail.ru

«LEKHITIC BELT OF OLD RUSSIA»: IN SEARCH OF THE LEKHITIC DIALECTS BEFORE INTEGRATION IN THE EAST SLAVIC LANGUAGE COMMUNITY OF THE VIIIth CENTURY

North Slavic tribes, from the 6th – 7th centuries AD living north of the Carpathians, as well as in the swampy Pripjat Polesie, were collectively referred to as Lendzyans (Lenzhans?). In the 940s these tribes still retained their self-names and ethnic identity. So, these Lendzians or Lendzens settled somewhere west of Kiev, on the tributaries of the Pripjat and the Dnieper (cf. Common Slavic *lęža 'water reservoirs!'). East of Kiev (cf. Polish *kijów*) spread the lands of the fields (cf. Polish *Polane*). Medieval chroniclers claimed that the *Radimichi* and *Vyatichi* came from Poland and settled down to the Severians and the Khrvats. The Radimichi tribe came from the area of the Sukovsky-Dzedzitsky archaeological culture, stretching in the 6th – 7th centuries to the west of the Vistula. The ethnonym *Radimichi* is interpreted in relation to the Polish place name *Radom* in the Sendomir Voivodeship of Minor Poland. Lekhitic Vyatichi also became a part of the East-Slavic community. Vyatichi mounds of the 8th – 9th centuries were largely investigated (cf. the sacred mound of Lech in Gniezno). Monuments of the archaeological culture of the Upper Poochye of the 8th – 9th centuries are rightly associated with Vyatichi. O. N. Trubachev cited such toponymic isoglosses of Moscovia and Mazowshie with Helminsky land as *Vschizh ~ Uściąż, Moskьva ~ Moskiew, Pronya ~ Prony, Trubezh ~ Trąbeż, Tula ~ Tul, Ugra ~ Wiahr, Wiar, Wihor*. However, the Lekhitic lexical heritage was preserved in the appellative lexical fund of the Old Russian language, which is very rarely remembered by contemporal Russianists. And we are talking about a very significant ancient lexical ingredient of the Lekhitic type in the Russian language. The article presents some exceptional Russian-Polish etymological isoglosses found in historical and etymological dictionaries of the Russian language, which cannot be characterized as lexical penetrations or adapted borrowings. This is clear evidence of the ancient linguistic kinship of the Lekhitic dialects of Poland and Russia.

Keywords: hydronyms, toponyms, ethnonyms, appellatives, lexical isoglosses, lexical ingredient.

УДК 81.2

А. А. Талицкая

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С КОРНЕМ *-РУХ-/-РУШ-* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII вв.

Рассмотрены имена существительные и имена прилагательные с корнем *-рух-/-руш-*, отобранные методом сплошной выборки из «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Показано, что основными семами для имен существительных являются семы 'разрушение', 'нарушение', 'ущерб', 'вред'. Сделаны выводы о значениях, передаваемых исследуемыми лексемами: физическое разрушение, изменение установленного порядка, нанесение порчи, урона. Особое внимание уделено рассмотрению бесприставочных имен существительных с корнем *-рух-*, которые актуализируют семы 'имуущество', 'товар'. Показано, что имена прилагательные имеют в составе значения семы, связанные с представлением о разрушении, нарушении целостности, возможности разрушения и т. п. или, наоборот, невозможности разрушения, сохранении целостности и т. п. Рассмотрены переносные значения имен существительных с корнем *-рух-/-руш-*, которые связаны с актуализацией эмоциональных проявлений: семы 'мучение', 'печаль'.

Ключевые слова: семантика, сема, корень *-рух-/-руш-*, значение слова.

Вопросы языковой эволюции интересовали лингвистов в течение длительного периода времени. В работах М. Бреаля [1], М. М. Покровского [2], Е. Д. Поливанова [3], А. А. Потемби [4] и др. прямо или косвенно встречаются мысли и высказывания о необходимости обращения к истории лексических единиц, выявлению принципов и закономерностей семантических трансформаций, описанию семантической истории как отдельных слов, так и целых тематических и семантических групп.

Е. Д. Поливанов указывал, что «анализ длительных процессов» языковых изменений (ученый говорил о звуко- и формоизменениях, однако с полным правом это может быть отнесено и к лексико-семантическим изменениям) «позволяет установить однообразное направление у следовавших одно за другим новшеств... целый ряд так называемых типичных эволюционных процессов (или изменений) повторяется в историях самых различных языков – как родственных, так и неродственных» [3, с. 79–80].

В рамках современной лингвистики интерес к диахроническому аспекту развития языка не только не утрачивается, но и обретает особую значимость, т. к. «синхронно-диахронический аспект в наибольшей степени отвечает задачам исследования лексической системы языка в ее динамике» [5, с. 7]. Отметим важность использования как синхронического, так и диахронического подходов в их единстве: именно соединение методов и приемов лексической семантики и сравнительно-

исторического языкознания позволит, на наш взгляд, наиболее полно и точно определить основные закономерности развития лексической системы любого языка.

Предметом анализа в статье являются лексемы с корнем *-рух-/-руш-* (имена существительные и имена прилагательные по их частеречной принадлежности) на синхроническом срезе XI–XVII вв. По материалам «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [6] методом сплошной выборки было отобрано 30 имен существительных и 23 имени прилагательных.

Обратимся сначала к рассмотрению особенностей семантики имен существительных.

Среди отобранных нами лексем представлены оба фонетических варианта корня *-рух-/-руш-*: 13 лексем имеют корень с вариантом *-рух-*, 17 лексем – с вариантом *-руш-*.

Все имена существительные с корнем *-руш-* (за исключением лексемы *рушина*) являются отглагольными существительными, которые обозначают либо процесс разрушения (изменения) чего-либо, либо называют лицо, осуществляющее подобные изменения.

Основными семами, которые можно выделить в лексемах, номинирующих процесс, являются семы ‘разрушение’ и ‘нарушение’:

Искрушение – **разрушение**, уничтожение.

Нарушение – 1. **Нарушение** чего-л. 2. Произвольное изменение (канонического текста), искажение.

Обрушение – **обвал** зданий (при землетрясении).

Порушание – **разрушение**, уничтожение.

Порушение – 1. Причинение ущерба, вреда; **разрушение**, расстройство. 2. Отмена чего-л., **нарушение** (какого-л. установления, соглашения и т. п.).

Потрушье – **разрушение**, гибель; потрясение.

Раздрусение – 1. Падение, **разрушение**. 2. Гибель, уничтожение. 3. Прекращение, **нарушение**.

Разрусение – 1. **Разрушение**. 2. Мн. Развалины. 3. Разделение, распад, разобщение. 4. Облегчение, утолнение. 5. **Нарушение**.

Русание – **колебание**, сотрясение.

Русение – 1. **Разрушение**, упразднение; то, что разрушает, упраздняет. 2. То, что разрушено. 3. Падение. 4. Поход, выступление.

Сокрушение (съкрушение, -ье), скрушение – 1. **Разрушение**; низвержение, сокрушение. 2. Нанесение ран, ударов, побоев. 3. То, что разбито, разломано; обломки. 4. Ушиб, перелом, повреждение, рана; тж. перен. 5. Мучение, искушение. 6. Огорчение, печаль, скорбь.

Часто разрушение представлено в рассматриваемых лексемах как некоторое физическое действие, осуществляемое в разной степени: так, например, семы ‘уничтожение’ (*искрушение, порушание, раздрусение*), ‘(по)гибель’ (*потрушье, раздрусение*), ‘прекращение’ (*раздрусение*) указывают на максимальную полноту такого действия, доведение его до логического завершения.

Физическое действие может также быть связано с изменением состояния (негативным, приводящим в упадок и т. п., но не окончательным), что реализуется в семех ‘разделение на части’ (*разрусение, сокрусение*), ‘сотрясение’ (*рушание*), ‘падение’ (*рушение*).

Следует отметить, что разрушение может трактоваться и как изменение в устоях, привычном порядке вещей. Такая интерпретация обнаруживается в лексемах, содержащих семы ‘искажение’ (*нарушение*), ‘отмена’ (*порушение*), ‘упразднение’ (*рушение*).

Имена существительные с корнем *-руш-* также могут иметь значение лица, т. е. того, кто осуществляет описанные нами выше физические и нефизические действия. Эти лексемы могут содержать семы ‘лицо’ и ‘разрушать’ / ‘нарушать’:

Нарушитель – **нарушитель**.

Раздруситель – **тот**, кто **разрусает**, ниспровергает, уничтожает что-л.

Раздрусникъ – 1. То же, что **раздруситель**. 2. Раскольник.

Другие лексемы или другие значения этих лексем могут номинировать человека, который нарушает некоторые общепринятые общественные устои (прежде всего церковные). Такое значение передается с помощью семы ‘раскольник’:

Раздрусникъ – 1. То же, что раздруситель. 2. **Раскольник**.

Раздрусникъ – **раскольник**.

Лексемы с корнем *-руш-* могут иметь не только прямое значение, связанное с представлением о разрушении (нарушении) чего-либо, но и иметь переносное значение, указывающее на некоторое негативное душевное состояние, описываемое семами ‘мучение’, ‘печаль’:

Скрушание (сокрушание) – **мучение**, страдание.

Сокрусение (съкрушение, -ье), скрусение – 1. Разрушение; низвержение, сокрушение. 2. Нанесение ран, ударов, побоев. 3. То, что разбито, разломано; обломки. 4. Ушиб, перелом, повреждение, рана; тж. перен. 5. **Мучение**, искушение. 6. Огорчение, **печаль**, скорбь.

Имена существительные с корнем *-рух-* реализуют другие значения, связанные прежде всего с номинацией определенных объектов реальности (основным в них является значение предметности, в отличие от лексем с корнем *-руш-*, в которых мы выявили в качестве основного про-

цессуальное значение). Многие из этих лексем имеют семы 'товар', 'имущество' и 'груз':

Рухледь и произв. – см. **рухлядь** и произв.

Рухлеть – см. **рухлядь**.

Рухлишко – уменьш.-уничиж. к **рухло**.

Рухло – 1. Движимое **имущество**, пожитки. 2. **Груз**, поклажа. 3. **Товар**.

Рухлядишко и Рухлядишка – уменьш.-уничиж. к **рухлядь** 1.

Рухлядка – уменьш.-ласк. к **рухлядь** 1.

Рухлядь – 1. (Движимое **имущество**); вещи, утварь. 2. **Товары**.
3. **Груз** (корабельный).

Рухо – 1. **Имущество**, вещи. 2. Тяжесть, бремя.

Рушина – **груз, товар**.

Лексема *рушина* была отнесена нами к этой группе в соответствии со своим значением, содержащим семы, характерные для лексем с корнем *-рух-*.

Отметим, что все перечисленные нами лексем являются бесприставочными и имеют некоторые особенности:

1) наличие фонетических вариантов лексемы: *рухлядь* – *рухледь*, *рухлеть*;

2) наличие диминутивов как с положительной (ласкательное), так и с отрицательной окраской (уничижительное): *рухлядка* – *рухло*, *рухлядишко*, *рухлядишка* соответственно.

Особый вариант значения имеет лексема *крухъ*, которая содержит семы 'крошка', 'кусочек', передающие представление о разделении на части:

Крухъ – 1. **Крошка**, крупинка, кусочек; 2. **Кусок**, ком чего-л.

Корень *-рух-* имеют и приставочные имена существительные, в которых основными являются семы 'ущерб', 'вред', 'смута':

Наруха – **вред, ущерб**, расстройство, нарушение чего-л.

Поруха – 1. **Вред**, повреждение, порча. 2. Убыток. 3. То, что повреждено, поврежденное место. 4. Помеха. 5. Беда, неприятность.

Проруха – **ущерб**, урон, потеря.

Разруха – **смута**, междоусобица.

Семы 'нарушение', 'повреждение' связывают данную группу имен существительных с отглагольными именами существительными, описанными нами выше.

Итак, имена существительные с корнем *-рух-/-руш-* имеют достаточно разнообразную семантику, в рамках которой можно выделить несколько главных аспектов: номинация различных типов разрушения и нарушения, вред и ущерб, указание на лицо, осуществляющее данные действия, номинация товаров и имущества.

У имен прилагательных с корнем *-рух-/-руш-*, как и у имен существительных, корень представлен обоими фонетическими вариантами: 5 лексем с корнем *-рух-*, 18 лексем с корнем *-руш-*.

Среди выделенных нами имен прилагательных особое место занимает лексема *рухлядный*, т. к. благодаря семе 'товар' она оказывается связана с именами существительными, имеющими ту же сему:

Рухлядный – относящийся к **товарам**.

Все остальные лексемы можно разделить на две основные группы:

1) передающие представление о разрушении, разделении и т. п.;

2) передающие представление об отсутствии подобных разрушения, деления и т. п. (эти лексемы имеют приставку не-).

В значении лексем первой группы обнаруживается сема 'разделение на части', которая реализуется через указание на такой способ физического разделения предметов, как резание, или через указание на достигнутое состояние:

Рушаный¹ – **резаный**.

Струхлявый – ставший **трухлявым**, сгнивший.

Другие лексемы имеют семы 'разрушение', 'нарушение':

Разрушительный – направленный на **разрушение, нарушение**, подрыв чего-л.

Рухманый – то же, что **рухомый**.

Рухомый – непрочный, шаткий, могущий **разрушиться**.

Рушаный² – см. **рушеный**.

Рушеный – 1. **Обрушенный** 2. Разбитый, понесший потери.

Значение лексемы *рушальный* в «Словаре...» не описано из-за недостаточности и неинтерпретируемости контекстов для его формулировки.

Имена прилагательные с приставкой не- имеют в семантической структуре значения семы 'ненарушение', 'неразрушение':

Ненарушимый – **ненарушимый**.

Ненарушный – **ненарушимый**.

Непорушимый – 1. **Нерушимый**. 2. **Неразрушенный**, неповрежденный.

Непорушный – **нерушимый**, непоколебимый.

Неразрушаемый – такой, который **не разрушается**.

Неразрушенный – 1. **Неразрушимый**. 2. **Неразрушенный**.

Неразрушимый – 1. **Не** подверженный **разрушению**, неразрушимый. 2. В знач. сущ. Неразрушимое – неразрушимость. 3. **Нерушимый**, крепкий, вечный.

Неразрушный – такой, который **не разрушается**.

Нерушимый – 1. **Не** подвергшийся **разрушению, ненарушенный**, неповрежденный, несмещенный. 2. **Неразрушимый**, несокрушимый. 3. **Нерушимый**.

Кроме того, лексемы с приставкой *не-* могут содержать отрицательную сему ‘не разделение на части’, которая передает смыслы целостности и отсутствия внешнего физического воздействия:

Непокрушенный – **нераскрошенный, не разбитый** на части.

Непорушимый – 1. Нерушимый. 2. Неразрушенный, **неповрежденный**.

Нерушенный – **неповрежденный, целый**.

В значении некоторых лексем содержится указание на невозможность каких-либо изменений (в том числе разрушения) с помощью следующих сем:

Непорушный – нерушимый, **непоколебимый**.

Нерухомый – 1. Нетронутый, недвижимый. 2. **Непоколебимый**.

Нерушный – **неотъемлемый**.

Нескрушенный – **несокрушимый**, крепкий.

Итак, имена прилагательные с корнем *-рух-/-руш-* содержат в семантической структуре значения семы, указывающие на возможность / невозможность различных физических изменений, связанных с разрушением чего-либо или нарушением целостности, чего-либо установленного.

Таким образом, имена существительные и имена прилагательные с корнем *-рух-/-руш-* на историческом срезе XI–XVII вв. в основном связаны с выражением идеи разрушения, уничтожения, прежде всего как физического действия, нарушения чего-либо устоявшегося, традиционного (в том числе в церковном аспекте), разделения на части с помощью различных действий (разрезать, разбить и т. д.) или отсутствия такого разрушения, нарушения или разделения.

Кроме того, нарушение может трактоваться не только в прямом, но и в переносном смысле, который связывает рассматриваемые лексемы со сферой чувств и переживаний. На это указывают семы ‘печаль’, ‘мучение’ и под.

Список литературы

1. Bréal, M. Essai de sémantique / M. Bréal. – Paris, 1921. – 220 p.
2. Покровский, М. М. Соображения по поводу изменения значений слов / М. М. Покровский // Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – М., 1959. – С. 36–60.
3. Поливанов, Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции? / Е. Д. Поливанов // Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – С. 75–90.
4. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Изд. 4-е. – Одесса : Гос. изд-во Украины, 1922. – 205 с.
5. Маркова, Е. М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имен существительных) : моногр. / Е. М. Маркова. – М. : МГОУ, 2014. – 312 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30 / Академия наук СССР ; Российская академия наук. – М. : Наука, 1975–2015.

Talitskaya Anna

P. G. Demidov Yaroslavl State University

e-mail: cliver_08@bk.ru

FEATURES OF SEMANTICS OF NOUNS AND ADJECTIVES WITH THE ROOT *-RUKH-/-RUSH-* IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XI–XVIIth CENTURIES

The article discusses nouns and adjectives with the root *-rukh-/-rush-* (*-pyx-/-pyu-*), selected by the method of continuous sampling from the «Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries». It is shown that nouns basically have semes 'razrushenie', 'narushenie', 'ushcherb', 'vred' and transmit the values of physical destruction, changing the established order, causing damage. Special consideration is given to nouns with the root *-rukh-* (*-pyx-*), which actualize the semes 'imushchestvo', 'tovar'. It is shown that adjectives have in their meaning semes associated with the idea of destruction, violation of integrity, the possibility of destruction, etc., or, conversely, the impossibility of destruction, preservation of integrity, etc. The portable meanings of nouns are considered.

Keywords: semantics, sema, the root *-rukh-/-rush-* (*-pyx-/-pyu-*), meaning of the word.

УДК 811.161.1

М. В. Шаманова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА (на примере одного из микрополей ЛСП «Общение»)

Представлены результаты сопоставительного анализа коммуникативной лексики словарей XI–XVII, XVIII и XXI вв. на материале одного из микрополей лексико-семантического поля «Общение». Показано, что коммуникативная лексика – один из древнейших пластов лексической системы русского языка. Основные направления развития русской коммуникативной лексики заключаются в активном семантическом развитии, которое происходит в формах расширения, сужения объема семантем коммуникативных лексем, выхода коммуникативных семем и лексем из употребления, утраты лексемой коммуникативного значения, приобретения лексемой коммуникативного значения.

Ключевые слова: лексическая система русского языка, коммуникативная лексика, лексические микрополя, семантическое развитие.

Под коммуникативной лексикой и фразеологией мы понимаем совокупность лексических и фразеологических единиц, обозначающих процесс общения, формы общения и характерные особенности коммуникации. Коммуникативная лексика представлена в русском языке лексико-семантическим полем (ЛСП) «Общение», насчитывающим более 70 микрополей [1, с. 3, 12–33].

Цель данной статьи – проследить изменения в структуре лексем, относящихся к одному из микрополей ЛСП «Общение», а именно к мик-

рополлю «Ссора, брань, конфликт», в различные временные отрезки, сопоставить количественный и качественный состав лексем данного микрополя. Для определения состава анализируемого микрополя были использованы словари XI–XVII вв., XVIII в. и современные лексикографические источники [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Лексика микрополя «Ссора, брань, конфликт», собранная методом сплошной выборки из словарей XI–XVIII вв., насчитывает 92 единицы, включает в себя 53 глагола и 39 существительных. Лексемы входят в состав данного микрополя в коммуникативном значении, включающем семы 'ссориться', 'конфликтовать', в остальных значениях они являются принадлежностью других микрополей ЛСП «Общение» или других группировок русского языка.

Одна лексема была зафиксирована в словаре XI–XVII вв., однако к XVIII в. была утрачена: *вздругатися* – изругать, обругать (СлРЯ XI–XVII вв.). Чаще наблюдается противоположный процесс: многие лексемы, не зафиксированные в словаре XI–XVII вв., появляются в словарях XVIII в.:

Дебоширничать. <Он> вел себя нехорошо, ... гулял, *дебоширничал, отпущая жену законную, жил с Цыганкой*. Длгрк. 163. (СлРЯ XVIII в.).

Забранить / *забранивать* – начать бранить; выбрать, отругать (СлРЯ XVIII в.).

Забраниться / *забраниваться* – начать браниться; поссориться с кем-л. (СлРЯ XVIII в.).

Заѣдаюсь – 2) *ссорюся, бранюся, здорю. Онъ со всѣми заѣлся* (САР).

Заругать – сильно выбрать (СлРЯ XVIII в.).

Заругаться – начать ругаться, браниться (СлРЯ XVIII в.).

Засориться – начать ссориться с кем-л. (СлРЯ XVIII в.).

Захаять – *Простонар*. Сильно разругать, разбранить (СлРЯ XVIII в.).

Изругать – сильно выругать (СлРЯ XVIII в.).

Наворчать – ворча выбрать кого-л., высказать неудовольствие (СлРЯ XVIII в.).

Нелады – неполадки, недоразумения, ссоры (СлРЯ XVIII в.).

Перебраниваться – 2. *Побраниться, поссориться со всеми, многими* (СлРЯ XVIII в.).

Перегрызться – *Прост*. Злобно переругаться (СлРЯ XVIII в.) и др.

Некоторые лексемы утрачены в современном русском языке (около 10 % от общего количества единиц поля):

ГАЖДАТИ

Гаждати – порицать, хулить, осуждать (СлРЯ XI–XVII вв.);

Гаждаю – *вышедший изъ употребленія. Браню, поношю, ругаю, порицаю* (САР);

Гаждати (-тъ) – *Слав.* Бранить, поносить, порицать (СлРЯ XVIII в.).

ГАЖДЕНИЕ

Брань, поношеніе, поруганіе, порицаніе (САР);

Поношение, укор, укоризна (СлРЯ XVIII в.).

ЗАДИРКА

Ссора, столкновение (СлРЯ XI–XVII вв.);

Повужденіе къ начатию чего нивудь; означаетъ вкупѣ продолжаемое и окончанное дѣйствіе задирающаго. При задиркѣ къ начатию драки изрядно ему досталось (САР);

1. Побуждение к какому-л. действию (чаще спору, ссоре, драке и т. п.); подзадоривание. 2. Ссора, стычка (СлРЯ XVIII в.).

ЗАССОРИТЬСЯ

Начать ссору, нарушитъ согласіе съ кѣмъ (САР);

Начать ссориться с кем-л. (СлРЯ XVIII в.).

КОТОРА

2. Ссора. Бывши которѣ межю има, поважениемъ дьяволомъ от многы злобы. (Ж. Пахомия) Усп. сб., 210. XII–XIII вв. Да не будетъ ни ко(то)ры, ни сваровъ. Ж. Иоас. К., 16. XVII в. ~ XVI в. // Распря, раздор (1073): Възжвиже дьяволь котору въ братьи сеи Ярославичех бывши распри межю ими. Радзив. лет., 107. (СлРЯ XI–XVII вв.);

Котора – *распря, ссора, раздоръ* (САР).

КОТОРАТИСЯ

1. Спорить, препираться (СлРЯ XI–XVII вв.);

Котораюся – *ссорюся; имѣю распрю, раздоръ* (САР).

ПОБРАНКА

Ссора, перебранка (СлРЯ XI–XVII вв.);

Размолвка, небольшая ссора (САР).

ПОГОНКА

1. Погоня, преследование. 2. Быстрая езда (СлРЯ XI–XVII вв.);

Погонка – *напускъ, строгой выговоръ* (САР).

СВАДА (СЪВАДА)

1. Ссора, вражда (СлРЯ XI–XVII вв.);

Свада – *смѣшка, ссора* (САР) и др.

У отдельных лексем коммуникативное значение было утрачено в процессе семантического развития:

ГОНЯТЬ

Гоняю – б) **браню, жүрю; счүняю** (САР);

Гонять – *Прост.* Бранить, поносить (СлРЯ XVIII в.).

ВЗМЕТЫВАТЬСЯ / ВЗМЕТНУТЬСЯ

Взметываюся – 2) **въ сердцахъ напүскаю на кого** (САР);

Взметаться – *Прост.* Вспылить, напуститься в гневе на кого-л. (СлРЯ XVIII в.).

НАПУСТИТЬ

Напустить (-ти) / напускать и напущать – 5. *Простореч.* Сделать выговор, наброситься на кого-л. с бранью (СлРЯ XVIII в.).

Большинство единиц микрополя «Ссора, брань, конфликт», зафиксированных словарями XI–XVII и XVIII в., известны и в современном русском языке (графика и орфография в перечне современная): брань, бранить, браниться / побраниться и выбраться, вздорить, выговаривать, выговор, гонять, грызться, ершиться, забранить, забраниться, задирать, задираться, заругать, заругаться, захаять, изляять, изругать, клясть, крик, кричать, лай, лаять, лаяться / полаяться, напасть / нападать, нападение, нападки, наругаться, наскочить / наскакивать, несогласие, обругать / обругивать, перекоры, перекоряться, переругать, перессорить / перессоривать, перессориться / перессориваться, побранить, покрикивать, покрикивание (-нье), поносить, поношение, поругать, поругаться, придраться / придраться, прикрикивать, проклясть / проклипать, раздор, разлад, размолвка, разругать, ругать, ссориться и др.).

Ядро данного микрополя осталось неизменным на протяжении веков, у ядерных лексем не изменилась или изменилась несущественно семантика, что свидетельствует об устойчивости данного разряда лексики в русском языке. Следует также отметить, что при утрате или приобретении отдельных значений словом коммуникативное значение остается неизменным в его смысловой структуре. Ср.:

БРАНИТЬ / ВЫБРАНИТЬ

Бранити – 5. Бранить, упрекать, ругать (СлРЯ XI–XVII вв.);

Браню, возбраниять, возбранияти – 2) **жүрю, счүняю, изъявляю гнѣвъ свой бранными словами** (САР);

Бранить (-ти) – ругать бранными словами; порицать, осуждать кого-л. (СлРЯ XVIII в.).

Бранить (св. избранить) – *Трад.-нар.* Порицать, осуждать за что-л.; ругать (БТС).

БРАНИТЬСЯ / ПОБРАНИТЬСЯ И ВЫБРАНИТЬСЯ

Бранитися – 2. Пре皮раться, тягаться, оспаривать что-л. 3. Ругаться, браниться (СлРЯ XI–XVII вв.);

Бранюсь, повранился, выбранился, браниваться – 1) на грубые и ругательные слова такими же отвечаю; 2) употребляется иногда вместо действительного браню кого. *Что ты бранишься? Я ли тому причиною?* (САР);

Браниться (-тися) – 1. Ругаться бранными словами; поносить, осуждать кого-, что-л. 2. Ссориться; ссорясь, ругать, бранить друг друга (СлРЯ XVIII в.);

Браниться – *Трад.-нар.* 1. (св. побраниться). Ругаться, ссориться. 2. (св. выбраниться). Выражать своё раздражение, недовольство бранными словами; ругаться (БТС).

ВЗДОРИТЬ / ПОВЗДОРИТЬ

Вздорити – вздорить, спорить (СлРЯ XI–XVII вв.);

Вздорить, здорить (-ти), сдорить – спорить, ссориться, браниться (СлРЯ XVIII в.);

Вздорить / повздорить – *Разг.* Ссориться, перебраниваться (БТС).

ГРЫЗТЬСЯ

Грызтися – 2. *Перен.* Ссориться, ругаться (СлРЯ XI–XVII вв.);

Грызусь – 2) **бранюсь, ссорюся, вздорю** (САР);

Грызться (грыс-, -тися) – 2. *Перен.* Ссориться, браниться (СлРЯ XVIII в.);

Грызться – 2. Постоянно ссориться; злобно, ожесточённо спорить или бранить друг друга (БТС).

ЕРШИТЬСЯ

Простореч. Быть неуступчивым, огрызаться (СлРЯ XVIII в.);

2. Горячиться, ерепениться (БТС).

ЗАБРАНИТЬ

Забраниваю – много кого браню, журю, тазаю (САР);

Забранить / забранивать – начать бранить; выбранить, отругать (СлРЯ XVIII в.)

Забранить – *Разг.* Высказать порицание, неодобрение; заругать (БТС).

ЗАБРАНИТЬСЯ

Забраниваюсь – начинаю съ кѣм браниться, вступаю съ кѣм въ ссорѣ (САР);

Забраниться / забраниваться – начать браниться; поссориться с кем-л. (СлРЯ XVIII в.);

Забраниться – начать браниться (2 зн.) (БТС).

ЗАРУГАТЬСЯ

Начать браниться (САР);

Начать ругаться, браниться (СлРЯ XVIII в.);

Разг. Начать ругаться (БТС).

ЗАХАЯТЬ / ЗАХАИВАТЬ

Захаять – *Простонар.* Сильно разругать, разбранить (СлРЯ XVIII в.);

Захаять / захаивать – *Разг.-сниж.* Ругая, осрамить, опорочить (БТС).

ИЗЛЯЯТЬ

Изляяти – обругать, выругать; изругать (СлРЯ XI–XVII вв.);

Изругать, выбранить (СлРЯ XVIII в.);

Грубо. Сильно изругать (БТС).

ИЗРУГАТЬ

Изругать – избранить, выругать (САР);

Сильно выругать (СлРЯ XVIII в.);

Разг. Сильно выругать, осыпать ругательствами (БТС).

КЛЯСТЬ

Клену, клянү – 2) ругаю, злорѣчу, зложелаю (САР);

Клясть (-ти), клянуть (клее-) и клять – 2. Поносить, ругать, бранить (СлРЯ XVIII в.)

2. Резко осуждать, бранить (БТС).

В современном русском языке микрополе «Ссора, брань, конфликт» насчитывает 150 лексем, из них 51 существительное и 99 глаголов.

Расширение состава данного микрополя происходит за счет следующих процессов:

I. Пополнение новыми словами: бузить, взбучка, взгреть / взгрывать, встрепка, головомойка, грызня, кипеж и хипеж, конфликт, конфликтовать, костерить, нагоняй, наорать, неполадки, чихвостить / отчихвостить, отщелкать / отщелкивать, песочить / пропесочить и др.

II. Появление у слова нового коммуникативного значения, расширение за счет этого семантемы слова:

ВСЫПАТЬ

Всыпати – всыпать, насыпать (СлРЯ XI–XVII вв.);

Насыпать во что-л. (СлРЯ XVIII в.);

1. Ссыпать, насыпать куда-л. **2. Разг. Сильно побить или отругать (БТС).**

ГРЫЗТЬ

Грызть (-сть, -ти) – есть, раздробляя зубами; кусать, глодать (СлРЯ XVIII в.);

Грызть – 1. (св. разгрызть). Крепко сдавливая зубами, раздроблять крепкое, твёрдое; раскусывать. **2. (св. загрызть). Разг. Постоянно докучать придирами, бранью, упрёками <...> (БТС).**

КРЫТЬ / ПОКРЫТЬ

Крыти (крити) – 1. Делать верх, покрытие, крышу. 2. Зажимать, закрывать. 3. Скрывать, таить, прятать (СлРЯ XI–XVII вв.);

Крыть (-ти) – 1. Покрывать, накрывать чем-л. сверху. 2. Прятать, укрывать. 3. В карточной игре – бить младшую карту старшей. 4. *Охот.* Ловить птиц, покрывая их сетью (СлРЯ XVIII вв.)

Крыть / покрыть – 1. Делать над чем-л. верх, покрытие, крышу. 2. Обтягивать, обшивать или обивать материей, кожей и т. п. 3. Окрашивать поверхность чего-л., накладывать слой чего-л. 4. В карточных играх: бить карту партнёра старшей картой. 5. *Нар.-разг.* Делать что-л. с особой силой, страстностью, азартностью и т. п. 6. *Разг.-сниж.* Ругать, бранить (БТС).

НАБРОСИТЬСЯ / НАБРАСЫВАТЬСЯ

Наброситься – броситься на что-л. (СлРЯ XI–XVII вв.);

Наброситься / набрасываться – 1. Бросившись, напасть; накинуться.

2. Разг. Резко, вдруг начать упрекать, бранить и т. п.; накинуться, обрушиться (БТС).

НАЛЕТЕТЬ / НАЛЕТАТЬ

Налѣтати – прилетать, налетать во множестве (СлРЯ XI–XVII вв.);

Налѣтеть / налетать – 1. Летя, быстро двигаясь, натолкнуться, наскочить на кого-, что-л. 2. Напасть, наброситься на лету на кого-, что-л. 3. Стремительно напасть, совершить набег на кого-, что-л. 4. Внезапно возникнуть, начаться (о ветре, буре). 5. Быстро, внезапно прибыть куда-л., появиться где-л. 6. Прилететь в каком-л. (обычно большом) количестве. 7. Нападать на что-л. (СлРЯ XVIII в.);

Налететь / налетать – 1. Летя, приблизиться к кому-, чему-л.; натолкнуться. 2. *Разг.* На быстром ходу или с разбегу наскочить, натолкнуться. 3. *Разг.* Столкнуться с кем-, чем-л. неприятным, непредвиденным, неожиданно получить что-л. неприятное; напороться. 4. Летя, напасть. 5. Неожиданно и стремительно напасть, атаковать. 6. *Разг.* С жадностью наброситься. 7. *Разг. Внезапно обрушиться на кого-л. с обвинениями, угрозами, бранью* и т. п. <...> (БТС).

У лексемы *дрязги* коммуникативное значение не зафиксировано в словарях XI–XVIII в., оно появляется в смысловой структуре слова на базе предшествующих в XIX в. и в течение долгого времени является периферийным, однако в современном русском языке некоммunikативные значения утрачены, а коммуникативное значение осталось единственным:

ДРЯЗГИ

Дряг – *Прост.* 1. Хворост, ветки, валежник. 2. Мусор, грязь; отбросы, отходы. // Что-л. ненужное, малоценное, бросовое. 3. Вздор, нелѣпца, мѣлочь (СлРЯ XVIII в.);

Дрягз – сор, хлам, дрянь; дром, сушь, сушник. хворост, другз; нанос, прутья, листва, тростник, наносимые водою. || Сплетни, пересуды и переносы или пустые ссоры и перекоры [8];

Дрязги – *Разг.* Мелкие ссоры, неприятности (БТС).

Количественный и качественный анализ лексико-семантического микрополя «Сора, брань, конфликт» позволил сделать следующие обобщения. Коммуникативная лексика – один из древнейших пластов лексической системы русского языка. Основные направления развития русской коммуникативной лексики, как показал анализ состава и семантики лексем одного из микрополей коммуникативной лексики, заключаются прежде всего в расширении ее состава и появлении новых семем в смысловой структуре слова. Процессы выхода коммуникативных семем и лексем из употребления, утраты лексемой коммуникативного значения наблюдаются значительно реже, что позволяет судить об устойчивости коммуникативной лексики и расширении ее состава в современном русском языке.

Список литературы

1. Шаманова, М. В. Коммуникативная лексика русского языка: состав, семантика, употребление : моногр. / М. В. Шаманова. – Ярославль : Изд-во Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, 2013. – 292 с.
2. Словарь Академии Российской : в 6 ч. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1789 (САР).
3. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. – СПб., 1806–1822.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – М. : Наука, 1975–2008 (СлРЯ XI–XVII вв.).
5. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–20. – Л. : Наука, 1984–2012 (СлРЯ XVIII в.).
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2014. – 1536 с. (БТС).
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : ООО Издательство «Мир и образование» ; ООО Издательство Астрель» ; ООО «Издательство «Оникс», 2012. – 1376 с. – (СОШ).
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.

Shamanova Marina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

e-mail: mshamanova@mail.ru

SEMANTIC DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE LEXICON
OF THE RUSSIAN LANGUAGE (on the example of one of the microfields
of lexico-semantic field «Communication»)

The article shows the results of a comparative analysis of the communicative vocabulary presented in the dictionaries of the XI–XVII, XVIII and XXI centuries, focused on the material of the one microfield of the lexical-semantic fields «Communication». It is shown that the communicative vocabulary is one of the most ancient layers of the lexical system of the Russian language. The main directions of the development of the Russian communicative vocabulary are the rebuilding of the active semantic development which occurs in the forms of extending, reducing of the amount of the semantemes of the communicative lexemes, in the passing out of use of the communicative sememes and lexemes, in the loss of the communicative meaning by a lexeme, in the acquisition of the communicative meaning by a lexeme.

Keywords: lexical system, communicative vocabulary, lexical microfields, semantic development.

УДК 050(470)(=163.41)

Н. А. Бондаренко

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФОЛЬКЛОРУ И МИФОЛОГИИ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В «СЛАВЯНСКОМ ВЕСТНИКЕ»
А. А. ХОВАНСКОГО**

А. А. Хованский – редактор и издатель первого русского научного журнала «Филологические записки» (1860–1899 гг.) в приложении «Славянский вестник» публиковал статьи, посвященные наследию славянских народов. В I–III томах «Славянского вестника» были представлены исследования российских и зарубежных учёных по фольклору и мифологии славянских народов. («Славянская семья по народным песням», автор Д. А. Лавренко, «Народные песни о битве на Косовом поле», автор И. И. Мейер, А. Н. Афанасьев «Народные суеверия и поверья. Болезни по славянским преданиям» и др). Благодаря этому сборнику российский читатель смог познакомиться со страницами мифологии и фольклора славянских народов.

Ключевые слова: А. А. Хованский, славянские народы, фольклор, мифология.

Вопросам фольклора, мифологии славянских народов посвящены многие исследования отечественных ученых [1]. Особый интерес к народному творчеству и мифологии появился в XIX в. и был связан с формированием национального самосознания у славянских народов, лишенных независимости, а также распространением идеи славянской взаимности, теоретически оформленной в работе Я. Коллара «O literárnej vzájomnosti medzi rozličnými kmeňmi a nárečiami slovanského národa» (в 1837 г. – на немецком, а в 1840 г. – на русском языках) [2].

В России интерес к изучению языка, истории, литературы, культуры соплеменников возрос в связи с открытием кафедр славянских языков в Московском, Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском университетах. Напомним слова И. И. Срезневского, который во «Вступительной лекции в курсе истории и литературы славянских наречий» (1842 г.)

подчеркивал, что российские славяне более нуждаются в знании языка и обычаев собратьев. Иначе «...ум народа умрет, как умирает ум того, кто причается заучивать чужие мысли и чужие фразы, не упражняя своего собственного мышления... Знания общеславянской народности отдалают нас от уродливых заимствований из чужих языков» [3, с. 3].

Распространение и популяризация знаний о славянах происходит не только в столицах, но и в провинциальных городах. Так, в г. Воронеже учитель словесности Михайловского кадетского корпуса А. А. Хованский (1814–1899 гг.), редактор научного журнала «Филологические записки» начинает издавать приложение «Славянский вестник» (1866–1885 гг.). В нём он решает публиковать работы А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. А. Котляревского, П. А. Лавровского, А. А. Потебни и др. учёных с целью познакомить учителей родного языка и словесности с материалами по языкознанию, этнографии, мифологии, истории славян.

В 2016 г. к 150-летию выхода первого номера «Славянского вестника» при поддержке Фонда А. А. Хованского были переизданы три тома сборника за 1866–1885 гг. [4]. За этот период А. А. Хованским было опубликовано более 30 научных статей, информационных материалов по словесности, сравнительному изучению славянских языков, истории, народной психологии, литературе и др.

Цель статьи – дать краткий обзор материалов по славянскому фольклору и мифологии из сборника А. А. Хованского. В сборник включены статьи: Д. А. Лавренко «Славянская семья по народным песням», болгарские сказки и «Сказание о Св. Савве» в разделе «Народная словесность» (Т. 1), работа Н. Кареева «Главные антропоморфические боги славянского язычества», П. Лавровского «Этнографический очерк кашубов», «Славяне в древнейшие времена» по книге Г. Крека «Введение в историю славянских литератур» (Т. 2), работы В. В. Макушева «О происхождении слова «Дажьбог», И. И. Мейера «Народные песни о битве на Косовом поле» (Т. 3). Статьи, посвящённые сербскому эпосу, подробно были освещены в работе автора [5].

Известно, что фольклор – это составная часть духовной жизни народа, в которой отражено миропонимание коллектива; картины повседневной жизни, воззрения на природу, отклики на исторические события и др.

Знаменательно, что «Славянский сборник» открывался статьей «Славянская семья по народным песням» (Д. А. Лавренко). В самом названии («славянская семья») автор подчеркивал общность, близость, родственный характер песен славян. Именно в песне, которая является отражением внутренней жизни народов, «их историей, ...исповедью ду-

ши», «язык родной хранится во всей чистоте, неподдельности, свежести, силе, прелести...» [6, с. 147]. В статье Д. А. Лавренко предпринята попытка на основе анализа малорусских, сербских, великорусских песен определить психологические и социальные черты славянского племени.

Перед нами проходит череда героев малорусских песен: брат, покинувший отцовский дом, сестра, одолеваемая грустными воспоминаниями, невеста и мать, проливающие слезы, и др. По мнению автора, ожидания, разлука без надежды – таков общий тон малорусских песен.

Характер сербских песен иной: внезапные переходы от горя к восторгу и радости. Так, например, в песне «Рабство Стояна Янковича» два друга, Стоян и Илья, из Котора попали в плен к туркам, но благодаря находчивости им удаётся ускользнуть из Стамбула, добраться до Котора и в завершении – жениться на любимой [7, с. 18].

Привязанность к семье, родному дому, отношения, основанные на любви, согласии, верности – вот, что характерно для славянина. Автор размышляет о том, что если в силу обстоятельств славянин оказывается вне семейного круга, то за ним неотступно следует «Горе-злочастие»: герой сталкивается с враждебным миром, ссорится с близкими людьми. Причем, если в древних вариантах песен причиной разлада являются фантастические существа Виллы, то в поздних – жены (как, например, в песне «Якшичи испытывают жен»).

Согласно типологической теории (В. М. Жирмунский, Б. Н. Путилов) именно песни дают «своеобразную эпическую модель мира, никогда в действительности как целое не существовавшего» [8, с. 224]. Национальное героическое прошлое в песнях поэтически конструируется вместе с социальными, бытовыми, семейными отношениями, моралью и идеалами. Именно в семье, в отношениях с близкими формируются те основы самосознания, которые определяют в дальнейшем нравственный выбор человека.

«Родолубие» как человеколюбие, правдолюбие, «побратимство и по-сестримство» – важнейшие черты сербов – наиболее ярко проявились в битве на Косовом поле (15 / 28 июня 1389 г.) В песнях косовского цикла отражены реальные события (борьба против турецкого ига). Завет святого мученика царя Лазара («Царство земное – на миг, Царство Небесное – навек») стал доминантой сербского национального самосознания [9].

Статья И. И. Мейера «Народные песни о битве на Косовом поле» была создана на основе публикации Ф. Губада, который отмечал, что героические песни существовали у славян с древности. Благодаря Вуку Караджичу сербский эпос стал известен в Европе. «Народные песни о битве на Косовом поле» дополняли и расширяли представления русских читателей о родственном сербском народе [10].

В статье профессора Г. Крека «Славяне в древнейшие времена» (по его книге «Введение в историю славянских литератур») упоминаются свадебные русские песни, в которых явлены, по мнению автора, такие черты характера как «гостеприимство, попечение о родителях» [11, с. 291].

Вопросы сохранения устного творчества, в частности песен, у кашубов – славянского племени, расположенного в Поморье, близ Гданьска, – затронуты П. Лавровским в «Этнографическом очерке кашубов» [12]. По мнению автора, кашубы – народ простой, открытый, патриархальный, глубоко преданный вере, у них отсутствуют внутренние раздоры, обман. Несмотря на сильное влияние немцев, они пытаются сохранить свои традиции. Однако, как замечает автор, у кашубов «почти исчезли песни», народ почти не поет, песни звучат только в храме [11, с. 261]. Эти негативные явления свидетельствовали об ассимиляции поморского племени. Что касается других жанров фольклора кашубов, то в статье отмечено несколько сказок, опубликованных в 1863 г. чешским писателем К. Я. Эрбеном в «Citanke», и пословицы, вошедшие в книгу А. Ф. Гельфердинга о кашубах.

В разделе «Народная словесность» опубликованы четыре болгарские сказки из сборника Бр. Миладиновых («Два брата», «Сварливая жена», «Если судьба», «Сын прокармливает семейство») [13]. В послесловии отмечено, что более десятка собранных болгарских сказок были изданы в Загребе, однако уцелели только четыре. Все сказки бытовые, они дают читателю представление о находчивости, смекалке болгарского народа.

Таким образом, материалы по фольклору в «Славянском вестнике» позволили А. А. Хованскому дать русскому читателю представление о народной жизни славян, подчеркнуть особенности их характера, выявить общее в «славянской семье»: высокие нравственные качества, любовь к родной земле, этническую память, приверженность семейным ценностям и др.

Существенным дополнением к знаниям по фольклору стали статьи о Я. Ф. Головацком, Ф. Л. Челаковском, В. Караджиче – собирателях народных песен Галицкой и Угорской Руси, Чехии и Сербии.

Свою точку зрения на происхождение славян высказал проф. Г. Крек. Он считал славян одной из ветвей арийского племени и отмечал несколько периодов в их истории: 1) арийцы; 2) европейские арийцы; 3) литво-славяне; 4) славяне; 5) распад славян на разные ветви [14, с. 279].

Примечательно, что в «Славянском вестнике» представлены разные точки зрения ученых на происхождение богов из славянской мифологии (Радигост, Дажьбог, Сварог и др.).

Н. Кареев в статье «Главные антропоморфические боги славянского язычества» пишет о громобоге Радигосте, которому поклонялись балтийские славяне «лутичи в Ретре» [15, с. 165]. Он приводит мнение А. Н. Афанасьева, который считает, что название бога соотносится со словом «рад-уница» – праздник обновляющейся весной природы. Корень слова -gad- означает «блистать»; «радовать», автор соотносит с эпитетом «бог, радующий о госте». Второе значение (по А. Н. Афанасьеву): Радогост – «покровитель пришельцев, заезжих купцов», он отождествляется с Меркурием.

По мнению автора, у племени лутичей бог солнца и бог грома сначала воспринимались как единое целое, позже они были разделены на Солнце-бога и бога-Громовика. Есть замечание о том, что у балтийских славян название бога было связано с местностью, что вполне объяснимо. Так, в Яровите – «воплощено весеннее солнце, которое одевает поля и леса зеленью». Название и значение Яровита совпадает с Ярилой, культ которого был распространен у русских. Н. Кареев пишет, что в Великой и Малой Руси Ярила был заменен Св. Юрием. В конце приводится небольшая классификация соотношения значения и названия бога.

Таблица 1 – Соответствие значения и имени бога в славянской мифологии

Значение	Имена
Небо – бог	Волос, Сварог
Громо – бог	Перун, Радигост
Солно – бог	Дажьбог, Хорс, Святovit, Яровит

Публикации В. В. Макушева «О происхождении слова Дажьбог» [16] и дискуссии по поводу подлинности Зеленогорской рукописи «Либушин суд» [16] дополняют знания по мифологии, а также знакомят читателей с примером научной дискуссии.

В. В. Макушев пишет о происхождении Зеленогорской рукописи, которую опубликовали чешские ученые Й. Линда и В. Ганка. В статье представлены аргументы учёных об этом «памятнике».

Немецким ученым Й. Пертцем были сделаны палеографические описания рукописи, что позволило высказать предположение, что это не «древняя» рукопись, а подделка. С его мнением согласились чешские «будители» П. Й. Добровский, Й. Шафарик, Ф. Палацкий, которые провели анализ правописания, сравнили рукопись с Згорельскими отрывками и также пришли к выводу, что это не древний памятник, а фальсифи-

кация. Русский славист И. И. Срезневский провёл фонетический, грамматический анализ языка «памятника» и написал опровержение по поводу «древности» Зеленогорской рукописи», поддержав точку зрения чешских исследователей [17, с. 106].

Вторая статья В. В. Макушева «О происхождении слова Дажьбог» [18, с. 151–155] представляет собой реконструкцию слова «Дажьбог» на основе вторичных письменных источников. Автор указывает, что это слово встречается в Ипатьевской рукописи, «Слове о полку Игореве» и привнесено из староболгарского перевода византийской хроники I. Малалы, в которой Дажьбог толкуется как солнце. Поэтому, считает В. В. Макушев, истоки этого слова следует искать у южных славян.

В статье проводится мнение ученого Ф. Миклошича, который считал, что «Дажьбог» следует писать «Даж~~ь~~бог», поскольку оно образовано от формы повелительного наклонения глагола «дати» что, по его мнению, значило «дай богатство» (в лат. dispensator divitiarum). Русские учёные (в частности, И. И. Срезневский) не приняли эту точку зрения. Автор приводит размышления А. Н. Афанасьева, который считал, что – «дажь» – от санскр. «Dag» («гореть, сжечь»). Отсюда Дажьбог – «жгучий бог». Происхождение слова «Дажьбог» от старохорватской формы «дажь» (Imber), род. – даж-я, сущ. «дажило», «дажило» (ср. Ярило) – таково мнение автора. Отсюда вывод, что Дажьбог совпадает с Jupiter pluvius римлян.

В. В. Макушев пишет, что у земледельческих народов (южные славяне) такое название естественно. Можно вспомнить, как во время засухи сербские девушки, наряженные в одежду из древесных ветвей и цветов, ходили по деревням с песнями. Главная из них – «додола» или «чароцца» – во время обхода по домам отделялась от других, плясала, а хозяйка дома обливала её водой. Додольские песни хорошо известны. По мнению автора, этот обряд уцелел у славян, проживающих в Южной Италии. У восточных и западных славян обряд трансформировался в детскую игру о ниспослании дождя, что закрепилось в песнях.

Сведения по славянской мифологии читатель «Славянского вестника» мог дополнить из статьи «Из славянской журналистики» – краткий обзор «Филологических заметок» И. В. Ягича, изданной в Берлине, – в которой есть материалы о христианско-мифологическом наслоении в русском народном эпосе [19]. Автор прослеживает заимствования из христианской, апокрифической, библейской, легендарной литературы, сохранившиеся в русском эпосе. В частности, это касается древнего славянского «соли-бога» Волоса, который почитался на Руси задолго до крещения и превратился в быту в покровителя скота.

Таким образом, представленный А. А. Хованским в «Славянском вестнике» материал по фольклору и мифологии славянских народов давал возможность русскому читателю не только познакомиться с народным мировосприятием, коллективным опытом, эпическими и другими традициями родственных народов, расширить знания по этимологии, топонимике, сравнительному языкознанию славянских языков, но и на этой основе осознать единство духовно-нравственных ценностей соплеменников и ощутить всю меру ответственности за то, что происходит в славянском мире.

Список литературы

1. Бодянский, О. М. «О народной поэзии славянских племен»: рассуждение на степень магистра Философского факультета Первого отделения, кандидата Московского университета, Иосифа Бодянского / О. М. Бодянский. – М. : Типография Николая Степанова, 1837. – 154с. ; Срезневский, И. И. Вступительная лекция в курсе истории и литературы славянских народов / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1893. – 24 с. ; Жирмунский, В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса / В. М. Жирмунский. – М. : АН СССР, 1958. – 146 с. и др.
2. Kollár, J. O literárnej vzájomnosti medzi rozličnými kmeňmi a nárečiami slovanského národa / J. Kollár. – Bratislava : SAV, 1954.
3. Срезневский, И. И. Вступительная лекция в курсе истории и литературы славянских народов / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1893. – 24 с.
4. Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварт, 2016.
5. Бондаренко, Н. А. Сербские страницы в «Славянском вестнике» А. А. Хованского / Н. А. Бондаренко // Славистика. – 2019. – № XXIII-1. – С. 295–302.
6. Бодянский, О. М. «О народной поэзии славянских племен»: рассуждение на степень магистра Философского факультета Первого отделения, кандидата Московского университета, Иосифа Бодянского / О. М. Бодянский. – М. : Типография Николая Степанова, 1837. – 154 с.
7. Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварт, 2016. – Т. I. – 333 с.
8. Путилов, Б. Н. Проблемы жанровой типологии и сюжетных связей в русском и южнославянском эпосе / Б. Н. Путилов // История, культура, фольклор и этнография славянских народов : доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов. – Прага, 1968. – С. 213–239.
9. Осипова, Е. А. Особенности сербской ментальности: географический аспект (ковровский миф в сербской традиции) / Е. А. Осипова // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения», Москва, 25–27 сентября 2012 г. – М., 2012. – С. 190–196.
10. Мейер, И. И. Народные песни о битве на Косовом поле / И. И. Мейер // Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварт, 2016. – Т. 3. – С. 160–175.
11. Крек, Г. Славяне в древнейшие времена / Г. Крек // Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварт, 2016. – Т. II.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

12. Лавровский, П. «Этнографический очерк кашубов» / П. Лавровский // Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварта, 2016. – Т. 2. – С. 253–262.

13. Народные болгарские сказки // Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварта, 2016. – Т. 1. – С. 142–148.

14. Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварта, 2016. – Т. 2.

15. Кареев, Н. Главные антропоморфические боги славянского язычества / Н. Кареев // Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварта, 2016. – Т. 3.

16. Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварта, 2016. – Т. 3.

17. Срезневский, И. И. К вопросу о подлинности Зеленогорской рукописи // И. И. Срезневский // Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварта, 2016. – Т. 3.

18. Макушев, В. В. О происхождении слова «Дажьбог» / В. В. Макушев // Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварта, 2016. – Т. 3. – С. 151–155.

19. Ягич, И. В. Славянская библиография / И. В. Ягич // Славянский вестник : сборник статей : в 3 т. / ред.-изд. А. А. Хованский. – Воронеж : Кварта, 2016. – Т. 3. – С. 13–17.

Bondarenko Natalia

Institut of languages and Culture by Leo Tolstoy of Moscow
e-mail: b_natalia@mail.ru

RESEARCHES ON FOLKLORE AND MYTHOLOGY OF THE SLAVIC PEOPLES IN «SLAVONIC BULLETIN» BY A. A. KHOVANSKY

A. A. Khovansky – editor and publisher of the first Russian scientific journal «Slavonic Bulletin» (1860–1899), in the Slavic herald appendix, published articles on the heritage of the Slavic peoples. In I–III vol. presented the research of Russian and foreign scholars on folklore and mythology of the Slavic peoples (D. A. Lavrenko «Slavic family based on folk songs» about «Folk songs about the battle on the Kosovo field» by I. I. Meyer etc.). Thanks to this collection the Russian reader was able to get acquainted with the pages of mythology and folklore of the Slavic people.

Keywords: A. Khovansky, Slavic folklore, mythology, Slavic peoples.

УДК 811.161.3

Д. А. Руклянский

АРХІТЭКТОНІКА ЛІСТОЎ (ДОПІСАЎ) Ф. С. КМІТЫ-ЧАРНАБЫЛЬСКАГА

Анализируется структурно-смысловая организация эпистолярных текстов, которые были созданы на протяжении 1573–1574 гг. оршанским старостой Ф. С. Кмитой-Чернобыльским. На основе анализа выявляются блоки, составляющие композицию писем. Рассматриваются смысловые единицы, описываются способы их формального выражения, а также акцентируется внимание на особенностях построения древних текстов.

Ключевые слова: историческая лингвистика, древние эпистолярные тексты, архитектоника, структурно-смысловые единицы, способы вербализации.

Гісторыка-стылістычнае вывучэнне старажытных тэкстаў – адзін з важных напрамкаў у параўнальнай лінгвістыцы. Даследаванні такога плану стварылі перадумовы для ўзнікнення новай галіны – дыяхранічнай стылістыкі, дзе важнае месца адводзіцца лінгвакультуралагічнаму аналізу корпуса старажытных тэкстаў XVI ст., створаных на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага, у тым ліку і эпістальрыяў Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага.

Эвалюцыя старабеларускай мовы XVI ст., яе народна-маўленчая аснова і поліфункцыянальнасць, а таксама шматлікая колькасць даўніх, яшчэ не даследаваных тэкстаў, напісаных менавіта на тагачаснай мове, фарміруюць інавацыйны падыход для шматпланаванага вывучэння і аналізу іх. Адназначна з гэтым, выцякаюць наступныя ўстаноўкі заяўленага даследавання:

1. Актуальнасць тэмы нашага артыкула звязаная з непашыранасцю канкрэтных навуковых прац па развіцці старабеларускай мовы XVI ст. і характарыстыкі змястоўнага боку старажытных эпістальрных тэкстаў з лінгвакультуралагічнага пункту гледжання.

2. Мэта даследавання – вызначыць спецыфіку знешняй і ўнутранай арганізацыі старабеларускіх эпістальрыяў.

3. Аб'ект даследавання – форма і змест лістоў № 8, № 1, № 25, № 21, № 15, № 5.

4. Прадмет даследавання – кампазіцыйныя і стылеўтваральныя рысы.

Для абазначэння кампазіцыйных складнікаў (элементаў) старажытных тэкстаў намі выкарыстоўваюцца наступныя паняцці: сэнсавы блок (СБ) – тэматычна завершаная адзінка, што выконвае ў тэксце пэўную функцыю; з пункту погляду архітэктонікі, СБ уваходзіць у склад афармляльнай часткі, што складаецца з зачыну і канцоўкі, ці змястоўнай часткі, у якой заключаецца асноўная інфармацыя; сэнсавы фрагмент (СФ) – група СБ, аб'яднаная тэматычнай агульнасцю.

У артыкуле ілюстрацыйным матэрыялам служаць лісты Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага паводле выдання А. Ф. Коршунавым «Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці» [1]. На падставе суцэльнага аналізу эпістала, можна сцвярджаць, што ім уласціва пэўная будова, прычым унутраная арганізацыя адных лістоў можа адрознівацца ад іншых. Кожны ліст пачынаецца з зачыну, аформленага ў выглядзе звароту адрасанта да адрасата: *Освеционые а ясневольможные милостивые панове рада Великого княжества Литовского, панове,*

панове мои милостивые! Пасля такога зачыну падаюцца розныя элементы змястоўнай часткі паведамлення, якія маюць свае спосабы вербалізацыі. Разгледзім іх паасобку:

1. Аналітычныя формы дзеяслова-выказніка выступаюць у якасці лексічнай прэзентацыі: *даю ведаць (ведати), даючы ведаць, далэм знать, рачь ведаць* і інш., дадзеныя дзеясловы кіруюць прыназоўнікава-склонавымі формамі, напрыклад: *вашей панскей милости, вашей панской вельможности*. Сустрэкаюцца выпадкі, дзе яны носяць імпліцытны характар: *Новины, годные ведомости в(ашей) п(анов) в(ельможности), моих милостивых панов (*даю ведаць), которых часов, марта третегонадцать дня, в субботу, отсюль з Орши, взялиши достаточную справу од Алексея <...>*.

2. Лексічная прэзентацыя, выражаная ўстойлівымі дзеяслоўнымі канструкцыямі ў форме прошлага часу + падпарадкавальны злучнік *иж*, праз што выражаецца ўскоснае маўленне: *Дали ми справу шпеги мои, иж князь велики московски, собравши войска немалые, просто тенул до Казани, хочечи дати ратунак, бо, де, черемиса луговая от него ся откинувши, дороги землею и водены свои до тых царств его засегнула и до Казани не пропускают, шкоду великую чыняют, и ты, де, часов войска его осьми тысяч наголову поразили. <...>*. Гэты ўрывац можна лічыць самастойным СБ, дзе распавядаецца аб ваеннай дзейнасці маскоўскага цара Івана Грознага. Сродкамі вербалізацыі фактуальна-інфармацыйнага зместу выступаюць адзначаныя вышэй элементы, аднак важную ролю ў стварэнні поўнай карціны маюць і фразеалагічныя канструкцыі тыпу *тенул до Казани, дати ратунак, дороги землею и водены, шкоду великую чыняют, наголову поразили*, што прыдае паведамленню не толькі інфармацыйную дакладнасць, але і мастацкую акрэсленасць. На падставе сказанага адзначаем, што ўскоснае маўленне адрасанта характарызуецца свабодай выкладання асноўнай інфармацыі з выкарыстаннем рознага роду дзеяслоўных устойлівых выразаў. Ускоснае маўленне можа выражацца і **бяззлучнікавай сувяззю**: *Далэм знать вшыстким вобец в(ашим) п(анским) м(илостям), паном своим милостивым, радом е(го) к(оролевской) м(илости), о выйстю з земли неприятельское посланцов_е(го) к(оролевской) м(илости)*. Як відаць, яго рэалізацыя адбываецца шляхам далучэння складанага дзеяслова-выказніка *далэм знать* да ўсёй астатняй канструкцыі.

Асаблівую ўвагу прыцягвае змяшэнне сродкаў вербалізацыі зместу паведамлення, калі адзін інфармацыйны элемент, які ўводзіцца праз ускоснае маўленне без злучнікаў, накладваецца на іншы з падпарадкавальнай сувяззю: 1) *Даю ведаць в(ашим) п(анским)*

в(ельможностям), паном своим милостивым: **сегодня**, в среду, августа осмогонатцат дня, з Смоленска воевода смоленски прислал посланца и писал до мене, П) **даючы ведать**, иж за позволением государя его, великого князя, идет его ж государя Молдавское земли Богдана Александровича человек – Иван Логофет – з листы князя великого, против котого абых на рубеж стречу выслал, с которым людей чловеки два, а коней пять. <...>.

3. Склонавыя формы **асабовых займеннікаў**: Даю ведать в(ашей) п(анской) м(илости): **тых** часов, **июня шостнадцать** дня, з Смоленска воевода смоленский дал **ми** знать через посланца и лист свой, иж государ **его**, князь великий московский, отпустил владыку Молдавское земли з Москвы на имя Исаю, который, **де**, у государя **его** был для милотины, ознаймуючы, иж и лист свой, государ **его**, до **его** королевской милости, государя нашего, **ему** дал, абых **его** без заченки пропустил <...> Акрамя займеннікаў, сродкам вербалізацыі СБ выступае і архаічна-спецыфічная форма дзеяслова **дешти** «казаць» – **де (дей)** [2, с. 242].

4. Паўторы імён і назваў, якія спрыяюць дэталізацыі выкладу і не дапускаюць двухсэнсоўнасці: По высланю до вашей панской милости отсюль з Оршы того хлопца моего Лосятинского сегодня, у во вторник, марца второго, прислал до мене з заграничья шпег мой на имя **Кузьма Труба** посланьца своего, даючы знать, иж на днеш теперешних блиско прошлых люду московского немалые, **де**, войска до **Смоленска** прибыли, а людей, пограничных из сел от границ приставщики выгоняют до **Смоленска** и острог, **де**, новый мощный в **Смоленску** почали робить. А ве, для даня певнейшее лепшее ведомости тот **Труба** сам ещё на рубежу позостал <...>.

5. Выкарыстанне **злучнікаў а, і** для знешняй сувязі самастойных прэдыкатыўных адзінак: **А** потом тот владыка до Оршы прыехал. **А** при нем людей человека пять, возки два. **И** был у мене в именечку моем в Смольнянах **июня осмгонадцать** и дал ми лист за князя великого печатью, писанный до его к(о)р(олевской) м(илости), государя нашего, зашитый, за которым просил мене, **абых** его добровольне пропустил. **И** мовил мне, **жебых** тот лист, до государя писаны, розшил а з него вырозумел, а ему лист свой пропустный дал, питаючисе дороги. <...>. Як паказана, у якасці змацавання ўнутраных складнікаў прэдыкатыўных адзінак выкарыстоўваліся старажытныя падпарадкавальныя злучнікі **абых, жебых**.

Кожны СБ утварае СФ, ён аддзяляецца ад іншых СФ, унутры якіх маюцца свае пэўныя тэматычныя часткі – СБ, абагульненым зваротам адрасанта да адрасата. Разгледзім на прыкладзе адзін такі СФ, які

ўключае два СБ (Ліст 2): СБ (І) 1) *Новин з краю тутошнаго не мелом чого вашей милости на тот час писати.* 2) *Однако з земли неприятельское слышать, иж, де, воеводы великого князя московского, которые на Астрахани были и Астрахань боронили, не могучи выдер(жа)ти моцы татар нагайских и черемское, от которых чрез два годы в облежениу были и про недостаток живности, порохов и куль, и се юж бронити неприятелю своему чим не мели и помочи и ратунку господара своего мети не могли, з Астрахани утекли и бронною рукою аж до Казани увошли; то пак, де, татаре и черемиса Астрахань осели и в моц свою взяли.* 3) *А Казань се, де, боронит моцно.* 4) *Одно, де, того же – живности не доставает и дров не мают, чим се греть.* 5) *Будоване в замку внутр всю, де, попалили.*

У СБ (І) адрасант дакладвае ўраду Вялікага Княства Літоўскага аб дзейнасці Івана Грознага, які разам са сваім войскам бараніў Астрахань, аднак, не вытрымаўшы націску татар і чаркесаў, адступіў і пайшоў на Казань. СБ (І) складаецца з пяці самастойных сказаў. Прэдыкатыўнае ядро першага сказа – адмоўная складаная дзеяслоўная канструкцыя *не мелом чого писати*. Тут яна не выступае ў якасці лексічнай прэзентацыі, бо не з'яўляецца інфармацыйным індыкатарам, паказчыкам паступовага ўнясення новых звестак у СБ (І). Сродкі вербалізацыі змястоўнай часткі СБ (І) знаходзяць экспліцытнае выражэнне ў другім сказе праз злучнік-«крэпу» *однако*, безасабовы дзеяслоў *слышать* і падпарадкавальны злучнік *иж*, які функцыянуе як сігнал пераходу да ўласна інфармацыйнага поля. Разам з гэтым, адрасант устаўляе ў асноўную інфармацыйную семему «ваенная няўдача Івана Грознага» дадатковыя сведкі: *не могучи выдер(жа)ти моцы татар нагайских и черемское, от которых чрез два годы в облежениу были и про недостаток живности, порохов и куль, и се юж бронити неприятелю своему чим не мели и помочи и ратунку господара своего мети не могли*, пасля чаго вяртаецца да галоўнай тэмы другога сказа і завяршае яе. У трэцім, чацвёртым і пятым сказах знешнімі сродкамі вербалізацыі зместу выступаюць злучнікі *а, одно (однако)*; унутранымі сродкамі вербалізацыі СБ – своесаблівая архаічная форма *де*, а таксама звычайныя дзеясловы-выказнікі: 3) *А Казань се, де, боронит моцно.* 4) *Одно, де, того же – живности не доставает и дров не мают, чим се греть.* 5) *Будоване в замку внутр всю, де, попалили.* Усё гэта дае падставы казаць аб наяўнасці складанай кампазіцыйнай арганізацыі СБ (І), на інфармацыйны каркас якога нанізваюцца новыя, удакладняльныя звесткі. Сродкі вербалізацыі ў раскрыці асноўнага зместу дадзенага СБ можна падзяліць на знешнія і ўнутраныя. Да знешніх адносяцца:

злучнікі *однако (одно)*, *а*, да ўнутраных – дзеясловы-індыкатары тыпу *слышать*, што падрыхтоўваюць рэцыпіента да ўспрымання інфармацыі, падпарадкавальныя злучнікі, у нашым выпадку, *иж* і часавыя формы дзеяслова. Дадзенаму СБ уласціва *наратыўна-канстатаваная функцыя*, бо, з аднаго боку, аўтар расказвае аб ваенных намерах рускага цара ўзяць Астрахань, з другога боку, ён канстатуе яго немагчымасць перад татарамі і чарамісамі дасягнуць гэтага.

СБ (II) 1) *А тако, которое войско князь великий вперед до Казани выслал, – яком о том первой до вашей панской милости писал, – о тых войсках ещё ничего не слышать, але певно себе тушет, иж де, Казани дойдут и поратуют, бо, де, и другие войска, с которыми до Инфлянт ся мели вернуть, там же послал.* 2) *С кролем, де, швейским якобы некое дочесное перемирие взял.* 3) *И тых, де, часов ест сам на Москве и ехати мел до Новогороду.* 4) *Ваша милость, панове мои милостивые, о том ведати рачте. <...>.*

СБ (II) складаецца з чатырох прэдыкатыўных адзінак, але інфармацыйным цэнтрам з’яўляюцца першыя тры, паколькі яны працягваюць развіццё фактуальна-інфармацыйнай лініі, заданай ў СБ (I), узбагачаюць яе новымі, змястоўнымі падрабязнасцямі. У СБ (II) кажацца аб далейшай дзейнасці Івана Грознага, пасля таго як ён адступіў ад Астрахані і накіраваў сваё войска на Казань. Дазнаемся аб адсутнасці навін адносна гэтага войска, аб тым, што жыхары Казані цешаць сябе, што дапамога ў хуткім часе прыйдзе. Таксама адрасант дадае, што цар Іван Грозны ўзяў перамір’е са шведскім каралём, а сам знаходзіцца ў Маскве.

Разгледзім рэалізацыю сродкаў вербалізацыі ў раскрыцці асноўнага зместу. Знешнія сродкі: злучнік *а*, дзякуючы якому адбываецца плаўны пераход ад зместу СБ (I) да СБ (II). У першым сказе СБ (II) назіраем выкарыстанне ўстаўной, парэнтэтычнай, канструкцыі *яком о том первой до вашей панской милости писал*, гэта дае падставы думаць, што аўтар не ўпершыню дакладвае аб гэтым адрасату і такім чынам адсылае яго да папярэдніх лістоў. У якасці вербальных сродкаў ўнутранай звязнасці структурных прэдыкатыўных частак выступаюць злучнікі *але, иж, бо*, а таксама дзеяслоў *де: але певно себе тушет, иж, де, Казани дойдут и поратуют, бо, де, и другие войска, с которыми до Инфлянт ся мели вернуть, там же послал.* 3 і 4 сказы звязваюцца паміж сабой пры дапамозе злучніка *и* і часавых формаў дзеяслова: 2) *С кролем, де, швейским якобы некое дочесное перемирие взял.* 3) *И тых, де, часов ест сам на Москве и ехати мел до Новогороду.* Што да апошняга сказа (4) у СБ (II) *Ваша милость, панове мои милостивые, о том ведати рачте*, то ён з’яўляецца завяршальным, апраўляльным, элементам,

дзякуючы чаму два разгледжаныя вышэй СБ утвараюць адзіны СФ. Дадзены СБ мае ўласна нарытыўную функцыю. На падставе ўсяго апісанага і прааналізаванага, можам сцвярджаць: СФ, які складаецца з двух СБ, успрымаецца як тэматычна аднародны, гэтая тэматычная тоеснасць дасягаецца шляхам выкарыстання знешніх і ўнутраных сродкаў вербалізацыі.

Што да канцоўкі допісаў, то яны маюць выгляд стандартных, клішыраваных канструкцый нахштальт *с тым жычечи в(ашим) п(анским) в(ельможностям), моим милостивым паном, в ласце божей при добром здравью фортунного панования* і г. д. Сустракаюцца канструкцыі, дзе, акрамя ветлівага звароту да адрасата, змяшчаецца ўласна просьба адрасанта: *што до милостивой ласце в(ашей) м(илости), моего милостивого пана и государя, поручивши, с покорю прошу, абым оупцион не был и у нендзы здравя моего не пострадал* і г. д.

Такім чынам, сярод разнастайных даследаванняў старажытных эпістальярных тэкстаў лінгвакультуралагічны аналіз з'яўляецца асноўным накірункам, таму што дазваляе вызначыць агульныя і спецыфічныя прынцыпы стылістычнай арганізацыі. Прыцягненне да вывучэння дадзеных тэкстаў дапамагае высветліць ступень уплыву асобы аўтара на яго мову, што адпавядае дамінуючаму ў сучасных даследаваннях антрапацэнтрычнаму падыходу да вывучаемага матэрыялу. Аналіз структурна-сэнсавай арганізацыі старажытных эпісталаў ажыццяўлены шляхам вычлянення і апісання сінтаксічнай арганізацыі лістоў. Гэта дазваляе найбольш дакладна вызначыць стылістычную асаблівасць моўных рыс даўняга беларускага помніка.

Спіс літаратуры

1. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / укл. А. Ф. Коршунаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 248 с.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. – М. : АН СССР, Ин-т русского языка ; Изд-во «Наука», 1975–2015. – Вып. 4 (Г–Д) / сост. Н. Б. Бахилина [и др.] ; гл. ред. С. Г. Бархударов. – 1977. – 403 с.

Ruklyansky Dmitry

Arkady Kuleshov State University of Mogilev
e-mail: ruklyanskij@bk.ru

ARCHITECTONICS OF LETTERS (NOTES)
BY F. S. KMIT-CHERNOBYLSKY

The article analyzes the structural and semantic organization of epistolary texts that were created during 1573–1574 by Orsha headman F. S. Kmit-Chernobylsky. Based on the analysis,

certain blocks that make up the composition of the sheets are identified. Semantic units are considered, methods of their formal expression are described, and attention is paid to the structure of ancient texts.

Keywords: historical linguistics, ancient epistolary texts, archetypes, structural and semantic units, methods of verbalization.

УДК 811.161.1.282.2

Н. А. Красовская

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ НАСЕКОМЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ²

Наименования насекомых в русских говорах отличаются заметным разнообразием. Среди названий встречаются как общеупотребительные, так и диалектные. Мотивационным признаком при номинации может стать цвет, образ существования (место, время, взаимодействие с окружающей средой), размер, произносимые звуки. Для крупных и мелких насекомых мотивация названий может быть разная. В целом можно сказать, что общих наименований для крупного насекомого гораздо меньше, чем для мелкого. Отличаться названия могут и в зависимости от указания на единичность или множественность. Диалектное наименование разновидности насекомого может совпадать с общеизвестным названием, но при этом семантика заметным образом различается. Отмечены диалектные названия насекомых, которые являются многозначными.

Ключевые слова: насекомое, крупное насекомое, мелкое насекомое, номинация, мотивация, семантика, русские говоры.

Насекомые существуют на планете, предположительно, гораздо дольше, чем существует человек. Названия насекомых представляют собой довольно большой корпус отдельных лексем и словосочетаний, который поражает своим разнообразием как в русском литературном языке, так и в говорах.

Прежде чем останавливаться на анализе отдельных названий насекомых, скажем о том, что вообще входит в содержание этого понятия. Вначале дадим определение самому понятию «насекомые». «Насекомые – (Insecta) – класс (по некоторым современным классификациям – надкласс) животных типа членистоногих. Насекомые – процветающая, богатая видами группа древних животных, известных с девона <...> Длина самых крупных насекомых (тропические палочники) 20–33 см, самых мелких (трихограммы) – 0,2 мм. Насекомые имеют наружный скелет (кутикулу), к которому прикрепляется двигательная мускулатура. Окраска тела

---

² Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

насекомых определяется составом пигментов в кутикуле или подстиляющей её гиподерме, а крыльев бабочек – также ультраструктурой чешуек. Сегментированное тело подразделено на голову, грудь и брюшко. Грудь несёт три пары членистых конечностей (ног), число которых – характерный признак насекомых (отсюда другое название насекомых – шестиногие, Hexapoda)» [1].

Насекомые вызывают самые разные эмоции и переживания у людей. Есть насекомые, которые воспринимаются человеком положительно и мирно с ним существуют, а есть среди них такие, которых человек явно недолюбливает, с которыми ему бывает ужиться весьма непросто.

О разном отношении человека к насекомым свидетельствует народная мудрость, которая зафиксирована в устойчивых выражениях, пословицах, поговорках и всевозможных наблюдениях. Например, всем носителям русского языка известны такие выражения, как *Где мёд, там и мухи; Блоха кусает, а за что – не знает; Комар носа не подточит; Мал клоп, да вонюч* и мн. др. Уже в этих примерах имеются указания на особенности восприятия разных насекомых человеком, на то, какие признаки поведения, внешности становятся ведущими при восприятии насекомого.

В культурном сознании русского человека закрепились следующие ассоциации: муравей – труженик, пчела – труженица, муха – простоватая, несколько навязчивая, паук – вызывающий опасения, не совсем приятный, сверчок – что-то домашнее, уютное и теплое. Подобных параллелей можно приводить еще довольно много. Однако насекомые в большинстве своем всё-таки воспринимаются негативно. Об этом, например, пишет А. В. Гура, который полагает, что насекомые близки к гадам и их можно отнести к хтоническим существам: «Насекомые могут быть выделены в особую подгруппу внутри класса гадов на основании признака «мелкий», дополнительно присущего им в целом (сам по себе этот признак, вне сочетания с другими отличительными признаками гадов, не выделяет насекомых в особый класс, так как представлен и у животных других классов)» [2, с. 273]. Надо отметить, что большую роль в возникновении культурного осмысления образа насекомого играют его биологические признаки, среда обитания, питание. Помимо этого, могут накладываться отпечаток и произведения, авторские или народные, в которых фигурирует то или иное насекомое. В этой связи, конечно, вспоминаются «Стрекоза и Муравей» И. А. Крылова, «Сверчок» И. А. Бунина, «Муха-Цокотуха» К. И. Чуковского, «Тараканище» К. И. Чуковского и др.

Образы, возникающие в сознании носителей языка, бывают связаны и с определенными представлениями о времени года, о календарных отрезках: белые мухи – о снеге, который ассоциируется с зимой, май-

ский жук вызывает ассоциации с весной, с маем, обряд похорон мух – указание на осень, когда мухи постепенно перестают летать. Об этом, например, пишет Ю. А. Кривошапова. Так, она замечает: «Посредством энтомологических наименований маркируются следующие календарные единицы: 1) время года; 2) месяц; 3) день (как правило, день памяти какого-либо святого); 4) другие календарные вехи, не включенные в природный календарь, но имеющие некоторое символическое значение, к таким координатам следует отнести ледоход, сев, первый снег, а также периоды активизации и угасания жизнедеятельности отдельных видов насекомых» [3, с. 315]. Можно, таким образом, констатировать, что энтомологическая лексика привлекает внимание исследователей с самых разных точек зрения.

Мы остановимся на некоторых данных, связанных с названиями насекомых и полученных в результате обработки материала картотеки Лексического атласа русских народных говоров (ЛЯРНГ). Вначале несколько слов скажем об общем названии насекомых. Этому вопросу посвящена отдельная карта в материалах Атласа (карта 360). Ее составление и вычленение материала для нее оказалось самым сложным. На наш взгляд, трудности, с которыми была связана работа над составлением данной карты, отражают реальные сложности, которые наблюдаются в понимании обобщенного названия насекомых. Дело в том, что в данном случае принципиальная сложность возникла в связи с наличием у понятия «насекомые» в наивном представлении семы «многочисленные» и семы «мелкие». Осознание того, что насекомые – это что-то многочисленное, мелкое, приводит к очень сложной проблеме дифференциации в рамках отражения на карте научного осмысления и подхода к наименованию насекомых и наивного понимания, которое часто наблюдается в ответах информантов. В ответы на вопрос об общем наименовании насекомых попадали указания на частные разновидности и их совокупности: комары, жуки, пауки и мн. др. Наша задача в данном случае состояла в том, чтобы выделить из всего огромного корпуса лексем только те, которые действительно являются общим наименованием насекомых, то есть при этом сохраняют в себе семы «многочисленные» и «мелкие». Наличие таких показателей для понимания насекомых отмечает Ю. А. Кривошапова: «Было установлено, что в сознании носителя русского языка насекомые объединяются в класс прежде всего на основании признака «мелкий», позволяющего выделить их из всего животного мира. <...> На признак множественности указывают в основном прямые собирательные наименования – *блехота* 'блохи', *во́шва* 'вши', *заедь*, *мура* 'мошкara, гнус'...» [4, с. 22]. Именно поэтому нами было

принято решение для картографирования общего названия насекомых вынести такие лексемы, которые имеют указание на множественность и / или собирательность: *букашки, гнус, мошкара, мошка, мошкар, мошкарь, мошкарка, мошкарня, мошкарё, мошкота, козявки, мушкота, мушкара* и само слово *насекомые*. Данные лексемы либо содержат морфемный признак собирательности, множественности (суффиксы *-ар-, -от-, -бј-*), либо имеют форму множественного числа, которая связана с реализацией указанного значения. Корневая морфема обычно выражает картографируемое значение с семой «мелкий».

Довольно сложно разграничить общее наименование насекомого и наименование мелкого насекомого. В целом надо сказать, что сема «мелкий», которая вообще отличает насекомых от других разновидностей животных, оказывается довольно продуктивной и встречается в большом количестве разнообразных наименований мелких насекомых. Среди единиц, которые были отнесены к корпусу лексем, называющих мелких насекомых, можно назвать следующие: *букашка, букарашка, бубарка, букавейка, букарка, букарица, жучок, жукавка, жукалица, жуужга, жуужелка, жуужелица, жуужалица, козява, козявка, козулька, козюлька, комар, комашка, мошка, мушка, нуда, слепня, тля*.

Такое разнообразие названий мелкого насекомого свидетельствует, прежде всего, о том, что сам признак «мелкий» является принципиально значимым для выделения этой разновидности животных. Обращает на себя внимание, что в большинстве случаев указанные выше лексемы имеют показатель малого размера, который реализуется с помощью суффиксов *-к-, -ашк-, -арк-, -ейк-, -ок-, -иц-*. Сема ‘мелкий’ может сохраняться и в самой корневой морфеме. Укажем на то, что продуктивными корнями являются корни *-бук-, жук(ч)-, жууж-, козяв-, козул-(козюл-), комар-, комаш-, мош-, муш-, нуд-, слеп-, тл-*.

Общих названий крупного насекомого, как свидетельствуют материалы ЛАРНГ, гораздо меньше. К словам, которые можно отнести к названиям крупных насекомых, относятся *букаха, букал (бухан, буган, букаран), букара (бухара, бушкара), букарага (бухарага), букаш (букаша), жук, жукара (жучара), паут*. Очевидно, общих названий крупного насекомого довольно мало (по сравнению с мелким насекомым) в связи с тем, что крупные насекомые обычно имеют какой-то выделительный (отличительный) признак, на основании которого и номинируется все насекомое (размер, размах крыльев и т. д.).

В целом можно сказать, что общие названия насекомых вообще, общие названия мелкого насекомого и общее название крупного насекомого довольно разнообразны. С научной точки зрения их, действи-

тельно, можно дифференцировать по самой корневой морфеме, которая может выражать указанное значение, а также по ряду специальных морфем, которые реализуют семантику совокупности либо семантику чего-либо мелкого или крупного.

Работая с материалами картотеки ЛАРНГ, мы также обратили внимание на то, что больше всего неразличений в наивном представлении об общих названиях насекомых наблюдается между общим названием насекомых и общим названием мелких насекомых. Например, такие лексемы, как *мошка*, *мушка*, *гнус*, *гнуса*, *мошкара*, *козявка*, *букашка*, можно было наблюдать в материалах и к карте, которая репрезентирует названия мелкого насекомого, и к карте, которая репрезентирует названия насекомых вообще. Некоторые моменты неразличения отражены и в иллюстрациях. Так, например, к вопросу о мелком насекомом встречаем следующее: *Мошкары в лесу да около леса много, кусаются сильно, укушенное место даже опухает* (Республика Коми). Некоторые иллюстрации не дают возможность понять, о чём идёт речь: на вопрос об общем названии мелкого насекомого даётся ответ – *мошкара*, а иллюстрация следующая: *Гнусина – это мошкара* (Архангел.). Речь идёт о том, как называется мошкара, по этому поводу есть отдельный вопрос в программе ЛАРНГ. Приведем ещё пример, подчёркивающий слабую дифференциацию представлений о названиях насекомых вообще и о названиях мелкого насекомого: *Мошкара маленька така в глаза пихаецца, букарашки маленьки* (Республика Карелия); *Ну мошка развилась* (Архангел.); *Перед хорошей погодой мошки целыми роями летают* (Республика Удмуртия); *Мушкары всегда много* (Нижегород.) и т. д.

Значительно реже наблюдается неразличение общего названия насекомых и общего названия крупного насекомого, тут практически нет пересечений. Однако некоторые иллюстрации свидетельствуют о том, что сложно разграничить общее название крупного насекомого и общее название мелкого насекомого. На вопрос об общем названии мелкого насекомого информант отвечает *жук* и даёт иллюстрацию: *Жуки, они побольше букашек-то* (Нижегород.). Или можно встретить такие рассуждения: *Не различаем, что мелки, что крупны* (Нижегород.); *В нашем доме появился букан* (Республика Башкортостан) (если носители отмечают единственный экземпляр, то, скорее всего, он не отличается маленькими размерами) и др.

Но, говоря в целом о материалах по общему названию крупного насекомого, хочется отметить, что довольно часто можно встретить неразличение названий конкретных насекомых и общего названия крупного насекомого. Например, трудно понять, лексема *жук* называет жука

или любое крупное насекомое. Только лишь на основании имеющихся иллюстраций мы делаем вывод о том, что слово *жук* в русских народных говорах может быть общим наименованием крупного насекомого: *Крупное насекомое, что большое, что маленькое, все, чай, жук это* (Нижегород.); *Больших-то насекомых у нас жуками зовут* (Нижегород.). Следует отметить, что некоторые лексемы могут иметь несколько значений. Например, *паут*. Это слово часто используется для обозначения паука, но мы встретили подтверждение тому, что оно же является общим названием и крупного насекомого: *Паут залетел, еле выгнала* (Пермск.); *Паут разный бываюот, и большой такой* (Вологод.).

Помимо того, что интерес представляют проблемы общего наименования насекомых, вызывают вопросы и мотивационные признаки, которые также могут быть связаны с указанием на внешние особенности насекомого, его поведение, на то, как его воспринимает человек и т. д.

Остановимся на примерах названий сверчка, светлячка, которые имеются в материалах ЛАРНГ. Итак, основной корпус названий сверчка обусловлен звукоподражательностью. Сверчок связан с глаголом *сверчать*. По данным словаря М. Фасмера, название *сверчок* восходит к праславянскому «*svьrĭbъ от *сверчать*» и имеет звукоподражательную основу. [5, с. 575]. В «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского сверчок также связан с глаголом *сверчать*: «*издавать звук в роде сверчка, циркать, чиркать*» [6, с. 258].

На звукоподражание указывают и такие названия, как *стрекоутн, стречок, трескунчик*. Контексты свидетельствуют об оноματοпоэтической основе таких именовании: *Сверчок – трескунок, так называют, потому что трещит-сверчит* (Москов.); *Как застрекочет стрекоутн вечером* (Псковск.); *Трескунчик за печкой* (Волгоград.). К звукоподражательной основе также будут восходить и такие названия, как *циркун, цвиркун, чиркун* [см. об этом 7]. В русских говорах встречаются наименования сверчка, которые связаны с его местообитанием: *запешник (запечник), застрешиник, сундук*. Например, указанные наименования отмечаются в следующих речениях: *Мы их в детстве сундуками называли, потому что сидит за сундуком* (Ростовск.); *Потому и называли запечником, что любит за печкой прятаться* (Нижегород.); *Застрешиник в дом заберется под печку и свистит, свистит* (Москов.). Довольно редко встречается наименование *бирюк*, которое, видимо, связано с тем, что сверчок чаще всего прячется в укромных местах, то есть это своеобразная оценка человеком образа жизни насекомого.

Отметим, что в материалах ЛАРНГ, которые относятся к сверчку, имеются лексемы *кузнечик, кобылка, цикада*. По мнению энтомологов,

эти лексемы называют несколько иные разновидности, которые могут лишь напоминать сверчка, но отличаются по целому ряду признаков. Следовательно, мы сталкиваемся с неразличением не только названий, но и самих разновидностей, именуемых насекомых.

Основными наименованиями для светлячка являются те, которые мотивированы семей 'свет': *светлячок, светляк, светлица*. Помимо этого, отношение к свету имеют и такие лексемы, как *фонарик, огонёк*, которыми также именуют светлячка. Данное насекомое иногда называется словом *гнилушка*. На первый взгляд кажется, что гнилушки – часть гнилой древесины – не имеют отношения к светлячку. Но гнилушка дает небольшое свечение в темноте в силу целого ряда химических процессов, обычно это бывает при определенной влажности и при наличии кислорода. Следовательно, и гнилушка имеет отношение к небольшому свечению, значит, светлячка называют гнилушкой именно на основании данного свойства гнилушки. Приведем некоторые примеры речений: *Светляк-то был светится, а я уж испугалась* (Архангел.); *Светляк зажег свои фонарики* (Республика Карелия); *Фонарик в дровах сидит* (Архангел.); *На пне гнилушки* (Республика Карелия); *Ночами огоньки летают, уж больно красиво* (Костром.); *Раньше с фермы идешь, а фонариков-то везде уйма* (Костром.); *Мишка светляка в коробку спичечную посадил* (Республика Удмуртия); *Бывают червячки такие, светятся* (Псковск.); *В августе ночью огоньки в траве светятся, так что увидеть можно* (Ярослав.); *Золотая червь похожа на маленького светляка* (Ярослав.); *В темноте хорошо видны червячки* (Ярослав.).

Интересно отметить, что в целом ряде районов распространения русских говоров светлячка называют *червь, червячок*. Так именуется одна из разновидностей светлячка, которая обитает на территории нашей страны. У представителей этой разновидности нет жестких крыльев, но имеется несколько вытянутое тело, которое напоминает личинку. Можно предположить, что сначала именно эта разновидность светлячков, а потом и другие разновидности получили название *червь, червячок*. В данном случае мотивация определяется переносом по смежности. Название же разновидности, видимо, подсказано внешним сходством с личинкой (или червячком). Несколько раз в материалах ЛАРНГ встретилось составное наименование *золотая червь*, которое, скорее всего, восходит к семантике света.

Словами *сверчок, сверч* могут именовать не только сверчка, но и светлячка. На наш взгляд, такое смешение может быть обусловлено не звукоподражанием, а значением слова *сверкать*, то есть излучать свет.

Можно подвести некоторые итоги нашим рассуждениям.

Во-первых, как показывают материалы картотеки ЛАРНГ и материалы созданных карт, наименования насекомых в русских говорах достаточно разнообразны.

Во-вторых, сами отличительные признаки насекомых как класса живых существ незначительны, в основном это малый размер и множественность особей. Эти признаки зачастую и порождают общие наименования, а также способствуют слабой дифференциации общего названия насекомых вообще и мелкого насекомого.

В-третьих, видимо, указные выше отличительные особенности насекомых делают возможным наличие многочисленных вариантов именования мелких насекомых и незначительное количество вариантов именования крупных насекомых.

В-четвертых, мотивационные признаки, которые лежат в основе номинации насекомых, могут быть самыми разнообразными и обуславливаться основными отличительными свойствами: издаваемыми звуками, местом обитания, образом жизни, внешними признаками, особенностями строения тела.

В-пятых, названия насекомых включены в сложные парадигматические отношения, которые наблюдаются в лексике русского языка: они могут быть многозначными, некоторые из них образуют омонимические пары.

Таким образом, номинации насекомых представляют собой довольно интересный предмет для исследования, который, с одной стороны, вписывается в подобные рассуждения вообще о названиях животных, птиц, рыб, а с другой стороны, имеет целый ряд особенностей.

Список литературы

1. Насекомое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/3600/НАСЕКОМЫЕ. – Дата доступа : 10.12.2019.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
3. Кривошапова, Ю. А. Энтомологический календарь в зеркале русского языка и народной культуры / Ю. А. Кривошапова // Антропологический форум. – 2006. – № 4. – С. 313–324.
4. Кривошапова, Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10 02 01 / Ю. А. Кривошапова ; ГУО ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького». – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – Т. 3. – 830 с.
6. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 12 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Типография Г. Лисенера и Д. Совко, 1910–1914. – Т. 2 : Бучать–Год. – 1910. – 420 с.
7. Красовская, Н. А. Названия сверчка в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Н. А. Красовская. – СПб. : Наука, 2017. – С. 326–334.

Krasovskaya Nelli

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy

e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

SOME FEATURES OF THE NOMINATION OF INSECTS IN THE RUSSIAN DIALECTS

Names of insects in Russian dialects are distinguished by a noticeable variety. Among the names there are both common and dialectal. The motivational sign in the nomination may be color, the way of existence (place, time, interaction with the environment), size, pronounced sounds. The motivation for the names may be different for large and small insects. In general we can say that there are much fewer common names for a large insect than for a small one. Names may differ depending on the indication of singularity or multiplicity. The dialect name of the insect variety may coincide with the well-known name, but the semantics are noticeably different. Dialect names of insects, which are ambiguous, are noted.

Keywords: insect, large insect, small insect, nomination, motivation, semantics, Russian dialects.

УДК 811.161

Н. В. Пятаева

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Проведено диахроническое описание генетически близкой лексики восточнославянских языков на основе исследования её происхождения и семантики в контексте актуальных проблем исторической дериватологии, лексикологии и лексикографии славянских языков. Основной комплексной единицей лексико-семантической системы языка признаётся лексическое гнездо и традиционно разграничиваемые его варианты: словообразовательное гнездо – на определённых синхронных срезах в истории каждого языка, корневое и этимологическое гнёзда – в истории развития родственных языков. Автор статьи предлагает выделить более крупную системообразующую единицу – лексико-семантическую парадигму, включающую этимологические гнёзда, связанные глубинной семантикой, лежащей в основе внутренней формы возглавляющих гнёзда корнесловов, получивших своеобразное развитие в истории восточнославянских языков.

Ключевые слова: восточнославянские языки, историческая лексикология и дериватология, лексическое гнездо, словообразовательное, корневое и этимологическое гнёзда, лексико-семантическая парадигма.

Лексическое гнездо (далее – ЛГ) – сложная комплексная единица системы словообразования, в которой тесно переплетены и постоянно взаимодействуют разноуровневые семантические и структурные преобразования, способные привести к расщеплению и разрушению некогда единого гнезда. Изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, функционирование и распад

лексических гнёзд – важнейшая задача диахронической дериватологии, признающей наиболее результативными и обнадёживающими исследования лексических гнёзд на всём протяжении истории родственных языков. Такой подход позволяет выявить особенности формирования и функционирования ЛГ, специфику взаимоотношений между словами в пределах гнезда, установить статику и динамику в изучаемых гнёздах, увидеть перспективу движения исследуемых фактов к современному состоянию. Исследование семантических изменений слов гнезда в их историческом развитии позволяет точно и доказательно определить условия разрыва словообразовательных связей и превращения словообразовательного гнезда в корневое или этимологическое, однако в историческом развитии лексического состава языка можно обнаружить более крупные системные образования, чем традиционно выделяемые словообразовательные (СГ), корневые (КГ) и этимологические гнёзда (ЭГ).

Так, в процессе исследования и описания праславянской и общевосточнославянской (далее: о.-в.-с.) семантики лексических гнёзд, возглавляемых индоевропейскими (далее: и.-е.) корнями *em- и *ber- ‘брать, взять’, была обнаружена связь их значений с семантикой и.-е. корней *dō- (*давать, дать*) и *nes-(ti) (*нести*) [1; 2]. Ряд, образуемый вершинами этих ЛГ, мы назвали *лексико-семантической парадигмой* (далее: ЛСП). Опорные слова этого ряда (*давать // дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: ‘приобщаемый объект’ и ‘действие субъекта, направленное на приобщаемый объект’. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят:

1) и.-е. *dō- имел значения ‘давать // дать’, ‘брать’, ‘нести’: о.-в.-с. **ДАТИ** – **ДАВАТИ**¹, **ДАНИНА** ‘дар’, **ДАНЫ** ‘дар, доход, подать, дань; подданство’, **ДАРИТИ**, **ДАРОВАТИ**, **ДАРОВИТЫН** ‘щедрый’, **ДАРЪ**; укр. *дати* – *давати*, *дань*, *даніна*, *данок* ‘даяние, дар’, *даріти*, *дарувати*, *дара* ‘милость, дар’, *даровитий* ‘даровой’, *дармоїд*; блр. *даць* – *даваць*, *даніна*, *дача* ‘даяние’, *неўдача* ‘неудача; (разг.) недотёпа, неумелый, нерасторопный человек’, *дарыць*, *дар*, *дарма* ‘понапрасну’; рус. *дать* – *давать*, *дань*, *данность*, *дача*, *дарить*, *дар*, *дармоед*; см. также примеры проявления древней связи значений: болг. *ѿмам взѣмане* – *даване* ‘иметь общие дела с кем-л.’, о.-в.-с. **ДАНЫННЪ** ‘платящий дань’ и ‘сборщик дани’,

¹ Лексический материал, использованный в статье в качестве иллюстраций, извлечён из историко-этимологических и этимологических словарей русского и славянских языков, библиографическое описание которых помещено в списке литературы [3–13].

укр. *надáць* ‘присвоить звание, т. е. взять самовольно’, *дáчка* и *сбор* ‘денежный, податной сбор’, *надáтысь* ‘напасть, насобирать’;

2) и.-е. *bheg- ‘нести’ (отсюда о.-в.-с. **БЕРЕМА**, укр. *берéжа*, блр. *бе-ре́мо*, рус. *бремя, беремья*) в праславянском развивает значение ‘брат’ (о.-в.-с. **БЪРАТИ**, укр. *бра́ти*, блр. *браць*, рус. *брать*), становясь синонимичным и.-е. *em- ‘брат // взять’ (о.-в.-с. **ИМАТИ**, **НАИМАТИ**, укр. *іма́ти*, *наніма́ти*, блр. *іма́ць*, *наня́ць*, в рус. с утратой **ИМАТИ** сохранились только его префиксальные производные: *вынимать* – *вынуть*, *донимать* – *донять*, *занимать* – *занять*, *нанимать* – *нанять*, *обнимать* – *обнять* и др.), который в более поздних суффиксальных дериватах приобретает значение ‘иметь, обладать, владеть’, существующее параллельно с изначальным на всём протяжении истории восточнославянских языков: о.-в.-с. **ИМѢТИ**, ст.-укр. *има́ти* ‘иметь’ и ‘ловить’, укр. *мати*, *іміти* ‘иметь’, блр. *іма́ць* ‘брат, принимать’ и ‘иметь’, *мець* ‘иметь’, рус. *иметь*.

Пересечение значений в рефлексах опорных слов этой ЛСП можно наблюдать в современных славянских языках:

1) привычным и закономерным является наличие разнокорневых синонимов, восходящих к о.-в.-с. глаголам **ИМАТИ** и **БЪРАТИ** ‘брат, хватать, ловить’:

укр. *бра́ти* – *іма́ти*, *я́ти*, *ня́ти* ‘брат, хватать’, *розбіра́ти(ся)*, *розібра́ти(ся)* – *сніма́ти(ся)* ‘раздевать, снимать одежду; раздеваться’,

блр. *абніма́ць*, *абыма́ць* – *аня́ць*, *разобра́ць* ‘заключать в объятия, охватывать – охватить, овладеть’, *браць*, *бра́цца* – *няць* и

рус. *брать* – *взять*, супплетивно образующие видовую пару ‘брат – взять, схватить’;

2) совмещение в одном именовании значений ‘дать, давать’ и ‘брат’, которое обусловлено восприятием последовательных и взаимообусловленных действий передачи и приобщения – «принятия» объекта как единого процесса (или сценария, в терминологии когнитивной лингвистики): ‘давать, передавать кому-л. что-л.’ → ‘брат, принимать что-л. от кого-л.’ и обратный процесс ‘взять для того, чтобы отдать, передать что-л. кому-л.’, ср.

о.-в.-с. **ОБНЯТИ** ‘заклучить в объятия, окружить чем-л., занять (с собой), захватить, овладеть, сделать оправу, скрепить; охватить умом, понять’ и ‘ободрать кору с дерева’, **ДАНИНИКЪ** ‘платящий дань’ и ‘сборщик дани’;

укр. *іма́ти* ‘брат, хватать, ловить’ и ‘давать’, *наніма́ти* – *найня́ти* ‘нанимать // нанять, брат // взять в пользование на определённый срок за плату’ и ‘отдавать // отдать в наём, на службу’, разг. *найня́тися* //

нанятися ‘поступать на работу или службу по найму’ и ‘быть сдаваемым в наём, в аренду’, *разбіра́ти – розібра́ти* ‘разбирать на части; разбирать по качеству или назначению вещи; разделять тушу; понимать’ и ‘раздевать’, *дарува́ти* ‘дарить, награждать, жертвовать’ и ‘прощать, извинять’, т. е. ‘вновь приближать к себе, приобщать’, *нада́ць* ‘дать в несколько приёмов; поколотить, наговорить’ и ‘захотеть’ и в возвратной форме того же глагола *нада́тися* ‘напасть’, *обно́сити* ‘носить кругом, вокруг; разносить всем, потчевать; огораживать, окружать; оговаривать, порочить’ и ‘обрывать, обламывать и разносить вокруг (о ветре), срывать плоды’;

блр. *разда́ць – раздава́ць* ‘раздать, раздавать (отторгать от себя)’ и ‘наделить // наделять кого-л. чем-л.’, *абіра́ць – абабра́ць* ‘обирать плоды’ и ‘чистить (скорлупу, кожуру); обкрадывать, отбирать’ – *абіра́нне* ‘сбор’ и ‘чистка, очистка как отторжение’, *разбіра́цца* ‘понимать, соотносить’ и ‘раздеваться’;

3) совмещение в глаголах значений ‘нести’ и ‘иметь’ (так как нести можно только то, что взято, приобретено, то есть то, что стало собственностью, то, что имеешь): о.-в.-с. **но́сити** ‘держа, перемещать, переносить; приносить, доставлять; увлекать с собой (силой своего движения); носить, иметь надетым; заключать в себе, содержать; служить опорой, поддерживать собой; воспринимать, постигать; подвергаться чему-л.; иметь; быть одетым во что-л.; выносить, произносить решение’; ср. в современных восточнославянских языках:

укр. *нести – носити*,

блр. *несці – насиць*,

рус. *нести – носить* ‘взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять куда-л.’, перен. ‘имея что-л., передавать’, ‘быстро, стремительно передвигать, везти, мчать; передвигать, увлекать силой своего движения (о ветре, течении воды); распространять звук, запах’, ‘исходить от кого-, чего-л., передаваться по воздуху; быть слышимым, осязаемым (о запахе)’, перен. ‘бросаться в глаза, отличаться каким-л. свойством, качеством’; ‘выполнять поручение, обязанности’; ‘влечь за собой как следствие; приносить с собой’; (разг.) ‘говорить что-л. вздорное, неразумное’; ‘иметь, содержать’; перен. ‘иметь, заключать в себе, быть носителем чего-л., ка-ких-л. чувств, идей’;

4) наличие дополнительной семы ‘нести’ отмечено в значениях глаголов корневых групп *em- и *ber-:

болг. *дóбера се* ‘добраться, дойти, доехать’, *ёмна, по́ема* ‘отправиться куда-л.’;

польск. *dobrać się* ‘добраться’, *przebrać się* ‘пробраться’, *zabrać się* ‘собраться, уйти, отправиться, убраться’;

укр. *zabráтися звідки-л.* ‘убраться откуда-л., скрыться’, *зня́тися з місця* ‘сняться с места, покинуть какое-л. место быстро, стремительно’, *ня́ти віри* ‘верить, нести веру в себе’, *обійняти* ‘обнимать, охватывать кого-л. руками’ и ‘иметь в своём составе, включать в сферу своего внимания, деятельности’;

блр. *дабра́цца да ме́сца* ‘добраться до определённого места – туда, куда необходимо’, *прыбра́цца адкуль-л.* ‘убраться откуда-л., скрыться’, *зня́цца з месца*;

рус. *сняться* ‘покинуть какое-л. место, отправляясь в путь’, разг. ‘поехать, пойти в каком-л. направлении’, диал. *доня́ть* ‘дойти, доехать, добраться до кого-л.’;

5) ср. также проявление семантики ‘перемещение в пространстве’ в современном ЛГ с вершиной *nesti:

укр. *не́сти* – *не́стися* ‘нести, быстро двигаться’, *но́сити* (наряду с др.) ‘ходить, ездить’, *підно́ситися* – *підне́стися* ‘возноситься – вознестись’, *переносі́тися* – *перене́стися* ‘переноситься – перенестись’;

блр. *не́сці* ‘нести, уносить, мчать’, *не́сціся* ‘быстро двигаться, нести, мчаться; удаляться, уноситься’, диал. *но́сіцца* ‘носиться, бегать туда-сюда’, *узносі́цца* – *узне́сіцца* ‘возноситься – вознестись’, *пераносі́цца* – *перане́сіцца* ‘переноситься – перенестись’, *выносі́цца* – *пане́сіцца* ‘уноситься – унестись’;

рус. высок. *возне́стись* ‘подняться вверх, высь’, разг. *доне́стись* ‘быстро доехать, домчаться’, *не́стись* ‘очень быстро двигаться, перемещаться, мчаться’, разг. *перене́стись* ‘стремительно перебежать, переехать, перелететь через что-л., куда-л.; примчаться’, *проне́стись* ‘быстро пройти’, *уне́стись* ‘быстро удалиться, умчаться’, а также в невозвратных формах *доне́сти* ‘быстро донести, доставить, домчать’, *не́сти* ‘стремительно передвигать, мчать’.

Попутно заметим, что более насыщенная семантика о.-в.-с. **но́сн-ти(сѧ)** связывает это ЛГ со значениями корней **em-* и **ber-*: ‘увлекать силой своего движения’ (како ти велници обьлаци яко горы преплываютьъ також повелѣтъ г(с)ь въѣтрѹ носити), ‘воспринимать, постигать’ (яко вогъ великъ ксть носан наша грѣхы и всего мира вѣщисленюю злобу), ‘подвергаться чему-л.’ (въ дружеѣ ликствующикъ тажести другъ друга носаше), ‘иметь’ (доброхвальна оуста носити), ‘быстро, беспорядочно перемещаться, носиться; устремляться; влечься, ввергаться’ (снмъ въ члвцѣхъ на пагубѹ носашчимъ-сѧ сѣмѣреникъ наше),

помимо этого см. **ОБНОСИТИСЯ** ‘двигаться, перемещаться; бегать (о глазах); иметься; становиться известным, распространяться’ (... **БЕЗЧИННЫМИ ВЪПЪЛМИ ОБНОСИТИСЯ**).

Кроме семантического синкретизма, существование подобной ЛСП обусловлено хорошо известным в сравнительной грамматике славянских и других и.-е. языков явлением **парадигматического супплетивизма**, о котором писал О. Н. Трубачёв [14]: и.-е. *bher- ‘нести’ выступало в дуративно-презентной функции, тогда как в функции других глагольных времён оно восполнялось этимологически совершенно особыми основами – и.-е. *(e)nek-, *(e)l-, включая этимологически неясные случаи: греч. *φέρω* ‘несу, ношу’, *τῆλαι, τάλασσαι*, лат. *ferō* ‘несу, ношу’, форма перфекта *tulī* < др.-лат. *tulō, tulere* ‘носить, приносить’ (первоначально ‘поднимать, выдерживать тяжесть’). Равным образом письменная история наблюдает факты разрушения, нивелировки супплетивности, когда лексическая самостоятельность основ получает преобладание над их грамматическими связями. Так, и.-е. *bher- и *(e)nek- в славянских языках являются совершенно самостоятельными лексемами с особыми значениями *berQ, *bъrati ‘брать’ и *nesti ‘нести’, и только старые отглагольные именные производные вроде *bermę ‘бремя, ноша’ показывают, что и славянские языки сохраняют память о старых супплетивных отношениях, ср. с.-х. *něsti, něsem* ‘нести, ношу’ и *zànijeti* ‘понести, забеременеть’. Именно в последних формах наблюдается самобытное сохранение языкового факта большой древности.

Особо отметим наблюдающиеся как в общевосточнославянском, так и в современных славянских языках лексемы с интересными метафорическими переносами в семантике, обусловленными синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят, см., например:

1) о.-в.-с. **непринимьныи** ‘не подверженный чему-л., не доступный воздействию чего-л.’ > ‘вечный, несменяемый’; **набатиса** ‘набраться’ > ‘набраться, наполниться чем-л. со стороны в большом количестве, проникающим внутрь и оказывающим воздействие на весь организм’: **зѣло зимы са наяхъ; наиметса тѣло хмелю акы гоубы воды; повелѣ господь вѣтрѹ носити како ти облаци накмшеса ѿ въздуха влагости; ематиса пѣти** ‘отправляться в путь’; **Люта змиа чернаа, земля неприкмна** (заговор от змеи); **обуѣтиса** ‘обняться, проявить расположение; примириться с кем-л.’ > ‘быть охваченным, объединённым каким-л. общим чувством, состоянием’; **даньникъ** ‘платящий дань’ – ‘сборщик дани’; **безчинными въпълми обноситиса** ... перен. ‘окружать себя чем-л.’; **носити имя, санъ, образъ** ‘иметь имя, сан, быть в звании’;

2) укр. *брати, беру, братися* ‘братся, приниматься’ > ‘идти, направляться; всходить, взбираться, взлезать’; *набирати тіла* ‘полнеть, толстеть’; *высоко нестися, в гору нестися* ‘заноситься, важничать’; ст.-укр. *имати* ‘иметь, содержать в себе’ > ‘долженствовать’ > ‘ловить’; *імати* ‘братъ’ – ‘дать’; *неприятель* ‘неприятель, недруг’ > ‘чёрт’; *няти віри* ‘верить’; *дарувати* ‘дарить, награждать’ > ‘жертвовать’ > ‘прощать, извинять’;

3) блр. *абабраць* ‘собрать плоды; очистить кожуру, выбрать; обо-брать, ограбить’ > *абабрацца* ‘опомниться’; диал. *разабраць* ‘разрушить, распутать’ > ‘выяснить’; *абнімáць – абняць* ‘заключатъ в объятія, обнимать; охватывать’ > ‘заглушить, зарастить’; ... *пришлець и наимить да не едятъ во единомъ доме снесите; по словахъ своихъ познанъ бываетъ неприятель; неу́дача ‘неудача’ > ‘недотёпа, неумелый, нерасторопный человек’; раздаць ‘раздать, наделить чем-л.’ > ‘сделать просторнее’; ст.-блр. ... мужъ есть то добрыи, и добрую новину (новость, новизна, новшество) несеть’;*

4) русск. диал. *неприятная сила, неприятная сила* ‘нечистая сила, черти’; *окоём* ‘то, что можно охватить взглядом’ > ‘ленивый, непослушный человек; простак, олух’ > ‘скряга, скупец’ > ‘обманщик’; *носом нести* ‘в свадебном обряде – во время или в конце свадьбы одаривать родственников невесты привезёнными женихом подарками’;

5) польск. *darować* ‘подарить, принести в дар’ > ‘отказаться от чего-л., простить’;

6) болг. *набур* ‘набор, то, что собрано’ > ‘сверстники’.

Семантическое соотношение компонентов нашей ЛСП можно представить в виде схемы.

Рисунок 1 – Схема семантического соотношения компонентов ЛСП

Таким образом, с достаточной долей уверенности можно предположить, что эта лексико-семантическая парадигма представляет собой

ментальную схему *передачи – получения – обладания*, являющуюся семантической универсалией, а её конкретное лексико-грамматическое воплощение в том или ином языке – показатель специфики национальной языковой картины мира.

В заключение отметим, что рассмотрение изменений, которые происходят в процессе развития лексической системы языка, делает ЛСП важным объектом исторической лексикологии. Именно в крупных лексических объединениях могут быть выявлены и прослежены связи и взаимодействия между словами, их активизация или ослабление, изменения соотношений сфер употребления слов, их функциональная стратификация, то есть все те изменения, которые происходят в лексической системе языка.

Одним из путей решения проблемы создания полного и систематического очерка общевосточнославянской и, шире, славянской исторической лексикологии может стать рассмотрение динамики развития целого комплекса лексических гнезд на всём протяжении их существования в составе лексико-семантической парадигмы, ибо лингвистами давно отмечено, что слова со сходными значениями проходят сходную семантическую историю.

Список литературы

1. Пятаева, Н. В. Единицы диахронического исследования лексической системы русского языка (к проблеме выделения и квалификации) / Н. В. Пятаева // Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы IV междунар. конгресса исслед. рус. языка, Москва, 20–23 марта 2010 г. / МГУ им. М. В. Ломоносова, фил. фак. ; сост.: М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Московского университета, 2010. – С. 320–321.
2. Пятаева, Н. В. К проблеме исследования лексики праславянского языка / Н. В. Пятаева // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : сб. науч. тр. / сост. и отв. ред. Т. В. Симашко. – М. : Архангельск : Международная академия наук пед. образования ; Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2011. – Вып. 5. – С. 168–178.
3. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси : Изд-во ТГУ, 1984.
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улукханов. – М. : Русский язык, 2002.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов [и др.] ; А. П. Евгеньева (председатель). – М. : Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958.
6. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. (Репринтное издание).
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – СПб. : Азбука : Терра, 1996.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ПУТЬ ОТ Е. Ф. КАРСКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

8. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1994.
9. Шапошников, А. К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / А. К. Шапошников. – М. : Флинта : Наука, 2010.
10. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1974. – Вып. 1–32. – 2005.
11. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под ред. А. Ф. Журавлёва. – М. : Наука, 2007. – Вып. 33–39. – 2014.
12. Buck, C. D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages : a contribution to the history of ideas / C. D. Buck. – Chicago : Illinois, 1971.
13. Słownik prasłowiański : t. I–IV / redaktor naczelny Fr. Sławski. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1974–1980.
14. Трубачёв, О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду / О. Н. Трубачёв // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 3–25.

Pyataeva Natalia

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

e-mail: Pjataeva@yandex.ru

LEXICO-SEMANTIC PARADIGMS IN THE DIACHRONIC RESEARCH OF LEXICON OF THE EAST SLAVIC LANGUAGES

The article is focused on the diachronic description of the genetically close vocabulary of the East Slavic languages based on the study of its origin and semantics in the context of urgent problems of historical derivatology, lexicology and lexicography of the Slavic languages. The main complex unit of the lexical-semantic system of the language is the lexical nest and its traditionally distinguished variants: the word-building nest – on certain synchronous sections in the history of each language, the root and etymological nests – in the history of the development of related languages. The author of the article proposes to single out a larger system-forming unit – the lexico-semantic paradigm, which includes etymological nests connected by deep semantics that underlie the internal form of the leading nests of «korneslovs», which received a peculiar development in the history of the East Slavic languages.

Keywords: East Slavic languages, historical lexicology and derivative logic, lexical nest, derivational, root and etymological nests, lexical-semantic paradigm.

УДК 81'373.6

Т. В. Голі-Оглу

НАРОДНОЕТИМОЛОГІЧНІ ЛІНГВАЛЬНІ АНАЛОГІЇ В НАЦІОНАЛЬНИХ КАРТИНАХ СВІТУ СХІДНИХ СЛОВ'ЯН

Рассматривается проблема соотношения принципов научной этимологии и народно-этимологических ассоциаций, которые являются важнейшим структурным элементом национальной картины мира любого народа, в частности её наивно-народной составляю-

щей, которая сформировалась на основе синкретичности древнего мировосприятия и четкого деления действительности на сакральную и профанную формы. В научном исследовании каждое теоретическое положение иллюстрируется культурно маркированными лексемами и / или паремийными формулами календарного обрядового кода восточнославянских национальных культур.

Ключевые слова: народная этимология, лексическая ассимиляция, национальная картина мира, календарный обрядовый код, паремии.

Культурологічний елемент у компаративних дослідженнях завжди посідав одне з чільних місць, адже історико-етимологічні дослідження неодмінно спираються у своїй методологічній та фактологічній основах на лінгвальні факти народної культури, що виступають мотиваційним підґрунтям будь-яких лінгвоісторичних спостережень, узагальнень і висновків. Незаперечним, на наш погляд, є той факт, що на тлі досить переконливих етимологій загальноживаних лексем, що є основою лексичного фонду будь-якої мови, зовсім недослідженою є генеза культурно маркованих лексем, зокрема календарних обрядових термінів, і пов'язана з цим їхня лексико-семантична характеристика і мотиваційність.

Наукові студії І. Ю. Скалігера, Ю. Крижанича, Г. В. Лейбніца, Ф. Шлегеля, Ф. Боппа, Р. К. Раска, Я. Грімма, О. Востокова, А. Шлейхера, Г. Асколі, А. Мейе та інших науковців стали теоретичною основою компаративістики, проте наразі у світовому мовознавстві статус компаративних досліджень є неактивним, адже вони стали частиною класичної філології. Проте, вважаємо, багато питань історико-генетичного мовознавства потребують уточнень і прискіпливих досліджень, зокрема таким «лакунарним» питанням є співвідношення наукової і народної етимологій, уточнення статусу і лінгвальної сутності народної етимології, яку, думаємо, не можна однозначно інтерпретувати лише як «помилкову, ненаукову». З огляду на зазначені вище факти, вважаємо студіювання поставленої проблеми актуальним і перспективним.

Як відомо, основою будь-яких історико-генетичних досліджень виступає порівняльно-історичний метод, який передбачає порівняння фонетичних і семантичних змін, що відбуваються і фіксуються в словах різних споріднених мов на діахронічному рівні. Як будь-який науковий метод порівняльно-історичний вимагає чітких принципів наукового етимологізування. Класична наукова етимологія ґрунтується на трьох основних принципах: 1) **принципі закономірностей фонетичних відповідностей**, що є доконечною передумовою наукового етимологічного аналізу; цей принцип вимагає застосування поняття «фонетичного закону», що втілюється у формулі: звукові відповідності між попереднім етапом історії однієї мови і наступними етапами мають охоплювати не окремі одиничні слова, а цілу групу слів, де зазначений звук перебуває у відповідній пози-

ції; 2) **семантичному принципі**, адже фонетичні трансформації матеріальної оболонки слова завжди супроводжуються семантичними перетвореннями і змінами, тому, переконані, «знання еволюції значення не є стороннім для розуміння його нинішньої природи та структури, тому питання етимології повинні цікавити, і вони цікавлять так чи інакше, фахівця із сучасної лінгвістичної семантики: у протилежному випадку програє лінгвістична семантика» [14, с. 222–223]; 3) **морфологічному принципі**, у зв'язку з реалізацією якого в рамках наукової етимології набули поширення і широкого вжитку поняття «корінь-морфема» і «фонетичний корінь»; фонетичний корінь, на відміну від кореня-морфеми, є фонетичною моделлю, за якою будуються корені слів, він може дорівнювати йому, проте часто буває більшим або меншим за нього, зокрема на думку А. Б. Долгопольського, фонетичні корені впливають на морфемні, посилюючи у такий спосіб мотивованість лексем, а тим самим – і народну етимологію [6, с. 260]. Проте, застерігають етимологи Г. Педерсен, Г. Рейнфельдер, М. Л. Вагнер, не можна зводити етимологічний аналіз до порівняння коренів, адже тим самим можна спричинити найгрубіші історико-генетичні неточності та помилки.

Від наукового етимологізування слід відрізнити народну етимологію. І хоча в сучасній лінгвістиці існує велика кількість дефініцій народної етимології, проте вони настільки однотипні (народна етимологія – це помилкова етимологія), що це свідчить, на нашу думку, не про вирішення та дослідження цього питання, а натомість – про зверхнє ставлення і неувагу до сутності народного етимологізування, його причин і результатів. Здійснімо спробу з'ясувати лінгвістичну сутність народної етимології, її місце в традиційній народній культурі, зокрема зв'язок із ритуально-обрядовою поведінкою людини і народними приписами до календарних свят.

Як будь-яке лінгвокультурне явище народна етимологія має свою історію: у Давньому Римі її називали «бичачою етимологією» [8, с. 221], мовознавці ХХ ст. – «псевдоетимологією», «помилковою етимологією», «фальшивою етимологією» (Л. А. Булаховський, О. О. Реформатський, В. І. Кодухов, В. М. Ярцева). Якщо звернутися до історії визначення поняття «народна етимологія», то можна виділити, на нашу думку, два цікавих погляди.

Ф. де Соссюр вважає народну етимологію процесом, діаметрально протилежним процесу мовної аналогії. Він зазначає: «Інколи ми спотворюємо слова, форма і зміст яких нам мало відомі, звичай може згодом узаконити ці деформації. Так, старофранцузьке **coute-pointe** 'стьобана ковдра'... змінилося на **courte-pointe** 'вістря'... Такі інновації, якими б дивовижними вони не були, не виникають зовсім випадково; вони є сво-

го роду спробами приблизно пояснити малозрозуміле слово, пов'язавши його з чимось знайомим» [13, с. 220].

Ф. де Соссюр попереджає, що, на перший погляд, явище народної етимології дуже подібне до аналогії, проте, на його думку, вони мають лише одну спільну рису – «використовують надані мовою значеннєві елементи» [13, с. 222], – та в усьому іншому вони діаметрально протилежні. Аналогія передбачає забуття попередньої форми (переважно аналогічної), забуття цієї форми навіть є необхідним для появи її конкурента. «Аналогія нічого не добуває із субстанції замінюваних нею знаків» [13, с. 222]. Народна ж етимологія зводиться до інтерпретації попередньої форми, спогади про яку є вихідною точкою для її зміни. Це, на думку Ф. де Соссюра, фундаментальна відмінність народної етимології від аналогії.

Інший погляд на сутність народного етимологізування демонструє у своїх студіях М. Крушевський. У 1879 р. він опублікував у «Русском Филологическом Вестнике» статтю «Об аналогии и народной этимологии» [9], де трактує народну етимологію та аналогію як два різновиди одного процесу – словникової асиміляції. За визначенням М. Крушевського, граматична аналогія – це морфологічна асиміляція, а народна етимологія є асиміляцією лексичною.

Думку М. Крушевського пізніше розвинув Р. Гельгардт у роботі «Народная этимология и культура речи» [5]. Він повністю поділяє погляди М. Крушевського на сутність народного етимологізування, проте доповнює її типологічними дослідженнями зазначеного явища. Р. Гельгардт виділяє два різновиди лексичної асиміляції (= народної етимології): 1) лексична асиміляція за звуковою наближеністю, що супроводжується відсутністю семантичних підстав для наближення двох слів; у такому випадку неможливо визначити семантичну мотивацію, причини, що спровокували таку асиміляцію, зокрема неможливо пояснити семантичну співвідносність укр. книжного *Обретіння* (назва свята Обретіння глави Іоанна Хрестителя) і укр. народного *бертається* («Чоловік до жінки *бертається*», тобто починає її більше любити в цей день) [12, 2, с. 12]; укр. *Мелетій* і *молотити* (борошно), укр. *горобина* (іменник) і *горобина* (присвійний прикметник) ← *горобець* [10, с. 224; 16, с. 94–95]; рос. *керосин* і *карасин* ← *карась*, рос. *Ферапонт* і *Храпонт*, *Храпошка* ← *храп*, *храпеть*, рос. *Сахалин* і *Соколин-остров* ← *сокол*, рос. *удод* і *авдотька* ← *Авдотьа* (*Евдокия*), рос. *брабантский* (*Брабант*) і *барабанский* ← *барабан* [15, 1, с. 59, 123]; 2) лексична асиміляція зі звуковим наближенням, що супроводжується семантичною мотивацією слова [5, с. 306]; такі випадки більш поширені в народному середовищі; у семантичній структурі слова проявляються риси, що характеризують денотат за

якістю, функцією, ситуативними ознаками тощо, зокрема: рос. *кобыль* ← *кобыла* замість *ковыль* («*А кобыль-травоньку рвала...*»); укр. *рабинова ніч* ← *рабин* ‘раввін, іудейський священнослужитель’ (*Жидівська судна ніч* – літня ніч з грозою, блискавками, вітром і дощем) [12, 2, с. 174]; рос. *Сустретьев день* замість *Сретение*, адже «*Сустретьев день – зима с летом встретились*» (15.02 за новим стилем), рос. *карнахари* ← *карнать хари* замість *гармахеры* (від нім. *Gartacher* ‘робітник, що робить випалювання в печі’) тощо.

Ще одним прикладом лексичної асиміляції зі звуковим наближенням і семантичною вмотивованістю є народноетимологічна трансформація, що рос. *Книгу Глубины* – назва «Бесіди трьох патріархів», що містить міф про створення світу і всього живого, запозичений з апокрифічного псалтиря й книги про мудрість царя Соломона, – перетворила на рос. *Голубиную Книгу* від *голубь*; таке народноетимологічне наближення відбулося у наслідок впливу уявлення про Святий Дух, що спускається на Землю в образі білого голуба /Матф.3, 16/ [15, 1, с. 432]. Отже, в одній обрядовомаркованій лексемі реалізується народне (наївне, синкретичне) і християнське (ортодоксальне) повір’я, за яким створення світу приписувалося голубам. Це повір’я зберіглося в одній колядці карпатських українців: «*Колись то було зь початку свѣта, Подуй же, подуй Господи, зь Духомъ Святымъ по землю! Втоды не було неба ни земли, неба ни земли, нимъ сине море, а середь моря та два дубойки: сьли – упали два глубойци, два глубойци на два дубойки, почали собъ раду радити, раду радити и гуркотати: якъ мы маемо свѣтъ основати? Спустиме мы ся на дно до моря: вынеме си дрибного писку, синѣго каменѣце, дрибный писочокъ посьеме мы, синій каминець подунеме мы. Зь дрибного писку – чорна землиця, студена водица, зелена травиця; зь синего каминья – синѣе небо, синѣе небо, свѣтле сонейко, ясенъ мьсячокъ, ясенъ мьсячокъ и всь звѣздойки*» [2, с. 85–86].

Р. Р. Гельгардт є одним з тих лінгвістів, який наполягав на тому, що народну етимологію в жодному разі не можна розглядати як мовну аномалію, дефективність, що спровокована виключно неграмотністю певних кіл носіїв мови, оскільки зафіксовано «факти нормалізації помилково етимологізованих слів та морфем, окремі випадки прийняття їх літературною мовою, що реалізуються в писемній та усній формах» [5, с. 306].

Щоб зрозуміти мовну сутність народної етимології, маємо спочатку визначити функціональний статус цього явища. Сама назва «народна етимологія» указує на середовище, де воно виникає, однак не вказує на його сутність, тому деякі лінгвісти вважали цей лінгвістичний термін невдалим, зокрема М. Савінов звертає увагу на його «дивність» і «малу

виразність» [11, с. 16], про незручність цього терміна писала у своїх роботах і О. М. Галкіна-Федорук [4, с. 55], а Р. Р. Гельгардт взагалі запропонував замінити його на термінологічну сполуку «помилкова етимологія». Не можемо погодитися з такою позицією, адже в компаративній лінгвістиці зафіксовано багато випадків «непомилковості» народної етимології. Зокрема, рос. *объегорить* і *обкузьмить* ‘обдурити’ походять від онімів *Егорий* і *Кузьма*, а семантичну мотивацію знаходимо в культурологічній площині і народному етимологізуванні, а не в науковій етимології: рос. *обкузьмить* ← гр. *Kosma* ← гр. *kosmēō* ‘прикрашати’, а рос. *объегорить* ← гр. *Geōrgios* ← гр. *geōrgos* ‘землевласник’; на св. Єгорія (весною) селяни наймалися на роботу, а отримували плату на св. Кузьму (восени); народноетимологічна аналогія (семантична мотивація) є такою: землевласники намагалися обдурити селян двічі – і на Єгорія, і на Кузьму.

Отже, якщо у творах художньої літератури народна етимологія виступає засобом стилізації мовлення персонажів під просторіччя для створення мовленнєвого портрету, або ж сатиричним прийомом, то у сфері народної культури вона є необхідним компонентом, що актуалізується в народних східнослов'янських віруваннях і ритуалах, тобто в обрядовій площині.

Ілюстративним матеріалом до явища народноетимологічних аналогій є, на наш погляд, і паремійні одиниці, що стосуються народної календарної реальності, адже вони регламентують і спрямовують у потрібне річизце аграрно-господарську діяльність селян на східнослов'янських теренах. Так, в українських селах на свято Сорока святих (22.03 за новим стилем) приповідають: «*Од сорока святих сорок морозів буде*» [17, 2, с. 14]; дівчата в цей день ліплять *сорок* вареників, а школярі приносять вчителю *сорок* бубликів. На *Симона Зіло*та українські селяни збирають чудодійне *зілля* (народноетимологічне наближення *Зілот* ← *зілля* має підстави), яке перемагає будь-яку хворобу. А у *Вербну неділю* (*Вербич*) кажуть: «*Прийшов вербич, два кожуха тердич*» [17, 2, с. 16–17].

Серед російських паремій, що презентують народні прикмети і регламентують поведінку у святкові дні, також численними є такі, що базуються на народноетимологічних асоціаціях: «*Пророк Наум наставит на ум*» (14.12 н. ст., Наум-грамотник); «*К Варвариному дню зима дорогу заварит, мосты замостит*» (17.12 н. ст.); «*Мели, Емеля, твоя неделя*» (21.01 н. ст., Емельян-перезимник); «*На Мокія мокро – все лето мокрое*» (24.05 н. ст., св. Мокій); «*На Тихона солнце идет тише*» (29.06 н. ст., св. Тихон); «*С Корнилья корень в земле не растет, а зябнет*», «*На Корнилья убирают все корневые овощи – картофель, брюк-*

ву, морковь, хрен; кроме репы» (26.09 н. ст., св. Корнилий); «**Покров покровет** землю где листом, где снежком», «**Придет Покров, девке голову покровет**» (14.10 н. ст., Покрова); «**Акундин разжигает овин, а Пигасий солнце гасит**» (15.11 н. ст., св. Акундин и Пигасий) тощо.

Подібні народноетимологічні асоціації фіксуємо і в білоруському обрядовому коді: блр. *Калі на Аўдакея мяцель, дык прыйдзеца гаспадаркам пунькі **вымятаць**; На Хвядота занос – усё сена знясе; На Федота занос – доўга прыпару не будзе; На святога **Прыску** праб'е лёд і **пліска**; Калі пчала выйдзе з вулля яиче на Дабравешчанне – лета будзе благое, беднае; Дабравешчанне без ластавак – халодная вясна* [3, с. 14, 16, 32]; *Дождж на **Марка** – дык зямля, як **скварка**; Як на Юр'я **пагода**, то на грэчку **няўрода**; На Васіля **Капальніка** со стрэх **капае*** [7, с. 45, 78].

Слід відзначити, що всі наведені вище народноетимологічні аналогії паремійного характеру можемо трактувати як лексичну асиміляцію із звуковим наближенням та семантичною мотивацією. Семантична мотивація в них базується на багатомісних спостереженнях і господарсько-землеробській практиці східних слов'ян і має рельєфно виражену ритуально-прагматичну спрямованість, адже зазначені народноетимологічні формули-аналогії мають на меті підтримання правильної, відповідної до клімату циркуляції народного життя, його хронологізацію згідно із законами природи та аграрного циклу відповідної місцевості. До того ж, фіксуємо психологічну спрямованість таких народноетимологічних формул за межами ритуальної поведінки людини, оскільки вони закликані надавати сакрального змісту буденному життю, що рятувало людину і всю громаду від страху перед таємничими, неконтрольованими, руйнівними силами природи.

На народноетимологічних наближеннях-аналогіях базуються і народномедичні маніпуляції, адже народну медицину також слід віднести до ритуально-обрядового поля, в основі якого лежить віра людини в демонів хвороб, які насилають різні недуги на людей і свійську худобу. Так, фонетична співзвучність слів укр. *жовна* 'дятел' і *жовни* 'золотуха' обумовлює певні медичні конотації, що характеризують образ дятла в українській народній культурі, зокрема карпатські українці заборону вбивати дятла (укр. *жовна*) пояснюють загрозою захворіти на золотуху (укр. *жовни*). Можемо з упевненістю говорити про східнослов'янський характер і функціональний статус цієї додаткової конотації зі сфери народної медицини, адже вона знайшла реалізацію і в російській, частково – білоруській культурах. На території Калузької та Орловської губерній здавна парять і прикладають до запалених заліз (рос. *желвы*) лікарську рослину – рос. *дятлевник* ← *дятел* [12, 2, с. 171].

У традиційних культурах різних народів, за нашими спостереженнями, народна етимологія виконує ще одну функцію – вона виступає причиною і засобом табування номінацій небезпечних для людей і худоби демонологічних істот, звірів та птахів, явищ природи. Так, в українській та білоруській народних культурах під час звернення до журавлів, що летять високо в небі, на слово журавель накладається табу, а причиною виступає народноетимологічна аналогія: якщо птахів назвати *журавлями* (укр. *журавель* ← *журитися*), вони у відповідь прокурличуть: «Щоб ти *журуй*ся целый век» (житомирське). Саме тому цих птахів стрічають словами: «Здорові буї, пан *веселий!*», на що журавлі відповідають: «Нехай жэ штоб ты *весёла* була весь год» (гомельське) [12, 2, с. 229]; результатом табування є народна лексема укр., блр. *веселик* ‘журавель’. Як бачимо, у результаті табування на народноетимологічній основі відбувається евфемізація мовлення в обрядово-ритуальній площині, зокрема: рос. *бирюк, лыкус, серый*; укр. *малий*; блр. *вовк Мосей, вовчица Калина* (могильовське) слугують вербальною заміною лексеми укр. *вовк* [12, 1, с. 436].

Отже, історична лексикологія фіксує постійний процес зникнення у словах етимологічного (генетичного, первинного) лексичного значення. Ця тенденція до втрати внутрішньої форми слів, їхньої семантичної мотивації спостерігається в різних мовах, зокрема і східнослов'янських. Народна ж етимологія, на нашу думку, спрямована на відновлення генетичних зв'язків між словами, на реконструкцію внутрішньої форми слів. Це дає змогу стверджувати, що народна етимологія є, за своєю сутністю, лексичною асиміляцією і процесом, діаметрально протилежним деетимологізації, тобто вона є прагненням мови бути більш зрозумілим, корисним і раціональним засобом комунікації. У функціональній площині народна етимологія тісно пов'язана з ритуальною поведінкою людини і має яскраво виражену прагматично-прикладну спрямованість.

Список літератури

1. Бессонов, П. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П. Бессонов. – М., 1871. – 176 с.
2. Буслаевъ, Ф. О влияніи на славянскій языкъ: опыт исторіи языка по Остромирову Евангелію / Ф. Буслаевъ. – М.: УТ, 1848. – 211 с.
3. Веснавья святы : дапаможник для настаўнікаў і выхавальнікаў / аўтары-укладальнікі: А. Аляхновіч, А. Лозка. – Мінск : Беларусь, 2000. – 158 с.
4. Галкина-Федорук, Е. И. Современный русский язык. Лексика / Е. И. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во МГУ, 1954. – 204 с.
5. Гельгардт, Р. Р. Народная этимология и культура речи / Р. Р. Гельгардт // Избранные статьи. Языкознание. Фольклористика / вступ. ст. и ред. С. Г. Бархударова. – Калинин: Изд. Калининского пед. ин-та, 1966. – С. 270–306.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ПУТЬ ОТ Е. Ф. КАРСКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

6. Долгопольский, А. Б. Методы реконструкции общиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза / А. Б. Долгопольский // *Этимология* 1965: Принципы реконструкции и методика исследования. – М. : Наука, 1965. – С. 259–269.
7. Кабашнікаў, К. П. Беларускі фальклор у параўняльным асвятленні / К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 231 с.
8. Камчатнов, А. М. Введение в языкознание : учеб. пособие / А. М. Камчатнов, Н. А. Николина. – М. : Флинта-Наука, 1999. – 232 с.
9. Крушевский, Н. Об «аналогии» и «народной этимологии» / Н. Крушевский // *Русский Филологический Вестник*. – 1879. – Т. II, № 3–4. – С. 109–120.
10. Німчук, В. В. До історії та етимології давньоруського рабинаа ночь / В. В. Німчук // Л. А. Булаховский и современное языкознание. – К. : Наукова думка, 1987. – С. 236–246.
11. Савинов, М. Народная этимология на почве русского языка / М. Савинов // *Русский Филологический Вестник*. – 1889. – Т. XXI. – С. 15–58.
12. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995–1999. – Т. 1. А (август) – Г(гусь). – 1995. – 584 с. ; Т. 2. Д (давать) – К (крошки). – 1999. – 702 с.
13. Сосюр, Ф. де. Курс загальної лінгвістики / Ф. де Сосюр ; пер. з фр. А. Корнійчука, К. Тищенко. – К. : Основи, 1998. – 324 с.
14. Трубачев, О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О. Н. Трубачев // *История русского языкознания : хрестоматия* / сост. Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1981. – С. 20–25.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986–1987.
16. Финкель, А. М. Материалы для фразеологического словаря русского языка (воробьяная ночь) / А. М. Финкель // *Вопросы языкознания*. – 1956. – № 4. – С. 92–95.
17. Чубинський, П. П. Мудрість віків: українське народознавство у творчій спадщині П. Чубинського : у 2 кн. / П. П. Чубинський ; упоряд. С. К. Гаркавий, Ю. О. Іванченко. – К. : Мистецтво, 1995.

Goli-Oglu Tamara

Pryazovskij State Technical University

e-mail: goli.oglu.t.v@gmail.com

FOLK ETYMOLOGICAL LINGUAL ANALOGIES IN NATIONAL WORLD PICTURE OF THE EAST SLAVIC PEOPLES

The article deals with the analysis of the problem of the correspondence of the principle of scientific etymology and folk etymological associations, which represent the most important structural element of the national picture of the world of every nation and particularly its naïve-vulgar component that was formed on the basis of syncretism and ancient perception of the world and the clear-cut division of reality into its sacral and profane forms. Every theoretical item of the investigation is illustrated with culturally marked lexemes and/or paroimia formulae of calendar or habitual code of eastern-Slavonic cultures.

Keywords: folk etymology, lexical assimilation, national world picture, calendar and habitual code, paroimia.

А. В. Юрьева

**ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЕДИНИЦ ЦЕНТРА
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ВКУСА В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Рассматриваются исторические изменения в структуре значения лексических единиц, входящих в состав центра лексико-семантической группы прилагательных вкуса в чешском языке. Отмечаются семантические, орфографические и другие изменения единиц центра лексико-семантической группы.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, центр лексико-семантической группы, чешский язык, диахроническое сопоставление, семантические трансформации.

Лексическая система является наиболее чувствительной к воздействию как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Диахроническое изучение структуры значения лексических единиц помогает выявить общие закономерности и направления семантических трансформаций, характерных для определенного языка или нескольких языков, шире – для нескольких родственных языков, языковой семьи или для конкретной группы слов.

В данной статье анализируются семантические трансформации прилагательных, входящих в центр лексико-семантической группы прилагательных вкуса (далее – ЛСГ) в чешском языке. Общее число анализируемых единиц – 31. Выбор слов, связанных с перцепцией, для диахронического исследования не случаен: непосредственно связанные с чувственным восприятием мира, эти лексические единицы дают богатый материал не только для собственно лингвистических, но и для лингвокультурологических исследований.

Одной из самых ярких тенденций, выявленных нами в ходе диахронического изучения структуры единиц ЛСГ, является *утрата сем* и *семем*, обуславливающая упрощение смысловой и семантической структуры значения и специализацию лексических единиц.

Влияние утраты отдельной семы на всю семантическую структуру иллюстрирует следующий пример. В современном чешском языке, согласно «Internetový slovník současné češtiny» [1], употребление прилагательного *cukerínový* ограничено контекстом *cukerínové sladidlo* (сахарозаменитель из сахарина). «Slovník spisovného jazyka českého» [2], фиксирующий состояние языковой системы второй половины XX в., регистрирует значение «*k cukerín: c-á chuť → sladký*» (к «сахарин»: сахарин-

новый вкус → сладкий). Утрата сем ‘sladký’ и ‘chut’ привела к сужению значения: в современном чешском языке оно не распространяется на всю сферу вкусовой перцепции.

Часто имеет место утрата отдельных семем. «Internetový slovník současné češtiny» [1] фиксирует значение прилагательного *nahořklý* следующим образом: *trochu hořký; nahořklá chuť piva* (несколько горький; горьковатый вкус пива). «*Poněkud hořký; přihořklý, natrpklý: n-á chuť; n-é pivo*» (немного горький, горьковатый, слегка терпкий: горьковатый вкус, горьковатое пиво) – так значение толкуется в «*Slovník spisovného jazyka českého*» [2]. Источник первой половины XX в. – «*Příruční slovník jazyka českého*» [3] – фиксирует два вкусовых значения: 1. *poněkud hořký, přihořklý*. *Tyto pokrmy jsou obvykle sladké, zřídka nakyslé neb nahořklé* (несколько горький, горьковатый. Эти блюда обычно сладкие, реже – кислые или горьковатые). 2. *připomínající něco nahořkle chutnajícího. Šedé keřky pelyňkové připravují svou nahořklou vůni pro pověstné likéry klášterní* (напоминает что-то горьковатое на вкус. Серые кусты полыни из-за горького аромата используют для изготовления легендарных монашеских ликеров). Второе значение объединяет вкусовую (*chutnajícího*) и ольфакторную (*vůni*) перцепцию, делая запах и вкус почти идентичными друг другу ощущениями. Утрата данной семемы свидетельствует о специализации значения.

Вторая выявленная нами тенденция – это изменение статуса вкусового значения в смысловой структуре прилагательного. Ядерное значение может стать периферийным и наоборот. Пример такого типа трансформации – семантическая история прилагательного *kořenitý*. Согласно «*Internetový slovník současné češtiny*» [1], в современном чешском языке прилагательное используется в значении «*kořenitá chuť / vůně*» (пряный вкус, запах). «*Slovník spisovného jazyka českého*» [2] при определении значения отсылает к другой единице центра ЛСГ – прилагательному *kořenitý* (кореньевый), а также к реалиям внеязыковой действительности: ‘*koření*’ (специи), ‘*karafiát*’ (гвоздика), ‘*ryzec*’ (груздь), ‘*višně*’ (вишня).

«*Příruční slovník jazyka českého*» [3] фиксирует два значения, основное из которых не является вкусовым: 1. *ke kořen; houževnatý, pevný, vytrvalý*. (к «корень»; твердый, крепкий, выносливый). 2. *ke koření; vonější n. chutnající jako koření. Na kamnech praskala zrna jalovcová, která naplňovala světnici příjemným kořenitým zápachem* (к «специи»; пахнувший как специи, на вкус как специи. Зерна можжевельника потрескивали на плите, наполняя комнату приятным пряным запахом). Эта тенденция, сохранившаяся до середины XX в., берет свое начало в старочешском языке. «*Elektronický slovník staré*

češtiny» [4] фиксирует значение «zakořeněný, uchycený, ujatý» (укорененный, прикрепленный, взятый), не связанное со вкусовой перцепцией. Таким образом, перед нами пример ситуации, когда периферийное вкусовое значение становится основным.

Приведем другой пример. В «Internetový slovník současné češtiny» [1] при толковании значения прилагательного *zahořklý* объединяются вкусовое и невкусовое переносное значение, причем второе репрезентируется как основное: *životem zklamaný. Je zahořklý vůči celému světu. Zahořklý úsměv, vzpomínky / myšlenky, chuť / vůně* (разочарованный жизнью. Он озлоблен на весь мир. Желчная усмешка, воспоминания / мысли, вкус / запах). Однако переносное значение, относящееся к сфере эмоциональных переживаний, не всегда было основным. Так, «Slovník spisovného jazyka českého» [2] дает толкование «trochu hořký; nahořklý, přihořklý, natrpklý: z. líkér; z-á příchut'» (немного горький, горьковатый: ликер, привкус).

Еще более ранний источник – «Příruční slovník jazyka českého» [3] – отмечает два вкусовых значения и одно невкусовое: 1. *hořce chutnající, zatrpklý* (горький на вкус, терпкий); 2. *připomínající něco hořce chutnajícího* (напоминающий нечто горькое на вкус); 3. *projevující duševní zatrpklost, rozmrzelost, nespokojený* (проявляющий душевную горечь, раздражение, недовольный). Семантическая трансформация в данном случае заключается в изменении основного значения. Невкусовое значение, будучи производным от вкусового, не просто стало самостоятельным, но приобрело статус основного.

Третья тенденция заключается в усилении или ослаблении синестетического начала: вкусовые, ольфакторные, аудиальные и другие перцептивные признаки могут объединяться и выражаться одной лексемой.

Так, на современном этапе развития чешской языковой системы прилагательное *kořený*, согласно «Internetový slovník současné češtiny» [1], одновременно содержит в своём значении вкусовой и ольфакторный компоненты: «*který má výraznou chuť nebo vůni koření*» (который имеет отличительный вкус или запах пряностей). Похожим образом значение представлено в «Slovník spisovného jazyka českého» [2]: *ke koření; májící výraznou chuť n. vůni* (к «пряности»; имеющий отличительный вкус или запах). Авторы «Příruční slovník jazyka českého» [3] в словарной статье, посвящённой прилагательному, фиксируют перцептивное значение вторым: 2. *ke koření; kořením vonějící. Vzduch byl kořený* (к «пряности»; пахнущий пряностями. Воздух был пряный). Сема «*vonějící*» указывает на ольфакторный характер обозначаемого лексемой перцептивного признака. Синестетическим прилагательное, по-видимому, становится позже – во второй половине XX в.

Приведем еще один пример. На современном этапе развития чешского языка, согласно «Internetový slovník současné češtiny» [1], прилагательное *lahodný* имеет широкое перцептивное значение: *příjemný* (pro smysly) *lahodný nápoj / pokrm, hlas, spánek, vůně* (приятный для чувств: напиток / еда, голос, сон, запах). Если обратиться к «Elektronický slovník staré češtiny» [4] можно убедиться в том, что ещё в старочешском языке значение прилагательного содержало в своей структуре компоненты, указывающие на его синестетический характер: 1. *lahodný, velmi příjemný, líbezný*, (o pokrmu, nápoji) *velmi chutný* (o oděvu ap.), *lahodící oku, krásný, vkusný* (вкусный, очень приятный, сладостный, про еду, питье; очень вкусный (про одежду и т. д.), приятный глазу, красивый, со вкусом); 2. (o řeči ap.) *lahodný, příjemně znějící; lichotivý, pochlebný* (о речи: сладостный, приятно звучащий; лестный, льстивый); 3. (o člověku, větru, světu ap.) *komu příjemný, přívětivý, vlídný, příznivý, vstřícný vůči někomu* (о человеке, ветре, мире и т. д.; то, что приятно, дружелюбно, добро, выгодно, полезно кому-то); 4. *lákavý, svůdný* (соблазнительный, обольстительный); 5. (o části lidského těla) *jemný, měkký, příjemný na dotek* (о частях человеческого тела: нежный, мягкий, приятный на ощупь).

Однако стоит отметить, что вкусовое значение в старочешском языке является ядерным, а другие перцептивные значения, передающие прикосновения («*příjemný na dotek*»), аудиальные («*o řeči*») и визуальные («*lahodící oku*») ощущения, находят на периферии. Объединение этих значений в одно происходит на более поздних этапах развития языка.

Перенос перцептивного ощущения на сферу ментального является характерной чертой среднечешского и старочешского языка.

Использование вкусовых прилагательных в переносном значении – отличительная черта эпохи Возрождения, которая активно применяла метафоры телесности для описания ментальных явлений. Например, в переносном значении часто использовалось прилагательное *neslaný*: 1. *nevtipný* (*несообразительный*) – в «*Skladu Velikého zboží, moudrosti nebeské*» Яна Кальвина. 2. *Jsow tedy příliš nesmyslní ti, kteří vždycky církev povými, a to neslanými a neužitečnými ceremoniemi obtěžují* (есть сейчас много бестолковых, кто всегда беспокоит Церковь новыми, *пустыми* и бесполезными церемониями) [5]. В старочешских текстах, согласно *Malý staročeský slovník* [6], прилагательное также использовалось как во вкусовом, так и в невкусовом значениях: (o pokrmu) *neslaný*; (o člověku) *omezený, hloupý* (о еде: несоленый; о человеке: ограниченный, глупый).

В эпоху Возрождения можно найти контексты, в которых прилагательное *lahodný* выступает в роли единицы, передающей ментальные ощущения [5]: 1. *Pěkná, lahodná a ozdobná slova* (хорошие, сладостные и

украшенные слова) в Чешском Архиве за 1522 г.; 2. Nedbej na její lahodná slova (не обращай внимания на ее сладостные слова) в книге Дрновской Цтибора Дрновского; 3. Slova lahodná = dulcedo verborum (слова сладостные) в книге «Pravidlo lidského života, jinak podobenství starých mudrců» Яна из Капуи.

Наряду с собственно семантическими трансформациями, стоит сказать и о других изменениях, опосредованно отражающих семантические. Стоит отметить изменения в орфографическом облике некоторых прилагательных: старочешское *nákysělý* и современное *nakyslý*; вариативное написание диалектного прилагательного *šmačný / smačný*.

Интересным представляется такое явление в лексикографической практике XVI–XVIII вв., как толкование значения слова посредством обращения к синонимам, зачастую иноязычным. Так, в чешском языке периода барокко «Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny» [5] регистрирует следующие синонимы к прилагательному *nakyslý*: ‘acidulus’, (лат. кислый) ‘subacidus’ (лат. кисловатый), ‘navinilý’ (чеш. кисловатый). В «Чешском словаре» Вацлава Яна Розы того же периода вкусовое значение прилагательного *peprný* зафиксировано следующим образом: «hořký, kousavý, piperatus» (чеш. горький, едкий; лат. пряный). Данный способ фиксации значений позволяет получить представление о составе ЛСГ вкуса на разных этапах развития языковой системы: не все из используемых лексикографами эпохи барокко и Возрождения при толковании синонимов слова отражены в современных лексикографических источниках.

«Příruční slovník jazyka českého» [3] иллюстрирует, как синонимические отношения между вкусовыми значениями прилагательных *peprný* и *ostrý* влияют на невкусовые и переносные значения: 1. *mající palčivou, ostrou chuť* (имеющий острый, жгучий вкус); 2. *ostrý, břitký, rozpustilý* (острый, острый как бритва). Второе значение у прилагательного *peprný* появляется под влиянием основного невкусового значения у прилагательного-синонима.

Семантическая история каждого перцептивного прилагательного уникальна. Она зависит от многих факторов и не всегда укладывается в четкую формулу. Однако, реконструируя историю прилагательных, входящих в центр ЛСГ вкуса в чешском языке, нельзя не отметить наличие закономерностей, по которым происходило изменение значений данных единиц.

Список литературы

1. Internetový slovník současné češtiny [Электронный ресурс] / Lingea s.r.o. – 2018. – Режим доступа: <https://www.nechybujte.cz/slovník-soucasne-cestiny>. – Дата доступа: 30.11.2019.

2. Slovník spisovného jazyka českého (1960–1971) [Электронный ресурс] / hl. red. V. Navránek. – Режим доступа: <http://ssjc.ujc.cas.cz/>. – Дата доступа: 02.12.2019.
3. Příruční slovník jazyka českého [Электронный ресурс] / hl. red. V. Navránek. – Режим доступа: <http://deb.fi.muni.cz/debdict>. – Дата доступа: 20.11.2019.
4. Elektronický slovník staré češtiny [Электронный ресурс]. – Praha : Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2006. – Режим доступа: <http://vokabular.ujc.cas.cz>. – Дата доступа: 20.12.2019.
5. Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny [Электронный ресурс] / P. Nejedlý. – Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 2010. – Режим доступа: <https://madla.ujc.cas.cz>. – Дата доступа: 18.12.2019.
6. Malý staročeský slovník / K. Kučera, J. Bělič, A. Kamiš. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979. – 708 s.

Yurieva Angelina

Yaroslavl Demidov State University

e-mail: yurieva.angelina@yandex.ru

DIACHRONIC STUDY OF UNITS OF THE CENTER OF LEXICO-SEMANTIC GROUP OF ADJECTIVES OF TASTE IN THE CZECH LANGUAGE: REGULARITIES OF SEMANTIC TRANSFORMATIONS

The article discusses the historical changes in the structure of the meaning of lexical units that are part of the center of the lexico-semantic groups of adjectives of taste in Czech language. Spelling, semantic and other changes in units of the center of the lexical-semantic group of adjectives of taste are noted.

Keywords: lexico-semantic group, center of lexical-semantic group, Czech language, diachronic comparison, semantic transformations.

УДК 81.362

С. В. Ляшук

ДА ПРАБЛЕМЫ ВYZНАЧЭННЯ ПРЫСЛОЎЯ ЯК ЧАСЦІНЫ МОВЫ І АКРЭСЛЕННЯ ЯГО МЕЖАЎ

Последние специальные основательные исследования наречия и как части речи в системе белорусского языка, и в сопоставлении с наречиями других языков были проведены достаточно давно. Соответственно, в белорусском языкознании отсутствуют и исчерпывающие характеристики наречия в семантическом и деривационном аспектах, которые были бы разработаны с учетом современных подходов к соответствующим разделам лингвистики. Актуальность данной статьи заключается в систематизации подходов к формированию понятия наречия в его историческом срезе.

Ключевые слова: наречие, белорусский язык, определение, классификация, части речи.

Прыслоўе займае значнае месца ў слоўнікавым складзе беларускай мовы, яе граматычным і камунікатыўным ладзе. Вывучэнне станаўлення

і развіцця лексіка-граматычнага класа прыслоўя ўяўляецца актуальным для асэнсавання сучасных з'яў у сістэме часцін мовы і прагназавання далейшых змяненняў у граматычнай сістэме мовы.

Сучасны погляд на вызначэнне прыслоўяў склаўся не адразу. Рашаючы ўплыў аказала рускае мовазнаўства. У гісторыі рускай граматычнай думкі па-рознаму вырашаліся спрэчныя пытанні граматыкі прыслоўяў, звязаныя з вызначэннем агульнага крытэрыю для аб'яднання розных па форме, граматычнаму значэнню, сінтаксічных уласцівасцях слоў.

Асновай для тлумачэння прыслоўя ў першых рускіх граматыках можна лічыць першыя звесткі аб прыслоўях з антычных граматык: «Прыслоўе ёсць часціна мовы, якая, будучы далучанай да дзеяслова, дапаўняе і растлумачвае яго значэнне» (Камініян).

У наступны час было шмат спроб прааналізаваць і даць вызначэнне такой з'яве, як прыслоўе. Найбольш поўна апісаў прыслоўе М. В. Ламаносаў у кнізе «Российская грамматика». «Российская грамматика» М. В. Ламаносава – найбольш дасканалая з яго філалагічных прац. Гэта першая сапраўды навуковая кніга і спроба апісаць структуру рускай мовы. Усе папярэднія граматыкі прадстаўлялі ў якасці прадмета вывучэння і апісання царкоўнаславянскую мову і факты рускай мовы адлюстроўвалі толькі эпизадычна. М. В. Ламаносаў выдзяляў восем знамянальных часцін мовы. Прыслоўе адносіў да службовых часцін мовы. Навуковец суадносіў прыслоўі з прыметнікамі і назоўнікамі, а таксама спрабаваў зрабіць семантычную класіфікацыю прыслоўяў.

Далейшыя разважанні наконт вызначэння прыслоўяў можна назіраць у працах А. Х. Вастокава. Тут ўжо заўважаецца схільнасць да сінтаксіка-семантычнага вызначэння прыслоўя. «Прыслоўе ёсць разрад слоў, які ўжываецца пры дзеясловах і прыметніках: 1. для паказу акалічнасцей, з якімі злучаны якасць, дзеянне або стан. 2. для вызначэння сапраўднасці якасці, дзеяння або стану. 3. для вызначэння меры якасці» [1, с. 110]. Але прыслоўі ў А. Х. Вастокава таксама мелі вельмі вялікі аб'ём: сюды ён уключаў дзеепрыслоўі, адмоўі.

Пытанне аб статусе прыслоўя як самастойнай часціны мовы не раз падвяргалася пераасэнсаванню. Першапачаткова граматыкі далучалі прыслоўе да прыназоўнікаў і саюзаў, адносячы яго да службовых частак мовы (М. В. Ламаносаў, А. А. Барсаў, Н. І. Грэч). Апісваючы рэальнае нападзенне класа, першыя рускія граматыкі фактычна называлі прыслоўем усё тое, што было цяжка класіфікаваць як іншыя часціны мовы.

У XIX ст. прыслоўе пачынае асэнсоўвацца як пераходная з'ява паміж знамянальнымі і службовымі часцінамі мовы. Упершыню знамянальнай

часцінай мовы прыслоўе назваў толькі А. А. Патэбня. Ён глядзеў на прыслоўе як на акалічнасць. Таксама ў сваіх працах ён вяртае прыслоўе ў кола знамянальных часцін мовы.

Гэты погляд змяняе пункт гледжання аб вяршыньстве сінтаксічнага крытэрыя ў вызначэнні прыслоўя, які захоўваецца ў якасці вядучага да гэтага часу.

Глыбокі і арыгінальны аналіз прыслоўя далі акадэмік А. А. Шахматаў і прафесар А. М. Пяшкоўскі. Пры вызначэнні часцін мовы А. А. Шахматаў падкрэсліваў важнасць марфалагічнага і сінтаксічнага прынцыпаў. На яго думку, прыслоўе – гэта той жа прыметнік або займеннік, толькі, па-першае, які ўсведамляецца як акалічнасная характарыстыка і, па-другое, які адносіцца да прыкмет, а не да прадметаў.

Сінтаксічнаму пункту погляду на прыслоўе ў рускім мовазнаўстве быў супрацьпастаўлены марфалагічны. Прадстаўнікі Маскоўскай лінгвістычнай школы на чале з Ф. Ф. Фартунатавым шукалі ў словах, у тым ліку і прыслоўях, перш за ўсё граматычную форму, не надаючы належнай увагі семантыка-сінтаксічным асаблівасцям. Яны прапаноўвалі дзяліць словы на два класа: з формамі словазмянення і без формаў словазмянення. Другі клас дзяліўся у сваю чаргу на словы з формамі словаўтварэння і словы, якія не маюць наогул ніякіх формаў. Словы без формаў словазмянення, але з формамі словаўтварэння – гэта перш за ўсё прыслоўі. Аднак «здольнасць слова вылучаць у сваім складзе аснову і фармальную прыналежнасць» выяўлялася далёка не ва ўсіх прыслоўях [4, с. 166]. На падставе гэтага прыслоўі былі падзеленыя на два разрады: прыслоўі граматычныя (*весела, па-сяброўску* і да т. п.) і прыслоўі неграматычныя (*учора, тут, далоў* і да т. п.). Дзеепрыслоўі і інфінітывы паводле класіфікацыі Ф. Ф. Фартунатава знаходзіліся ў адным класе з прыслоўямі.

Найбольш поўнае і ўсебаковае вызначэнне прыслоўю даў Л. У. Шчэрба. Ён выдзяляе наступныя фармальныя прызнакі прыслоўяў: 1) спалучаемасць з прыметнікам, дзеясловам ці іншым прыслоўем; 2) немагчымасць мець азначэнне, выражанае прыметнікам (калі гэта не прыслоўны выраз); 3) нязменнасць (формы ступеней параўнання маюць толькі якасныя адпрыметнікавыя прыслоўі); 4) у рускай мове – канчаткі -о, -е [5, с. 15]. Л. У. Шчэрба ў вызначэнні прыслоўяў падышоў да фармулёўкі, дзе ў поўнай меры знайшлі б сваё адлюстраванне семантычны, марфалагічны і сінтаксічны аспект.

Акадэмік В. У. Вінаградаў пры выдзяленні часцін мовы імкнуўся ўлічваць усю сукупнасць лінгвістычных дадзеных – марфалагічных, сінтаксічных і семантычных. Аб'ядноўваючы марфалагічны і сінтаксічны

ны погляды, В. У. Вінаградаў даў гэтай часціне мовы наступнае вызначэнне: «Прыслоўе – гэта граматычная катэгорыя, пад якую падводзяцца нескланяемыя, неспрагаемыя і недапасуемыя словы, якія прымыкаюць да дзеяслова, да катэгорыі стану, да назоўнікаў, прыметнікаў і вытворных ад іх (напрыклад, да тых жа прыслоўяў) і выступаюць у сінтаксічнай функцыі якаснага азначэння або акалічнаснай адносіны. Прыслоўі марфалагічна суадносны з назоўнікамі, прыметнікамі, дзеясловамі, займеннікамі і лічэбнікамі» [6, с. 340].

Аналізуючы словаўтварэнне прыслоўяў, В. У. Вінаградаў асабліва падкрэсліваў функцыянальную суадноснасць іх з тымі часцінамі мовы, ад якіх яны паходзяць, і па прызнаку гэтай суадносіны падзяляў прыслоўі на рад груп (класаў): прадметна-акалічнасныя (ад назоўнікаў), якасна-адносныя (ад прыметнікаў), колькасныя (ад лічэбнікаў) і працэсуальныя (ад дзеясловаў і дзеяслоўных форм).

Што датычыцца асмыслення месца прыслоўя сярод іншых часцін мовы ў беларускай мове, то тут можна назіраць невялікую колькасць прац беларускіх навукоўцаў. У першую чаргу гэта абумоўлена ўплывам і месцам рускага мовазнаўства на развіццё даследванняў беларускай мовы. Нягледзячы на гэта, можна вылучыць даследванні такіх беларускіх навукоўцаў як Я. Ф. Карскі, Б. А. Тарашкевіч, П. П. Шуба.

Я. Ф. Карскі ў працы «Беларусь» не дае новага, арыгінальнага вызначэння прыслоўю, прытрымліваецца існуючых поглядаў. Ён лічыў прыслоўе нязменнай самастойнай часцінай мовы. Да прыслоўяў адносіў дзеепрыслоўі, а таксама нячленныя формы вышэйшай ступені параўнання прыметнікаў. Ён таксама класіфікаваў беларускія прыслоўі ў адпаведнасці з тым склонам, да якога ўзыходзіць тое або іншае адназоўнікавае, адпрыметнікавае ці адзайменнікавае прыслоўе.

Б. А. Тарашкевіч у «Беларускай граматыцы для школ» дае наступнае вызначэнне прыслоўю: «Прыслоўе – гэта нязменная часціна мовы, што азначае розныя акалічнасці: месца, часу, прычыны, спосабу. Прыслоўі выражаюць асаблівасці асаблівасцей» [8, с. 104].

Найбольш значным уплывам на разуменне месца і значэння прыслоўяў у беларускай мове вылучаюцца працы акадэміка П. П. Шубы. Ён дасканала і дэтальна займаўся пытаннямі вызначэння самаго прыслоўя, яго асноўных прыкмет, функцый, класіфікацый. На думку П. П. Шубы, «прыслоўе – гэта знамянальная часціна мовы, якая абазначае прызнак дзеяння (ці стану), выражанага дзеясловам, або прызнак прызнака, выражанага прыметнікам ці прыслоўем» [9, с. 3]. Да асноўных марфалагічных прызнакаў прыслоўяў ён адносіў наступныя:

адсутнасць форм скланення і спражэння і словаўтваральную суадноснасць з усімі знамянальнымі часцінамі мовы. Таксама важнай марфалагічнай адзнакай прыслоўяў з’яўляецца наяўнасць формамянення (здольнасць мець формы ступеней параўнання і формы ацэнкі), якое ўласціва вялікай групе адпрыметнікавых прыслоўяў. Адпрыметнікавыя прыслоўі з якасным значэннем могуць мець формы ступеней параўнання і формы ацэнкі.

Калі звярнуцца да сучаснага разумення прыслоўя ў беларускай мове, «Беларуская граматыка» надае наступнае тлумачэнне: «Прыслоўе – гэта часціна мовы, якая абазначае працэсуальную прымету дзеяння, прадмета ці іншай непрацэсуальнай прыметы – якасці альбо ўласцівасці» [10, с. 194]. Найбольш яркая рыса прыслоўя – адсутнасць форм скланення і спражэння. Па словаўтваральнай структуры яны падзяляюцца на нематываваныя (невыворныя) і матываваныя, якія не страцілі семантычнай суадноснасці з усімі паўназначнымі часцінамі мовы.

Такім чынам, мае сэнс зыходзіць з вузкага разумення прыслоўя, адмяжоўваючы яго ад катэгорыі стану, мадальных слоў, некаторых часціц. Пад прыслоўем разумеецца лексіка-граматычны разрад слоў, якія:

(1) пазначаюць непрацэсуальную прымету розных характарыстык прадмета – дзеяння, адносінаў, стану, становішча, непрацэсуальнай і працэсуальнай прыметы;

(2) не маюць сістэмы формаў словамянення;

(3) выступаюць у сказе ў ролі дэтэрмінантаў.

Традыцыйна прыслоўе адносіцца да словаў з семантыкай прыкметы. Таксама істотнай катэгорыяй з’яўляецца непрацэсуальны характар прыкметы, якая пазначаецца прыслоўем.

У выніку праведзенага аналізу можна адзначыць, што вывучэнне катэгорыі прыслоўя дазваляе праліць святло на пытанні, якія датычацца фарміравання граматычнай сістэмы ўвогуле. Вывучэнне лексіка-граматычнага класа прыслоўя ўяўляецца неабходным для асэнсавання і прагназавання далейшых змяненняў у граматычным ладзе беларускай мовы.

Спіс літаратуры

1. Востоков, А. Х. Русская грамматика / А. Х. Востоков. – СПб., 1874. – 216 с.
2. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике : в 4 ч. / А. А. Потебня. – Воронеж-Харьков : Унив. тип., 1874.
3. Шахматов, А. А. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку / А. А. Шахматов. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-ва М-ва просвещения РСФСР, 1952. – 272 с.
4. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Ф. Ф. Фортунатов // Избранные труды. Т. I. – М. : Учпедгиз, 1956. – 450 с.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

5. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Сб. «Русская речь». Новая серия. – Л., 1928. – Вып. 2. – С. 5–27.
6. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
7. Карский, Е. Ф. Белорусы: в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Т. 2. Язык белорусского племени. Кн. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1911. – 407 с.
8. Тарашкевіч, Б. А. Беларуская граматыка для школ / Б. А. Тарашкевіч. – 5-е выд., перароб. і пашыр. – Мінск: Нар. асвета, 1991. – 132 с.
9. Шуба, П. П. Прыслоўе ў беларускай мове: марфалагічны нарыс / П. П. Шуба. – Мінск, 1962. – 194 с.
10. Беларуская граматыка: у 2-х ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с.

Liashuk Siarhei

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: s.leshuk@grsu.by

REGARDING THE ISSUE OF DEFINITION OF THE ADVERB AS A PART OF SPEECH AND ALLOCATION OF ITS BORDERS

The last special thorough studies of the adverb both as part of speech in the system of the Belarusian language, and in comparison with adverbs of other languages, have been carried out a very long time ago. Accordingly, in Belarusian linguistics there are no comprehensive characteristics of the adverb in certain aspects – semantic and derivational, which would be developed taking into account modern approaches in the relevant sections of linguistics. Thus, the relevance of this article lies in the systematization of approaches to the formation of the concept of adverb in its historical context.

Keywords: adverb, Belarusian language, definition, classification, parts of speech.

УДК 81'374

Д. В. Дзятко

ІНКАРПАРАВАННЯ СЛОЎНІКІ М. І. КАНЮШКЕВІЧ У КАНТЭКСТЕ БЕЛАРУСКАЙ ЛІНГВІСТЫЧНАЙ ТЭРМІНАГРАФІІ

Рассматриваются особенности инкорпорированных словарей лингвистических терминов М. И. Конюшкевич. Словари характеризуются с точки зрения наполнения их реестра, макро- и микроструктуры. Обосновывается вывод, что инкорпорированные терминографические работы в целом и словари М. И. Конюшкевич в частности являются важным фрагментом белорусской лингвистической терминографии и требуют дальнейшего детального изучения и сопоставления их как в формате генезиса терминографического стиля отдельного автора, так и в общем контексте исследования национальной лексикографии.

Ключевые слова: белорусская лексикография, терминология, терминологический словарь, история лексикографии, история терминологии, инкорпорированный словарь, словарная статья, макроструктура, микроструктура.

Тэрмін *інкарпарацыя* (лац. *incorporatio* ‘ўключэнне ў склад’) дастаткова шырока выкарыстоўваецца ў сучаснай навуцы. У прыватнасці, у мовазнаўстве інкарпарацыяй прынята называць спосаб сінтаксічнай сувязі кампанентаў словазлучэння або членаў сказа, пры якім кампаненты аб’ядноўваюцца ў адзінае цэлае без фармальных паказчыкаў у кожнага з іх [1, с. 217]. Часткі такога слова-сказа выконваюць адначасова функцыю элементаў слова і функцыю членаў сказа.

У агульнанавуковым ужыванні інкарпарацыя – гэта ўключэнне меншых аб’ектаў у склад большых: «інкарпарацыя <...> – 1) далучэнне, ўключэнне ў свой склад чаго-н. (напр. і. новых раёнаў) <...>» [2, с. 530].

У апошнія гады паняцце «інкарпараваныя слоўнікі» пачынае дастаткова шырока акцэптавацца ў даследаванні па тэорыі і гісторыі лексікаграфіі [3; 4].

Інкарпараванымі з’яўляюцца параўнальна невялікія па аб’ёме слоўнікі, якія ўключаюцца (=інкарпаруюцца) у іншыя выданні – уласна лексікаграфічнага, лінгвадыдактычнага, інфармацыйнага характару. Так, напрыклад, у лінгвістычнай тэрмінаграфіі слоўнікамі-інкарпарантамі можна прызнаць падборку «Беларуская навуковая тэрміналогія». Ч. І. Граматычная тэрміналогія», надрукаваную ў часопісе «Вестник Народного Комиссариата Просвещения» [5], слоўнік М. В. Бірылы «Анамастычная тэрміналогія» з альманаха «Тэрміналагічны зборнік» [6], слоўнік «Тэрміны і спецыяльныя паняцці і іх славацкія эквіваленты» з дапаможніка А. І. Калечыц, Н. Б. Корынай «Марфалогія беларускай мовы» [7], «Слоўнік выбраных лінгвістычных тэрмінаў» з дапаможніка «Метадалогія лінгвістычных даследаванняў» В. І. Рагаўцова [8] і іншыя.

Па нашых падліках, на працягу XX–XXI стст. беларускімі мовазнаўцамі было апублікавана каля 60 інкарпараваных слоўнікаў тэрмінаграфічнага характару, якія адрозніваюцца паміж сабой шэрагам паказчыкаў. Найбольш важнымі з гэтых паказчыкаў з’яўляюцца:

- 1) тып інкарпарацыі;
- 2) аб’ём рэестру;
- 3) функцыянальны тып;
- 4) тып макроструктуры.

Дастаткова рэдкай з’явай не толькі ў беларускай, але і ва ўсходнеславянскай лексікаграфіі ўвогуле з’яўляюцца слоўнікі лінгвістычных тэрмінаў, якія інкарпаруюцца ў іншыя лексікаграфічныя выданні ў якасці дадаткаў.

Так, кожны з тамоў унікальнага трохтомнага даведніка М. І. Ка-ношкewіч «Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка» (2008–2010) забяспечаны аспектнымі тэрміналагічнымі слоўнікамі, якія складаюцца з граматычных тэрмінаў і – паводле задумы аўтара – павінны садзейнічаць засваенню дастаткова фармалізаванай метамовай даменнага выдання [2; 9; 10].

Слоўнікавая артыкулы размяшчаюцца ў алфавітным парадку. Мікраструктура слоўнікаў фарміруецца зонай намінацыі, зонай семантызацыі, зонай сінонімаў, зонай ілюстрацый і зонай пашпартызацыі. Апошнія тры зоны з’яўляюцца факультатывнымі:

[Дэлібератыў]¹_n [(дэліберат)]_{syn} – [дэнататыўная роля аб’ектнага тыпу, асоба, прадмет, падзея, аб’ект інтэлектуальнай дзейнасці адрасанта.]_{sem} [*Лесня пра зубра*]_i; [(М. Гусоўскі)]_p.

[Кампарант]_n – [дэнататыўная роля суб’ектнага тыпу, асоба, прадмет, з’ява, дзеянне, множнасць, якія з чым-небудзь супастаўляюцца, параўноўваюцца.]_{sem} [*Брат старэйшы за сястру*]_i.

[Кампарат]_n – [дэнататыўная роля аб’ектнага тыпу, з якім супастаўляецца ці параўноўваецца кампарант.]_{sem} [*Больш за ўсіх нас уразіў Мурзілка, гэты чалавечак з пальчык велічынёй*]_i; [(Я. Маўр)]_p.

[Функтыў-камітатыў]_n – [супратаганіст-прадмет, які разам з пратаганістам стварае сітуацыю.]_{syn} [*Востры жаль працяў усю, што хвоечка ўпадзе, зваліцца разам з гэтым падточаным і расколатым берагам*]_i; [(В. Адамчык)]_p.

Слоўнікі не ідэнтычныя, яны ўключаюць 100, 120 і 127 рээстравых адзінак адпаведна. Агульным з’яўляецца корпус з 89 слоўнікавых артыкулаў: *аб’ект, аб’ектыў, агенс, адверсатыў, адпраўшчык, адрасант, адрасат, актант, аналаг прыназоўніка, аўтарызатар,*

¹ Тут і далей прамыя дужкі з перакладзінкай (“{” і “}”) служаць для вылучэння межаў зон інфармацыі ў структуры слоўнікавага артыкула, а таксама для засяроджвання ўвагі на пэўных элементах слоўніка. Тып зоны абазначаецца з дапамогай ніжніх індэксаў:

eq – зона эквіваленцыі (англ. *equivalent*);
 et – зона этымалагічнай інфармацыі (англ. *etymology*);
 i – зона ілюстрацый (англ. *illustration*);
 n – зона намінацыі (англ. *nomination*);
 p – зона пашпартызацыі (англ. *passport*);
 pr – зона прагматычнай інфармацыі (англ. *pragmatic*);
 r – зона адсылка (англ. *reference*);
 sem – зона семантычнай інфармацыі (англ. *semantics*);
 syn – зона сінонімаў (англ. *synonyms*).

аўтарызацыя, данатар, данатыў, дыменсіў, дыпласія, дырэктыў, дырэктыў-старт, дырэктыў-фініш, дыстрыбутыў, дэнататыўная роля (глыбінны склон), дэструктыў, дэстынатыў, інструмент, інтэнсіў, камітатыў, кампазітыў, кампарант, кампарат, кампаратыў, камплексіў, камплектыў, кандытыў, кансеквентыў, кантроллер (інструмент кантролю), канфірматыў, карытыў, карэлят, каўзатар, каўзатыў, квазі-, квалітатыў, квантытатыў, крытэрыў, крэатыў, лакатыў, лімітатыў, мадалізатар, матыў, медыятыў, намінант, намінат, намінатар, партытыў, пасрэднік, пасэсар, пасэсіў, патэнсіў, пацыентыў, перцэптыў, прапазіцыя, пратаганіст, прэпазіцыяналізацыя, рубрыкатыў, рэлянт, рэлят, рэляттар, рэпрэзэнтатар, рэпрэзэнтант, рэцэпіенс, сірканстант, сітуант, сітуатыў, спосаб, сродак, стымул, стыхія, суб'ект, суперлятыў, супрасторавасць, сурсіў, транзітыў, трансгрэсіў, тэматыў, тэмпаратыў, тэрмінатыў, фабрыкатыў, фінітыў, эксплікатар, элементыў.

Змест слоўнікавых артыкулаў не адрозніваецца. Выключэннем з'яўляецца толькі слоўніковы артыкул *намінат*:

Намінат – дэнататыўная роля аб'ектнага тыпу, пацыенс, прадмет ці з'ява, якія атрымліваюць назву ад намінатара. *Прадаўгаваты гузік на кажусе называюць брызгулём*. [10, с. 611; 11, с. 526].

У першым слоўніку лексікаграфічнай трылогіі М. І. Канюшкевіч у ілюстрацыі памылкова выдзелена форма *брызгулём* [9], пазней гэтая памылка была выпраўлена.

Шэраг слоўнікавых артыкулаў з'яўляецца агульным для першага і другога слоўнікаў: *анамасіятыў, элімінатыў, зўрыкатыў*; для другога і трэцяга: *аблятыў, алетычная магчымасць / немагчымасць, антэцэдэнт, апраксіматар, ганаратыўнасць, генератыў, градуатар, дамінуючы суб'ект / суб'ект дамінавання, дэантычная магчымасць / немагчымасць, канфарматыў, лакалізатар, лексічны кампанент сінтаксемы, несупрасторавасць, сінтаксема, суэкзіцыентыў, таксісны тэмпаратыў, фармант сістэмы, храналагічны тэмпаратыў* [9; 10].

Унікальнасцю вызначаюцца 12 слоўнікавых артыкулаў у трэцім слоўніку М. І. Канюшкевіч: *дысенсіў-патэнсіў, дэстынатыў-2, класіфікатар, контрэкзіцыенс, лакатыўны суб'ект, пацыентыў-камітатыў, прыназоўнік, рэдуплікацыі, суб'ектны лакатыў, функтыў, функтыў-камітатыў, характарызатар* [11].

Паколькі адзінага падыходу да дэнататыўных роляў у лінгвістыцы пакуль не існуе, некаторыя рэстравыя адзінкі забяспечваліся адным або некалькімі сінонімамі.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Найбольш выразна, не толькі ў колькасных, але і ў якасных адносінах, адрозніваецца рээстр апошняга слоўніка трылогіі: слоўнікавыя артыкулы, якія ў першых выпусках падаюцца з сінонімам, былі мінімізаваны і прыведзены ў адпаведнасць з большасцю іншых рээстравых адзінак (гл. табліцу 1).

Табліца 1 – Асобныя слоўнікавыя артыкулы ў інкарпараваных слоўніках М. І. Канюшкевіч

«Тэрміналагічны слоўнік» (ч. I; 2008)	«Тэрміналагічны слоўнік» (ч. II; 2010)	«Тэрміналагічны слоўнік» (ч. III; 2010)
бенефіцыянт ^ў (бенефіцыенс)	бенефіцыянт ^ў (бенефіцыенс)	бенефіцыянт ^ў
дэліберат ^ў (дэліберат)	дэліберат ^ў (дэліберат)	дэліберат ^ў
інструмент ^ў (інструментат ^ў)	інструмент ^ў (інструментат ^ў)	інструмент ^ў
суагенс (каагенс)	суагенс (каагенс)	суагенс
экзісцыянт ^ў	экзісцыянт ^ў (экзісцыенс)	экзісцыянт ^ў
эксперыенцэр (эксперыенсі ^ў , рэцэпіенс)	эксперыенцэр (эксперыенсі ^ў , рэцэпіенс)	эксперыенцэр

Выключэннем стаў толькі адзін слоўнікавы артыкул, структура якога пашырылася за кошт зоны сінанімічнай інфармацыі: *локум* [9, с. 486; 10, с. 611] → *локум (арыенцір)* [11, с. 525].

Тэрміналагічны слоўнік, змешчаны ў даведніку М. І. Канюшкевіч «Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка» [12] грунтуецца на слоўніку з першай часткі ўжо прааналізаванага трохтомніка аўтара, але адаптаваны да граматычнага апісання злучнікаў. Змены закранулі не толькі склад рээстра, але і некаторыя фармальныя характарыстыкі. У прыватнасці, асобныя артыкулы дапоўнены зонай пашпартызацыі:

Абсалюты^ў – надсуперлятыўнае значэнне найвышэйшай ступені якасці, што ўключае наступныя семы: ‘гранічнасць’, ‘паўната’, ‘дасканаласць’, ‘безадноснасць’, ‘незалежнасць’, ‘непараўнальнасць’, ‘вычарпальнасць’ [[Конюшкевич 2018, с. 311–348]]_р.

Дыктэма – мінімальна адзінка тэксту, якая складаецца з аднаго ці больш структурна самастойных, але аб’яднаных адной тэмай сказаў, прызначаная інтэграваць гэтую тэму ў тэкст [(гл. у спісе літаратуры: [Блох 2000, с. 62]]_р. Тэрмін, блізкі па змесце да тэрміна «міжсказавае адзінства», але зместава больш ёмісты і больш зручны ў метатэкставых адносінах.

Рэгістр – камунікатыўны тып маўлення [[Золотова 1998, с. 29–35]]_р.

Само нападзенне артыкулаў істотна зменена і мадыфікавана. Семантыка многіх тэрмінаў была ўдакладнена аўтарам, а іх лексікаграфічнае прадстаўленне спрошчана (пераважна за кошт вывадзнення зоны ілюстрацый у спалучэнні з зонай пашпартызацыі; гл. табліцу 2).

Табліца 2 – Супастаўленне слоўнікавых артыкулаў у інкарпараваных слоўніках М. І. Канюшкевіч

№	«Тэрміналагічны слоўнік» (ч. I; 2008)	«Тэрміналагічны слоўнік» (ч. I; 2019)
1	Аб’ектыў – дэнататыўная роля аб’ектнага тыпу, пацыенс, прадмет, які існаваў да пачатку сітуацыі і на які ўздзейнічае агенс (фізічная сфера). <i>Нямецка-фашысцкія захопнікі ўзялі Брэсцкую крэпасць пасля працяглых і кровапралітных баёў.</i>	Аб’ектыў – дэнататыўная роля аб’ектнага тыпу, пацыенс, прадмет, які існаваў да пачатку сітуацыі і на які ўздзейнічае агенс (фізічная сфера).
2	Намінатар – дэнататыўная роля суб’ектнага тыпу, прагаганіст, агенс у сітуацыі, называння, дачы імені. <i>Бацькі назвалі дачку Данарай.</i>	Намінатар – дэнататыўная роля суб’ектнага тыпу, прагаганіст, агенс у сітуацыі называння, дачы імені.
3	Квантытатыў – дэнататыўная роля прэдыкатнага тыпу, характарызатор па колькаснаму прызнаку. <i>На ўсе Мікуцічы было не болей трох лодак, хоць у сяле налічвалася каля двухсот двароў (Я. Колас).</i>	Квантытатыў – 1) дэнататыўная роля прэдыкатнага тыпу, характарызатор па колькаснаму прызнаку; 2) колькасна-іменнае спалучэнне «лічэбнік / колькасна-неазначальнае слова + назоўнік» (<i>дзесяць рублёў / большасць дэпутатаў</i>).

Слоўнік складаецца з 83 слоўнікавых артыкулаў. У параўнанні з выданнем 2008 г., рэестр быў дапоўнены тэрмінамі *абсалютыў, генератыў, дыктэма, кампаратар, кваліфікатыў, рэгістр, рэлянт, эксісцыенс*. У той жа час былі выключаны тэрміны *аб’ект, адверсатыў, адпраўшчык, актант, аналаг прыназоўніка, анамасіятыў, аўтарызацыя, дэструктыў, кампазітыў, камплектыў, кантроллер (інструмент кантролю), лімітатыў, локум, мадалізатар, медыятыў, патэнсіў, прэпазіцыяналізацыя, рэлянт, суб’ект, супрасторавасць, тэматыў, эксісцыянттыў, эксплікатар, элімінатыў* [8].

Відавочна, што наяўнасць асобных дыферэнцыйных рыс паміж слоўнікамі сведчыць пра працу аўтара над удасканаленнем тэрміналагічнай сістэмы выданняў і, адпаведна, яе лексікаграфічнага ўвасаблення. Так, напрыклад, у першай і (фрагментарна) другой частках слоўніка беларускіх прыназоўнікаў канфірматыў і канфарматыў канчаткова не размяжоўваліся, а ў трэцяй (г. зн. па меры назапашвання матэрыялу) іх дыферэнцыяцыя праведзена больш паслядоўна.

Такім чынам, інкарпараваныя слоўнікі ў цэлым і інкарпараваныя слоўнікі М. І. Канюшкевіч у прыватнасці з'яўляюцца важнымі фрагментамі беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі і вымагаюць далейшага дэталёвага вывучэння і супастаўлення як у фармаце генезісу тэрмінаграфічнага стылю асобнага аўтара, так і ў кантэксце даследавання нацыянальнай лексікаграфіі ўвогуле.

Спіс літаратуры

1. Стариченко, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 810 с.
2. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў : у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 1 : А–Л. – 735 с.
3. Дзятко, Д. В. Інкарпараваныя тлумачальныя слоўнікі ў беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі / Д. В. Дзятко // Весті БДПУ. Сер. 1, Педагогіка, псіхалогія, філалогія. – 2019. – № 4. – С. 69–74.
4. Дзятко, Д. В. Тыпалогія інкарпараваных слоўнікаў у беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі / Д. В. Дзятко // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. / Бел. гос. пед. ун-т им. Максима Танка ; редкол.: В. Д. Стариченко [и др.] ; отв. ред. В. Д. Стариченко. – Минск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 61–65.
5. Беларуская навуковая тэрміналогія. Ч. I. Граматычная тэрміналогія // Вестник Народного Комиссариата Просвещения [ССРБ]. Беларускі адзэдзел. – 1921. – № 2 (ноябрь). – С. 13–18.
6. Бірыла, М. В. Анамастычная тэрміналогія / М. В. Бірыла // Тэрміналагічны зборнік 87–88 / АН БССР ; Рэсп. тэрмінал. камісія ; рэд. Л. А. Антанюк, М. В. Бірыла, А. І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – С. 25–40.
7. Калечыц, А. І. Тэрміны і спецыяльныя паняцці і іх славацкія эквіваленты / А. І. Калечыц, Н. Б. Корына // Марфалогія беларускай мовы : вучэб.-метад. дапам. для славацкіх студэнтаў / А. І. Калечыц, Н. Б. Корына. – Нітра : УКФ, 2013. – С. 119–124.
8. Рагаўцоў, В. І. Слоўнік выбраных лінгвістычных тэрмінаў / В. І. Рагаўцоў // Метадалогія лінгвістычных даследаванняў / В. І. Рагаўцоў. – Маргілёў, 2013. – С. 61–77.
9. Канюшкевіч, М. І. Тэрміналагічны слоўнік / М. І. Канюшкевіч // Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2008. – Ч. 1 : дыяпазон А–Л. – С. 482–490.
10. Канюшкевіч, М. І. Тэрміналагічны слоўнік / М. І. Канюшкевіч // Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2010. – Ч. 2 : дыяпазон М–П. – С. 605–616.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ПУТЬ ОТ Е. Ф. КАРСКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

11. Канюшкевіч, М. І. Тэрміналагічны слоўнік / М. І. Канюшкевіч // Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2010. – Ч. 3 : дыяпазон Р–Я. – С. 519–532.

12. Канюшкевіч, М. І. Тэрміналагічны слоўнік / М. І. Канюшкевіч // Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2019. – Ч. 1 : дыяпазон А–З. – С. 295–298.

Dziatko Dzmitry

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
e-mail: lingby@gmail.com

**INCORPORATED DICTIONARIES BY M. I. KANYUSHKEVICH
IN THE CONTEXT OF BELARUSIAN LINGUISTIC TERMINOGRAPHY**

The article deals with the features of incorporated dictionaries of linguistic terms by M. I. Kanyushkevich. The author characterizes dictionaries in terms of their register content, macro- and microstructure. It is grounded that the incorporated terminographic works in general and dictionaries by M. I. Kanyushkevich in particular represent an important fragment of the Belarusian linguistic terminography and require further detailed study and comparison of them both in the format of genesis of terminographic style of an individual author and in general context of the national lexicography research.

Keywords: Belarusian lexicography, terminography, terminological dictionary, history of lexicography, history of terminography, incorporated dictionary, dictionary entry, macrostructure, microstructure.

РАЗДЕЛ 4

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ ГРАММАТИКИ ДО ПРАГМАТИКИ

УДК 81'276.1

А. П. Загнітко

Я-СУБ'ЄКТ ↔ Я-ОБ'ЄКТ У ЛІНІЙНО-ОБ'ЄКТИВНІЙ КОМУНІКАЦІЇ¹

Линейно-объективный статус говорящего в коммуникации может быть диагностирован 1) статусом говорящего в коммуникации; 2) коммуникативными интенциями говорящего; 3) соотносительностью внутренне сущего и внешне адаптированного в объективно-линейном пространстве; 4) функциональной нагрузкой адресанта в фатическом моделировании медийного пространства; 5) глубиной реализуемых субъективных смыслов в дискурсивных практиках и их результативных измерениях. Говорящий в коммуникации диагностирует множество: а) интенций распределения и перераспределения знаний; б) направленности информационных потоков; в) трансформации вербальной энергетики с определением ядерных и периферийных компонентов. Для говорящего существенной является коммуникативный потенциал сообщества, его загрузка социально-значимыми ценностями, заинтересованностью. В линейно-объективной коммуникации Я-субъект и Я-объект могут выступать в своей целостности, дистанцироваться по линейной шкале. В медийном пространстве внутренне сущее *Я* и внешне адаптированное *Я* отличны в интерпретации познаваемого и в актуализации освещаемого.

Ключевые слова: Я-субъект, Я-объект, прямая коммуникативная стратегия, косвенная коммуникативная стратегия, дискурсивная практика.

Сучасне тлумачення комунікації передбачає її розгляд як: «1) одного з модусів існування явищ мови (поряд з мовою і мовленням); 2) мовленевого спілкування, використання мови для спілкування та обміну інформацією, що забезпечує тяглість та унормоване життя соціуму, задоволення психофізіологічної потреби людини в контакті з іншими особистостями; смисловий та ідеально-змістовний аспект соціальної взаємодії, спілкування; передавання від однієї особи іншій якогось повідомлення з певною метою. Спілкування здійснюється внаслідок комунікативної діяльності двох або кількох осіб у певній ситуації за наявності спільного засобу спілкування; 3) операції з інформацією у спілкуванні; 4) складника спілкування поряд з перцепцією та інтеракцією <..>; 5) як складник

---

¹ Дослідження виконано в межах фундаментального наукового проекту «Об'єктивна і суб'єктивна мовносоціумна граматики: комунікативно-когнітивний та прагматико-лінгвокомп'ютерний виміри» (0118U003137).

суспільного процесу, що виражає корпоративно-групові норми, здійснює громадський контроль, розподіляє ролі, досягає координації зусиль; взаємодія (інтерація, від англ. *interaction* – взаємодія); сприймання людиною людиною (перцепція, від лат. *perceptio* – сприймання)» [1, с. 72].

Поняття ‘комунікації’ має широке й вузьке розуміння. За першого під комунікацією розуміють «спілкування, опосередковане використання мовних (вербальних) і немовних (невербальних) знаків» [1, с. 72], а також «спілкування особистостей за допомогою мовних і паралінгвальних засобів для передавання інформації» і сам «процес інформаційного обміну між адресантом й адресантом у різних їхніх динамічно змінних ролях» [1, с. 73]. Поняття комунікації охоплює: трансмісію (трансляцію, передавання) інформації, ідей, емоцій, умінь, що передбачає порозуміння і вплив на людей через знаки й символи, об’єднання адресанта й адресата через мову й інші знакові системи, взаємодію комунікантів через символи та ін.

Сьогодні комунікацію вилучають і в психології, і в соціології, і у філософії, і в психолінгвістиці, і в лінгвокультурології та в низці інших наук. Комунікацію можна класифікувати за різними ознаками, з-поміж яких значущими постають: 1) функційне навантаження знакових систем у реалізації комунікації: вербальна й невербальна; 2) особливості навантаження в національному контексті: одно-, дво-, трьох- і багатомовна, а також: одно- й міжмовна; 3) специфіка впливу на адресата: аксіальна, афективно-оцінна; 4) використання різних ресурсів: пряма й опосередкована; 5) соціально-статусні ролі: горизонтальна й вертикальна; 6) ступінь відкритості між комунікантами: відкрита й прихована, вимушена й активно контактна; 7) напрям передавання інформації: висхідна й низхідна (спадна); 8) тип використаних засобів: друкована, письмова й усна; 9) спрямування: внутрішня й зовнішня, інтра- й інтерперсональна, діадична; 10) форма активності: ініціативна, активна й пасивна; 11) наповнення змістом: інформативна, спустошена; 12) охоплення комунікантів: індивідуальна, корпоративна й масова, публічна; 13) часове наповнення: коротко-, середньо- й довготривала і / чи тривала й нетривала; 14) культурний простір: моно- й міжкультурна; 15) рівень досягнення результативності: успішна й неуспішна; 16) форма прогнозування: спонтанна й модельована, організована й стихійна; 17) дискурс і дискурсивні практики: інституційна (наукова, педагогічна, політична, дипломатична, військова, релігійна, ритуальна та ін.) й побутова; 18) ступінь відкритості: офіційна й неофіційна; 19) кратність і / чи періодичність : одно- й багаторазова, періодична й разова, постійна й нерегулярна; 20) спрямування інформації: Ostenсивно-інференційна й екстенсивно-інференційна; 21) рівень аргументування: переконувальна й безаргументна; 22) елемент

емоційності, розважальності: інформаційно-нейтральна, рекреативна й креативна; 23) ступінь узагальнення адресата: конкретно-адресна й ретинальна (надперсональна) та ін. (див. детальніше [1, с. 77–80]). Аналізована класифікація комунікації не може бути вичерпною, оскільки не врахована її розгляд у межах інших наук (соціології, психології, філософії та ін., не кажучи уже про особливий розділ мовознавства – комунікативну лінгвістику, сьогодні ж активно заявляє про становлення й комунікативістика), не простежено її особливості в різних дискурсивних вимірах та ін. Для розгляду істотним постає студіювання комунікації в лінійно-горизонтальному та вертикально-статусному вимірах. Останній ґрунтований на інституційно унормованих практиках вертикальності з передбаченням обов'язкового й регулярного виконання (накази, розпорядження, вказівки, рекомендації та ін.).

Вертикально-статусна комунікація внутрішньо диференційована на декілька різновидів за ознаками: а) масовості: індивідуальна і / чи групова (керівний підрозділ → підлеглий підрозділ); б) напрямку: згори → донизу (спадна) і / чи низу → догори (висхідна); в) каналу: електронні, паперові та інші ресурси. Перший (лінійно-горизонтальний) вимір наявний у комунікації з рівномірною участю усіх учасників, візуалізацією контакту, його координацією. Інколи в межах лінійно-горизонтальної комунікації розглядають і спілкування зразка керівник → підлеглий і / чи керівник ← підлеглий (статусна вертикальність та регулярна інституційність), що формально є вертикально-статусними, а змістово – лінійна горизонтальність, оскільки саме за дотримання відповідних чинників лінійності можлива успішна комунікація. Не менш істотним є динаміка комунікативних вимірів, що зумовлює взаємопроникнення вертикальності й горизонтальності, постання синкретичних форм. Функційно навантаженим є застосування методу канбан із відповідними прийомами техніками, практиками на кшталт візуалізації, керування потоком, інтенсифікація форм зворотного зв'язку, шкалювання ймовірності, моделювання консенсусу та ін. Сучасні технології передбачають активізацію лінійно-горизонтальної комунікації, особливо в ситуаціях створення активно силового поля довіри: менеджер ↔ найманий працівник (діалогова), хедхантер ↔ кандидат (хедхантинг; інтерв'ювання) і под.

Лінійно-горизонтальна комунікація передбачає відкритість, довіру, співробітництво та орієнтування на постійне покращення, що в сукупності сприяє формуванню сильних матриць (команд) із взаєморозумінням. У лінійно-горизонтальній комунікації основними цінностями постають відповідальність та психологічна довіра. Розглядаючи, наприклад, політичну комунікацію, зокрема наголошують, що її горизонтальний вимір –

це відносини між політиками й засобами масової інформації, а у вертикальному – взаємодія між суб'єктами політичної комунікації та взаємодія політичної еліти з громадянами [2, с. 6]. Сформований трикутник (політичні діячі → засоби масової комунікації → цільова аудиторія) є визначальним в організації й ефективності політичної комунікації, одним із завдань якої постає трансляція політичної культури. Ефективність такої трансляції залежить від компетентнісних властивостей політика: (1) *«Моя ідея полягає в тому, щоб через зміни в законах надати право залучати на державну службу іноземців включно аж до членства в Уряді»* (П. Порошенко) цит. за [3, с. 97] і (2) *«Але запланована мною і підтримана вами децентралізація влади дасть вражаючі можливості враховувати місцеву специфіку. В тому числі і в питаннях віри, історичної пам'яті, мови, релігії, етнічних традицій та вираження інакшості. Ми до всіх цих проявів повинні ставитися з повагою»* (П. Порошенко) цит. за [3, с. 102], де культура аргументування (через зміни в законах надати право; включно аж до членства в Уряді), персуазії – переконання з опертям на регіональні й загальнонаціональні цінності (дасть вражаючі можливості враховувати місцеву специфіку), актуалізації опозицій «свій ↔ чужий (інакший)» (іноземців, вираження інакшості), «центр ↔ периферія» (децентралізація влади, враховувати місцеву специфіку) законності. Я-суб'єкт позиціонує себе як цілісність з адресатом, маніпулятивно активізуючи контакт через визначення спільних зацікавлень, цінностей ((2) *запланована мною → підтримана вами = Ми до всіх цих проявів повинні ставитися з повагою*).

Лінійно-об'єктивний статус мовця в комунікації діагностований статусом самого мовця в комунікації – його статусом політичного лідера в суспільстві ((1), (2)), що й мотивує відповідні комунікативні інтенції мовця – конкретна мета висловлення: переконання ((1) *змінити закони → надати право залучати на державну службу іноземців → іноземці в Уряді*), аргументування ((2) *децентралізація влади дасть вражаючі можливості → враховувати місцеву специфіку → до всіх цих проявів повинні ставитися з повагою*) та ін. Оскільки займенник 'ми' має розмиту семантичну структуру (пор. думки В. Виноградова [4, с. 330], В. Євтюхіна [5, с. 290], Б. Нормана [6, с. 217–234; 7, с. 142–151]), хоча в його структурі наявне 'я', хоча «зміна в «кількісній співвідносності» 'я' й 'не я' завжди відчутні для адресата, особливо якщо 'я' в 'ми' відсутнє» [8, с. 79]. Займенник 'я' та його вживання відбиває ступінь соціалізації індивіда (за К. Бюлером, пор. також [9, с. 143–148]). Через об'єднання себе з тими чи тими третіми особами – об'єктами мовець вдається до відповідного маніпулювання ((2) *Ми до всіх цих проявів повинні ставитися з повагою*), акцентуючи на спільній відповідальності планованого. Безперечно,

що в аналізованому контексті ‘ми’ мало б реалізувати значення скромності й дипломатичну функцію, але в цьому разі ‘ми’ оратора + ‘ви’ – адресати формує ефект наближення, спільності зацікавлення, ситуативно мотивує взаєморозуміння поставленої мети та кроків її досягнення. Подібного зразка вживання ‘ми’ постає ідеологічним як інструмент мовленнєвого впливу, щоб адресат долучився до тих державницьких кроків, які пов’язані із перспективою розбудови, творення нового, такого, що сприймається як позитивне, відповідне актуальним завданням часу. Тим самим адресата заохочувано долучитися, приєднатися, стати повноцінним учасником процесу.

Вживаючи ‘ми’ замість інших займенників (‘я’ і под.) підмінює склад суб’єкта, а через маніпулювання адресатом прагне досягнути, щоб останній сприймав інтерпретоване так, як його розуміє та подає адресант. Займенник ‘ми’ має високий ступінь маніпулювання, що пов’язано із нерозмежуванням у множині Я-суб’єкта та Я-об’єкта.

Цікавим є перехід від лінійно-горизонтального Я-суб’єкта до ідеологічно маркованого ‘ми’: (3) *«Щойно я провів телефонну розмову з Президентом Ірану Хасаном Рухані. <...> Зараз я хочу й наразі можу детально, покроково розповісти про всі дії української влади. <...> Ми відправили до Тегерана найкращих фахівців нашої країни з великим досвідом експертиз. <...> Я провів робочі консультації з нашими міжнародними партнерами – прем’єр-міністрами Канади, Швеції, Великої Британії, президентами Ірану та Афганістану. <...> Ми працювали системно, без істерик заради одного – досягнення результату, а саме – з’ясування правди щодо обставин авіакатастрофи»* (В. Зеленський), де егоцентризм суб’єкта постає домінуючим у дискурсі. Перехід до ‘ми’ ((3) я провів → я хочу) виокремлює зону відповідальності, в якій адресат відмежований ((3) → ми відправили) і відсторонений, тому логічним є домінування ідеологічно концентрованого ‘я’ (*Я провів*) для зосередження уваги на власних діях адресанта, їхній значущості ((3) *Я хочу високо відзначити роботу українських експертів в Ірані* (В. Зеленський), тому залучення інших учасників ‘я’ + ‘вони’ третьої особи є епізодичним, фігуральним ((3) *Ми працювали системно*)). Маніпулятивність може посилюватися через заміну ‘ми’, в якому конкретному адресантові належить окрема відповідна роль, на ‘я’ ((3) *Я поверну всіх загиблих близьким і рідним, вони зможуть з ними попрощатися по-людськи. Ми гідно шануємо їхню пам’ять*) (В. Зеленський)). Застосована персуазія орієнтована на вивещення Я-індивідуального, в якому Его є вершинним.

Студіювання Я-суб’єкта та Я-об’єкта в лінійно-горизонтальній комунікації передбачає врахування того, що «Особистість постає єдиною реа-

льністю, що мотивує необхідність розмежування індивіда й особистості. ... Особистості в персоналістському тлумаченні властива єдність трьох характеристик: екстеріоризації, інтеріоризації та трансценденції. Екстеріоризація виявлювана в реалізації особистості назовні, інтеріоризація – як внутрішнє її зосередження, власний духовний світ. Перебуваючи в активній взаємодії та трансцендентному русі, вони зорієнтовані на вищі цінності – істину, красу, благо» [10, с. 151–152]. Тому Я-суб'єкт – це завжди інтеріоризація: (4) *Тільки тепер я задумуюся над тим, які тортури переживав тоді Линько, у нашій кімнаті над шахівницею, хапаючись тремтливими руками за горлянку, розриваючи на собі верхні гудзики сорочки* (А. Дністровий), оскільки вмонтування, вrostання цінностей (*задумуюся над* → *переживаннями Линька) постає психологічно мотивованим і внутрішньо усвідомленим. Екстеріоризація ж виявлювана і через Я-суб'єкта, і через Я-об'єкта. Здебільшого Я-об'єкт домінує в силу відсторонення від власного 'я' через осмислення пізнаного й усвідомленого, кваліфікацію власних учинків із використанням загальної шкали соціальних суджень: (5) (Сірко:) *Скільки літ судить інших... А чи правильно судить? І хто виважить твої власні гріхи? Осуджував себе за них? Либонь...* (Ю. Мушкетик).

Диференціювання Я-суб'єкта та Я-об'єкта в комунікації цілком мотивовано зреалізувати лише аналітично, в чомусь подібним до диференціювання спостерігача й оповідача, відображеним у категорійній семантиці доканованого й недоканованого видів дієслова [10, с. 251–259].

Для розкриття статусу Я-суб'єкта необхідним постає дослідження функційного навантаження адресанта у фатичному моделюванні медійного простору. Для низки інституційних дискурсів, зокрема політичного, характерним є вершинний статус Я-суб'єкта, який послідовно реалізує різноманітні комунікативні стратегії й тактики для досягнення експлікованої і / чи імплікованої мети.

Існує чотири компоненти структури дискурсу: середовище, соціальний суб'єкт, зміст і текст з його специфікою дібраних мовних засобів [11, с. 63]. Середовище дискурсу визначає особливості його внутрішніх інтенцій, функційного наповнення загального процесу реалізації дискурсу та його окремих складників. У середовищі повноцінним постає соціальний суб'єкт, що повноцінно виявляє себе у відповідному статусі. Соціальний суб'єкт і середовище дискурсу дають змогу розглядати його в суспільно-культурному (середовище) і в особистісно-психологічному (соціальний суб'єкт). За особливостями середовища дискурсу диференційовані на інституційні й побутові, а в межах, наприклад, інституційного вирізняють політичний, педагогічний, релігійний та ін. Зміст і текст

дискурсу мотивовані й визначувані чинниками комунікації. Змістова природа дискурсу ґрунтована на ініціальних, серединних та фінальних компонентах, де ініціальні співвідносні з квантуванням ситуації та мотивом ситуації, фатичним спрямуванням спілкування. Постанннн дискурсу, його розгортання пов'язані з актуалізацією контактовстановлення. Експлікація дискурсу здебільшого мотивована Я-суб'єктом у лінійно-горизонтальній комунікації: ((6) *«Власне кажучи, розпочати я би хотіла з того, що в січні 2009 року по розв'язанні, так званої, “газової кризи”, яку створили саме ті люди, які дуже тісно співпрацювали з корупційними структурами, я, як на ту хвилину прем'єр-міністра, хочу чітко заявити, що в той час я діяла законно, логічно, ефективно, державницьки. Я не торгувала землею під Чорноморський флот, я не торгувала газотранспортною системою, Енергоатомом, Укртелекомом, я не здала жодної п'яді української землі і жодної гривні державної власності не було поставлено під удар. <..> У моїй справі спочатку був написаний вирок Печерського районного суду в адміністрації Президента, потім було порушено КС <..>. Вирок написаний до порушення КС. Тому що президент країни вважає мене небезпечним політичним конкурентом, і правильно вважає, він правильно визначився, я не буду спростовувати. Я хочу сказати, що я своїм життєвим завданням бачу побудову в Україні правового, демократичного, морального суспільства, що несумісна з олігархією, яка сьогодні діє в країні, і з ключовим керівником олігархії, яким є сьогодні Янукович»* (Ю. Тимошенко). Ініціальний компонент пов'язаний із позитивною самопрезентацією суб'єкта, що й зумовлює активний вияв Я-об'єкта. Оцінність здійснюваного подавано з позицій спостерігача ((6) *розпочати я би хотіла: я не торгувала → я не торгувала → я не здала жодної п'яді української землі*). Відносно серединний компонент ((6) *У моїй справі спочатку був написаний вирок Печерського районного суду в адміністрації президента*) актуалізує зовнішнє спостереження-арґументування. Фінальний компонент ((6) *Ми зараз знаходимося на межі, або ми дамо цій Владі розростися, укорінитися, пустити свої гілки і листи в Україні, і по-суті зробити авторитаризм, повітрям яким ми дихаємо, це зараз вони намагаються це зробити, або ми здатні будемо з Вами підрізати це коріння* (Ю. Тимошенко)) передає трансформацію 'я → ми', де ексклюзивне 'ми' агенса посилюване розширенням його ідеологічного (партійного) відтінку на ті опозитивні сили, які й виражають позитивний статус протистояння відповідній владі через альтернацію, збереження природного розвитку ((6) *або ми дамо цій Владі розростися ↔ або ми здатні будемо з Вами підрізати це*

коріння). Предикат із семантикою настанови, віри й переконання ((6) *здатні будемо підрізати*) разом із аналітичним агенсом (*ми з Вами*) актуалізує значення спільних дій.

Мовець у комунікації діагностує множини інтенцій розподілу й перерозподілу знань, спрямованість трансформації вербальної енергетики з визначенням ядерних і периферійних компонентів. Для мовця істотною є комунікативна спроможність спільноти, її завантаження соціально-значущими цінностями, зацікавленнями, уміння зрозуміти й відчутти, діагностувати глибину смислів (пор. (1), (2), (6)), перетворювати у власні цінності ((3)), диференціювати прямі й обернені комунікативні стратегії й тактики – від аргументування, інформування до маніпулювання.

Істинною сутністю людської екзистенційності є діалогійність, що виявлювана в постійному комунікативному русі особи. За твердженням К. Кастанеди, «Ми безперервно розмовляємо з собою про наш світ. Фактично, ми створюємо наш світ своїм внутрішнім діалогом. Коли ми перестаємо розмовляти з собою, світ стає таким, яким він має бути. Ми оновлюємо його, ми наділяємо його життям, ми підтримуємо його своїм внутрішнім діалогом. І не тільки це. Ми також вибираємо свої шляхи відповідно до того, що ми говоримо собі. Так ми повторюємо той самий вибір ще й ще, до тих пір, поки не помремо. Тому що ми продовжуємо той самий внутрішній діалог. Воїн усвідомлює це і прагне припинити свій внутрішній діалог» [12, с. 79]. Моно- / чи полілінгвоперсона – це сукупність усіх зреалізованих дискурсивних практик, відбитих та акумульованих у текстах, прочитання яких можливе за умови врахування текстуралітету (множини культурно-історичних, соціально-комунікативних та естетично-ціннісних чиників).

У лінійно-об'єктивній комунікації Я-суб'єкт і Я-об'єкт можуть поставати у своїй цілісності, дистанціюватися: *Я йшов до центру міста по проспекту Пасео де ла Реформа. Я втомився* [12, с. 32–34] – Я-суб'єкт ↔ <...> до цього була причетна значна висота над рівнем моря, на якій розташовувалося Мехіко (К. Кастанеда) – Я-об'єкт (діагностування каузатора). У медійному просторі внутрішньо сутнісне Я й зовнішньо адаптоване Я відмінні і в інтерпретації пізнаного, і в наголошенні висвітлюваного: *Земля для українця – це сакральна величина, і дуже спрощено чи й бездумно до її продажу не можна підходити* (К. Мотрич). На фатичне моделювання зорінтоване внутрішньо сутнісне Я й зовнішньо адаптоване Я, функційно більший діапазон притаманний для останнього Я. В об'єктивно-лінійній комунікації реалізації заявленого статусу Я підпорядковані внутрішня структура дискурсивної практики з особливим статусом експресивізації мовлення, завоювання симпатії адресата:

У Румунії жартують, що Лаура Ковеші п'є кров корупціонерів на сніданок замість кави, а видання The Guardian назвало її «тихою, скромною прокуроркою, яка знімає скальпи» («Європейська правда», 2019.26.12).

Функційна значущість і функційне навантаження Я-суб'єкта та Я-об'єкта в лінійно-горизонтальній комунікації мотивована мовносоціумними чинниками (статусності, соціальності, гендерності та ін.), дискурсивними практиками (інституційна, побітова; пряма і / чи опосередкована) й комунікативними стратегіями (пониження, підвищення, театральності, а також вуалювання, приховування, містифікації, деперсоналізації та ін.) й тактиками (звинувачення, образи, компромісу і под.). Перспективним постає повноцінне обстеження декількох різновидів, наприклад, інституційного дискурсу (політичного, релігійного, військового та ін.) для встановлення адекватного розсіювання 'я' в дискурсивних практиках, з'ясування повноцінних виявів Я-суб'єкта та Я-об'єкта.

Список літератури

1. Загнітко, А. Словник сучасної лінгвістики : поняття і терміни : в 4 т. / А. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2012. – Т. 2. – 350 с.
2. Brants, K. Political Communication in Postmodern Democracy. Challenging the Primacy of Politics / K. Brants, K. Voltmer. – London : Palgrave Macmillan, 2011. – 284 p.
3. Харитонов, Д. Д. Український політичний дискурс: когнітивно-семантичні та прагмакомунікативні виміри : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Д. Д. Харитонов. – Київ, 2019. – 212 с.
4. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1947. – 784с.
5. Морфология современного русского языка : учеб. для высш. учеб. заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев [и др.]. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
6. Норман, Б. Ю. Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // Russian linguistics. – 2002. – Vol. 26. – № 2. – С. 217–234.
7. Норман, Б. Ю. Грамматическое лицо в идеологической рекламе / Б. Ю. Норман // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 1. – С. 142–151.
8. Маркасова, Е. В. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) / Е. В. Маркасова, Вэньцзюань Тянь // Жанры речи. – 2016. – № 2. – С. 79–86.
9. Карамова, А. А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 143–148.
10. Загнітко, А. Мовний простір граматики / А. Загнітко. – Вінниця : Тов. «Твори», 2018. – 447 с.
11. Манаенко, Г. Н. Предикация, предикативность и пропозиция в аспекте «информационного» осложнения предложения / Г. Н. Манаенко // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 59–68.
12. Кастанеда, К. Колесо часу / К. Кастанеда. – Харків : Книжковий клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2019. – 256 с.

Список джерел

Дністровий, А. Дрозофіла над томом Канта / А. Дністровий. – Львів : Піраміда, 2010. – 148 с.

Зеленський, В. Звернення Президента України щодо ситуації зі збиттям літака МАУ в Терегані / В. Зеленський // Президент України Володимир Зеленський [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.president.gov.ua/news/zvernennya-prezidenta-ukrayini-shodo-situaciyi-zi-zbittyam-l-59253>. – Дата доступу: 12.01.2020.

Повний виступ Юлії Тимошенко в дебатах на суді // Українська правда [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.pravda.com.ua/articles/2011/10/3/6635894/>. – Дата доступу: 23.12.2019.

Прокурорка Європи: хто очолює боротьбу з корупцією в ЄС // Європейська правда. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.eurointegration.com.ua/articles/2019/12/26/7104480>. – Дата доступу: 23.12.2019.

Zagnitko Anatolii

Vasyl' Stus Donetsk National University

e-mail: a.zagnitko@gmail.com

**SELF-SUBJECT ↔ SELF-OBJECT
IN LINEAR-OBJECTIVE COMMUNICATION**

The linear objective status of the speaker in communication is defined by: 1) the status of the speaker in communication; 2) the communicative intentions of the speaker; 3) the correlation of internally existing and externally adapted in the objectively linear space; 4) the functional load of the addressee in the phatic modeling of media space; 5) the depth of the implemented subjective meanings in discursive practices and their effective measurements. The speaker in communication finds out the following: a) intentions of the distribution and redistribution of knowledge; b) direction of information flows; c) transformation of verbal energy with the definition of core and peripheral components. The communicative potential of the community, its load with socially significant values and interest are essential for the speaker. In linear objective communication, Self-subject and Self-object can act in their entirety, distance themselves on a linear scale. In the media space, internally existing Self and externally adapted Self differ in the interpretation of the knowable and in the actualization of the covered.

Keywords: Self-subject, Self-object, direct communicative strategy, indirect communicative strategy, discursive practice.

УДК 811.162.1'27:811.162.1'38

R. Zimny

**MIEJSCE PROSTEJ POLSZCZYNY
W SYSTEMIE KULTURY JĘZYKA POLSKIEGO**

Движение «простого польского языка», понимаемого как желательный стандарт в общении между государством и гражданином, развивается в Польше с 2010 г. Оно включает в себя как исследование этого стандарта связи, так и активное продвижение и внедрение

ние в отдельных офисах. Статья посвящена трем основным вопросам: 1) описание ресурсов «простого польского» и обсуждение существующих инструментов ИТ для измерения степени сложности текста; 2) социальные функции «простого языка»: повышение эффективности общения между государством и гражданином, предотвращение коммуникационного исключения, улучшение отношений между государством и гражданином, функционирование стандарта в официальном общении в Польше; 3) нормативное позиционирование «простого польского» на фоне польской прескриптивистской традиции.

Ключевые слова: простой язык, прескриптивизм, стилистика, прагматика, этика языкового общения.

Współczesny polski model kultury języka można opisać jako trójczłonowy. Zawiera on w kolejności wstępującej następujące komponenty podlegające kodyfikacji lub uzualnej regulacji: **1) poziom ortoepiczny** (czyli kultura języka w znaczeniu normatywnym) – najdawniej skodyfikowany, dość sztywny, bardzo szczegółowy i rozległy, obejmujący swoim zasięgiem przede wszystkim jednostki języka – od głosek do zdań; **2) poziom skuteczności pragmatycznej wypowiedzi** – uregulowany luźno, oparty na kilku normatywach komunikacyjnych wywiedzionych z teorii maksym konwersacyjnych Grice’a [1], uzupełnionych przez Leecha [2, s. 75–151], odnoszący się do illokucyjnych właściwości aktów mowy; **3) poziom etyki słowa** [termin za: 3, s. 35–45] (inaczej: moralności komunikacyjnej [termin za: 4, s. 56]) – uregulowany tylko postulatywnie w postaci zasady szanowania godności ludzkiej partnera kontaktu językowego, związany zasadniczo z kontekstem aktu komunikacji [zob. więcej o etyce słowa w: 5].

Przedstawiona wyżej kolejność poszczególnych poziomów jest także kolejnością chronologiczną, a nawet w swoisty sposób wartościującą, co wynika wprost z chronologii. Poniżej krótko odnoszę się do tej tezy.

Kulturę języka utożsamianą z preskryptywnym podejściem poprawnościowym zaczęto w Polsce uprawiać już w XVIII w. (szkolne gramatyki O. Kopczyńskiego z lat 1778–1785), choć dopiero w latach międzywojennych (1918–1939) ukształtowała się jej względnie dojrzała postać (m.in. dzięki pracom S. Szobera, które wieńczy pierwszy w Polsce *Słownik ortoepiczny* jego autorstwa z roku 1937 [6]). Podejście to kontynuowano w latach powojennych, przy czym mniej więcej od roku 1970 działania kulturalnojęzykowe oparto już na podstawach teoretycznych (strukturalizm), czego efektem jest klasyczny przez lata w polskiej dydaktyce polonistycznej tzw. podręcznik trzech autorek [7; 8] wraz ze *Słownikiem poprawnej polszczyzny* pod red. W. Doroszewskiego i H. Kurkowskiej [9]. Na przełomie wieku XX i XXI wydano nowe podręczniki i nowy słownik ortoepiczny [10; 11; 12; 13], uwzględniające dynamiczne zmiany, które zaszły w polszczyźnie w ostatnich dekadach XX w., ale opracowania te bazują wciąż na wypracowanym jeszcze w Polsce międzywojennej modelu

kultury języka utożsamianej z poprawnością (wywiedzioną z retorycznego konceptu *latinitas*) jako wartością najistotniejszą. W wyniku uprzywilejowania tego podejścia w polskiej działalności kulturalnojęzykowej ostatnich stu lat poprawność językową uważa się powszechnie w Polsce do dziś za główną treść ogólnospołecznej wiedzy o języku, która ma być nauczana w szkołach i propagowana poprzez media.

Otwarcie się Polski na świat zachodniej (głównie anglosaskiej) myśli językoznawczej i filozoficznojęzykowej, co zaczęło następować w latach 80. XX w. [14], przyniosło m.in. adaptację teorii Grice'a, a potem Leecha. W efekcie tych procesów w polskim językoznawstwie nastąpił wyraźny zwrot pragmatyngwistyczny, któremu nie towarzyszyło jednak powstanie żadnych kanonicznych podręcznikowych dzieł włączających refleksję o skuteczności komunikacyjnej w obręb wciąż tradycyjnie (tj. ortoepicznie) rozumianej kultury języka.

Po przełomie roku 1989 pojawiła się w polskiej myśli preskryptywistycznej perspektywa aksjolingwistyczna. Pionierką tego podejścia jest J. Puzynina [15], której rozliczne prace wyznaczają horyzont współczesnej polskiej refleksji nad «właściwym użyciem języka» (taki termin proponuje badaczka) [4]. Pojęcie to, o ile można sądzić, dotyczy demokratycznego etosu języka debaty publicznej, tj. uprawnienia wszystkich jej podmiotów do zabrania głosu, ale przy zachowaniu bazowych standardów etycznych. Dysponujemy już w Polsce podręcznikiem etyki słowa autorstwa A. Cegięły [5], który jest obecnie najpełniejszym źródłem normatywnej wiedzy o tej problematyce.

W świetle tych elementarnych z konieczności informacji można – jak sądzę – uznać, że językoznawstwo preskryptywne w Polsce pierwszych dekad XXI w. objęło swoim zasięgiem także obszary tradycyjnie pomijane w refleksji normatywistycznej, tj. pragmatyczną skuteczność aktu mowy oraz jego etyczny status (wraz z zasadami polskiej etykiety językowej opisanymi przez K. Ożoga [16] i M. Marcjanik [17]). Model taki – abstrahując od stopnia jego przyswojenia przez polską wspólnotę językową – prezentować się może jako optymalny, gdyż chroni tożsamość i historię polszczyzny, dostarcza wskazówek, jak jej skutecznie używać, a także kreśli rys powinności etycznych nadawców i odbiorców tekstów polskich. Można go streścić w zaleceniu: «Mów poprawnie, skutecznie i z szacunkiem dla odbiorcy». O ile dwa pierwsze postulaty znalazły zrozumienie wśród ogółu mówiących po polsku (pierwszy jeszcze w XIX w., drugi – po 1989 r.), o tyle postulat etyczności komunikacji jest w życiu społecznym w Polsce wciąż ignorowany (np. przez instytucje państwa, które komunikują się z obywatelami językiem mocno sformalizowanym i skażonym

kancelaryjnością) lub rozumiany partykularnie (np. przez podmioty polityczne sprawujące władzę lub ubiegające się o nią, które bez skrępowania posługują się w swojej działalności językiem wykluczenia, czasem także pogardy lub wręcz nienawiści).

Polski model komunikacji urzędowej w jej wersji kancelaryjnej opiera się historycznie na wzorcach zapożyczonych od zaborców, tj. odziedziczonych z kultury urzędowej pruskiej czy rosyjskiej. Na terenach objętych tymi dwoma zaborami w XIX w. – a więc wtedy, gdy w Europie Zachodniej rodziły się nowoczesne państwa z nowoczesną administracją, która wykształciła z czasem partnerski etos kontaktu państwa z obywatelem – z urzędów wyparto język polski, co spowodowało, że kancelaryjne wysłowienie pruskie czy rosyjskie przeniknęło także do polszczyzny i pozostaje w niej obecne i żywotne do dziś, zarówno pod postacią licznych zapożyczeń leksykalnych czy kalk składniowych, jak i w odniesieniu do asymetrycznego układu ról obu kontaktujących się stron (przewaga urzędnika, a więc i państwa, nad obywatelem). Z kolei w Galicji, tj. w zaborze austriackim, polszczyzna była w urzędach w XIX w. językiem legalnym, co wpłynęło w znacznym stopniu na wykształcenie się odmiany prawno-administracyjnej w polskim modelu komunikacji urzędowej (zwłaszcza w zakresie terminologii), przejętej potem z całym jej zapleczem leksykalno-gramatycznym przez niepodległe państwo polskie i dominującej – mimo wprowadzanych modyfikacji – aż do czasów współczesnych. Nakreślone szkieletowo wyżej uwarunkowania unicestwiły język i kulturę prawną I Rzeczypospolitej oraz uniemożliwiły wykształcenie się nowego, specyficznego tylko dla polszczyzny, modelu. To dziedzictwo, oparte na hierarchiczności, bezosobowości (wyrażającej nieufność urzędnika do obywatela i wynikający z niej dystans) i standaryzacji [18] jest wciąż silnie zakorzenione w komunikowaniu się polskich instytucji państwowych z obywatelami oraz w mentalności urzędników.

Nie oznacza to wszak, że polski model komunikacji urzędowej nie podlegał przemianom w ciągu ostatnich 100 lat – E. Malinowska [19] wskazuje na kilka czynników przyczyniających się do przekształceń w obrębie tej sfery komunikacji (głównie w obszarze genologii): zmiany ideologiczno-polityczne po 1945 r., zmiany ekonomiczne po 1989 r. oraz internacjonalizacja języka administracyjnego po 2004 r. (tj. po akcesji Polski do Unii Europejskiej). Mimo tych zmian praktyka komunikacyjna polskich urzędów w kontakcie z obywatelem zachowała wiele z dawnego pruskiego i austriackiego ducha.

I na tym tle dekadę temu (w roku 2010) rozwinął się w Polsce ruch prostej polszczyzny [20; 21; 22], inspirowany z jednej strony wynikami badań nad zrozumiałością tekstu, prowadzonymi w USA od lat 20. XX w., a w Polsce – za

sprawą Walerego Pisarka i kierowanego przezeń krakowskiego Ośrodka Badań Prasoznawczych – od lat 60. XX w. [23; 24; 25, s. 28–37], a z drugiej – troską o jakość komunikowania się państwa i jego urzędów z obywatelami, zwłaszcza po przystąpieniu Polski do Unii Europejskiej, co oznaczało konieczność zmierzenia się Polaków i polskich urzędów ze swoistą hermetycznością «eurojęzyka» (czy też – może lepiej – języka unijnych instytucji).

Niżej przedstawiam podstawowe informacje o tym, (1) czym jest idea prostego języka i czym się cechuje, (2) jakie są funkcje społeczne, które ma pełnić, oraz (3) jaki jest lingwistyczny status prostego języka i jego normatywne usytuowanie na tle polskiej tradycji preskrytywistycznej.

(1) Najprościej mówiąc, prosty język to jest taki styl pisania w języku naturalnym, który umożliwia przeciętnemu odbiorcy zrozumienie tekstu od razu przy pierwszej lekturze. Możliwe jest kontrolowanie tego sposobu komunikowania poprzez opracowanie i narzucenie precyzyjnych reguł organizacji wypowiedzi, co ma umożliwiać prezentowanie niemal dowolnej pisanej treści w formie tekstowo krótszej i przystępniejszej, niż gdyby została sformułowana przy użyciu środków niekontrolowanego języka naturalnego (tj. umożliwiającego wypowiedzi zbyt długie, zbyt złożone, wieloznaczne, redundantne lub takie, które w jakiś inny sposób mogą zakłócać odczytanie podstawowej treści komunikatu). Prostym językiem winien być stosowany tylko do wypowiedzi publicznych (zwłaszcza dotyczących spraw ważnych), adresowanych do ogółu odbiorców bez względu na ich wykształcenie, status społeczny czy kompetencje komunikacyjne. Idea prostego języka nie obejmuje więc swoim zasięgiem pisanych tekstów wysokospecjalistycznych, artystycznych, rytualnych ani wszelkich innych, które intencjonalnie mają pełnić dowolną inną funkcję niż otwarte informowanie potencjalnie każdego możliwego odbiorcy [zob. więcej o tym np. w: 26]. Prostym językiem można więc porównać do ogrodu francuskiego, troskliwie pielęgnowanego przez wyspecjalizowanych ogrodników, podczas gdy wszelkie inne przejawy spontanicznej pisanej produkcji tekstowej – regulowanej normatywnie – przypominałyby raczej ogród angielski – bez wątplenia także piękny, choć jednak taki, w którym ogrodnicy tylko pielęgnują rośliny, ale nie ingerują w to, gdzie mają rosnąć i jak wyglądać.

W ciągu ostatnich lat w Polsce rozwinęły się dwa modele upraszczania języka komunikacji urzędów i firm z obywatelem – «wrocławski», skupiony wokół T. Piekota i kierowanej przez niego Pracowni Prostej Polszczyzny na Uniwersytecie Wrocławskim [20; 21; 22; 26; 27; 28; www.ppp.uni.wroc.pl], oraz «warszawski», którego animatorem jest W. Gruszczyński [29; www.jasnopis.pl]. Szkoła wrocławska ze względu na swój sposób działania (zob. niżej) wysuwa się jednak na plan pierwszy.

Najważniejsze wyznaczniki prostego języka w modelu wrocławskim można ująć w czterech głównych grupach zagadnień dotyczących: 1) **treści merytorycznej** (np. unikanie wyrażen specjalistycznych w kontakcie z odbiorcą niespecialistycznym), 2) **struktury i wyglądu tekstu** (odpowiednia segmentacja informacji i ich wizualne rozplanowanie, świadomie zastosowane rozwiązania typograficzne), 3) **frazowania myśli** (podział tekstu na zdania nie dłuższe niż 15 wyrazów z jak najmniejszą liczbą wyrazów długich, tj. czterosylabowych i dłuższych), 4) **relacji nadawczo-odbiorczych** (preferowanie relacji H2H ‘human-to-human’ zamiast relacji B2B ‘business-to-business’ i B2C ‘business-to-customer’, uobecnianie w tekście podmiotu nadawczego i odbiorczego poprzez odpowiednie operowanie zaimkami osobowymi i formami adresatywnymi) [więcej o tym w: 27].

Warto tu wspomnieć o tym, że niektóre z ww. wyznaczników mają charakter obiektywny, tj. mierzalny. Należy do nich głównie parametr długości zdań i długości wyrazów wskazujący stopień skomplikowania frazowania myśli. Spośród wielu dostępnych metod obliczania wskaźnika trudności/zrozumiałości tekstu (formuły Flescha, Dale’a–Chall, Flescha–Kincaida, Gunninga, Coleman–Liau [25]) w Polsce najlepiej przyjął się indeks mglistości Gunninga, zwany «edukacyjnym», oparty na skorelowanym pomiarze długości zdań i wyrazów (tzw. indeks FOG). Równanie matematyczne służące obliczeniu wartości tego wskaźnika zostało tak skonstruowane, aby wynik stanowił liczbę lat edukacji potrzebną odbiorcy do zrozumienia czytanego tekstu «od razu» (dla przykładu – teksty elementarzy mają wskaźnik 3–4, a teksty aktów normatywnych – 22–23). Wyliczony w ten sposób parametr pozwala ocenić potencjał jakościowy przetwarzanej przez pamięć krótkotrwałą informacji – im dłuższe zdanie, tym wolniej będzie przyswajana jego treść, a im więcej długich wyrazów w tekście, tym temat tekstu będzie trudniejszy dla odbiorcy [30]. Badacze wrocławscy ponadto udostępnili w Internecie automatyczne narzędzie informatyczne pozwalające zmierzyć trudność dowolnego tekstu (dostępne pod adresem: www.logios.pl).

(2) Ruch prostego języka w Polsce nie powinien być obecnie postrzegany tylko jako inicjatywa lingwistyczna czy propozycja nowego paradygmatu badawczego. Jego inicjatorzy (głównie ośrodek wrocławski) stawiają sobie za zadanie zmianę modelu oficjalnej pisanej komunikacji państwa z obywatelem z hierarchiczno-bezosobowego (będącego dziedzictwem jeszcze XIX-wiecznym) na partnersko-osobowy (którego źródłem są współczesne zachodnie demokracje liberalne). Jest to więc ruch, który dąży do wywarcia trwałego wpływu na językową rzeczywistość w obszarze komunikacji państwa z obywatelem. Świadczą o tym liczne przedsięwzięcia podejmowane przez wrocławskich animatorów prostej polszczyzny we współpracy z różnymi

instytucjami, np. uproszczenie języka wniosku o wydanie dowodu osobistego czy dostosowanie do wymogów prostej polszczyzny korespondencji kierowanej do obywateli przez państwowy Zakład Usług Społecznych. Niezwykle ważnym krokiem upowszechnienia zasad prostego języka było także dostosowanie do tego standardu strony internetowej obywatel.gov.pl, będącej zintegrowaną platformą komunikacyjną rządu z obywatelem.

W szerszym wymiarze ruch prostej polszczyzny należy postrzegać jako dążenie do zmniejszania dystansu komunikacyjnego między państwem a obywatelem – państwo powinno się komunikować z obywatelem w sposób formalny, ale nie biurokratyczny, tj. respektujący obowiązujące normy prawne, ale z poszanowaniem nawet najniższych kompetencji komunikacyjnych odbiorców (skoro tylko około 21 % polskich obywateli ma wykształcenie wyższe, a 30 % – średnie). Prosta polszczyzna jest więc ideą, która w swoim zamyśle ma zwiększać zaufanie obywatela do państwa oraz przeciwdziałać komunikacyjnemu wykluczeniu najsłabszych pod tym względem obywateli. Państwo jest tu postrzegane jako instytucja usługowa wobec obywatela pojmowanego jako klient.

Miarodajną ilustracją obecnego stanu języka urzędowej komunikacji w Polsce jest oparty na metodzie Gunninga raport G. Zarzecznego i T. Piekota [30], na podstawie którego można sądzić, że niemal żaden urząd w Polsce nie bierze pod uwagę w swojej polityce komunikacyjnej aspektu zrozumiałości wytworzanych przez siebie tekstów, kierowanych do ogólnospołecznego audytorium.

Ruch prostego języka należy więc – na poziomie analizy socjolingwistycznej – postrzegać jako ideę progresywną, zmierzającą do reinterpretacji istniejących wzorców oficjalnej komunikacji urzędowej między państwem a obywatelem.

(3) Od strony *stricte* lingwistycznej prostą polszczyznę należy pojmować raczej jako «styl» lub «standard», a nie jako «odmianę» języka etnicznego, dlatego że może być ona zaprogramowana i kontrolowana przez jej «opiekunów», którymi winni być oprócz językoznawców także urzędnicy państwowi, a także – choć to założenie idealistyczne – przedstawiciele podmiotów komercyjnych, zawierających umowy z obywatelami i pozostających z nimi w komunikacyjnym kontakcie.

Polski model kultury języka dopiero w ostatnich 30 latach otworzył się na kwestie pozaprawnościowe, co ma zapewne związek z postępującą globalizacją oraz z niknącym zainteresowaniem Polaków tradycyjną normą opartą na wzorcach klasowych. Z tej perspektywy prosta polszczyzna wydaje się przyszłym standardem normatywnym w kontakcie państwa z obywatelem. Obowiązująca obecnie w Polsce norma ortoepiczna ma swoje umocowanie

zarówno w etosie narodowym («szanujemy to, co tylko nasze»), jak i klasowym («wyższe klasy mówią lepszym językiem niż niższe»). Prosta polszczyzna, adaptując do polskich warunków zachodni etos równościowy, jest projektem w najwyższym stopniu demokratycznym, tj. dążącym do zmniejszenia przewagi państwa w kontakcie komunikacyjnym z obywatelem.

Na tle zarysowanego wyżej modelu polskiej kultury języka zasady prostej polszczyzny należy wiązać zarówno z poziomem skuteczności komunikacyjnej, jak i z poziomem etyki słowa. Nie ulega bowiem wątpliwości, że prosty język, będący przejawem tzw. inżynierii językowej [28], staje się kodem pożądanym społecznie ze względu na to, że przyczynia się do zmniejszania nierówności, opłacalnym ekonomicznie, bo oszczędza czas i wysiłek nadawców i odbiorców pism urzędowych, oraz etycznie inkluzywnym, gdyż zapobiega wykluczeniu komunikacyjnemu słabiej wykształconych obywateli. Jest więc – przynajmniej w warunkach polskich – ideą ożywczą, zmieniającą tradycyjne rozumienie celu działań preskrytywistycznych (przesuwa akcent z dbałości o ortoeiczną «czystość» języka w przestrzeni publicznej na kwestię poszukiwania porozumienia i likwidowania barier je utrudniających).

Prosty język (*plain language*) jako standard bywa na świecie wdrażany na dwa sposoby – albo na drodze kampanii społecznych, które prowadzą do zwiększania się świadomości komunikacyjnej autorów tekstów publicznych (tak jest w Wielkiej Brytanii oraz Polsce), albo na drodze polityki językowej, co polega na stanowieniu odpowiednich aktów prawnych wymuszających na nadawcach tekstów publicznych jego stosowanie (tak jest np. w USA) [28]. Wydaje się, że w sytuacji hipertrofii informacyjnej XXI w. przyszłością preskrytywizmu nie będzie już ortoeopia, ale właśnie troska o maksymalizację rozumienia funkcjonujących w przestrzeni publicznej tekstów.

Spis literatury

1. Grice, H. P. Logika i konwersacja / H. P. Grice, przeł. J. Wajszczuk // Przegląd Humanistyczny. – 1977. – № 6. – S. 85–99 ; lub: Grice, H. P. Logika a konwersacja / H. P. Grice, przeł. B. Stanosz // Język w świetle nauki / Red. B. Stanosz. – Warszawa : Wydawnictwo Czytelnik, 1980. – S. 91–114.
2. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London and New York : Longman, 1983. – 250 s.
3. Puzynina, J. Etyka słowa / J. Puzynina, A. Pajdzińska // O zagrożeniach i bogactwie polszczyzny / Red. J. Miodek. – Wrocław : Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1996. – S. 35–45.
4. Markowski, A. Kultura języka / A. Markowski, J. Puzynina // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku : w 2 t. / Red. J. Bartmiński. – Wrocław : Wiedza o kulturze, 1993. – T. 2 : Współczesny język polski. – S. 53–72.

5. Cegiela, A. Słowa i ludzie. Wprowadzenie do etyki słowa / A. Cegiela. – Warszawa : Elipsa, 2014. – 218 s.
6. Sober, S. Słownik ortoepiczny. Jak mówić i pisać po polsku / S. Sober. – Warszawa : Wydawnictwo M. Arcta, 1937. – 662 s.
7. Buttler, D. Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności gramatycznej / D. Buttler, H. Kurkowska, H. Satkiewicz. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 480 s.
8. Buttler, D. Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności leksykalnej (Słownictwo rodzime) / D. Buttler, H. Kurkowska, H. Satkiewicz. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. – 464 s.
9. Słownik poprawnej polszczyzny PWN / Red. W. Doroszewski, H. Kurkowska. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. – 1056 s.
10. Markowski, A. Nowy słownik poprawnej polszczyzny // Red. A. Markowski. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – 1786 s.
11. Markowski, A. Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne / A. Markowski. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. – 294 s.
12. Karpowicz, T. Kultura języka polskiego. Wymowa, ortografia, interpunkcja / T. Karpowicz. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. – 198 s.
13. Jadacka, H. Kultura języka polskiego. Fleksja, słotwórstwo, składnia / H. Jadacka. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. – 254 s.
14. Zdunkiewicz, D. Pojęcie implikatury w językoznawstwie – przegląd najważniejszych stanowisk / D. Zdunkiewicz // *Poradnik Językowy*. – 1988. – № 9–10. – S. 627–645.
15. Puzynina, J. Język wartości / J. Puzynina. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. – 268 s.
16. Ożóg, K. Zwroty grzecznościowe współczesnej polszczyzny mówionej (na materiale języka mówionego mieszkańców Krakowa) / K. Ożóg // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze. Zeszyt 98*. – Kraków : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – 88 s.
17. Marcjanik, M. Polska grzeczność językowa / M. Marcjanik. – Kielce : Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. J. Kochanowskiego, 1997. – 285 s.
18. Wojtak, M. Styl urzędowy / M. Wojtak // *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Tom 2. Współczesny język polski* / Red. J. Bartmiński. – Wrocław : Wiedza o kulturze, 1993. – S. 147–162.
19. Malinowska, E. Styl administracyjny / E. Malinowska // *Język polski* / Red. S. Gajda. Seria Najnowsze dzieje języków słowiańskich. – Opole : Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2001. – S. 351–368.
20. Miodek, J. Jak pisać o Funduszach Europejskich? / J. Miodek, M. Maziarz, T. Piekot, M. Poprawa, G. Zarzeczny. – Warszawa : Ministerstwo Rozwoju Regionalnego, 2010. – 138 s.
21. I Kongres Języka Urzędowego : 30–31 października 2012 r. / Warszawa : Kancelaria Senatu, 2013. – 246 s.
22. Piekot, T. Ruch prostego języka – korzyści i zagrożenia (standard «plain language» jako język przyjazny obywatelom) / T. Piekot // *I Kongres Języka Urzędowego : 30–31 października 2012 r.* – Warszawa : Kancelaria Senatu, 2013. – S. 169–197.
23. Pisarek, W. Recepty na zrozumiałość wypowiedzi / W. Pisarek // *Zeszyty Prasoznawcze*. – 1966 – № 2–3. – S. 38–53.
24. Pisarek, W. Jak mierzyć zrozumiałość tekstu? / W. Pisarek // *Zeszyty Prasoznawcze*. – 1969 – № 4. – S. 35–48.
25. Charzyńska, E. Historia badań nad zrozumiałością tekstu / E. Charzyńska, Ł. Dębowski, W. Gruszczyński, M. Hadryan // *Jasnopis, czyli mierzenie zrozumiałości polskich tekstów użytkowych* / Red. W. Gruszczyński, M. Ogrodniczuk. – Warszawa : SWPS Uniwersytet Humanistycznospołeczny, 2015. – S. 11–37.

26. Piekot, T. Standard «plain language» w polskiej sferze publicznej // T. Piekot, G. Zarzeczny, E. Moroń // Lingwistyka kryminalistyczna. Teoria i praktyka / Red. M. Zaśko-Zielińska. – Wrocław : Quaestio, 2019. – S. 197–214.

27. Piekot, T. Prosta polszczyzna w praktyce. Standaryzacja języka serwisu Obywatel.gov.pl / T. Piekot, G. Zarzeczny, E. Moroń // Przyszłość polszczyzny – polszczyzna przyszłości / Red. K. Kłosińska, R. Zimny. – Warszawa : Narodowe Centrum Kultury, 2017. – S. 251–265.

28. Piekot, T. Styl «plain language» i przystępność języka publicznego jako nowy kierunek w polskiej polityce językowej / T. Piekot, M. Maziarz // Język a Kultura. – 2014. – Tom 24. – S. 307–324.

29. Jasnopis, czyli mierzenie zrozumiałości polskich tekstów użytkowych / Red. W. Gruszczyński, M. Ogrodniczuk. – Warszawa : SWPS Uniwersytet Humanistycznospołeczny, 2015. – 214 s.

30. Zarzeczny, G. Przystępność tekstów urzędowych w internecie / G. Zarzeczny, T. Piekot. – Wrocław : Atut, 2017. – 142 s.

Zimny Rafal

Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland

e-mail: rzimny@ukw.edu.pl

ROLE OF «PLAIN POLISH» IN THE SYSTEM OF CULTURE OF THE POLISH LANGUAGE

The «plain Polish» movement – understood as the desirable standard in communication between the state and the citizen – has been developing in Poland since 2010. It includes both research on this communication standard and active dissemination and implementation of it in particular state offices. The article studies three main issues: 1) description of the resources of «plain Polish» and discussion of existing IT tools to measure the degree of difficulty of the text, 2) social functions of «plain language»: increasing the effectiveness of communication between the state and the citizen, preventing communicative exclusion, improving relations between the state and the citizen, and functioning of this standard in official communication in Poland, 3) the normative positioning of «plain Polish» on the background of the Polish prescriptivism tradition.

Keywords: plain language, linguistic prescriptivism, stylistics, pragmatics, ethics of linguistic communication.

УДК 811.161.1

М. А. Даніловіч

СТРУКТУРНЫЯ ТЫПЫ РЫФМАВАНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У БЕЛАРУСКАЙ ДЫЯЛЕКТНАЙ МОВЕ

Характэрызуюцца структурныя тыпы фразеалогізмаў беларускага дыялектнага мовы, абразаваных з дапамогай рыфмы: бинарныя бессюжныя і сюжныя абразаванія, фразеалогізмы са словамі-супроводзіцелямі, разноструктурныя адзінцы. Разглядаецца звучныя фразеалогічных кампанентаў унутры фразеалогізма і з яго асяродкам,

выраженным словом, словосочетанием, предложением, устойчивым выражением. Определяется фразеобразовательная роль рифмы, её влияние на устойчивость и стабильность функционирования фразеологизма.

Ключевые слова: диалектный язык, фразеологизм, фразеологическое значение, рифма, структура, сочетаемость.

Многія фразеалагізмы заснаваны на правілах мастацкай выразнасці і самі па сабе выступаюць вобразна-выяўленчымі моўнымі сродкамі. Можна прывесці прыклады фразеалагізмаў, якія з'яўляюцца метафарай (*апускаць крылы*), метаніміяй (*рабіць вялікія вочы*), сінекдахай (*дах над галавой*), каламбурам (*цягнуць ката за хвост*), гіпербалай (*рабіць з мужі слана*), ліготай (*кату па пяту*), параўнаннем (*як мёдам намазана*) і г. д.

Прыкметную групу складаюць фразеалагізмы, выразнасць якіх дасягаецца з дапамогай рыфмы. Паводле І. Я. Лепешава, у беларускай літаратурнай мове такіх фразеалагізмаў звыш 160 [1, с. 130]. У беларускай дыялектнай мове іх значна больш. Прапануем аналіз рыфмаваных фразеалагізмаў, выяўленых у беларускіх гаворках. Фактычны матэрыял узяты і з нашай асабістай картатэкі, і з апублікаваных слоўнікаў іншых аўтараў. Паводле тэрытарыяльнай пашыранасці фразеалагізмы розныя: і вузкарэгіянальныя, і міждыялектныя, і агульнадыялектныя. Нягледзячы на гэта іх аб'ядноўвае адна мастацкая якасць – зрыфмаванасць кампанентаў. Паколькі рыфма з'яўляецца аб'яднальным структурным кампанентам фразеалагізмаў, разгледзім іх выяўленья структурныя тыпы.

1. Фразеалагізмы – бінарныя бяззлучнікавыя словаспалучэнні. Кампанентамі іх выступаюць часцей за ўсё назоўнікі і прыслоўі, радзей – іншыя часціны мовы: *грушка-мінушка* 'што-н. часовае', *комам-ломам* 'у недагледжаным, у беспарадкавым стане', *крутам-мутам* 'рознымі хітрыкамі, падманам, выкручваючыся (дабівацца чаго-н.)', *лопатам-хопатам*, 'абы-як, спешна (рабіць што-н.)', *шалтай-балтай* 'той, хто ходзіць туды-сюды без справы, без пэўнага занятку', *шах-мах* 'рабіць спехам і абы-як', *лядам-градам* 'у беспарадку', *цапу-лапу* 'вельмі хутка, спехам і звычайна абы-як зрабіць што-н.', *туркі-баркі* (абысці) 'многа (выхадзіць)', *цёп-лёп* 'абы-як', *шаль-валь* 'абы-як', *сікам-брыкам* (*чыкам-брыкам*) 'няроўна, не па прамой лініі; абы-як (зрабіць што-н.)'.

2. Фразеалагізмы – бінарныя злучнікавыя словаспалучэнні. Фразеалагізмы, пабудаваныя з дапамогай рыфмы, складаюцца пераважна з дзвюх паралельных частак, звязаных паміж сабой сэнсава ці злучнікамі. Злучнікавая сувязь ажыццяўляецца рознымі злучнікамі, сярод якіх пераважаюць адзіночны і (*ды*) (*смах і грэх*), паўторныя і – і (*і нашым і вашым*), ні – ні (*ні сват ні брат*), то – то (*то бокам то*

скокам). Аб'яднаныя часткі фразеалагізма могуць мець выгляд аднародных членаў, выражаных асобнымі словамі адной часціны мовы (*і хочацца і колецца, ні слуху ні духу*), рознымі часцінамі мовы (*ні ўсеч ні ў печ*), могуць выяўляць ускладненую струкутуру (*ні самому паглядзець ні людзям паказаць*). Прывядзём прыклады асобных груп фразеалагізмаў, паводле тыпу злучнікавай сувязі. Гэта найбольш арыгінальныя дыялектныя фразеалагізмы, якія пакуль што не трапілі ў слоўнік беларускай літаратурнай мовы.

2.1. Фразеалагізмы з адзіночным злучнікам *і (ды)*: *абмываць і абшываць* каго 'даглядаць каго-н., клапаціцца пра каго-н.', *ад дзевак адвесці і да бабы не давесці* каго 'падмануць дзяўчыну, не ажаніўшыся з ёй', *ад хаты і ад таты* 'ад родных мясцін, ад блізкіх родзічаў (адцурацца)', *было-было і выпала дно* 'дайшло да крайняй мяжы, да немагчымасці болей трываць', *каля студні хадзіць і вады прасіць* 'шукаць тое, што знаходзіцца побач, і не заўважаць яго', *коз цэлы воз і людзей загарадку* 'вельмі шмат і абы-чаго (нагаварыць)', *не гнуцца і не вярнуцца* 'не дбаць, не клапаціцца, не прымаць захадаў для ажыццяўлення чаго-н.', *прайсці (абысці) Крым і Рым* 'зведаць шмат чаго ў жыцці, набыць вялікі жыццёвы досвед у розных складаных сітуацыях, выпрабаваннях', *пройдзе поле і ног не наколе* 'вельмі спрытны, хітры, пранырлівы'.

2.2. Фразеалагізмы з паўторным злучнікам *і-і*: *і вада не размые і свіння не разрые* каго 'вельмі дружныя, неразлучныя', *і голасам і воласам* 'усім, усімі рысамі (пра падабенства да каго-н.)', *і да зайца стралец і да дзевак маладзец* 'здатны да ўсяго, майстар ва ўсякай справе', *і кучачку і горбачку* 'вельмі многа (нагаварыць)', *і на свёнткі і на пёнткі* 'на ўсе выпадкі жыцця (пра неахайныя адносіны да свайго адзнення)', *і нашым віль і вашым віль* 'адным і другім адначасова служыць, дагаджаць'.

2.3. Фразеалагізмы з паўторным злучнікам *ні – ні*. Яны ўтвараюцца спосабам мадэлявання, для чаго выкарыстоўваецца гатовая структурная схема, якая запаўняецца лексічным матэрыялам. У якасці слоў звычайна выкарыстоўваюцца кантэкстуальныя антонімы: *ні роду ні плоду, ні сям'я ні емя, ні а ні бэ*. Спосаб у беларускай дыялектнай мове прадуктыўны, паводле яго змадэлявана значная колькасць фразеалагізмаў.

Многія фразеалагізмы са злучнікам *ні – ні* аб'ядноўваюцца ў асобныя семантычныя групы, уступаюць у сінанімічныя адносіны. Прычым сінанімічныя рады не выступаюць замкнёнымі, яны папаўняюцца новымі фразеалагізмамі з той самай ці падобнай семантыкай. Здавалася б, навошта мове мець не адну, а больш адзінак з аналагічным значэннем, навошта такая «неэканомнасць»,

«нерацыянальнасць». На самай справе ў мове няма нічога лішняга. Узбагачэнне сінанімічных радоў фразеалагізмамі выклікана не патрэбамі намінацыі. Можна вылучыць тры асноўныя прычыны ўтварэння фразеалагізмаў: 1) імкненне абазначыць і ахарактарызаваць той самы прадмет нетрадыцыйнымі сродкамі; 2) імкненне замяніць словы і выразы, якія абуджаюць непрыемныя ці непажаданыя ўяўленні і асацыяцыі, эўфемічнымі спалучэннямі; 3) імкненне замяніць натуральнае абазначэнне прадмета экспрэсіўна зніжаным, дысфемічным выразам. Абсалютная большасць фразеалагічных утварэнняў дыктуецца першай прычынай. Жывая дыялектная мова знаходзіцца ў няспынным руху, выяўляе тэндэнцыю да абнаўлення сваіх рэсурсаў. Традыцыйныя фразеалагізмы з цягам часу могуць станавіцца звыклымі, звычайнымі, нават ператварыцца ў «заезджаныя» штампы. Экспрэсіўна-ацэначныя патрэбы мовы вымагаюць свежых, арыгінальных фразеалагізмаў з выразным і дзейсным канатацыйным зместам, непаўторным вобразам.

Наяўнасць гістарычна апрабаванай мадэлі садзейнічае развіццю сінанімічных радоў. «Менавіта мадэляванасць фразеалогіі стымулюе пастаяннае абнаўленне яе складу, з'яўленне новых фразеалагічных серый на базе старых структурна-семантычных схем» [2, с. 91].

Возьмем, напрыклад, сінанімічны рад з агульным значэннем 'нічога няма, не было'. У літаратурным «Слоўніку фразеалагізмаў» І. Я. Лепшава ён напоўнены толькі чатырма выразамі: *ні кала ні двара, ні вала ні каня, <хоць> запалі не трэсне, хоць шаром пакаці* [3]. У беларускай дыялектнай мове гэты сінанімічны рад складаецца з некалькіх дзясяткаў фразеалагізмаў. Вось толькі асобныя з іх, у якіх лексічныя кампаненты рыфмуюцца і звязваюцца злучнікамі *ні – ні*: *ні былінкі ні пылінкі* 'зусім нічога, ніякіх запасаў (няма, не застаецца)', *ні вала ні кала* 'зусім нічога, ніякой маёмасці (няма, не было)', *ні калочка ні платочка* ў каго 'нічога няма ў каго-н.', *ні кураняці ні парсяці* 'зусім нічога (няма ў гаспадарцы)', *ні лою ні гню* з каго, з чаго 'ніякай карысці ад каго-, ад чаго-н.', *ні мёду ні смуроду* 'анічога', *ні навару ні тавару* 'нічога (не мець, не атрымаць)', 'ніякай карысці з чаго-н.', *ні хаты ні лапаты* 'зусім нічога няма', *ні ўцяць ні ўзяць* у каго 'няма абсалютна нічога, ніякага запаса ў каго-н.'

Можна прывесці яшчэ некалькі цікавых фразеалагізмаў аналагічнай структурнай мадэлі, але ўжо з рознымі, не сінанімічнымі значэннямі: *ані баліць ані свярбіць* каму што 'абсалютна аднолькава для каго-н., не хвалюе, не кранае што-н. каго-н.', *ні гловы ні мовы* 'няўдалы, някемлівы, нерашучы, негаваркі', *ні прыступу ні подступу* да каго 'немагчыма падысці да каго-н., паразумецца з кім-н.', *ні солі ні долі* 'зусім нясмачна, часцей з-за недасолу', *ні ў пір ні ў вір* <з кім> 'хто-н. нявартасны,

непрыгодны, непрыдатны', *ні ў плот ні ў (а)гарод* 'недарэчна, неўпапад, не да месца (сказаць што-н.)', *ні ўгамону ні ўталону* 'ніякага супакою, упыну, стрымання (няма на каго-н.)', *ні хуху ні духу* ад каго, пра каго 'ніякіх звестак ад каго-, пра каго-н. (няма, не было)', *ні ачарніць ні абяліць* 'прамаўчаць, ніяк не рэагуючы на чыё-н. выказванне', *ні кісла ні прэсна* 'ні добра і ні дрэнна, сярэдне, пасрэдна (жыць, адчуваць сябе і пад.)'.

3. Фразеалагізмы, рыфмаваныя са словамі-суправаджальнікамі. Шэраг фразеалагізмаў не можа рэалізавацца ў маўленні без дапамогі пэўных, канкрэтных слоў. Для абазначэння іх навукоўцы выкарыстоўваюць розныя тэрміны: «абавязковае фразеалагічнае акружэнне», «словы-суправаджальнікі», «абавязковыя прыфразеалагічныя словы», «пастаяннае фразовае акружэнне», «абавязковае моўнае акружэнне», «экзаэлементы», «абумоўленыя члены». Усе гэтыя тэрміны суадносяцца з адным паняццем, разумеюцца як словы свабоднага ўжывання, што знаходзяцца ў двухбаковай абавязковай семантычна-граматычнай сувязі з фразеалагізмам, заўсёды спадарожнічаюць яму, без іх фразеалагізм не здольны функцыянаваць ў маўленні. Самым распаўсюджаным выступае тэрмін «словы-суправаджальнікі».

Праблема слоў-суправаджальнікаў цікавіць лінгвістаў з самага пачатку фразеалогіі як навукі. Ёю займаліся расійскія лінгвісты Ю. Ю. Авалянін, Н. М. Амосава, Г. У. Бажуціна, А. У. Жукаў, У. П. Жукаў, А. У. Кунін, М. І. Сідарэнка, М. Т. Тагіеў, В. У. Шаўкунова і інш., беларускія лінгвісты І. Я. Лепешаў, В. В. Маршэўская, А. С. Садоўская, Т. І. Тамашэвіч, Л. М. Якшук, Ф. М. Янкоўскі і інш. Але і па сёння няма адзінай думкі наконт інтэрпрэтацыі слоў-суправаджальнікаў. Адно навукоўцы ўключаюць іх у межы фразеалагізма, а другія лічаць, што іх нельга прызнаць фразеалагічнымі кампанентамі. Існаванне розных падыходаў у першую чаргу звязана з неадназначным поглядам на пытанне аб'ёму фразеалогіі.

Прыхільнікі «шырокага» разумення фразеалогіі асноўнай прыметай фразеалагізма лічаць яго ўзнаўляльнасць і адносяць словы-суправаджальнікі да кампанентаў фразеалагізмаў. Прадстаўнікі «вузкага» разумення фразеалогіі, адпаведна якому фразеалагізмам лічыцца моўная адзінка, што мае цэласнае значэнне, г. зн. складаецца са слоў, якія выступаюць «семантычна пераўтворанымі ў такой меры, што поўнасю ці часткова страчваюць уласнае лексічнае значэнне» [4, с. 5], прытрымліваюцца думкі, што словы-суправаджальнікі хоць і не аддзяляюцца ад самога фразеалагізма ў любых выпадках яго ўжывання, але не ўваходзяць у яго кампанентны склад. Яны заўсёды суправаджаюць фразеалагізм, без іх не-

магчыма ўключэнне фразеалагізма ў кантэкст, напрыклад: нагаварыць *бочку арыштантаў*, з'явіўся *не запыліўся*, тры чвэрці *да смерці*.

У беларускай навуковай фразеалогіі запанаваў другі з адзначаных падыходаў, адпаведна якому асноўнай катэгорыяльнай адзнакай фразеалагізма лічыцца яго семантычная цэласнасць. Суправаджальнікі разглядаюцца як самастойныя словы свабоднага ўжывання: «Хоць яны неразлучныя з фразеалагізмам і ўзнаўляюцца разам з ім, але ў яго кампанентны склад не ўваходзяць, бо захоўваюць сваю сэнсавую самастойнасць, маюць непасрэдную накіраванасць на прадметы і з'явы рэчаіснасці, выконваюць у сказе самастойную сінтаксічную функцыю» [5, с. 179–180].

Сінтаксічныя сувязі, што ўзнікаюць паміж словамі-суправаджальнікамі і фразеалагізмамі, такія самыя, як і паміж словамі. Фразеалагізм можа быць як граматычна галоўным, так і граматычна залежным. Галоўны і залежны кампаненты лексічна-фразеалагічнай канструкцыі звязваюцца паміж сабой пры дапамозе дапасавання, кіравання ці прымыкання, зрэдку паміж фразеалагізмам і абавязковым словам назіраецца злучальная, а не падпарадкавальная сувязь.

Беларуская мова налічвае вялікую колькасць фразеалагізмаў з абавязковым лексічным акружэннем. Паводле нашых прыкладных падлікаў, толькі ў літаратурнай мове іх каля 1500, а ў беларускіх гаворках значна больш.

Прапануем некаторыя фразеалагізмы, у якіх слова-суправаджальнік рыфмуецца з кампанентам фразеалагізма. Асноўныя прынцыпы адбору іх – арыгінальная вобразнасць, цікавыя пазамоўныя вытокі, адсутнасць у слоўніках літаратурнай мовы. Многія «паэтычныя мініяцюры ў фразеалогіі» (І. Я. Лепешаў) маюць структуру параўнальнага звароту, што пры супастаўленні літаральнага і пераноснага дазваляе найлепшым чынам рэалізаваць вобразны змест. Падаюцца фразеалагізмы групамі, у кожнай з якіх суправаджальнікам выступае пэўная паўназначная часціна мовы, – назоўнік, прыметнік, дзеяслоў і г. д.:

1) фразеалагізмы з назоўнікам: боты *турэцкай работы* 'вельмі адмысловыя, прыгожыя'; вяселле *на варотах вісела* 'невядома, ці збудзецца'; госці *як (што) у горле косці* 'вельмі нежаданыя, несвоечасовыя, дакучлівыя і пад.'; кавалер *кату на каўнер* 'малы, невысокага росту'; на сталe *як на настале* 'вельмі брудна, непрыбрана'; нявеста *нібы злеплена з цеста* 'нястройная, нязгабная, непрыгожая'; пара *як з самавара* 'абсалютна аднолькавыя, адзін не лепшы за другога'; рукі *як кукі* 'непрызвычаеныя, неахвочыя да працы, нязграбныя (рукі)'; смаку *як у печаным раку* 'зусім няма (смаку)'; элігант (франт) *на ўвесь кант* 'самы сапраўдны, самы што ні на ёсць';

2) фразеалагізмы з прыметнікамі: *дужы як свіння ў дужы* 'зусім не (дужы)'; *ласы на <чужыя> каўбасы (кілбасы)* '(вельмі ахвочы, ласы хто-н.) да чужога, да таго, што яму не належыць'; *ласы як кот на каўбасы (кілбасы)* '(вельмі ахвочы, ласы хто-н.) да чужога, да таго, што яму не належыць'; *набожна як свіння падарожна* 'зусім не (набожная)'; *пагаворна як свіння дворна* 'вельмі, залішне (гаваркая)'; *пагаворны як сабачка дворны* 'вельмі (гаваркі, балбатлівы)'; *падкі на чужыя аладкі* '(вельмі ахвочы, ласы хто-н.) да чужога, да таго, што яму не належыць'; *харошы як драпанка за тры грошы, харошы як люлька за тры грошы, харошы як люлька ў Адошы* – 'зусім не (харошы)'; *цікавы як індык да кавы, цікавы як Мартын (Марцін) да кавы* – 'вельмі, празмерна (цікаўны)';

3) фразеалагізмы з дзеясловамі: *ажэніцца як бык ацеліцца* 'хутчэй за ўсё, што ніколі не (ажэніцца)'; *выйшла як з дышла* 'інакш, не так, як хацелася, як меркавалася (атрымалася што-н.)'; *гарыць як сляпы глядзіць* 'вельмі кепска, цьмяна, няярка'; *есць як сабак шэсць* 'спяшаючыся і ненасытна'; *маўчы як жаба ў карчы* 'зусім (маўчы)'; *піць як у бочку ліць* 'вельмі многа (піць)'; *прапаў і сонцам запаў* 'бяспэчна, без вестак, невядома дзе';

4) фразеалагізмы з іншымі часцінамі мовы: *адмыслова як з Чанстахова* 'вельмі, надзвычай (добра, выдатна)'; *здуру як з дубу* 'не падумаўшы'; *мала абліжы (хай абліжа) мяла* 'адмоўны адказ таму, каму чагосьці мала, чаго-н. не хапае, каб ён не спадзяваўся на большае'; *тая што хвастом матая* '(тая) самая (выкарыстоўваецца з іранічна-няўхвальным адценнем у дачыненні да асобы жаночага полу як рэакцыя на слова тая'.

Абавязковым акружэннем, з якім спалучаецца і рыфмуецца фразеалагізм, можа быць не толькі асобнае слова, але і словазлучэнне ці нават сказ: гэта праўда была *як сучка дзёгаць піла* 'зусім не, ніякая не (праўда)'; *мы з табою як рыба з вадою* 'вельмі дружныя, неразлучныя'; *паглядзеў так быццам даў пятак* 'нядобрачытліва, злосна'; *раскрыць рот шырэй варот* 'вельмі моцна (пазяхаць)'; *сядзець у даўгах як сабака ў блыхах* 'моцна, у вялікай меры'.

Сустрэліся ўнікальныя прыклады, калі ў якасці суправаджальніка фразеалагізма замацаваўся іншы фразеалагізм: *вырачыць вочы як жаба з ночы* 'вельмі моцна, несупынна (утаропіцца на каго-, на што-н. ад здіўлення, разгубленасці і пад.)'; *малоць языком як сабака хвастом* 'вельмі, празмерна (балбатаць, гаварыць абы-што)'; *надуць лупы як кот на крупы* 'вельмі моцна (зазлаваць, надзьмуцца, пакрыўдзіцца)'; *намыліць пяты не да тае хаты* 'не туды, куды трэба (пайсці, паехаць)'.

Як бачна з прыкладаў, фразеалагізм і яго суправаджальнік – гэта асобныя адзінкі рознай якасці, але паміж імі адбываецца цеснае

семантычнае ўзаемадзейненне, яны ўтвараюць фразеалагічна-лексічнае і сінтаксічнае цэлае і адзін без аднаго не выкарыстоўваюцца.

4. Рознаструктурныя рыфмаваныя фразеалагізмы. Яны не маюць структурнай аднаціпнасці, гэта самыя розныя паволе сваёй лексічна-граматычнай будовы ўтварэнні: і словазлучэнні, і сказы, і несістэмныя словаспалучэнні. Агульнай аб'яднальнай прыметай іх застаецца рыфма – яркі выяўленчы фразеаўтваральны сродак: *авечка з мястэчка* 'някемлівы, няўважлівы чалавек'; *дайце клею бо самлею* 'ўжываецца як выяўленне скептычных адносін да чыйго-н. выказвання'; *дзеўноста дзеўяць на фронце* <і, а> *адзін (адна) у (на) рамонце* ў каго 'хто-н. разумова адсталы, псіхічна ненармальны', 'хто-н. легкадумны, паводзіць сябе неразумна'; з *Богам, Параска, дарога як ляска* 'вокліч пажадання шчаслівай дарогі, пачатку якой-н. справы'; з *вялікага гурту выбраць курту* 'ў выніку перабораў выйсці замуж не за лепшага ці ажаніцца не з лепшай'; *забабоны старой вароны* 'няпраўда, хлусня, тое, што не адпавядае рэальнасці'; *засыпаць троху гароху* каму 'лёгка пакараць каго-н.'; *і святы Божа не паможа* каму 'няма нікай надзеі на папраўку, на выздараўленне каго-н., хто-н. блізкі да смерці'; *іголку каму ў пяты каб не зайшоў дахаты* 'выказванне засцярогі ад сурокаў'; *каб смала спіла* каго 'выказванне адмоўных адносін да п'яніцы, да таго, хто напіўся'; *масла згасла (пагасла)* 'скончылася крыніца грашовага ці іншага прыбытку'; чый *насок паглядае (глядзіць) у пясок* 'хто-н. вельмі слабы, можа хутка памерці'; *не для пса каўбаса* 'не падыходзіць, не пара хто-н. каму-н.'; *не так смычком як язычком* 'больш нагаварыць, чым зрабіць'; *тры лоты да здыхоты* каму 'хто-н. блізкі да смерці (пра жывёлу ці чалавека)'; *фіч у (пад) лыч* каму 'зусім нічога не даць, не атрымаць'; *хто горбам хто горлам* 'кожны парознаму, неаднолькава (робіць што-н.)'; *што ў касцелі то ў пасцелі* на кім, у каго 'на кім-н. аднолькавае, на ўсе выпадкі жыцця адзенне (пра абыякавыя адносіны да свайго адзення)'; *як з быка малака* 'зусім ніякой (карысці ад каго, чаго-н.)'; *як смала да кала (да настала)* 'учэпіста, назойліва, неадступна (прыставаць, чапляцца да каго-н.)'.

У прадэманстраваных фразеалагізмах рыфма выконвае важную фразеаўтваральную функцыю. Гэта добра бачна на прыкладзе адзінак, у якіх адзін ці абодва сугучныя кампаненты з'яўляюцца незразумелымі, цьмянымі з пункту гледжання сучаснага моўніка. Незразумеласць абсалютна не ўплывае на функцыянаванне фразеалагізма, актыўнасць ужывання яго не змяншаецца. Гэта тлумачыцца спецыфікай рыфмаваных фразеалагічных адзінак, у якіх дамінуе прымета эmfатычнасці: «Асноўнае значэнне рыфмы – стварыць гукавую сіметрыю фразеалагізма. Лексічна-

семантычныя і логіка-сінтаксічныя сувязі, падпарадкоўваючыся гэтай функцыі, іграюць другарадную ролю ў арганізацыі рыфмаваных пар, яны як бы “падганяюцца” пад іх “тукавую сіметрыю”» [2, с. 189]. «Падгонка» часцей за ўсё рэалізуецца наступным чынам: да ўзуальнага слова далучаецца сугучны кампанет, які ўяўляе сабой аказіянальнае, штучнае ўтварэнне ці састарэлае слова, пазбаўленае якой-н.сэнсавай нагрукі: *гандаль-піндаль, лядам-градам, цану-лапу*.

«Цъмьянасць» кампанентаў не перашкаджае актыўнасці фразеалагізмаў, таму што «пры рыфмаваным злучэнні слоў на прээдні план выступае не тоеснасць зместу, а тоеснасць выражэння. Менавіта “гіперлексемны” характар рыфмы абумоўлівае агульную эмфатычную экспрэсіўнасць рыфмаваных фразеалагізмаў» [2, с. 190]. Нават тады, калі кампаненты маюць каранёвую ці нейкую іншую асацыятыўную сувязь з паўназначнымі словамі, то такая сувязь пры ўжыванні фразеалагізма не заўсёды актуалізуецца, з’яўляецца факультатывнай.

Спіс літаратуры

1. Лепешаў, І. Я. Сучасная беларуская літаратурная мова: спрэчныя пытанні : дапаможнік / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2002. – 207 с.
2. Мокіенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. М. Мокіенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Выш. шк., 1989. – 287 с.
3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1. – 672 с. ; Т. 2. – 704 с.
4. Жуков, В. П. Русская фразеология : учеб. пособие для филол. спец. вузов / В. П. Жуков. – М. : Высш. шк., 1986. – 310 с.
5. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.

Danilovich Mikalay

Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: damial@inbox.ru

STRUCTURAL TYPES OF RHYMED PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE BELARUSIAN DIALECT LANGUAGE

The article characterizes structural types of rhymed phraseological units in the Belarusian dialect language: binary asyndetic and syndetic units, units with accompanying words, units of different structure. The harmony between the components of a phraseological unit and its surroundings (surrounding can be represented by a word, a combination of words, a sentence, an idiom) is studied. The phraseo-bulding role of rhyme and its influence on the stability of phraseological unit functioning are revealed.

Keywords: dialect language, phraseological unit, phraseological meaning, rhyme, structure, compatibility.

А. С. Садоўская, М. А. Якалцэвіч

ФРАЗЕАЛАГІЧНАЯ І ПАРЭМІЯЛАГІЧНАЯ СІНАНІМІЯ: ТЫПЫ СІНОНІМАЎ

Синонимия является одной из форм проявления парадигматических отношений не только в лексикологии, но и фразеологии, паремиологии. Несмотря на то, что в этих разделах языкознания данное явление проявляется по-разному, выделяют одинаковые типы лексических, фразеологических, паремиологических синонимов: абсолютные, семантические, стилистические и семантико-стилистические. В сравнительном аспекте проводится анализ всех типов фразеологизмов-синонимов и пословиц-синонимов, делаются выводы относительно распространения этого явления в фразеологии и паремиологии.

Ключевые слова: фразеологизм, пословица, синонимия, семантика, экспрессивно-оценочная окраска, стилистическое значение, внутренняя форма, синонимический ряд.

Праблема сінаніміі з прычыны сваёй шматаспектнасці заўсёды прыцягвала ўвагу даследчыкаў. У мовазнаўстве асноўная колькасць прац прысвечана лексічнай сінаніміі, але ў апошні час лінгвісты пачынаюць актыўна вывучаць асаблівасці працякання гэтай з'явы сярод іншых моўных адзінак, у прыватнасці, сярод фразеалагізмаў і прыказак. Сінанімія з'яўляецца адной з самых яркіх форм праяўлення сістэмных сувязяў, якія існуюць ў лексікалогіі, фразеалогіі і парэміялогіі. Звычайна да сінонімаў адносяць словы і выразы, якія маюць тое самае або блізкае значэнне, але адрозніваюцца гучаннем і напісаннем. Аднак у навуковых, вучэбных і метадычных працах сустракаюцца і іншыя дэфініцыі, якія датычаць адзінак розных моўных узроўняў. Даследчыкі звычайна даюць аднатыпнае, з нязначнымі разыходжаннемі значэнне сінонімам. Так, скажам, Ф. М. Янкоўскі сінонімы ў адносінах да фразеалогіі растлумачвае як выразы, якія «... абазначаюць тое самае ці блізкае паняцце, але адрозніваюцца адцэннямі значэнняў ці эмацыянальна-экспрэсіўнай (стылістычнай) афарбоўкай» [1, с. 49]. Паводле А. С. Аксамітава, фразеалагізмы-сінонімы «блізкія па значэнню, але маюць розныя вобразныя стрыжні (унутраную форму) і таму адрозніваюцца сэнсавымі і стылістычнымі адцэннямі і эмацыянальна-экспрэсіўным каларытам» [2, с. 39]. У вучэбным дапаможніку для студэнтаў-філолагаў чытаем: «Абазначаючы адзін і той жа аб'ект рэчаіснасці, сінанімічныя фразеалагізмы адрозніваюцца або адцэннем значэння, або стылістычнай афарбоўкай, або тым і другім адначасова» [3, с. 143].

Як бачым, існуе меркаванне, што паміж сінонімамі абавязкова існуюць пэўныя адрозненні (прычым гэта мае дачыненне не толькі да ўстойлівых адзінак мовы, але і да слоў).

Аднак, калі звярнуцца да моўнай практыкі, можна заўважыць, што тут існуе вялікая колькасць слоў і выразаў, якія з'яўляюцца сэнсава і стылістычна тоеснымі. Гэта дае падставы размяжоўваць, як і ў лексікалогіі, абсалютныя, семантычныя, стылістычныя і семантыка-стылістычныя фразеалагізмы-сінонімы і прыказкі-сінонімы.

У лексікалогіі да абсалютных сінонімаў адносяць словы, якія «поўнасцю супадаюць па значэнню і ўжыванню пры магчымым разыходжанні ў спалучальнасці» [4, с. 280]. Што да абсалютных фразеалагічных сінонімаў, то яны «поўнасцю супадаюць у сваім значэнні і сферы ўжывання» [5, с. 82]. Напрыклад, фразеалагізмы ў бараду, у рукаў, у вус, у кулак маюць значэнне 'ціха і непрыкметна', адносяцца да размоўнага стылю, аднолькавыя па спалучальнасці і структуры. Такой жа тоеснасцю валодаюць і фразеалагічныя адзінкі якая трасца, якая халера, якое ліха – з'яўляюцца прастамоўнымі, рэалізуюць значэнне 'што (адбываецца, робіцца з кім-н., чым-н., рабіць што-н.)' і адносяцца да адной і той жа структурнай разнавіднасці. Аднак, як слушна сказана ў «Фразеалогіі сучаснай беларускай мовы», «фразеалагізмы-сінонімы, нават тады, калі яны адэкватныя паводле семантыкі, стылістычнай афарбоўкі, структуры і спалучальнасці, усё роўна адрозніваюцца адзін ад аднаго сваім этымалагічным вобразам, непаўторнай унутранай формай» [6, с. 87–88].

Унутранай формай, этымалагічным вобразам адрозніваюцца таксама і прыказкі-сінонімы. Напрыклад, у адказ на просьбу паўтарыць што-небудзь сказанае, пры нежаданні паўтараць, кажуць: *Глухому дзве абедні не служаць* ці *Глухім два разы ў касцёле не звоняць*.

Пераважная большасць фразеалагізмаў і прыказак у сінанімічным радзе супадае ўсімі сваімі характарыстыкамі. Такія выразы адносяцца да ліку абсалютных.

Абсалютныя фразеалагізмы-сінонімы маюць аднолькавыя характарыстыкі: агульнае значэнне, адно і тое ж лексічнае акружэнне, аднатыпную стылістычную афарбоўку і таму ў разнастайных кантэкстах паміж такімі адзінкамі магчыма ўзаемазамена. Напрыклад, такімі адзнакамі, як відаць з прыведзеных ніжэй сказаў, валодаюць выразы *ад відна да цямна, ад зары да зары* (у 1 зн.), *ад расы да расы, ад цямнага да цямнага, ад цямна да цямна* (у 1 зн.) са значэннем 'увесь дзень, з усходу да заходу сонца': 1) *Камандзіры ад відна да цямна маршыравалі з новымі чырвонаармейцамі па Бярэзінскім фарытаце, вучылі калоць мякі з пілаваннем і адбівацца прыкладам* (С. Грахоўскі); 2) *А што гэта за жыццё ў нас будзе? Ты будзеш рыбу лавіць ад зары да зары, а мяне што чакае* (В. Вольскі); 3) *Нялёгка было, часамі хацелася пагуляць з*

аднагодкамі, а даводзілася, ад цёмнага да цёмнага, сачыць за статкам (П. Броўка); 4) [Бацька] быў заўсёды вельмі заняты працай, можна сказаць, што ён працаваў з цямна да цямна (К. Чорны).

Абсалютнымі фразеалагічнымі сінонімамі з'яўляюцца, напрыклад, і выразы з сінанімічнага рада з роду ў род (у 1 зн.), з пакалення ў пакаленне (у 1 зн.), якія рэалізуюць значэнне 'па спадчыне, ад бацькоў да дзяцей'. Тут кампаненты род, пакаленне, суадносныя з паўназначнымі часцінамі мовы, і на ўзроўні слова ў адным са сваіх значэнняў уступаюць у сінанімічныя адносіны. Так, у ТСБМ чытаем: а) пакаленне – 'сваякі адной ступені роднасці ў адносінах да агульнага продка' [7, с. 608]; б) род – 'сваякі, сям'я' [8, с. 711]. Увайшоўшы ў склад фразеалагічных адзінак, словы пакаленне і род не страцілі сваёй сінанімічнасці. Яны, як і ў папярэдне апісаных выпадках, узаемамяняльныя ў любым кантэксце: Як вочы, бровы, як гарачы рот, удары сэрца, пачуццё кахання, так памяць пераходзіць з роду ў род (С. Грахоўскі); Бывае ж у вёсцы, што як прышпіляць чалавеку мянушку, дык яна і ідзе з пакалення ў пакаленне (А. Кулакоўскі).

Тоеснымі ў сэнсавых і стылістычных адносінах з'яўляюцца таксама многія прыказкі. Прыкладам абсалютных сінонімаў могуць быць прыказкі *І за лучынку знойдзе прычынку, І за шчэпку знойдзе прычэпку*. Іх ужываюць, калі гавораць з незадавальненнем пра таго, хто беспадстаўна прыдзіраецца да каго-н., і адносяцца яны да разраду размоўных. Адпаведна гэтыя прыказкі без усякіх абмежаванняў могуць замяняць адна другую ў любых кантэкстах. Параўн.: 1) – *Ах, вы дурныя і хітрыя! – загневаўся яшчэ больш цар скамарохаў. – Голадам морыце людзей! Бязбожнікі вы! Грэшнікі вы! У пекла я вас кіну! Вы хочаце мець вечных дармовых парабкаў? – Ой, ой, ой... – узмаліўся пан. – Строгі бог гасподзь, і за лучынку знойдзе прычынку, каб накрычаць...* (З. Бядуля. Сярэбраная табакерка). 2) *Пра цівуна расказваюць на сяле, як пра самага страшнага разбойніка. Цівун і за шчэпку знойдзе прычэпку, каб паздекавацца з чалавека (А. Якімовіч. Адкуль ліха на свеце).*

Супадаюць сваім значэннем і адносяцца да аднаго стылістычнага разраду і прыказкі *Лепш едучы змерзнуць, чым ідучы спацець і Лепш дрэнна ехаць, чым добра ісці; Кожны курэц павінен мець свой аганец і тытунец і Калі курэц, то насі люльку і тытунец; Каля (ля) вады <ходзячы> намочышся і Каля мукі ходзячы, запылішся; Каторы конь цягне, таго і паганяюць і Хто цягне, на таго і навальваюць; Слязамі гору не паможаш і Жуда бядзе не помач; Старцу міля не круг і Старцу сляло не ў наклад. Ці яшчэ прывядзём прыклад сінанімічнага рада, які складаецца з некалькіх абсалютных сінонімаў: *Гарбатага магіла**

выправиць, Крывое дрэва не выпраміш, Як удасца жарабё з лысінкай, дык і здохне такім.

Як ужо адзначалася вышэй, у сінанімічныя рады аб'ядноўваюцца і такія выразы, якія маюць некаторыя разыходжанні стылістычнага, семантычнага і іншага характару. Разгледзім спачатку стылістычныя сінанімы.

Адзначаючы асаблівасці выкарыстання фразеалагізмаў-сінанімаў і прыказак-сінанімаў у пэўных стылях мовы, неабходна звярнуць увагу на тое, што сінанімічныя рады складаюцца як са стылістычна аднародных адзінак, так і з выказаў рознай стылявой прыналежнасці. Напрыклад, размоўнымі з'яўляюцца фразеалагізмы-сінанімы як *дзірка ў мосце, як леташні снег, як пятае кола ў возе, як рыбе парасон* са значэннем 'зусім не, ніколькі (патрэбны хто-н., што-н., каму-н.); функцыянальна не замацаванымі – *плячо к плячу* (у 2 зн.), *плячо ў плячо* (у 2 зн.) *рука аб руку* (у 2 зн.), *рука ў руку* (у 2 зн.) са значэннем 'разам, вельмі дружна, у цесным адзінстве (жыць, працаваць, змагацца і пад.)'; прастамоўнымі – *на ліха, на халеру, на хваробу, на чорта, на храна, на які хрэн, на які чорт, на якога чорта, на якое ліха, на якую трасцу, на якую халеру, якога ліха* (у 1 зн.), *якога ражна* (у 1 зн.), *якога хрэна* (у 1 зн.), *якога чорта* (у 1 зн.), *да д'ябла* (у 3 зн.) са значэннем 'навошта, для чаго'; кніжнымі – *ва ўладзе, пад уладай* са значэннем 'пад уздзеяннем, пад уплывам, пад уражаннем чаго-н.'. А ў сінанімічным радзе са значэннем 'абавязкова, нягледзячы ні на якія абставіны, цяжасці і пад.' фразеалагічныя адзінкі *што б там ні было (стала), усімі праўдамі і няпраўдамі* выступаюць як функцыянальна не замацаваныя, фразеалагізм *хоць з калена выламі* – размоўны, *кроў з носа, хоць ты лопні (трэсні)* – прастамоўныя. Стылістычна разнародныя фразеалагізмы-сінанімы можна адзначыць і ў наступных прыкладах: 1) *ад а да я* (функц. не замац.), *ад слова да слова* (функц. не замац.), *ад альфы да амегі* (кніжн.); 2) *галава варыць* (разм.), *галава на плячах* (разм.), *кацялок варыць* (праст.), *мазгі вараць* (праст.); 3) *на брата* (разм.), *на рыла* (праст.), *на нос* (праст.); 4) *не прападзе* (разм.), *не стане* (разм.), *не заржаве* (праст.); 5) *палічыць рэбры* (праст.), *даваць волю рукам* (разм. у 1 зн.), *лічыць зубы* (праст.), *лупіць скуру* (разм. у 1 зн.), *распускаць рукі* (разм.); 6) *ні бэ ні мя* (праст.) *ні а ні бэ* (разм.), *ні бельмеса* (праст.), *ні бум-бум* (праст.), *ні бэ ні мэ ні кукарэку* (праст.), *ні вуха ні рыла* (праст.), *ні цэ ні бэ* (разм.).

Асобныя фразеалагізмы, што ўтвараюць сінанімічны рад, іншы раз адрозніваюцца эмацыянальна-ацэнчнай афарбоўкай. Так, значэнне 'хабар, звычайна грашовы' рэалізуецца адзінкамі *ў лапу, куку ў руку*.

Абедзве яны належаць да размоўнага стылю, але выраз *у лапу* надзелены адценнем неадабрэння. У размоўным стылі выкарыстоўваюцца і сінанімічныя фразеалагізмы з *мукой і не пыльна, і дома і замужам*, але першы з іх мае адценне неадабрэння, другі – жартаўлівасці.

Як і фразеалагізмы, стылістычныя сінанімы-прыказкі адрозніваюцца эмацыянальна-стылістычнай афарбоўкай, функцыянальна-маўленчай сферай ужывання. Параўн. дзве сінанімічныя прыказкі *Усякі чорт на сваё кола ваду цягне і Адна толькі курыца грабе ад сябе*. Выразы маюць аднолькавае значэнне ‘кожны чалавек усё робіць на сваю карысць’, але другі прыклад надзелены ацэнчнасцю, пры дапамозе якой выражаюцца асуджальныя адносіны да тых, хто не клапаціцца пра іншых, пра агульнае. Прыказкі *Маной свет пройдзеш, а назад не вернешся і У хлусні кароткія ногі* абазначаюць: ‘няпраўда недаўгавечная, несумленнасцю многага не даб’ешся’. Аднак першая з іх мае яшчэ і сітуацыйную характарыстыку: кажуць з асуджэннем пра таго, хто жыве падманам, несумленна. Розная эмацыянальна-экспрэсіўная афарбоўка ўласціва і сінанімічным выразам *Гавары, ды не ўсё дагары і Гаворыць (-ыш), а ў роце холадна*. Першы з іх надзелены адценнем неадабрэння, а другі – насмешкі. Да разрады стылістычных сінанімаў адносяцца і прыказкі *Горка рэдзька, ды ядуць, цяжка замужам, ды ідуць і Горка гарэлка, але п’юць, дрэнна замужам, але ідуць*. Абедзве прыказкі дастасоўваюцца да сітуацыі, калі гавораць, што іншага выйсця няма і што з гэтым трэба прымірыцца, але другая ўжываецца не толькі як суцяшэнне, але мае яшчэ і афарбоўку жартаўлівасці. У сінанімічным радзе *Жыццё закон нязломны мае: ніколі праўда не ўмірае; Праўду не схаваеш; Усё мінецца, а праўда застанецца* першая прыказка адносіцца да разрады кніжных, а дзве другія – да размоўных. Ці яшчэ: функцыянальна не замацаванай прыказцы *Хто плаціць грошы, той і заказвае музыку* адпавядае размоўная *На чым возе едзеш, таму і песню спявай*. Тое ж самае назіраем і пры супастаўленні прыказак *Хто шукае, той знаходзіць і Латва знойдзе, хто шукае; Святое месца пустым не бывае і Варона з куста, а пяць на куст*. Агульнае значэнне ‘залішняе, празмернае не ідзе на карысць’ мае размоўная прыказка *Што задужа, то не здрава* і прастамоўная *Лішняга і свінні не ядуць*.

Што да семантычных сінанімаў, то яны, абазначаючы адно і тое ж паняцце, адрозніваюцца адценнем у значэннях, захоўваючы тоесную стылістычную афарбоўку. Так, фразеалагізм *да абуха* мае значэнне ‘да поўнай непрыгоднасці’. Сінанімічны выраз *да ручкі ўскладнены* яшчэ адценнем ‘да бязвыхаднага, распачнага становішча’. У сінанімічным радзе *хоць на сабаку вылі, расце ў роце* адзінкі аб’яднаны значэннем

‘непрямны на смак, зусім нясмачны’, але апошні фразеалагізм мае дадатковае адценне ‘з-за адсутнасці апетыту’.

Часцей за ўсё сінанімічныя рады складаюцца больш чым з дзвюх фразеалагічных адзінак. Акрамя агульнага значэння, некаторыя з іх утрымліваюць у сабе сваё, спецыфічнае адценне. Так, у сінанімічныя адносіны ўступаюць адзінкі *без духу, як падсмалены, як дуж, як на крыллях, як з перуна, без аглядкі* (у 1 зн.), *без душы, без памяці* (у 1 зн.), *як мага* (у 1 зн.), *як на пажар*. Усе яны аб’яднаны агульным значэннем ‘вельмі хутка’. Але некаторыя, акрамя агульнага значэння, маюць і такія дадатковыя адценні: *як на пажар, як мага* (у 1 зн.) – ‘імкліва’, *без душы, без духу* – ‘як толькі можна’, *без аглядкі* – ‘паспешліва’, *без памяці* – ‘не зважаючы ні на што’.

Розніцца сэнсавымі адценнямі і семантычныя прыказкі-сінонімы. Напрыклад, у сінанімічным радзе *З музыкі хлеб невялікі і У музыкі хлеб невялікі, а спявакі маюць ніякі* паміж прыказкамі ёсць невялікія сэнсавыя адрозненні пры агульным для іх значэнні ‘заробак у музыканта невялікі, незайздросны’: апошні выраз утрымлівае дадатковую сему ‘і спевакоў’. Параўн. яшчэ: *Хто рыбу вудзіць, той гаспадаром не будзець і Хто палое і рыбачыць, той хлеба не бачыць*. Такія прыказкавыя сінонімы варта лічыць семантычнымі. Да тыпу семантычных належаць таксама прыказкі *Куды вецер, туды і дым і Куды іголка, туды і нітка*, што характарызуюць людзей, цесна звязаных паміж сабой, але разам з тым другая прыказка суадносіцца часцей за ўсё з характарыстыкай мужа і жонкі. Ці яшчэ: у прыказцы *Хто гняздо ўе, у таго і ўеца* не ўсе кампаненты атрымалі пераасэнсаванне, таму яе змест перадаецца з выкарыстаннем гэтых пераасэнсаваных слоў: ‘хто стараецца ўладкаваць сваё жыццё, таму і ўдаецца гэта’. Сінанімічны ж выраз *Хто дбае, той і мае* заўсёды ўжываецца толькі ў прамым значэнні і не патрабуе тлумачэння. Агульны сэнс гэтай прыказкі вынікае з прамых значэнняў яе слоў-кампанентаў. Сэнсава блізкімі, але нятоеснымі будуць прыказкі: *Пужаная варона і куста баіцца і Апёкшыся на малацэ і на ваду дзьмеш; Нага нагу падпірае, рука руку абмывае і Рука руку мые; Сем бед – адзін ответ і Ці за адну нагу вісець, ці за дзве – адна ласка; Тое, што можна зрабіць сёння, не трэба адкладваць на заўтра і Адклад не ідзе на лад; Дзе цесна, там пацешна і У цеснаце, ды не ў крыўдзе*.

Сінанімічны рад фразеалагізмаў і прыказак можа складацца і з такіх адзінак, якія адрозніваюцца як семантычнымі, так і стылістычнымі асаблівасцямі. Напрыклад, фразеалагічныя адзінкі *з кандачка, з налёту* (у 3 зн.), *з насоку* (у 2 зн.), *з бухты-барахты* аб’яднаны агульным значэннем ‘не задумваючыся, не разважаючы (рабіць што-н.)’. Выраз з

кандачка мае адценне ‘несур’ёзна’, а з *бухты-барахты* – ‘раптоўна’. Што да стылістычных асаблівасцей, то фразеалагізмы з *налёту* (у 3 зн.), з *наскоку* (у 2 зн.), з *бухты-барахты* выкарыстоўваюцца ў размоўным стылі, а выраз з *кандачка* – прастамоўны, з адценнем неадабрэння. Яшчэ прыклады: 1) *як смала* – ‘неадчэпна, дакучліва’ (разм.), з *нажом да горла* – ‘вельмі рашуча і неадступна’ (праст.); 2) *шыварат-навыварат* ‘не так, як трэба, як павінна быць’ (разм.), *сікась-накась* – ‘не так, як трэба; наперакос’ (праст.); 3) *як плюнуць* ‘вельмі лёгка і проста, без асаблівых намаганняў’ (праст.), *раз плюнуць* ‘вельмі лёгка, не патрабуючы ніякіх намаганняў’ (праст.), *прасцей простага* ‘вельмі лёгка і проста’ (разм.), *прасцей паранай рэны* ‘вельмі проста, надзвычай лёгка’ (разм.), *як босаму разуцца* ‘вельмі лёгка, проста’ (разм.), *за адну шчаку* ‘вельмі проста, зусім не цяжка (выпіць), ніжэй чыіх-небудзь магчымасцей’ (разм.).

Сінанімічныя прыказкі таксама могуць утрымліваць у сабе адначасова семантычныя і стылістычныя адрозненні. Разгледзім гэта на прыкладзе. Прыказка *Не пад’ясі – і залатую фурманку аддасі* ўжываецца са значэннем ‘каб не быць галодным, мусіш пакарыцца абставінам, будзеш гатовы аддаць апошняе’. Сінанімічная прыказка *Голад не цётка* адрозніваецца адценнямі лагічнай характарыстыкі ‘голад вымушае пакарыцца абставінам, рабіць што-небудзь не так, як хацелася б’ і ўтрымлівае дадатковую інфармацыю стылістычнага плана: кажуць у апраўданне дзеянняў, звязаных з пошукамі ежы. Падобнае, але неаднолькавае значэнне маюць і прыказкі *Хто мажа, той і едзе і Чырвонае – белае ўсё пераделае*. Першая абазначае ‘хто дае хабар ці іншым чынам умее падлагодзіцца, той і дабіваецца поспеху’, другая – ‘з дапамогай чырвонцаў, хабару можна ўсё перарабіць’. Разам з тым апошняе асуджае хабарнікаў. Семантыка-стылістычнымі сінонімамі з’яўляюцца прыказкі і ў такіх сінанімічных радах: 1) *Быць бычку на вярочцы; Будзе і на крапіву мароз*; 2) *І рад бы ў рай, ды грахі не пускаюць; Рада б цяпер наша мама выйсці за пана, ды пан не бярэ*; 3) *Не кажы гоп, пакуль не пераскочыш; Не хваліся, ідучы на раць; Хваляцца з кірмашу едучы*.

Варта адзначыць, што ў шматчленных сінанімічных радах не ўсе прыказкі будуць поўнымі паводле семантыкі, стылістычных асаблівасцей. Так, прыказкі *Добрае далёка чуваць, а дрэннае яшчэ далей* і *Добрая слава далёка ідзе, а кепская яшчэ далей* маюць значэнне ‘дрэнная слава распаўсюджваецца хутчэй і далей, чым добрая’, а сінанімічная да іх моўная адзінка *Добрая слава на паліцы ляжыць, а благая па дарожцы бяжыць* ужо адрозніваецца семантычным адценнем і абазначае ‘добрае пра чалавека можа застацца і невядомым, а дрэнная

слава распаўсюджаецца хутка, ужываецца як адмоўная ацэнка чаго-н.'. Абсалютнымі сінонімамі з'яўляюцца таксама прыказкі *Напрасткі <адна> варона лятае, затое <ніколі> дома не бывае; Пойдзеш нацянькі – праходзіш тры дзьянькі і Хто прамікуе, той дома не начуе. Усе яны ўжываюцца ў сітуацыі, калі гавораць пра таго ці таму, хто хоча ісці куды-небудзь напрасткі, нацянькі. Разам з тым гэтыя прыказкі маюць экспрэсіўна-ацэначную афарбоўку (выражаюць неадабрэнне). Сінанімічны ж да іх выраз *Кривая дарога з простаі смяецца* адрозніваецца і сітуацыйнай, і стылістычнай характарыстыкай і абазначае 'па абходнай, крывой дарозе ісці або ехаць больш надзейна, чым напрасткі, нацянькі'. У сінанімічным радзе *Не да каляды, калі поўная хата бяды; Не да парасят, калі свінню смаляць; Не да пацераў, калі хата гарыць* першая абазначае 'не час займацца чымсьці высокім, святочным, калі знаходзіцца ў вельмі цяжкім становішчы' і сваім ужываннем не абмежавана пэўнай сферай зносін. Дзве другія з'яўляюцца размоўнымі і адрозніваюцца ад папярэдняй адценнем значэння – 'няма як займацца кім-н. ці чым-н., калі самому крута прыходзіцца'.*

Ва ўстойлівых адзінках мовы пераважаюць сінанімічныя рады, што складаюцца з двух выказаў. Напрыклад, са значэннем 'спрытны, кемлівы, не ўпусціць свайго' ўжываюцца фразеалагізмы *не промах, не кыш варона. У двухчленныя рады ўваходзяць і такія адзінкі: аж пыл курыць, аж гай шуміць* (у 2 зн.); *брацца за галаву* (у 1 знач.), *брацца за розум* (у 1 зн.); *да сёмага поту, да ўпаду; улазіць у скуру, ставіць сябе на месца; (відаць) птушку на палёце, (відаць) пана на халявах; хоць ты сабак ведай, з каломенскую вярсту; дні злічаны, не жылец на белым свеце* і інш. Ці, напрыклад, прыказкі *Каля вады <ходзячы> намочышся і Каля мукі ходзячы, запылішся* выкарыстоўваюцца з агульным значэннем 'будучы звязаным з чым-небудзь, можаш аказацца замешаным у што-небудзь заганнае'. Па дзве прыказкі ўваходзяць і ў такія сінанімічныя рады: *На злодзеі шапка гарыць і Хто парася ўкраў, у таго ў вушах пішчыць; Пі ды еш, пакуль рот свеж, бо як умрэш, то і калом не ўпрэш і На тым свеце не дадуць*.

Радзей сінанімічныя рады прыказак уключаюць па тры і больш адзінкі: 1) *Не вучы дзядулю кашляць; Не вучы вучонага; Не вучы рыбу плаваць*; 2) *На чужыя вусны не накінеш хусты; Людзям языка не завяжаш; На чужы рот гузіка не нашыеш; На чужы рот замок не навесіш; Чужы рот – не свае вароты, не зачыніш; Чужы роцік не каўнерык, яго не зашпіліш*. Самы вялікі сінанімічны рад прыказак складаецца з дзевяці выказаў. Так, скажам, замілаванне да роднага краю,

да мясцін, дзе нарадзіўся хто-небудзь, выражаюць прыказкі *Дарагая тая хатка, дзе радзіла (нарадзіла) мяне матка; Дзе воўк радзіўся, там і куст яму міл; Дзе нарадзіўся, там і прыгадзіўся; Для ўсякай птушачкі сваё гняздо мілае; Міл той куток, дзе абрэзалі пупок; Мой родны кут, як ты мне мілы; Няма лепшае справы ад свае хаты; Родная зямелька як зморанаму пасцелька; У родным краю, як у раю.*

Што да фразеалагізмаў, то самы вялікі сінанімічны рад складаецца з 55 адзінак, якія маюць значэнне 'вельмі многа': *хоць адбаўляй, адбою няма, ад пуза, без ліку, без меры, будзь здароў, бяры не хачу, валицца цераз горла, вышэй галавы, да гібелі, дай бог, дай бог кожнаму, да ліха і інш.*

Такім чынам, з'ява сінаніміі ўласціва не толькі словам, але і іншым моўным адзінкам, якія валодаюць у той ці іншай ступені семантычным адзінствам, у тым ліку фразеалагізмам і прыказкам. Прычым, калі 62 % фразеалагізмаў уступаюць у сінанімічныя адносіны, то сярод прыказак прыкладна толькі 30 % выразаў ахоплены гэтай з'явай. У фразеалогіі і парэміялогіі, як і ў лексікалогіі, вылучаюцца абсалютныя, семантычныя, стылістычныя і семантыка-стылістычныя сінанімы. Калі сінанімічны рад складаецца больш чым з двух выразаў, то тут могуць суседнічаць розныя тыпы сінанімаў.

Дастаткова багатая моўная сінанімія дазваляе пры мностве падобных адзінак выбраць найбольш дакладныя, пазбегнуць таўталогіі, зрабіць маўленне прыгожым, вобразным, адметным, каларытным, са сваёй нацыянальнай спецыфікай.

Спіс літаратуры

1. Янкоўскі, Ф. М. Беларуская фразеалогія / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Народная асвета, 1981. – 79 с.
2. Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 1978. – 224 с.
3. Красней, В. П. Сучасная беларуская мова : Лексікалогія. Фразеалогія / В. П. Красней, У. М. Лазоўскі, І. М. Шчарбакова. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 175 с.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
5. Сидоренко, М. И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке / М. И. Сидоренко. – Ленинград, 1982. – 108 с.
6. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 1998. – 271 с.
7. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агульн. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 3. – 1979. – 672 с.
8. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агульн. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 4. – 1980. – 768 с.

Sadouskaya Alena

Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: e.sadowskaya@mail.ru

Yakoltsevich Maryia

Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: yakoltsevich@mail.ru

PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL SYNONYMY: TYPES OF SYNONYMS

Synonymy is one of the manifestations of paradigmatic relations not only in lexicography, but also phraseology and paremiology. Despite the fact that this phenomenon manifests itself in these sections of linguistics in different ways, the same types of lexical, phraseological, paremiological synonyms: absolute, semantic, stylistic and semantic and stylistic are defined. In this article the analysis of all types of phraseological and proverbial synonym is carried out.

Keywords: idiom, proverb, synonyms, semantics, expressive-evaluative coloring, stylistic value, internal form, synonymous tips.

УДК 808.26-318

В. В. Маршэўская

ВАРЫЯНТНАСЦЬ ДЗЕЯСЛОЎНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ

Рассматриваются типы фразеологической вариантности. Наиболее распространенный тип фразеологической вариантности – лексический. Все лексические варианты, присущие глагольным фразеологизмам, можно разделить на две группы. В первую группу входят единицы, в которых в качестве переменных компонентов употребляются синонимичные слова, вторую группу составляют выражения, взаимозаменяемые компоненты которых относятся к одной тематической группе; встречаются единицы, переменные компоненты которых обозначают совершенно разные понятия. В вариантные отношения могут вступать компоненты, которые на уровне слов принадлежат к разным частям речи, только активность их в образовании лексических вариантов неодинакова. Чаще всего варьируются глагольные компоненты и существительные компоненты.

Ключевые слова: глагольные фразеологизмы, вариантность, фразеологическое значение, синонимы, компонентный состав фразеологизма.

Шмат якім дзеяслоўным фразеалагізмам, зрэшты, як і выразам іншых семантыка-граматычных разрадаў, уласціва варыянтнасць, або здольнасць перадаваць адно і тое ж значэнне неаднолькавай формай. «У з’яве варыянтнасці, – піша У. П. Жукаў, – выяўляецца супярэчнасць паміж формай і зместам фразеалагізма. Ідэальна фразеалагічнае значэнне, апрацаванае і замацаванае моўнай традыцыяй, павінна адназначна перадавацца формай, але такая адпаведнасць пастаянна

парушаецца. Справа ў тым, што значэнне фразеалагізма мае тэндэнцыю набываць розныя формы выяўлення, і наадварот: адна і тая ж фразеалагічная форма імкнецца абслугоўваць розныя моўныя функцыі» [1, с. 103–104]. У такім разе фразеалагічныя варыянты ў пэўнай ступені збліжаюцца з фразеалагічнымі сінонімамі.

Размежаванне сінонімаў і варыянтаў з’яўляецца не да канца вырашаным пытаннем. Рознымі даследчыкамі не раз ужо адзначалася, што межы паміж сінонімамі і варыянтамі досыць хістка і рухомыя. Так, на першы погляд цяжка вызначыць, што перад намі: сінанімічны фразеалагізм ці варыянтныя формы аднаго фразеалагізма – *браць за каўнер* (каго) і *браць за шкірку* (каго); *спяваць песні* (каму) і *спяваць асанну* (каму, чаму); *асушаць слёзы* (чые, каму) і *асушаць вочы* (чые, каму); *козыр выбіты з рук* (каго, чыіх) і *козыр біты* (чыі, каго); *далёка хадзіць не трэба* (за чым) і *далёка хадзіць не патрэбна* (за чым).

Пры размежаванні гэтых з’яў найбольш мэтазгодна карыстацца крытэрыямі, якія вылучае І. Я. Лепешаў [2, с. 61–64]. Адным з асноўных паказчыкаў варыянтнасці фразеалагічных адзінак лічыцца непарушнасць унутранай формы. З розным вобразным уяўленнем успрымаюцца фразеалагізмы *браць за каўнер* (каго) і *браць за шкірку* (каго), і зусім аднолькавая ўнутраная форма ў фразеалагізмах *асушаць слёзы* (чые, каму) і *асушаць вочы* (чые, каму). Таму першыя два фразеалагізмы трэба лічыць сінонімамі, а апошнія два – варыянтамі адной адзінкі.

Адным з важных крытэрыяў размежавання сінонімаў і варыянтаў лічыцца адсутнасць семантычных адценняў у варыянтах фразеалагізма, тады як наяўнасць сэнсавых адценняў – характэрная з’ява для многіх сінонімаў. Так, фразеалагізм *козыр выбіты з рук* (каго, чыіх) са значэннем ‘хто-н. пазбаўлены якіх-н. пераваг’ сінанімічны фразеалагізму *козыр біты* (чыі, каго), якому ўласцівы семантычны дадатак ‘пацярпеў поўную няўдачу ў чым-н.’ Варыянтамі трэба лічыць *далёка хадзіць не трэба* (за чым) і *далёка хадзіць не патрэбна* (за чым) з аднолькавым семантычным значэннем ‘лёгка назваць (напрыклад, факт і пад.), каб пацвердзіць што-н.’

Істотным прыёмам размежавання гэтых дзвюх з’яў з’яўляецца і тое, што варыянты аднаго фразеалагізма заўсёды ўзаемазамяняльныя ў любых кантэкстах, тады як сінонімы далёка не заўсёды могуць быць заменены адзін другім без унясення ў тэкст сэнсавых, стылістычных адценняў або структурных змяненняў. Напрыклад, фразеалагізм *спяваць песні* (каму) са значэннем ‘празмерна ўсхваляць, вельмі ўзносіць каго-н.’ не ва ўсіх выпадках можа замяніць сінанімічны выраз *спяваць асанну* (каму, чаму) са значэннем ‘празмерна ўсхваляць, вельмі ўзносіць каго-,

што-н.'. Паміж сінонімамі і варыянтамі магчымы прамежкавыя выпадкі, гэта значаецца многімі даследчыкамі. Не выпадкова ўзніклі такія тэрміны, як «сінанімічныя варыянты» (В. П. Красней; У. Т. Шкляроў; І. І. Чарнышова), «варыянтныя функцыянальна-стылістычныя сінонімы» (І. А. Фядосаў); «варыянты-сінонімы» (С. Г. Гаўрын); «дублетныя фразеалагізмы-сінонімы» (М. М. Шанскі); «структурныя сінонімы» (А. У. Кунін) і інш.

Варта згадзіцца з такім выказваннем: «Калі цяжка або немагчыма вызначыць, ці з'яўляюцца канкрэтна гэтыя звароты варыянтамі адной фразеалагічнай адзінкі або выступаюць як сінонімы, пытанне вырашаецца на карысць сінаніміі» [3, с. 10]. Аналізуючы дзеяслоўныя фразеалагізмы, можна выдзеліць наступныя тыпы варыянтаў: лексічны, марфалагічны, словаўтваральны, фанетычны, акцэнтны, канструктыўна-колькасны, змешаны (камбінаваны). Найбольш распаўсюджаны тып фразеалагічнай варыянтнасці – лексічны. «Лексічнымі варыянтамі фразеалагізма называюцца такія слоўныя відазмяненні, якія адбываюцца ў рамках адной і той жа структурнай мадэлі і не ўносяць ніякіх змен у сэнсавы змест фразеалагізма» [4, с. 25]. Усе лексічныя варыянты, уласцівыя дзеяслоўным фразеалагізмам, можна падзяліць на дзве групы. У першую групу ўваходзяць адзінкі, у якіх у якасці пераменных кампанентаў ужываюцца сінанімічныя словы. Напрыклад: *рваць горла (глотку), разблытваць (размотваць) клубок, прыклеіваць (прылепліваць) ярлык (каму, на каго, на што), стаяць на дарозе (на шляху)* (чыёй, у каго) і пад. Другую групу складаюць выразы, узаемазамяняльныя кампаненты якіх адносяцца да адной тэматычнай групы: *прыцягваць за вушы (за валасы)* (што), *раскідаць розумам (галавой, мазгамі), адной нагой стаяць у магіле (у труне), свяціць голым целам (пузам, задам), лажыцца ў магілу (у труну, у дамавіну, у зямельку)* і г. д.

Сустракаюцца адзінкі, пераменныя кампаненты якіх абазначаюць зусім розныя паняцці, напрыклад: *пускаць пыл (туман, дым) у вочы (каму), трымаць (насіць) хвост трубой (дудой, абаранкам, пісталетам), націскаць на ўсе педалькі (кнопкі)* і пад. Адносна такіх фразеалагізмаў існуюць розныя думкі. У. П. Жукаў лічыць, што фразеалагізмы, якія «асацыіруюцца са словамі рознага значэння, але аб'яднаны ў адно семантычнае поле..., адпавядаюць статусу прамежковых, пераходных з'яў ад варыянтнасці да сінаніміі» [1, с. 108–109]. В. М. Макіенказначае, што «абагульнены характар фразеалагічнага ўжывання слова, памяншэнне намінацыйных функцый лексемы і павышэнне яе экспрэсіўных характарыстык неадкладна цягнуць за сабой пашыранае разуменне тэматычнай аднароднасці пры лексічных заменах» [5, с. 34].

Гэта яшчэ раз пацвярджае думку, што асобныя семантычныя прыметы слова неаднолькава істотны пры яго розных ужываннях [6].

У варыянтныя адносіны могуць уступаць кампаненты, якія на ўзроўні слоў належаць да розных часцін мовы. Толькі актыўнасць іх ва ўтварэнні лексічных варыянтаў неаднолькавая. Часцей за ўсё вар’іруюцца дзеяслоўныя і назоўнікавыя кампаненты: *дурыць (тлуміць, марочыць, чмурыць, чмуціць) галаву (галовы) (каму), пусціцца (ушыцца) у сабачую скуру, свістаць (трубіць) у кулак, адчуваць глебу (грунт) пад нагамі, перабіраць у галаве (у памяці, у думках), падчапіць (злавіць) на кручок (на вудачку) і інш.*

Даволі рэдка ў варыянтныя адносіны ўступаюць кампаненты, якія генетычна належаць да займенніка, прыметніка, дзеепрыметніка, прыслоўя, дзеепрыслоўя, лічэбніка: *варыцца ў сваім (уласным) саку, не жылець на белым (на гэтым) свеце, адкрываць новую (свежую) старонку (у чым), бачыць наскрозь (навылёт), дарма (дарэмна) есці хлеб, сядзецца склаўшы (злажыўшы) рукі, выціскаць (выганяць) пот (сем, дзесяць патоў) (з каго) і пад.*

У некаторых выпадках лексічныя варыянты ўтвараюцца шляхам замены кампанентаў – службовых часцін мовы (злучнікаў, прыназоўнікаў, часціц), якія маюць аднолькавае ці блізкае значэнне: *ні (ані) мур-мур, і (ні) пары з рота не пусціць, разжоўваць і (ды) у рот класці (каму), паехаць ад (са) смеху (ад рогату), ламаць праз (цераз) калена (што), як (што) гарох аб сцяну (каму, для каго), як (нібы) з ланцуга сарваўся, што (як) ні кажы і інш.*

Другі тып фразеалагічнай варыянтнасці – марфалагічны. Для дзеяслоўных фразеалагізмаў ён малапрадуктыўны. Марфалагічныя варыянты адрозніваюцца адзін ад аднаго формамі ліку, склону і інш. Варыянтныя формы адзіночнага і множнага ліку ўласцівы выразам *трымаць на вачах (на воку) (каго, што), закрываць амбразуру (-ы), навастрыць вушы (буха) і пад.*

Марфалагічныя варыянты могуць адрознівацца сучаснымі і перажытачнымі канчаткамі: *свяціць вачамі (вачыма)*. З неаднолькавымі склонавымі формамі могуць ужывацца кампаненты фразеалагізмаў *рабіць з белага чорнае (белае чорным), на хвост (на хвасце) станавіцца, заламаць асінку (-аю)*.

Трэці тып фразеалагічнай варыянтнасці – словаўтваральны. Ён малапрадуктыўны, аднак вылучаецца разнастайнасцю словаўтваральных фармантаў. Пераважаюць выразы, адзін з кампанентаў якіх (звычайна дзеяслоўны) адрозніваецца ад суадноснага з ім кампанента іншай прыстаўкай або суфіксам: *надзяваць (адзяваць) сабе хамут на шыю, заста-*

вацца (аставацца) без рук, затаіць (стаіць) дыханне, зацягваць (падцягваць) паясы, садзіцца ў лужыну (у лужу), танцаваць ад печы (ад печкі), раскладаць (раскладваць) на палічках (што) і пад.

Выразы, у якіх можна знайсці прэфіксальныя і прэфіксальна-суфіксальныя або суфіксальныя і прэфіксальна-суфіксальныя адрозненні адначасова, малапрадуктыўныя: *вешаць (наवेशваць) ярлыкі* (каму, на каго, на што), *падымаць (паднімаць, узнімаць) на ногі* і інш.

Значна радзей у параўнанні з іншымі тыпамі варыянтнасці сустракаюцца фанетычныя варыянты. Яны адрозніваюцца некаторымі змяненнямі фанем у кампаненце: *пускаць (пушчаць) з торбаю* (каго), *рваць жылы (жылле), садзіць (саджаць) на пасад* (каго), *трапіць да Абрама (да Абрагама) на півя*. Таксама непрадуктыўны яшчэ адзін тып варыянтнасці – акцэнтны. Зменныя кампаненты адрозніваюцца ў гэтым выпадку месцам націску. Змяненне месца націску прыводзіць і да пэўных фанетычных змен, таму такія варыянты можна кваліфікаваць як акцэнтнафанетычныя: *бакі (бокi) рваць, воўкам (ваўком) завяць, звіацца вужам (вужом), злавіць двух зайцаў (зайцоў)* і пад.

Наступны тып фразеалагічнай варыянтнасці – канструктыўна-колькасны. Дарэчы, агульнапрынятай назвы для варыянтаў гэтага тыпу няма. В. І. Зімін [7] называе іх эліпсам і ўключае ў лексічныя варыянты. Іншы раз іх называюць структурнымі (Н. А. Кірسانава), сінтаксічнымі (Л. М. Калеснікава). Беларускія даследчыкі называюць іх колькаснымі (М. А. Даніловіч) ці канструктыўна-колькаснымі (І. Я. Лепешаў).

І. Я. Лепешаў зазначае, што «многія фразеалагізмы здольны ўжывацца то ў поўным, то ў няпоўным кампанентным складзе. Яны суадносяцца як раўнапраўныя варыянты, аднолькава дапушчальныя ў межах нормы. Эліптычны варыянт фразеалагізма захоўвае тыя ж сэнсавыя і эмацыянальна-ацэначныя якасці, што і яго нескарочаны адпаведнік» [8, с. 139]. Апускацца могуць кампаненты, якія належаць да розных часцін мовы: займеннікавыя кампаненты, прыслоўныя, назоўнікавыя, прыметнікавыя, дзеепрыметнікавыя, злучнікавыя, а таксама прыназоўнікава-склонавыя спалучэнні: *не верыць <сваім> вушам, паліць <усе> масты <за сабой>, не прымусяць <доўга> сябе чакаць, разводзіць турусы <на калёсах>, рассыпацца <дробным> макам* (перад кім), *распускаць <павіны> хвост, званіць у <разбіты> лапаць, <i> у вус <сабе> не дзьмуць, хваць канцы <у> ваду, вешаць лапу <на вушы>* (каму) і інш.

Як піша П. А. Лекант, «скарочаныя і нескарочаныя варыянты фразеалагічнай адзінкі «суіснуюць» у маўленні, як правіла, не выпцяняючы адзін аднаго. У шэрагу выпадкаў скарочаныя варыянты сталі больш ужывальнымі, чым нескарочаныя» [9, с. 213]. Розныя тыпы фразеалагіч-

най варыянтнасці не супрацьпастаўлення, а вельмі цесна звязаныя паміж сабой.

Адным з праяўленняў гэтай сувязі з'яўляецца наяўнасць у мове змешаных, ці камбінаваных, варыянтаў. Змешаны тып варыянтнасці падкрэсліваецца і многімі даследчыкамі. Уласцівы ён і дзеяслоўным фразеалагізмам. Для большасці з іх характэрны канструктыўна-колькасныя і лексічныя варыянты адначасова: *ставіць (устаўляць, соваць, сунуць) палкі (-у) у кола (-ы) (каму, чаго), схадзіць <да галавы, назад> на розум, сыпаць (пасыпаць) соль на <свежую, жывую> рану (-ы), ляжаць у <сырой> зямлі (зямельцы, пяску), браць (прымаць) <блізка> да сэрца (да душы) (што), не жылец <на белым (на гэтым) свеце>, зламаць <сабе> галаву (шыю),гнуць <сваю> спіну (горб) і інш.*

Спіс літаратуры

1. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
2. Лепешаў, І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 264 с.
3. Войнова, Л. А. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.
4. Жуков, В. П. Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне / В. П. Жуков // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1972. – Вып. 2. – С. 20–30.
5. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. школа, 1989. – 287 с.
6. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
7. Зимин, В. И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц / В. И. Зимин. – Тула : Тул. ГПИ им. Л. Н. Толстого, 1972. – С. 70–83.
8. Лепешаў, І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 264 с.
9. Лекант, П. А. Эллипсис как проблема синтаксиса и фразеологии / П. А. Лекант // Русский язык : Вопросы русской фразеологии. Ученые записки. Т. 160. – М., 1966. – Вып. 2. – С. 210–224.

Marsheuskaya Valiantsina

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: tina-2010@bk.ru

VARIABILITY OF VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS

The article discusses the types of phraseological variation. The most common type of phraseological variation is lexical. All lexical variants inherent in verbal phraseology can be divided into two groups. The first group includes units in which synonymous words are used as variable

components, the second group consists of expressions whose interchangeable components belong to the same thematic group; there are units whose variable components denote completely different concepts. Components that belong to different parts of the language at the word level can enter into variant relationships, but their activity in the formation of lexical variants is not the same. Most often, the verb and noun components vary.

Keywords: verbal phraseological units, variant, phraseological meaning, synonyms, component composition of phraseological units.

УДК 81'373.612.2

С. Б. Кураш

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСЕМЫ «МЕТАФОРА» В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Характеризуются парадигматические и синтагматические связи терминологемы *метафора* и её детерминологизированных вариантов в различных коммуникативных практиках – как в рамках филологического дискурса, так и вне последнего. Делается вывод об эволюции концептуализации данной терминологемы от чисто риторического понимания к её осмыслению в качестве глубинного механизма речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: метафора, синтагматика, парадигматика, коммуникация, дискурсивные практики.

На одной из ведущих позиций по функционированию в различных современных дискурсивных практиках (как в собственно научном дискурсе, так и вне его), в сравнении с иными филологическими терминами, находится терминологема *метафора*: «Любопытно, что из классического терминологического наследия определённую самостоятельную метафорическую жизнь обрёл сам греческий термин *метафора*, связанный не только с лингвистикой как таковой, но и с теорией литературы» [1, с. 93]. Возможно, данный факт обусловлен произошедшей по отношению к метафоре «переоценке ценностей», во многом благодаря знаменитой книге Дж. Лакоффа «Метафоры, которыми мы живём» и последовавшими за этим исследованиями глубинно-метафорических механизмов мышления и творчества. Ср.: «Категория метафоричности представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком; она отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. <...> Категория метафоричности относится к одному из наиболее общих и фундаментальных понятий, отражающему существенные всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания по признаку нахождения ассоциативных связей между ними» [2, с. 26]; «Метафора – это проявление аналоговых воз-

возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [3, с. 33] и т. п.

В данной работе мы ставим цель выяснить парадигматические и синтагматические связи данной терминологемы и её детерминологизированного варианта в различных дискурсивных практиках.

Под парадигматикой репрезентации данной лексемы мы понимаем различного рода ассоциативные связи, вводящие её в круг иных терминологических единиц. Под синтагматикой – вхождение слова *метафора* в аналитические терминологические обозначения и иные сочетания, в том числе имеющие свойства коллокаций.

Парадигматические характеристики.

Вполне естественно, что «родная» для функционирования лексемы *метафора* – сфера филологического дискурса, где доминирующей остаётся трактовка данного феномена как «вида тропа». При этом многие исследователи по праву называют метафору основным тропом, черты которого (такие, как умножение смыслов, неузуальность словоупотребления и пр.) можно найти в любых других тропах. Ср.: «Метафора настолько распространена, что часто используется в качестве зонтичного термина (еще одна метафора!), обозначающего и другие фигуры речи (например, метонимию), которые технически отличимы от метафоры лишь при её узком понимании» [4, с. 126]. Об этом же говорят Н. Н. Белозёрова, ссылаясь на Р. О. Якобсона, который, выдвинув «тезис о следах метонимии в метафорах и следах метафоры в метонимиях, по сути, постулировал положение о взаимопроникновении тропов и о синтетическом характере типов творчества» [5, с. 51], а также ряд исследователей, пропагандирующих точку зрения на «максимально широкое понимание метафоры: когда ею является и собственно метафора, и символ, и аллегория, и эмблема, и персонификация, и гипербола, и симфора, и семиметафора, и метафоричный эпитет» [6].

С другой стороны, метафора в своём эволюционном движении восходит к мифу как способу мировидения: «Представление о расподоблении мифа имело бы исключительно гипотетический характер, если бы не метафора. Именно она как рудимент мифологического мышления обеспечивает возможность реконструкции эволюции этого расподобления. В ней, как в застывшей лаве, запечатлен самый существенный сдвиг, происшедший в архаическом сознании, – распад его первородной целостности, в результате чего свойственное ему отождествление внутреннего и внешнего, ядра и периферии, содержания и формы, условного и безусловного и других аспектов мирового единства теряет свою органическую силу и

ослабляется до их взаимосоотносительного различения. <...> метафора является самой мифологизированной из всех тропов, не случайно О. Фрейденберг называет её “осколком мифа”» [7, с. 30–38].

«Смежные зоны» также обнаруживаются у метафоры со сказкой и фантастикой [8; 9]. См., например, весьма характерные для современной поэзии метафорико-фантастические построения, в которых одно из пересекающихся денотативных пространств принадлежит действительному, а второе – возможному миру, т. е. из метафоры возникает некий сказочно-фантастический образ: *Запрокинувшись, лежу. / Надо мной, забыв бельчаток, / жестикулируют в лесу / белок жёлтые перчатки. / Кто-то шарит по стволу / и, невидимый, как мимы, / не задевши за смолу, / на мгновение обнимет. / А бывает, сразу две / вокруг пня они играют – / как твои руки на руле / в жёлтом хrome замирают* (А. Вознесенский, «Белки»).

В современных коммуникативных практиках вне сферы филологического дискурса всё чаще фиксируется реализация общей формулы «**X – это метафора**», которая наделяется функцией утверждения обобщающего характера. В них лексема *метафора* осмысливается как однопорядковая с такими понятиями, как «знак», «модель», «образ», «символ» (своеобразная синонимия): *Я понял, что такое участие в «Тур де Франс». Это метафора жизни* [10]; *И об этом мой фильм. Для меня фильм – это метафора жизни* [10]; *Указка – метафора, этакий символ жестких мер со стороны учителя* [10]; *А почему это, в конце концов, приятно? Что такое вечность, как не метафора? Ведь о неметафорической вечности мы ничего не знаем* [10].

Характерны и такие контексты, когда метафора ставится в один синонимический ряд с такими понятиями, как *воображение, выдумка* и пр., ср.: *То есть стихи... да, это не метафора и не воображение* [10]; *Тогда лишь поймете вы, что выражения – «волосы становятся дыбом», «руки опускаются» – не метафоры, а истинная правда, – то, что бывает в жизни, что рассказы о том, как в одну ночь седеют люди – не выдумка* [10].

Выявлены следующие способы концептуализации «антиметафоры» в современных дискурсивных практиках (антонимия): **Метафора vs реальность как таковая, возможное в принципе, факт**: – *Первый шаг – взглянуть правде в глаза и понять, что вымирание русских – вовсе не метафора, это наша реальность, и идет этот процесс намного быстрее, чем кажется* [10]; *Это была не метафора, если под копеечкой понимать тогдашний круглый бронзовый французский франк* [10]; *это не метафора, не образ, – где его «душа», где тело? – но опять физическое,*

телесное ощущение холода, – ощущение смерти [10]; Слово «равновесие» – не метафора. Я вкладываю в него вполне конкретный научный смысл [10].

Синтагматические характеристики.

Для многих контекстов искомого характера характерно присутствие особых прагматических усилителей отрицания (а по сути – нанесения урона «авторитету» метафоры), ср.: *не расхожая метафора, не бросакая метафора, не затасканная, это вам не метафора* и т. п.

Ряд контекстов демонстрирует допустимость того факта, что высказывание может быть и метафоричным, и неметафоричным (буквальным) одновременно, ср.: *Кстати сказать, железный занавес – не только метафора* [10]; *Но когда хоккеистов сравнивают с артистами или солдатами – это не всегда метафора* [10]; *Старый стишок о Гленгайлах – Копит, копит смолоду Наш помещик золото – не только метафора, но и правда* [10].

В коммуникативном пространстве современного русского языка обнаруживаются и достаточно интересные примеры онимизации лексемы *метафора*, обусловленные специфическим контекстным окружением (найлены посредством поисковых систем Яндекс и Google): *Культурно-образовательное сообщество «Метафора»* (Улан-Удэ); *«Метафора – школа русского языка и культуры в Вирджинии»*; *«Издательство «Метафора»* (Москва); *«Центр технологий развития творчества «Метафора»* (Вышний Волочёк); *ООО «Метафора»* (Мурманск); *ООО «Метафора»* (Санкт-Петербург) и т. п.

Обобщим изложенные результаты в таблице 1.

Таблица 1 – Парадигматика и синтагматика терминологической лексемы *метафора*

Парадигматика	Синтагматика
<p>«Синонимия»: <i>перенесение, троп, сравнение, олицетворение, прозопопея, иноречие, инословие, иносказанье, обиняк, выдумка, воображение</i></p>	<p>Филологический дискурс: <i>метафора когнитивная, метафора образная, метафора номинативная, метафора стертая, метафора художественная, метафора эмоциональная, метафора языковая, метафора развёрнутая, метафора простая, ономастическая метафора, звуковая метафора и др.</i></p>
<p>«Антонимия»: <i>реальность, факт, правда и пр.</i></p>	<p>Вне филологического дискурса: <i>метафора оптическая, метафора сновидения, метафора о разбитом окне, метафора в современной науке, метафора рабочего стола, метафора гипнотической ситуации, компьютерная метафора, абсолютная метафора, телесная метафора, гендерная метафора, сексуальная метафора и др.</i></p>

<p>Смежные понятия: <i>миф, сказка, фантастика, аллегория, катахреза, притча, синекдоха, аналог, модель, метонимия, сравнение, синтез, научное творчество и др.</i></p>	<p>Оценочные контексты: <i>расхожая метафора, броская метафора, затасканная метафора, это вам не метафора, вовсе не метафора и др.</i></p> <p>Онимизация: <i>ООО «Метафора», литературной премии «Метафора», культурно-образовательное сообщество «Метафора» и др.</i></p>
---	--

В результате обобщения достаточно обширного и – есть основания утверждать – репрезентативного круга лексикографических источников, фиксирующих терминологему *метафора* (при этом автор ни в коей мере не претендует на количественную полноту такого анализа), можно засвидетельствовать, что метафора – одно из самых разработанных понятий в системе филологических и иных гуманитарных наук за более чем последнее столетие; метафора – понятие межнаучное и дискурсивно актуальное; понимание метафоры эволюционирует от чисто риторического (поэтологического) подхода к ней к её осмыслению в качестве глубинного «пускового механизма» при порождении семиотически усложнённых форм речи.

Список литературы

1. Сичинава, Д. В. «Увы, для них это всё плюсквамперфект»: лингвистический термин как языковой образ / Д. В. Сичинава // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 27. – С. 90–121.
2. Вардзелашвили, Ж. Метафорическая картина мира в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.03 / Ж. Вардзелашвили ; Тбилис. гос. ун-т им. И. Джавахишвили. – Тбилиси, 2002. – 32 с.
3. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
4. Chandler, D. Semiotics: The Basics / D. Chandler. – Second ed. – London ; New York : Routledge, 2007. – 307 p.
5. Белозерова, Н. Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Н. Н. Белозерова. – Тюмень, 2001. – 352 л.
6. Тимошенко, Ю. В. Метафора в структурі художньої свідомості : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.06 / Ю. В. Тимошенко ; НАН України, Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка. – Київ, 2001. – 17 с.
7. Иванюк, Б. П. Метафора и литературное произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования) / Б. П. Иванюк. – Черновцы : Рута, 1998. – 252 с.
8. Добжинская, Т. Метафора в сказке / Т. Добжинська // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 476–493.
9. Падучева, Е. В. Метафора и ее родственники / Е. В. Падучева // Слово. Текст. Культура : сб. ст. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 187–203.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа: 20.11.2019.

Kurash Sergej

Mozyr State Pedagogical University named I. P. Shamyakin

e-mail: text2005@mail.ru

**PARADIGMATIC AND SYNTAGMATIC CHARACTERISTICS
OF LEXEME «METAPHOR» IN MODERN DISCURSIVE PRACTICES**

Paradigmatic and syntagmatic connections of the «metaphor» lexeme and its determinologized variants in various communicative practices, both within the framework of philological discourse and outside of it, are characterized in the article. The conclusion is made about the evolution of the conceptualization of this lexeme from a purely rhetorical understanding to its comprehension as a mechanism of speech-making activity.

Keywords: metaphor, syntagmatics, paradigmatics, communication, discursive practices.

УДК 811.161.1'37(045)

Л. В. Чернышова

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ
ГЛАГОЛОВ (кидать / кинуть – кідаць / кінуць)**

Исследуется семантический потенциал русских и белорусских глаголов *кидать / кинуть – кідаць / кінуць* как вербально-когнитивного средства, сопоставляются сходства (интегральные семы) и различия (дифференциальные семы) в семантической структуре с целью выявления общих тенденций и национально-специфических особенностей семантем указанных лексических единиц в близкородственных русском и белорусском языках.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, сема, семема, семантема.

В современной лингвистике глагол понимается не только как номинация действия, но и как указание на событие или ситуацию, название самого события и ситуации. По словам Е. С. Кубряковой, он «может рассматриваться не столько как обозначение разных процессов, действий и состояний, что правильно, но недостаточно, сколько как обозначение свернутых ситуаций, относящихся либо к описанию положения дел, прежде всего, к описанию межпредметных связей и отношений» [1].

Сторонники когнитивного подхода отмечают способность глагола порождать концепт определенной ситуации, по Л. Теньеру, «своего рода маленькую драму» [2]. Помня о том, что языковая картина мира является не отражением, а интерпретацией действительности, совершаемой говорящими и заключенной в грамматике и словаре [3], изучая концепты, образующие национальную концептосферу, можно эксплицировать национально-культурную информацию путем сопоставления данных разных языков и выявления в ней сходств и различий.

В языковом сознании русского и белорусского народов в рамках глобальной категории «движение, перемещение» выделяется фрагмент «бросание». Одним из средств его языкового выражения являются глаголы *бросить*, *кинуть* в русском языке и *кінуць* в белорусском. Они относятся к классу динамично-моментальных, так как не характеризуются наличием значения длительности. Будучи многозначными и обладая широкой семантикой, номинации действия отражают в своей смысловой структуре национально-ментальные характеристики процесса движения и имеют свои средства выражения и семантическую структуру в сравниваемых языках.

Наиболее древним слоем концепта является внутренняя форма или этимология [4]. Рассмотрим происхождение «основных» глаголов, представляющих бросательное движение, – русского *бросать / бросить* и белорусского *кідаць / кінуць*.

Лексема *бросить*, по данным словаря Н. М. Шанского, происходит из *брьснути* 'скрести, брить' > 'оголять' (сбивая головки у льна) > 'заставлять лететь прочь' > бросать [5]. *Кинуть* – праславянское, проявившееся в разных языках с семами 'удалять, гнать, рвать, быстро' [6]. Глагол *бросить*, имевший первоначально «сельскохозяйственное значение», закрепился в русском языке как **стилистически нейтральный**, свободный от дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков, он покрывает все денотативные значения глагола *кинуть*, который в русском языке находится на вторых ролях и часто воспринимается носителями языка как разговорный, хотя таковым в целом не является. В синонимическом ряду, возглавляемом глаголом *бросать / бросить*: ***бросить-кинуть-швырнуть-метнуть, кинуть*** – занимает следующее за доминантой место.

Что касается белорусского глагола, то он возглавляет синонимический ряд: ***кінуць – бразнуць – шпульнуць – шпурнуць – шпурлянуць – шыбануць (разм.) – пусціць – папусціць – запусціць (перан.)*** [7]. Функцию доминанты, как известно, может выполнять **семантически наиболее простое, стилистически нейтральное, с широкой лексической сочетаемостью** слово и поэтому наиболее употребительное.

Таким образом, даже на первый взгляд место глагола *кінуць* в белорусском языке более важное и стабильное по сравнению с его русским эквивалентом *кинуть*.

Сопоставим семантические структуры русского и белорусского глаголов *кидать / кинуть – кідаць / кінуць*, используя данные словаря Т. Ф. Ефремовой [8] (7 семем) и пятитомный «Глумачальны слоўнік беларускай мовы» [9] (8 семем).

Следует отметить, что подобное исследование (по данным лексикографии) нередко порождает неточности: в традиционных толковых словарях составителями до сих пор не используется семный анализ – то есть значения описываются без использования термина *сема* и не дифференцируются в терминах семных различий. Сказанное относится к подаче материала в пятитомном «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы», который до нашего времени является самым авторитетным толковым словарем белорусского языка. Что касается русского источника, то он учитывает подобный анализ, отмечая семы как *оттенки* значения. Такая подача материала в русском словаре и положение глагола *кинуць* в белорусском языке, предполагающего наличие максимального объема семантической структуры, позволяет рассчитывать на достоверность нашего исследования. Разница в лексикографическом описании глаголов создает необходимость сопоставления данных относительно русского толкования.

Большинство выделяемых различными авторами «значений», «компонентов», «факторов» у лексемы может быть сведено к следующим принципиальным компонентам: *денотативный* – прямое номинативное (Д1), производно-номинативное (Д2), *функциональное* (Ф) и разновидности *коннотативного* компонента значения (К), характеризующие то или иное отношение говорящего к акту общения, участникам акта общения, сообщаемому и др., то есть несущие дополнительную информацию [10]. Денотативный, функциональный и коннотативный *макрокомпоненты*, в свою очередь, могут быть расчленены на более мелкие компоненты (*микрокомпоненты* значения, *семы* или *оттенки*, как в использованном нами словаре Т. Ф. Ефремовой). В каждой семеме есть свои денотативные, коннотативные и функциональные семы. Все *фразеологически связанные* значения являются *коннотативными*, то есть отражают образы объективного мира опосредованно, вербализуют их лексемами, имеющими статус Д1 или Д2, с добавлением личностных эмоций и оценок, с включением картиночных представлений [10].

Семный анализ и семное описание значения предполагают использование метода *компонентного анализа*, который состоит в выделении дифференциальных и интегральных сем в семантических структурах слов путем их попарного сопоставления внутри группы близких по значению лексических единиц в родственных языках – межъязыковых соответствий (паралекс). Начнем сопоставление с выявления *интегральных сем*, характеризующихся, однако, некоторым своеобразием.

Базовым компонентом для формирования глаголов *кидаць / кинуць* – *кідаць / кинуць* является интегральная семема (Д1) 'резким движением,

взмахом руки заставляя что-либо перемещаться в воздухе в каком-либо направлении'. Семы в ней находятся во взаимосвязи с семой «характер движения». Далекое не все они содержат значение 'движение в цель', но чаще 'движение с целью'.

Общая характеристика бросательного движения, репрезентируемого рассматриваемыми глаголами, – это сила, резкость, скорость, небрежность, беспорядочность и разнонаправленность движения: сильно качать, трясти, толкать, придавать кому-либо или чему-либо резкие беспорядочные движения (Д1).

На основе прямого номинативного значения (Д1) в обоих языках развились производно-номинативные (Д2): оставлять, покидать, бросать как ненужное, отказываться от чего-то как ненужного, заставляя, принуждать, направлять, распространять.

Интегральные семы часто содержат **дифференциальные компоненты**. Так, первый русский макрокомпонент 'резким движением, взмахом руки заставляя что-либо перемещаться в воздухе' содержит функциональные микросемы 'выбрасывать карты, кости и т. п. на поверхность чего-либо (при игре, гадании и т. п.)' и 'вынуждать противника падать, касаясь лопатками ковра или земли (в спортивной борьбе)'.

Интегральная семантика 'выбрасывать, выкидывать, освобождаясь от чего-либо ненужного, лишнего' (Д1) в семантическом объеме русского глагола содержит функциональную сему (*разг.*) 'неумеренно, безрассудно расходовать; тратить (деньги)' (Д2). Ей соответствует фразеологически связанное белорусское *кідаць грошы на вецер* (К) и сема 'переставать пользоваться чем-либо как ненужным, бесполезным' (Д2) – в белорусском языке нейтральные (Д1).

Стилистически нейтральным макрокомпонентам белорусского глагола 'направлять, посылать кого-либо куда-либо для выполнения какой-либо работы (*обычно спешно, срочно*), службы, в заточение' соответствуют русские функциональные микрокомпоненты, они отмечены как разговорные.

В русском толковании подчеркивается семантика 'попадание в цель': «стараясь попасть в кого-либо или во что-либо», которая реализуется в белорусском языке фразеологически связанным значением *кідаць каменем у каго; кідаць каменчыкі у агарод* (К) и др.

Таким образом, одинаковые значения чаще по-разному представлены в семантических структурах русского и белорусского глаголов и свидетельствуют о некоторых расхождениях в концептуализации.

Особо остановимся на **дифференциальных семмах**, которые эксплицируют специфические представления об интересующем нас способе движения.

1. В семантике исследуемых глаголов отражается национально-специфическое восприятие бросательного движения носителями русского и белорусского языков. Для русского национального сознания важным является *резкость* и *краткость*, *отрывистость* действия, в семантике белорусского глагола, кроме этих показателей, важна *скорость* (чаще упоминается в толковании) и *неожиданность*: *кідаць у вочы словы праўды* (Д2); *кідаць у гарачку, дрыжыкі* (К) (неожиданно, резко), качество, совсем не отмеченное в подробном описании семантической структуры глагола *кидать / кинуть* в русском словаре.

2. Семантема русского глагола содержит значение 'принудительность, вынужденность действия', не зафиксированное в толковании белорусского соответствия: 'принуждать, заставлять кого-либо быстро устремляться куда-либо' (Д1); 'подвергать кого-либо заключению, лишать свободы' (Ф, *разг.*); 'вынуждать противника падать, касаясь лопатками ковра или земли (в спортивной борьбе)' (Ф). Глагол *кидать / кинуть* в приведенных русских примерах, безусловно, требует переводческого эквивалента *кідаць / кінуць*, однако отсутствие фиксации подобного оттенка в белорусской словарной статье все же сигнализирует об особенностях в концептуализации.

3. Семантическая структура белорусского глагола содержит две самостоятельные семемы, отражающие бросательное действие в бытовой деятельности, представляющие собой обозначение свернутых ситуаций: в сельском хозяйстве 'складывать сено, солому в стог' (*кідаць стог*) и ремеслах 'протягивать нитки через берда' (ткачество) (*кідаць у бёрда*). Подобное значение репрезентирует единственная сема русского глагола, заметим, функционально и грамматически ограниченная: *несов. перех. разг.* 'перекидывать через реку, яму и т. п. для перехода или переправы (*мостки*)'.

4. Важной особенностью семантики русского глагола является наличие у него значения 'причинять материальный ущерб; обманывать', то есть порождать концепт определенной ситуации. Несмотря на стилистическую и грамматическую ограниченность (*несов. перех. разг.*), слово в указанном значении функционально активно и частотно не только в разговорном стиле, но и жаргоне (молодежном, компьютерном), биржевом сленге, воровском аргю и т. п. Появление дериватов *кидануть, кидалово* только подтверждает этот факт.

5. Представляется, что глагол *кидать / кинуть* в русском языке последних лет становится все более важным, ситуативно необходимым, употребительным и претендующим на новый, более престижный статус.

Словарь под редакцией А. П. Евгеньевой приводит значения, описывающие вполне определенные сцены: 'послать кому-либо короткое сообщение по интернету, СМС' и 'перевести кому-либо деньги с одного банковского счёта на другой', правда, отмечая их как жаргонные (Ф) [11]. Однако «всенародное признание» лексемы позволяет прогнозировать повышение глагола в функциональном ранге.

6. Особой семой в белорусском толковании обозначена безличность действия: *безличн. во что?* 'неожиданно, вдруг охватывать': *Кідаць у гарачку, дрыжыкі* (Д2), что отражено во фразеологически связанных русских выражениях *кинуть в пот; кинуть в жар* и под. (К) и семе во второй семеме *безл. разг.* 'резко, на ходу менять направление, положение (об автомобиле, самолёте и т. п.)' (Д2). Расхождения в толковании свидетельствуют о своеобразии национально-ментальных характеристик процесса движения.

7. Грамматические пометы в семантике русского глагола свидетельствуют об определенных различиях в типах протекания глагольного действия и представлении этого процесса говорящим. Многие семы (и даже семемы) русского глагола имеют дополнительную информацию: *несов.* (несовершенный вид). Белорусский глагол во всех значениях может быть употреблен и в несовершенном, и в совершенном виде.

8. Как уже упоминалось, русский глагол не отмечен как-либо стилистически в словаре, однако многие его семы функционально обозначены пометой *разг.* (разговорное), то есть их употребление чаще всего ограничено разговорным стилем. Семантику белорусского глагола *кідаць / кінуць* полностью покрывает русский *бросать*.

Итак, глаголы бросательного движения *кидать / кинуть – кідаць / кінуць*, будучи глаголами многозначными, отражают в своей смысловой структуре национально-ментальные характеристики восприятия процесса бросания.

Сходство в восприятии бросательного движения наглядно иллюстрирует общность способов вербального освоения мира русским и белорусским этносом при некоторых различиях в лексической (рус. *бросить / кинуть*, бел. *кінуць*) и семантической организации глаголов, указывающих на некоторую специфику в мировидении белорусов и русских.

Фактический материал показал, что семантическая структура русского глагола активно развивается, глагол, на наш взгляд, все больше дистанцируется от лексемы *бросать*, что свидетельствует об изменениях в русской концептуализации интересующего нас способа движения.

В условиях белорусско-русского двуязычия этот процесс оказывает существенное влияние на белорусскую концептуализацию и в результате – на семантему белорусского эквивалента, вызывая необходимость уточнения словарного толкования глагола *кідаць / кінуць*.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. Введение. Основные направления в современном развитии грамматической мысли / Е. С. Кубрякова // Современные зарубежные грамматические теории. – М. : ИНИОН, 1985. – С. 5–29.
2. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
3. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1981. – 184 с.
4. Степанов, Ю. Константы : Словарь русской культуры / Ю. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 450 с.
5. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М. : Дрофа, 2000. – 399 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2 : Е – Муж. – 672 с.
7. Клышка, М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М. К. Клышка. – Мінск : Беларускае навука, 2005. – 590 с.
8. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – СПб. : Астрель, 2006. – Т. 1.
9. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Беларускае савецкае энцыклапедыя, 1977–1984. – Т. 2 : Г – К. – 1978. – 765 с.
10. Попова, З. Д. Семемный и семный анализ как методы семасиологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Воронеж : ВГУ, 2009. – С. 4–9.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 2 : К – О. – 736 с.

Chernyshova Liudmila

Minsk State Linguistic University

e-mail: cherny0101@tut.by

**SEMANTIC STRUCTURE OF RUSSIAN AND BELARUSIAN VERBS
(*kidat' / kinut' – kidac' / kinuc'*)**

The article examines the semantic potential of Russian and Belarusian verbs (*kidat' / kinut' – kidac' / kinuc'*) verbal-cognitive tools, we compare the similarities (integrated semes) and the differences (differential semes) in the semantic structure to identify general tendencies and national specific features of semantemes of these lexical units, closely related to the Russian and the Belarusian languages.

Keywords: concept, conceptosphere, seme, sememe, semanteme.

Т. А. Козлова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЩЕДРОСТИ / ЖАДНОСТИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

На материале английского, белорусского и русского языков в сопоставительном аспекте рассматривается семантика языковых средств наименования щедрости и жадности в языке и тексте. Сравниваются количественные показатели, стилистическая принадлежность лексем, устанавливаются универсальные и национально-специфические семы, сравнивается оценочный компонент семантики.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, сема, оценка, национально-культурная специфика, щедрость, жадность.

Одной из основных областей активного взаимодействия языка и культуры являются общечеловеческие ценности [1, с. 145]. Под ценностью в широком смысле В. А. Маслова понимает «положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для человека, группы, общества в целом» [2, с. 27]. Ценности являются высшими ориентирами в культуре и помогают человеку ориентироваться в мире и описывать его. Каждый народ имеет свой набор ценностей, который включает как общечеловеческие, так и национально-специфические, однако даже при схожести ценностей их иерархия в различных социумах отлична [1, с. 26].

Мы разделяем точку зрения В. А. Масловой, что лингвокультурологический анализ должен опираться на лингвистический [1, с. 5]. Язык фиксирует данные о ценностях в семантике слов, в паремиологии, прецедентных текстах. На уровне лексем национальная специфика объединения проявляется в количестве единиц, репрезентирующих группу, её структурной организации, степени наполненности отдельных подгрупп, а также в степени номинативной дифференциации обозначаемой смысловой области [3, с. 41].

Одно и то же по содержанию значение может быть описано по-разному: лексикографически, коммуникативно, психолингвистически [4, с. 21]. В настоящем исследовании анализ значения проводится на основе лексикографических данных и данных художественной литературы.

На основе толковых словарей [5; 6; 7; 8; 9; 10] методом сплошной выборки были отобраны единицы, называющие качество наличия / отсутствия щедрости у человека. В английском языке выявлены 33 такие единицы, в белорусском и русском языках – по 23 единицы. На основе общности лексикографического описания данные слова были распределены по двум лексико-семантическим группам (в скобках указано коли-

чество лексем, репрезентирующих каждую группу): «Generosity» (9) / «Шчодрасць» (1) / «Щедрость» (1), «Greed» (24) / «Сквапнасць» (22) / «Жадность» (22).

Дефиниционный анализ позволил установить, что наименования щедрости в английском языке включают такие семы, как 'давать', 'добровольно', 'нуждающимся / бедным', 'доброта', 'нравственность'. Правомерность выделения указанных сем подтверждается обращением к этимологическому словарю [11], согласно которому лексемы данной группы восходят к таким смыслам, как «благородное происхождение», «хороший», «делать подарки», «свободный». Другими словами, быть щедрым – значит, имея благородное происхождение, делать подарки другим (делиться с другими), более бедным. В белорусском языке лексема *шчодрасць* состоит из следующих сем 'делиться / давать', 'охотно / легко', 'деньги / собственность', 'доброта'. В русском языке лексема *щедрость* представлена следующим набором сем: 'делиться / давать', 'тратить / расходовать', 'охотно / легко / не жалея', 'средства / имущество'. Универсальными для сопоставляемых языков являются семы 'давать' и 'добровольно', для английского и белорусского языков общей является также сема 'доброта', а для белорусского и русского языков – сема 'средства / собственность'.

Для сопоставляемых языков характерна асимметрия положительного и отрицательного планов, что проявляется в большей номинативной плотности лексем отрицательного плана по сравнению с данным показателем положительного плана. При этом следует отметить различную стилистическую отнесенность рассматриваемых единиц: в английском языке одна лексема имеет помету *obs. (close-handedness)*, ещё одна лексема имеет помету *inf. (stinginess)*. Лексема *insatiableness* представлена в словаре [6], однако отсутствует в словаре [5]. В семантике лексемы *insatiability* произошел сдвиг, и в настоящее время она чаще используется для наименования сильного полового желания. В белорусском языке 11 лексем из 22, репрезентирующих лексико-семантическую группу «Сквапнасць», стилистически нейтральны, 5 имеют помету *разм.*, 2 – *перан.*, 2 – *кніж. перан.*, 1 – *неадабр.*, 1 – *уст.* В русском языке стилистически окрашенными являются 10 лексем из 22: 4 – *разг.*, 4 – *перен.*, 1 – *прост.*, 1 – *уст.* На основе данных о стилистической отнесенности лексем можно определить индекс общеупотребительности лексем объединения, который представляет собой отношение количества лексем, имеющих общеупотребительную отнесенность, к общему количеству лексем группы [12, с. 96]. Для английского языка данный показатель составляет 0,92, для белорусского языка – 0,50, для русского языка – 0,55.

Общность семантики данной лексико-семантической группы проявляется в совпадении следующих сем: 'желание', 'высокая степень', 'личная выгода', 'богатство'. В английском языке присутствуют семы 'эгоизм', 'чужая собственность', 'в ущерб этической стороне', в белорусском языке – сема 'зависть', в русском языке – 'эксплуатация другого'. Связь с чувственно-эмоциональной сферой наблюдается и при этимологическом анализе, а также анализе внутренней формы слова: языковые единицы указанных лексико-семантических групп восходят к значению «желать». Более того, общими являются следующие смыслы: «брать», «торговля», «есть». Для белорусского и русского языков совпадение наблюдается в наличии смысла «добыча».

Лексикографическая практика фиксирует обобщенное представление об объекте, то есть представляет информацию в сжатом виде, достаточном для различения одной лексемы от другой, однако уже на данном этапе заметны различия в понимании ценностей разными лингвокультурами. Исследование функционирования единицы в тексте позволяет установить те смыслы, которые осознаются носителями языка, но не представлены в толковых словарях.

Одним из источников языковой информации о понимании моральных качеств представителями той или иной лингвокультуры является художественный текст. Из художественной литературы второй половины XX в. методом сплошной выборки, а также на основе корпусных данных [3; 14; 15] было выявлено 104 словоупотребления сопоставляемых лексических единиц в английском языке, 126 словоупотреблений – в белорусском языке, 275 словоупотреблений – в русском языке.

Репрезентативность лексем при функционировании в тексте различна как внутри одного языка, так и в сопоставительном аспекте. Так, 21 лексема английского языка (63,64 % от общего количества лексем сопоставляемых лексико-семантических групп) не представлена ни одним словоупотреблением, количество словоупотреблений лексем *generosity* (52) и *greed* (26) составляет 75 % словоупотреблений от общего количества, а количество словоупотреблений всей лексико-семантической группы «Greed» (46) меньше количества словоупотреблений лексемы *generosity*.

В белорусском языке 9 слов не представлены ни одним словоупотреблением, что составляет 39,13 % от общего количества лексем соответствующих лексико-семантических групп белорусского языка. Наиболее репрезентативна лексема *сквапнасць* (41 словоупотребление, или 32,54 % от общего количества словоупотреблений). Особенностью белорусского языка является более равномерное распределение словоупотреблений лексем, чем в английском и русском языках.

В русском языке 5 лексем (21,74 % от общего количества лексем в русском языке) не представлены в художественной литературе рассматриваемого периода. Две наиболее употребляемые лексемы – *щедрость* (86) и *жадность* (97) – составляют 66,55 % от общего количества словоупотреблений. Приведенные данные показывают расхождение формального показателя общеупотребительности лексем и реального функционирования единиц в речи.

Контекстное употребление лексемы *generosity* позволяет выделить следующие семы, актуализируемые в художественном тексте: ‘измеряемость’ (*measure of / a bit of / abundance of generosity, generosity has extended, total generosity*), ‘положительная оценка’ (*great generosity, a virtue of generosity, tidiness was simply a moral necessity, along with generosity, thoughtfulness, good manners and clarity*), ‘непреднамеренность’ (*burst of generosity*), ‘решительность’ (*unhesitating generosity*), ‘эмоциональность’ (*sentimental, warm generosity*), ‘категория лиц’ (*the circus ... a community of spontaneity, generosity and creative imagination*), ‘внешнее проявление’ (*a big show of generosity*), ‘каузативность’ (*Your generosity, your goodness, your pure love has enabled this possibility*). При этом в отдельных случаях контекст выводит на первый план сему ‘доброта’ (*Tonight, they accept their lot, and sign autographs and chat with fans with uncharacteristic generosity*). Словоупотребления других единиц лексико-семантической группы «Generosity» актуализируют те же семы (*the size of munificence, unforgettable bounty*), а также позволяют выделить сему ‘тип’ (*Christmas bounty, Christmas munificence*). В единичных случаях происходит смещение оценки в сторону отрицательного полюса шкалы оценок (*nonchalant munificence, careless magnanimity; Elisa rose in some confusion, wishing to remonstrate with her host about the abundance of his generosity*).

Функционирование лексемы *шчодрасць* в белорусском языке выявляет сходства в актуализации следующих сем: ‘измеряемость’ ((не)вялікая *шчодрасць*, незвычайная *шчодрасць*), ‘положительная оценка’ (удзячны за *шчодрасць*), ‘непреднамеренность’ (нечаканая *шчодрасць*, здзіўіўся *шчодрасці*), ‘эмоциональность’ (задаволены своёй *шчодрасцю*), ‘категория лиц’ (*шчодрасць Госпада, шчодрасць улады / кіраўніцтва*). При этом можно выделить семы ‘возраст’ (*юначая шчодрасць*), ‘желаемое’ (*спадзяюцца на шчодрасць*). В отдельных случаях также происходит смещение оценки в сторону отрицательного полюса шкалы оценок (*нядбайная шчодрасць; Праўда, аднаго разу з-за свае шчодрасці займеў сабе ўрок надоўга*).

Художественный текст актуализирует следующие семы слова *щедрость*: ‘измеряемость’ (*неограниченная, неслыханная, маленькая щедрость*), ‘положительная оценка’ (*милая, скромная, душевная, великодушная щедрость; щедрость – это хорошо*), ‘эмоциональность’ (*бурно восхитился щедростью, задетый ненужностью своей щедрости*), ‘возраст’ (*детская щедрость, щедрость пенсионера-садовода*), ‘внешнее проявление» (*вещи кричали о щедрости хозяина; обозначила щедрость*), ‘каузативность’ (*щедрость рождает искренность, щедрость – причина обаяния, щедрость приносит благодать*), ‘категория лиц’ (*щедрость хана, председателя, царственная щедрость, щедрость народа, русских, материнская щедрость, пиратская щедрость*). Отмечается, что указанное качество не характерно для работников собеса. Как и в белорусском языке, в семантике данной лексемы присутствует потенциальная сема ‘желаемое’ (*рассчитывать на щедрость, искать щедрость*). Кроме того, в русском языке актуализируются семы ‘вместилище’ (*щедрость переполняет*), ‘пол’ (*девичья щедрость*) и связь с целомудренностью. В отличие от английского и белорусского языков смещение оценки в сторону отрицательного полюса шкалы оценок частотно для русского языка – 27 словоупотреблений, что составляет 32,14 % от количества словоупотреблений данной единицы (*и в щедрости этой выразилась вся его родовая неприязнь к городу; наша щедрость до дури непринужденно перерастает в такую копеечность; убыточная, мстительная, снисходительная, расточительная щедрость*).

Отличительная характеристика английского языка заключается в том, что положительный план представлен большим количеством словоупотреблений, чем отрицательный, несмотря на большую номинативную плотность последнего. При этом жадность в английском языке понимается, скорее, как чувство, чем качество. Контекстное употребление слов лексико-семантической группы «Greed» демонстрирует, что данное качество присутствует у человека наряду с другими пороками (*malice, pride, selfishness, envy, gluttony*). Аналогичное явление характерно для белорусского и русского языков (*Адсюль і застой, п'янства, хці́васць, жаданне кожнага жыць лепі, як жывуць астатнія, урваць найбольшы і найсмачнейшы кус менавіта сабе; дзецям невядомыя пакуль варожасць, нянавісць, палітыканская ненажэрнасць; формула малодушша, лени, алчності, дурновкусся; удивлявшися скупости, бездушию хозяйки; Они спешили убедиться в моём невежестве, цинизме и корыстолюбии*). В белорусском языке наблюдается частотное совместное употребление синонимов (*ашалелья ад хці́васці і прагнасці; душылі скупасць, прагнасць; глушакова прагавітасць, ненажэрнасць*

праклятая; Да жалеза ў людзей з'явілася дзіўная прагавітасць, невытлумачальная хцівасць). Более того, указывается, что жадность в любом своём проявлении приводит к негативным последствиям не только в отношении других, но и в отношении того, кому такое качество свойственно (*Асіраціш ты дзіця з-за сваёй скупнасці. Што я буду рабіць з ім?; Бог [...] павінен быў пакараць дзеда за скупасць*). Особенно заметно отрицательное эмоциональное отношение к жадности в русском языке (*жестокая, идиотская, жалкая скупость; упрекая глазами за скупость; презирала за скупость; ненасытно-огненная алчность; начинала тяготить меня моя ненасытность; скарედность его прямо-таки бесила*).

Таким образом, национально-культурная специфика языковых единиц, называющих щедрость и жадность, может быть выявлена на основе лексикографического описания лексем, а также на основе контекстного анализа данных единиц. Различия в семантике отмечаются как лексикографическими источниками, так и в художественном тексте и заключаются в различном наборе периферийных сем при общности ядерных, а также в различной направленности оценки.

Список литературы

1. Маслова, В. А. Поэтический текст: новые подходы и решения : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 317 с.
2. Маслова, В. А. Национальный характер сквозь призму языка / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ, 2011. – 75 с.
3. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
4. Стернин, И. А. Семантический анализ слова в контексте : учеб. пособие / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 148 с.
5. Oxford dictionary of English / ed. : C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. – 2088 p.
6. The Oxford English Dictionary : in 12 vol. / ed. : A. H. James, Al. Murray. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1961. – 12 vol.
7. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад. : І. Л. Капылюў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.
8. Глумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал. : М. Р. Суднік [і інш.]. – Мінск : Беларус. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1977–1984. – 5 т.
9. Большой академический словарь русского языка: в 23 т. / под ред. К. С. Горбачевича. – 3-е изд. – СПб. : Наука, 2004–2014. – 23 т.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – 797 с.
11. Online etymology dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com/>. – Date of access: 10.05.2019.

12. Стернина, М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2014. – 114 с.

13. British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access: 21.12.2019.

14. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorporus.info/korpus.html>. – Дата доступа: 07.12.2019.

15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа: 18.12.2019.

Kazlova Tatsiana

Minsk State Linguistic University
e-mail: janushkevich-tanya@rambler.ru

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF NAMING OF GENEROSITY / GREED: COMPARATIVE ASPECT

The article presents the results of the comparative study of language means representing generosity and greed in English, Belarusian, and Russian on the basis of dictionaries and literature. Qualitative, stylistic, and semantic aspects are compared.

Keywords: lexico-semantic group, seme, evaluative semantics, nation-specific aspect, culture-specific aspect, generosity, greed.

УДК 801.25+808.2

Е. А. Дымова

О НЕСЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБАХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Затрагивается проблема аналитизма в лексико-семантическом и лексико-грамматическом пространстве русского глагола. Автор обращается к теории деривационной грамматики, в которой деривационные сочетания рассматриваются как одна из образующих форм номинативного ряда. Представляется актуальным анализ различных типов словосочетаний, которые соотносятся с производными префиксальными глаголами. Подчёркивается, что зачастую деривационные сочетания являются единственным способом представления глагольной семантики. Делается вывод о том, что лексическая однозначность глагола может оказаться характеристикой лишь части его значений. Представляется очевидным, что определённые области лексической однозначности глагола предполагают возможность выполнения данным глаголом деривационной функции.

Ключевые слова: глагол, глагольная семантика, теория номинативной деривации, номинативный ряд, деривационные сочетания.

История изучения глагола имеет длинную историю. Интерес исследователей к глаголу как части речи определялся и во многом ограничивался спецификой глагольного слова. Дериватологи, как правило, не

выходили за пределы явлений глагольного синтетизма и рассматривали словообразовательную структуру глаголов-слов – глагольных и внутриглагольных дериватов.

Явления аналитизма в области глагольного слова были замечены давно. Существуют две точки зрения на данные явления: одна восходит к Ф. Ф. Фортунатову, который сужает сферу проявления аналитизма, проводя границу между грамматикой и лексикой, морфологией и синтаксисом. Сторонники этой позиции являются приверженцами морфологизма в узком понимании. Сторонники второй концепции учитывают динамику языковых явлений и принимают во внимание данные различных языковых систем.

Аналитическими конструкциями принято называть сочетания служебного и знаменательного слов, в которых служебное слово выражает грамматическое значение знаменательного слова и тем самым всей конструкции в целом. Служебное слово по своей грамматической функции эквивалентно формообразующей морфеме. Аналитическая конструкция входит в систему словоизменения или формообразования знаменательного слова – в его парадигму. Такое «аналитическое формообразование» В. В. Виноградов называл «синтаксическим» [1, с. 179].

Аналогичные рассуждения мы находим в исследованиях М. И. Стеблина-Каменского: «Сочетание служебного слова со знаменательным, хотя и “синтаксично” по форме, поскольку оно является сочетанием отдельных слов, а не частей слова, <...> может быть морфологично по значению. Такие морфологические сочетания естественно отнести к морфологии» [2, с. 21].

В книге «Русский язык» В. В. Виноградов большое внимание уделял выражению различных грамматических категорий с помощью аналитических конструкций, в разной степени грамматизированных. Автор широко и содержательно рассматривает категории вида, залога и наклонения путём привлечения широкого круга грамматизированных средств, служащих для выражения этих категорий. «Конструкции с инфинитивом, служащие для аналитического выражения видовых значений и оттенков, возмещают и пополняют круг морфологических средств, выражающих видовые значения. При этом конструкции с инфинитивом, выражающие начало, возникновение действия, разнообразнее, богаче конструкций, выражающих прекращение явления (ср.: *начал курить, стал курить; кинулся бежать, бросился бежать, ударился бежать* и т. п.; ср. также: *перестал курить, бросил курить*). Понятно, что не все конструкции этого рода представляют собою одинаково тесные синтаксические единства» [3, с. 431–432].

В. П. Сухотин в своих исследованиях делает следующий вывод: «Инфинитив вошёл в систему глагола потому, что морфологических средств (форм глагола) оказалось недостаточно для того, чтобы выражать богатство и разнообразие модальных, видовых и временных значений. Это восполнилось в русском языке средствами синтаксическими с помощью инфинитива... Таким образом, в языке совершается как бы возмещение недостающих ему морфологических средств синтетическими или аналитическими средствами» [4, с. 94–95].

Грамматизация словосочетания, приводящая к формированию аналитических структур, связана с десемантизацией одного из компонентов словосочетания, с ослаблением его собственного значения и превращением в полуслужебный или служебный элемент. В. Г. Гак в статье «Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса» выходит за границы изучения аналитических структур применительно к морфологии и обращается к синтаксису. Автор замечает, что «синтаксис – более динамическая по сравнению с морфологией часть языковой системы, он более непосредственно связан с актом коммуникации, и здесь, на уровне речи, легче наблюдать спонтанное образование аналитических структур и обнаружить самые истоки десемантизации» [5, с. 129].

Формирование аналитических структур в синтаксисе связано с особыми взаимоотношениями, существующими между частями речи и членами предложения. В языках с развитой морфологией семантемы представлены как слова определённого морфологического класса, что приводит к расхождению между частями речи и членами предложения. В языке существуют различные средства формирования функциональных классов слов. Это реализуется прежде всего в словообразовании, но зачастую используются служебные слова и определённые типы словосочетаний. Так возникают «аналитические структуры членов предложения» [5, с. 130].

Вопрос о формальных средствах переноса семантемы из одного функционального класса в другой получил отражение также в трудах таких учёных, как О. Есперсен, Ш. Балли, Л. Теньер [6; 7; 8].

Впервые глубоко и всесторонне словосочетания в деривационной функции – деривационные сочетания – были описаны в трудах В. М. Никитевича [9; 10; 11]. В. М. Никитевич указывает на определяющие признаки деривационных сочетаний: 1) один из его компонентов выступает в значении словообразующего аффикса (аффиксов), 2) сочетание регулярно соотносимо с формантом словообразовательного ряда производных слов, 3) коммуникативная функция и 4) эксплицитная связь, знаковое родство с мотивирующим словом [10, с. 57–62]. В разра-

ботанной им теории деривационной грамматики, деривационные сочетания рассматриваются как одна из образующих форм номинативного ряда [10; 11]. Наиболее полное описание в трудах В. М. Никитевича получили деривационные сочетания как образующие формы в составе номинативных рядов личного субстантива [9].

Деривационные сочетания как эквиваленты глагольных номинаций глубоко и всесторонне рассматривает в своих работах А. В. Никитевич [12; 13; 14]. По его мнению, «все типы словосочетаний с деривационными компонентами (собственно деривационные словосочетания и различные по степени конкретизации словосочетания в деривационной функции) вместе с производным глаголом образуют комплексные деривационные единицы – номинативные ряды, в которых обнаруживается сложное взаимодействие родственных единиц разных уровней» [12, с. 41].

А. В. Никитевич считает целесообразным рассматривать семантику и структуру словосочетаний в деривационной функции в пределах конкретных отглагольных, отсубстантивных и отадективных словообразовательных типов.

Так, среди дискретных соответствий производным отсубстантивным глаголам можно выделить различные типы словосочетаний. В ряде случаев глагольный компонент ослабляет свою лексичность и фактически выступает в функции деривационного аффикса. К примеру, деривационная функция глагола *заниматься* (*заниматься сплетнями* и т. п.) развивается за счёт утраты глаголом своего лексического значения. Универсальный характер глагола *заниматься* как деривационного слова проявляется в его способности сочетаться с именами существительными, которые не имеют прямых глагольных дериватов в данном значении. Например, *заниматься математикой* (*литературой, домом*).

Среди деривационных сочетаний отмечается большое количество дискретных соответствий производным глаголам, мотивационно связанных с отвлечёнными именами: *смешишь – вызывать смех, паниковать – впадать в панику, упорядочить – привести в порядок* и т. д. Данные словосочетания конструктивно связаны с родственным словом и способны в условиях контекста заменить соответствующий глагол. Словосочетания глаголов с предметными именами лишены указанных выше характеристик и в качестве эквивалентов соответствующим глаголам не рассматриваются. Причиной этого явления является то, что глаголы в составе данных словосочетаний полнозначны, их связь с производящим именем существительным говорит о наличии в значении производных единиц большого числа нерегулярных значений, что делает соответствующее словосочетание недостаточно эквивалентным данному глаголу.

Однако следует отметить, что разграничивать деривационные словосочетания и словосочетания других типов, выступающих в деривационной функции, не всегда представляется возможным. Существуют и промежуточные случаи. Например, *производить материалы (обувь, мебель и т. д.)* и *производить измерения (вычисления, уборку, и т. д.)*: в первом случае глагол *производить* выступает в своём прямом значении, во втором – в служебной функции, в значении деривационного слова. В этом значении данный глагол коммуникативно соотносится с соответствующим глаголом (*производить уборку – убирать, производить измерения – измерять*). Не следует забывать о том, что практически любой полнозначный глагол в сочетании с именем существительным может ослабить своё лексическое значение (*ставить книгу на полку и ставить оценку*).

Интересными примерами на эту тему могут послужить различные типы словосочетаний модели *сделать что: сделать шаг – шагнуть, сделать поворот – повернуть, сделать остановку – остановиться, но сделать знак – ∅, сделать сюрприз – ∅, сделать паузу – ∅* и т. п. Эти различия обусловлены значением самого глагола и характером семантики входящего в состав словосочетания имени существительного. К примеру, в значении 'изготовить что-либо' ('приготовить что-либо') глагол *сделать* создаёт свободные, лексически конкретизированные словосочетания. Имя существительное в данном значении, как правило, обозначает независимый результат деятельности (*сделать чай, сделать пельмени*).

Близость смысловых связей с глаголом и особенности деривационно родственного окружения имени существительного приводят к корреляции данных словосочетаний с соответствующими производными глаголами, что влияет на их способность выступать в деривационной функции. Например, *сделать статью – ∅, но сделать снимок – снять, сделать зарисовки – зарисовать, сделать наброски – набросать*.

Словосочетания с глаголом *сделать* в значении 'причинить что-либо' редко коррелируют с производными глаголами: *сделать добро – ∅, сделать неприятность – ∅, сделать подлость – ∅, сделать зло – ∅*.

Практически отсутствуют глагольные эквиваленты словосочетаний с глаголом *сделать* в значении 'принять тот или иной внешний вид': *сделать вид – ∅, сделать лицо – ∅* и т. п.

Таким образом, лексическая однозначность глагола может характеризовать лишь часть его значений. Определённые области лексической однозначности глагола предполагают возможность выполнения глаголом деривационной функции. Большое число глаголов в союзе с именами способно организовывать новые деривационные словосочетания.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 166–220.
2. Стеблин-Каменский, М. И. Грамматика норвежского языка / М. И. Стеблин-Каменский. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 246 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – М.–Л. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
4. Сухотин, В. П. Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке / В. П. Сухотин // Уч. зап. Кабардино-Балкарского гос. пед. ин-та. – Нальчик, 1940. – С. 85–97.
5. Гак, В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса / В. Г. Гак // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.–Л. : Наука, 1965. – С. 129–142.
6. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Иностранная литература, 1958. – 404 с.
7. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Иностранная литература, 1955. – 416 с.
8. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 654 с.
9. Никитевич, В. М. Субстантив в составе номинативных рядов : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / В. М. Никитевич. – М., 1973. – 383 л.
10. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 158 с.
11. Никитевич, В. М. Теоретические основы деривационной грамматики : в 2 ч. / В. М. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 1993. – Ч. 1. : Грамматика и деривационная грамматика. – 84 с. ; Ч. 2. : Номинативная система. – 86 с.
12. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов : моногр. / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 347 с.
13. Никитевич, А. В. Деривация и смысл : моногр. / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 233 с.
14. Никитевич, А. В. Парадоксальная морфемика / А. В. Никитевич. – Гродно : ЮрСаПринт, 2018. – 227 с.

Dymova Evgeniya

Grodno State Medical University

e-mail: evgeniya.dymova@gmail.com

**NON-WORD-FORMATIVE WAYS OF REPRESENTATION
OF VERBAL SEMANTICS IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

In the article the author touches upon the problem of analyticism in the lexical-semantic and lexical-grammatical sphere of the Russian verb. The author refers to the theory of derivational grammar in which derivational combinations as one of the forming forms of the nominative series are considered. Different types of phrases which correspond to derivatives of the prefixed verbs are analyzed. It is emphasized that derivational combinations are often the only way to represent verbal semantics. It is concluded that the lexical fullness of a verb can be a characteristic of only a part of its meanings. It seems obvious that certain areas of lexical fullness of the verb suggest the possibility of performing a derivational function by this verb.

Keywords: verb, verb semantics, theory of nominative derivation, nominative series, derivational combinations.

С. Г. Хвясько

**ІНТЭРФІКСАЦЫЯ І ВАКАЛІЗАЦЫЯ
СЛОВАЎТВАРАЛЬНАГА ФАРМАНТА Ё СТРУКТУРЫ
ВЫТВОРНЫХ НАЗОЎНІКАЎ З СУФІКСАМ *-СТВ-*
(на матэрыяле беларускай і рускай моў)**

Приводится систематизированное описание интерфиксации и вокализации словообразовательного форманта как морфонологических средств отсубстантивной деривации существительных с суффиксом *-ств-*. Научная новизна информации заключается в представлении некоторых особенностей функционирования данных морфонологических средств в рамках одного словообразовательного типа в белорусском и русском языках.

Ключевые слова: морфонологическое средство, интерфиксация, вокализация, словообразовательный формант.

Адным са сродкаў ліквідацыі сцяжэння і чаргавання фанем на стыку ўтваральнай асновы і словаўтваральнага суфікса ё беларускай і рускай мовах з'яўляецца інтэрфіксацыя, якая спадарожнічае ўтварэнню назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса *-ств-*.

Ідэя вылучэння ё слове спалучальных элементаў – інтэрфіксаў – належыць М. С. Трубяцкому, а сам тэрмін «інтэрфікс» прапанаваў А. М. Сухоцін. Існуюць і іншыя назвы гэтай з'явы: «пустыя морфы», «устаўкі», «пракладкі», «фарматывы». Пытанне аб інтэрфіксах як марфаналагічным сродку словаўтварэння ё рускай мове ўпершыню было выкладзена А. А. Земскай [1]. Яна дае наступнае азначэнне інтэрфіксацыі: «гэта від з'явы на мяжы марфем, якая заключаецца ў тым, што паміж дзвюма марфемамі ўстаўляецца асемантычная пракладка, якая пазбаўляе ад спалучэнняў фанем, якія забаронены законамі марфаналогіі ці з'яўляюцца нетыповымі для структуры рускага слова. Таксама такія пракладкі могуць з'яўляцца па аналогіі» [1, с. 113].

Інтэрфіксы не маюць значэння ё складзе слова, іх функцыя толькі спалучальная. У рускім словаўтварэнні інтэрфіксы звычайна выкарыстоўваюцца для спалучэння асновы і суфікса і дзвюх асноў у складзе складанага слова. Выкарыстанне інтэрфіксаў на мяжы асновы і суфікса – самы распаўсюджаны від інтэрфіксацыі. «Нягледзячы на агульную прадуктыўнасць інтэрфіксацыі, яна нярэдка сустракае супрацьдзеянне – утварэнне вытворных без інтэрфіксаў. Гэта адбываецца і ў тых выпадках, калі інтэрфікс патрабуецца па законах марфаналогіі, і ў тых выпадках, калі наяўнасць інтэрфікса абумоўлена дзеяннем аналогіі, а не марфаналогіяй» [1, с. 128].

Аднак не ўсе вучоныя вылучаюць інтэрфіксы ў складзе слова. Так, Л. Ф. Магільнік адзначае, што «інтэрфіксамі ўмоўна можна назваць толькі злучальныя галосныя ў складаных словах», а ўсё астатняе – гэта суфіксы [2, с. 37], У. У. Лапацін называе іх «часткай суфіксальнага морфа» ці субморфамі [3, с. 59]. Субморфамі называе іх і В. Б. Касевіч [4]. Некаторыя навукоўцы, напрыклад, А. С. Кубракова, лічаць інтэрфіксы часткай вытворных суфіксаў [5]. У нейкай ступені кампрамісны погляд на інтэрфіксы выказвае М. Ц. Папова, якая разглядае інтэрфіксы з пункту гледжання фанемнага складу і дзеліць іх на дзве групы: 1) інтэрфіксы, якія маюць адпаведнасць з фанемнай арганізацыяй словаўтваральнага суфікса; 2) інтэрфіксы, якія не маюць такой адпаведнасці. Даследчыца заўважыла, што існуе нейкая суаднесенасць паміж дэрывацыйным значэннем суфікса і яго апошняй фанемай, напрыклад, у сістэме суфіксаў назойнікаў фанема **-л-** завяршае суфікс са значэннем ‘носьбіт прыкметы’: працэсуальнай (*мыло, завала*) і працэсуальнай (*здоровила*); фанема **-т-** завяршае суфікс таксама са значэннем ‘носьбіт прыкметы’: працэсуальнай (*экспонат*) і працэсуальнай (*аккуратаст*). Інтэрфіксы першай групы валодаюць вызначаным дэравацыйным значэннем і павінны быць уключаны ў склад словаўтваральнага фарманта, інтэрфіксы другой групы даследчыца прапануе кваліфікаваць як нарашчэнне на ўтваральнай аснове [6, с. 332]. Інтэрфіксы другой групы не суадносяцца са словаўтваральным значэннем суфікса і яго апошняй фанемай, напрыклад, інтэрфіксы **-в-**, **-т-**: *невец, невучий; арготизм, кабаретизм*. Аналіз фанемнага складу інтэрфіксаў, выяўленне агульных рыс фанемнай арганізацыі інтэрфіксаў і словаўтваральных суфіксаў дазваляюць гаварыць «аб асацыятыўных магчымасцях фаналогіі ў функцыянаванні словаўтваральнай сістэмы: той ці іншы сегмент фаналагічнай структуры слова паступова набывае ў дэрывацыйных мадэлях матывацыйны змест. Выяўленыя заканамернасці пабудовы інтэрфіксаў адлюстроўваюць пэўныя тэндэнцыі сучаснага словаўтварэння: устаноўку на дубляванне інфармацыі ў структуры вытворнага слова; накіраванасць на ўскладненне словаўтваральнага фарманта; імкненне да максімальна поўнага захавання фанемнай структуры матываванай асновы» [6, с. 333]. Адзначым, аднак, што ў «Русской грамматике» (1980) інтэрфіксацыя не разглядаецца як марфаналагічны сродак словаўтварэння, хаця тэрміны інтэрфікс і інтэрфіксацыя ўжываюцца ў ёй, – але толькі ў дачыненні да слоў, утвораных спосабам складання: руск.: *лесостепь, двуокись, дозиметр, себьялюбие, сорвиголова, пятиборец, двухлетие, трёхлеток*. Такое ж

самае прадстаўленне інтэрфіксаў і інтэрфіксацыі ў «Беларускай граматыцы» (1985): белар. *серавадарод, самаадукацыя*. Зразумела, што розныя тэарэтычныя падыходы да такой з’явы, як інтэрфіксацыя, прыводзяць да выкарыстання розных спосабаў яе адлюстравання ў лексікаграфічных крыніцах. Так, у «Словообразовательном словаре русского языка» інтэрфіксы маюць спецыяльныя паметы, пры гэтым а) інтэрфіксальная частка фарманта (злева) аддзяляецца ад яго ўласна суфіксальнай часткі (справа) касой рыскай, б) асноваўтваральныя інтэрфіксы выдзяляюцца курсівам, параўн.: руск. *республика* → *республик-án/ец*, *лив* → *лив-ень* [7, с. 14]. Але ў «Школьным словаўтваральным слоўніку беларускай мовы» інтэрфіксы як марфаналагічны сродак словаўтварэння ніяк не адзначаюцца і іх фармальна абалонка адносіцца выключна да словаўтваральнага фарманта, напрыклад: белар. *рэспубліка* → *рэспублік-анец* [8, с. 403], *ліць* → *лі-вень* [8, с. 249].

Інтэрфіксы, што выяўляюцца ў структуры вытворных субстантываў з суфіксам *-ств-* у беларускай і рускай мовах (7 % // 3 %), значна адрозніваюцца паводле частотнасці ўжывання. Найбольш прадуктыўным аказваецца інтэрфікс: *-оў/- (-аў/-, -ёў/-, -еў/-, -яў)* // *-ов- (-ев-)* (≈50 % ад усіх выпадакаў інтэрфіксацыі), напрыклад: *бацька* → *бацьк-оў/ств-а*, *войт* → *войт-аў/ств-а*, *вучань* → *вучн-ёў/ств-а*, *кароль* → *карал-ёў/ств-а*, *сваяк* → *сва-яў/ств-о* // *кум* → *кум-ов/ств-о*, *король* → *корол-ев/ств-о*. Астатнія інтэрфіксы адпаведна іх частотнасці прадстаўлены ў табліцы 1.

Табліца 1 – Ступень прадуктыўнасці інтэрфіксаў у структуры вытворных адсубстантыўных назоўнікаў з суфіксам *-ств-* у беларускай і рускай мовах

Інтэрфіксы	Беларуская мова	Руская мова
-оў/-/ -ёў/-/ -аў/-/ -еў/-/ -яў // -ов-/ -ев-	24	11
-нік- // -ник-	14	4
-эн-/ -ян-/ -ан // -ан-	3	1
-ей // -ей-	1	1
-эр-/ -яр-	2	–
-ын- // -ин-	1	1

Заўвага – колькасць вытворных назоўнікаў з дадзеным інтэрфіксам перад суфіксам *-ств-*.

Некаторыя прыклады інтэрфіксацыі: *абарон'(ец)* → *абарон'-ні[ц]/тв(а)*, *Беркли* → *беркли-ян/ств(а)*, *Пифагор* → *пифагар-эй/ств(а)*, *брат* → *брат-эр/ств-а*, *маці* → *мацяр-ын/ств(а)* // *лес* → *лес-ніч/ств(о)*, *Беркли* → *беркли-ін/ств(о)*, *Пифагор* → *пифагор'-*

эй/ств(о), мать → *матер'-йн/ств(о)*. Заўважым, што ў структуры вытворнага назоўніка на стыку інтэрфікса і суфікса **-ств-** могуць адбывацца сцяжэнне і чаргаванне зычных фанем, усячэнне, вакалізацыя словаўтваральнага суфікса, а таксама нарашчэнне ўтваральнай асновы: *мацяяр-ын/ств(а), берклі[й-а]н/ств(а) // матер'-йн/ств(о), але беркли-ін/ств(о)* (нарашчэнне адсутнічае).

У беларускай і рускай мовах інтэрфіксацыя не з'яўляецца прадуктыўным і рэгулярным марфаналагічным сродкам адсубстантыўнага словаўтварэння назоўнікаў з суфіксам **-ств-**. Нерэгулярнасць інтэрфіксацыі тлумачыцца яе пазіцыйнай неабумоўленасцю: на рэалізацыю і выбар інтэрфікса, як правіла, не ўплываюць фаналагічныя або граматычныя характарыстыкі асновы ўтваральнага назоўніка, напрыклад, *ашукан'(ец)* → *ашуканств-а*, але *абарон'(ец)* → *абарон'-ні[ц]/ств(а), брат* → *брат-ўр/ств-а*, але *брат* → *бра[ц]-тв-а // студэнт* → *студэнч-еств-о*, але *франт* → *франт-ов/ств-о* і інш. У некаторых выпадках прасочваецца ўплыў фактару даўжыні слова: часцей за ўсё ў структуры вытворнага субстантыва інтэрфіксы развіваюцца па аналогіі пасля аднаскладовых і двухскладовых утваральных асноў (50 % // 70 % выпадкаў інтэрфіксацыі), напрыклад, *кум* → *кум-аў/ств-о*, *ноп* → *нап-оў/ств-а, бацьк(а)* → *бацьк-оў/ств-а, кароль* → *карал-ёў/ств-а // шут* → *шут-ов/ств-о, хлыст* → *хлыст-ов/ств-о, король* → *корол-ев/ств-о*.

Словаўтварэнню адсубстантыўных назоўнікаў з суфіксам **-ств-** можа таксама спадарожнічаць вакалізацыя гэтага суфікса. Як (лінейны) марфаналагічны сродак дэрывацыі вакалізацыя словаўтваральнага суфікса апісваецца ў рабоце А. А. Земскай [1].

Вакалізацыя словаўтваральнага суфікса **-ств-** – гэта ўзнікненне ў яго ініцыяльнай частцы галоснай фанемы, якое як у беларускай, так і ў рускай мове абумоўлена фаналагічнай пазіцыяй суфіксальнай фанемы **с** пасля фінальных фанем утваральнай асновы **ж** (у беларускай мове) і **жс, ч, ш, шц** (у рускай мове): *вьяльмóж(а)* → *вьяльмóж-аств(а) // вельмóж(а)* → *вельмóж-еств(о), ловкáч* → *ловкáч-еств(о), торгáш* → *торгáш-еств(о), товáришц* → *товáришц-еств(о)*. У структуры вытворнага слова суфікс **-ств-** рэалізуецца таксама ў вакалізаваным выглядзе пасля ўтваральных асноў (і інтэрфіксаў), якія ў фінальнай частцы выяўляюць чаргаванні *з* → **жс, х** → **ш // к** → **ч, т** → **ч, ст** → **ш, ц** → **ч, з** → **ч, х** → **ш, з** → **жс, з'** → **жс**: *бог* → *бажс-аств(о), патрыя́рх* → *патрыя́ршс-аств(а) // каза́к* → *казáчс-еств(о), студэнт* → *студэнчс-еств(о), курфю́рст* → *курфю́ршс-еств(о), младе́нец* → *младэнчс-еств(о), деля́г(а)* → *деля́чс-еств(о), вертопра́х* → *вертопра́шс-еств(о), друг* → *дру́жс-еств(о), князь* → *кня́жс-еств(о), а таксама лес + (-ник-) + -ств-* → *лес-нічс/еств(о)*. У выпадку руск.

праздн'(ик) → *праздн'-еств(о)* словаўтварэнню спадарожнічаюць усячэнне фіналі *-ик* і вакалізацыя суфікса *-ств-*.

Ва ўсіх прыведзеных прыкладах сегмент *-е-* суфіксальнага фарманта паводле функцыі набліжаецца да інтэрфікса: выконвае спалучальную функцыю на стыку ўтваральнай асновы і словаўтваральнага суфікса. Умовай яго рэалізацыі аказваецца кансанантная характарыстыка папярэдняга морфа. А. А. Земская падкрэслівае, што вакалізацыю суфікса як сродку словаўтварэння неабходна адрозніваць ад вакалізацыі суфікса, што назіраецца ў парадыхмах словазмянення, напрыклад, руск. Р. адз. *боч-к-а́, блин-ц-а́* → Н. адз. *боч-о́к, блин-ёц*. Такая вакалізацыя адбываецца ў пазіцыі перад нулявой флексіяй – **наступнай** за суфіксам марфемай – і падпарадкоўваецца марфаналагічным, а не словаўтваральным правілам [1, с. 132–133].

Вакалізацыя словаўтваральнага суфікса *-ств-* як сродак дэрывацыі адсубстантыўных назоўнікаў у беларускай мове – зусім непрадуктыўная з’ява (≈1 % вытворных назоўнікаў з суфіксам *-ств-*), а ў рускай мове, наадварот, выўляе высокую ступень прадуктыўнасці (≈23 % вытворных назоўнікаў з суфіксам *-ств-*). Вакалізацыя словаўтваральнага суфікса ў рускай мове, як і чаргаванне фанем у зыходзе ўтваральнай асновы, «працуе» на ліквідацыю фузійных стыкаў марфем у структуры вытворных слоў, якія ў беларускай мове маркіруюцца сцяжэннем фанем, параўн.: *батра́к + -ств-* → *батра́[ц]тв(а)* // *батра́к + -ств-* → *батра́ч-еств(о)*.

Нягледзячы на розную ступень прадуктыўнасці ў беларускай і рускай мовах, вакалізацыя суфікса *-ств-* дзякуючы яе пазіцыйнай абумоўленасці аказваецца ў абедзвюх мовах рэгулярным марфаналагічным сродкам дэрывацыі – і гэта стварае падставу для фармулёўкі марфаналагічных правілаў. Пры гэтым адно з іх з’яўляецца агульным для беларускай і рускай моў: калі ўтваральная аснова назоўніка заканчваецца на фанему **ж** або фанему **ш**, то ў структуры асновы вытворнага слова суфікс *-ств-* рэалізуецца ў вакалізаваным выглядзе ў тым выпадку, калі працэсу словаўтварэння не спадарожнічаюць усячэнне ўтваральнай асновы або сцяжэнне фанем на стыку ўтваральнай асновы і суфікса, напрыклад: *вельмо́жа* → *вельмо́ж-еств(а)*, *ханжа́* → *ха́нж-еств(а)*, *бог* → *баж-еств(о)*, *патрыя́рх* → *патрыя́рш-еств(а)* // *вельмо́жа* → *вельмо́ж-еств(о)*, *ханжа́* → *ха́нж-еств(о)*, *супру́г* → *супру́ж-еств(о)*, *торга́ш* → *торга́шество*. Другое правіла адлюстроўвае асаблівасці вакалізацыі словаўтваральнага суфікса *-ств-* у словаўтваральных парах *назоўнік* → *назоўнік з суфіксам -ств-* выключна ў рускай мове: калі ўтваральная аснова назоўніка заканчваецца на шыпячыя **ч**, **ц**, то ў структуры вытворнага слова суфікс *-ств-* рэалізуецца ў вакалізаваным варыянце, напрыклад: *ловка́ч* → *ловка́чество*, *това́ришч* → *това́рищество*.

Такім чынам, інтэрфіксацыя на стыку субстантыўнай утваральнай асновы і суфікса **-ств-** як марфаналагічны сродак дэрывацыі назоўнікаў адпаведнага словаўтваральнага тыпу характарызуецца непрадуктыўнасцю і нерэгулярнасцю ў беларускай і рускай мовах. Вакалізацыя словаўтваральнага фарманта – рэгулярны марфаналагічны сродак дэрывацыі адсубстантыўных назоўнікаў з суфіксам **-ств-** як у беларускай, так і ў рускай мовах, пры гэтым у рускай мове дадзены сродак аказваецца ў значнай ступені больш прадуктыўным, чым у беларускай мове.

Спіс літаратуры

1. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
2. Могильник, Л. Ф. Явище вставки звуков [интерфиксация] у процесі дэрывацыі відінфінітивних іменніків на **-ство** в давн'оруській і східнослов'янських мовах / Л. Ф. Могильник // Укр. мовознавство. – 1981. – Вип. 9. – С. 36–48.
3. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1977. – 316 с.
4. Касевич, В. Б. Морфонология / В. Б. Касевич. – Л. : ЛГУ, 1986. – 160 с.
5. Кубрякова, Е. С. Морфонологические характеристики и их роль в типологическом описании языков / Е. С. Кубрякова // Лингвистическая типология : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения ; отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардоль. – М. : Наука, 1985. – С. 56–63.
6. Попова, М. Т. Некоторые закономерности фонемного состава интерфиксов [Электронны рэсурс] / М. Т. Попова. – Режим доступа: <http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/PXXI-2009-3-2.pdf>. – Дата доступа: 19.11.2013.
7. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – Т. 2. – 887 с.
8. Бардовіч, А. М. Школьны словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец ; пад рэд. А. М. Бардовіча. – Мінск : Аверсэв, 2006. – 512 с.

Khviasko Sviatlana

Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: zhemaytuk.sveta@mail.ru

INTERFIXATION AND VOCALIZATION OF WORD-FORMATIVE FORMANT IN THE STRUCTURE OF DERIVATIVE NOUNS WITH SUFFIX **-STV- (in the Belarusian and the Russian languages)**

The purpose of the article is a systematic description of interfixation and the vocalization derivational formant **-stv-** (**-ств-**) as a morphological instruments from the substantive derivation noun suffix **-stv-** (**-ств-**). The scientific novelty of the study lies in the presentation of some features of the functioning of these morphological tools in the framework of one word-formation type in the Belarusian and the Russian languages.

Keywords: morphological instrument, interfix, vocalization, derivational formant.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Белая Алла Степановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и перевода Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя (г. Нежин, Украина).

Бережняк Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, учитель украинского языка Нежинского лицея при Нежинском государственном университете имени Николая Гоголя (г. Нежин, Украина).

Бондаренко Наталья Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры международных и региональных отношений Института языков и культур имени Льва Толстого; руководитель Международного славянского центра «Созвучие» (г. Москва, Россия).

Бондарь Лариса Дмитриевна – кандидат исторических наук, учёный секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

Буйко Тимур Сергеевич – младший научный сотрудник сектора этнолингвистики и фольклора, аспирант ГНУ «Центр исследования белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (г. Минск, Беларусь).

Голи-Оглу Тамара Войцеховна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой украинского языка и славянской филологии Приазовского государственного технического университета (г. Мариуполь, Украина).

Данилович Николай Александрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Дымова Евгения Александровна – старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков Гродненского государственного медицинского университета (г. Гродно, Беларусь).

Дятко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкознания и лингводидактики Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (г. Минск, Беларусь).

Загнитко Анатолий Афанасьевич – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, заведующий кафедрой общего и прикладного языкознания и славянской филологии Донецкого национального университета имени Василя Стуса (г. Винница, Украина).

Зимны Рафал – доктор наук, профессор Университета имени Казимира Великого в Быдгоще (г. Быдгощ, Польша).

Карский Александр Александрович – писатель, архивист, правнук академика Е. Ф. Карского (г. Санкт-Петербург, Россия).

Клыпа Наталия Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, директор Учебно-научного института филологии, перевода и журналистики, доцент кафедры славянской филологии, компаративистики и перевода Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя (г. Нежин, Украина).

Козлова Татьяна Александровна – аспирант Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь).

Конюшкевич Мария Иосифовна – доктор филологических наук, профессор (г. Гродно, Беларусь).

Красовская Нелли Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия).

Кручковский Тадеуш Тадеушевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Кураш Сергей Борисович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Беларусь).

Лешук Сергей Валерьевич – старший преподаватель кафедры журналистики, аспирант кафедры белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Марченко Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета (г. Тверь, Россия).

Маршевская Валентина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Пятаева Наталия Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и лингводидактики Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (г. Минск, Беларусь).

Руклянский Дмитрий Александрович – аспирант Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова (г. Могилёв, Беларусь).

Садовская Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Талицкая Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной филологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (г. Ярославль, Россия).

Хвесько Светлана Гендриковна – старший преподаватель кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

Чернышова Людмила Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянских языков Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь).

Шаманова Марина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, декан факультета филологии и коммуникации, заведующий кафедрой общей и прикладной филологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (г. Ярославль, Россия).

Шапошников Александр Константинович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этимологии и ономастики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (г. Москва, Россия).

Юрьева Ангелина Владимировна – аспирант Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (г. Ярославль, Россия).

Яколцевич Мария Антоновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ.....	3
Конюшкевич М. И. Карские чтения сквозь призму времени и памяти.....	3
I. Краткий экскурс в историю Карских чтений.....	5
1. Рождение идеи.....	5
2. Вопрос о названии чтений.....	6
3. Статус Карских чтений.....	7
4. География Карских чтений.....	10
5. Статусы и география участников Карских чтений.....	11
6. Международное сотрудничество в рамках Карских чтений.....	19
7. Семинары, круглые столы и другие материалы в рамках Карских чтений.....	31
8. Мероприятия и другие значительные события, сопряжённые с организацией и проведением Карских чтений.....	42
9. Поддержка Карскианы и Карских чтений со стороны властей и общественности.....	50
10. Об увековечении имени Е. Ф. Карского.....	54
II. Карскиана.....	56
1. Биографическая Карскиана.....	57
2. Библиографическая Карскиана.....	60
3. Библиография публикаций участников чтений о Е. Ф. Карском.....	61
4. Научная Карскиана.....	62
III. Научные достижения гродненских лингвистов в зеркале Карских чтений.....	102
1. Функциональная грамматика.....	104
2. Релятивная грамматика.....	106
3. Когнитивные исследования.....	108
4. Прагмалингвистика / лингвопрагматика.....	109
5. Медиалингвистика.....	115
6. Прикладная лингвистика.....	117
7. Словообразование и номинативная деривация.....	118
8. Фразеология.....	119
IV. Роль Карских чтений для науки и общества.....	120

Карский А. А. Библиография работ об академике Е. Ф. Карском	137
I. Книги и брошюры на русском языке.....	137
II. Книги и брошюры на белорусском языке.....	138
III. Предисловия, послесловия, главы, фрагменты из книг.....	138
IV. Электронные издания.....	143
V. Статьи в энциклопедиях, энциклопедических словарях, справочниках, библиографических указателях (в хронологическом порядке).....	143
VI. Прижизненные рецензии и отзывы (в хронологическом порядке).....	148
VII. Некрологи (1931–1932 гг.).....	153
VIII. Научные статьи на русском языке.....	154
IX. Научные статьи на белорусском языке.....	172
X. Научные статьи на украинском языке.....	180
XI. Научные статьи на других языках.....	182
XII. Публикации на русском языке в научно-популярных, литературно-публицистических и педагогических журналах.....	182
XIII. Публикации на белорусском языке в научно-популярных, литературно-публицистических и педагогических журналах.....	183
XIV. Публикации на украинском языке в педагогическом журнале.....	184
XV. Газетные публикации на русском языке.....	184
XVI. Газетные публикации на белорусском языке.....	185
XVII. Газетные публикации на украинском языке.....	188
XVIII. Статьи, заметки, информация о Карских чтениях на русском, белорусском и украинском языках (в хронологическом порядке).....	188
XIX. Статьи и заметки о музее Е. Ф. Карского.....	190

**РАЗДЕЛ 2. РОЛЬ И МЕСТО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО В РАЗВИТИИ
ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ**.....192

<i>Белая А. С., Бережняк В. Н. Значение трудов академика Е. Ф. Карского для сравнительно-исторического изучения современных славянских языков</i>	192
<i>Бондарь Л. Д. Е. Ф. Карский и чешские слависты: по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и архивов Праги</i>	197

<i>Клыпа Н. И.</i> Репрезентация языковой картины мира восточных славян в книге Е. Ф. Карского «Белорусы».....	207
<i>Марченко О. Н.</i> Основы лингвокраеведения в трудах Е. Ф. Карского.....	213
<i>Буйко Ц. С.</i> Бяроза ў беларускіх траецкіх і русальных абрадах: заўвагі Я. Карскага і яго сучаснікаў.....	218
<i>Кручковский Т. Т.</i> Польский вопрос в России в интерпретации Е. Ф. Карского в период его ректорства в Варшавском университете.....	228

РАЗДЕЛ 3. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ:

ПУТЬ ОТ Е. Ф. КАРСКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ.....

<i>Шапошников А. К.</i> «Лехитский пояс Древней Руси»: по следам лехитских наречий до интеграции в восточнославянском языке VIII в.....	239
<i>Талицкая А. А.</i> Особенности семантики имён существительных и имён прилагательных с корнем <i>-рух-/-руш-</i> в русском языке XI–XVII вв.....	249
<i>Шаманова М. В.</i> Семантическое развитие коммуникативной лексики русского языка (на примере одного из микрополей ЛСП «Общение»).....	255
<i>Бондаренко Н. А.</i> Исследования по фольклору и мифологии славянских народов в «Славянском вестнике» А. А. Хованского.....	263
<i>Руклянский Д. А.</i> Архітэктоніка лістоў (допісаў) Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага.....	270
<i>Красовская Н. А.</i> Некоторые особенности номинации насекомых в русских говорах.....	277
<i>Пятаева Н. В.</i> Лексико-семантические парадигмы в диахроническом исследовании лексики восточнославянских языков.....	285
<i>Голі-Оглу Т. В.</i> Народнотимологічні лінгвальні аналогіі в національних картинах світу східних слов'ян.....	293
<i>Юрьева А. В.</i> Диахроническое изучение единиц центра лексико-семантической группы прилагательных вкуса в чешском языке: закономерности семантических трансформаций.....	302
<i>Ляшук С. В.</i> Да праблемы вызначэння прыслоўя як часціны мовы і акрэслення яго межаў.....	307
<i>Дзятко Д. В.</i> Інкарпараваныя слоўнікі М. І. Канюшкевіч у кантэксце беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі.....	312

РАЗДЕЛ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ ГРАММАТИКИ ДО ПРАГМАТИКИ.....320

Загнітко А. П. Я-суб’ект ↔ Я-об’ект у лінійно-об’ектывній камунікацыі.....320

Zimny R. Miejsce prostej polszczyzny w systemie kultury języka polskiego.....329

Даніловіч М. А. Структурныя тыпы рыфмаваных фразеалагізмаў у беларускай дыялектнай мове.....338

Садоўская А. С., Якаліцэвіч М. А. Фразеалагічная і парэміялагічная сінанімія: тыпы сінонімаў.....347

Маршэўская В. В. Варыянтнасць дзеяслоўных фразеалагізмаў.....356

Кураш С. Б. Парадигматычныя і сінтагматычныя характарыстыкі лексемы «метафора» в современных дискурсивных практиках.....362

Чернышова Л. В. Семантычная структура рускіх і беларускіх глаголаў (*кидать / кинуть – кідаць / кінуць*).....367

Козлова Т. А. Нацыянальна-культурная спецыфіка найменаванай шчэдрасці / жаднасці: сопаставіцельны аспект.....374

Дымова Е. А. О несловаобразовательных способах представления глагольной семантики в русском языке.....380

Хвясько С. Г. Інтэрфіксацыя і вакалізацыя словаўтваральнага фарманта ў структуры вытворных назоўнікаў з суфіксам *-ств-* (на матэрыяле беларускай і рускай моў).....386

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ.....392

Научное издание

**СЛАВЯНСКИЙ МИР
И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных статей,
посвящённый 160-летию со дня рождения
академика Евфимия Фёдоровича Карского,
80-летию филологического факультета
Гродненского государственного
университета имени Янки Купалы
и 80-летию Гродненского государственного
университета имени Янки Купалы

В 2 частях
Часть 1

Издаётся в авторской редакции
Отпечатано с готового оригинал-макета

Ответственный за выпуск *И. И. Минчук*
Компьютерная вёрстка: *А. В. Зезюлевич*
Дизайн обложки: *Ю. В. Минчук*

Руководитель редакции *Е. А. Смирнова*
Техническое редактирование: *М. В. Вахмянина, И. П. Зимницкая*
Подготовка обложки: *А. И. Соболева*

Подписано в печать 05.11.2020. Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.
Ризография. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 150 экз. Заказ 072

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/261 от 02.04.2014.

Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно.

ISBN 978-985-582-371-2

9 789855 823712 >